

ГОРДОН ДАЛКВИСТ

ЧЕРНАЯ
КНИГА
СМЕРТИ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Нью-йоркский драматург Гордон Далквист проснулся знаменитым, что называется, в одночасье, — когда издательство «Пингвин» предложило ему контракт стоимостью два миллиона долларов на дебютный роман «Стеклянные книги пожирателей снов» и его будущее продолжение. И «Черная книга смерти» не обманула ожиданий.

Чудом спасшись после падения в море дирижабля, на котором клика заговорщиков направлялась в герцогство Мекленбургское, мисс Селеста Темпл, убийца по прозвищу Кардинал Чань и доктор Абеляр Свенсон оказываются на негостеприимном северном берегу. Мало им буйства стихий: стоило потопу схлынуть — и в окрестностях тут же начинают рыскать то ли волки, то ли оборотни, а также зловещие эмиссары из далекой столицы. Да, планы заговорщиков расстроены — но теперь за наследием графа Орканца, за его таинственными машинами и алхимическими записями, охотятся соперничающие группировки из высших эшелонов власти и последняя стеклянная женщина. Более того, слухи о гибели всей верхушки заговорщиков в холодных водах северного моря оказались несколько преувеличенными...

Гордон Далквист

«Черная книга смерти»

*Посвящается Моргану и Али,
а также Анне*

Переходные эпохи, в особенности если они разделяют существование миров не вполне реальных, в лучшем случае утомительны. Эта книга не могла бы появиться, если бы не те, кого я перечисляю ниже, я признателен за эту возможность их поблагодарить.

Лиз Даффи Адамс, Дэнни Барор, Винсент Баррет, Максим Блоуэн-Леду, Карен Борнат, Венисия Баттерфилд, SiNE, каф. «Капкейк», Шеннон Дейли, Джозеф Гудрич, Дэвид Левайн, Тодд Лондон, Джон Макадамс, Э. Дж. Маккарти, Патрисия Маклолин, Билл Месси, Кейт, Мисиак, Хонор Маллой, Рейчел Ньюбургер, «Новые драматурги», Otcocorp@530, Сьюки О'Кан, Тим Паулсон, Молли Пауэлл, Энн Уошберн, Марк Уортингтон, Маргарет Янг.

«Стеклянные книги пожирателей снов» богаты самыми разными и замысловатыми событиями. И хотя настоящий том являет собой независимое повествование, где все по-новому, небесполезно будет представить следующих персонажей:

Селеста Темпл, двадцатипятилетняя наследница плантации из Вест-Индии. Ее помолвка с Роджером Баскомбом (восходящей звездой в Министерстве иностранных дел) бесцеремонно и без объяснений была им разорвана, а три дня спустя Селеста была вынуждена застрелить недавнего жениха в тонущем дирижабле.

Кардинал Чань, преступник с уродливыми шрамами на веках (отсюда его обыкновение носить темные очки), познакомился с мисс Темпл в поезде в 4 часа ночи.

Доктор Абеляр Свенсон, флотский врач, на службе у молодого принца, ищущего наслаждений. Несмотря на все усилия доктора, и принц, и его невеста Лидия Вандаарифф были злодейски убиты на пути в Макленбургское герцогство графиней ди Лакер-Сфорца.

Роберт Вандаарифф, недавно получивший дворянство финансист, вероятно богатейший человек своего времени. Лорд Вандаарифф финансировал придворный заговор и считал себя хозяином положения вплоть до того момента, когда его разум стал чист и пуст, как тарелка, вылизанная собакой.

Генри Ксонк, оружейный магнат, конкурент Вандаариффа, тоже считающий себя руководителем заговорщиков. Содержимое его разума было собрано в синюю стеклянную книгу, а его тело стало вместилищем идиота.

Франсис Ксонк, младший отпрыск оружейного магната, повидавший мир денди, дурные повадки которого скрывали неутолимую жажду насилия. Сражен доктором Свенсоном, который выстрелил ему в грудь.

Заместитель министра иностранных дел Гаральд Граббе, *eminence grise*^[1] от дипломатии, благодаря манипуляциям которого действия заговорщиков приобрели вид

законных, а в их распоряжении оказался драгунский полк. Убит в дирижабле графиней ди Лакер-Сфорца и сброшен в море.

Граф д'Орканц, таинственный эстет, гений алхимии, открыватель синей глины и изготовитель синих стеклянных книг; на его таинственную науку заговорщики возлагали главные надежды. Кардинал Чань пронзил его саблей в дирижабле.

Миссис Марчмур, всего тремя неделями ранее — куртизанка, известная как Маргарет Хук, а теперь единственная из оставшихся в живых жертв самого отвратительного эксперимента графа — по трансформации женщины в живое стекло.

Полковник Артур Траппинг, третьестепенная фигура в рядах заговорщиков, женат на Шарлотте Траппинг, урожденной Ксонк, несчастной женщине, чьи два брата лишили ее всякого влияния в семейной империи.

Элоиза Дуджонг, воспитательница детей Артура и Шарлотты Траппинг. Пытаясь найти убитого полковника, стала жертвой заговорщиков — часть ее разума была перекачана в стеклянную книгу.

Каролина Стерн, протеже графини; она убила полковника Траппинга, вступив в тайный сговор с Роджером Баскомбом. Саму Каролину жестоко убивает графиня ди Лакер-Сфорца.

Графиня ди Лакер-Сфорца, аристократка итальянского происхождения, которая, следует признать, наделена сильным характером.

Из-за нового порядка она не знала, который теперь час. Прежде у нее была такая привычка — прокрасться вверх по лестнице, а потом, в зависимости от времени дня и того, кто дома и какие слуги могли ее видеть, проскользнуть либо в комнату матери в конце коридора, либо в комнату отца — справа на площадке. В спальне матери звучало размеренное «тик-так» фарфоровых часов, с красными цветами, которые пылали на бледно-кремовом фоне. Если ей удавалось пробраться туда бесшумно и незаметно, то она могла поднять часы с подставки и приложить ухо к циферблату в медном кольце. Комната отца была совсем другой — почти всегда пустая, наполненная запахом табака и пыли. Здесь стояли высокие темные часы с маятником; за стеклянной передней стенкой смутно виднелся раскачивающийся металлический диск, который прятался в своей вечной тени. Эти часы торжественно отбивали каждый час, а маленькие фарфоровые надежно отсчитывали минуты в промежутках. Но девочка вот уже три дня не видела свою мать, а еще тремя днями ранее отец поцеловал ее в щеку за завтраком — жесткий воротник его формы царапнул ей подбородок — и вышел на улицу, на ходу закуривая свою первую утреннюю сигару. Мистер Флемптон запер обе комнаты и сказал всем слугам, что трем детям вход на этот этаж запрещен. Девочка знала, что в доме есть и другие часы; кроме того, стоило ей спросить у кухарки или их горничной Амелии, а то и у самого грозного мистера Флемптона, они тут же сказали бы, который час, но она не спрашивала. Она не желала этого знать, раз не могла подняться наверх и узнать сама.

Её братья задавали самые разные, назойливые вопросы — в особенности Чарльз, — но ответов не получали. Это огорчало ее, потому что она знала — ответы есть, знала, что где-то ее родители должны быть, и не понимала, почему люди, которым она прежде верила, были так жестоки и не говорили правды. И потому она каждый день искала убежища в классной комнате — тоже пустой, потому что занятия были приостановлены (девочка не помнила, когда в последний раз видела свою домашнюю воспитательницу Элоизу — она словно исчезла вместе с родителями), — и проводила там долгие часы. Чарльз ненавидел занятия, а Рональд был еще слишком мал, а потому никому, кроме нее, эта комната не могла теперь понадобиться. Девочка проводила время за книгами, за рисованием или глядя из окна на площадь, по которой сновали экипажи, словно в мире ничего и не изменилось.

Она усерднее, чем прежде, читала, рисовала, строила стены из баночек с красками и заставляла деревянных лошадок брата перепрыгивать через нее, как это делали солдаты из полка ее отца (черная лошадка всегда была отцовской, а потому прыгала выше всех); но ей не давала покоя мысль, что те мгновения, когда родители поцеловали ее — папа после завтрака, а мама пожелав спокойной ночи после ужина, — уходят все дальше и дальше. Девочка не сохранила образы родителей в памяти — их улыбки, перемены их настроения, их последние очень важные слова. Если бы только она могла забраться в материнский платяной шкаф, она бы закрыла глаза и зарылась лицом в висящие платья, вдыхая их запах. Но ей был доступен только запах слуг и вылизанных общих комнат и взволнованный шепоток на кухне, который замолкал при ее появлении.

Это случилось после того, как Сесил позвала ее на дневной чай (после стольких часов тишины голос горничной прозвучал снизу, как воронье карканье); девочка вымыла руки, переделась и принялась ждать Рональда — надеть башмаки всегда было для ее младшего

брата делом трудным, — глядя сверху вниз, через главный коридор и холл, на закрытую парадную дверь.

Кто-то позвонил в дверь, потом, почти сразу же, — еще раз. Мистер Флемптон пронесся мимо нее, одергивая рукава своего сюртука. Сесил притронулась к плечу девочки, чтобы увести ее, но та осталась на месте. Мистер Флемптон широко открыл дверь, и она увидела за ней трех человек в длинных черных плащах и высоких черных шляпах. Те, что стояли по бокам, держали в руках портфели. У человека посередине одна рука была в белом гипсе — с этой стороны плащ был наброшен на плечо.

— Чем я могу вам помочь? — спросил мистер Флемптон.

— Министерский приказ, — сказал человек с загипсованной рукой. — Нам потребуется от вас стопроцентное сотрудничество.

Глава первая

ВОЛКИ

Одна его рука больно вцепилась ей в волосы, а другая сжимала горло. Мисс Темпл задыхалась — он был слишком силен и слишком зол, — и, хотя часть ее разума протестовала, кричала ей, что она не должна, что можно найти другой способ, она уперла дуло пистолета в его тело и нажала на спусковой крючок. Раздался оглушающий треск, пистолет отбросил назад ее руку, а Роджера Баскомба отшвырнуло к стене кабины. Его пальцы оставили красные следы на ее шее, но в удивленных голубых глазах жениха, который жестоко ее бросил, она видела только ужас перед ее предательством. Его взгляд словно бритва резанул ей по сердцу. Что она наделала? Колени подгибались, и она впервые почувствовала, как холодно ногам. Они стояли в ледяной воде, шестидюймовый слой которой покрывал пол кабины. Воздушное судно опустилось на воду. Они тонули. Она погибнет.

Как сквозь сон, мисс Темпл слышала свое имя: «Селеста! Селеста!» — ее звали доктор Свенсон и Чань. Ее память, казалось, отставала на два шага... Они, вместе с Элоизой, уже выбрались на крышу. Селеста должна последовать за ними — это был ее единственный шанс на выживание... но она снова посмотрела на Роджера, съежившегося и бледного, и не могла пошевелиться. Неужели они в конечном итоге погибнут оба? Но тут мисс Темпл почувствовала, как что-то толкает ее в ногу. Она вскрикнула, подумав о крысах, но потом увидела, что это тело, которое поднималось вместе с водой, — пронзенное саблей Кардинала Чаня тело графа Орканца, гениального алхимика, который открыл синее стекло. Мисс Темпл заставила себя обойти мертвое тело. Она едва чувствовала свои ноги. Пока она пересекала кабину, перед ней всплывали другие тела, одно страшнее другого: застреленный доктором Свенсоном Франсис Ксонк, с копной рыжих волос, в элегантном шелковом жилете, Лидия Вандаарифф, обезглавленная синей стеклянной книгой... Принц Макленбургский, оставшийся без ног. Мисс Темпл стала подниматься по трапу, цепляясь за холодный металл. Пенящаяся вода поднималась вместе с ней. Крики наверху стали слабее. Вздрогнув, она вспомнила, что не видела тела графини ди Лакер-Сфорца... Неужели она прыгнула в объятия смерти? Или спряталась и убила остальных? Может быть, в этот самый момент она подстерегает мисс Темпл?

Холодная соленая вода достала до горла, стала забираться в рот. Руки стали тяжелыми — не поднять. Сзади лежал Роджер... это ее ужасная вина. Наверху виднелась распахнутая крышка люка. Она не могла пошевелиться — ноги сковывал лед, суставы стали неподвижными. Значит, ей все-таки суждено погибнуть... как она того и заслуживает...

Мисс Темпл пришла в себя — с чувством слабости, голода, боли во всем теле. Она лежала в комнате, наполненной каким-то кисловатым запахом, на потолке виднелись темные грубые балки. Через единственное тусклое окно проникал слабый свет тяжелого, затянутого тучами неба — ни дать ни взять вареная шерсть. Она села на кровати, пропитанной резким зловонием, стараясь изо всех сил отделаться от образа тонущего дирижабля.

— По крайней мере, хоть не рыбой воняет, — пробормотала она и оглянулась: может, что-то подскажет ей, куда она попала и где, если уж на то пошло, ее одежда. Но комната была пуста.

Она опасливо поднялась, чувствуя ненадежность своих конечностей и легкость в голове, заглянула под кровать и обнаружила там поколотый фарфоровый ночной горшок. Присев, мисс Темпл протерла глаза и посмотрела на свои руки, испещренные полузажившими ссадинами и порезами. Она встала, задвинула горшок ногой назад под кровать, чтобы не наткнуться на него взглядом, и тут заметила зеркало — маленький прямоугольник стекла, висевший на гвозде, — не больше чем страничка из томика стихов. Ей пришлось приподняться на цыпочки, и, хотя это требовало от нее определенных усилий, она провела в таком положении несколько минут, недоуменно и с тревогой рассматривая молодую женщину, глядевшую на нее из зеркала.

Ее каштановые кудри висели, как пакля, и лицо, в некоторых ракурсах округлое, казалось круглым — несмотря на впалость щек, темные круги страданий под глазами и, более всего, множество всевозможных отметин — подсохшая ранка от пули над ухом, царапины на обеих щеках и зеленоватые синяки на горле, отпечатки злобной хваткой ладони. Мисс Темпл вздохнула, она была благодарна, что, по крайней мере, зубы остались целы — всё остальное залечат время, еда и забота опытной горничной. Но сильнее всего ее поразило, как изменились ее глаза — эти изменения показались ей таинственными. Глаза были по-прежнему серыми, по-прежнему взыскующими, нетерпеливыми и пронизательными, но они приобрели и какое-то новое качество, которое она не сразу сумела назвать. Еще несколько мгновений — и она поняла, в чем дело. Она стала убийцей.

Мисс Темпл снова села на кровать и принялась глядеть в окно на сгущающиеся тучи. Она застрелила Роджера Баскомба и доверила его тело волнам. Конечно, он предал ее, предал все — и тем не менее... Во что она превратилась, одержав над ним победу, расстроив планы влиятельных персон, ради служения которым Роджер отказался от любви к ней, от свадьбы. Что отвергла она сама?

Думать обо всем этом на голодный желудок было невозможно. Надо поесть, принять ванну, одеться, найти друзей (это понятие для мисс Темпл было все еще странно непривычным) и услышать их заверения в том, что все это было необходимо для того, чтобы они выжили.

Но когда она крикнула в сторону двери, голос ее прозвучал вороньим карком, напугавшим ее самое. Больше мисс Темпл кричать не стала — она легла на кровать и укрылась одеялом с головой.

Вдыхая запах пыльной шерсти, она вспоминала, каким образом оказалась на берегу. Они были на крыше дирижабля и готовились к неминуемой гибели, потому что аппарат уже опустился на поверхность моря, но не утонули. Им повезло — они дотянули до суши, спаслись. Она добралась до прибрежного песка на четвереньках, захлебывающаяся и промерзшая до костей, исхлестанная безжалостным ветром, студеные порывы которого заставили ее сжаться в дрожащий комок. Чань отнес ее за узкую полосу берега, за кромку остроконечных черных камней; но она уже чувствовала, как тело ее не слушается; зубы выбивали дробь, и она не могла произнести ни слова. Вокруг были черные стволы деревьев, доктор молотил в деревянную дверь, на рамах сушилась соленая рыба... а потом мисс Темпл положили перед горящим очагом. За дверями стояло утро, но внутри воздух был спертый и нечистый, словно хижина не открывалась с начала зимы. Первоначальным пунктом назначения было герцогство Макленбургское на Балтийском море, но как далеко на север успел пролететь дирижабль? Кто-то подал ей горячий чай. Потом кто-то — Элоиза? — раздел ее и завернул в одеяла. Мисс Темпл почувствовала, как озноб переходит в жар... а

потом — что ею овладевает сон.

Мисс Темпл тяжело вздохнула — одеяло приглушило вздох — и заснула.

Когда она проснулась опять, за окном было темно, а из-за двери доносились какие-то звуки. Мисс Темпл кое-как встала и почувствовала, что уже тверже держится на ногах; потрогала на себе простую рубаху, недоумевая, откуда та взялась, и откинула волосы с лица. Сколько же всего, наверное, случилось, пока она спала. Но ее сознание было поглощено не теми многочисленными вопросами, которые роились у нее в голове (о ее спутниках, их местонахождении, о том, какой сегодня вообще день), а неким жутковатым мерцанием — уже где-то на периферии ее мозга, — словно крохотные пузырьки появлялись на закипающей воде. Это была принадлежавшая графине синяя стеклянная книга воспоминаний, усвоенных мисс Темпл, и она, вздрогнув, поняла, что каждый крохотный пузырек находит отзвук в ее плоти, каждый грозит разрастись в ее мозгу, полностью вытеснив настоящее. Она тогда вглядывалась в мерцающие глубины этого синего стекла и менялась. Сколько воспоминаний она в себя впитала — пропустила через собственное тело и таким образом сделала своими? Сколько поступков, никогда ею не совершенных, помнила она теперь? Книга графини, объединенный чувственный опыт тысяч душ, была каталогом запретных и неопикуемых наслаждений. Чем больше мисс Темпл думала об этом, тем сильнее воспоминания овладевали ею. Лицо ее зарделось. Дыхание ускорилося. Ноздри трепетали от гнева. Она не потерпит этого.

Мисс Темпл распахнула дверь и увидела двух женщин, склонившихся над плетеной корзиной у металлической плиты. При звуке открывшейся двери обе подняли головы — на их лицах отразилось тупое удивление. Они были одеты в простые платья, грязные передники и тяжелые ботинки, волосы их были стянуты и убраны под шерстяные шапочки. Мать и дочь, у обеих толстые носы и какая-то пустота в глазах. Мисс Темпл натянуто улыбнулась и тут заметила, что белье в корзине обильно забрызгано кровью. Младшая из двух женщин поспешно перевернула кипу, чтобы пятна не были видны, после чего затолкала корзину за плиту. Старшая повернулась к мисс Темпл с глуповатой улыбкой (эту улыбку мисс Темпл восприняла бы с меньшим отвращением, если бы она не показалась ей явным способом отвлечь ее от корзины) и потеряла заскорузлые руки.

— Здравствуйте, — сказала мисс Темпл.

— Вы проснулись! — Женщина говорила с акцентом, который мисс Темпл уже встречала прежде — у моряков.

— Именно, — ответила мисс Темпл. — И хотя я бы не хотела вас беспокоить, мне вскоре многое понадобится. Я бы хотела позавтракать... я совсем потеряла чувство времени, так что, вполне возможно, следует говорить об ужине... и, если возможно, принять ванну. Кроме того, мне нужна одежда. А более всего — сведения о том, где я нахожусь и что случилось с моими спутниками. И конечно, кто вы такие, — добавила она, снова улыбнувшись. — Я уверена, что встала на ноги благодаря вам, и надеюсь, что не слишком вас обременила. Болеть никому не нравится — иногда больные кричат, некоторые довольно резко. Я не помню, кричала ли я... я вообще не помню, как попала сюда, так что я надеюсь, вы примете мои искренние извинения, если тут произошло что-то неподобающее. Я и в самом деле чувствую себя гораздо лучше. Я бы с удовольствием выпила немного чаю. Съела бы гренков. И мне нужна одежда. И новости. Собственно, новости в первую очередь.

Она улыбнулась им с выражением ожидания и, как она надеялась, любезной благодарности. Женщины несколько секунд безмолвно смотрели на нее, потом старшая

внезапно хлопнула в ладоши, отчего девушка вскрикнула, словно ее ущипнули. Бедняжка тут же метнулась из комнаты, остановившись лишь на мгновение, чтобы схватить корзину.

— Бетт принесет еды, — сообщила женщина, потом сложила губы трубочкой и снова потеряла руки. — Может, присядете у огонька?

Она указала на грубую деревянную табуретку, и, прежде чем мисс Темпл успела ответить, женщина взяла ее за руку и подвела к сиденью. Мисс Темпл, ощущая под ногами щепки и золу, села — без одеяла ей было холодновато, а у плиты — гораздо теплее.

— Как вас зовут? — спросила мисс Темпл. — И где мы? Я полагаю, вам известно мое имя. Мои спутники наверняка рассказывали, как мы попали сюда. И мне было бы очень интересно узнать, что они говорили...

— Меня зовут Лина, — сказала женщина. — Я приготовлю чай.

Женщина резко развернулась, подошла к плите и поставила металлический котелок на ее плоскую, забрызганную маслом поверхность. Оставаясь спиной к мисс Темпл, Лина двинулась к невысокому скромному буфету, извлекла из него заварочный чайник, металлическую кружку и небольшую банку с пробкой, на дне которой было на дюйм черного чая. С каждым ее движением становилось все яснее, что лимона не будет.

— А где именно мы находимся? — спросила мисс Темпл, которую даже в ее ослабленном состоянии раздражало, что ей приходится повторять одно и то же.

Лина не ответила, сделав, впрочем неудачно, вид, что не слышала ее. Мисс Темпл встала и, не сказав больше ни слова, направилась мимо женщины к двери, за которой исчезла Бетт. Когда мисс Темпл открыла дверь, Лина резко вскрикнула, но мисс Темпл миг спустя уже перешагнула за порог, захлопнула дверь за собой и заперла ее на удобно расположенную деревянную щеколду. Лина дернула за ручку с другой стороны, но мисс Темпл не обращала на это внимания.

Бетт, как увидела мисс Темпл теперь — девушка подняла на нее потрясенный взгляд, — была если не толстой, то, выражаясь более деликатно, дородной. У нее были широкая бледно-розовая шея и тяжелые руки, которые при движении сотрясали ее необъятный бюст. В тот момент, когда вошла мисс Темпл, Бетт была погружена в работу, но занималась она вовсе не готовкой еды — погрузив руки почти по локоть в красноватую мыльную пену, она отстирывала в кадке с горячей водой забрызганные кровью постельные принадлежности.

— Здравствуйте еще раз, — сказала мисс Темпл. — Лина готовит мне чай. Я столько времени провела одна, что мне теперь очень хочется побыть в обществе. А что это вы тут делаете?

Бетт вскочила, пытаясь одновременно спрятать кровь и сделать реверанс. Добилась она лишь того, что потеряла равновесие и рухнула на пол. При падении одна ее нога в черном ботинке ударила по кадке с водой, и оттуда брызнула струя кроваво-красной пены.

Снова раздался стук в запертую дверь. Мисс Темпл оглядела комнату, похожую на ту, где она спала, — темные деревянные балки, встроенные в стену полки, уставленные коробками, кастрюлями и кувшинами, одна сторона занята мылом и маслом, другая — рыболовными принадлежностями. Здесь стояли еще две деревянные кадки, размером с ту, в которой сейчас стирала Бетт, а через комнату были протянуты веревки для сушки белья. На них мисс Темпл увидела постельное белье — но никакой одежды, которую она могла бы надеть.

— Тут много крови, — сказала мисс Темпл. — Надеюсь, за этим стоит счастливое событие — рождение ребенка?

Бетт отрицательно покачала головой.

Мисс Темпл нахмурилась.

— Понятно. Кто-то был ранен?

Бетт кивнула.

— Убит?

Бетт снова кивнула.

— А вам, бедняжке, все это отмывать? — Мисс Темпл по-прежнему не обращала внимания на толчки в дверь у нее за спиной. Она подошла к одной из других кадок, оперлась о ее край. — Вы знаете, что произошло?

Бетт скользнула взглядом мимо мисс Темпл — на дверь. Мисс Темпл наклонилась к ней поближе.

— Между нами.

Неуверенный ответ Бетт был тихим, почти неслышным:

— Это все буря...

Она снова встала на ноги и опять погрузила руки в кадку, словно, возобновив работу, могла заглушить свой порыв посплетничать.

— Какая буря?

— После того, как вы появились на берегу.

— Я не помню, — сказала мисс Темпл. — Но наверное, я была не в том состоянии, чтобы заметить бурю. Продолжайте.

— Два дня шел дождь, — прошептала девушка. — А когда он закончился, берег стал другим — много деревьев попадало, река затопила лес...

— Кровь, Бетт. — Мисс Темпл старалась быть терпеливой. — Расскажите про кровь, а не про лес.

— Но говорят, что все дело как раз в буре. С начала бури к Йоргенсам никто не заходил, потому что они жили рядом с рекой и дорогу размыло. А когда к ним наконец зашли... они были мертвы. Йоргенс и его жена. Двери открыты, собак нет, горло... горло у них... а потом...

Лина шарахнула по двери, и девушка, испугавшись, замолчала. Мисс Темпл развернулась и раздраженно крикнула:

— Я выпью чай, когда буду готова!

— Селеста! — донесся до мисс Темпл голос Элоизы Дуджонг. — Немедленно выходите — у нас нет времени!

Мисс Темпл ринулась к двери и открыла щеколду, Элоиза в тот же миг распахнула дверь и взяла ее за руку. Мисс Темпл испытала прилив радости при виде друга — ей больше всего хотелось обнять Элоизу и прижать ее к себе, только теперь ей стало ясно, какое острое чувство одиночества испытывала она, как мучительны были ее страхи. Но Элоиза крикнула Лине, что мисс Темпл немедленно нужно принять ванну, а потом им понадобится какая-нибудь еда с собой, потому что им нужно отправляться в дорогу. Элоиза отдавала приказы, и очень громкие, с удивлением слышала мисс Темпл (она никогда не видела, чтобы Элоиза командовала, — но ведь та служила воспитательницей или гувернанткой, а разве не эти дамы лучше всех умели повелевать?); одной рукой она затолкала мисс Темпл в ее спальню и захлопнула дверь другой, на которую, как только теперь заметила мисс Темпл, была накинута одежда. Элоиза подвела мисс Темпл к кровати, и они сели рядом — голые ноги мисс Темпл не доставали до пола, а ботинки запыхавшейся и раскрасневшейся Элоизы были

заляпаны грязью.

— Послушайте, моя дорогая, у нас нет времени — уже почти светает. Я не знала, что вы уже пришли в себя. Как жаль, что меня здесь не было. Могу только догадываться, что вы тут передумали. Абельяр, доктор, — Элоиза покраснела еще сильнее и опустила глаза, — покинул вас, только когда обрёл уверенность, что опасность для вашей жизни миновала... а я осталась до вашего выздоровления...

— Доктор уехал? — спросила мисс Темпл.

— И Кардинал Чань... тут много чего нужно рассказать, а вы должны примерить это, пока греют воду. У нас совершенно нет времени, но вам наверняка не терпится принять ванну — столько времени прошло, а кто знает, когда еще представится такая возможность...

Она кинула на колени мисс Темпл груды одежды и начала ее разбирать — нижнее белье, рубахи, нижние юбки, один или два корсета, чулки и даже несколько платьев. Мисс Темпл смотрела на проворные пальцы Элоизы и старалась осмыслить новости. Чань уехал? И доктор?

— Но куда...

— Назад в город. Моя дорогая, случилось столько всего. Прошла уже неделя — даже больше, и тут была такая буря — боже ты мой...

— Мне сказали.

— Мы далеко на севере, в рыбацкой деревушке на Железном Берегу — так называется эта местность. Здесь нет ни гавани, ни поездов, а единственную дорогу размыла буря.

Мисс Темпл пробрала дрожь, когда она вспомнила ужасные последние минуты на гибнущем дирижабле, который погружался в холодные волны, на поверхность темной морской воды, заполнявшей кабину, всплывали тела принца, Лидии, Ксонка и графа — уже не люди, а трупы. Она тряхнула головой, прогоняя эти воспоминания.

— Но почему такая спешка? Ведь наши враги уничтожены!

— Примерьте это, — сказала Элоиза, показывая на отложенную кипу ношеного нижнего белья.

— Наверняка подойдет, — ответила мисс Темпл — она уже сожалела об отсутствии своей одежды и строила подозрительные догадки относительно того, куда та могла деться. — Но я не понимаю, к чему такая спешка.

— Хоть платье примерьте, — настаивала Элоиза.

— Откуда вы их взяли? — спросила мисс Темпл, поднимая платье из хлопчатобумажной ткани выцветшего василькового цвета — простенькое, но на свой манер довольно хорошенькое и способное, пожалуй, оттенить ее волосы.

— Это одной местной женщины — миссис Йоргенс. К счастью, она вашей комплекции.

— И она рассталась со своей одеждой добровольно?

— Пожалуйста, наденьте это, Селеста. Я должна посмотреть, что там с водой. Мы должны торопиться.

Через дверь она слышала, как Элоиза разговаривает с Линой, потом до нее донеслись звуки подготовки — но отнюдь не ванны, а скорого отъезда. Она стояла нагая, приложив к талии платье мертвой женщины и разглядывая свое лицо и тело в крохотном квадратике зеркала. Кожа у мисс Темпл была молочно-белая, но эта молочная белизна, казалось, в гораздо меньшей степени была её, чем покрывавшие царапины и синяки — знаки другой жизни; точно так же красноватые неровные пятна на губах и на холмиках груди — она запустила руки в рукава и натянула на себя платье — были знаками ее потаенного голода,

неожиданного, думалось ей, в том холодном существе, каким она стала помимо своей воли. Она приподняла плечи, наклонилась к подмышке. Запаха предыдущей владелицы не ощущалось — она различила только запах соли, пыли и камфары. Видимо, это было ее лучшее платье, которое она надевала три раза в год и тщательно стирала.

Мисс Темпл оглянулась через плечо и увидела сбоку от кипы одежды белую рубашку и хлопчатобумажное платье — крохотные, на девочку лет пяти. Видимо, Элоиза взяла их не глядя, вместе с вещами миссис Йоргенс. Бетт ничего не говорила о ребенке... неужели и девочку тоже убили?

Элоиза постучала в дверь и приоткрыла ее, чтобы сказать, что ванна готова. С улицы через дальнюю комнату донесся стук лошадиных копыт.

Присев в деревянной кадке с водой, не очень теплой, но все же приятной, мисс Темпл увидела, как Элоиза передает Лине несколько серебряных монеток, извлеченных из зеленого сапожка мисс Темпл, сильно покореженного морем. Сколько денег осталось в этих сапожках и сколько было потрачено без ее разрешения? Бетт, прервав расчеты мисс Темпл, вылила ей на голову еще один кувшин воды и принялась толстыми пальцами втирать мыло в ее волосы. Лина тем временем упаковывала еду. Бросив взгляд на мисс Темпл, Элоиза увидела, что та смотрит на нее.

— Мы поговорим в пути, Селеста, — сказала она. — Но отправляться надобно без промедления.

— А разве Чань или доктор не приедут сюда за нами? Они нас не потеряют?

— Не потеряют.

— Но как?... Что они сейчас делают? Куда мы едем?

— Прекрасные вопросы — вы снова стали самой собой...

— Что случилось с нашими врагами?

Если Элоиза и ответила, то мисс Темпл не слышала ее. Бетт вылила ей на голову еще один кувшин, а потом еще один — на этот раз медленно, чтобы смыть пену. Мисс Темпл осторожно вылезла из кадки, Бетт тем временем промокала ее влажные волосы.

— Я так полагаю, завить волосы мне сейчас не удастся, — сказала мисс Темпл Элоизе.

— Они у вас вьются от природы, разве нет? — осторожно ответила Элоиза.

— Конечно вьются, — резко ответила мисс Темпл, — но это не значит, что при должном уходе они не могут выглядеть лучше.

Она подняла руки, чтобы Бетт было удобнее вытереть её, потом многозначительно кивнула на руки Элоизы:

— А где мой второй сапожок?

Мисс Темпл, вновь обутая в зеленые сапожки, вышла из деревянного дома под серое небо. Деревья над головой были безлисты, а на тропинке, ведущей к экипажу — это была простенькая телега, в которую была впряжена видавшая виды кляча, — после дождя все еще оставались лужи. Она ощущала запах моря и даже слышала где-то за домом рокот далеких волн — бич ветра неустанно хлестал по воздушной тверди. Лина и Бетт стояли в дверях и смотрели им вслед; на их лицах мисс Темпл с раздражением отметила выражение облегчения. Она повернулась к Элоизе, чтобы поделиться с ней своим наблюдением, но тут впервые заметила несколько человек, стоявших в ожидании с другой стороны повозки, — грубые, с суровыми лицами, на ремнях — ножи, в руках — палки.

— Они едут с нами? — шепотом спросила она у Элоизы.

— Нет-нет, — ответила Элоиза с натянутой улыбкой. — Они пришли, чтобы убедиться,

что мы уезжаем.

Мисс Темпл присмотрелась внимательнее. Теперь она увидела, что из-за мужских спин выглядывают женщины и дети; если бы они с Элоизой были чумными бродягами — взгляды, которые они на себе ощущали, не могли быть более враждебными. Она открыла рот, собираясь заговорить, но ничего не сказала, потому что увидела маленькую девочку с запуганным бледным личиком, ее держали за руки две седые матроны — ни отца, ни матери рядом не было видно. Потом девочка исчезла из поля зрения мисс Темпл — за спиной одного из мужчин с палкой; в ответ на ее любопытствующий взгляд он лишь нахмурился. На мужчине была новая пара высоких ездовых сапог черной кожи, мало подходящих к грубой шерстяной одежде и рыбацкой бороде.

Прежде чем она успела обратить внимание Элоизы на эту странность, их возница — пожилой человек с морщинистым лицом, словно сплюснутым между растрепанной бородой и натянутой чуть не на самые глаза шерстяной шапочкой, — протянул корявую руку, чтобы посадить мисс Темпл в повозку. Мгновение спустя рядом с ней оказалась и Элоиза, а еще через мгновение они обе упали на неудобные соломенные тюфяки, служившие сиденьями, — возница без всякого предупреждения хлестнул лошадь вожжами. Жалкая безымянная деревня и ее молчаливые обитатели исчезли из виду.

Мисс Темпл нахмурилась и резким шепотом спросила у спутницы:

— Что, по их мнению, мы такого сделали? Им что — не заплатили?

Элоиза уперлась взглядом в спину возницы. Мисс Темпл, теряя терпение, прошипела:

— Элоиза, что случилось? Я требую ответа!

— Я собираюсь рассказать... но вы должны знать, что эти люди...

— Да-да, наводнение в лесу. Мне уже говорили...

— На самом деле...

— Произошли убийства.

Элоиза кивнула и заговорила, тщательно подбирая слова.

— Считается, что это волк. Скорее — волки...

— Но это не причина, чтобы ненавидеть меня. — Мисс Темпл посмотрела на возницу. — А сколько волков? — желчно спросила она.

— Все зависит от того, как толковать эти нападения.

— Ну хорошо, сколько было нападений? Бетт сказала о Йоргенсах. Я видела, как она стирает окровавленное белье.

— Мистер и миссис Йоргенс погибли два дня назад... вернее, два дня назад их нашли. Без доктора никто толком не может сказать, когда они умерли на самом деле. Но перед этим в лодке был найден рыбак. А перед этим — два конюха в конюшне неподалеку.

Мисс Темпл фыркнула.

— Что это за волк, который плавает в лодке?

Элоиза не ответила, словно если вопрос был риторическим, то и говорить тут больше не о чем. Но мисс Темпл не желала прерывать разговор.

— А где доктор? Где Чань?

— Я же вам сказала...

— Вы мне совершенно ничего не сказали!

— Они оба уехали до нас.

— Почему?

— Во-первых, дороги были размыты бурей, а поскольку вы болели, мы не знали,

сможете ли вы перенести поездку... и меньше всего мы хотели провести два дня в дороге, застряв без крыши над головой, если еще одна буря...

— Такие аргументы, наверно, мог приводить доктор. Но я не поверю, будто это же самое говорил Чань.

— Нет. Чань уехал еще раньше.

— Почему?

— Вы видели, что Лина собрала нам еду в дорогу? Как мило с ее стороны.

Элоиза мягко, но решительно улыбнулась, глядя на мисс Темпл, а та поджала губы, без особого рвения подыскивая тему, на которую можно было без опаски говорить в присутствии возницы.

— Буря, — сказала она с очевидно деланным интересом, — насколько я поняла, была чудовищная.

— Вам повезло — вы все это время были без сознания, — тут же ответила Элоиза. — По правде говоря, нам показалось — ведь это случилось в тот самый день, когда мы выбрались на берег, — что вся злоба наших врагов изливается с небес. Эти волны были словно последней попыткой графа погубить нас, а свирепые глаза мертвой графини метали молнии.

Мисс Темпл ничего не сказала, понимая, что ее спутница не могла упомянуть графиню, не взвесив свои слова. Когда она наконец ответила, ее собственный голос прозвучал робко и тихо.

— Так, значит, графиня мертва?

— Конечно мертва, — сказала Элоиза.

— Я не знала, что вы нашли ее тело.

— В этом не было нужды, Селеста. Она упала с дирижабля в ледяную воду. Мы с вами едва могли плыть чуть не в одном нижнем белье, а намкнувшее платье этой женщины должно было через минуту утянуть ее на дно.

— Просто дело в том... Я говорила с ней на крыше дирижабля... видимо, это было как раз перед тем, как она прыгнула в море... ее лицо... даже в ту минуту оно было исполнено такой гордыни, такого бесстрашия. Оно до сих пор преследует меня.

— Графиня мертва, Селеста. Можете не сомневаться.

Элоиза обняла мисс Темпл за плечи и прижала к себе. Мисс Темпл, никогда ни от кого не ожидавшая проявления теплых чувств, не знала, что ей делать, а потому ничего и не сделала — она просто смотрела на свои потрескавшиеся от соленой воды сапожки и грязные доски повозки. Элоиза еще раз прижала ее к себе, а потом убрала руку, на губах ее появилась вежливая улыбка, словно и сама раздумывала, стоило ли ей следовать своему порыву, но потом, подумав, протянула руку и убрала волосы с лица мисс Темпл.

— Я вижу, вам лучше, — сказала она. — Но мы отправились в дорогу, хотя вам пока все еще следовало бы оставаться в постели. Пододвиньтесь ко мне поближе, и я расскажу вам то, что знаю, — голос ее упал до шепота, — и расскажу, почему Кардинал и доктор были вынуждены нас покинуть.

— Первую ночь мы провели в рыбацкой хижине. Я не преувеличу, если скажу, что доктору пришлось немало потрудиться, чтобы вы остались в живых. К тому же и Чань требовал его внимания — ледяная вода не пошла на пользу его легким. Да и мне нужно было помочь — я ведь едва не утонула. В ту ночь разразилась буря, какой я еще не видала, — бушевало море, берег был затоплен, ветер с корнем вырывал деревья. Утром Чань и доктор

отправились за помощью, и в тот день, когда буря ненадолго утихла, вас перенесли в дом Лины. Вы пролежали там шесть дней, так и не приходя в себя. Только на четвертый день кризис наконец миновал и доктор решил, что может уехать.

— А где был Чань? — Мисс Темпл поудобнее устроилась в объятиях Элоизы и с облегчением закрыла глаза.

— Доктор полагал, что, как только буря стихнет, нужно взять лодку и найти упавший дирижабль. Собрать то, что осталось от стеклянных книг, собрать все бумаги — может быть, там найдутся сведения об агентах наших врагов в Макленбурге, — а также доставить на берег тела, если их удастся обнаружить. Чтобы похоронить как полагается.

Мысли мисс Темпл обратились к Роджеру, она с ужасом представила себе, как мог выглядеть ее бывший жених после двух дней пребывания в море. Один раз она видела на берегу утопленника-рыбака и запомнила (точнее сказать, так и не смогла забыть) его распухшее, бесформенное тело, словно под водой он превратился в рыбу, и только его невидящие глаза и открытый рот с отвисшей нижней челюстью выражали протест против той ужасной несправедливости, которая случилась с его телом. Она представляла себе, как прежде тонкие, гибкие пальцы Роджера, теперь раздувшиеся и бледные, просвечивают в темной воде, уже подъеденные рыбами-падальщиками или предприимчивыми крабами. В её воображении возникло размягчающееся лицо...

— Но кабины дирижабля они не нашли, — продолжала Элоиза. — Его наверняка утянул в море намокший шар. На берег выкинуло обрывки ткани и больше ничего.

— А что, — заставила себя спросить мисс Темпл, — что... с телами?

— Мы не обнаружили ни одного тела. Но они же были внутри кабины. И их утянуло на дно вместе с нею.

— А все стеклянные книги?

— И их тоже. Вместе с машинами графа. Вместе со всем, что они взяли для завоевания Макленбурга.

Мисс Темпл с облегчением выдохнула.

— Значит, с этим покончено.

Элоиза чуть шевельнулась.

— А потом были обнаружены мертвые конюхи — кони убежали из конюшни. И этот несчастный рыбак в лодке. Местные не сомневаются в том, кто убийца — у жертв жестоко разодрано горло, а в этих краях и в самом деле водятся волки. Но потом — после того как уехали Чань и доктор Свенсон — нашли Йоргенсов...

— Но почему уехал Чань?

Элоиза повернулась и взглянула мисс Темпл в лицо.

— Мы с вами жили в городе. Деревенские жители, приютившие нас, при свете дня испугались нашего странного вида — мы с вами были одеты так, будто бежали из гарема, доктор — иностранный солдат. Но больше всего напугал их Кардинал — его внешность, его шрамы, длинный красный плащ. При взгляде на него было ясно, что он способен на насилие. А тут эти смерти, одна за другой. Все это навлекло на нас подозрения. Чань к тому же — конечно, настоящий убийца. Когда между местными пошли эти разговоры, когда началась череда этих смертей... вот тут доктор Свенсон...

— А где он? Если он отправился проверить дорогу, то почему не вернулся?

— Я не знаю. — Голос Элоизы прозвучал глухо. — Доктор уехал позавчера. Мы... мне стыдно об этом говорить, но мы поссорились. Я такая дура. Я знала, что в любом случае

должна остаться с вами и мы вдвоем должны убраться отсюда, как только вы встанете на ноги. Что мы встретимся с ними...

— Где?

— У моей семьи есть домик за городом. Вы там в покое и безопасности сможете набраться сил.

Мисс Темпл молчала. Всё это была сплошная невнятица — начиная от волков и кончая неубедительными объяснениями отъезда доктора и Чаня. Неужели Элоиза считала ее такой доверчивой? Или же то, что она говорила, предназначалось для ушей возницы? Мисс Темпл, конечно же, ни одному слову этой чепухи не поверила.

Прочистив горло, она спросила:

— Вы собираетесь замуж за доктора Свенсона?

И почувствовала, как напряглось тело ее спутницы.

— Что?

— Я сочла возможным поинтересоваться...

— Я... я вовсе не думала об этом... ведь мы были так заняты, выхаживая вас. И боже мой, мы даже десятком слов не успели толком обменяться.

— Вы, кажется, друг к другу расположены.

— По правде говоря, я его совсем не знаю.

— Когда вас захватил в плен граф, а потом Франсис Ксонк увез в Харшморт, доктор особенно сильно настаивал на том, что мы должны вас спасти.

— Он добрый человек.

— Почему вы поссорились?

— Я даже толком и не помню.

— Может быть, вы предпочитаете Кардинала Чаня, — предположила мисс Темпл, и голос ее прозвучал весело и проказливо. — Он более... опасный...

— Хватит уже с меня опасностей, — кислым голосом ответила Элоиза. — Хотя я и обязана Кардиналу жизнью...

— Что вы думаете о его глазах? — спросила мисс Темпл.

— Случившееся с ним ужасно, — сказала Элоиза после нескольких осторожных секунд размышлений. — Невероятная жестокость.

Мисс Темпл вспомнила свое первое впечатление от шрамов Чаня в отеле «Бонифаций», когда он снял очки, чтобы посмотреть на найденную доктором Свенсоном стеклянную карточку. После того как они обменялись несколькими взглядами — в поезде, в бальном зале Харшморта, в тайных туннелях, — все трое неожиданно встретились в отеле мисс Темпл и объединили усилия, когда события приняли еще более невероятный поворот. Чань, сняв очки, заглянул в ее глаза, намеренно бросая насмешливый вызов той уязвимой женской чувственности, которую подозревал в ней. Но мисс Темпл видела подобные шрамы и раньше, и даже довольно часто: на лицах рабов со своей плантации. Однако, несмотря на это, уродство никогда не было неотъемлемой частью ее жизни, ибо не затрагивало ее близких. Она спрашивала себя, смогла бы она полюбить Роджера, не будь у него руки, зная в глубине души, что не смогла бы. Но вот что странно: она не впускала в свое сердце Кардинала Чаня (как и доктора, как и Элоизу), но он каким-то образом вошел в него. Ничего подобного мисс Темпл не чувствовала, когда выбирала Роджера Баскомба, — то действительно был выбор, и не только человека, но и образа жизни, хотя в то время она и не вполне отдавала себе в этом отчет. Конечно, соотнести людей вроде Чаня или Свенсона с

каким-либо нормальным образом жизни было невозможно.

Она снова посмотрела на деревья, ощущая, что эти мысли делали зуд между ног все мучительнее. Будь она сейчас одна в своей комнате, то, наверное, запустила бы руки себе под юбки, но рядом была Элоиза — поэтому мисс Темпл сжала ноги плотнее и нахмурилась. Дело снова было в стеклянной книге, в той, в которую она заглядывала (и которая поглотила её) в номере графини в «Сент-Ройяле». Книга содержала тысячи воспоминаний — жизни куртизанок, авантюристов, разного рода негодяев, чувственных декадентов, снисходительных и жестоких, — она чувствовала себя как в опиумной курильне, пары которой проникли во все уголки ее души и тела и откуда она смогла освободиться, только приложив невероятные усилия. Мисс Темпл никак не могла перебороть воздействие, которое оказывали на нее стеклянные книги, содержавшие в себе воспоминания — коварные, восхитительные и ужасающие. Заглядывая в книгу, человек физически переживал воспоминания с позиции вспоминающего, будь тот мужчиной или женщиной. Все было совсем не так, как если бы мисс Темпл просто прочла красочный рассказ о Венецианском карнавале, — она помнила все происходившее так, будто это был опыт ее собственного тела. В ее сознании теснились ложные воспоминания — такие живые, что дыхание перехватывало.

Она никому не говорила о стеклянной книге. Но какая-то часть ее существа жаждала разговора с людьми, которые только и могли понять истинную глубину пережитого ею, — с самыми злыми ее врагами: с графом и графиней. Она чувствовала тепло Элоизиной руки у себя на плече — мисс Темпл была непривычна к чужим прикосновениям, если не считать прикосновений горничной, которая шнуровала на ней корсет, — и даже от этого слабого касания из глубины разума стали подниматься видения, словно дымок от плохо разгорающегося костра. Тряска повозки тоже возбуждала — каждый нерв был натянут как струна. Не в силах больше сопротивляться, она закрыла глаза...

Внезапно она оказалась внутри мужского тела, ощутила такую великолепную силу в своих руках, в своих восхитительно гибких бедрах... потом — толчок головокружительного возбуждения, ощущение жадного женского языка между ног... ее руки ухватили голову девушки и приподняли ее, поцелуй с улыбкой — и она вкусила себя самое... видения сменяли одно другое, лицо мисс Темпл загорелось, словно она снова была в горячке, потом еще один поцелуй, еще одно прикосновение влажного языка — и она вдруг с ужасом поняла, что перед ней графиня ди Лакер-Сфорца, которая с коварной, злобной, чувственной улыбкой водит языком по ее векам. Мисс Темпл вскрикнула. Это был реальный случай — в Харшморте. Как могли воспоминания мисс Темпл так легко переплетаться с воспоминаниями из книги? Слабые духом не могли отделить эти воспоминания друг от друга — или между ними не было различия? Если она не может оградить свою жизнь от того, что узнала о жизни других, как ей удастся сохранить свое «я»? Она резко выпрямилась.

— Селеста? — сказала Элоиза. — Все хорошо? Вы не замерзли?

— Нет-нет, — сказала мисс Темпл. Она стерла бисеринку пота с верхней губы. — Может быть, у нас найдется что-нибудь поесть?

Лина собрала им в дорогу холодную баранину, сыр и несколько буханок домашнего хлеба. Мисс Темпл с несчастным видом жевала мясо, поглядывая вокруг. Они продолжали углубляться в лесную чащу.

— А где именно мы находимся? — спросила она Элоизу.

— Мы движемся на юг. Точнее я не могу сказать... кажется, за лесом будут горы. А по

другую сторону гор, можно надеяться, — железная дорога.

— Дорога, мне кажется, хорошая, — заметила мисс Темпл.

— Да.

Мисс Темпл вперила взгляд в Элоизу. Та посмотрела на мисс Темпл не сразу. Мисс Темпл нарочито громко спросила:

— Убийства произошли в этом лесу?

— Не имею представления, — ответила Элоиза.

— Я думаю, что здесь.

— Вполне вероятно...

— А вы не были на месте убийства?

— Конечно нет, Селеста. Одежду мне принесли — Лина знала, что нам нужно...

— Так, значит, дома Йоргенсов никто не видел?

— Конечно видели — местные, которые нашли тела...

— Но это совсем иное дело! — воскликнула мисс Темпл. Так твердо, как только могла, она обратилась к вознице: — Сэр, нужно, чтобы вы доставили нас к дому мистера и миссис Йоргенс. Это крайне важно.

Возница остановил лошадь и повернулся на козлах. Он скользнул взглядом по мисс Темпл, но потом остановил его на Элоизе, решив, что нужно получить одобрение от нее.

Мисс Темпл вздохнула и набралась терпения.

— Нам необходимо посетить дом мистера и миссис Йоргенс. Как видите, на мне одежда этой бедняжки. Моя обязанность — религиозная, как вы понимаете, — воздать долг ее памяти. Если я этого не сделаю, мне всю жизнь не будет покоя.

Возница снова посмотрел на Элоизу, потом повернулся и хлестнул кобылу вожжами.

Мисс Темпл откусила еще кусочек баранины — она по-прежнему была страшно голодна.

Прошло еще минут двадцать — и кучер, остановив повозку, показал налево. Мисс Темпл увидела дорожку, вьющуюся между деревьями. Она была сильно размыта дождём — словно по карандашной линии долго водили стирательной резинкой. Мисс Темпл сама спрыгнула с повозки и подала руку Элоизе, по выражению лица которой было понятно, что она не разделяет оживления подруги.

— Мы быстро, — сказала Элоиза вознице. — Это прямо по дороге?

Возница кивнул — мисс Темпл даже засомневалась, есть ли у него язык, — и махнул куда-то вперед. Мисс Темпл схватила свою спутницу за руку и потащила за собой.

Размытые участки дороги были покрыты водой, идти по ним нужно было осторожно, чтобы не увязнуть в грязи; через несколько минут они уже потеряли из виду повозку, хотя Элоиза все время оглядывалась.

— Он нас не бросит, — сказала наконец мисс Темпл.

— Я рада, что вы так думаете, — ответила Элоиза.

— Конечно нет. Ведь он не получил всю плату.

— Получил.

— Это вы думаете, что получил, но он наверняка потребует с нас больше, когда мы с ним окажемся там, на холмах.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я привыкла к тому, что люди любят деньги... скучнее этого ничего не

бывает. Но теперь мы, по крайней мере, можем свободно поговорить... и, смотрите, Элоиза, — вот он!

Маленький дом приютился между деревьями в уголке заросшего травой лужка. Повсюду был разнообразный мусор, оставшийся после того, как отступила вода. Воздух был насыщен слабым запахом гнили и речного ила — он поднялся со дна и теперь был размазан по траве и деревьям, словно едкая приправа в блюде.

— Я совершенно не понимаю, что вы рассчитываете найти, — сказала Элоиза.

— Я тоже, — ответила мисс Темпл, — но точно знаю, что никогда не видела волка в лодке. Мы теперь хоть можем поговорить свободно... я хочу сказать — откровенно. Волки — это смешно!

— Не знаю, что вы хотите от меня услышать.

Мисс Темпл фыркнула.

— Элоиза, наши враги — они мертвы или нет?

— Я вам уже сказала. Я считаю, что мертвы.

— Тогда кто совершил эти убийства?

— Не знаю. Доктор и Чань...

— Где они? Скажите мне теперь честно — почему они уехали?

— Я вам все честно сказала, Селеста.

Мисс Темпл пристально посмотрела на Элоизу, но та молчала. Мисс Темпл колебалась между смятением, недоверием и снисходительностью. Поскольку последнее более всего отвечало ее натуре, она позволила себе внутренне ухмыльнуться.

— Но уж поскольку мы здесь, было бы в высшей степени безответственно не исследовать, что тут произошло.

Элоиза поджала губы, потом показала рукой на землю.

— Смотрите, сколько здесь следов — местные убрали тела. Ни малейшей надежды найти отпечатки лап зверя. Или доказать, что их здесь не было.

— Совершенно с вами согласна, — сказала мисс Темпл, но тут же остановилась и наклонила голову.

На мягкой земле рядом с крылечком дома был отчетливо виден отпечаток лошадиного копыта — лошадь, видимо, подвели к самой двери. Мисс Темпл присмотрелась внимательнее, но больше никаких следов не увидела. Но на самих ступеньках она нашла след грязной подошвы, за которым тянулась тонкая линия.

— Что это такое? — спросила она Элоизу.

Элоиза нахмурилась.

— Это след шпоры.

Как ни храбрилась мисс Темпл, открывая дверь (медленно и стараясь производить как можно меньше шума), она почувствовала, что дыхание перехватывает, и пожалела, что у нее нет при себе оружия. Бедность обстановки соответствовала внешней неказистости домика: одна комната с холодной плитой, стол, верстак и кровать — простая и маленькая, но достаточная для супружеской пары. За кроватью стояла крохотная — до слез — детская кроватка, а еще дальше мисс Темпл увидела сундук, из которого, судя по всему, и была извлечена одежда, которая теперь была на ней. За спиной она чувствовала присутствие Элоизы. Теперь они обе полностью вошли в комнату, в которой витал дух погубленных жизней.

— Местные наверняка... все здесь убрали, — сказала Элоиза, переходя на шепот.

Мисс Темпл отступила к двери и посмотрела на петли и ручку.

— Вы видите какие-нибудь царапины? Что-нибудь, наводящее на мысль о взломе?

Элоиза покачала головой.

— Возможно, мистер Йоргенс сам открыл дверь, услышав шум, — у них явно были собаки, и если начался лай...

— Йоргенсы были убиты в кровати — я видела постельное белье: оно все в крови.

— В кровати могли убить кого-то одного, а другой открыл дверь и впустил зверя.

Мисс Темпл кивнула.

— Тогда, возможно, рядом с дверью обнаружатся какие-то следы насилия...

— Селеста... — начала было Элоиза, но замолчала, вздохнула и тоже принялась искать.

Но они не нашли ни царапин, ни крови — вообще ничего. Мисс Темпл подошла к кровати — здесь убийца не мог не оставить следов.

— Вы не посмотрите в плите? Возможно, там пытались сжечь какую-нибудь улику.

— Какую, например?

— Понятия не имею, Элоиза. Я строю предположения, основываясь на собственном опыте. Когда мы с доктором и Кардиналом Чанем обыскивали кабинет графа д'Орканца — а мы знали, что граф удерживал там женщину, которая была искалечена вследствие контакта с синим стеклом, — я обнаружила там важную улику — обрывок ее платья.

Элоиза выслушала все это, сдержанно вздохнула и принялась ворошить золу в плите кочергой. Мисс Темпл стащила с кровати лоскутное покрывало. Матрац под ним был в буровато-ржавых пятнах — кровь просочилась через простыни, которые потом сняли. С одной стороны пятна были гуще — мисс Темпл решила, что это изголовье, — но вообще кровавые полосы и мазки покрывали все ложе.

— Тут нет ничего, кроме золы, — сказала Элоиза, кладя кочергу и с гримасой недовольства на лице отирая руки.

— Судя по количеству крови, в кровати были оба — и муж и жена, — сказала мисс Темпл. — Будь здесь доктор, он бы, наверное, это подтвердил... Мы, конечно, не знаем, где были найдены тела...

— У всех было разорвано горло, — сказала Элоиза, — кровь, наверное, лилась рекой.

— А где был ребенок?

— Какой ребенок?

— Вон его кроватка, — сказала мисс Темпл. — Вам наверняка говорили...

Элоиза вздохнула.

— Понимаете, с какого-то момента лучше было больше не связываться с местными. Возможно, остался ребенок. Лина ничего такого не говорила.

— Но ребенок был здесь? — спросила мисс Темпл. — Видел все это?

— Конечно нет, — ответила Элоиза. — Волк, конечно, и ребенка бы загрыз.

Мисс Темпл, не ответив, прошла мимо кровати к единственному окну, которое было закрыто на шпингалет. Она разглядела тонюсенькую, словно оставленную иглой, царапинку на старом дереве. Между подоконником и рамой просовывали что-то острое. Мисс Темпл подняла шпингалет и распахнула окно, но оно открылось только наполовину.

— Дерево рассохлось, — сказала Элоиза, показывая на верхнюю часть рамы.

Мисс Темпл высунулась из окна и посмотрела на землю внизу — футах в пяти под ней. Одному богу известно, можно ли тут было забраться в дом или спрыгнуть вниз? Она уже собиралась закрыть окно, как ее взгляд уловил что-то дрожащее на ветру. Поначалу она

подумала, что это нитка паутины, но, протянув руку, она взяла эту нитку и только теперь разглядела, что это волос. Она сняла его с сучка, за который он зацепился. Иссиня-черный волос длиной около двух футов.

* * *

Если в домике и было еще что-то, достойное внимания, то они этого не заметили. Возвращаясь по своим следам, оставленным на влажной лесной почве, мисс Темпл поглядывала на Элоизу, которая шла впереди. Единственный черный волос был сложен петлей и спрятан в карман платья Элоизы — на платье мисс Темпл не было карманов (они ей обычно и не требовались — ведь существовали ридикюли и слуги). Элоиза не переставая теребила этот волос всю дорогу до повозки. Ее разум, очевидно, сопротивлялся тому, о чем говорила эта находка.

Мисс Темпл воспользовалась временем их пути, чтобы приглядеться к Элоизе, ведь до этого обстоятельства мало этому благоприятствовали. То пожары, то убийства, то полет на дирижабле... Каштановые волосы воспитательницы были скромно собраны сзади и заколоты маленькими черными шпильками. К своему удивлению, мисс Темпл увидела в волосах Элоизы одну тонкую седую прядь, а потом, присмотревшись, — еще две или три. Сколько же ей лет? Такое явление, как седина, сознание мисс Темпл вообще вмещало с трудом — хотя она понимала, что время безжалостно и все перемалывает на своем пути (кого-то, впрочем, щадя меньше, кого-то — больше). Ею овладело любопытство: что должна чувствовать седеющая женщина? Этот интерес, если не сказать сочувствие, заставил мисс Темпл приглядеться к фигуре Элоизы. Она отметила крепкое сложение своей спутницы, ее не широкие, но сильные плечи — это, а также то, что она без жалоб преодолевала заболоченную неровную дорогу, почему-то вызвало в мисс Темпл чувство удовлетворения. Она, конечно, знала, что Элоиза побывала замужем, а в нравственном воздействии замужней жизни на женщину была двойственность. С одной стороны, опыт делал женщину мудрее, потому что лишал ее иллюзий; по крайней мере, у нее появлялись новые темы для разговоров за столом; с другой стороны, в замужних женщинах так часто была склонность к оправданию, какое-то знание, которое скорее сужало, чем расширяло кругозор. Внезапно ей пришел в голову вопрос: а были ли у Элоизы когда-нибудь дети? А если были, живы ли они?

Подчиняясь неожиданному порыву (слов, чтобы выразить свои неясные, тревожные мысли, у нее не нашлось), мисс Темпл догнала Элоизу и взяла в руки ее руку, теребящую волос.

— Мы должны быть осторожны, — сказала она, опустив глаза на свои сапожки, чтобы не встречаться с недоуменным взглядом спутницы. — Мы никогда не видели покойную миссис Йоргенс. Вполне возможно, что волос принадлежит ей...

Элоиза кивнула. Мисс Темпл вздохнула и продолжила:

— Но я помню — в дирижабле — у графини был браслет с шипом. А вы слышали все эти разговоры о волках — на горле у женщины были, — голос мисс Темпл, к ее великому разочарованию, изменил ей, — глубокие раны. Я не могу забыть лица несчастной Каролины Стерн... и не могу забыть улыбку графини.

Элоиза сжала руку мисс Темпл.

— А вот и наша повозка, Селеста. Вы были правы: возница ждет.

Мисс Темпл оглянулась на домик.

— Какие же мы глупые, — сказала она. — Мы наверняка могли найти в доме какое-нибудь оружие...

— Не волнуйтесь, — прошептала Элоиза. И тут мисс Темпл впервые заметила маленький сверток в другой руке Элоизы. — Я позволила себе прихватить пару ножей мистера Йоргенса.

Прошел еще час, прежде чем лес начал редеть, а потом еще один, прежде чем ландшафт переменился. Теперь перед ними расстилались бурые каменистые и кочковатые луга, усеянные камнями. Местность плавно поднималась к холмам, скалистые вершины были словно опалены огнем.

Мисс Темпл удалось поспать, а когда она проснулась и протерла глаза, то удивилась — вокруг был ровный сплошной свет, не прореженный деревьями. Повозка остановилась, возница отошел в заросли травы, чтобы облегчиться.

— Вы знаете, где мы остановимся на ночь? — спросила она у Элоизы, которая, воспользовавшись отсутствием возницы, открыла сверток, унесенный из дома Йоргенсов.

— Мне сказали — в гостинице, — ответила та. — Тут есть горняцкий городок.

Она подняла глаза и увидела, что мисс Темпл заинтересовалась ножами. Один был длиной около трех дюймов и, вероятно, дюйм с лишним в ширину, одна сторона искривленного, как у ятагана, лезвия была острой, другая тупой.

— Вероятно, им снимают шкуры, — предположила мисс Темпл.

Другой нож был чуточку длиннее; тонкое лезвие заострялось к концу и было тяжелее, чем можно было предположить.

— Я бы сказала, что таким ножом отделяют мясо от костей, — ответила Элоиза. — Видимо, мистер Йоргенс был охотником.

— У меня нет карманов, — решительно сказала мисс Темпл, потянувшись к ножу с более длинным, прямым клинком, — но он легко уместится у меня в сапожке. — Она бросила взгляд на возвращавшегося возницу и аккуратно вставила нож в голенище правого сапожка.

Элоиза спрятала другой нож в ладони и, когда повозка шевельнулась — возница забрался на козлы, — завернула в полотно. Он посмотрел на них со скорбным выражением человека, которому на долю выпали несправедливо тяжкие испытания, сплюнул пережеванный табак — до обоняния пассажиров донеслось зловоние — и хлестнул кобылу вожжами.

Мисс Темпл, к которой после сна почти целиком вернулись ее упрямство и неутомимость, тем не менее помалкивала о том, что тревожило ее более всего, и засыпала спутницу вопросами, на которые раньше времени не было, — откуда та родом, какой чай предпочитает, какой у нее любимый фрукт и цвет сургучной печати. Течение беседы мало-помалу само подвело Элоизу к тому, чтобы та принялась говорить о своей службе в доме Траппингов. При этом ни о Траппингах, ни о братьях Ксонк она не говорила ни слова (братья Ксонк были влиятельными родственниками миссис Траппинг — могущество и холодность старшего, Генри, могли соперничать только с хитростью и коварством младшего, Франсиса), словно служба Элоизы не имела никакого отношения к событиям последних недель, которые словно вынесли ее на поверхность — как высокий прилив. Не касалась она и тех важных вопросов, которые им еще, вероятно, предстояло решить.

Мисс Темпл принадлежала к кругу состоятельных людей, а потому умела вести

разговоры о семье и светской жизни; в ее среде такие разговоры были валютой не менее платежеспособной, чем золото. Она то кивала, то улыбалась, выслушивая утомительные подробности, с которыми Элоиза описывала загородный дом своего дяди; вдоль каменной ограды были высажены розовые кусты, за которыми в свое время, еще девочкой, ухаживала мать Элоизы. Впрочем, красноречие Элоизы было напрасно — чуткое сознание мисс Темпл, подобно заводу, что сотрясается от вращения турбин и колес, было сосредоточено слишком на многих внешних воздействиях, чтобы отвлекаться на те, в которых не было ничего ценного.

Элоиза только что призналась в любви к опере — этому чувству не могло помешать даже то, что достать билеты было всегда невероятно сложно, — и теперь рассказывала об особенно понравившейся, слышанной несколько лет назад. Название оперы было *Les Jardins Glaces*,^[2] и сюжет ее составляли, судя по всему, приключения героев в горах Центрального Китая. Сделав паузу — чтобы мисс Темпл могла задать вежливый вопрос о музыке или о либретто, — она обнаружила, что глаза молодой женщины устремлены на заросшие кустарником луга вокруг.

— Селеста? — проговорила Элоиза, когда молчание затянулось до неприличия.

Мисс Темпл посмотрела на нее и скривила уголки губ в улыбке.

— Извините, — сказала она, — я задумалась.

Элоиза прервала свой рассказ об опере, воспринятый с таким равнодушием, и игриво улыбнулась.

— О чем?

— По правде говоря, о многом. Вернее, мне не дают покоя несколько мыслей, которые сливаются в одну, главную. Представьте себе стулья, сгруппированные вокруг стола...

— Да, я вас понимаю.

— Это такой искусно сделанный раздвижной стол.

— Так о чем вы думали, Селеста?

— Об убийстве.

— Об убийстве?

Мисс Темпл кивнула.

— Да, убийства висят над нами обеими, — начала Элоиза, тщательно подбирая слова. — Мы столько их видели за короткое время — убийства в Тарр-Маноре, охота на людей в коридорах Харшморта, кровавое сражение на крыше перед отлетом дирижабля, а потом еще столько смертей на борту. А для вас это предмет особенно болезненный и чувствительный — из-за вашего несчастного, глупого и порочного бывшего жениха...

Осторожная нарочитость ее слов была оскорбительна. Мисс Темпл замахала руками.

— Нет-нет, я думала совсем не о том! Меня заботит то, что случилось теперь. Сколько миль мы уже проехали — а я ни о чем другом не могу думать. Конечно, никакого волка там не было! Если мы хотим помочь доктору и Чаню, которые, вероятно, пострадали от тех же самых событий...

— Что касается этих недавних смертей, — возразила Элоиза, — то мы знаем так мало...

— Но мы можем строить предположения! — воскликнула мисс Темпл. — Мы же не так глупы. Если человек изучал собак, то он знает, как вести свору гончих. Если мы допустим, что три этих случая — части одной истории...

— Какие три случая?

Мисс Темпл раздраженно фыркнула.

— В рыбацкой деревне! Конюхи, убитые в конюшне, рыбац, убитый в лодке, Йоргенсы, убитые в собственном доме. Соединив все вместе, увидим, что это — голод хищника или расчет злодея. И тогда сможем понять, где следующее...

— Но как? Мы не были свидетелями этих происшествий — не видели ни конюшни, ни лодки. Не знаем, как лежали тела...

— Но вы-то должны знать! Доктор Свенсон наверняка вам говорил...

— Нет, ничего он мне не говорил.

— Но мы знаем, в каком порядке были совершены эти убийства и в какое время...

— Не знаем, Селеста. Нам известно только, когда тела были найдены.

Мисс Темпл не нравилось, когда к ней обращались по имени. Еще меньше ей нравилось, когда целью такого обращения было подчеркнуть, что та или иная мысль должна быть ясна и малому ребенку.

— Тогда, может быть, вы, Элоиза, скажете мне, когда это случилось?

С опаской взглянув на спину молчаливого возницы и еще раз вздохнув, Элоиза уступила. Пододвинувшись к мисс Темпл поближе, она понизила голос почти до шепота.

— Первыми были найдены два конюха. Это случилось после бури. Ветер все еще был сильный, но дождь почти прекратился, и люди стали выходить из своих домов. Оказалось, что несколько лошадей бродят без присмотра. Когда их привели в конюшню, обнаружилось, что двери открыты, а конюхи мертвы. И доктор, и Чань были там. А я ухаживала за вами. Хотя я не слишком разочарована, что не видела всего этого.

— А каких-то лошадей так до сих пор и не нашли?

— Судя по всему...

— И у домика Йоргенсов был след копыта... и линия, оставленная шпорой. Вы видели в деревне человека в новых сапогах?

— Нет, не видела.

— Сапоги для верховой езды. В рыбацкой деревне!

— Со шпорами?

— Нет, — резко ответила мисс Темпл. — Но это не слишком важно. Такие сапоги в этой деревне — диковинка, вроде как тиара.

— Не могу с вами согласиться. Они рыбаки, а тут случился шторм — все, что прибывает к берегу, может сослужить им службу.

— А что вы можете сказать о лодке? — спросила мисс Темпл.

— После обнаружения конюхов была найдена рыбацкая лодка. Поскольку уже было установлено, что убийца — дикий зверь, то осталось неясным лишь то, каким образом животное попало в лодку.

— А доктор, осмотрев тела, не высказал никаких предположений?

— Доктор не делился со мной своими предположениями.

— Почему?

— Это вам нужно спросить у него, Селеста!

Мисс Темпл тряхнула головой.

— Все совершенно ясно! Погибший рыбац спас графиню. Когда они добрались до берега, графиня больше уже в нем не нуждалась и убила его. Потом она зашла в дом несчастных Йоргенсов. Убив их, она получила в свое распоряжение новую одежду, еду и место, где можно было согреться. Восстановив силы, она перебралась в конюшню, где убила конюхов и украла лошадь, а остальных лошадей выгнала, чтобы все это выглядело как

нападение волка.

— Но это не объясняет ни следов копыт у домика Йоргенсов, ни следов шпор.

— У меня нет ответов на все вопросы.

Элоиза молчала, водя языком по нёбу, и мисс Темпл поняла, что Элоиза раздражена.

— Что? — спросила мисс Темпл.

— Все это могло произойти, но не в этой местности и не сейчас, — ответила Элоиза. —

Вы видели лес, видели реку, видели, как она разлилась во время грозы. Поверьте мне, дня два назад перебраться через нее было просто невозможно. Именно поэтому Йоргенсов не обнаружили раньше. А между лодкой рыбака и конюшней разлив был еще шире. Так что один человек, даже завзятый убийца, не мог бы совершить все эти пять преступлений.

— Но мы нашли волос, — нахмурившись, сказала мисс Темпл.

— Это может быть волос миссис Йоргенс.

— Вы знаете, что это не так, — невозмутимо ответила мисс Темпл. — Почему вы поссорились с доктором Свенсоном?

— Я бы предпочла не говорить об этом, — ответила Элоиза.

— Это связано с нашим происшествием?

— Нет.

Мисс Темпл расправила платье у себя на коленях.

— Я вижу, вам это нелегко далось, — сказала она.

Элоиза ничего не ответила.

Мисс Темпл отломил еще кусок хлеба. Она была не слишком голодна, но принялась сосредоточенно поедать хлеб, разглядывая каменистые холмы. Она никогда не видела такого ландшафта — камни здесь выступали из земли, как остовы каких-то первобытных животных, чья плоть была разъедена за тысячи лет дождями, а кости хотя и почернели, но сохранились — твердые и непостижимо жесткие. Земля вокруг была песчанистая и грубая, на ней росли только самые неприхотливые травы и невысокие корявые деревья, похожие на склеротических стариков, согнувшихся под грузом неминуемой близкой смерти.

Разглядывая безотрадный ландшафт, мисс Темпл мысленно вернулась к дирижаблю. Она постаралась припомнить судьбу каждого из членов злодейской клики. То, что пришло ей на ум, было поистине ужасно. Графиня спрыгнула (правда, прыжка ее никто не видел) с крыши дирижабля в ледяное море. Франсис Ксонк и Роджер Баскомб были застрелены, граф д'Орканц застрелен и зарублен, принц Макленбургский погиб страшной смертью, и, конечно, несчастная Лидия Вандаарифф... Мисс Темпл закрыла глаза и тряхнула головой, прогоняя это воспоминание: голова светловолосой девушки отделяется от тела, а изо рта еще продолжает хлестать кристаллизованная струя. Когда кабина наполнилась водой, дирижабль превратился в ледяную могилу. Мисс Темпл своими глазами видела, как распухшее тело Каролины Стерн, убитой графиней, билось о крышу кабины вблизи люка... Но если никто не спасся, вернее, никто, кроме графини, то как объяснить эти одинаковые убийства на берегу?

Мисс Темпл снова вздохнула. Возможно, это и к лучшему? Возможно, волос действительно принадлежал миссис Йоргенс, а стая волков и в самом деле была всего лишь стаей волков? Может быть, она просто не могла поверить в такую удачу? Или то, что интрига после этого никак не развивалась, заставляло ее смотреть на свои недавние предположения более трезво? Убить кого-то в ожесточении схватки — естественно и правильно, но как после этого жить дальше? И удастся ли ей убедить себя, что Роджер Баскомб был застрелен именно в схватке? Да, ее жених, безусловно, был взбешен, вероятно,

опасен, но ведь она-то была вооружена. Почему нельзя было просто оставить его запертым в шкафу? Мисс Темпл откусила еще немного хлеба и с трудом проглотила кусок — в горле было сухо. Дирижабль шел на дно, а она что — позволила бы Роджеру утонуть в кабине? Разве это было бы менее жестоким убийством? Она не видела возможности не сделать того, что сделала, хотя и пожалела — впрочем, эту мысль она тут же прогнала, — что Роджера вместо нее не убил Чань или доктор Свенсон. Нет, это была ее миссия — убить его или отпустить на свободу.

А могла ли она поступить иначе? Разве ее приключение не было доказательством того, что Роджер Баскомб вообще перестал для нее что-либо значить? Нельзя ли было оставить его в живых? Почему она нажала на спусковой крючок?

У мисс Темпл не было ответа, который не причинял бы ей боли.

К тому времени, когда их повозка въехала в крошечный городок Карт, солнце уже зашло. Карт представлял собой ряд низеньких каменных домиков и нескольких сараев или складов покрупнее. Возница остановился перед двухэтажным деревянным зданием (дерево, как подумала мисс Темпл, было здесь материалом дорогим, ввиду полного отсутствия деревьев) с рисованной вывеской — горячей звездой, летящей по черному небу.

— Гостиница, — пробормотал он и с необычной для него вежливостью, спрыгнув с козел, помог Элоизе, а потом и мисс Темпл спуститься на землю. — Пойду отведу лошадь. Я заночую в конюшне, а утром отвезу вас на поезд.

Он помолчал, потом посмотрел на Элоизу — глаза у него были чуть влажные.

— Цена, о которой мы говорили...

Мисс Темпл предвидела, что он начнет выжимать деньги из двух беззащитных на первый взгляд женщин, и даже с нетерпением ждала этого хода, чтобы его отразить, но теперь не обратила на слова возницы почти никакого внимания.

— Нам надо обсудить ваши предположения, — твердо сказала она, прерывая возницу в самом начале его скучной речи. Взяв Элоизу под руку, она развернула ее вполоборота к себе, чтобы прижать губы к самому ее уху. — Нам представляется великолепная возможность получить ответы на все наши вопросы! Я пойду с ним и узнаю, были ли здесь какие-нибудь лошади из деревни, приезжал ли сюда кто с севера. А вы выясните, не останавливались ли в гостинице какие-нибудь необычные постояльцы. Мы узнаем, что доктор и Чань в безопасности.

— Но послушайте, Селеста... если они оставили нас, а они нас оставили, то, возможно, они не хотят, чтобы мы их нашли.

— Не говорите глупостей, — сказала мисс Темпл. — Я найду за вами к вам в комнату.

Она сунула Элоизе в руку две монетки (днем она улучила минутку, чтобы стащить с себя сапожки и убедиться, что в них по-прежнему кое-что есть), а потом жестом показала, что вознице следует снова забраться на козлы и немедленно отвезти ее в конюшню. Ни в Элоизе, ни в вознице план мисс Темпл не вызвал особого восторга, но веских оснований для протеста они тоже не нашли. Итак, возница помог ей забраться обратно и сам сел на козлы. Мисс Темпл даже позволила себе помахать своей товарке — ее силуэт различался по мере их приближения к конюшне все хуже.

Конюшня была такой же скромной, как и сам Карт, а небольшое число стойл говорило о том, как мало лошадей в округе. Мисс Темпл посмотрела, как возница пристраивает свою клячу — серьезное, почтенное создание; мисс Темпл наверняка привязалась бы к ней, если бы позволила себе слабость, а потому сочла за лучшее вообще ее не замечать, после чего

принялась торговаться с конюхом о плате за приют для лошади и возницы — именно такое вознаграждение, на основании их изначальной договоренности, полагалось вознице, как она была уверена, за его услуги. Тот надеялся получить больше, но, почувствовав металл в ее голосе, согласился — и был немало удивлен, когда она провела его к месту его ночевки, дождавшись, когда конюх пристроил лошадь в стойло. Мисс Темпл делала все это исключительно для своего расследования. Ей даже не пришло в голову, как могут истолковать ее поведение эти двое: она, мол, запоминает место, где ляжет возница, чтобы наведаться к нему ночью, — эта мысль была слишком уж нелепа; но, перехватив смущенные взгляды, которыми обменялись возница и конюх, она наконец остановилась как вкопанная, побагровела от гнева и сделала резкий жест в сторону стойл.

— Конюшня производит жалкое впечатление, — раздраженно проговорила она. — Вы, наверное, целиком зависите от приезжих. Мы сегодня единственные?

Конюх ухмыльнулся, услышав этот вопрос, — теперь, похоже, дама хотела выяснить, можно ли здесь чувствовать себя защищенными от вторжений посторонних.

Мисс Темпл кипела от негодования — до чего порочны мужчины в своих мыслях! Именно в этот момент мысль мисс Темпл была захвачена, на ужасное бесконечное мгновение сбита порывом вихря, который поднялся у нее внутри, — это были воспоминания из синей стеклянной книги. Как и всегда, этим воспоминаниям в первый момент невозможно было сопротивляться — как и той роли, которая в них была отведена самой мисс Темпл. Обстановка конюшни, оттененная двумя ухмыляющимися физиономиями, словно крючьями выдирала из ее памяти похожие воспоминания — солома, лошадиные стойла, запахи кожи, пота и мускуса. Разум мисс Темпл пульсировал; она становилась и мужчиной, и женщиной (более того — мужчиной и женщиной), по мере того как перед ней возникала подробность за подробностью любовного свидания: ее тело, красивое зрелой женской красотой, плечи, упершиеся в стену... или она — мальчик, на ее голых коленках — отпечатки соломы, она чувствует дрожь, когда сзади в нее грубо входит мальчик постарше... или ее собственные жесткие мужские пальцы, мнущие мягкую плоть крестьянской девушки, — ее ноги обвиты вокруг его талии, он проникает в нее, страстный трепет... Чтобы прийти в себя, мисс Темпл прикусила до крови губу и моргнула.

Возница и конюх смотрели на нее. Сколько времени прошло?

— Я спрашиваю об этом, разумеется, потому, что сама ночью в гостинице, — объяснила мисс Темпл. — Даме всегда полезно знать, с кем ей, возможно, придется столкнуться — с джентльменами, торговцами или сомнительными авантюристами. У вас ведь есть эти сведения, потому что они оставляют лошадей у вас на конюшне.

Конюх открыл рот, потом закрыл и показал рукой на стойло. Мисс Темпл впервые обратила внимание на бледную кожу паренька. Может, он болен? Она с важным видом откашлялась, поднялась на цыпочки и заглянула в стойло.

— Я вижу, мы не единственные постояльцы. Отлично. Эти животные принадлежат кому-то из местных? — Лошадь в стойле, поглощенная едой, не обращала на нее внимания. — У кого в горняцком городке может быть лошадь?

— Людям н-нужно ездить, — заикаясь, проговорил конюх.

— Да, но кому это по средствам? — спросила мисс Темпл.

— Бригадирам, — ответил возница. — А еще лошадей сдают путешественникам внаем.

Мисс Темпл не могла себе представить причину, по которой кому-нибудь могло понадобиться заехать в Карт. Она заглянула в следующее стойло. Стойло пустовало, но сено

и навоз в нем были свежими.

— Лошади нет, — заявила она. — Ее сдали внаем, как он говорит, или она принадлежит путешественнику? — Она повернулась к конюху.

— П-путешественнику.

— И этот путешественник уехал?

Кадык на вытянутой шее конюха нервно дернулся, когда он слотнул слюну. Мисс Темпл не смогла отогнать от себя образ — он теперь неизменно связывался в ее сознании с конюхами: поперек этой шеи с дергающимся кадыком — рваная рана.

— Они взяли одну лошадь или двух?

— Д-двух. — В горле у конюха словно кость застряла. С чего этот дурачок так волнуется?

— А когда? Когда два этих путешественника отправились в дорогу? И кто они такие? Они путешествовали вместе?

— Я их не видел.

— Почему? И кто тогда их видел?

— Уиллем. Парень, который работает по утрам. Но... но он... он...

— Что он?

— Вам лучше других спросить.

— У других?

— Если там кто есть.

— Где?

— В гостинице.

Возница бесстыдно рассмеялся, словно одно упоминание гостиницы вызвало у него мысль о номерах и любовных свиданиях. Мисс Темпл быстро прошла мимо двух мужчин в помещение, где должен был спать возница. Скромная комнатка была ничем не примечательна, как и выдавший виды соломенный тюфяк.

— Серебряный пенни? — громко выразила свое неудовольствие мисс Темпл. — Да это и полпенни не стоит.

— Простите...

— Он, конечно, не привык ни к чему лучшему, — усмехнулась она. — Но я говорю вообще... Вот этот тюфяк, например...

Она с отвращением приподняла тюфяк за один угол, скорчив гримаску, когда поднялась пыль. Испытывая странное чувство — и зачем она пошла сюда, вместо того чтобы выйти на улицу? — она отшвырнула от себя тюфяк. Тюфяк перевернулся. Мисс Темпл опустила взгляд, потом повернулась к молчащему теперь конюху, потом снова устремила взгляд вниз — туда, где материя тюфяка отливала ярким синим пятном размером с блюдечко.

Дальнейшие поиски под недоумевающими взглядами возницы и конюха не привели ни к чему, как и поиски в домике Йоргенсов после обнаружения единственного волоса. Мисс Темпл двинулась по темной улочке назад в гостиницу, отвергнув предложения обоих проводить ее. Синее пятно на тюфяке было там, где должна была находиться голова спящего, — что это могло означать? А две лошади с севера в конюшне? Не это ли обнаружил доктор и не это ли заставило его так быстро последовать за Кардиналом? Но как они могли бросить ее — сразу оба! — если находиться в деревне было опасно, а защитить ее, кроме Элоизы, было некому, или, как уже переформулировала их вероятные мотивы своим деловитым умом мисс Темпл, оставив Элоизу для ее защиты?

Услышав какое-то шуршание, мисс Темпл повернулась, но ничего не увидела. Она окинула взглядом маленькие домики — каждый был обозначен щелкой света, пробивающегося из-под запертой двери или между закрытыми ставнями. Только один дом впереди был совершенно темен, и из его трубы не поднимался султан дыма. Мисс Темпл пригляделась. Дверь была приоткрыта. Что-то случилось в Карте... что-то случилось с конюхом... она обнаружила синее пятно... Мисс Темпл быстро сошла с дороги, толкнула дверь — та беззвучно распахнулась — и проникла в дом.

Она стояла, пока ее глаза не привыкли к полумраку, а потом разглядела там, где ему и было положено стоять, стол, а на нем свечку и спички. Закрыв дверь, чтобы о ее вторжении не узнали случайные прохожие, она осмотрела комнату, держа в одной руке свечу, а в другой — острый нож мистера Йоргенса, мигом вытащенный из-за голенища.

В отличие от хижины Йоргенсов здесь было не меньше трех комнат, расположенных анфиладой, но первая, главная комната была почти такой же — небольшой, с низким потолком. Это еще больше встревожило мисс Темпл, когда ее взору предстала кровать без постельного белья, холодная плита, большой сундук со взломанным замком. На полу она увидела такое множество беспорядочных следов, что нельзя было ничего предположить (кроме того, что дом, увы, заброшен хозяевами). Сундук оказался пуст. Она повернулась к многочисленным полочкам и шкафчикам. Тоже пусто. Только свечи с одной стороны двери и комок одежды с другой стороны, на полу. Мисс Темпл ничуть не удивилась, увидев на одежде кровь.

Следующая комната, без окон, была заставлена мебелью — стулья, столы, этажерки, нагроможденные в беспорядке, были сдвинуты к стенам. Наверху лежали какие-то мешки, прялка и груды постельного белья. Либо хозяева покидали Карт, либо здесь кто-то умер.

На пороге последней комнаты мисс Темпл остановилась. У ее ног лежал окурок. Она присела, но так и не смогла решить, кто примял его конец — то ли графиня лакированным мундштуком, то ли доктор Свенсон, который так и не отделался от этой своей противной привычки.

Последняя комната — осмотрев ее, мисс Темпл намеревалась наконец отправиться в гостиницу к Элоизе — была настолько же пустой, насколько предыдущая загроможденной. Но в ней стоял едкий запах, который мисс Темпл не в силах была забыть. Это был выворачивающий наизнанку запах жженой смолы в смеси с сернистой дымящей рудой — синей глины, вредоносного сырья, из которого граф д'Орканц делал свое синее стекло. Этот же запах исходил и от тюфяка в конюшне, но не шел ни в какое сравнение со зловонием в доме: тут словно плавил глину или же какой-то злополучный картянин пал здесь жертвой Процесса — жестокого изобретения заговорщиков, позволявшего им поработать людей, превращать мужчин или женщин в добровольных рабов на службе у равнодушных хозяев. Но для Процесса требовались разные аппараты, а все они остались в Харшморте или утонули вместе с дирижаблем. Мисс Темпл подняла свечу повыше и медленно повернулась: ничего. Только пустая комната с дешевыми обоями. Она подошла к окну, наклонилась к подоконнику. Поначалу она ничего не увидела, но вдруг вскрикнула от потрясения и уронила свечу на пол; комната погрузилась в темноту.

Мисс Темпл увидела лицо и вслепую подалась назад, потом опустилась на корточки. Наконец она уперлась в стену, держа перед собой нож, слыша лишь собственное дыхание, а когда задержала его — только биение своего сердца. Она подождала немного. Лицо было бледным, перекошенным, явно незнакомым, но за короткое мгновение ей удалось разглядеть

злобный вурдалачий оскал.

Надо немедленно уйти отсюда.

Но напоследок еще раз взглянуть в окно. Мисс Темпл на корточках подобралась к стене, устоялась в темный дверной проем, а потом, набравшись смелости, поднялась на ноги: на стекле виднелось пятно темной, вязкой жидкости. Прежде его не было. Мисс Темпл в страхе повернулась и побежала прочь.

Распахнув дверь, она помчалась к гостинице, но все же оглянулась на дом. Широкое ночное небо и безлюдная улица лишь подчеркивали ее одиночество. Дверь дома зияла во мраке, словно ухмыляющийся рот.

Несколько минут спустя мисс Темпл, запыхавшись, добралась до гостиницы, но страх ее несколько не прошел, а в общем зале с его низким камином и деревянными скамьями она не нашла того, чего искала, — уюта, многолюдства. Зал был пуст. Мисс Темпл закрыла за собой дверь и заперла на тяжелую железную щеколду.

— Прошу прощения, — сказала она, с неудовольствием отметив, что голос все еще дрожит.

Никакого ответа не последовало — лишь потрескивание углей.

— Элоиза? — позвала она; голос ее прозвучал тверже, что приободрило ее. — Элоиза Дуджонг?

Но ни Элоиза, ни хозяйева не откликнулись.

Мисс Темпл отправилась на кухню, но и там никого не нашла, только полуприготовленную еду — все, чем могла похвастаться гостиница: свежесдобитый хлеб, соленое мясо, маринованные овощи, плавающие в горшке.

— Кто-нибудь? — позвала мисс Темпл.

Позади высокого деревянного стола была дверь, а за ней — что-то вроде двора: в таких держат кур, разбивают огород, сушат белье, хранят бочки с элем (раз в поселке нет других гостиниц, все равно, какой здесь делают эль, правда?). Дальше мисс Темпл не пошла, а вместо того заперла дверь на защелку и через общий зал проследовала к лестнице.

— Элоиза? — позвала она.

Где-то наверху горела лампа, но ее не было видно, поскольку лестница после крохотной площадки делала поворот. Мисс Темпл поднялась по лестнице, гулко стуча каблуками, хотя и старалась не шуметь. Наверху было три двери: две боковые, закрытые, и средняя, широко распахнутая, откуда и пробивался свет.

На узкой кровати лежала котомка, приготовленная этим утром Линой. И никаких следов Элоизы. Мисс Темпл взяла лампу, вышла на площадку, посмотрела на закрытые двери и решила (раз гостиница, по-видимому, пуста, а из-под дверей не просачивается свет) слегка, совсем слегка, нарушить общепринятые правила.

Первая комната явно была сдана кому-то: кожаные дорожные мешки — один на кровати и три на полу, а кроме того, в углу — необычный, удлиненный кожаный чехол (для зонтика?). Но мешки были плотно перевязаны, и, не считая выщербленной белой тарелки с пеплом, никаких признаков постояльца не замечалось.

В третьей комнате постояльца вообще не было — с кровати убрали одеяла. Мисс Темпл потянула носом, нет ли в воздухе запаха синей глины, но пахло разве что мышами. Она присела, заглянула под кровать и вытащила тоненькую книжку. «Персефона; поэтические фрагменты», в переводе некоего мистера Линча. На белом картонном переплете были давно

высохшие следы пальцев, перепачканных в крови.

Она вспомнила их первую встречу в поезде — пассажир, читающий такой вот томик, раскрытая бритва на соседнем сиденье. Это была книга Чаня.

Кто-то постучал во входную дверь. Мисс Темпл метнулась прочь из пустой комнаты, быстро вернула на место лампу, положила книгу рядом с Лениной котомкой и понеслась вниз. Пробегая через общий зал, она прикидывала, кто это мог стучать и стоит ли очертя голову бежать навстречу неизвестности. Тут из кухни, вытирая руки о передник, вышла женщина.

— Вы, видать, вторая молодая дама. — Незнакомка приветливо улыбнулась, а мисс Темпл тем временем подошла к запертой двери. — Мне сказали, что вы придете.

Прежде чем мисс Темпл успела сказать хоть слово (или хотя бы облечь в слова свой вопрос: а где вы прятались?), с улицы ворвалась Элоиза Дуджонг. Следом вошли двое мужчин.

— Ах, Селеста, вот вы где! — Элоиза с улыбкой облегчения повернулась к своим спутникам. — Видите — она не игра моего воображения!

— А я признаться, уже начал так думать, — с усмешкой сказал старший — высокий, широкоплечий, с черными курчавыми локонами возле ушей. На нем был дорожный плащ, плотный и очень длинный — виднелись только черные ездовые сапоги.

— Это мистер Олстин, — Элоиза показала на него рукой, — постоялец «Горящей звезды». Он великодушно согласился сопровождать меня.

— Не могу допустить, чтобы дама в одиночестве ходила по улице, — снова усмехнулся Олстин. — К тому же я наслушался всякого про эти горы.

— А это Франк. — Второй мужчина был пониже и помоложе Олстина, с жестким угрюмым взглядом. Руки его — большей частью сжатые в кулаки — были покрыты уродливыми мозолями. — Франк помогает нашей хозяйке, миссис Доб — вижу, вы с ней уже познакомились...

— Еще не успела, — вставила мисс Темпл, словно не замечая устремленных на нее мужских взглядов.

— Мы искали вас, Селеста, — продолжала Элоиза, так, словно это не было очевидно. — Судя по всему, слухи о печальных событиях на севере предвосхитили наше появление. Когда вы не вернулись вскорости, я заволновалась.

— Мы добрались до конюшни, но там сказали, что вы уже ушли, — сказал Олстин.

— Но на улице мы не столкнулись, — с невинным видом заметила мисс Темпл. — Как странно.

— Мистер Олстин — из партии охотников, он только что с гор. А миссис Доб и Франк сообщили мне...

— О смертях, я полагаю, — сказала мисс Темпл, поворачиваясь к хозяйке. — Злосчастные обитатели невысокого домика, что на другой стороне дороги, ярдов двадцать в длину? По-моему, все случилось совсем недавно. Бог знает, что за ужасная смерть...

Все промолчали в ответ на это.

— Там не горел свет, — продолжала мисс Темпл, — и дым не шел из трубы. В единственном доме на весь Карт. Напрашиваются выводы. Но скажите мне, сколько человек было убито и, не сочтите за назойливость, кто они? И кто их убил?

— Убиты двое, — сказал Франк, — Уиллем и его несчастный отец...

— Уиллем? Парнишка, который по утрам работал в конюшне? — сочувственно поинтересовалась мисс Темпл.

— Откуда вы это знаете? — спросил Франк.

— Она только что из конюшни, — сказал Олстин с проницательной улыбкой. — Тот, другой, парень наверняка не мог ни о чем говорить — только об Уиллеме.

— Вы правы, сэр, — строго заметила мисс Темпл. — Люди расклеивают чужие раны, как галки оставленную без присмотра коврижку.

Элоиза взяла ее за руку.

— Но конюх не сказал, кто совершил эти убийства, — добавила мисс Темпл со слишком явной надеждой в голосе.

— Чего еще от него ждать, — сказала миссис Доб.

— Давайте на минутку удалимся в наш номер, — обратилась Элоиза к мисс Темпл.

— Конечно. — Мисс Темпл улыбнулась Олстину и Франку. — Я вам обоим признательна за вашу доброту, хотя в ней и не было нужды.

Элоиза сделала книксен мистеру Олстину, легонько развернула мисс Темпл в сторону лестницы, а потом вежливо заговорила с хозяйкой.

— Миссис Доб, если вас не затруднит, мы бы хотели пообедать через двадцать минут.

— Конечно, моя дорогая, — ровным голосом ответила та. — Сейчас займусь мясом.

Заперев дверь на защелку, женщины сели рядышком на кровать и зашептались.

— Это книга Чаня! — воскликнула мисс Темпл, протягивая заляпанную кровью «Персефону». — Я нашла ее в соседнем номере.

— Да, наверное. А вот это... — Элоиза вытащила из кармана гладкий пурпурно-красный камушек и окурок, потом другой рукой убрала камушек, а окурок протянула мисс Темпл, — говорит о том, что здесь был доктор Свенсон.

Мисс Темпл принялась разглядывать окурок, безуспешно пытаясь отыскать на нем след мундштука.

— Вы уверены?

— Окурок пригасили об пол в этом номере.

— Но может, мистер Олстин или один из их компании... разве они не могли быть там?

— Я точно так же могу сказать, что многие мужчины читают стихи.

Мисс Темпл сравнение показалось неудачным.

— Я видела Чаня именно с этой книгой, — сказала мисс Темпл. — А курение табака у нас — вещь обычная, как холера в Венеции.

— Доктор Свенсон купил несколько пачек датских сигарет у одного из рыбаков, — возразила Элоиза. — Видите эту фабричную марку?

Она перевернула окурок на ладони, и мисс Темпл разглядела маленькую золотую птичку.

— Что ж, — сказала мисс Темпл, — возможно, он говорит еще кое о чем. Я тоже нашла окурок, хотя не знаю, есть ли на нем такая марка. Нашла его в этом пустом доме по пути из конюшни. Если доктор тоже был в доме...

— Вы заходили в этот пустой дом? Одна? При том, что вокруг происходят убийства?

— Я не знала, что тут происходят убийства... — начала мисс Темпл.

— И вы не моргнув глазом солгали нам всем внизу!

— А что я должна была говорить? Я не знаю этих людей, не знаю, какие у них интересы...

— Интересы? — воскликнула Элоиза. — Да при чем тут какие-то интересы — они просто пытались вам помочь!

— Но почему?

— Из чувства доброты, Селеста! Обычная порядочность...

— Ах, Элоиза! Волосы, следы ног... а теперь еще и эти убийства здесь! Этот пустой дом принадлежал последним по времени жертвам...

Элоиза бросила окурок на пол.

— Мы стали искать вас, Селеста, как только я узнала о том, что здесь случилось. Мы дошли до самых конюшен! Мы должны были встретить вас по дороге! Но вы исчезли! Я была так взволнована, так перепугана!

— Ну, с вами же были эти плечистые ребята, — возразила мисс Темпл.

— Я боялась за вас!

— Но я обнаружила...

— Мы обнаружили, что нам грозит серьезная опасность! Мы обнаружили, что и доктор, и Кардинал побывали здесь, но мы не знаем, выбрались ли они отсюда живыми!

Эта мысль как-то не пришла в голову мисс Темпл. Она была рада найти книгу Чаня, но даже не подумала о том, что это может быть знаком несчастья, постигшего Кардинала. И вот тогда, взглянув на Элоизу, не отрывавшую взгляда от окурка, мисс Темпл заметила слезы в ее глазах. Да, Элоиза права! Могло случиться что угодно, и Чань с доктором, возможно, убиты.

— Нет-нет, — начала она с обнадеживающей улыбкой. — Я уверена, наши друзья в безопасности...

Но по щекам Элоизы уже текли слезы. Она резко вскрикнула:

— Откуда вам это знать, Селеста Темпл? Вы — упрямое существо, вы беззаботно проспали эти дни, когда случались убийства. У вас есть деньги, вы уверены в себе. Сколько раз ваша самонадеянность заводила вас в переделки! И раз за разом вас спасали те самые люди, что теперь мертвы или пропали неизвестно куда. Я столько ночей охраняла вас, охраняла одна, а вы с вашей склонностью к капризам и авантюрам бросили меня, как только вам вожжа попала под хвост!

Первым желанием мисс Темпл было отхлестать Элоизу по щекам. Но ее так поразила эта вспышка, что все вылилось лишь в холодное отвращение, которое поселилось в серых глазах Селесты. Прежде живые, они теперь смотрели настороженно и безжалостно — взгляд кошки, от которой не знаешь, чего ждать.

Элоиза тут же прижала руку ко рту, глаза ее широко раскрылись.

— Ах, Селеста, извините... я не хотела... простите, бога ради.

Но мисс Темпл слышала подобные слова и раньше, всю свою жизнь, из уст самых разных людей, начиная от ее властного отца и кончая последней кухаркой, слышала так часто, что ее знакомые делились на тех, кто выговорил их (или, как ей казалось, был готов выговорить), и тех, кто, как Чань, Свенсон и до этого момента Элоиза, не сделали этого. Мисс Темпл была вынуждена поддерживать общение с теми, кто принадлежал к первой категории, но характер отношений, разумеется, безвозвратно менялся, и теперь, глядя холодным взором на миссис Дуджонг, мисс Темпл не замечала на лице этой женщины того, что менее своевольный человек назвал бы искренним раскаянием. Вместо этого, мисс Темпл волевым усилием снова похоронила чувства в глубине своего сердца и переместила свое внимание — словно тяжелый чемодан на вокзальной платформе — на самые насущные и важные проблемы: рядом с ними всякая личная неприязнь казалась малосущественной.

— Не будем об этом, — тихо сказала она.

— Нет-нет, это было ужасно, извините меня, — Элоиза подавила невольный бесцеремонный вскрик, — я просто испугана! И еще после ссоры с доктором, нашей дурацкой, дурацкой ссоры...

— Это явно не имеет ко мне никакого отношения. — Мисс Темпл воспользовалась возможностью, чтобы подняться, разгладить на себе платье и выйти из пределов досягаемости утешительно-просительных, исполненных чувства вины рук. — Единственная моя забота — спутать их планы и расправиться с этими подлыми убийцами. А также узнать, кто стоит за этими преступлениями и выжил ли кто-нибудь еще из пассажиров дирижабля. Речь идет о человеческих жизнях — нам надо найти ответы, Элоиза!

— Конечно... Селеста...

— И тут встает другой вопрос — я не могла его задать там, внизу. За время ваших поисков вы не видели на улице кого-нибудь еще?

— А должна была?

Мисс Темпл пожалала плечами. Элоиза внимательно наблюдала за ней, готовая пуститься в новые извинения. Мисс Темпл улыбнулась так любезно, как только могла.

— Я только сегодня утром поднялась с постели. И мне теперь вдруг захотелось одного: лечь и закрыть глаза.

— Конечно. Я скажу миссис Доб, что мы поедем попозже — вы должны отдыхать столько, сколько нужно.

— Это так мило с вашей стороны, — сказала мисс Темпл. — Не могли бы вы забрать лампу и закрыть дверь?

Лёжа в темноте, лицом к сосновым доскам стены, и держа в руках «Персефону», мисс Темпл убеждала себя, что по большому счету так все выходит проще... и кто знает, может быть, ссора Элоизы с доктором Свенсоном тоже вспыхнула из-за взбалмошности и близорукости этой ненадежной, капризной женщины, которая, откровенно говоря, всегда была лишь обузой. Мисс Темпл набрала в грудь побольше воздуха и медленно выпустила его, чувствуя, как перехватывает в горле. Ничто не изменилось, только теперь еще важнее вернуться в город. Если она уснет в поезде, можно будет и вовсе не разговаривать с Элоизой, разве что с билетами разобраться. И в ее семейный загородный дом совсем не надо ехать. Мисс Темпл снимет номер в другой гостинице. Чань и Свенсон найдут ее и там. Если только они живы.

Она снова вздохнула, села, прощурив нижними юбками, и нашла на ощупь свечу и спичку. Ей не хотелось думать ни про Элоизу, ни про перекошенное, смертельно-бледное лицо в окне, ни про видения из синей книги, ни про графиню, ни про Роджера. И вообще думать не хотелось ни о чем. Мисс Темпл посмотрела на книгу, которую держала в руке, и подалась поближе к свету.

Она не питала пристрастия ни к поэзии, ни вообще к чтению, если уж на то пошло. А если и брала в руки книгу, то обычно по чьему-нибудь настоянию — гувернантки, учителя, родственников, — а потому книги вызывали у нее лишь негодование и раздражение. И тем не менее мисс Темпл воображала, что поэзия для Чаня — то же самое, что географические атласы для нее самой; из всех книг только атласы не вызывали у нее отвращения. Она открыла книгу и начала ее листать, прикидывая количество текста на страницу (не очень много) и общее число страниц (тоже не очень много). Легкое чтение, как раз для таких вот нетерпеливых, с другой стороны, именно это уязвляло ее гордыню.

Мисс Темпл закрыла книгу, а потом, подчиняясь какому-то порыву, взялась за обе части обложки и распахнула их. Книга открылась на том месте, на котором и должна была открыться, потому что корешок здесь не раз перегибался, а уголок страницы был специально загнут.

На развороте было одно стихотворение из четырех строк, озаглавленное «Гранат».

Шесть зернышек кровавых и страна,
Где скорбь и воздух гнил и смраден.
И даже утеха неба здесь ей не дана —
Лишь вечный мрак, суров и безотраден.

Мисс Темпл закрыла книгу. Обычно она не возражала против поэзии, ее даже трогала сжатость поэтических образов. Но для мисс Темпл поэзия была не строками на белом листе, а чем-то сложным и чувственным, что невозможно передать лишь словами, — мгновениями, слишком спрессованными, слишком заполненными тем, отчего мороз продирает по коже: буйством сентябрьского прибоя, ворчанием ее любимого кота, поймавшего птичку, дымом от горящих полей сахарного тростника, что плывет над ее утренней верандой... прозрачные моменты, сквозь которые прозревался иной, сокрытый мир... мгновения, делавшие ее мудрее и грустнее.

При некотором усилии мисс Темпл наверняка вспомнила бы легенду о Персефоне, хотя бы частично, чтобы нетерпеливо вздохнуть, но она не знала, что для Чаня означают похищение, плоды граната и все такое. Корешок переломлен, уголок странички загнут — да, это стихотворение важно для Чаня. «Кровавые зернышки» ей понравились: до чего же безрадостно обитать в подземном царстве, где нет неба... Но вот что касается темы стихотворения — похищение принцессы, попавшей в подземный мир... Мисс Темпл шмыгнула носом. Возможно, это имело отношение к куртизанке, в которую был влюблен Чань, к Анжелике. Она сложила губы трубочкой, вспоминая эту злосчастную шлюху, — как глупая девочка из сказки, та отвергла Чаня, поддавшись на лживые увещания графа д'Орканца. А в итоге была приведена к покорности, обезображена и наконец погибла. Привязанность такого рода не была редкостью — самой мисс Темпл постоянно делали предложения разные неприятные типы, — но Кардинал казался неуязвимым для подобных слабостей. И вот мисс Темпл вдруг обнаружила, что не испытывает неприязни к Чаню за этот его недостаток, более того — вздыхает, сочувствуя его боли.

Она вздохнула еще раз, глядя на пламя свечи. Надо бы спуститься, хорошо поесть и заснуть до утра. Но мысли ее все находили успокоения (к тому же перспектива делить кровать с Элоизой совсем не вдохновляла). Ей пришло в голову, что этот охотник, мистер Олстин, отправляясь на охоту, должен брать местную лошадь. И может ответить кое на какие вопросы, которые она задала бы убитому конюху...

Мисс Темпл засунула книгу под подушку, задула свечу, потом вышла на площадку и снова разгладила на себе платье, размышляя, удастся ли ей утром уговорить миссис Доб завить ей волосы. От этой мысли улыбка невольно вспыхнула на ее лице. Она спустилась по лестнице, вдыхая запах еды и слыша потрескивание дров в камине. Сердце мисс Темпл ожесточилось, но это было для нее делом столь привычным, что она почти ничего не

Мисс Темпл нашла миссис Доб на кухне — та переливала очень темную подливку из сковороды в маленькую металлическую соусницу. Хозяйка накрыла скромный стол на двоих, но Элоизы видно не было.

Миссис Доб посмотрела на мисс Темпл добрым, живым взглядом.

— Вот и вы! Другая дама сказала, что вы отдыхаете, но я уверена, хороший ужин пойдет вам на пользу.

— А где миссис Дуджонг?

— Разве ее нет у камина?

— Нет.

— Тогда не знаю. Может, разговаривает с мистером Олстином.

— Зачем ей это? — спросила мисс Темпл.

— Возможно, извиняется за то, что без нужды потревожила его этими поисками, — улыбнулась миссис Доб и поставила на стол миску овощей рядом с коричневатым хлебом, присыпанным мукой. От овощей шел пар.

— И где же она? — спросила мисс Темпл. — Наверху их нет.

— Вы присядьте, — сказала миссис Доб. — Когда все готово, оно куда как вкуснее.

Мисс Темпл пребывала в нерешительности; отсутствие Элоизы досаждало и радовало одновременно. Но вдруг она поняла, что есть возможность поговорить с миссис Доб наедине, и с приветливой улыбкой проскользнула на стул с дальней стороны стола, откуда могла говорить с хозяйкой, не поворачивая головы.

— Пожалуйста. — Миссис Доб положила маленький кусок мяса на массивную голландскую тарелку синего цвета. — Остатки баранины с прошлой недели. Я не извиняюсь — ничего лучше в Карте вы не найдете. В последние пять дней на север не было никаких подвозов, словно нам не нужно есть, а только благородным. Сплошные неприятности. Простите, я не расслышала вашего имени.

— Меня зовут мисс Темпл.

— У меня плохая память на имена, — раздраженно сказала миссис Доб. — А вот повариха я отличная.

Мисс Темпл занялась соусницей, хлебом и деревянной миской с чем-то вроде посыпанного мускатным орехом брюквенного пюре. Такая мелочь, как орех, улучшила мнение мисс Темпл о хозяйке.

— Насколько я понимаю, вы недавно видели нашего с миссис Дуджонг друга, — сказала мисс Темпл, намазывая масло на ломоть хлеба. — Такой заметный внешне, в красном плаще и темных очках.

Миссис Доб сдвинула два горшка на плите, освобождая место для чайника. Когда она снова посмотрела на стол, губы ее были плотно сжаты.

— Этого, с позволения сказать, джентльмена, не так-то легко забыть. Он заказал одно блюдо, поел и отправился дальше. Мы едва обменялись десятком слов, да и то потому, что он просил передать соль.

— Может быть, мистер Олстин говорил с ним?

— Мистер Олстин тогда еще не вернулся с гор.

— А Франк?

— Франк не разговаривает с постояльцами.

И миссис Доб, словно только что вспомнив о своем работнике, повернулась к небольшой двери сбоку от плиты. Эту дверь, скрытую занавеской, мисс Темпл раньше не замечала.

— Франк! Ужин! — закричала хозяйка, как моряк на корабле.

Из невидимой комнаты не послышалось ни звука.

— Хлеб у вас превосходен, — похвалила мисс Темпл.

— Рада это слышать, — сказала миссис Доб.

— Я люблю хлеб.

— Хлеб трудно испортить.

— Особенно хлеб с вареньем.

Миссис Доб решила ничего не говорить в ответ — варенья на столе не было.

— А наш второй друг? — продолжала мисс Темпл.

— У вас так много друзей, хотя вы и далеко от дома.

— Доктор Свенсон. Он, вероятно, проезжал через Карт дня через два после Кардинала...

— Кардинала? Того, в красном и с глазами? Он никак не похож на церковника.

— Нет-нет, — сказала мисс Темпл, прыснув со смеху. — Просто все так называют его в городе. По правде говоря, не знаю, какое имя дали ему при крещении.

— Разве китайцев крестят?

Мисс Темпл рассмеялась.

— Ах, миссис Доб, он не больше китаец, чем мы с вами — чернокожие африканки. Его так прозвали из-за шрамов на глазах. В этом все дело.

Мисс Темпл со смехом приставила пальцы к уголкам глаз и растянула веки, изображая, как могла, шрамы Чаня.

— Это неестественно, — провозгласила миссис Доб.

— Удар хлыстом, кажется... Кардинала трудно назвать красивым, но ведь его мир так суров... и эти страшные шрамы говорят о больших способностях.

— А что это за мир? — спросила миссис Доб чуть приглушенным голосом. Она подошла поближе и принялась нервно тереть пальцами потертый угол стола.

— Это мир, в котором случаются убийства, — ответила мисс Темпл, сознавая, что ей нравится пугать хозяйку и что ее слова — своего рода хвастовство. — Такие люди, как Кардинал Чань, доктор Свенсон и, поверите или нет, я, немало сделали, чтобы раскрыть эти убийства. Вы видели доктора Свенсона, я знаю. Миссис Дуджонг нашла наверху окурки от его сигареты. То, что он был здесь, доказано.

Мисс Темпл посмотрела на хозяйку (та была старше, выше ее, находилась у себя дома) с ясной уверенностью инквизитора — мол, со мной шутки плохи. Положив нож и вилку, она показала на пустой стул напротив себя. Миссис Доб опустила в него, недовольно шмыгнув носом.

— У нас в Карте не очень расположены к чужакам, особенно к таким, которые похожи на самого дьявола.

— Как скоро после приезда Чаня появился доктор?...

— А потом эти убийства... конечно, местные мужчины стали искать, даже ваш второй

друг, этот иностранный доктор...

— Военный врач. Он служит в Макленбургском флоте. И где же доктор сейчас?

— Я же вам говорю — присоединился к отряду, который отправился на поиски. Ума не приложу, почему они до сих пор не вернулись.

— А куда они направились — к железной дороге?

Миссис Доб фыркнула, услышав это нелепое предположение.

— В горы, конечно. Там опасно круглый год, а хуже всего — ранней весной, когда выжившие звери голодны.

— Звери?

— Волки, моя дорогая... в наших горах полно волков.

Сопоставив эти два взаимно дополняющих друг друга факта (что так спокойно уживались в голове женщины) — пропавший отряд и волки, — мисс Темпл пришла в ужас.

— Прошу прощения, миссис Доб, но вы, кажется, говорите, что доктор Свенсон с отрядом людей покинул Карт, отправился в кишачие волками горы и не вернулся? И что — это никого не беспокоило? Ведь у пропавших горожан наверняка есть семьи.

— Мне никто ничего не говорит, — мрачно заявила миссис Доб. — Я всего лишь несчастная вдова, кому нужна такая старуха...

— Но кто может знать, куда они направились?

— Да кто угодно из местных! Даже Франк, — раздраженно фыркнула женщина. — Мне-то он ни словечка не сказал, хотя если подумать, то после моих щедрот...

— Кто-нибудь из вас говорил об этом миссис Дуджонг?

— Откуда мне знать? — отрезала хозяйка, но потом ухмыльнулась с плохо скрытым удовольствием. — Воображаю, как ему подобные рады напугать женщину такими вот историями!

Мисс Темпл закрыла глаза, представляя себе, как должна была Элоиза встретить известие об исчезновении доктора.

— Боже милостивый, — продолжала миссис Доб, — с появления первых чужаков, а потом этого вашего Чаня...

— Постойте, каких первых чужаков? Мистера Олстина и его товарищей? Или кого-то еще?

— У нас в «Горящей звезде» охотно останавливаются всякие путешественники...

— Что за путешественники? Как и мы — с севера?

— Ну, этого я не знаю, — прошептала хозяйка. — В этом-то вся и тайна. — Она наклонилась над столом с заговорщицкой ухмылкой, обнажив дырку в ряду передних зубов. — Мальчишка — ну, тот, которого потом убили, — прибежал из конюшни предупредить, что нужна будет комната, самая лучшая комната. Но потом этот дурачок убежал, а мы даже не успели спросить, для кого и сколько их. Столько сил потратили, комнаты вычистили, еду приготовили — расходы-то какие! — а никто так и не появился! А потом прибыл этот ваш Чань — не из конюшни, потому что он был без лошади. А на следующий день, прежде чем я успела выпороть этого маленького обманщика, пришло известие, что его убили вместе с папашей!

— Но... вы ведь не думаете, что волки с гор могут бродить по улицам города?

Миссис Доб, которая явно оживилась, высказав долго сдерживаемое недовольство, обмакнула ломтик хлеба в брюкву и заговорила с набитым ртом:

— Такого не случилось со времен моей бабушки, но почему нет? Да и как иначе

объяснить весь этот ужас?

Две минуты спустя мисс Темпл с острым ножом в руке снова шла по главной улице Карта. Было холодно — изо рта шел пар. Мисс Темпл пожалела, что у нее нет шарфа, что она необдуманно отказалась от предложенного хозяйкой коричневого плаща, попахивающего сыростью (впрочем, любая коричневая одежда ее отталкивала). Луна опустилась ниже, приблизившись к темным холмам, но все еще светила довольно ярко. В уверенности, что Элоиза отправилась на поиски дома убитого мальчика, мисс Темпл, волнуясь, подошла к двери, которая теперь была закрыта. Из-под щели внизу пробивался желтый свет.

Дверь оказалась заперта изнутри. Мисс Темпл постучала — стук в ночи прозвучал до нелепости громко. Ответа не последовало. Она постучала еще раз, а потом резко прошептала:

— Элоиза! Это мисс Темпл. — Она вздохнула. — Селеста.

И опять никакого ответа. Мисс Темпл подергала ручку — все с тем же успехом.

— Мистер Олстин! Франк! Я требую, чтобы вы открыли дверь!

Ей было холодно. Она стукнула в ставню, но открыть ее не смогла. Тогда она направилась к узкому проходу между домом и каменной стеной соседнего строения, чтобы попытаться зайти со двора. Она проглотила слюну. Может, Элоиза пошла не сюда, а в конюшню? И куда девались двое мужчин? Уж не сделали ли они чего-нибудь с Элоизой, заманив ее в укромное место? Или в доме был вообще кто-то другой — с перекошенным лицом трупного цвета?

Мисс Темпл еще раз вздохнула и вошла в проход, выскользнув из полосы лунного света, как привидение. Сапожки ее шуршали в траве, затяжелевшей от росы, отчего платье скоро намокло и стало ударять по щиколоткам. В боковой стене не было окон, изнутри не доносилось никаких звуков. Мисс Темпл крепче ухватилась за рукоятку ножа и медленно — так медленно, как падает капля меда в чай, — заглянула за угол.

Порыв вечернего ветра ударил ей в лицо парами синей глины.

Она проглотила слюну, ощутив жжение в горле, глаза наполнились слезами, но тем не менее она заставила себя взглянуть еще раз. За домом была лужайка, заставленная какими-то необычными деревянными клетями — теперь пустыми, но прежде служившими жилищами для кроликов или кур. Лужайку освещал квадрат яркого желтого света из окна — того самого окна в дальней комнате, откуда мисс Темпл выглядывала некоторое время назад. Рама и стекло были разбиты — видимо, ударами ноги. Мисс Темпл присмотрелась к торчащим осколкам, похожим на редкие зубы моряка, и увидела, что они направлены внутрь. Значит, стекло разбили снаружи.

Она подкралась еще ближе. Окно располагалось слишком высоко, чтобы заглянуть через него внутрь, — но там, где задний двор, должна быть и задняя дверь. Мисс Темпл прошла мимо окна и нашла дверь за клетями — сколоченная из досок, та едва держалась на паре ржавых петель. Она слегка потянула за ручку, убедившись, что дверь заперта на цепочку изнутри. Действительно, если дверь не заперта, зачем разбивать окно?

Решив, что звяканье цепочки и громкий шепот все равно известили тех, кто внутри, о ее приходе, мисс Темпл шумно подтащила один из ящиков к окну, осторожно испытала ногой на прочность, а потом боязливо забралась на него. С этой высоты она могла заглянуть внутрь, нагнувшись над побитым подоконником. На полу, свернувшись, лежал на боку Франк. Посреди комнаты стояла лампа, и в ее свете ярко сверкали устилавшие пол осколки, так что нельзя было забраться внутрь, не порезавшись. Мисс Темпл облегченно вздохнула,

радуясь, что не надо рвать платье, а потом, вспомнив свое первое посещение этого дома, перевела взгляд на центральную часть рамы. В дерево впиталась темная, тягучая жидкость. Мисс Темпл принялась — да, вот оно: противный, с машинным привкусом, запах синей глины! И все же, нахмурившись, она принялась еще раз, даже глаза закрыла, чтобы сосредоточиться. Соль... и железо. Она открыла глаза и скорчила гримасу. К зловонной синей жидкости была примешана кровь.

Мисс Темпл спрыгнула с ящика и направилась к непрочной двери. Она с удовольствием вогнала нож в щель между дверью и косяком и потянула его вверх, пока не почувствовала цепочку, потом еще пару раз с силой дернула нож и раздраженно чертыхнулась — в кожу вонзилась заноза. Наконец цепочку удалось выбить из гнезда. Через мгновение мисс Темпл уже стояла на пороге комнаты, одной рукой зажав нос, а с другой слизывая капельку крови. Человек на полу был мертвее мертвого. Стекло хрустело у мисс Темпл под сапогами, когда она осторожно шла в среднюю комнату, заставленную мебелью: сколько мест, чтобы затаиться, спрятаться! Она старалась заглядывать под столы и шкафы, но отвлекалась на не замеченные ранее детали — груда одежды, коробка с побитыми игрушками, сложенный выходной пиджак и туфли. Проглотив слюну, она прошла в последнюю комнату (самую темную — свет от лампы едва проникал сюда): та была пуста, как и в прошлый раз. Пришлось вернуться к телу — без малейшего удовольствия.

Мисс Темпл положила нож на пол, потому что перевернуть Франка можно было только обеими руками. Но, увидев его лицо, она закрыла рот рукой и отвернулась в остром приступе тошноты: Франк был бледен как мел, глаза отчаянно выпучены... Однако не страдальчески искаженные черты ужаснули мисс Темпл. Она заставила себя снова повернуться и взглянуть в мертвеца, но тут же опять отпрянула, прогоняя руками пары синей глины и ощущая во рту горечь желчи. Ей никогда не приходилось видеть ничего подобного: горло у Франка отсутствовало, на его месте белели позвонки.

Она обвела глазами тело целиком. Что бы сделал доктор Свенсон? Есть ли на убитом другие раны или царапины? Они должны быть непременно, если тут замешан волк. Мисс Темпл не нашла ничего... и, более того, вдруг поняла, что не стоит (хотя должна была бы) в луже крови.

Крови вообще не было видно. Как такое возможно? Может, его убили на улице, а потом затащили через окно? Нельзя исключать и этого... Но из такой жуткой раны все равно бы натекло много крови, а тут — ни капли, даже на рубашке. Подавляя дрожь, мисс Темпл встала на колени и, засунув нож под воротник, кончиком лезвия разрежала ткань.

В складке кожи между изуродованной шеей и плечом виднелись крохотные синие кристаллики... темно-синего стекла.

Итак, парня убили осколком синего стекла, который заморозил все вокруг раны — отсюда и отсутствие крови. После этого убийца, вероятно, некоторое время извлекал — ножом? пальцами? — всю плоть, преобразенную стеклом, поставил воистину страшную рану.

Мисс Темпл, пошатываясь, двинулась в сторону тускло освещенной первой комнаты. Но как Франк попал сюда? И что он такого увидел, что его следовало убить? И где были Элоиза и мистер Олстин? Мисс Темпл считала, что они ушли все вместе — втроем. Может, остальные просто убежали? Или Франк пришел сюда один? Но где же тогда Элоиза? В обществе широкоплечего охотника, которым она, кажется, слишком уж увлеклась...

И почему передняя дверь заперта? Допустим, Франка убили на улице, а потом затащили

внутри через окно. Но не было следов того, что кто-то выбирался через окно наружу — ведь осколки стекла смотрели внутрь. При этом обе двери были заперты изнутри, а значит, тот, кто их запер, все еще... находился в доме...

Скрежет деревянного стула, передвигаемого по полу, прервал мысли мисс Темпл. Она метнулась в среднюю комнату. Скрежет усилился, когда стали отодвигать комод, а потом рухнул на пол — был скинут — стол, видимо стоявший на нем. Мисс Темпл видела, как валился стол — со страшным грохотом, который в маленьком домике напоминал рокот кавалерийской атаки. Мисс Темпл вскрикнула. Стол за ее спиной откинули в сторону. Она услышала шаги, тяжелые, громкие, — перебросила щеколду и повернула ручку. Удушьяющие пары синей глины обвилились вокруг ее плеч парой цепких рук. Дверь открылась. Мисс Темпл бросилась через порог на улицу.

Дверь «Горящей звезды» оказалась распахнута. Что-то случилось. Мисс Темпл вбежала в общий зал, зовя миссис Доб и Элоизу, но никто не ответил. Дрожащими пальцами заперев дверь, она помчалась вверх по лестнице, схватила книжку Чаня. Элоизы здесь не было, но дверь в комнату Олстина была открыта, а содержимое мешков разбросано по полу. Она бросилась на кухню, позвала обоих опять, хрипло дыша; голова начинала заметно кружиться. Ей было плохо. Ей нужно было лечь в кровать и выпить чаю. И чтобы кто-нибудь добрый сидел рядом и читал забавные новости из газеты, а она соскальзывала бы в сон. Но мисс Темпл вместо этого завернула за угол и, потеряв равновесие, ударилась о стену — ее нога въехала в гущу брюквенного пюре. Стол лежал на боку, повсюду была разбросана еда, валялись осколки сине-белых тарелок и перевернутые кастрюли, из которых вытекало их содержимое. Дверь во двор была распахнута, и мисс Темпл ринулась к ней. За спиной у нее затряслась под тяжелыми ударами парадная дверь — казалось, в нее молотит своими копытами битюг.

Миссис Доб стояла на коленях в траве, хватая ртом воздух. Вокруг нее было раскинуто смятое, влажное постельное и носильное белье, — словно капризный ребенок выбрал из постиранного за неделю то, что хотел, а остальное вывалил на землю.

Мисс Темпл подхватила хозяйку под мышки, пытаясь ее поднять.

— Мисс Доб, вам грозит опасность...

Женщина, казалось, не слышала ее и даже не заметила, что ее поднимают. Она бормотала что-то, трясла головой, с губ стекала ниточка слюны.

— Сюда, миссис Доб. Вы видели миссис Дуджонг?

Мисс Темпл тащила хозяйку к калитке в дальнем конце двора, пиная скомканное белье. Из гостиницы послышался еще один удар, потом еще — такой бешеной силы, какую не могла выдержать ни одна дверь.

— Миссис Доб! Прошу вас! Вы видели Элоизу? Видели мистера Олстина?

Наконец хозяйка подняла голову: черные глаза расширены от ужаса, в уголке рта — кровь.

— Мистера Олстина?

— Вы знаете, где он?

— Она... она вернулась...

— Элоиза? Куда они пошли?

— Она... — У миссис Доб от ужаса перехватило дыхание — ей никак не удавалось прийти в себя после случившегося. — Она... просила меня помочь ей... но потом мистер Олстин... ах, нет, не надо!

Поняв, что мисс Темпл тащит ее к калитке (распахнутой — еще одно свидетельство бегства Элоизы), миссис Доб воспротивилась. Завыв, как животное, она уперлась ногами, вырвалась из рук мисс Темпл, но тут же рухнула на колени и разрыдалась. О какой помощи просила Элоиза — взглянуть, что лежит в мешках Олстина? Но зачем переворачивать стол и разбрасывать белье? Может, Олстин застал их в своей комнате? Может, Элоизе удалось бежать, а он пустился за ней?

Мисс Темпл, охваченная внезапным ужасом, повернулась к кухонной двери. Лампа на кухне погасла, и свет теперь проникал во двор только из общего зала, где горел камин. Потом и его перекрыла тень, возникающая в дверях, — плотная, непроницаемая. Вскрикнув, мисс Темпл бросила рыдающую хозяйку и кинулась к калитке.

Она не пробежала и пятнадцати шагов, когда крик миссис Доб расколол ночь. Мисс Темпл громко взвизгнула и заставила себя бежать дальше, как кролик, спасающийся от ястреба. Если бы только найти Элоизу — милую глупышку Элоизу! Может, вдвоем им удастся защитить себя. Но она тут же фыркнула: защитить себя этими ножичками? Пар от ее хриплого дыхания клубился в воздухе.

Неровная осклизлая тропинка вела к задворкам домов — каждый с каменным забором и тяжелой калиткой. Когда она добежит до одной из них и сможет — если сможет — привлечь внимание обитателей дома своим криком, ее уже догонят. Дыхание было неровным, тело взмокло от пота — сейчас снова начнется горячка, она умрет, она поскользнется, нога сломается, как пруттик. Мисс Темпл посмотрела на очертания гор — не попробовать ли скрыться там? Нет, это означало бросить Элоизу, а мисс Темпл не могла так поступить — мешала не только гордыня, но, пожалуй, и совесть.

Тропинка резко ушла в овраг. По дну его протекал ручей, в котором виднелись ровные камни. На другой стороне, прямо на тропинке, лежал широкоплечий Олстин — его тело хорошо было видно в лунном свете. Мисс Темпл перебежала через ручей по камням и склонилась над ним. Горло оказалось цело, но подрагивающее пятно на прежде белой рубашке говорило о нехорошей ране близ сердца. Глаза их встретились, рука Олстина неуверенно и слабо потянулась к мисс Темпл. Пальцы его сжимали кривой нож, который прежде был у Элоизы.

— Нужно было убить вас обоих сразу, — выдохнул он, затем изо рта хлынула кровь, и больше мисс Темпл ничего не смогла разобрать.

Услышав шум на другом берегу, она повернулась лицом к преследователю. Страх с силой сжал ей горло. Она вскочила на ноги и побежала.

Оказалось, что тропинка тут же раздваивается: направо — назад к городку, налево — куда-то еще, где надо было пробираться среди беспорядочно разбросанных глыб. Мисс Темпл помедлила несколько мгновений. Грудь ее вздымалась. Преодолевая страх, она заставила себя оглянуться — и не увидела ничего. Может быть, она, идиотка, навоображала всяких призраков? Нет-нет — жуткий крик миссис Доб все еще стоял у нее в ушах. Понимая, что в запасе у нее считанные секунды, мисс Темпл напрягла свой усталый мозг. Какой путь могла выбрать Элоиза? Тропа, ведущая в город, шла по ровному лугу. Другая, петлявшая среди камней, почти сразу терялась из виду. Если Элоиза была испугана, наверное, ей хотелось скрыться от чужих глаз. Мисс Темпл бросилась в сторону черных камней.

Она не пробежала и двадцати шагов, как на поверхности камня в лунном свете показался кровавый мазок: кто-то вытер на ходу руку. Значит, направление выбрано верно.

Элоиза, так же объятая страхом, видимо, бежала не менее поспешно. Думала ли она, что Олстин все еще гонится за ней... или же испугалась графини? Видела ли Элоиза смерть Франка? Что заставило Олстина напасть на них — на Элоизу, на миссис Доб? Мог ли Олстин быть союзником графини? Мог ли он направляться не в горы, а на север, не его ли следы видели они у домика Йоргенсов? Но почему он был добр и приветлив в «Горящей звезде», пока хозяйка оставалась в тени? А если он не был союзником графини, почему Элоиза убила его?

Тропинка спускалась, пересекая освещенный луной луг, к рощице сучковатых деревьев. Сердце мисс Темпл забило еще сильнее при виде женщины, бегущей по колено в траве к этому тенистому леску. Она откинула волосы со лба: тело ее взмокло, ноги еле двигались, колени подгибались. Элоиза бежала к железной дороге. Насколько же легко Элоиза решилась бросить ее! Конечно, она была перепугана, конечно, ей грозила опасность, и все же... Мисс Темпл с отвращением вообразила, что за неубедительные извинения она представит Чаню и доктору Свенсону, объясняя, почему ей пришлось оставить мисс Темпл и тем обречь ее на смерть. Прежняя злость тут же вернулась к мисс Темпл. Она припустила вслед за миссис Дуджонг, чтобы догнать ее — и хотя бы как следует надрать уши.

Лесок был темным и узким — мисс Темпл пронеслась через него одним духом. Дальше лежал еще один овраг, поглубже первого, по которому вместо ручья бежали рельсы. Мисс Темпл подошла к краю обрыва, посмотрела вниз и увидела за поворотом, ярдах в ста от себя, дымок. Там явно есть машинисты, кочегары, охранник — достаточно, чтобы остановить одну женщину! Она выгнула голову и, посмотрев вдоль путей, увидела, как Элоиза скрывается за поворотом, — окликать было поздно, та все равно ничего бы не услышала. Мисс Темпл стала кое-как спускаться. На середине склона пришлось подчиниться силе тяжести и присесть, а остальную часть пути преодолеть на манер краба. Наконец она вышла к дороге и, отряхивая платье, пошла по просмоленным шпалам.

Внезапно мисс Темпл обнаружила, что ее мысли занимает новый вопрос, который до этого времени как-то не вставал: запах синей жидкости на подоконнике. В жидкости, несомненно, присутствовала кровь... но какой в этом смысл? Увиденное ею в дирижабле и следы на теле Франка заставляли предполагать, что синее стекло мгновенно превращало человеческую кровь и насыщенную кровеносными сосудами плоть в твердое вещество — в стекло. Так почему же эта жидкость вперемешку с кровью, изрыгнутая изо рта призрака, оставалась жидкостью? Как синяя жидкость, от которой за сто ярдов несло синей глиной, находясь внутри тела, не остекленила плоть? Если бы только здесь был доктор! Может быть, поэтому он и уехал — чтобы предупредить Чаня? Мисс Темпл подавила внезапный приступ сочувствия к графине: страшно бледное лицо той свидетельствовало о невероятной цене, заплаченной за выживание. Нет, пусть эта жестокая соблазнительница будет искалечена как угодно, не надо ее жалеть. Подобную иронию судьбы, свершившей правосудие, нужно встречать ликованием.

Мисс Темпл увидела поезд. Он состоял в основном из открытых товарных вагонов с рудой, отправляемой на юг для переплавки. Мисс Темпл хотелось принять ванну, лечь и уснуть, и она раздраженно пнула попавшийся под ногу камень. Дойдя до задних вагонов, она громко прошептала:

— Элоиза! Элоиза Дуджонг!

Женщина, видимо, направилась к паровозу в надежде найти там защиту. Мисс Темпл вздохнула — ее вид не позволял встречаться ни с кем, тем более с перепачканными угольной

пылью незнакомцами, — и пошла дальше.

Рядом с головой состава располагалось приземистое сооружение с мостками и металлическим лотком — отсюда вагоны загружались рудой, — а рядом с ним домик размером поменьше, окна которого светились желтым светом. Мисс Темпл тихонько двинулась дальше. Железнодорожники взволнованно кричали что-то друг другу. Группа из девяти-десяти дюжих молодцов в шлемах и длинных пальто собралась вокруг человека, лежавшего прямо под загрузочным лотком. Тот корчился и стонал. Несколько человек удерживали его, а остальные носились в поисках бинтов, или воды, или виски. Мисс Темпл продвинулась дальше вперед в тени поезда.

— Элоиза? — прошептала она.

И в неожиданном приливе сил забросила наверх нож и книгу, а потом подпрыгнула и подтянулась на руках так, что ее поясница оказалась приблизительно на уровне вагонного пола. Несколько секунд она кое-как балансировала, затем неуклюже перевалилась внутрь и исчезла из виду. Железнодорожники продолжали суетиться вокруг своего товарища — один склонился над ним, промывая рану на лице. Мисс Темпл затаилась, изо всех сил сдерживая дыхание.

Она посмотрела на томик в своей руке и, подчиняясь минутному капризу, уронила ее, с затаенной радостью ожидая, что книга откроется на все том же стихотворении. Но этого не случилось. К большому смутению мисс Темпл, перед ней оказался следующий разворот. Как она прежде не заметила?! Уголок был загнут именно в эту сторону, помечая не предыдущее стихотворение, а следующее! Оно называлось «Господь вздохов» и было еще короче (жалкие две строчки), так что Кардиналу Чаню оставалось больше места для записи.

«Наши враги живы. Уходите из этой гостиницы.

Не доверяйте никому. Передвигайтесь по ночам. Держитесь вместе.

Я буду ждать в полдень у Божьего времени».

Рядом с вагоном захрустел гравий. Мисс Темпл отодвинулась в тень, подальше от двери. Кто там — один из железнодорожников? Что, если он запрет дверь? Готова ли она отправиться на юг этим поездом? Что случилось с Элоизой? Что Элоиза скажет Чаню и Свенсону, какие придумает неубедительные извинения? Шаги приблизились, и мисс Темпл, свернувшись невидимой коброй в прохладном вагоне, стала улавливать ядовитые пары жженой синей глины.

Перед открытой дверью вытянулась неестественно длинная тень, и запах стал еще резче. Мисс Темпл, присев на корточки, спряталась за бочку — теперь дверь была ей не видна. Надежда затеплилась в ней, когда она поняла, что это товарный вагон, загруженный бочками с рыбьим жиром, и из-за сильной вони преследователь не учует ее, мисс Темпл, запаха. Или ее надежды тщетны? От паров глины у нее закружилась голова, потом послышалось чье-то шмыганье носом, беспрестанное, как у гончей, прерываемое лишь отвратительным сглатыванием и плевками. Глаза заслезились от вони, горло перехватил спазм. Тень еще приблизилась. Она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание или закричит.

Из темноты за спиной мисс Темпл вынырнула сильная рука и зажала ей рот, губы прижались к ее уху, слова прозвучали не громче вздоха.

— Тихо, Селеста, — прошептала графиня ди Лакер-Сфорца, — иначе мы обе умрем.

Глава вторая

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Кардинал Чань сделал еще глоток из металлической кружки — не столько из желания выпить чаю, сколько из беспокойной потребности снова проверить, саднит ли горло и останется ли после откашливания привкус крови. Привкуса не было, хотя горло все еще побаливало. Прошла неделя с того дня, когда они выбрались на берег. Доктор сделал все возможное, чтобы вывести толченое стекло из легких Чаня, — можно сказать, спас ему жизнь этой противной оранжевой жидкостью. Чань быстро допил чай и с гримасой отвращения зашагал по коридору, чтобы вернуть кружку трем железнодорожникам, сгрудившимся у печурки. На ходу он снова заглядывал в купе, но нигде не нашел своего противника.

Чань опустил на свое сиденье и выглянул в окно. Пейзаж был довольно унылым. Ни одной минуты в этой забытой богом деревне, в этих забытых богом лесах Кардинал не мог отделаться от чувства горечи и вины. Только теперь, после смерти Анжелики, Чань осознал, насколько сильно был привязан к ней. Куртизанка окончательно отвергла его, но в чем упрекнуть ее, кроме честности? Чань сглотнул слюну и поморщился. Честность — самая жестокая вещь на свете.

Он помнил, как отнес Селесту в рыбацкую хижину, но дальше в памяти отложилась лишь вереница бесконечных, нудных дел — затопить печь, обыскать дом в поисках еды, бороться с бурей, подобных которой он не видел. Хижину почти полностью затопило, крышу сорвало, вокруг падали ветви деревьев, бесконечно лил дождь, с каждым мгновением все становилось хуже — и Чань понемногу отдалялся от своих товарищей, погружаясь в потемки своей души. На следующее утро он отнес Селесту в телегу, а из телеги в дом Сорджа и Лины маленькая босая нога девушки выпросталась из-под одеяла, когда Чань поднимался по ступенькам. Он помог Элоизе собрать одежду и вместе со Свенсоном пошел улаживать дела с рыбаками и их несговорчивыми женами... но потом стало ясно, что улаживать Чань только мешает, и он стал уединяться еще чаще.

В какой-то момент Чань понял, что вот уже пять часов не проронил ни слова. Он принес охапку дров для плиты, а потом прошел в маленькую комнату, где лежала на кровати Селеста, и окинул девушку взглядом. Слышалось ее дыхание — чуть хриплое и все же нежное, как кружево. Кожа была влажна, темные волосы кудрявились, царапины и синяки оставили на шее послание, ведомое одному Чаню. В другое время он возбудился бы, но сейчас лишь недоуменно спрашивал себя: что это за молодая женщина, которая так вот взяла и изменила его жизнь? Он смотрел, как вздымается и опускается ее грудь, прикидывая размер грудной клетки, наблюдая приятную соразмерность бюста, рассеянно думая, каков он на ощупь. Одновременно Чань ощущал сильную боль в легких, остро сознавая себя отверженным: эта неприглядная внешность, эта бедность, эта опасная профессия, а главное — печаль, мертвой хваткой державшая его сердце. Как двое таких непохожих друг на друга людей вообще могли оказаться в одной комнате, а тем более в крохотной рыбацкой деревушке на Железном Берегу? Невообразимо.

Чань желал как можно скорее покончить с этим делом и исчезнуть в опиекурильне. Он исчезнет для Свенсона, с какими бы благородными мотивами тот ни разыскивал его, и доктору придется оставить свои попытки. Он до конца дней будет помнить их — двух

человек, которые едва не стали для него якорями в бурном море жизни, до самого ее конца. Что до конца, то в нынешнем своем настроении Чань совсем не возражал против него.

Так он и стоял над кроватью, пока Элоиза не пришла поменять влажную тряпицу на лбу мисс Темпл. Как только она наклонилась, чтобы откинуть волосы с лица Селесты, Чань вышел из комнаты.

Он добрался до берега, пройдя через налитый влагой лес, и остановился на полосе остроконечных черных камней, омываемых морем. Будучи городским жителем, Чань взирал на набегающие волны так, словно перед ним был новый, открытый им континент. Колочий ветер доставлял ему мрачное удовольствие, рев волн вторил его мечущимся мыслям, а бескрайнее небо ясно говорило о тщете всех усилий. Как он мог оставить треснувшее тело Анжелики, как мог сражаться в дирижабле? Как он вообще мог не умереть вместе с нею? Она никогда не хотела этого: вот ответ.

Сев на камень, он вытащил из кармана плаща томик стихов — «Персефону» Линча. Нс уже первое стихотворение, «Аркадия», — иронический рассказ о невинной жизни принцессы в райских садах матери — заставило его захлопнуть книгу. Чань сунул ее обратно в карман и поморщился — дул холодный ветер.

Он посмотрел на свои ботинки, поелозил ногой по песку, нахмурился. В песке было что-то закопано... что-то синее. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, Чань подобрал маленький плоский черный камень, принялся разрывать им песок и быстро откопал несколько кусков разбитой синей книги — разного размера, с зубчатыми сколами. Если бы он не знал, что это такое, то подумал бы, что это осколки большой ярко-синей бутылки. Чань осторожно вырыл в песке глубокую ямку и затолкал туда ногой все найденное им стекло, потом засыпал песком, а сверху наложил камней. После этого он пошел вдоль берега, поглядывая, не сверкнет ли где еще синева, но ничего больше не увидел.

В доме Элоиза разговаривала с Линой, и Чань не стал входить внутрь — свернул в пустой двор, позади которого топорщились голые деревья. В доме он чувствовал себя, точно в большом гробу. Он с тоской вспомнил свою городскую жизнь — вот бы оказаться сейчас в прохладных сумерках среди пыльных стеллажей библиотеки! Чань признал про себя со вздохом, что ему уже неважно, где находиться: его мир, казалось, был утрачен окончательно.

За его спиной распахнулась дверь.

— Кардинал Чань! — позвала Элоиза. Чань повернулся к ней. Та ждала, что он заговорит, и, поняв, что этого не случится, с улыбкой кивнула. — Доброе утро. Вы не видели доктора?

— Кажется, его подрядил Сордж — у них вроде коза заболела.

— Вот как.

— А что с мисс Темпл? Ей все еще грозит опасность?

— Без перемен. А доктор говорит, что это хорошая новость. Она даже выпила немного травяного чая, того, что он заварил.

— Она пришла в сознание?

— Приходит время от времени... но лишь на какие-то секунды. Выпьет несколько глотков, а потом снова погружается в свои сны, в свой бред. Ей все время что-то снится, знаете, как облака перекрывают луну, так по ее лицу пробегает тень... и она так сжимает кулаки...

— Доктор вернется, как только закончит, — вяло сказал Чань, спрашивая себя, когда и в связи с кем Элоиза думала про луну и облака. — Вряд ли ему нравится лечить коз.

Элоиза кивнула, показывая на песок, прилипший к ботинкам Чаня.

— Вы ходили на берег?

— Ходил.

— Я так люблю море, — сказала Элоиза. — Мне на сердце становится легче, когда я его вижу.

— Доктор говорил, что стоит еще раз поискать выброшенные на берег вещи с дирижабля. Или тела. Вот я и искал.

— Да, это очень разумно. И что вы нашли?

— Нашел, что мне на сердце не становится легче от моря.

Свенсон окликнул их — он шагал из деревни по слякотной дорожке, проходившей за домом. В шаге за ним тащился муж Лины Сордж, на редкость туповатый и неразговорчивый. Наверняка доктор поспешил позвать их, как только увидел.

— А вот и он — собственной персоной, — сказал Чань Элоизе, улыбаясь при виде неловкого помахивания Свенсона.

— Он очень хороший человек, — тихим голосом сказала Элоиза, и больше они не обменялись ни словом, пока доктор не присоединился к ним. Свенсон пожал руку Сорджу, оборвал его благодарности и дождался, пока рыбак не скроется в доме.

— Как поживает коза? — спросил Чань.

Свенсон отмахнулся от этого вопроса и обратился к Элоизе:

— Что наша пациентка?

— Я думаю, очень хорошо... но вы, конечно, сами должны посмотреть.

— Пока что наши выводы полностью совпадали, но я сейчас же осмотрю ее. — Он помедлил, и Чань уже собирался придумать какой-нибудь предлог, чтобы уйти: доктор явно хотел сказать Элоизе что-то еще. Но не успел — доктор повернулся к нему, посмотрел на его ботинки, потом перевел взгляд на лицо. — Нашли что-нибудь?

— Совсем ничего, — сказал Чань.

Он толком не знал, почему он не сказал о разбитой книге Элоизе — разве она не имела такого же права знать истину, как и доктор? Разве ее жизни тоже не грозила опасность? Неужели он даже сейчас не доверял ей до конца?

— Правда, не уверен, что я был в том месте, которое вы осматривали раньше. Сордж говорил о сильном приливе... может, что и выбросило на берег где-то еще...

Полная выдумка от начала и до конца — доктор и Чань никогда ни о чем таком не говорили.

— Давайте-ка я вам покажу это место, — предложил Свенсон. Он повернулся к Элоизе. — Мы всего на пару минут.

— А я попрошу Лину приготовить чай, — улыбаясь, ответила Элоиза все тем же осторожным тоном.

Когда они вышли на песчаный берег, Чань тут же рассказал доктору о своей находке. Они остановились у кольца черных камней. По-прежнему дул ветер, и Свенсон, сложив руки лодочкой, зажег спичку и закурил сигарету. Глубоко затянувшись, он выдохнул облачко бледного дыма, а потом махнул тонкой рукой в сторону дома.

— Я не хотел говорить в присутствии миссис Дуджонг, потому как не понимаю, что это может означать... а после вашей находки я вообще ни в чем не уверен. В деревне что-то случилось.

— Кроме того, что захворала коза?

Свенсон не улыбнулся.

— Люди не хотят говорить об этом открыто... Мы непременно должны сходить туда с Сорджем и увидеть все своими глазами.

Тела лежали на квадратных кусках холстины. Мертвецов завернут в них перед погребением, когда семьи простятся с ними. Рядом по-прежнему толпились деревенские — для Чаня все они были на одно лицо: в простых шерстяных одеяниях, бородатые, лица морщинистые, смотрят сурово. Они молча расступились перед чужаками. Доктор склонился перед одним телом, потом перед другим. С того места, откуда смотрел Чань, все было ясно: горло у обоих конюхов разодрано, раны почти почернели от запекшейся крови. Он окинул взглядом конюшню. Двойные деревянные двери были раскрыты, на слякотной земле двора виднелось множество следов, человеческих и конских, и разобраться в них было совершенно невозможно. У одного из мертвецов одежда и волосы были мокрыми. Видимо, смерть застала его под открытым небом во время дождя, и тот смыл все остатки крови.

Он посмотрел на деревенских.

— А где был другой?

Чань прошел за ними внутрь. Дверь стойла была сорвана с петель. Казалось, конюх ударился о нее или был брошен на дверь с изрядной силой. На полу лежала влажная солома, все указывало на происходившую здесь борьбу — но кто (или что) оставил эти следы? Некоторые из стойл были теперь перекрыты веревками, их деревянные перекладины — вырваны или сломаны. Что-то испугало лошадей.

Подошел Свенсон, и Чань повернулся к нему. Доктор осмотрел солому, двери стойла, а потом обошел всю конюшню. Метнув осторожный предупредительный взгляд на Чаня, он повернулся к деревенским.

— Мне очень жаль, но тут все, кажется, ясно. Сордж предположил, что это волк или волки, которых выгнала сюда буря. Видите эти раны? Чтобы нанести их, нужна немалая сила.

— И зубы? — тихо спросил Чань.

— Совершенно верно. — Свенсон нахмурился. — Увы, тут все ясно. Первый конюх слышит шум и открывает дверь, желая посмотреть, что тут делается. Судя по тому, как испугались лошади, делалось тут что-то необычное. Не успел он выйти, как на него напали. Дверь открыта, звери врываются внутрь и загрызают второго конюха. Все с той же, — Свенсон махнул в сторону разбитого стойла, — свирепостью.

Деревенские кивали в ответ на каждую фразу доктора. Фыркнула лошадь.

— А не могли бы вы, — спросил Свенсон, одобрительно улыбаясь, — показать, где спали эти парни?

В комнате конюхов все было в порядке: две койки, металлическая печурка, подставка для сушки шерстяных носков. Только металлическая коробочка с бисквитами была сброшена с полки: бледные прямоугольнички, наверняка кишачие насекомыми, оказались разбросаны по соломе. Чань откашлялся и поднял глаза на подозрительно глядящих крестьян.

— А где тут у них туалет?

Он всего лишь хотел уйти от взглядов этих маленьких, колючих глаз, но уже на пути к крохотному деревянному сооружению почувствовал, что сегодня утром выпил слишком много чая (питье чая было простейшим способом избежать разговора). Дверь туалета была приоткрыта, и, распахнув ее до конца, Чань увидел, что верхняя петля сместилась. Он

сморщил нос. По краям деревянного очка были видны темные пятна. Даже он почувствовал этот запах — вонь из выгребной ямы не заглушала едкие пары синей глины. Он наклонился, разглядывая темные пятна на дереве... отвратительные разводы... зловонная темно-синяя слизь. По обе стороны очка были и следы поменьше — отпечатки ладоней. По положению больших пальцев доктор представил себе, как кто-то стоял перед очком, опираясь о дерево руками и выbleвывая из себя синюю слизь.

Возвращаясь к дому в сопровождении деревенских, оба помалкивали. Но еще раньше Чань незаметно для остальных дал понять доктору, что тому надо осмотреть туалет. Сам он поневоле продолжил говорить с местными о волках. Он узнал, что пять лошадей убежали в лес, а что случилось еще с двумя, неизвестно — по мнению рыбаков, их сожрали волки.

Вернувшись к дому Сорджа и Лины, мужчины остановились у ступенек. Чань знал почему он сам не хочет входить, но вот явная нерешительность доктора заинтриговала его.

— Будут спрашивать, где мы были, — сказал Чань. — Элоиза уж точно.

Свенсон посмотрел в сторону моря.

— Может быть, прогуляемся? — предложил он.

Они направились к тому месту, где разговаривали чуть раньше. Ветер за это время усилился, и Свенсон с трудом закурил сигарету — Чаню пришлось распахнуть плащ, закрывая его от порывов ветра. Доктор выпрямился, выдохнул клуб дыма и посмотрел в сторону моря. Лицо его было серым от усталости.

— Синие пятна. Судя по всему, нашим врагам с дирижабля как-то удалось остаться в живых.

Чань ничего не сказал — что тут возразишь?

— Мисс Темпл еще больна, — продолжил Свенсон. — Ей пока нельзя двигаться. Что касается наших хозяев, то они доброжелательны, но полны подозрений. Не хочется говорить об этом, но вы сами видели, как они смотрят на вас.

— А это тут при чем? — недовольно спросил Чань.

— Вы не слышали, о чем болтали местные, узнав о случившемся. Они думают, что, может быть, это вы были в конюшне, что вы появились на берегу, чтобы поубивать их всех, что вы, наверное, сам дьявол во плоти.

— Дьявол?

— Видимо, ваш плащ навел их на такие мысли.

— А если я — дьявол, подозрения падают и на вас с миссис Дуджонг...

— Мисс Темпл необходимы уход и покой, любое потрясение для нее смертельно опасно. Это сейчас наша единственная забота.

— Не согласен, — проворчал Чань. — Вы считаете, что наши враги живы. Ясно, что они обзавелись лошадьми и направились в город.

Свенсон тяжело вздохнул.

— Не знаю, как мы можем им помешать...

— Помешать? — воскликнул Чань. — Вы знаете, чем это чревато? На дирижабле пропали принц Макленбургский и министр правительства! Как только в городе станет известно, что мы выжили, нас объявят вне закона. На улицах вывешат наши словесные портреты. Судебные приставы, солдаты, люди вроде меня — все выйдут на охоту за нами, надеясь получить вознаграждение. Как вам такое потрясение?

— Мы не знаем наверняка — пятна в туалете наводят на мысль о тяжелом состоянии...

— Убиты два конюха!

— Знаю. И что вы предлагаете?

— Найти убийцу. Только так мы сможем себя защитить.

— Это невозможно, — гнул свое Свенсон. — Если эти люди увидят, как вы шныряете здесь, то их подозрения только усилятся. Нас всех сожгут, как ведьм!

— Так что, я должен сидеть в доме, пока вы ищете убийцу? Или поручить это миссис Дуджонг?

— Не говорите глупостей...

Остальные слова доктора заглушил порыв ветра. Чань развернулся и зашагал прочь. Лицо его стало еще блее от гнева.

Мисс Темпл лежала на боку спиной к двери. Ее волосы, прилипшие к влажной, потной шее, темнели в полумраке комнаты. Одна обнаженная рука была выпростана из-под шерстяного одеяла, пальцы — короче и тоньше, чем ему запомнилось, — несильно сжаты. Чань стащил перчатку со своей правой руки, убрал волосы с лица девушки за ухо, тыльной стороной ладони коснувшись ее щеки. Убирая волосы, он взглянул на тонкую багряную царапину над ухом... пройди пуля на дюйм левее... Чань легко мог представить себе последствия — разбитые кости, скрюченное тело, последние вздохи умирающей... все было бы совсем по-другому...

За дверью раздались шаги и голоса. Элоиза и Свенсон. Внезапно Чань резко наклонился, прижался губами к щеке мисс Темпл и вышел из комнаты.

— Кардинал Чань, — начала Элоиза, испуганная его неожиданным появлением.

Тот направился к выходу.

— Кардинал Чань, — повторила Элоиза, — пожалуйста...

— Мне нужно на воздух.

Несколько секунд, и он, спустившись с веранды, уже шагал к деревьям. Оклики, звучавшие у него за спиной, напоминали крики ворон.

Первые несколько минут Чань вообще не понимал, куда идет — куда-то на юг через рошу, прочь от деревни. Но чем дальше он шел, тем ближе подходил к затопленной части леса. Наконец нога чуть не завязла в слякоти. Чань выругался вслух и, изменив направление, двинулся в сторону моря.

Прежде ему не доводилось бывать в этой части леса. Он перепрыгнул через ручей и поднялся на небольшой холм, с которого надеялся увидеть море. С горькой улыбкой он вдруг понял: холм скрывает его от назойливых глаз местных рыбаков.

Но прежде чем его голова скрылась за вершиной, Чань остановился. Рука инстинктивно дернулась в поисках оружия, которого не было. Он присел в уверенности, что слышал храп лошади.

Трудно украсть лошадь из конюшни и остаться незамеченным, особенно при таком разливе. Явно кто-то сделал это... но кто? Чань высунул голову из зарослей папоротника и с удивлением увидел над листьями длинные шеи — не одной лошади, а двух, к тому же оседланных, словно их хозяева собрались в путь. Чань подождал, и скоро его терпение было вознаграждено — он услышал резкое шипение и, посмотрев в сторону источника звука, увидел в воздухе небольшой клубок пепла. Кто-то плеснул воды в искусно разложенный костер, дыма от которого Чань не заметил, даже находясь от него в десяти футах.

Бритоголовый человек натягивал на себя серое пальто. Рядом с его ногами в чулках виднелись дорожные мешки, серое одеяло, увязанное в плотную скатку, и пара кожаных сапог. Чань отдавал должное самым разным привычкам, но по опыту знал, что ужасно

опрометчиво и глупо оставлять свою обувь даже на самое короткое время, пока ты надеваешь пальто, а особенно — в опасном лесу. Он стремительно метнулся вперед в тот момент, когда незнакомец поднял левую ногу, чтобы засунуть ее в голенище.

Бритоголовый услышал шорох листьев, но успел лишь повернуться — правая рука Чаня обрушилась на его челюсть, и он упал, распростершись у костра. Чань оглянулся в поисках его поделника — ведь вторая лошадь тоже была под седлом, — но никого не увидел. Незнакомец вытащил из кармана пальто короткоствольный пистолет, но Чань пинком выбил оружие из его руки, и пистолет упал в кусты. Следующий пинок пришелся в грудь, отчего бритоголовый сложился пополам, а от третьего удара — в подреберье — у того перехватило дыхание. Чань ногой прижал его голову к земле и снова оглянулся, потому что шум борьбы и возня испуганных лошадей перекрывали остальные звуки.

Кто ты? — спросил он и, не дожидаясь ответа, еще сильнее вдавил голову человека в землю, а потом ослабил нажим и повторил вопрос.

Человек сплюнул грязь изо рта и закашлялся.

— Меня зовут Джозефс... я охотник...

Тут Чань впервые заметил длинные кожаные чехлы, притороченные к каждому из седел.

— Это карабины.

— Нет, — поспешно сказал человек. — Оленя из карабина не стреляют.

— Согласен, — кивнул Чань. — Только людей. Где твой приятель?

— Какой приятель?

Чань снова надавил ногой. Второй где-то неподалеку — надо исходить из этого, — и тоже, наверное, с пистолетом.

Он отошел к лошадям и принялся отвязывать их.

— Что ты делаешь? — выдохнул Джозефс.

— Где твой приятель?

— В деревне! Покупает кофе.

— Там скорее можно найти Папу Римского, чем кофе, — пробормотал Чань.

Встав между двумя лошадьми, он вытащил карабин из чехла, открыл патронник, убедился, что оружие заряжено, и послал патрон в ствол.

— Если тебе нужны лошади — забирай, — просипел Джозефс.

— Заберу. И тебя вместе с ними. Назад в конюшню.

— Какую конюшню?

Чань упер приклад в плечо и прицелился.

— Спрашиваю в последний раз. Где твой приятель?

Чань встал между лошадьми с умыслом — они защищали его от выстрела. Но теперь он неловко повернулся, услышав шорох листьев, поднял карабин над шеей лошади и слишком поздно понял, что шум произведен брошенным камнем. Чань тут же рухнул на землю между лошадьми — он ненавидел лошадей — и пополз в сторону упавшего камня, считая, что там безопаснее. Скатившись с холма, он встал на колени и поднял карабин, но тут никого не было. Джозефс тем временем захватил лошадей, поставив их так, чтобы загородиться от Чаня с карабином.

Где же второй? Пригнувшись, Чань отправился налево, описывая круг; башмаки его месили мягкую землю. Он рисковал — возможно, этот маневр был безопасен, а возможно, Чань шел прямо навстречу пуле. Но товарищ бритоголового, видимо, находился на другой стороне холма. Джозефс потянул лошадей, но те уперлись. Чань метнулся вперед, и он

вынырнул из листвы, совершенно сбив с толку Джозефса.

Джозефс отпустил поводья и подался назад. В руке его был широкий охотничий нож.

— Это он! — крикнул он через плечо. — Преступник!

Чань взял карабин за ствол — выстрелы могли встревожить обитателей деревни. Губы Джозефса перекошились в довольной гримасе, словно его полностью устраивала такая диспозиция — приклад карабина против ножа. Ростом он почти не уступал Чаню и был чуть пошире в плечах. Рыча, Джозефе принялся наступать на него.

Почему медлит второй?

Нож определял маневры Джозефса: охотник должен был как можно скорее сблизиться с противником и нанести удар клинком, не дав тому возможности замахнуться карабином. Поэтому Чань отступил, сильно ударив по руке Джозефса, чтобы умиротворить его пыл. Джозефе остановился, сделал ложный выпад в живот, но потом ударил в лицо. Как большинство схваток не на жизнь, а на смерть, эта должна была занять считанные мгновения — либо Джозефе наносит свой удар, либо он покойник.

Чань изо всей силы двинул прикладом в предплечье Джозефса, отбивая нож, который прошел где-то в дюйме от лица. Джозефе потерял равновесие. Чань с разворота въехал коленом Джозефсу по почкам. Тот отступил на несколько шагов, и Чань смог развернуться еще раз, занеся карабин. Удар прикладом пришелся в челюсть, и охотник свалился. Чань схватил карабин за другой конец и приставил ствол к мягкому горлу. Джозефе беспомощно хватал ртом воздух. Чань обвел взглядом деревья вокруг себя.

— Если ты не выйдешь, он умрет.

Джозефе проглотил слюну, глаза его скозились от удара. Чань ждал. Тишина.

Куда делись лошади?

Чань резко развернулся. Второй человек незаметно подкрался и увел лошадей, пока Чань дрался с Джозефсом. Чань схватил охотничий нож, бросил карабин, полоснул лезвием по горлу Джозефса и снова пустился бежать.

Преступник. Эти охотники охотились за ними.

Не успел он пробежать и тридцати ярдов, как увидел второго охотника, потому что этот идиот все еще вел обеих лошадей — жадность не позволяла ему бросить одну из них. Человек оглянулся: блондин, заостренное лицо с баками и тонкими усиками. Светловолосый протянул руку к ближайшему седлу и, как мюзик-холльный маг извлекает из ниоткуда серебряный шарф, вытащил сверкающую, зловеще изогнутую кавалерийскую саблю. Он бросил поводья и отступил в сторону от лошадей, позволяя им идти куда хотят, после чего принял стойку «к бою»; шпоры легонько звякнули, сапоги впечатались в землю. Неудивительно, что он бросил камень — малейшее движение, и шпоры выдали бы его.

Чань остановился, понимая, что против тяжелого клинка у ножа мало шансов. Он хотел было метнуть его, но рукоятка была медная, кривая, плохо сбалансированная. Тогда Чань сплюнул в траву и кивнул на саблю со словами:

— Странное оружие для охоты.

— Как сказать. — Человек ухмыльнулся. — Смотря какая дичь.

— Нужно было очень торопиться, чтобы добраться сюда.

Человек пожал плечами.

— Вас всего двое, а значит, вы из более крупного отряда, обшаривающего весь Железный Берег. Думаю, обследовать густонаселенные районы нет особой нужды — если бы дирижабль с важными персонами упал вблизи какого-нибудь города...

— С важными персонами и преступниками.

Чань указал на саблю.

— Это твоя — или ограбили какого-нибудь солдата?

— Ты хочешь узнать, как я этим пользуюсь?

— Я хочу понять, в какой мере ты тоже преступник.

— Подойди поближе — и узнаешь.

По тому, как ловко тот обращался с оружием, Чань понял, что имеет дело с военным. Кто же это так быстро снарядил поисковые партии? Кто мог почти сразу узнать о падении дирижабля или догадаться о том, где это случилось? Нас будут искать, чтобы отомстить, говорил Чань Свенсону, — так оно и вышло.

Почему он бросил карабин? Шум выстрела подвигнул бы деревенских на то, о чем и думать не хотелось. И потом, Чань все равно промахнулся бы и погиб в схватке.

Если исходить из того, что противник знает свое дело, то он будет действовать стремительно и рубить сплеча. Чаню придется отражать удары интуитивно, малейшая ошибка станет смертельной, ведь у него только нож с коротким лезвием. Надо отразить один удар — на большее надеяться не стоит — и наносить колющие и рубящие контрудары, прежде чем военный успеет замахнуться еще раз.

Держа перед собой свой охотничий нож, Чань подошел к солдату на длину сабли.

— Тебе придется за многое ответить перед деревенскими.

В ответ тот сделал ложный выпад в направлении ног Чаня, а потом рубанул, пытаясь попасть по голове. Чань отразил саблю, но не смог атаковать, потому что силой удара его припечатало к земле. Противник замахнулся еще раз, занеся саблю над головой, — этого и боялся Чань. Кардинал взмахнул ножом и по звону стали понял, что интуиция его не подвела. Подчиняясь неожиданному порыву, он вывернул запястье. Медная рукоять ножа приняла на себя удар сабли и на мгновение обездвижила ее. Зарычав от злости, военный высвободил клинок, но Чань одновременно направил острие своего ножа прямо в глаз противнику. В последний момент левая рука военного ухватила Чаня за запястье, нож ушел в сторону. Чань согнулся и плечом сбил противника на землю.

Приземлившись, тот больно ушибся, но успел ударить Чаня по спине эфесом сабли. Чань громко выругался и предплечьем сдавил горло противника, но не воспользовался случаем вонзить нож ему в сердце. Он знал, что должен взять его живым и привести в деревню — пусть местные знают, от кого все несчастья, — а потому лишь оглушил военного ударом кулака в лицо. Медная гарда оставила на его лице глубокую отметину, но, к удивлению Чаня, тот выгнул спину и, сбросив с себя врага, попытался дать деру. Чань ухватил его за ногу, уронил ничком и ударил ножом, целясь в икру, но военный успел откатиться, так что лезвие только царапнуло кожаный ботинок. Чань недовольно взревел, загоревшись жаждой убийства. Он решил вонзить нож в ребра противнику, полагая, что рана охладит его пыл, не повредив жизненно важных органов. Но тому отчаянным усилием удалось отразить удар — нож отлетел в сторону, зазвенев при столкновении с деревом. Теперь они расцепились — Чань стоял на коленях, военный лежал на спине, — и каждый прикидывал, куда поразить противника на этот раз. Но Чань знал, что дело почти сделано. Как только военный замахнет, Чань отобьет клинок, прыгнет вперед и приставит нож к его шее. Военный словно понимал, что его песенка спета: вскрикнув и напрягшись из последних сил, он замахнулся саблей. Чань увернулся от удара, готовясь нанести свой, но его нога поскользнулась над пятифутовым обрывом. Он полетел вниз и прокатился ярдов десять

по отломанным веткам и опавшим листьям, остановившись там, где лес начинал редеть и проглядывало море.

Чань тряхнул головой и поглядел наверх. Военного не было видно.

Чань остановился и, тяжело дыша, согнулся пополам. Заросли переходили в топкую полянку со множеством следов. Он увидел отпечатки лошадиных копыт, а потом — широкие и глубокие, словно оставленные на бегу, — следы человека. Может быть, военный пустился в погоню за собственной лошастью? Наверняка в деревне уже волнуются — куда он девался? Но солдат, увидевший его, был слишком опасен. Чань остановился на несколько мгновений — напиться из углубления, оставленного копытом.

Он продолжил преследование, надеясь, что военный потерял лошадей или ловил их слишком долго — тогда его можно догнать. Когда Чань понял, что военный поймал-таки своего скакуна, деревня осталась далеко позади. По вялым разговорам, которые Свенсон с Сорджем вели после ужина, Чань помнил, что ближайший городок на юге называется Карт. К этому поселению горняков ведет железнодорожная ветка. Если солдат входит в большую группу охотников, значит, штаб поисков — там. А кроме того, городок отдаленный, поезда могут ходить от случая к случаю. Если так, то Чань может догнать военного в городке (даже если тот опередит его на день) и уничтожить вместе со всеми его товарищами, прежде чем новости распространятся дальше на юг и дойдут до организаторов поисков.

Лес перешел в высокую траву и жесткий корявый кустарник. Местность начала подниматься, и с наступлением темноты Чань добрался до высоких черных скал. Он решил, что можно заночевать здесь — место ничем не хуже других. Двигаться дальше было глупо — с его-то зрением да к тому же по незнакомым местам. Не было спичек, чтобы разжечь костер, не было еды. Чань свернулся калачиком в одной из ложбинок среди камней, лучше всего защищенной от ветра. Он уставился в беззвездное, окутанное черными тучами небо и долго не мог уснуть.

Когда он проснулся, земля была сыра от росы. Через десять минут Чань был уже в пути.

Дорога до Карта заняла еще один день. Никаких следов солдата больше не попадалось. Впрочем, неудивительно: пришлось долго идти по открытому пространству и еще дольше среди груд камней, похожих одна на другую.

Чань добрался до последнего поворота дороги, за которым открылся вид на городок. Он исходил из худшего: враги готовы к встрече с ним и горят жаждой мести.

Потертый красный плащ Чаня был почти невидим в сумерках, на фоне коричневатой слякотной дороги и серых каменных зданий. Двери домов были заперты, ставни закрыты. Идя по дороге, Чань слышал обрывки разговоров, стук кастрюль, высокие голоса детей, но все это оставалось скрытым за слоями дерева и камня.

Он прошел мимо единственной гостиницы города — ветхого деревянного сооружения, при виде которого испытал острое желание лечь в постель, съесть чего-нибудь горячего, выпить пинту-другую эля, а не идти сразу же к поезду. Если бы знать, уехал солдат из города или нет! Это помогло бы принять решение.

Чань поднял глаза на звук шагов и увидел парнишку в плаще из светлой холстины — тот, не замечая незнакомца, бежал прямо на него.

— Эй! Мальчик!

Парнишка остановился как вкопанный, глаза его расширились от страха, он попятился.

Чань успокоил его, подняв ладонь.

— Я проезжий, мне нужно попасть на поезд. Где тут вокзал?

Мальчик отступил еще на два шага и показал через плечо туда, где за последними домами городка дорога делала поворот и терялась из виду.

— А когда отбыл последний поезд на юг?

— Уже два дня.

— Два дня? Ты уверен?

Мальчик кивнул. Взгляд его перебежал с красного плаща Чаня на его черные очки.

— А когда следующий?

— Сегодня вечером, сэр. Как только кончат загружать руду, через несколько часов.

Чань обернулся назад, туда, где осталась гостиница. Тьма еще не спустилась, было не больше пяти часов. Где же военный — может, в гостинице?

— А ты куда бежал?

Но мальчик уже метнулся в ту сторону, откуда появился, — к высокому деревянному сооружению, которое, судя по широким, высоким двойным дверям, было конюшней. Одна створка двери была распахнута, изнутри на слякоть двора падал желтоватый свет фонаря. Чань направился вслед за парнишкой. Если не нужно спешить на поезд, то конюшня — подходящее место, чтобы узнать, появлялся ли здесь всадник и есть ли у него товарищи в гостинице.

Небрежно держась за рукоять висевшего на поясе ножа, Чань вошел внутрь, но мальчика нигде не было видно. Правда, из каптерки в дальнем конце доносились какие-то звуки. В последнем стойле была белая лошадь, которую Чань никогда прежде не видел: она захрапела, почувствовав на себе взгляд человека, и ударила копытом по соломенной подстилке. Усталая, мокрая от пота, с розовыми раздувающимися ноздрями, она испуганно и неуклюже перебирала ногами. Что это — болезнь? Или же плохое обращение довело животное до безумия? Чань отошел в сторону — он чувствовал себя не в своей тарелке при виде чьей-то немощи — и направился к каптерке.

В дверях стоял тот самый парнишка. Он поднял взгляд на Чаня. Лицо мальчика искажала подступившая к горлу тошнота. У его ног лежал еще один конюх — дыхание прерывистое, лицо бледное; на полу перед ним виднелась лужа блевотины. Дрожащие руки его судорожно сжимались в кулаки. Рядом с ними Чань увидел осколок синего стекла размером с хороший кинжал.

Он положил руку на плечо стоящего перед ним парнишки и заглянул ему в глаза.

— Как тебя зовут?

— Уиллем, сэр.

— Уиллем, твой напарник болен из-за этого стекла. Принеси мне воды.

Чань ногой пододвинул клок соломы, накрывая им блевотину, аккуратно обошел ее, приподнял конюха и подтащил к свернутому соломенному тюфяку, который лежал под вбитыми в стену крючьями с уздечками и стременами. Осторожно взяв осколок стекла, он положил его на сиденье деревянного стула. Появился Уиллем с деревянным ведерком и чашкой. Чань зачерпнул чашкой воду и без всяких церемоний плеснул в лицо конюха постарше, потом снова наполнил чашку. Конюх закашлялся и захрапел.

— Выпей, — сказал ему Чань, а потом бросил через плечо Уиллему, который во все глаза пялился на стеклянный кинжал: — Держись от этой штуки подальше. Видишь, что она сделала с твоим приятелем?

Конюх поперхнулся водой, но Чань успел повернуть в сторону его голову, прежде чем выпитое синим фонтаном пролилось на тюфяк, выкрасив материю в синий цвет. Чань

наполнил чашку и сунул ее парнишке, затем снова взял за плечо Уиллема и повел его назад к стойлам. Там он кивнул в сторону кобылы:

— Это чья лошадь?

— Мистера Болта, сэр. Одного из управляющих шахтой.

— Только у него в Карте есть лошадь?

— Нет, сэр... другие розданы... другим приедем. Торговцам, охотникам... и лошадь мистера Болта тоже. Капитану — он только сегодня вернулся.

— Кто этот капитан?

— Охотник! У него целый отряд, сэр. Они охотятся на волков!

— Но вернулся он один?

— Я думаю, он скоро снова уедет.

Чань наклонился к парнишке.

— А этот твой приятель, случайно, не заглядывал в седельные мешки капитана?

— Нет, сэр! — горячо запротестовал парнишка, и Чань снисходительно покачал головой.

— Мне-то без разницы, Уиллем...

— Но он ничего такого не делал! Он нашел это здесь — во дворе! — Уиллем развернулся и показался на беспокойную белую лошадь. — Кристиан — так его зовут — нашел и эту лошадь, и стекло, но мне ничего не сказал. Она просто взбесилась — вы и сами видите.

— Когда нашел?

— Часа два назад. — Парнишка показал на свежий овес и сено в лотке. — Она ничего не ест!

Чань посмотрел на лошадь, на ее выкаченные, безумные глаза.

— А где седло? И эти... как они называются... постромки, уздечка...

— Ничего этого не было. — Уиллем боязливо поднял голову на Чаня. — Это ведь не ваша лошадь, сэр?

— То есть ты не знаешь, чья она?

Уиллем отрицательно покачал головой.

— А ты можешь сказать, откуда эта лошадь? Не из какой-нибудь конюшни на севере?

— А вы тоже с севера, сэр? — спросил Уиллем.

— Ты можешь сказать? — повторил Чань строгим голосом.

— Если на ней есть тавро.

— Посмотри, и получишь вот это. — Чань вытащил из кармана серебряный пенс: когда доктора с Элоизой не было, он без колебаний стащил немного денег из сапожка мисс Темпл.

Мальчик проскользнул под загородку и осторожно приблизился к норовистой кобыле. Успокоительный шепоток Уиллема как-то не вязался с его горячим желанием заработать монетку.

— Я нашел тавро, сэр! — воскликнул Уиллем. — Это лошадь торговца рыбьим жиром. Он живет здесь, в Карте, но его люди и возница закупали жир в деревнях на севере.

Чань подбросил монетку, и мальчик, улыбаясь, поймал ее в воздухе.

— Ты уверен, что поезд отойдет не раньше чем через два часа?

— Не раньше, сэр.

— Тогда давай послушаем, что еще скажет твой товарищ.

Кристиан продолжал сжимать кружку, но более-менее пришел в себя и поднял голову,

когда Чань снова вошел в комнатенку.

— Уиллем говорит, ты нашел стекло рядом с белой кобылой?

— Это ваше стекло, сэр? — проговорил он хриплым, низким голосом. — Простите меня...

— Ты к нему прикасался? — спросил Чань, но тут же увидел на руках конюха кожаные перчатки. — Ты в него смотрел?

Конюх настороженно кивнул.

— Расскажи мне, что ты там видел?

— Там была гроза... какая-то раздавленная гроза... каждая капля была... разломана...

Чань протянул руку в перчатке, взял осколок стекла и прищурился, глядя в него под углом. Осколок был покрыт трещинами тоньше паутинных нитей, это тонкое кружево просматривалось под поверхностью. Как это влияло на воспоминания внутри стекляшки — оставались ли они в силе? Что происходит, когда смотришь в разбитое стекло, — получаешь ли ты при этом разбитые воспоминания или что-то еще хуже их? Если парнишка смотрел в стекло долго, то не прожгло ли оно дыру в его памяти, как горящая сигарета в пергаменте?

Чань распахнул ногой дверцу печки, сунул стекляшку в бело-оранжевые угли, закрыл дверцу и повернулся к конюху с фальшивой улыбкой врача-шарлатана.

— С тобой все будет в порядке. Я знаю, что вы оба честные ребята... Может, расскажете что-нибудь еще об этом капитане...

Чань оглянулся на мальчишку помладше, но тот исчез.

— А где Уиллем? — спросил он.

Старший конюх слабо улыбнулся.

— Отправился сообщить о вашем прибытии в гостиницу, сэр, чтобы вам приготовили комнату и хороший обед. Вы были добры к нам, сэр, и Уиллем был рад вам услужить.

Чань беззвучно бранился, шагая по Карту и представляя себе, как парнишка описывает его внешность. Один или со своими союзниками, капитан теперь вполне сможет устроить засаду. В небе висел все тот же мрачный покров из туч — он, казалось, подпитывался бледными кручеными дымками, что поднимались из труб аккуратных домиков городка. Как призрачно чувство безопасности, как легко выломать деревянные ставни... Наивность местных жителей вызывала у Чаня отвращение.

От белой лошади пахло синей глиной. И в сортире были синие пятна. Чань позволил себе приписать все убийства Джозефсу и этому капитану, но оба казались совершенно здоровыми, и скакуны их были в порядке в отличие от белой кобылы. Что это означало? С дирижабля спасся кто-то еще? Или кто-то еще из отряда капитана пострадал от синего стекла так же, как наивный конюх? Может, в песке была еще одна разбитая книга, и этот человек заглянул в нее или попытался перевезти осколки, неосторожно подвергнув кобылу их воздействию? Может, этот человек и сейчас был в гостинице вместе с капитаном? И блевал в одной из верхних комнат?

Чань остановился под вывеской гостиницы, решая, как лучше всего войти. Окна наверху были закрыты ставнями. Наверняка есть выход в задний двор, но если капитан решил отступить через черный ход, то их встреча тем самым лишь переносилась на станцию, где стоял поезд. Чань сунул руку под плащ и крепко взялся за рукоять ножа, а потом постучал в дверь.

Дверь открылась, и он увидел пожилую женщину с туго завязанными волосами под косынкой. Чань перевел взгляд за ее плечо — в комнату (там стояли скамейки, горел

недавно затопленный камин), потом снова посмотрел на женщину. На ее лице была натренированная улыбка, а глаза профессионально прикидывали, что вероятнее получить от клиента: деньги или скандал. Судя по всему, никто с оружием в руках не прятался за дверью. Чань протиснулся внутрь и повернулся спиной к камину, чтобы видеть комнату целиком.

— Мне нужна еда, — сказал он. — У вас есть еще постояльцы?

— Еда, вы говорите? — переспросила женщина. — Дайте-ка подумать...

— Да. Я уезжаю вечерним поездом.

— Меня зовут миссис Доб.

— Я не спрашивал вашего имени, мадам. У вас есть еще постояльцы?

Чань вытянулся, разглядывая лестницу, ведущую наверх. Женщина оглянулась на все еще открытую дверь у нее за спиной, словно взвешивала, не уйти ли.

— Я не могу обсуждать моих постояльцев... настоящих или будущих... с первым встречным... сомнительным встречным... пришедшим с улицы...

— Какой там улицы! В маленьком городишке либо тебя все знают, либо ты чужак. —

Чань приблизился к ней. — Как капитан, например.

— Капитан?

Вместо ответа Чань прошел мимо нее и тихо закрыл дверь.

Хозяйка сложила губы трубочкой.

— Не думаю, что найдется место за столом...

Какое-то движение на кухне заставило Чаня повернуться. В дверях стоял дюжий парень: рубашка с закатанными рукавами, руки, черные от угля.

Он мрачно уставился на Чаня.

— Миссис Доб?

Чань вытянул вперед руку с раскрытой ладонью, слова его были просты и продуманны.

— Мне нужен этот капитан. Он здесь один?

— Какой капитан? — спросил парень с грязными руками.

— У нас в Карте так мало чужих... — начала женщина.

Не обращая на нее внимания, Чань подошел к лестнице, вытащил нож и в два шага добрался до первой площадки. Наверху было темно и тихо. Обычно Чань не доверял своему обонянию, но резкий запах синей глины ощущал даже он... Здесь же не было ни малейшего намека на этот запах. Чань метнулся обратно на площадку, потом на пару ступеней выше, готовясь отразить нападение. Но никто не появился. Тогда он быстро обошел все комнаты, заглянув под кровати, за двери. Выйдя из третьей комнаты, он увидел, что миссис Доб стоит на первой площадке с лампой в руках. Взгляд ее был прикован к ножу с широким лезвием в руке Чаня.

— Когда он ушел?

— Я уверена, что не...

— Совершены убийства, мадам... на севере ни за что расстались с жизнью. — Он снова засунул нож за пояс. — Этот капитан приехал в Карт, а потом отправился на север, верно?

Мисс Доб нахмурилась, но отрицать не стала. Чань мягко взял у нее лампу.

При свете лампы в комнатах тоже ничего не обнаружилось. Подчиняясь неожиданному порыву, Чань сел на кровать в центральной комнате и вытащил книгу стихов из кармана плаща. Перегнув томик, он нацарапал на открытой странице краткое предупреждение тому, кто последует за ним, потом загнул уголок страницы и засунул книгу под подушку. Зряшный поступок. Но что сейчас не будет зряшным поступком?

Когда он пришел на кухню, молодой человек устроился за столом с кружкой пива, его черные руки напоминали лапы животного. Мисс Доб недовольно бормотала что-то себе под нос. Она уверенно двигалась между плитой и столом, присматривая за немалым числом кипящих и чадающих кастрюль, успевая нарезать хлеб, налить кружку пива и поставить солонку и масло перед пустым стулом. Подняв взгляд, хозяйка увидела Чаня в дверях.

— Это будет стоить два серебряных пенса.

— Я думал, за столом нет места, — с улыбкой сказал Чань.

— Два пенса, или придется поискать другое место.

— И не подумаю. — Чань вытащил из кармана две блестящие монетки. — Еда, похоже, великолепная. Вы, наверное, лучшая повариха во всем Карте.

Миссис Доб ничего не ответила, глядя на его руку.

— Мы не поняли друг друга, — продолжил Чань. — Я для вас чужак, у всякой женщины рождаются подозрения. Присядьте со мной, я все объясню. Надо было сделать это с самого начала.

Он улыбнулся нетерпеливой, усталой улыбкой, одержимый единственным желанием — швырнуть женщину на стул с такой силой, чтобы та вскрикнула. Хозяйка по-девичьи шмыгнула носом.

— Я уверена, что, пока здесь Франк, вы будете вести себя прилично.

Она села за стол, откусила от вязкого черного ломтя и принялась жевать, как кролик, почти не открывая рта и поглядывая на гостя поверх куска хлеба. Франк скользнул взглядом по ножу на поясе Чаня и отхлебнул еще пива. Чань остался стоять — от вида снеди к его горлу вдруг подступила тошнота.

— Меня зовут Чань. — Он тяжело вздохнул, делая вид, что решает довериться им вопреки внутреннему голосу. — Как вы уже, наверное, догадались, я тоже из города и должен туда вернуться поездом, как можно скорее. Я прибыл в Карт, чтобы найти капитана и его людей.

— Зачем? — спросила миссис Доб. — Капитан был настоящий джентльмен, а вы... вы... да вы посмотрите на... на... на...

Дрожащими пальцами она показала на его грязный кожаный плащ, потом на небритое лицо и на глаза за темными очками.

— Да, я такой и есть, — мрачно согласился Чань.

— Ага, соглашаетесь! — усмехнулась женщина. — Самодовольный, как павлин!

Чань покачал головой.

— Я уверен, что ни капитан, ни его люди тоже не могли скрыть правду про себя: они — королевские солдаты, выполняющие секретное задание. Иногда для подобной работы требуются люди вроде меня, из более темных сфер жизни... если вы понимаете.

— Се... секретное задание? — прошептал парень. Верхняя его губа была мокрой от пива.

— А почему вы размахивали этим жутким ножом? — подозрительно спросила хозяйка.

— Потому что на севере произошли ужасные вещи, — пояснил Чань. — Вы ведь помните мистера Джозефса.

— Мистер Джозефс и капитан приехали вместе, — сказал Франк.

— Тогда капитан должен знать, что случилось с его напарником. Сам я должен был встретиться с ними, приплыв на рыбацкой лодке — как видите, я без лошади, — но мистера Джозефса убили...

— Убили? — выдохнула миссис Доб.

— Убили с концами, — подтвердил Чань. — А капитан уехал... на чем-то. — Он сделал паузу, многозначительно посмотрев на обоих.

— А что за... секретное задание? — прошептал молодой человек.

Чань вздохнул и кинул взгляд в общую комнату, потом подался вперед и заговорил едва слышно, одновременно прикидывая, сколько осталось времени до поезда.

— Речь идет об одном затонувшем аппарате, принадлежащем враждебному государству. Аппарат прибило к скалам... внутри — похищенные документы... с описанием тайных путей, по которым бесчестный иностранец может пробраться в неохраняемую сокровищницу королевы.

Миссис Доб и ее работник погрузились в молчание. Чаню казалось, что он слышит эхо своих последних слов в их головах.

— И все-таки непонятно, почему в этом деле участвуют такие, как вы, — наконец проговорила хозяйка.

Чань улыбнулся, подавляя естественный порыв перед лицом такого презрения к своей персоне.

— Документы закодированы сложным шифром, который могу разгадать только я да еще один старый мудрец из Королевского института. Но старик слишком слаб для такого путешествия, а потому только я могу сказать капитану, подлинны ли документы. Да, я был когда-то преступником, вы правы. И если я этого не сделаю, то не искуплю своей вины перед короной. И потому я снова спрашиваю вас. Ради спасения ваших собственных душ, скажите мне, если знаете, где я могу найти капитана.

— А что вы собираетесь делать с этим? — Миссис Доб кивнула на серебряные пенсы в руке Чаня.

Слышала ли она хоть слово из сказанного? Чань швырнул монетки на столешницу.

— У меня нет времени...

— Я его не видела, — с ухмылкой сказала миссис Доб. — И как видите, ни капитана, ни его людей в Карте нет...

Рука хозяйки гостиницы потянулась к монеткам. Чань схватил ее за запястье. На лице миссис Доб были написаны страх и жадность одновременно.

— Я сказал истинную правду, миссис Доб, — прошептал он. — Безжалостные убийства. Если окажется, что вы мне солгали, вы обречены.

Чань вышел на темную улицу, но не успел пройти и пяти шагов, как у него за спиной, со стороны севера, послышался стук копыт. Он увидел надвигающуюся на него громаду и едва успел, бросившись на землю, увернуться от лошади. Поморщившись — колено его ударилось о камень, — Чань поднял голову, но наездник уже скрылся из виду, а через несколько секунд и вовсе покинул городок. Еще один из людей капитана, спешивший встретить своего начальника у поезда? Но как они могли договориться об этой встрече? Чань был уверен, что, не вмешайся он в ход событий, капитан с Джозефом до сих пор творили бы свои несправедные дела в рыбацкой деревне.

А что это были за дела? Они знали о Чане — о «преступнике», — а значит, и о Свенсоне, и о мисс Темпл. Но в первую очередь солдатам, видимо, следовало найти дирижабль и тех, кто остался в живых. Вероятно, они обследовали приличную часть Железного Берега и убедились, что в живых не осталось никого, а дирижабль затонул вне пределов их досягаемости. Но все это не объясняло появления нового всадника и

обезумевшей лошади, от которой пахло синей глиной.

У конюшни Чань увидел юного Уиллема, закрывавшего дверь, и помахал ему, но тот не разглядел его в темноте. Чань продолжал идти, пока не добрался до слякотного двора. Остановившись, он посмотрел на небо. Было не больше шести — у него оставалось около часа. Чань расправил плащ на плечах, постучал кулаком в дверь и позвал парнишку. Ответа не последовало. Он потянул дверь — заперто, снова постучал, потом приложил ухо к щели... приглушенный стук лошадиных копыт... голоса... они наверняка слышали его. Неужели кто-то не позволил Уиллему или Кристиану открыть дверь?

Прямо над головой Чаня была небольшая дверка для доставки сена на чердак. Чань поставил ногу на ручку двери, как на ступеньку, и подтянулся.

Несколько мгновений он опасно балансировал, упиравсь коленом о подгнившую наддверную перекладину, но наконец ударил в дверь кулаком. Та открылась настолько, что Чань смог просунуть руку. Дверка удерживалась при помощи веревки, и он протиснул руку еще дальше. На веревке были навязаны узлы. Перекладина прогнулась под его весом. Если эта штука рухнет, он наверняка сломает руку, застрявшую в проеме. Чань беззвучно выругался, высвободил руку и, вытащив нож, одним ударом перерубил веревку.

Чердачная дверь распахнулась. Чань бросил нож в солому, забрался на чердак, подобрал нож и бесшумно прокрался к дыре в полу, из которой торчала приставная лестница. Теперь стало лучше слышно, что происходит внизу. Уиллем ставит новую лошадь в стойло... и голоса... парнишка... нет, два мальчишеских голоса... или один женский?

Кровь застыла в жилах Чаня. Он сполз по лестнице, спрыгнув с последних пяти ступенек.

У дверей каптерки стояла графиня ди Лакер-Сфорца.

Когда он видел ее в последний раз? В дирижабле... Она только что убила принца и Лидию... глаза у нее горели безумием, как у опившейся кровью жрицы Вакха, как у чувственной минойской жрицы с топором, — стоило ей взять голыми руками две стеклянные книги, как она уже не могла удержаться от насилия. Потом она вылезла на крышу кабины, черные волосы развевались на ветру...

Чань осторожно отошел от лестницы.

За спиной у графини сидел на стуле бесчувственный Кристиан. У ее ног лежало что-то странное, похожее на обтянутую кожей шестиугольную шляпную коробку.

— Графиня...

— Кардинал Чань.

Вид у нее был изможденный, голова во время разговора чуть наклонялась, словно в подтверждение того, что она только женщина и, несмотря на всю ее находчивость, сейчас ее силы почти на исходе. Чань никогда еще не видел графиню такой... полной человеческих слабостей, покорной судьбе. Волосы ее были кое-как подколоты сзади, а на лице — необычное дело — лежала тень усталости. Платье выглядело слишком уж простым для нее: дешевый шелк, выкрашенный в сиреневый цвет, — чей-то свадебный наряд, приспособленный для других нужд. Интересно, из чьего дома она украла это одеяние? Чань не заметил никакого оружия в ее руках, но какая разница — эта женщина сама была оружием.

Он повернулся, услышав, как Уиллем выходит из стойла — лошадь у него за спиной выглядела усталой, но здоровой. Парнишка держал в руках что-то, завернутое в холстину.

— Я вытащил, что вы просили, из седельного мешка... — начал он, но замолчал,

встретившись взглядом с Чанем.

— Все в порядке, Уиллем, — совершенно спокойным голосом сказала графиня. — Мы с Кардиналом старые друзья.

Чань фыркнул.

— А я думала, что ваши раны смертельны, — сказала она.

— А я думал, что вы утонули.

— Да, наша жизнь — не что иное, как череда разочарований.

Она вытянула пальцы рук, словно проснувшаяся кошка — свои когти. Чань, не отрывая от нее взгляда, обратился к Уиллему:

— Уиллем, ты должен уйти. Положи сверток и иди домой.

Парнишка метнул взгляд на графиню, потом — на Чаня, но не шелохнулся.

— Он не причинит мне вреда, дорогой, — тихо сказала графиня. — Ты можешь делать, что хочешь. Спасибо тебе за доброту.

— Я вас не оставлю, — прошептал мальчик.

— Она тебе не мать! — прокричал Чань, а потом пробормотал: — Ведь у тебя не восемь ног...

Графиня рассмеялась булькающим смехом: казалось, бутылку с темным вином опрокинули горлышком вниз.

— Кардиналу Чаню и мне нужно многое... обсудить. Мне ничего не грозит, дорогой Уиллем. Честное слово.

Парнишка недоверчиво посмотрел на Чаня и медленно положил холстяной сверток. Чань отошел, освобождая ему проход, и дождался, пока мальчик не снимет с дверей засов и не выскользнет на улицу. Чань снова фыркнул и сплюнул на солому.

— Значит, все же не все вокруг вас погибают? Даже если не знать путей к спасению.

— Хотите сказать, что ваше общество менее опасно, Кардинал? Что-то я не вижу мисс Темпл и доктора Свенсона.

Чань показал ножом на второго конюха, все еще неподвижно сидевшего на стуле.

— А что вы сделали с ним?

Графиня с полным безразличием пожала плечами.

— Ничего. Я только что пришла.

— От него несет стеклом, синей глиной. Он околдован осколком синего стекла, чуть не умер от этого.

Брови графини взметнулись.

— Бог ты мой! Синее стекло? Да нет, оно все погибло вместе с дирижаблем.

— Стекло было покрыто трещинами. Конюх заглянул в него. Воспоминания, что были внутри, видоизменились...

— Что ж, такое могло случиться. — Графиня вздохнула, как обиженная школьница. — Я так мало понимаю в этих практических вопросах. Будь здесь граф, он бы объяснил...

— Мозг мальчика поврежден, и, видимо, необратимо.

— Просто ужасно. Он так юн...

— Графиня!

Голос Чаня был резок, нетерпелив. Графиня пренебрежительно махнула изящной рукой в сторону бесчувственного конюха и улыбнулась Чаню — почти сердечно.

— Бедняжка Кардинал... похоже, вы никого не в силах защитить. Конечно, ведь почти все вас боятся или ненавидят... например, эта азиатская шляха...

Он сделал шаг вперед и тыльной стороной ладони сильно ударил графиню в челюсть. Та подалась назад, но не упала и подняла руку к щеке; в ее глазах горело что-то похожее на удовольствие. Слизнув языком капельку крови с нижней губы, графиня встретила взгляд Чаня.

— Мы должны понимать друг друга, — прошептал он.

— А разве мы не понимаем?

— Нет, — прошипел Чань. — Вы не добьетесь своего.

— Из-за вас?

— Да.

— Вы меня убьете?

— А почему нет — вы ведь убили двух конюхов на севере.

Графиня закатила глаза.

— Двух конюхов?

— Не прикидывайтесь...

— Да когда же я прикидывалась?

— Вы перерезали им горло. Украли лошадь...

— Я нашла лошадь.

— Вы не...

— Хотите ударить меня еще раз? — Графиня неприятно рассмеялась. — А знаете, что стало с последним мужчиной, который в гневе осмелился меня коснуться?

— Могу представить.

— Не думаю...

Чань показал на шкатулку.

— Что это такое? Взято явно не с дирижабля. Вы ведь спрыгнули с крыши кабины.

— Вы уверены?

— Откуда это?

— Ах, сколько эмоций. Я нашла эту коробку, понятное дело, вместе с лошадью.

— Что внутри?

— Понятия не имею. — Она улыбнулась. — Посмотрим вместе?

— Не советую вам доставать оружие, — прошипел Чань. — Советую думать об одном: о том, как легко мне вас убить.

— Теперь-то я точно не стану его доставать.

Она присела и принялась вертеть шкатулку в поисках защелки.

— Не вижу никаких петель, — заметил Чань.

— Да, — согласилась графиня, осторожно нажимая на все уголки подряд. — Хотя я знаю, что она должна открываться...

— Откуда вы знаете?

— Я же ее видела. Прежде чем забрать.

— Только что вы сказали, что «нашли» ее.

— Нашла... взяла... суть в том...

— Вы видели, что там внутри?

— Возможно...

Она посмотрела на Чаня с торжествующей улыбкой, потом сильно нажала на шкатулку. Послышался приглушенный металлический щелчок.

Графиня ухмыльнулась, опустила шкатулку и встала.

— Прошу, — сказала она, отходя в сторону и указывая на вещицу.

Чань подтолкнул ее назад к шкатулке:

— Откройте ее целиком.

— Вы чего-то боитесь?

— Вы сделаете это медленно, а потом отойдете в сторону.

— Столько приказов...

Графиня присела на солому, не сводя глаз с Чаня. Она протянула обе руки к крышке, осторожно взялась за нее, посмотрела на шкатулку, потом снова на Чаня, покусывая губу.

— Если вы настаиваете...

Удар ломом пришелся в боковую часть головы, и Чань упал на колени. Мальчишка замахнулся еще раз, но второй удар Чань отразил, правда ободрав при этом руку и выронив нож. Голова кружилась. Застонав, он закричал на Уиллема — доверчивый идиот! — и вскочил на ноги, моргая от боли. Графиня бросилась к нему с раскрытой и высоко поднятой шкатулкой, обрушила ее на голову Чаня, и тот рухнул на солому.

Несколько мгновений он был не в состоянии пошевелиться — тело и, казалось, даже мысли и чувства стали неподвижны, как насекомое в капельке застывающей смолы. Потом боль огнем пронзила голову. Пальцы его дернулись. Солома колола лицо. Он слышал, как графиня шарит в соломе рядом с ним, но не мог пошевелиться.

— Где нож? — прошипела она.

— Неужели я... неужели я... — Голос мальчишки звучал испуганно и неуверенно.

— Ты поступил правильно, мой храбрец, — заверила его графиня. — Без тебя, мой дорогой мальчик, я... нет, даже подумать страшно. Кардинал Чань именно тот, кем кажется, — жестокий негодяй. Вот он!

Она нашла нож, и Чань услышал ее приближающиеся шаги. Он почувствовал ее пальца у себя на воротнике, потом услышал ее голос:

— Уиллем, принеси мне сверток — он там, где ты его положил. Вот умница. И закрой дверь.

Чань уперся в соломенную подстилку, пытаясь откатиться, но сил было не больше, чем у младенца. Графиня прыснула со смеху и поставила ногу на ближайшую к ней руку Чаня, так, словно давила паука. Чань напрягся, уже чувствуя лезвие на своей шее, горячую кровь, хлынувшую на кожу...

Взгляд графини, видимо, упал на Кристиана, сидящего на стуле. Она замерла и снова заговорила с Уиллемом.

— Скажи-ка мне, когда твой приятель нашел этот осколок...

Она остановилась на полуслове. Белая лошадь в стойле страшно заржала, на высокой ноте, словно кричащий ребенок, и стала лягаться. Чань услышал, как ломаются деревянные планки. Мальчик попытался успокоить животное, но голос графини перекрыл его уговоры, зазвучав вдруг металлически-резко.

— Уиллем! Возьми сверток и беги. Немедленно. Беги к поезду! Я тебя найду. Беги со всех ног... и чтобы тебя никто не видел — никто!..

Ржание становилось все громче, другие лошади стали вторить кобыле, слов графини уже не было слышно. Графиня кричала... кто-то кричал... Чань никак не мог сосредоточиться — мешала ревушая боль.

Он вдруг понял, что на какое-то время лишился сознания, а когда пришел в себя, в конюшне стояла тишина. Он перекатился на бок. Дверь конюшни была открыта. В воздухе

стоял запах синей глины. Он был один.

* * *

Сперва Чань поднялся, опираясь на руки и на колени, а потом с громким стоном убрал руки. В другом конце помещения лежала открытая шкатулка со сломанной крышкой — пустая. Внутри шкатулка была выложена оранжевым фетром. Судя по углублению, в ней размещался какой-то инструмент — сложно сказать, какой именно, но явно принадлежавший графу д'Орканцу: оранжевый фетр был тому надежным свидетельством. Граф (медведеподобный эстет, пресыщенный, как восьмидесятилетний султан) был достаточно умен — он сумел открыть тайну синей глины и подвести солидную основу под коварные устремления заговорщиков. Хотя «наука» графа и представлялась Чаню какой-то замысловатой смесью хитроумных технических решений и алхимических глупостей, он признавал ее действенность и опасался, что ее истинная темная сила еще не проявила себя до конца. Именно поэтому он с таким удовольствием пронзил графа кавалерийской саблей.

Выстланное фетром пространство было невелико, и Чань подумал, что лежавший в нем инструмент пострадал во время потасовки. Значит, графиня обманула его, сказав, что нашла шкатулку вместе с лошадьёю? Но тогда как шкатулка попала к ней? Перед прыжком с дирижабля у нее ничего такого не было.

Чань закрыл глаза — голова невыносимо болела. Он быстро прошел в каптерку, но ни капли воды там не оказалось. Нож исчез, и потому, покидая конюшню, Чань прихватил злополучный лом, помахав им, как саблей, чтобы почувствовать его вес. Его одолевало желание шарахнуть этим ломиком первого встречного.

Чань нашел путь к поезду и направился по избитой проселочной дороге, что шла рядом с окраинными домами. Но вот из-за ближайших холмов раздался волчий вой. Чань остановился, в последний раз оглянулся на Карт, плюнул в темноту и поспешил вперед через заросли кустов, корявые ветви которых напоминали пальцы протянутых за подаванием рук. Наконец за невысоким подъемом Чань увидел сияние и клубы дыма над ним: паровоз. Он взмахнул ломом, разминая руку. Кого, интересно, он встретит первым: графиню или капитана? Не то чтобы его это сильно волновало, важно, чтобы перед смертью он встретился с обоими.

На ответвлениях по обе стороны главного пути стояли пустые вагоны с открытым верхом для перевозки руды. Впереди он увидел два невысоких деревянных сооружения — одно было с мостками для загрузки руды, окна другого сияли желтым светом. Рядом к стоящему под парами локомотиву подсоединяли несколько пассажирских вагонов — Чань слышал, как машинисты что-то кричат сцепщикам. Его враги могли ждать в невысоком здании, но поскольку они, как и Чань, стремились к скрытности, это казалось маловероятным.

За пассажирскими вагонами и паровозом стояли в ожидании еще не прицепленные вагоны с рудой, а в хвосте располагался тормозной вагон с темными окнами. Чань присел рядом со ржавой парой металлических колес и оглядел территорию станции: никаких следов капитана, графини или хотя бы Уиллема. Если капитан и в самом деле решил прибыть заранее, то, наверное, он уже сидел в одном из пассажирских вагонов — ведь в присутствии

других пассажиров и охранника безопаснее. Нет, конечно, он мог прятаться в вагоне с рудой... но только если был испуган, а человек с саблей, как показалось Чаню, был вовсе не робкого десятка.

Прячась в тени, Чань подошел к последнему пассажирскому вагону, с посадочной площадкой, освещенной двумя фонарями, и перебрался внутрь через перильца. Изнутри не доносилось ни звука. Дверь была не заперта — неужели в мире еще оставались доверие и беспечность? — и Чань, легко открыв ее, обнаружил, что первое купе переоборудовано в маленькое уютное помещение для охранника. С печкой, деревянными стульями, лампами, географическими картами и бесчисленным количеством всяких металлических инструментов, висящих на крюках в стене. На приставном столике Чань увидел манящий котелок с чаем; он налил половину в стоявшую рядом металлическую кружку — от чая все еще поднимался пар — и выпил его в один присест несколькими глотками. Поставив кружку, он подошел к внутренней двери и осторожно, беззвучно повернул ручку.

Чань оказался в коридоре обычного пассажирского вагона. Справа шли стеклянные двери купе, полумрак в которых лишь слегка рассеивался фонарями по обоим концам коридора. Можно было пройти через весь поезд до самого паровоза, где, как полагал Чань, и находился пока что охранник. Перед отходом поезда охранник пройдет по всем вагонам и пересчитает пассажиров. А потому лучше найти капитана до того, как это случится. Чань пошел по вагону, заглядывая в каждое купе, потом по следующему, с тем же результатом — все купе были пусты. Состав вздрогнул: подцепили товарные вагоны. Поезд вот-вот должен был тронуться.

Когда он вошел в третий вагон, туда же через противоположную дверь влетела графиня — запыхавшаяся, с беспощадным, как сам ад, выражением лица. Она увидела Чаня мгновение спустя после того, как ее увидел он. Никто из двоих не шелохнулся. А потом графиня устремилась к нему со всей скоростью, на какую была способна, приподняв обеими руками платье. Черные сапожки выстукивали дробь по полированному полу.

Чань скривил губы в довольной улыбке.

— Графиня! Какое счастье...

Он поднял лом и решительно двинулся вперед, вскинув свободную руку и растопырив пальцы — чтобы отразить внезапно брошенный предмет, — с животной радостью ожидая стычки.

Неожиданно графиня из коридора метнулась в купе. Чань выругался себе под нос и, прыгнув вперед, дернул дверь купе, но графиня успела запереть ее на задвижку. Чань через стекло видел, как она пытается открыть окно. Он саданул ломиком по стеклу, потом очистил проем от осколков. Когда Чань просунул руку в перчатке внутрь, чтобы нащупать задвижку, графиня повернулась и, отчаявшись отпереть защелки, со всей силой ударила плечом о стекло. Стекло треснуло и покрылось сеткой, похожей на паутину окормленного опиум паука. Графиня крикнула, отпрянула назад; материя на ее плече уже напиталась кровью. Чань распахнул дверь. Женщина выбросилась через треснувшее окно, вылетела наружу в дожде кинжальных осколков и сверкающей грудой приземлилась на щебенку у путей. Чань подскочил к окну и посмотрел вниз. Графиня встала на четвереньки, ее платье было все в кровавых пятнах.

— Не валяйте дурака! Вам не удастся бежать!

Графиня застонала и диким, отчаянным усилием припустила трусцой, шатаясь, словно в подпитии. Чань с отвращением посмотрел на разбитое окно, очистил его, как мог, ломиком

от осколков, пройдясь по нижней части рамы.

Он повернулся вовремя, чтобы увидеть перекрывающую дверной проем темную тень. Воздух внезапно наполнился запахом синей глины. Чань успел поднять лом и отразить удар. Снова послышался звон стекла. Второй удар последовал без промедления, и твердый как камень кулак обрушился на челюсть Чаня, послав того на сиденье. Чань мгновенно перекатился на бок — и осколки посыпались на обивку в том месте, где только что была его голова. Чань перекатился еще раз и замахнулся ломом, целясь в голову нападающего, но тот выставил вперед руку и беззвучно отбил удар, хотя его силы хватило бы, чтобы переломать кость. Однако Чань одновременно лягнул незнакомца в живот. Тот хрюкнул и отступил. Не чувствуя челюсти, Чань с трудом поднялся на ноги, пытаясь разглядеть, кто это — но явно не капитан — вознамерился его убить.

Противник его был высокорослым, одетым в черный шерстяной плащ с капюшоном, надвинутым на лоб. Чань увидел только бледный подбородок, рот с выбитыми зубами, почти черные губы, отливающие чем-то, похожим на кровь... но нет — запах! Это были те же самые синие выделения, что Чань видел на губах Лидии Вандаарифф, когда граф истыкал алхимическими уколами тело обреченной наследницы. Человек зарычал и издал жалкий скрипучий стон, словно между жерновами перемалывалась плоть. Чань бросил взгляд на его руки. Левая, обмотанная материей, сжимала небольшой осколок синего стекла, кромка которого словно щетинилась острыми иглами, а правая рука была загипсована (этим и объяснялась сила удара — Чаню даже показалось, что его челюсть сломана). Но вот паузе пришел конец. Незнакомец ринулся на Чаня, который выбил ломом из его левой руки синее стекло; но загипсованная правая рука нанесла ему такой удар, от которого весь воздух вышел из легких. Через открытую дверь Чань вылетел в коридор и ударился о стену. Нападающий бросился следом — одна его рука тянулась к горлу противника, а другая наносила удары по голове. Чань уронил лом и, скользя ногами по битому стеклу, обеими руками ухватился за холодную, твердую как сталь руку, вцепившуюся ему в горло. Человек приблизился вплотную. Запах синей глины стал невыносимым, у Чаня защемило в горле, и какая-то часть его разума предалась занимательному размышлению: может ли человека рвать, когда его душат. Наконец ноги Чаня обрели опору, и он резко ударил противника головой в лицо, а потом выставил вперед колено, отправив того назад в купе.

Но человек проявил невероятную прыть и снова кинулся на Чаня, ударив ему в плечо гипсовой рукой, словно кувалдой. Спина Чаня будто впечаталась в стену. Человек запустил руку под плащ и извлек оттуда еще один осколок синего стекла длиной с лезвие кинжала.

Выпустив синий фонтанчик из уголка рта, он насмешливо выставил свой кинжал, целясь в правый глаз противника. Бежать Чань не мог — удар пришелся бы в спину, вот и все. Он лихорадочно измышлял ложные выпады и финты, способы контратаки, понимая, что тем же самым занят и другой — целая шахматная партия, разыгранная за одно мгновение.

— Она ускользнула от тебя, — прошептал Чань. — Как и в конюшне.

— Это не имеет значения. — Голос человека хрустел, как измельчитель щебенки.

— Она всех нас переживет.

— Тебя-то уж точно.

— Да и по тебе не скажешь, что ты заживешься на этом свете.

— Да что ты знаешь!

Кулак незнакомца быстро, как пуля, устремился вперед и врезался в стену — Чань успел увернуться, тут же упав на колени, а потом нырнул вперед, обхватил противника за талию и

затолкнул его назад в купе. Человек зарычал, но трех быстрых шагов Чаню хватило, чтобы припечатать его к раме разбитого окна. С криком перевалившись через подоконник, незнакомец вылетел из вагона. Его нога в сапоге задела лицо Чаня, отчего тот свалился на усеянный осколками пол, а когда поднялся на ноги и выглянул в окно, его таинственный противник уже исчез из виду.

Чань стоял, морщась от боли во всем теле, и пытался перевести дыхание, рвавшееся из груди. Купе было в прискорбном состоянии — окно и дверь разбиты, обивка разорвана, пол исцарапан и засыпан стеклом, растоптанным в мельчайшие кусочки. Чань теперь осознал, что графиня никогда особо не опасалась его, что и в конюшне, и здесь, в поезде, она боялась лишь этого беспощадного убийцу в капюшоне. Спасаясь от него, она побежала из головы поезда навстречу Чаню. А при чем тут капитан? Чань предполагал, что этот искалеченный человек был солдатом капитана, пострадавшим от синего стекла... но теперь понял, что он — а значит, и капитан? — пытался убить графиню. Одним из главных достижений заговорщиков стало проникновение в высшие эшелоны власти, подкуп влиятельных фигур в правительстве и дворце — и все это с таким размахом, что государственная политика отныне служила их интересам. Более того, целый драгунский полк призван был теперь выполнять «неназванные задачи» на службе у дворца. Такое неслыханное решение позволило ключевым фигурам заговорщиков — министру Граббе, графу, Франсису Ксонку, графине — охранять свои сборища закаленными в боях солдатами. Чань нахмурился — в таком случае все произошедшее выглядело бессмысленным. Если поисковый отряд послан дворцом, разве не должен он принять сторону графини?

Где капитан — в одном из вагонов или же едет на паровозе, договорившись с машинистами? Чаню хотелось выпрыгнуть из окна и броситься в погоню за графиней, но он понимал, что остановить капитана, не дать ему рассказать, что они остались в живых (в особенности потому, что непонятно, кому служит капитан), важнее мести. Но в то же время если Чань уедет в поезде, то оставит здесь двух смертельно опасных врагов. И что будет, когда его товарищи доберутся до Карта?

Но кто знает, когда заявятся Свенсон и женщины? Через неделю, а то и больше. Чань увел капитана и Джозефа от деревни — теперь его товарищи будут там в безопасности. Графиня хотела одного — бежать из Карта, а калека продемонстрировал, что для него главное — уничтожить графиню.

Графиня — всего лишь женщина. Если никто не помешает капитану распространять его новость, то на Чаня и его товарищей объявят охоту, сотни людей будут преследовать их повсюду... а он оставил предупреждение в «Горящей звезде»...

Невыносимая головная боль мешала ему думать. Хорошего выбора все равно не было, как ни поступи, он рисковал жизнями — своей и своих друзей. Нужно выспаться, поесть, принять опия, с тоской подумал он.

Чань поплелся мимо рядов сидений. Поезд уже двигался. Он посмотрел на темную полосу земли, что тянулась вдоль путей, и прикинул — не выпрыгнуть ли, но в итоге остался на месте. Решение было принято.

Поезду понадобилась целая ночь, чтобы спуститься с высокогорья в безлесную холмистую местность, исчерканную там и сям — словно детскими каракулями — поросшими лишайником сланцевыми обнажениями. Он выторговал у железнодорожников немного мяса, хлеба и чая. К немалому его разочарованию, капитана в пассажирских вагонах

не оказалось; Чань проверил также тендер и сам паровоз. О разбитом купе никто ничего не сказал: когда он закончил свои поиски в передних вагонах, осколки уже убрали, а вместо стекла на дверь натянули холстину. Правда, сидевшие у печурки железнодорожники не раз смерили Чаня настороженным взглядом — эти вызывающие беспокойство глаза, это потрепанное, немислимое одеяние... Чань снова прошел по всему поезду — вдруг в первый раз пропустил какое-нибудь укромное место или встроенный в стену шкаф? Но этим он лишь напугал остальных пассажиров: трех мужчин, приехавших по делам на шахту, старушку и двух молодых рабочих, которые надеялись связать свою жизнь с какой-нибудь мануфактурой или одним из новых заводов близ города.

Пока поезд находился в движении, Чань не мог без риска для себя лично осмотреть вагоны с рудой. А потому делать до конца пути делать ему было нечего...

Он не знал, кто покалечил человека, напавшего на него, — люди капитана или кто-то другой. Что, если графиня отравила кого-нибудь из лесорубов? Чаня пробрала дрожь, когда он вспомнил, сколько мучений доставило ему толченое стекло в легких. Если этот тип испытывал то же самое... может, он ко всему был не в своем уме? А что лежало в той странной шкатулке? Судя по оранжевому фетру, ее вынесли с дирижабля... если бесценную синюю книгу притащили на берег только для того, чтобы разбить и превратить в оружие, — что могло быть важнее ее?

Этот вопрос навел Чаня на мысли о дирижабле. В тот момент, когда планы заговорщиков вот-вот должны были увенчаться успехом (немислимое богатство и власть были рядом — рукой подать), оказалось достаточно бросить спичку, чтобы подозрительность и соперничество между ними запольхали ярким пламенем. Чань уже сталкивался с этим: воры набрасывались друг на друга в разгар преступления. Но тут были не обычные воры. Они вознамерились похитить ни больше ни меньше как свободную мысль народа — многих народов — и создать империю бессловесных скотов. Непомерные амбиции питали их страхи и недоверие друг к другу, а схватка на дирижабле стала лишь неожиданной финальной вспышкой. Чань знал, что Ксонк, графиня, граф и Граббе вынашивали собственные тайные планы относительно друг друга — либо желая подстраховаться, либо намереваясь предать своих сообщников. Размышляя о том, что могло быть в шкатулке, он думал о личных планах, которые еще могут быть претворены в жизнь, как заряженное ружье в незапертом шкафу, ждущее, когда его найдут.

Следующий день Чань провел в безделье ожидания. Он смотрел, как коричневые холмы переходят в обработанные поля, в деревни, потом в маленькие городки, о появлении каждого из которых издали возвещал тоненький шпиль. Когда снова опустилась ночь, Чань ссутулился на своем месте, положив очки на колени и закрыв глаза рукой. Он ненавидел это закрытое пространство, ненавидел робких пассажиров, окружавших его, ненавидел все эти маленькие строгие городки. Нелепица, полнейшая нелепица. Женщина была мертва. Он убрал руку от глаз и прищурился — из коридора в купе проникал желтый свет.

Потом без всякого повода он подумал о графине, стоящей на коленях у рельсов. Образ этот был невероятно живым — лицо ее горело, волосы были растрепаны, на плече алело кровавое пятно. Он вспомнил, как ударил ее в конюшне, вспомнил, как ловко она подалась назад, но удержала равновесие... как изящная бледная рука притронулась к месту ушиба... Застонав, Чань закрыл глаза рукой. Он впал в безумие.

Когда поезд подъехал к вокзалу Строппинг, небеса были темны. Чань спрыгнул на землю задолго до перронов с их людскими толпами и посмотрел вдоль вереницы вагонов с

рудой, понимая, что капитан может оказаться где угодно. Со струей пара прилетели разрозненные газетные листы. Чань наклонился и взял один из них. Он мог читать только самый крупный шрифт, но понимал, что за несколько дней его отсутствия в городе много чего могло случиться, и нужно быть в курсе происходящего. Выяснилось, что это двухдневной давности «Курьер» — грязная, низкопробная газетенка. Заголовок гласил: «РЫНОЧНЫЙ КРИЗИС!» Чань усмехнулся — рынки постоянно переживали кризисы. Взгля его скользнул вниз страницы. Другие статьи казались не менее зловещими: «ОПАСНОСТИ КРОВАВОЙ ЛИХОРАДКИ», «ЗАСТОЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ», «ЗАСЕДАНИЕ ТАЙНОГО СОВЕТА ОТЛОЖЕНО». Что поделаешь — «Курьер»! Чань скомкал газету и бросил ее.

Краем глаза он заметил какое-то движение. За вагонами с рудой между колесами мелькнула тень. Это был человек, присевший на корточки и наблюдавший за ним. Чань, ныряя под вагоны, припустил рысцей вдоль путей к служебному выходу, который обнаружил несколько лет назад на плане, составленном Корпусом королевских инженеров. С тех пор он часто выбирал этот путь. Резкий пинок по поржавевшей двери, затем вниз по металлической лестнице в полной темноте — но достаточно медленно, чтобы капитан не потерял его. Спустившись на два пролета, Чань нащупал щеколду небольшой металлической двери. Он помедлил, улыбнулся, услышав звук шагов внизу, в темноте, и вышел на Хеллиотт-стрит, узенькую, втиснутую между высокими стенами и опасную в любое время для беспечных или невооруженных. Чань оставил дверь приоткрытой и снова улыбнулся — он вернулся туда, где знал, что и как ему делать.

Хеллиотт-стрит переходила в Звезду Регента — площадь на пересечении пяти улиц. Прежде центром жизни квартала были покои отца старой королевы, о кончине которого никто не жалел. На квартал тогда легла тень сомнительных дел, творившихся во дворце. После смерти принца апартаменты опустели, но площади это не помогло — она окончательно стала местом сбора уголовников и бездомных.

Безобразные вокзальные часы Строппинга показывали девять. Даже если бы за ним не следили, Чань не мог вернуться к себе, не зная, в каких отношениях он с законом. Не мог он показаться и в таверне «Ратон марин». Чань понимал, что должен принять решение, но ждал. Он услышал слабый скрип ржавой двери, потом громко откашлялся и плюнул на обочину.

Из тени Сент-Пьерс-лейн вышли двое — один колоссального роста — и направились к нему... Только этого сейчас не хватало.

На гиганте, горло которого по-жабьи нависало над плотно завязанным грязным галстуком, была бесформенная шерстяная шапочка, натянутая на самые уши. Чань знал, что человек этот лыс, рот его полон гнилых коричневых обломков, а на руках, засунутых в карманы слишком тесного пальто, — кольчужные перчатки. На втором человеке были потертый котелок и зеленый военный мундир с содранным золотым шитьем. Тонкое лицо было небрито, а соломенные волосы — набриолинены и прилизаны.левой рукой он почесывал ложбинку на черепе. Правая же, аккуратно заведенная за спину, сжимала медную рукоять широкой обоюдоострой сабли. Чань обогнул площадь: теперь, не найдившись спиной к Хеллиотт-стрит, он мог не опасаться, что капитан нападет сзади.

— Кардинал Чань, — сказал гигант. — А мы слышали, что ты бежал.

— Что ты, мол, взялся за ум, — печально покачал головой его напарник. — А ты здесь. И такой же бешеный, как всегда.

— Хорас, — обратился Чань к громиле, а потом, насмешливо кивнув, к его товарищу: — Лейтенант Сапп. Наверное, мне следовало ожидать этой встречи.

— Это почему? — спросил Сапп.

— Потому что меня разыскивают группы людей, плохо знающих город, — сказал Чань. — И они наверняка захотели через вас найти меня.

Хорас насмешливо фыркнул и вытащил из карманов руки в кольчужных перчатках. Чань смерил взглядом расстояние между ними — приблизительно четыре фута мощеной мостовой — и продемонстрировал им свои пустые ладони.

— К несчастью, я совершенно незащищен.

Хорас снова фыркнул.

— Вы проводите меня к вашему нанимателю? — спросил Чань.

— В навозную кучу мы тебя проводим, — сообщил Сапп. — Давно хотелось.

Чань холодно улыбнулся в ответ.

— А чьи пятки ты лижешь сегодня, Сапп? Ты хоть знаешь? Или не пятки, а что-то другое? С таким удовольствием, что тебе уже все равно?

Чань откинул назад голову, когда Сапп совершил довольно искусный выпад, стараясь разрезать горло Чаня по всей его ширине. Удар пришелся мимо. Сапп повторил попытку, потом сделал ложный выпад в живот Чаня, но тот отпрыгнул назад так, чтобы могучие кулаки Хораса отделяли его от Саппа.

— Ты, как всегда, медлителен, — заметил Чань.

— Ты захлебнешься в собственной крови! — прорычал бывший офицер.

Сапп был уволен со службы (он продавал полковые боеприпасы местному населению, чтобы оплачивать свои карточные долги), но, пренебрегая бесчестием, продолжал носить мундир, хотя и без знаков различия.

Сапп ткнул клинком в лицо Чаня. На этот раз Чань не отступил — лишь увернулся, и сабля прошла мимо, хотя и близко к лицу. Затем Чань ухватил противника за запястье. Тот попытался вырваться, и Чань смог изо всех сил лягнуть его в мошонку. Заскулив, Сапп свалился на мостовую, Чань вырвал у него клинок и обратился к громиле, который угрожающе сгибал и разгибал пальцы в кольчужной перчатке.

— Остановись и подумай, Хорас, — прошипел Чань. — Ты ведь сам говоришь, что я бешеный. А это означает, что я не раздумывая убью тебя. Я тебя убью, Хорас. Если ты сделаешь еще хоть шаг в мою сторону, клинок вонзится в твое горло.

Хорас не шелохнулся. Сапп скулил, его дыхание клубилось, стелясь по влажной ночной мостовой.

— Нет, — заявил Хорас. — Это я тебя убью.

И он бросился на Чаня, как бык.

Чань только что не рассмеялся. В ответ на болезненный удар кулаком в предплечье снова полоснул острым клинком по выпуклому животу Хораса, и прочерченная линия тут же набухла красным. Хорас хрюкнул и снова замахнулся. На сей раз Чань просто отошел в сторону и рассек вытянутую руку, перерубив жилы у локтя. Когда гигант зажал другой рукой кровоточащую рану, его туловище оказалось вообще не защищенным. Чань по самую рукоять вонзил клинок в его торчащий кадык, потом вытащил саблю, и Хорас ничком рухнул наземь.

Капитана нигде не было видно. При виде схватки преследователь Чаня скрылся. Чань громко выругался, и голос его гулко отразился от мостовой. Все оказалось тщетным — поездка на поезде, риск, на который он пошел, оставив в городке графиню и калеку...

Он повернулся к Саппу, взиравшему с разинутым ртом на своего незадачливого товарища, и с развороту нанес ему удар ногой в челюсть, уложив на землю. Все еще кипя от злости, Чань ухватил Саппа за шиворот и оттащил стонущего человека в тень, подальше от мертвого тела.

Наскоро обшарив карманы Саппа, Чань извлек бритву, раскрыл и поднес к моргающему правому глазу экс-лейтенанта, а другой рукой ухватил его за шею и прижал к кирпичной стене.

— Кто меня заказал?

— Я все равно собирался тебя убить...

Чань сжал горло Саппа, не дав ему договорить.

— Кто меня заказал?

— Ты убил Хораса...

— Он получил свой шанс, Сапп. А сейчас... вот прямо сейчас... шанс есть у тебя.

Чань снова сдавил ему горло. Сапп открыл рот, глотая воздух, застонал — может, Чань ногой выбил ему зубы? — но потом энергично кивнул.

— Я скажу. Не убивай меня. Я скажу.

Сапп сглотнул.

— По «Ратон марину» пошел слухок, что можно заработать денег. Все видели солдат рядом с твоим домом и мертвого германца в закоулке. А другие германцы наблюдали за библиотекой...

Солдаты принца Макленбургского. Чань полагал, что с его исчезновением и смертью их командира, майора Влаха, от руки Чаня в глубинах Харшморта — солдаты вернулись на территорию макленбургской миссии.

— И кто же пустил этот слухок?

— Николас...

Николас, бармен в «Ратон марине». Чань всегда относился к нему уважительно, но знал — и именно это отличало таверну, — что бармен одинаково лоялен ко всем: дрызги уголовников и даже прямые убийства его не касаются.

— И что Николас?

— Он сказал, что заходил один тип. В черном плаще. Из дворца. Чиновник!

— Никто во дворце не знает о «Ратон Марине»!

— Значит, кто-то им свистнул, а? — Сапп сплюнул.

— И он тебе велел стеречь меня у вокзала?

— Да нет, конечно! Просто я знаю тебя, Чань. Я знаю, как ты будешь поступать!

Чань отвел лезвие от его глаза и, слегка отпустив горло, стряхнул грязь с драных эполет мундира.

— И с какой стати дворец беспокоится о мне подобных?

— Из-за кризиса.

— Кризиса?

— Ну, с министерскими. Я не так глуп, я понимаю, о чем они говорят... я слышал, как они шепчутся...

— Я читал «Курьер». Ничего нового.

— Большие люди, Чань. Привыкшие, чтобы с полдюжины дураков по мановению мизинца бегали вокруг них. Я сам их слышал. И они были в ужасе.

— Я должен поверить, что люди из дворца боятся меня и потому разыскивают?

— Можешь верить или не верить. — Сапп вновь обрел уверенность, а с ней и презрительный тон. — Или ты не хочешь признавать того, о чем не успел узнать в своей библиотеке?

Чань сделал надрез на его горле в направлении порванного правого уха, а другой рукой крутанул Саппа за плечо. Кровь забрызгала стену за ними. Чань сложил бритву, сунул ее в карман и вернулся на Звезду Регента, спугнув двух любопытных собак, уже обнюхивавших тело Хораса. Стук его каблучков заглушал булькающие вдохи лейтенанта Саппа.

На хороший отель денег не было, а в дешевых номерах он сразу же попался бы на глаза докучливому сонму идиотов, не столь смысленных, как Сапп, но таких же кровожадных и жаждущих получить вознаграждение. Чань поплотнее закутался в плащ. Конечно, можно найти что-нибудь... но раз нет собственной безопасной гавани, не перенести ли военные действия на территорию противника?

Графиня явно сохранила за собой номера в «Сент-Ройяле», но там он не сможет получить их сведений, да и проникнуть туда тайно не так-то просто. Есть еще Харшморт-хаус, особняк лорда Роберта Вандаариффа... Могущественный финансист, поврежденный в уме, стал игрушкой в чужих руках, а его дочь жестоко убита в дирижабле. Разве их огромный дом — не идеальное место, чтобы творить черт знает что? Чань покачал головой; дело не в том, чтобы творить черт знает что. Его преследуют люди из дворца, а дворец (бессчетное число министерских зданий, резиденция королевы, помещение Ассамблеи, палаты герцога Сталмерского) — это лабиринт. Рядом с Дворцом даже Харшморт выглядел садовой беседкой. Каждый вариант таил в себе опасность, не имея очевидных преимуществ, — Чань слишком мало знал и не ведал, кого следует опасаться.

Утром он купит все газеты, чтобы убедиться в истинности слов Саппа, а еще узнает о судьбе мелких заговорщиков, оставшихся в городе. Живы ли все еще герцог Сталмерский и полковник Аспич? А главное, что стало с миссис Марчмур, последней по счету из трех стеклянных женщин, могущественных автоматов графа. Что с ней: все еще жива, если только это можно назвать жизнью? Или уничтожена, как остальные? Но это вопросы на завтра. А сегодня нужно найти прибежище — место неожиданное, но со смыслом.

Проведя столько времени в поезде, Чань был рад размять ноги и направился к Белому собору — название пошло от светлого камня, в котором здание перестроили после пожара. Окруженный лесами собор с куполом, похожим на сломанный зуб, уже много лет не могли достроить — яркое свидетельство всемогущества коррупции. Улицы были узкими, вдоль них стояли аккуратные ограды с острыми пиками, но для Чаня это был удобный путь — между вечерними толпами на Серкус-Гарден и малопривлекательным обществом прибрежных кварталов. Он довольно размахивал руками, все еще возбужденный после схватки, — парировал, атаковал, нанося режущие удары. Здорово, что удалось расправиться с Хорасом и Саппом. Никчемные человечки, да, но теперь, после стольких разочарований, хоть одно настоящее дело уже доставляло удовлетворение. А он ведь даже предупреждал их!

Еще полчаса — и Чань оказался в мире содержащихся в порядке фонарей, тенистых деревьев, внутренних двориков и небольших частных скверов. Чань неспешно, мелким шагом обошел особенно аккуратную и надменную маленькую площадь. Потом, бесшумно перемахнув через запертую калитку, он прошел еще немного по проулку для слуг и притаился в тени внушительного дома. Было уже далеко за десять. В комнатах на первом этаже горел свет, как и в мансардах для слуг. Следуя плану, задуманному, казалось, в другой жизни, Кардинал Чань проследовал мимо аккуратно подстриженных кустов можжевельника

к сточной трубе на стене дома. Ухватившись за нее руками в перчатках, он быстро добрался до узкого карниза и закинул на него ноги — одну, потом другую. И вот он уже стоял на коленях перед темным окном второго этажа — оно было незапертым, как и во время предыдущей разведки.

Чань бесшумно поднял оконную раму и перенес внутрь сначала одну длинную ногу — ботинок мягко нащупал розовую ковровую дорожку, — потом туловище, а за ним и вторую ногу, которую осторожно согнул в колене, словно насекомое при чистке крыльев. Чань вытащил из кармана бритву Саппа, стараясь припомнить, где располагается спальня миссис Траппинг.

Когда-то адъютант-полковник Ноланд Аспич подрядил Чаня — и тем вовлек его в эту треклятую историю — убить своего начальника Артура Траппинга, полковника Собственного Его Высочества Четвертого драгунского полка. Траппинг был честолюбивым распутником, сделавшим карьеру благодаря влиятельному брату своей жены, оружейному магнату Генри Ксонку. Именно Ксонк купил повышение Траппингу, а потом перевел Четвертый драгунский в подчинение министерства, внедрив своего зятя в самое ядро заговора. Для Траппинга это была возможность примкнуть к обер-заговорщикам, настраивая их друг против друга, но его намерения, к сожалению, превосходили его способности. Как Траппинга, так и Генри Ксонка перехитрил младший из трех Ксонков — Франсис, один из самых сильных противников, с какими приходилось сталкиваться Чаню. Порочный и беспринципный Франсис манипулировал Траппингом через своего брата и напрямую, ловко пользовался надеждами сестры на то, что возвышение ее никчемного муженька поможет продвижению в обществе, в чем ей отказывал строгий старший брат. Планы Франсиса по захвату семейной империи простирались так далеко, что он включил в них воспитательницу детей Траппинга, Элоизу Дуджонг. Только пуля, выпущенная доктором в тонущем дирижабле, покончила с его амбициями.

Но еще до всего этого Чань, нанятый Аспичем, разработал детальный план тайного проникновения в дом Траппинга, чтобы при необходимости уничтожить полковника прямо в постели. Он так и не воспользовался этим планом, а вместо этого последовал за полковником в Харшморт, в особняк Роберта Вандаариффа, и там кто-то опередил Чаня, прикончив полковника. Но теперь... теперь Чань думал о вдове Траппинга: непричастная ко всей этой интриге, она могла знать кое-что о том, что произошло за неделю, пока Чань болтался на севере. Если повезет, пара добрых слов о пропавшей воспитательнице ее детей обеспечит Чаня чистой кроватью и завтраком... но, конечно, сначала женщина должна прийти в себя после его неожиданного появления.

Как он выяснил, ни Артур, ни Шарлотта Траппинг не были особо заботливыми родителями; в такое время дети должны уже спать в своих комнатах (прямо под Чанем), а их мать — удалиться в свою спальню на третьем этаже. Свет внизу зажгли слуги — одни убирают после ужина, другие готовят еду и белье на завтра. Чань тихонько подошел к лестнице. Держась поближе к стене и перешагивая через три ступеньки, он поднялся на следующую площадку, замедлив движение только для того, чтобы заглянуть за угол. И ничего не услышал. Справа находилась спальня полковника, слева — свежее испеченной вдовы. Из-под двери лился желтоватый свет. Чань легонько взялся за дверную ручку из слоновой кости. Изнутри раздался приглушенный скрип... кто-то открывал шкаф. Миссис Траппинг? Как она стоит — спиной к двери? Вот если бы войти так, чтобы она не закричала...

Чань повернул ручку с вымученной медлительностью человека, поглаживающего ногу женщины во время церковной службы, но вдруг механизм щелкнул, и раздался щелчок и гулко разнесся по коридору. Он широко распахнул дверь. Аккуратный человек в длинном черном плаще испуганно оторвался от заваленного бумагами письменного стола, рот его был раскрыт, глаза расширились от ужаса. Лет ему было примерно столько же, сколько Чаню; волосы прилизаны, на щеках — бакенбарды. Чань сильно ударил его по лицу тыльной стороной ладони — тот пролетел мимо стола на окаймленный кисточками турецкий ковер, где и замер. Чань повернулся к открытой двери, прислушался — не поднялась ли тревога, ничего не услышал и тихонько закрыл дверь.

Шарлотты Траппинг в комнате не было.

Ящики всех шкафов и сундука были выдвинуты, их содержимое разложено стопками, постельное белье грудой лежало на полу, а бумаги вдовы приготовлены для тщательного изучения. Человек (один из чиновников Дворца, о которых говорил Сапп) лежал на полу без чувств. Чань поднял со стола письмо — судя по подписи, от полковника Траппинга — и перевернул в поисках даты отправления.

Нахмурившись, он положил письмо, просмотрел еще три, потом отложил их и оглядел комнату.

Она была довольно большой, с таким же громадным зеркалом, что и в спальне главы семейства на другом конце коридора. Чань вошел в просторный гардероб. Запертая дверь внутри вела, безусловно, в такой же гардероб, примыкающий к покоям самого Траппинга, — так и должно быть у современных супругов. Он посмотрел на одежду — ничего сверхроскошного, но обращало на себя внимание знакомое Чаню (явно свежестыранное — его недавно носили) скромное светлое платье. Чань видел его издали в Харшморте, в вечер обручения Лидии Вандаарифф... в тот вечер, когда все это и началось, меньше чем за полчаса до отравления полковника.

Чань вернулся в спальню и встал над неподвижным человеком. Все в этой комнате принадлежало Элоизе Дуджонг.

Глава третья

ПРИЗРАК

Проснувшись после первого сна, которому предшествовала целая ночь отчаянной борьбы за жизнь мисс Темпл, доктор Свенсон наконец заснул. А проснувшись, испытал необъяснимую легкость в сердце, настолько незнакомую, что даже засомневался — уж не стал ли и он жертвой лихорадки. Спал он в мастерской рядом с кухней, на груде приготовленного для стирки белья, спал, пока жена Сорджа не разбудила его грохотом кастрюль. Свенсон потер лицо, пощупал заросший подбородок и по-собачьи потряс головой. Он поднялся, разгладил свою стального цвета форменную рубашку — от которой все еще пахло морской водой, — закатал по локоть рукава и надел сапоги. Зачесав назад свои светлые волосы пятерней, доктор улыбнулся. Все они могут умереть до конца дня, но какая разница? Ведь пока им удавалось выживать.

Для сна удалось урвать всего несколько часов. Получив сладкий чай с молоком, принесенный дочерью Сорджа, горячую воду для бритья и сложенный вдвое ломоть черного хлеба с маслом, в который была всунута соленая треска, доктор снова принялся за работу — стал обрабатывать многочисленные порезы и царапины мисс Темпл бальзамом, который приготовил из местных трав. Жар у нее не прошел, а выбор лекарственных средств здесь был ничтожно мал — может быть, стоило заварить еще один травяной сбор. Дверь к мисс Темпл открылась, и появилась Бетт с новой стопкой полотенец. Свенсон пока не видел Элоизы. Наверняка она еще спала.

Им еще не удалось толком поговорить после гибели дирижабля, да и вообще ни разу, если не считать того взволнованного разговора в Тарр-Маноре. И все же Элоиза поцеловала его — или он ее? Разве это имело значение? Разве это к чему-нибудь вело?

Доктор в очередной раз приложил влажные, прохладные полотенца к телу мисс Темпл. За ночь ей стало хуже. Надо было ей остаться на дирижабле, пока не удалось бы найти лодку в деревне. Впрочем, дирижабль мог уйти на дно еще до прибытия лодки, так что смысла в этом особого не было, но Свенсон корил себя, что не рассмотрел такой вариант, что совсем не понимал грозящей опасности.

Он вернулся на кухню, надеясь найти там Элоизу, но увидел только озабоченные лица Лины и Бетт, обеспокоенных судьбой этой бедняжки — молодой леди. Свенсон попотчевал их привычной ложью — все идет хорошо — и, извинившись, вышел на веранду, где у перил с чашкой чая стоял Кардинал Чань. Доктор предложил Чаню взять его бальзам, чтобы смазать собственные многочисленные порезы и ссадины, но, еще не закончив фразы, понял, что тот не воспользуется советом. Оба погрузились в молчание, разглядывая слякотный двор и три низенькие постройки: одна для кур, вторая для сушки рыбы, третья для сетей и капканов. Дальше простирался лес, большей частью березовый — черные отметины на белой коре, влажные от тумана провисшие ветви.

— Вы не видели миссис Дуджонг? — спросил Свенсон.

— Она пошла прогуляться. — Чань кивнул в сторону деревьев. — Хотя никаких достопримечательностей здесь нет.

Свенсон не ответил. Эти глухие леса и тяжелое небо казались ему великолепными.

— Как Селеста? — спросил Чань.

Неважно. — Свенсон инстинктивно постучал себя по карману в поисках сигарет, хотя и

знал, что их там не было. — Горячка усилилась. Но она — энергичная молодая женщина, а сила характера тут может быть очень важна.

— Но что можете сделать вы?

— Буду по-прежнему оказывать помощь.

Чань сплюнул через перила.

— Значит, невозможно сказать, надолго ли мы здесь застряли?

Чань скользнул глазами по двери у него за спиной, потом опять перевел взгляд на болотистый лес — заперт на этой веранде, как тигр в клетке.

— Пожалуй, я тоже прогуляюсь, — тихим голосом сказал Свенсон.

Доктор не помнил, какие сапожки были на Элоизе, и удивлялся теперь, что не обратил внимания. Но на болотистой тропинке, ведущей к берегу, виднелись свежие следы небольших острокаблучных башмачков — вряд ли они принадлежали какому-нибудь рыбаку. Впереди сверкала и кипела полоса прибоя — между черной морской водой и серыми небесами, тяжело нависшими над морем. Ярдах в пятидесяти от доктора, вплотную к набегающим волнам, стояла Элоиза.

Она повернулась, увидела, что Свенсон идет к ней, помахала ему. Улыбнувшись, доктор помахал в ответ и отпрыгнул от внезапно накатившей на ноги волны. Щеки у Элоизы были красны от холода, а руки — в перчатках, но из тонкой шерсти — засунуты под мышки. На голове был простой чепец, взятый у жены Сорджа; несколько прядей волос выбились, и ветер неистово трепал их за спиной у женщины. Свенсону захотелось обнять ее — при виде Элоизы им овладели вполне плотские желания, — но он просто кивнул и, перекрикивая шум прибоя, заговорил:

— Свежо тут, правда?

Элоиза улыбнулась и еще крепче прижала руки к телу.

— Ужасно холодно. Но хоть какая-то перемена: все лучше, чем комната больной.

Доктор увидел какой-то предмет у нее в руке.

— Что вы нашли?

Она показала ему камешек. Мокрый, он казался темнее, чем был на самом деле — густо-фиолетовым.

— Как мило, — сказал доктор.

Элоиза с улыбкой сунула камень в карман платья.

— Спасибо, что ухаживали за мисс Темпл, пока я спал.

— Благодарите Лину — вы же видите, что я здесь: ушла задолго до того, как вы проснулись. Но вы и спали-то всего ничего. Наверное, еще не успели прийти в себя.

— Военные врачи сделаны из стали, уверяю вас, иначе никак.

Женщина снова улыбнулась и, повернувшись, пошла дальше. Доктор зашагал рядом с ней. Они шли теперь поближе к скалам, где ветер дул не так сильно и они могли не переходить на крик.

— Она умрет? — спросила Элоиза.

— Не знаю.

— Вы сказали Чаню?

Свенсон кивнул.

— И что он говорит?

— Ничего.

— Какая нелепица, — пробормотала Элоиза. Ее пробрала дрожь.

— Вы совсем замерзли.

Она неопределенно махнула в сторону волн.

— Я гуляла... — Помолчав, она набрала в легкие воздуха, чтобы продолжить. — Когда мы говорили на лестнице в Тарр-Маноре, когда вы спасли меня... так давно, целую жизнь назад... так вот, выжить нам удалось, но поговорить — нет...

Свенсон улыбнулся, хоть и старался сдерживать свои чувства.

— У нас почти не было времени...

— Но мы должны поговорить, — настаивала Элоиза. — Я сказала вам, что приехала в Тарр-Манор по совету Франсиса Ксонка, брата моей хозяйки, миссис Траппинг...

— Чтобы найти полковника Траппинга. Но вы не знали, что Ксонк участвовал в заговоре и в то самое утро сбросил тело полковника в реку...

— Подождите. Я несколько часов готовилась к нашему разговору...

— Но, Элоиза...

— В Тарр-Манор прибыл поезд с людьми, которые собирались поведать заговорщикам о тайнах своих хозяев... и я была среди них. Мне сказали, они могут знать, где полковник...

— Если вы путешествовали с согласия миссис Траппинг, вам не в чем себя упрекнуть...

— Дело в том, что они собрали эти тайны... мои тайны... в стеклянную книгу...

— И это чуть не убило вас, — закончил Свенсон. — Вы крайне чувствительны к синему стеклу...

— Подождите... Выслушайте меня.

Голос Элоизы звучал напряженно. Свенсон дал ей договорить.

— Я выболтала им все, что знала... вы должны понять... я не помню этого...

— Конечно не помните. Воспоминания переносятся в книгу, у вас их больше нет. Мы видели, что случилось с теми, кого соблазнили в Харшморте: содержимое их мозга перекачали в книгу, от людей остались лишь жалкие оболочки. Но вам, возможно, повезло... если вы сами стыдились этих тайн, не могли ими поделиться...

— Нет... поймите меня правильно. Там не было ничего глубоко личного — того, что касалось не моих хозяев, а меня. Я пыталась привести в порядок то, что осталось в голове, но чем больше я пытаюсь, тем страшнее мне! Каждый стертый эпизод окружен обрывками воспоминаний о незнакомой мне женщине. Честное слово: я не знаю, кто я такая!

Она разрыдалась — так неожиданно, что доктор даже растерялся: как ему быть? — и закрыла лицо ладонями. Он взмахнул руками перед собой, желая обнять ее за плечи, прижать к себе, но не сделал решающего движения, и Элоиза отвернулась.

— Извините...

— Да не за что, позвольте мне...

— Это несправедливо по отношению к вам, ужасно несправедливо... пожалуйста, простите меня.

Прежде чем Свенсон успел ответить, женщина развернулась и быстро пошла туда, откуда они пришли. Голова ее тряслась, словно она выговаривала себе за что-то — то ли за свои переживания, то ли за свою попытку что-то объяснить.

Он вернулся в дом. Чань, казалось, за все это время так и не шелохнулся, но когда доктор поднялся по деревянным ступенькам, Кардинал откашлялся, словно предвеля какие-то свои размышления. Свенсон заглянул в черные стекла его очков и снова ощутил, насколько необычно он выглядит, насколько узок (как у южноамериканской птицы, которая

питается только долгоносиками, обитающими в коре одного-единственного вида мангровых деревьев) ареал обитания этого человека. Потом Свенсон подумал о себе и презрительно усмехнулся: тоже мне — сравнил Чаня с попугаем! Он и сам чем-то напоминал тритона.

Из дома до Свенсона донесся голос Элоизы — та разговаривала с Линой. Доктор помедлил, потом заставил себя помедлить еще, и наконец его страданиям положил конец оклик сзади. Из сарая, прихрамывая, шел Сордж с новой просьбой — в поселке у кого-то после бури заболел скот. Доктор вымучил из себя душевную улыбку, как ему частенько приходилось делать в Макленбургском дворце. Он бросил взгляд на Чаня. Чань смотрел на Сорджа. Сордж делал вид, что мрачной фигуры в красном не существует. Доктор, тяжело ступая, двинулся навстречу хозяину дома.

После скотины его внимания потребовал зуб пожилой женщины, а потом — сломанная во время бури рука одного из рыбаков. Свенсон понимал, что тем самым он смягчает подозрения местных — слишком необычным было появление путников в деревне, слишком зловеще выглядел Кардинал Чань: деревенские ясно дали понять, что не хотят видеть его себя. Но у доктора не оставалось времени на Элоизу, а когда он освободился — краткие встречи на кухне или на веранде, во время которых Свенсону хотелось пригласить ее на прогулку по берегу, — та неожиданно оказывалась занятой.

За ужином они должны были непременно встретиться. Лина предпочитала кормить этих троих отдельно от своего семейства, чтобы расходы на их питание шли отдельно. Свенсон был только рад оказать посильную помощь. Он стоял над плитой, следил за чайником, сам хотел заваривать чай. Вошел Чань с охапкой дров, которые он аккуратно сложил рядом с плитой. Из чайника показалась струйка пара. Взяв тряпку, Свенсон поднял чайник, вылил воду в открытую кастрюлю и поставил чайник на другой, холодный край плиты. Из комнаты мисс Темпл вышла Элоиза, поймала взгляд доктора, на секунду улыбнулась и взяла стопку тарелок, чтобы накрыть на стол. Свенсон закрыл чайник крышкой и отошел в сторону. Лицо его неожиданно искривилось, он потер себе виски. Чань ухмыльнулся и сел, предоставив Элоизе заниматься едой.

— Сочувствую вам, доктор, — сказал Чань.

— А в чем дело? — спросила Элоиза, ставя на стол три кружки.

— Головная боль, — улыбнулся Чань. — Отсутствие табака — мучительное испытание...

— Ах, это... — протянула Элоиза. — Не лучшая привычка.

— Табак обостряет мышление, — тихим голосом сказал доктор.

— И желтит зубы, — тут же нашлась Элоиза.

Появилась Лина с дымящейся кастрюлей супа. Как обычно, в нем обнаружили картошка, рыба, сметана и маринованный лук. Чань заявил, что супа есть не может, потому что до обеда нахватался всего понемногу. Хлеб, по крайней мере, был свежим. Свенсон вдруг задался вопросом: а пекла ли когда-нибудь хлеб Элоиза? Его кухня Коринна пекла. Конечно, хлеб вполне могли печь и слуги, просто Коринне это нравилось: она говорила, смеясь, что сельская женщина должна уметь работать руками. Коринна... умершая от кровавой лихорадки, пока Свенсон был в море. Доктор попытался вспомнить, какой хлеб она пекла, но в памяти всплыли только белые от муки пальцы и довольная улыбка на губах.

— Сордж может достать табак, — сказала Лина, не обращая ни к кому в особенности.

— Да неужели?! — срывающимся голосом проговорил Свенсон.

— Рыбаки его жуют. Но и курят тоже. Поговорите с Сорджем.

Лина пробежала глазами по столу — все ли, что нужно, она сделала. Резкий кивок Элоизе — да, все, — и Лина удалилась в комнату. Как только дверь за ней закрылась, Свенсон пододвинул стул для Элоизы, помогая ей усесться поудобнее. Потом он сел на свое место, но тут же вскочил опять, чтобы налить чай.

— Ну, похоже, вы спасены, — язвительно сказала Элоиза.

— Благодарение святому дурных привычек, — усмехнулся Свенсон.

Они молчали, разливая суп и передавая хлеб — каждый руками отрывал себе кусок.

— Как мисс Темпл? — спросил Чань.

— Все так же.

Свенсон обмакнул ломоть хлеба в суп и откусил намокшую часть.

— Ей снятся сны, — сообщила Элоиза.

Чань поднял на нее глаза.

— У нее бред, — жуя, пояснил Свенсон.

Элоиза покачала головой.

— Не уверена. Мы с ней почти не успели поговорить в Харшморте, я вовсе не знаю ее, но у нее твердый характер. Такая молоденькая — и такая целеустремленная...

Она подняла глаза и увидела, что мужчины внимательно смотрят на нее.

— Я ее ничуть не осуждаю, — сказала Элоиза. — Но знаете ли вы, что она заглядывала в книгу? В стеклянную книгу?

— Я — нет, — ответил Свенсон. — А вы уверены?

— Она ничего такого не говорила, — пробормотал Чань.

— Да у нее и времени не было, — заметил Свенсон. — А вам что она сказала?

— Только то, что заглядывала туда. И вообще завела об этом речь лишь для того, чтобы меня успокоить. Но книга, в которую смотрела я, была пуста — она сама смотрела в меня, хотя со стороны это кажется безумием...

— То же самое я видел в Харшморте, — вставил Чань. — Слава богу, что вы сохранили разум, миссис Дуджонг.

— Это едва не убило ее, — взволнованно сказал Свенсон.

— Дело в том, что моя стеклянная книга была пуста, — заметила Элоиза. — Она забирала воспоминания. А мисс Темпл смотрела в заполненную книгу.

Свенсон отложил ложку.

— Господи боже мой! Целая книга — а не случайные обрывки, запечатленные на куске стекла. Да ведь тут можно прожить не одну чужую жизнь... господи, эти воспоминания станут для человека наравне с его собственными. Целая книга... да еще вопрос, что там в ней... учитывая развращенные вкусы графа... — Доктор замолчал.

— А потому остается лишь догадываться, какие сны она видит, — вполголоса сказала Элоиза.

Свенсон посмотрел через стол на Чаня — тот хранил молчание, — потом перевел взгляд на Элоизу. Ее рука с кружкой дрожала. Женщина заметила его взгляд, снова улыбнулась на мгновение и поставила кружку.

— Никак не могу уснуть, — пожаловалась она. — Наверное, тут, на севере, слишком светлые ночи.

В комнате мисс Темпл горела единственная свеча, стоявшая в тарелке. Свенсон сел на кровать, поднес свечу поближе, чтобы лучше видеть больную, пощупал пульс у нее на горле, ощутил жар, идущий от потной кожи. Сердце девушки беспокойно и учащенно колотилось.

Неужели больше ничего нельзя сделать? Доктор встал, открыл дверь и чуть не столкнулся с Элоизой, которая несла таз с водой и новые полотенца, висевшие на ее руке.

— Я думала, вы ушли с Сорджем, — сказала она.

— Совсем нет. Я заварил еще травы, скоро будет готово. Минутку.

Когда он вернулся с новым чайником заварки, Элоиза была по другую сторону кровати, обтирая мисс Темпл. Доктор размешал отвар и налил его в фарфоровую чашечку, чтобы охладить. Он отметил чувственную уверенность пальцев Элоизы — та осторожно согнула ногу больной в колене и принялась обтирать ее снизу влажной тряпицей; капельки воды бежали по бледному бедру в тень межножья. Элоиза намочила полотенце еще раз и осторожно пробралась под рубашку — Свенсон демонстративно отвернулся — между ног мисс Темпл. Рука ее под тканью совершала легкие движения взад-вперед и наконец вынырнула. Элоиза окунула полотенце в таз и отжала его.

— Так ей будет спаться лучше, — тихо сказала она, передала тряпицу Свенсону и кивнула на ту руку больной, которая была ближе к нему. — Протрете?

Он прошелся по бледной худенькой руке. Холодная вода скатывалась в выбритую подмышку, а оттуда текла под рубаху, на грудь.

— Мы говорили о воспоминаниях, — сказал доктор.

— Говорили.

— Любопытное... явление.

Элоиза не ответила. Протянув руку, она пальцем убрала прядь волос с лица мисс Темпл.

— Взять, например, мой случай, — продолжал Свенсон. — За последние недели я расстался с надеждой благополучно вернуться домой. На родине меня сочтут предателем. Да, я исполнял свой долг, но к чему все это? Принц убит, конвой уничтожен, дипломатическая миссия провалена...

— Доктор... Абеляр...

— Ваша очередь. — Он передал ей кусок материи и кивнул на другую руку. — Я не закончил. Пусть я пока что вне закона... но я пытаюсь представить себе жизнь в изгнании... Будет ли у меня работа, надежда... любовь... — доктор избегал взгляда Элоизы, — так вот, после всех этих событий мне стало ясно: последние шесть лет с Макленбургом, а точнее сказать с этим миром, меня связывали одни воспоминания. Женщина, которую я любил. Она умерла. Все было тщетно... но эта последняя потеря... значит, я потерял и ее тоже, окончательно. Я утратил все. Как могу я жить дальше, не предав то, чем я жил? Идиотская дилемма... ведь жизнь есть жизнь, а мертвецов позади не пересчитать... и все же вот так я устроен.

— Она была... вашей женой?

Свенсон пожал плечами.

— Ну, до этого не дошло... точнее, все оказалось еще нелепее. Она была моей кузиной. Коринна. Заболела лихорадкой. Уже много лет назад. Бесполезные сожаления. И знаете, я говорю это лишь для того, чтобы объяснить, почему я вам так сочувствую... ваша жизнь — эта жизнь, из которой столько вычеркнуто... воспоминания и время, все, что вы потеряли... и внутри этого утраченного времени — все, что вы, наверное, могли сделать...

Элоиза ничего не ответила, с отсутствующим видом протирая руку мисс Темпл.

Свенсон глубоко вздохнул.

— Я говорю это для того, чтобы вы поняли... когда я говорю о том, чтобы остаться здесь, когда я вижу ваши слезы... я хочу, чтобы вы знали... я готов...

Элоиза подняла взгляд, и он замолчал. Тишина затянулась и стала невыносимой.

— Не могу сказать, что не питаю к вам никаких чувств, — тихо сказала она. — Конечно питаю. И самые нежные. Это самое трудное... вы, наверное, считаете меня ужасной женщиной. Ничто не доставило бы мне такого удовольствия, как предложить себя вам, поцеловать вас вот в это самое мгновение. Будь я свободна. Но я не свободна. А мои мысли... они спутались...

— Это и понятно, мы ведь здесь, в такой глуши...

— Нет-нет, пожалуйста, я говорю о своих воспоминаниях и о том, что я чувствую, находясь внутри их... правда, не могу толком объяснить почему... и не знаю, кто...

В горле у Свенсона внезапно пересохло.

— Кто?

— В моей голове есть запертая комната. Но туда, в эту комнату, можно войти и выйти тоже можно... я помню какие-то слова... какие-то подсказки насчет того, чего я не могу вспомнить. Я размышляю над этим... и выходит, что было все, все до конца... даже если...

— Но... но вы не знаете? Вы хотите сказать... что есть кто-то... но...

— Вы, наверное, очень плохо думаете обо мне. Я сама о себе плохо думаю. Не помнить такого... хотя я знаю, что так оно и есть. Я не могу это описать. Я не понимаю, кто я.

Она замолчала, глядя на него в упор — ее глаза были полны слез и бесконечной печали. Он пытался осознать ее слова. Она была вдова... с ухажером. Конечно с ухажером. Она была красива, умна, хорошо устроена в жизни...

Но суть была вовсе не в этом.

Свенсон вспомнил ее слова на берегу. Все это было связано с книгой, с изъятыми из Элоизы воспоминаниями... это сделали с какой-то целью. Воспоминания о простом ухажере... любовнике... не стали бы добавлять в стеклянную книгу и, следовательно, отнимать у Элоизы. Воспоминания имели ценность, и ее любовником явно был кто-то, важный для заговорщиков. Таких людей насчитывалось немного.

— Элоиза...

— Чай остыл. Я и без того уже достаточно заморочила вам голову.

Элоиза стояла, вытирая глаза. Еще мгновение — и она опрометью бросилась к двери.

Доктор остался один, в голове у него жужжало, комната была полна грохота тишины. У него не оставалось надежды на этой земле. Свенсон взял чашку и приподнял голову мисс Темпл, чтобы напоить женщину отваром.

Большую часть ночи доктор провел на полу в комнате мисс Темпл. Он поднялся рано, побрился, набросил плащ и отправился искать Сорджа, которого нашел в сарае с курами. После короткого разговора Свенсон выяснил, к кому из рыбаков надо обратиться, и попросил передать Чаню, что будет ждать его у деревенских пристаней.

Прогулка не улучшила его настроения — в лесу стоял густой туман, земля чавкала под ногами, все вокруг напоминало ему о доме, а значит, и о его несчастье. А он ждал чего-то иного? Только потому, что они выжили, хотя десять раз могли умереть? И когда везение в чем-то одном перекрывало его неудачи во всем прочем? Взять хотя бы его первое появление в Макленбургском дворце (новая форма, начищенные до блеска сапоги — небо и земля по сравнению с холодной каютой) — во дворце его разума тогда царило отчаяние. Барон фон Хурн сделал Свенсона своим протеже, но это ничуть не уменьшило скорбь по Коринне. Выстрелив во Франсиса Ксонка на дирижабле, он ликовал, чувствуя себя героем, — но разве это должно принести ему счастье с Элоизой?

Стоило предложить рыбаку деньги, как оказалось, что все устроить совсем нетрудно. Несколько минут, проведенных вместе с рыбаком над картой ближайших песчаных отмелей, и сразу же выяснилось, где может находиться дирижабль. Когда с этим покончили, Свенсон обследовал запас холстины в лодке. Если придется вывозить тела (в предположении, что буря не разломила корпус дирижабля и волны не унесли мертвецов в разные стороны), понадобится немало холста, чтобы завернуть их.

Чань еще не появился — Свенсон не знал толком, где он спал, и мог лишь догадываться о том, когда тот проснулся. Пришлось найти другого рыбака, у которого, как сказал Сордж, могли быть сигареты. Через минуту-другую уклончивого торга человек показал Свенсону кирпичик воощеной бумаги, запечатанный красным сургучом с изображением двухголовой птицы.

— Датские, — объяснил рыбак.

— Обычно я курю русские, — ответил Свенсон, изо всех сил изображая пренебрежение, хотя на самом деле его мучил голод. — Их можно приобрести только через моего агента в Риге — в Латвии. Макленбургским купцам запрещено торговать с Санкт-Петербургом.

Рыбак кивнул — мне, мол, все равно, но раз для кого-то это важно, согласен.

— Табак довольно крепкий, — сказал Свенсон. — Вам доводилось курить русские сигареты?

— Я предпочитаю жевать. — В доказательство этого рыбак сплюнул в оловянную кружку: Свенсон поначалу думал, что в ней какой-то особенно горький кофе.

— Понимаю — в море нелегко прикуривать. Ладно. Я готов освободить вас от них.

Он взял кирпичик и выложил на стол требуемую сумму: огромную по деревенским меркам, но ничтожную в сравнении с городскими расценками... или с той ценой, какую эти зловредные палочки имели для него.

Затягиваясь с жадностью лисицы, впивающейся в зайца, Свенсон вернулся к рыбацкой лодке — если и дальше ждать мрачного Чаня, наступит время прилива. Им понадобилось около получаса, чтобы преодолеть зону прибоя. Доктор не был профессиональным моряком, но кое-что понимал в морском деле и мог тянуть за те веревки, которые называл рыбак. Когда они приблизились к месту, где, скорее всего, располагалась отмель, Свенсон закурил еще одну сигарету и постарался расслабиться на свежем, холодном воздухе. Но, даже ощущая знакомое жжение в легких, он удивился, что так легко поддался оптимизму, да еще в этом медвежьем углу.

Дирижабля на отмели не оказалось и на следующей тоже. Его вообще нигде не было видно, пока они шли вдоль берега. Рыбак объяснял: море тут глубокое, приливы сильные, а буря была яростной. Дирижабль, видимо, стащило с островка, на котором им посчастливилось оказаться, а потом утянуло на самое дно моря (целиком или по частям — это зависело от прочности конструкции и от того, ударило его о скалы или нет).

Состояние мисс Темпл оставалось неизменным. Сордж опять стал изводить Свенсона — не выскажет ли тот свое драгоценное мнение по поводу хвори соседской свиньи, а вернувшись, доктор сел за стол и принялся толочь ивовую кору для отвара. Он надеялся, что займется этим вместе с Элоизой, но вместо нее подошла молодая (и добродушная и толстая) Бетт, выказав неподдельный интерес, и доктору пришлось битый час провести в обществе восторженной девицы. Встав из-за стола, Свенсон услышал, что Элоиза помогает Лине с стиркой. Разговаривать при Лине было невозможно — все равно что обмениваться любезностями с иезуитом. Когда он вернулся, напоив мисс Темпл своим отваром, женщин в

доме уже не было. Он вышел на крылечко и вытащил сигарету — серебряный портсигар был приятно полон. На другом конце веранды, на своем обычном месте, виднелся неподвижный Чань.

— Не видели миссис Дуджонг? — словно невзначай спросил Свенсон. О несостоявшейся встрече на рыбацкой лодке они не говорили.

— Не видел, — ответил Чань.

Доктор молча докурил сигарету, слегка дрожа на вечернем холоде, и загасил каблуком окурок.

Проснулся он, когда было еще темно. Спал он на полу, возле кровати мисс Темпл, укрывшись своим мундиром. Сальная свеча почти совсем оплыла, и он не имел ни малейшего понятия о том, который час. Что это за звук со стороны кровати? Или ему показалось? Доктору снился сон, уже стирившийся из памяти, — дерево, яркие листья, ледяная корка на его собственных руках. Он глубоко вздохнул, прогоняя тяжелые мысли, и подо двинулся ближе к кровати.

Мисс Темпл открыла глаза.

— Селеста? — прошептал он.

— Ммммм, — простонала она, впрочем, на ответ это не было похоже.

— Вы меня слышите? Как вы себя чувствуете?

Она отвернулась, возбужденно прошептав что-то, но больше ничего не сказала. Доктор Свенсон накрыл одеялом обнажившееся плечо, позволив себе (и тут же отчитав себя за это) прикоснуться к нему кончиками пальцев. Он снова лег на пол и уставился в единственное окно — свеча отражалась в темном стекле, как далекое умирающее солнце.

Он сделал еще одну попытку за завтраком — задержался у стола, пока Элоиза собирала на поднос тарелки, чтобы передать их Бетт, на мойку. Девушка, тяжело шагая, вышла с подносом, и Свенсон, разминая сигарету, заговорил, прежде чем Элоиза успела покинуть помещение. Он старался выдерживать максимально будничную интонацию.

Надо решить, как мы будем возвращаться. Сордж говорит, что в Карте можно сесть на поезд. Это шахтерский городок в горах, в дне пути отсюда по хорошей дороге... но после бури дороги размыло. Лес между ними затоплен...

Элоиза, стоявшая лицом к окну, повернулась к доктору, и он начал запинаться.

В любом... гмм... случае остается немало вопросов: касательно наших врагов, взаимоотношений с законом... мы должны также... каждый из нас, потому что я подумал и об этом... и все же...

Дверь открылась, и в комнату вошел Чань.

— Этот ребенок — настоящее животное! — прорычал он.

Свенсон повернулся к нему, не скрывая раздражения.

— Доктор Свенсон говорит о важных вещах: о нашем возвращении, о том, что нас ожидает, — сказала Элоиза.

Чань молча кивнул.

— О том, что случилось с нашими врагами, — продолжала Элоиза. — О наших взаимоотношениях с законом. Мы знаем...

Чань снова кивнул, и снова молча.

Свенсон вздохнул — вовсе не об этом ему хотелось говорить. Да и с Чанем он не хотел говорить, но все же, надеясь перехватить взгляд Элоизы, продолжил, хотя мысли путались.

Но когда их глаза встретились, он увидел в ее взгляде лишь внимание к своим словам. И больше ничего.

Потом, испытав внезапную дрожь, доктор Свенсон увидел себя — как он стоит сейчас на кухне. Ему пугающе ясно представились эти последние дни с их дурными предзнаменованиями — болезнь мисс Темпл, его вождение к Элоизе, заточение в этой деревушке... нет, все это было тщетно, временное отвлечение, колдовское наваждение из сказки, жизни, которую Свенсон никогда не сможет вести, — он знал это.

Он слишком промедлил. Он хотел бросить это все. Он утратил бдительность.

Он замолчал, оставил Чаня с Элоизой на кухне, а сам вышел на грязный двор и взглянул на гнетущее, тяжелое небо. Его окликнул Сордж из лодочного сарая, маша обеими руками, чтобы привлечь внимание.

Новая просьба касалась коз. Там, где жил их владелец, домики стояли очень тесно, а потому появление доктора стало целым общественным событием для всех соседей. Они обсуждали известие о мертвецах в конюшне... и слухи о волках. Детей отвели домой, скотину — в хлев, и мужчины принялись выяснять, что к чему.

Свенсону стало тревожно, в затылке похолодело. Но он вызвался пойти в конюшню и посмотреть, в чем дело. Сордж странным взглядом покосился на него.

— Что смотреть — известно же: волки.

— А может, и кто посерьезнее, — быстро проговорил Свенсон. — Понимаете, тщательное обследование ран может все прояснить.

Люди вокруг них одобрительно зашумели, в основном соглашаясь с доктором, но Сордж стал заметно менее разговорчив. Прежде чем Свенсон успел поделиться новостью с Чанем (которого, к своему неудовольствию, нашел на веранде вместе с Элоизой), тот предложил прогуляться к берегу поискать, не прибило ли каких вещей с дирижабля. Свенсон поддался на эту очевидную уловку, и вскоре Чань сообщил ему о своей находке — синем стекле. Это ничего не доказывало, но когда доктор с Сорджем подошли к конюшне, тревога Свенсона усилилась.

Страшные, зверские раны на шее у каждого из мертвых конюхов вполне могли быть оставлены волком, вот только следов зубов Свенсон не увидел. Правда, края были рваные, как у оторванного куска хлеба. Доктор поднял глаза в поисках Чаня, но не увидел его и был вынужден объяснить местным причину смерти, все больше проникаясь убеждением, что никакой зверь тут ни при чем. Когда вернувшийся наконец Чань незаметно показал ему на кабинку сортира, где стоял едкий запах синей глины и отчетливо виднелись отпечатки пальцев в синих лужицах, доктор понял, что им всем грозит опасность.

Назад они возвращались в молчании — их могли услышать деревенские, поглядывавшие на Чаня с плохо скрытым подозрением. Свенсону совсем не хотелось говорить об этом, но все же он улучил момент и откровенно сказал Чаню, что местные и так питают к нему неприязнь, а тут еще эти убийства. Надо быть осторожнее. Доктор даже не успел понять, что случилось, как Чань уже рассерженно пошел прочь.

Свенсон был рад, что Чань не пошел домой. Да, предупреждение Чаня насчет врагов (если кто-то из них остался жив, то, доберись они до города первыми, может случиться все, что угодно) было вполне основательным. Но и собственные страхи доктора — деревенские видят в Чане угрозу для себя, в то время как жизнь мисс Темпл все еще висит на волоске, — тоже были вполне объяснимы и серьезны. Сидя в унылой комнате мисс Темпл с ее влажным воздухом, доктор думал, что можно действовать с учетом того и другого, хотя из-за гордыни

Чаня сглаживать острые углы придется ему, Свенсону. Воистину, делить жилище с этим человеком было все равно что жить рядом с норовистым конем.

Но Чань в тот вечер не вернулся к ужину. Доктор и Элоиза ждали его в неловком молчании, а с ними Сордж, Лина и Бетт — пока еда совсем не остыла. Свенсону пришлось сочинить историю о том, что Чань взялся обследовать берег в южном направлении и, вероятно, зашел так далеко, что решил заночевать там, где оказался, особенно если он еще и нашел принесенные волнами обломки с дирижабля. Он понятия не имел, поверил ли ему Сордж (Элоиза точно не поверила), но надеялся, что этого хватит, пока Чань не появится собственной персоной. Как только позволили приличия, он вышел «покурить» на веранду, прихватив лампу, и направился в лес, к тому месту, где они поспорили с Чанем, а потом и еще дальше, к морю, зная, что ищет наудачу и без всякого толку. Два часа спустя он с онемевшим от холода лицом очищал свои сапоги на ступеньках веранды, дыхание его клубилось на воздухе. Поиски ничего не дали. Окна были темны. Доктор тихонько вошел внутрь, держа сапоги в руке.

— Где вы были? — тихо спросила Элоиза, сидевшая в тени около плиты.

— Гулял, — прошептал он в ответ и неловко сел за стол.

— Нашли его?

— Нет.

— Куда он ушел? Если вам что-нибудь известно, пожалуйста...

— Элоиза, я понятия не имею. Мы поспорили. Он в бешенстве ушел и не вернулся.

— Поспорили? О чем?

— О местных жителях — вы, наверное, сами видели, слышали их разговоры... я просто предложил ему меньше показываться на глаза...

Элоиза промолчала. Надо было сказать о конюхах. Почему он медлил?

— Сордж говорил что-нибудь, пока меня не было? Или Лина?

— Они мне не очень-то доверяют и ни о чем не говорят. Но вот Бетт, когда ее родители вышли, разговорилась.

— И что она сказала?

— После бури пропала одна лодка. Они боятся, что хозяин мертв.

— Они это теперь говорят? У него есть семья?

— Нет. И он явно вышел в море один.

Свенсон ничего не сказал, по-прежнему понимая, что должен рассказать о конюхе, о синей слизи. Но в сгущающейся тишине (глаза его теперь привыкли к темноте) он вдруг понял, что Элоиза погружена в свои мысли.

— Я в ужасе от себя самого, — сказал он. — Я у вас так и не спросил... я, конечно, знаю, что вы были замужем. У вас есть дети, Элоиза?

Она покачала головой, отметая улыбкой и вопрос доктора, и его озабоченность.

— Нет. Мой муж умер вскоре после свадьбы.

— А кем он был по профессии?

— Военным. Я думала, вы знаете.

Свенсон отрицательно качнул головой.

— Это было очень давно, — сказала Элоиза. — Я едва помню себя, какой была тогда... а его, по правде говоря, еще меньше. Дорогой мой мальчик. Тогда он не казался мальчиком. Мы так мало понимали в жизни. — Элоиза помолчала, потом продолжила, осторожно подбирая слова: — Эта женщина, о которой вы говорили... Ваша кузина...

— Коринна, — подсказал Свенсон.

— Ваш серебряный портсигар. На нем гравировка «vom K.S.» — от Коринны Свенсон?

— Вы это запомнили?

— Конечно. Мисс Темпл пыталась понять, кто вам его подарил.

— Это подарок в связи с моим последним повышением.

Она улыбнулась. Доктор вздохнул, а потом, зная, что не следует это делать, заговорил.

— Я хотел сказать... может, я могу вам помочь... узнать, что вы помните, что — нет...

Элоиза тут же тряхнула головой.

— Это невозможно.

— Но... этот другой мужчина...

— Я не могу об этом говорить.

— Но Элоиза... вы — взрослая женщина... уважаемая вдова...

Она отвернулась. Свенсон запнулся.

— Но мы с вами... там, в Тарр-Маноре... разве мы не...

Он внезапно замолк.

— Я просто дура. — Лицо ее было суровым, но в глазах бушевало смятение. — Вы меня спасли. Но иногда... очень часто... я думаю, лучше бы я умерла.

Элоиза встала и, не сказав больше ни слова, ушла в комнату, которую делила с Бетт.

На следующее утро рыбацкую лодку нашли. Она лежала на боку, выкинутая на скалистый черный берег, словно ею поиграли и бросили. Мачта была сломана, изорванные паруса наполовину зарылись в песок. У лодки стояли трое — те, кто был в конюшне, но смотрели они теперь куда угрюмее и холоднее. Свенсон приветственно кивнул — никто не протянул ему руку — и нахмурился, заметив на одном из рыбаков чистые кожаные сапоги для езды верхом.

Рыбак перехватил его взгляд и, мотнув небритым подбородком, показал, куда нужно смотреть. Мертвец сидел прямо на одной из скамей, изогнутых под прямым углом и шедших от одного борта до другого.

— Минуту, — сказал Свенсон, шагая мимо тела, через скошенный планшир, и заглянул в крохотную тусклую каюту.

Все вещи лежали на полу, сгрудившись в одном месте из-за крена суденьшка. Настил был все еще влажен, но до верхних стенок вода не дошла. На единственном маленьком окошке виднелась неровная красновато-коричневая линия, а присмотревшись, доктор обнаружил еще с десятков пятен и капель. Он перебрал без особой надежды кучу вещей и ничего не нашел.

Наконец он вернулся на накренившуюся палубу. Местные — и Сордж с ними — стояли в нескольких ярдах от лодки, словно решили обсудить происшествие втайне от Свенсона. Он наклонился над телом, ощущая их взгляды спиной и затылком.

Горло рыбака было разодрано от уха до уха в нескольких местах, и, видимо, укусов было несколько. Но при этом не образовалось единой полости вроде той, что они видели у трупов в конюшне.

— Это что — когти? — спросил Сордж, наклонившись над телом и показывая пальцем.

— Или зубы? — прикинул другой.

— Или нож? — предположил человек в сапогах.

Свенсон со спокойным видом указал на пустые ножны на поясе мертвого рыбака.

— Кто-нибудь нашел его нож?

Оказалось, нет. Свенсон снова повернулся к телу, осторожно взял пальцами голову и повернул ее туда-сюда, чтобы лучше рассмотреть пересекающиеся раны. Наконец он встал, повернулся к рыбакам и заговорил, тщательно подбирая слова:

— Вы сами видите, что здесь произошло. Наверное, его убили коротким, широким клинком.

— И как давно это случилось? — спросил Сордж.

— Думаю, дня два назад. Во время бури. Странно, что нашли его только теперь.

— Тут была вода, — сказал человек в сапогах, показывая в сторону деревни. На расстояние полумили от берега все было покрыто примерно четырехфутовым слоем воды.

Рыбаки уставились на Свенсона, словно это замечание требовало ответа.

— Конюшни, — неуверенно сказал Свенсон. — Конюшни по другую сторону деревни. На юге. Вода здесь сошла только что...

— Тут никак не пройти, — сказал человек в сапогах. — После бури.

Сердце у Свенсона упало. Тот, кто зарезал этого человека, не мог убить двух конюхов и выпустить лошадей.

— Так что... тут, значит, не один волк? — пробормотал Сордж.

Элоиза сидела в одиночестве рядом с мисс Темпл. Говорил Свенсон быстро — конюхи, рыбаки, наводнение, беспокойство в деревне.

— И что мы можем сделать? — спросила она.

Он еще не сказал ей ни о голубых пятнах, ни о новых сапогах одного из деревенских.

— Что-то случилось. Что-то такое, о чем мне не говорят...

— Они убили Чаня?

— Не знаю... нет, не думаю...

Раздался стук в дверь. Свенсон быстро сел на кровать к мисс Темпл и взял ее запястье в тот момент, когда вошел Сордж. Тот извинился за вторжение и спросил, нельзя ли ему переговорить с доктором наедине.

Свенсон вышел на кухню, но Сордж уже был на веранде. Свенсон вытащил серебряный портсигар, выбрал сигарету и постучал ею о крышку, прежде чем закурить. Сордж резко выдохнул — с несчастным видом, ведь еще недавно появление Свенсона было редкостной удачей, — и отрывисто заговорил:

— Что насчет наводнения? Где ваш Чань? Люди хотят, чтоб вы его сдали! Или вас тоже обвинят! Я им говорил... но... но...

Свенсон выпустил клуб дыма, который поплыл по двору. Остальные рыбаки ушли. Мисс Темпл везти было никак нельзя. Доктор стряхнул пепел за перила.

— Для вас, мой друг, это нелегко — вы были так добры к нам, вы спасли нас от гибели. Я, конечно же — конечно же, — сделаю все возможное, чтобы не ссориться с жителями деревни. — Свенсон еще раз затянулся. — Сордж... вы совершенно уверены, что никто из ваших земляков не видел Чаня? Ведь они бы вам сказали, верно?

— Ну да.

— В самом деле... и теперь эти смерти. Мы должны с ними разобраться — ко всеобщему удовлетворению. Вы мне доверяете? Вы позволите мне побеседовать с жителями?

Сордж не ответил, и Свенсон дотронулся до его плеча.

— Так будет лучше для всех... для женщин... чтобы рассеять страхи.

Свенсон подумал, не спрятались ли жена и дочка хозяина в одном из этих сараев.

— Я их созову, — сказал Сордж. — Через час. У лодок.

— Отлично.

Он проскользнул в комнату мисс Темпл. Элоиза сидела на другой стороне кровати, вперившись взглядом в пол.

— Сордж утверждает, что они не видели Чаня.

Элоиза кивнула, но не ответила. Свенсон протер глаза.

— Прежде всего, извините, что не рассказал вам об убитых конюхах. Я надеялся, это нас вообще не касается. Извините.

— А на самом деле, значит, касается? Как именно? — Элоиза слегка охрипла от волнения. — Чань тоже так считал? Поэтому он и ушел?

— Я не знаю, где теперь Чань.

— Может, он просто оставил нас, — сказала она. — Ему здесь было так плохо...

Слова Свенсона пролились холодным дождем.

— Мертвые конюхи и мертвый рыбак убиты разными людьми. В конюшне мы нашли следы синей глины. Деревенским что-то известно — о Чане или об этих смертях. И они скрывают это от меня.

Элоиза уставилась на него.

— Синяя глина? И вы говорите это только теперь? Мы здесь в безопасности?

— Я сделаю все, чтобы это было так.

В ответ на это отважное обещание Элоиза лишь разгладила платье на коленях. Платье было черным, простым — Свенсон знал, что это чей-то траурный наряд, который, к счастью, оказался ей впору. В полумраке комнаты волосы Элоизы казались черными, а ее лицо из-за игры теней казалось высеченным из камня. В странном, безнадежном, плохо понятном ему отстранении доктор спрашивал себя, что же он чувствует к ней. Часть ее прошлого отсутствовала. Был другой человек, которого она любила. Ну и что с того? Поможет ли она ему сбросить с плеч груз скорби, который он нес так долго?

Доктору Свенсону казалось, что он вполне свободен в выборе — вот она перед ним, живая женщина, вот изъяны на ее лице и теле, вот ее природная красота. Сердце и разум его пребывали в неустойчивом равновесии. Осторожность, более того, здравый смысл требовали погасить вспыхнувшую было надежду и постараться вернуть Элоизу к прежней жизни, к ее тягостной тайне, — и после этого отойти в сторону. Любой другой выбор вел в никуда... или вел ровно в это же место, только доктору это дорого бы обошлось.

Но эта близость... эта ужасная вероятность — пусть иллюзорная — вероятность того, что эту женщину он может полюбить... после стольких лет, стольких событий. Разве может мужчина отказаться от этого?

— Кажется, ее дыхание сегодня стало глубже, — заметила Элоиза.

— Да.

— Будем надеяться, что скоро тронемся.

Элоиза помедлила, словно хотела сказать что-то еще, но лишь натужно улыбнулась.

— Я должен встретиться с Сорджем и деревенскими у лодок, — сообщил доктор. — Постараюсь убедить их, что Чань ни в чем не повинен. Как и мы... Надо узнать, что им известно, и сделать все возможное, чтобы найти Чаня. Если наши враги живы, то чем больше я сделаю... чем виднее будут эти усилия...

— А зачем встречаться у лодок?

— Это Сордж предложил. Я надеюсь, что отвлеку их внимание от вас...

— Куда вы идете? — спросила Элоиза. — Куда вы идете?

— Я не иду... я просто... все, что нужно сделать...

А как же я? А Селеста?

— Вы будете в безопасности. Поверьте мне. Только обещайте не выходить одной в лес или на берег. Пока все не разъяснится.

Они стояли молча, разделенные кроватью мисс Темпл. Доктору так хотелось поговорить с ней, но он понимал с неопровержимой ясностью, что Элоиза почти не думает о нем.

— Они все мертвы, — прошептала Элоиза. — Иначе просто и быть не может.

Свенсон шагал по лесу, опаздывая на встречу с Сорджем, мысли его метались. Его собственное несчастье — разве оно что-то значит? Элоиза исчезнет, вернувшись к прежней жизни... или к тому, что от нее осталось... вдова, на руках у которой остались дети другой вдовы. Элоиза все расскажет Шарлотте Траппинг... разве что умолчит о самых неприятных привычках полковника... но разве они не были задушевными подружками? Доктор видел их вместе в Харшморте, Элоиза шептала что-то на ухо Шарлотте... а потом Траппингу, убеждая его остаться в бальном зале, а не уходить с заместителем министра Гаральдом Граббе. Но Траппинг не послушался и пошел...

Провал в воспоминаниях Элоизы. Франсис Ксонк, уговаривающий ее посетить Тарр-Манор, поделиться всеми постыдными тайнами... постыдными тайнами, возможно, известными Ксонку... все ради спасения жизни Артура Траппинга.

Свенсон остановился, пытаясь собраться с мыслями. Его внимание остро притягивал высокий холодный купол ночного неба, шириной во многие мили.

Ничтожный Траппинг... купивший чин полковника на деньги жены... беспринципный, честолюбивый распутник... Свенсон самолично видел, как он вел себя...

Любовником Элоизы был Артур Траппинг.

Свенсон оцепенел.

Или Франсис Ксонк?

Или оба?

Он не мог избавиться от этих мыслей, как рыба — от рыболовного крючка.

Может, он ошибается. Может, Элоиза обручена с зеленщиком или офицером местной милиции... но зачем вносить такую мелочь в стеклянную книгу?

Нет, такого они не стали бы делать. Он не ошибался.

Свенсон горько рассмеялся. Вот идиот! Конечно, Элоиза поцеловала его. Завитки каштановых волос на этой ослепительно-белой шее... Тогда они готовились к смерти.

* * *

Доктор поднял взгляд. Оказалось, он незаметно для себя подошел к пристани и теперь увидел, что на него смотрели человек десять, столпившиеся близ хижин. Сордж поднял руку и помахал ему, но остальные хранили молчание. Свенсон заставил себя шагать дальше и последовал за Сорджем. С продуваемого ветром берега они вошли под навес из промасленной ткани, потом в хижину. Здесь пахло рыбой, но зато топилась печь, и хватало места для всех них. Свенсон дождался, когда зайдет последний — тот самый, в сапогах, — и закурил еще одну сигарету. Все смотрели на него. Свенсон откашлялся, сунул сигарету в рот,

освобождая руки, и расстегнул мундир.

— Вы знаете, что я врач... — Свенсон шлепнул обеими руками по своему помятому мундиру. — На мне военная форма — форма Макленбургского флота. Я иностранец. Но вы все знаете, что такое долг, честь, преданность. Я всегда руководствуюсь ими. Я имею в виду семью Сорджа и всю вашу деревню. Ваша доброта спасла нам жизнь.

Никто не прервал доктора. Ему это показалось добрым знаком.

— Человек, который назвался Чанем, — чужой для меня. Я не знаю его и не знаю, где он теперь. Но я отвечаю за жизнь двух женщин и стараюсь по мере сил заботиться о них. — Он встретился взглядом с человеком в сапогах для верховой езды. — Этот Чань — безусловно, преступник. Но такие люди часто становятся козлами отпущения...

Несколько человек начали перешептываться. Свенсон протянул руки к собравшимся.

— Если мы хотим избежать новых убийств, нужно выяснить, что в точности случилось.

— Это все понятно! — выкрикнул человек в сапогах.

— Понятно? — переспросил Свенсон. — А что вы сами сказали сегодня днем? Чтс конюхи и рыбак, видимо, стали жертвой разных убийц.

— Ну и что? — прорычал человек. — Конюхов загрыз волк, а рыбака убил этот ваш разбойник.

— Рыбак... — начал Свенсон.

— Его звали Сарн, — сердито перебил его один из местных.

— Прошу прощения... Сарн... Примите мои извинения. Сарна убили два дня назад. Дс конюхов. Чань был у Сорджа — вы все видели. Он не мог добраться до той лодки, как и все вы. Из-за наводнения.

— Но он мог пробраться в конюшни...

— Да, как и любой из нас. Но вы видели раны конюхов. Их прикончили неизвестным мне оружием... возможно, абордажной саблей. Пораскиньте мозгами! Если тут не поработал волк, то конюхов убили ради лошадей. А значит, убийца уехал!

На лошади! Чань ведь не уезжал на лошади, и под плащ он ее спрятать не мог. В тот день с утра до вечера он был здесь, на ваших глазах. Я не ищу оправданий для Чаня, но делаю вывод, что убийства совершил кто-то другой. Может, он и Чаня убил. Может, совершил еще что-нибудь...

Доктор с надеждой оглядел деревенских, но никто ему не ответил. Он повернулся к Сорджу.

— Есть здесь бумага? Мне нужно кое-что написать.

Бумаги не оказалось, но Сордж передал ему кусок промасленной ткани, почти белой. Свенсон разложил ее на столе и подобрал кусочек угля с пола рядом с печкой. Он быстро набросал по памяти береговую линию, потом улицы деревни и реку, обозначив ее предполагаемую ширину во время штормового разлива. Все это Свенсон сопровождал объяснениями. Затем он поставил два крестика: один обозначал конюшни, другой — для лодки.

— Я пытаюсь понять, зачем убили этих людей. Прикончив конюхов, убийца обзавелся лошадьми, а кроме того — одеялами, едой, одеждой. Посмотрите на карту. Убийца мог отправиться на юг — разлившаяся река ему бы не помешала.

— А если ему не нужно было на юг? — спросил пожилой рыбак; Свенсон лечил его свиней.

— А куда еще идти? — спросил доктор. — На севере — разлившаяся река. И мы здесь, в

деревне, слышали бы лошадиный топот.

Свенсон закурил еще одну сигарету, достав ее из серебряного портсигара.

— Я хочу сказать, что убийца конюхов ушел. У Сарна... у Сарна не было ни лошадей, ни еды, ни одежды — ничего. Зачем его убивать? И к тому же разлив преградил дорогу от него на юг — по меньшей мере до вчерашнего вечера. Значит, убийца Сарна оказался в ловушке.

Тут согласно кивнул даже человек в сапогах. Свенсон начал ставить маленькие крестики.

— Это дома, — зачем-то пояснил Сордж.

Свенсона тронул этот товарищеский жест, и он кивнул.

— Да, это дома. Тот, кто шел от этой лодки, обязательно миновал бы один из них. Надо бы вам порасспрашивать соседей — что они видели или слышали...

Свенсон поднял взгляд и увидел, что человек в сапогах изучает его импровизированную карту. Потянувшись через стол, он взял у Свенсона уголек и поставил крестик на западе, в гуще леса. Этот дом неизбежно оказался бы на пути человека, идущего от лодки и пытающегося обогнуть деревню.

— Чей это дом? — спросил Свенсон.

— Йоргенса, — ответил Сордж. — Он скорее охотник, чем рыбак. Всегда в лесу.

— Кто-нибудь видел Йоргенса после бури?

Сордж недоуменно посмотрел на Свенсона. И тут же рыбаки принялись громко переговариваться — кому что взять: оружие, фонари. Но человек в сапогах резким окриком восстановил тишину.

— А что, если ваш Чань у Йоргенсов? Что, если там он и спрятался?

— Тогда вы должны его схватить, — сказал Свенсон.

— А если он уже исчез? — Человек снова ткнул пальцем в карту и прочертил линию на юг. — Нам нужно искать и там и там — одни пойдут к Йоргенсу, другие морем, в обход леса.

— Но в лесу полно волков, — прошептал Сордж, и прочие согласно закивали. — Может, все остальное и было так, как вы говорите, но идти туда — напрашиваться на смерть.

Доктор внезапно ощутил, что в хижине воцарилась некая мирная симметрия.

— Вовсе нет, — сказал он. — Я тоже пойду. Это самый простой способ подтвердить правоту моих слов и обезопасить миссис Дуджонг с мисс Темпл. Если я найду Чаня, то смогу подойти к нему ближе любого из вас... а если встречу с волками... что ж, постараюсь обзавестись волчьей шапкой.

— Это безумие, — выдохнул Сордж.

— А разве у меня есть выбор? — спросил Свенсон. — Если я хочу доказать, что желаю вам лишь хорошего?

Никто не ответил. Человек в сапогах резко кивнул, призывая всех закончить препирательства.

— Разделимся надвое: одни пойдут к Йоргенсу, другие — на юг. А вы, доктор, обогнете лес, пойдете на север и вернетесь в деревню.

— Отлично, — сказал Свенсон.

На том и порешили.

Прилив сменился отливом, и Свенсон забрался в лодку, где его усадили на носу. С Элоизой он не попрощался. Он оставлял мисс Темпл, но кризис у нее уже миновал, вопрос был лишь в том, когда вернутся силы. А для Элоизы так будет безопаснее — пусть Свенсон

далеко, но зато деревня успокоится. Парус лодки быстро наполнился ветром, и они поплыли, подпрыгивая на невысоких волнах прибоя. Море чернело под носом лодки. Свенсон посмотрел назад и увидел, что берег изогнулся — так скоро — и деревня исчезла из виду. Доктор Свенсон закрыл глаза рукой — на сильном ветру они наполнились слезами.

Когда лодка добралась до вздущегося, поросшего камышом устья, небеса уже почернели. Свенсон поблагодарил рыбаков и направился в указанную ими сторону вдоль речного берега, среди деревьев. Но доктор пошел не сквозь лес, а напрямик, через широкий подволоченный луг, к гряде холмов, которые воспринимал только как тени. Он отбросил мысль о волках — этой опасности вообще не существовало, как и мысль вернуться по лесной дороге назад в деревню. Их враги уже бежали отсюда, так что опасно теперь будет не здесь, а в городе. Он отправится в этот горняцкий городок и попытается найти там Чаня, хотя надежды и мало. Он будет двигаться перед женщинами, расчищать для них дорогу — без мучительной необходимости видеть друг друга. Деревенские, пожалуй, даже сочтут его мертвым, но в горняцком городке он сможет оставить послание; о нем будут сожалеть недолго, если вообще будут. Чем больше Свенсон размышлял об этом, тем меньше верил, что Элоиза захочет снова встретиться с ним, — разве это не идеальный разрыв?

Добравшись до более-менее сухого места, он устроился на ночлег, не желая петлять в темноте, разложил небольшой костер, съел скудный ужин и укрылся плащом. Проснулся он с восходом и шел без остановки, пока не перевалило за полдень, радуясь тому, что физическое усилие отвлекает мысли и нагружает мышцы. Он почти ничего не знал о Карте и немного волновался — как его там встретят: иностранец в военной форме, в городке, где почти не бывает чужих, а чужеземцы попадают раз в полстолетия. Много будет определяться тем, кто успел прибыть до него и какую историю рассказал. Но там должна быть гостиница, а у него есть деньги. Убедившись, что женщинам там ничто не угрожает, он отправится поездом в город. Интересно, спрашивал он себя, сколько его соотечественников осталось в миссии и что сообщили в Макленбург. Не опасно ли ему появляться там? Возможно, ему следует прямым ходом отправиться в Ка-Руж... на море, устроиться на какой-нибудь корабль.

Если она влюблена в другого — Траппинга или Ксонка, — то что это меняет? И что тут удивительного — влюбиться в столь ужасного человека? Разве любовь не слепа? Разве смерть Коринны изменила чувства Свенсона к ней?

Когда он вышел на дорогу пошире с колеями от горняцких телег, из-за холмов уже подкрадывались сумерки. Глядя на дорогу, доктор решил, что городок уже близко, но прошло пятнадцать минут, полчаса... Вспотев в своем мундире, он остановился, чтобы выпить воды из бутылки, и оглянулся. Его внимание привлекла груда высоких черных глыб, каждая размером с дом: их извлекли из-под земли и нагромодили друг на друга, как зубы в безобразной челюсти. Если бы он не считал, что городок рядом, то искал бы среди этих камней место для ночевки. Доктор закрыл бутылку пробкой и сунул в рюкзак.

Вдруг до него донесся какой-то шум — то ли птица, то ли животное, но не ветер... слабый, но явно доносящийся из камней. Доктор свернул с дороги и перешел на бег, сапоги его тяжело погружались в спутанную траву.

— Есть тут кто-нибудь? — громко спросил он, и звук собственного голоса показался ему нелепым после стольких часов молчания.

Полянка была заброшена, но на ней оставалось кольцо камней, почерневших от костра, плоские плиты, чтобы сидеть или лежать, и даже немного угля, видимо уворованного с

шахты или из какого-нибудь ящика в городе.

В ответ раздался тот же самый свистящий вой — откуда-то сверху. Свенсон достал свечку из кармана плаща и зажег ее, чиркнув спичкой по камню. В десяти футах над собой он увидел расщелину между двумя крупными камнями — до пещеры она недотягивала, но что-нибудь небольшое могла вместить. Ровная поверхность камня под расщелиной была влажной. Доктор сразу же понял, что это кровь, и окликнул того, кто прятался наверху:

— Вы ранены? Зверь напал? Можете спуститься? Я доктор — если вы ранены, я вам помогу.

Молчание. Натекшие струйки крови были размазаны, разбрызганы, растерты. Раненый приложил немало сил, чтобы спрятаться там, наверху, хотя нападавший и продолжал его преследовать.

— Я вам помогу! — крикнул Свенсон. — Мне к вам не подняться — вы должны спуститься. Кто вы? Как вас зовут?

Неожиданным ответом на это стало падение тела, чуть не сбившего доктора с ног. Он инстинктивно принял падающего к себе на руки — клубок конечностей, молотящих воздух... а когда поймал, то увидел, что это всего лишь мальчик. Свенсон положил его на землю, подобрал свечку, снова зажег ее, чиркнув спичкой, и стал осматривать раны.

— Как тебя зовут? — повторил он, понижая голос до успокаивающего шепота.

Мальчик не ответил. У него были порезаны горло и грудь, а также исполосованы ноги. Свенсон живо представил себе, как были нанесены последние раны — нападавший неумоимо карабкался по камням, нанося удары туда, докуда мог дотянуться, а ноги в тесной расщелине спрятать было просто негде. Свенсон нахмурился, увидев страшный порез под коленом, сверкающую, почти черную корку... но когда он прикоснулся к ней, оказалось, что это вовсе не кровь. Он поднес свечку поближе. У пореза был синий цвет — цвет осколка стекла в распоротой плоти. Доктор взял мальчика на руки и пошел к дороге.

На его крики из домов высыпали жители Карта. Свенсон передал мальчика кому-то, сказав, что сам он доктор и ему нужен стол в светлом месте. Горожане не задавали ему никаких вопросов — ни по поводу его акцента, ни по поводу внешнего вида. Потом он скинул с себя окровавленный плащ, закатал рукава, зашел на чью-то кухню, смутно сознавая, что вокруг него — бледные лица женщины и ее детей. Они убрали со стола и попытались расстелить простыню. Свенсон отрицательно помахал рукой.

— Не надо — просто испачкается без толку, — сказал он и повернулся к ближайшему мужчине — постарше его самого и, по-видимому, пользовавшегося некоторым авторитетом. — Я нашел его среди черных камней недалеко от города. На него напали — может быть, зверь. Вы его знаете? Как его имя?

— Это Уиллем, — ответил человек, не в силах оторвать взгляд от кровавой корки вокруг рта и под носом мальчика. — Конюх. Его отец...

— Нужно найти его отца, — сказал Свенсон.

— Его отец погиб сегодня вечером.

Мальчик умер, так и не придя в сознание. Поскольку ни опия, ни эфира в городке не было, Свенсон счел эту смерть благодеянием. Доктор остановил кровотечение из глубоких порезов на шее и на грудной клетке, но эти раны не были смертельны в отличие от множественных порезов на ногах, где оставалось синее стекло. Он вспомнил моментальное хрусткое остекление и смерть Лидии Вандаарифф и Карла-Хорста фон Маасмарка на дирижабле, химическую реакцию между стеклом и человеческой кровью и удивился, что

мальчик после ранения прожил так долго. Он закрыл глаза мальчика, взял ту самую простыню, что ему предлагали раньше, и набросил на тело.

Подняв взгляд, он понял, что окружен людским кольцом. Сколько времени пытался он спасти мальчика? Полчаса? Пусть эти усилия хотя бы создадут ему хорошую репутацию. Он кивнул хозяйке дома, чьи дети стояли вокруг нее с круглыми глазами (никто не подумал, что надо увести их из комнаты?), и показал на свой мундир, висевший на спинке стула. Женщина протянула ему мундир, доктор вытащил из кармана портсигар, выбрал сигарету и наклонился к сальной свече, стоявшей в тарелке рядом с рукой мертвого мальчика. Потом он выпрямился, выдохнул дым и откашлялся.

— Меня зовут Свенсон, я — врач Макленбургского военного флота. Макленбург — это такое германское герцогство. Вследствие ряда запутанных событий я и мои товарищи оказались выброшены на берег в паре дней пути отсюда на север. Подходя к Карту, я услышал крик этого мальчика. Он забрался в пещерку в камнях, откуда кто-то или что-то пыталось его достать со зверской жестокостью. Не могу себе представить, зачем человек в здравом уме будет с такой свирепостью жаждать смерти ребенка. Эти камни — они кому-то принадлежат? Может быть, мальчик вторгся в частные владения?

Ответы на оба вопроса его совсем не волновали — он уводил разговор в сторону от синего стекла, чтобы самому поразмыслить над создавшимся положением. Кто-то из мужчин объяснил, что скалы — общая земля и никто не стал бы преследовать мальчика за это. Свенсон кивнул, сделав себе заметку на память: обыскать карманы мальчика, как только представится удобный момент.

— Так вы говорите, что его отец тоже только что умер?

Мужчина кивнул.

— Где? Как? — Доктор замолчал, ожидая ответа. — Его убили?

Мужчина снова кивнул. Свенсон ждал продолжения, но тот колебался.

— Может, убийца был один и тот же? — спросил доктор. — Может, мальчик убежал, думая, что там он будет в безопасности?

Человек обвел взглядом остальных, словно задавая каждому вопрос, который не хотел озвучивать. Потом он обратился к Свенсону.

— Вы должны пойти с нами, — сказал он.

Все было в точности так же, как и с конюхами: зияющее горло, на первый взгляд просто жестоко рассеченное, — но если присмотреться, было видно, что отсутствует приличный кусок плоти. Свенсон поднес свечу поближе к ране, заметив, что горожане при этом побледнели и отвернулись. Он был уверен, в особенности оглядев ноги мальчика, что и его отец был убит оружием из синего стекла.

Он нахмурился, увидев обесцвеченную полосу кожи по обе стороны раны, поднял взгляд и понял, что городской голова — который раньше, по пути к дому, представился как мистер Болт — обратил внимание на это открытие.

— Его как-то раз повесили, — сказал мистер Болт. — Но шея не сломалась, его признали поэтому невиновным и вынули из петли. Так он сам говорил.

— Или дружки помогли ему освободиться, — пробормотала одна из женщин.

— А чем он занимался? — спросил Свенсон. — Что делал в городе?

— Работал на шахте, — сказал Болт. — Но он болел. Мальчик кормил их обоих.

— Как же они жили на такое жалованье? — удивился доктор. — А этот человек, случаем, не... подворовывал?

Ответа он не получил... но опровержения тоже. Осторожно подбирая слова, Свенсон добавил:

— Я просто подумал: что, если у кого-то была причина его убить?

— Но зачем убивать его сына? — спросил Болт.

— А если мальчик видел убийцу отца?

Болт оглядел окружающих его людей, потом снова повернулся к Свенсону.

— Мы вас проводим к миссис Доб.

Мистер Болт и один из его товарищей (мистер Карпер, очень низенький, пузатый) проводили Свенсона в гостиницу. Хозяйка «Горящей звезды» встретила его в очень уютном общем зале. Доктор ощутил доносящийся с кухни запах еды и жадно посмотрел через плечо хозяйки на огонь, потрескивающий в камине. Их представили друг другу. Доктор вежливо кивнул мисс Доб, а ее глаза потемнели, когда Болт рассказал ей об обстоятельствах появления доктора в Карте.

— Это все тот мерзавец, — заявила она.

Мистер Болт замер, видя негодование на лице женщины.

— Какой мерзавец, миссис Доб?

— Он угрожал мне. И Франку. Махал ножом прямо у меня перед носом. Вот в этом самом зале.

— Нож! — обращаясь из-за спины Свенсона к Болту, сказал мистер Карпер. — Вы видели, как был изранен мальчик!

Болт откашлялся и обратился к молодому человеку, появившемуся в дверях кухни:

— Что это за человек, Франк?

— Одет в красное, с порезанными глазами, в темных очках. Чистый дьявол.

— Он и есть дьявол! — проворчала миссис Доб.

Сердце Свенсона упало. Кто знает, что тут мог наделать Чань?

Еще один голос от подножия лестницы нарушил его мысли.

— Кто вы, сэр? К сожалению, не слышал, как вас представляли.

Говоривший был моложе Свенсона — может быть, ровесник Чаня, — с набриолиненными черными волосами и в черном деловом костюме (это надо же — в такой глуши).

— Абеляр Свенсон. Я врач.

— Из Германии? — Улыбка человека была на грани ухмылки.

— Из Макленбурга.

— Далековато отсюда до Макленбурга.

— Но не настолько, чтобы не представляться, нарушая правила приличия, — заметил Свенсон.

— Мистер Поттс — постоялец «Горящей звезды», — с важным видом сказала миссис Доб. — Он из партии охотников...

Свенсон посмотрел на бледные руки человека, на его туфли, хорошо отглаженные брюки. Тот перехватил взгляд доктора и оборвал женщину холодной улыбкой.

— Прошу прощения. Меня зовут Поттс. Мартин Поттс. А правда ли, что вы знакомы с этим... с этим дьяволом?

— Я слышал о нем. Мы одновременно были в одной деревне — там, на севере...

— Там что-то случилось? — спросил мистер Карпер.

— Конечно случилось, — прошипела миссис Доб.

— Но кто он такой? — спросил мистер Болт. — И где он сейчас?

— Не знаю, — сказал Свенсон, глядя прямо в глаза Поттса. — Его зовут Чань. Насколько я понимаю, он вернулся в город.

— И тем не менее тут произошли убийства, — мягко заметил мистер Поттс и, наклонив голову, посмотрел на Болта. — Вы говорили о мальчике?

— О молодом Уиллеме, — объяснил Болт. — Конюхе. Этот джентльмен нашел его сильно израненным в черных камнях... спасти не удалось. Вы знаете, что его отец...

— Убит сегодня вечером! — прошептал Франк.

— Как и обещал этот дьявол! — воскликнула миссис Доб. — Он мне открыто сказал, что любой, кто помешает ему, умрет. А отсюда он, конечно, пошел в конюшню! Теперь я вспомнила, да, точно так он и сказал: «Если этот мальчишка выведет меня из себя...»

Двое горожан с удивленными и гневными криками набросились на миссис Доб, требуя сообщить им подробности, и на Свенсона, требуя сообщить, где прячется его приятель, настаивая (мистер Карпер) на том, что этого типа необходимо повесить. Свенсон выставил вперед руки и громко сказал, переводя глаза с хозяйки, на лице которой читалось странное удовлетворение, на ее бдительного гостя:

— Господа, прошу вас! Я уверен, эта женщина ошибается!

— Как это я ошибаюсь? — усмехнулась она. — Своими глазами видела. И что он говорил — слышала! А теперь вы сами сказали, что мальчика убили!

— Столько ран... — начал было мистер Болт.

— Нож! — воскликнул мистер Карпер.

— Я понимаю! — прокричал Свенсон, снова поднимая руки в успокоительном жесте.

— И вообще, кто вы такой? — пробормотала миссис Доб.

— Я врач, — сказал Свенсон. — Последний час я пытался спасти жизнь этого несчастного мальчика... и видел своими глазами, с какой жестокостью его убили. Миссис Доб... вы сказали, что Чань...

— Он что — китаец? — спросил мистер Болт с нескрываемой неприязнью.

— Нет. Это неважно... по словам миссис Доб, Чань сказал ей...

— Да, сказал!

— Я вам верю, мадам. — Свенсон был удивлен, что не видит свежего отпечатка пятерни Чаня на ее лице. — Но когда... когда состоялся этот разговор?

Миссис Доб облизнула губы, словно ей не понравилось, какой оборот принимает беседа.

— Вчера вечером, — ответила она.

— Вы уверены? — спросил Свенсон.

— Уверена.

— И после этого разговора Кардинал Чань ушел...

— Он что — церковник? — поинтересовался Болт.

— Он демон, — пробормотала миссис Доб.

— И этого демона вы в последний раз видели вчера вечером? — спросил доктор.

Миссис Доб кивнула, шмыгнув носом.

— Почему вы защищаете этого человека? — спросил у Свенсона Поттс.

— Я пытаюсь выяснить истину. На мальчика напали всего несколько часов назад, а, судя по ранам, его отца убили парой часов ранее...

— Это ничего не доказывает, — заявил Поттс. — Этот тип мог весь день их

выслеживать, а вечером — убить.

— Ну да, — кивнул Свенсон. — Вопрос в том, покинул Чань за это время город или нет. Вы сами его не видели, мистер Поттс?

— К сожалению, нет.

— Мистер Поттс и его товарищи направились из Карта в разные стороны, — объяснила миссис Доб. — Чтобы выяснить, где лучше охота.

— И никто из ваших приятелей так и не вернулся? — спросил Свенсон.

— Боюсь, что я вернулся первым... я не такой уж любитель долгих походов...

— В отличие от капитана, — с улыбкой сказала миссис Доб. — Не успел вернуться — и тут же снова ушел. Красивый мужчина. А этот Чань — настоящий урод...

— Здесь никого не было, — перебивая ее, сказал Поттс. — Так что под подозрение попадает этот ваш Чань.

— Кто еще мог совершить эти преступления? — спросил Болт.

— Да и зачем это кому-то еще? — поддакнул Карпер.

— А зачем это Чаню? — возразил Свенсон. — Он здесь человек посторонний... как я или мистер Поттс... а в Карт прибыл, чтобы сразу же уехать... и он уехал до того, как произошли эти убийства.

— И все же, — начал Карпер, — если он прирожденный убийца...

— Откуда нам известно, что он уехал? — спросил мистер Болт.

— Это просто, — сказал Свенсон. — Когда отсюда уходил поезд — вчера вечером или сегодня утром?

Мистер Болт посмотрел на Карпера.

— Вчера вечером, — ответил Карпер. — Но нам неизвестно, уехал ли на нем этот Чань.

— А кто-нибудь это может знать? — спросил Свенсон. — Такие вещи легко проверяются.

— Наверное, можно спросить на станции, — сказал Болт.

Час спустя доктор и Болт вернулись — Карпер, имевший отношение к угледобыче, остался говорить с железнодорожниками. На вчерашнем поезде, по словам работников станции, и в самом деле случилось происшествие. Купе в пассажирском вагоне, окно, дверь — все было разбито, и таинственный незнакомец в очках для слепых и в длинном красном плаще, словно призрак, прошествовал по коридору. Поврежденное купе было забрызгано кровью, как и осколки стекла на насыпи, но ни пострадавших, ни жертв обнаружено не было. Однако железнодорожники были уверены: странный человек в красном был в поезде, когда тот тронулся.

Ко всеобщему разочарованию, Чаня пришлось исключить из числа подозреваемых. Двое горожан принялись размышлять о причинах гибели мальчика и его отца, с энтузиазмом ухватившись за волчью версию. Свенсон кивал, когда этого требовала вежливость.

У доктора зародились те же подозрения, что и у Чаня, — Поттс явно не был простым охотником. Если он прибыл сюда как представитель властей, к чему тогда выдумки про партию охотников? В Карт попросту нагрянули бы солдаты в форме. Но солдат не было, и Свенсону оставалось лишь заключить, что оставшиеся в городе заговорщики (скрытые под масками гости Харшморты, которые получили кожаные книги с шифрованными инструкциями) еще не успели захватить власть. Почему? Из-за происшествия с дирижаблем? Возможно, еще не поздно остановить их... вопрос в том, что известно Поттсу. Знает ли он их имена? Знает ли про стекло? Обвинит ли он Свенсона перед горожанами? Что за

инструкции он получил... и от кого?

И конечно, кроме всего этого, был еще и сам несчастный мальчишка. И он, и его отец (а судя по сходству ранений, еще и два конюха в рыбацкой деревне) были убиты осколками стекла из синей книги. Может, это сделал один из солдат Поттса, проникших так далеко на север в поисках стекла? Но почему конюхи, а не сам Свенсон? Ведь любой из местных наверняка направил бы солдат в дом Сорджа.

А раз так — не спасся ли с дирижабля кто-то еще? Свенсон вспомнил импровизированную карту на столе Сорджа, зверства, приписанные двум разным убийцам, и громко застонал. Неужели спаслись еще двое?

— Вам нехорошо, доктор?

— Наверное, мне нужно поесть, — ответил он со слабой улыбкой.

— Я провожу вас назад в гостиницу, — сказал Болт, — а потом один из наших людей, поднятых по тревоге, заберет вас.

— По тревоге?

— Ну да! — Болт дружески похлопал Свенсона по плечу. — Пока вы обедаете, мы с мистером Карпером должны поднять город. Начинаем охоту на волка!

Когда Свенсон вернулся в гостиницу, Поттса там не было. После того как Болт сообщил о невиновности Чаня и о том, что виновник преступления — волк, миссис Доб неохотно провела доктора наверх, в небольшую комнату с деревянной кроватью и матрасом на ней — и никакого белья. Женщина, вовсе не готовая смягчиться, шмыгнула носом и снова спросила у Свенсона, откуда он (Макленбурга для нее явно не существовало). Свенсон в ответ стал рисовать пальцем карту на пыльной поверхности единственного в комнате столика, но не успел вывести Макленбург рядом с дальней стороной Шлезвиг-Гольштейна, как хозяйка прервала его вопросом, что подавать на стол. Доктор провел ладонью по пыльной столешнице, натянуто улыбнулся и ответил, что его устроит любое горячее блюдо. И, если можно, еще кружку пива. Миссис Доб тут же сообщила цену и добавила, что Свенсон может посидеть в общем зале или спуститься через полчаса.

Сидя в плаще на кровати, доктор слушал удаляющиеся по лестнице шаги, а потом лег. Найдя мальчика, Свенсон на несколько часов неожиданно вернулся к деятельности, к исполнению врачебного долга, что породило — как нередко бывает — иллюзию того, что он занят делом и находится на своем месте. Но сейчас, глядя на сколоченный дощатый наклонный потолок неухоженной комнаты (за которую дерут втридорога) в городке, о существовании которого он и знать не хотел, доктор почувствовал тяжесть одиночества. Чань сейчас уже, наверное, добрался до вокзала Строппинг, вернувшись в город, где жил так же привольно, как ворона среди падальщиков. Но отъезд Свенсона из Карта означал всего лишь смену места ссылки.

Не предложить ли свои услуги больнице для рабочих? Или борделю, где нужно делать подпольные аборты? Доктор закурил и выдул облачко дыма. А ведь недавно — совсем недавно — на сердце у него было легко, как у идиота. Что за нелепые картины заполнили его сознание? Как-то раз за ужином у Сорджа Элоиза рассказывала о доме ее дядюшки рядом с парком, куда в детстве она приезжала на лето... что-то из другой жизни. Все это сплошные декорации — неужели еще можно прогуливаться по парку (какие там прогулки?!), или заботиться о саде, или быть чутким к чужим чувствам? Чем больше доктор думал об этом, тем яснее понимал, что неспособен на это, да и все равно ничего такого не будет.

Миссис Доб хлопотала где-то внизу. Свенсон сел, разулся до носков и, неслышно

ступая, со свечой в руке направился к другим комнатам. Первая была пустой, скатанный тюфяк лежал в изголовье кровати. В следующей он увидел вещи Поттса — дорожная сумка, брюки, две рубашки, повешенные на крючки в стене, маленькая стопка книг на прикроватном столике — таблицы приливов-отливов для военного флота, руководство по подъему затонувших кораблей и невообразимо толстый роман во многих частях под названием «Рабыни Мессалины». Свенсон полистал его — судя по всему, роман был откровенно бесстыдным.

Доктор заглянул под кровать. Еще одна пара туфель, рваная газета — «Геральд» с большими пугающими заголовками «ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ТАЙНОГО СОВЕТА «ЭПИДЕМИЯ ОСТАНАВЛИВАЕТ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ», — а за этим, выглядывая из дальнего конца кровати, лежало что-то, похожее на книгу. Свенсон встал, перегнулся через кровать и достал тоненький поэтический сборник — явно тот самый, что он видел у Чаня. Он повернул голову к лестнице, ничего не услышал и принялся листать книгу. Что заставило Чаня бросить ее здесь, в особенности если к нему отнеслись так подозрительно?

Чань не мог оставить ее случайно — неприхотливый, в своих привычках он был разборчив, точно кот. Он оставил книгу с какой-то целью, но ее нашел мистер Поттс. Свенсон дошел до страницы со сложенным уголком и лаконичной надписью: «Наши враги живы. Уходите из этой гостиницы...»

Прокравшись к себе, доктор спрятал книжку под свою кровать.

Доктор сидел перед очагом с кружкой пива. Пиво было так себе, ну да ладно — первая кружка почти за две недели! Миссис Доб на кухне звенела посудой. Чем, интересно, занята сейчас Элоиза? Наверное, ведет скучную беседу с Линой и Сорджем. А мисс Темпл — пришла ли она в себя?

Входная дверь открылась, и появился Болт.

— Боюсь, миссис Доб, мне придется ненадолго умыкнуть вашего постояльца, — сказал он с улыбкой, заранее отменявшей все возражения.

Миссис Доб, усмехнувшись, посмотрела на доктора.

— Ну мне-то все равно — холодное вы будете есть или горячее.

— Мы тут нашли кое-что, — сказал Болт, когда они оказались на улице. — Улику.

На дороге их ждали Поттс и — как видно, покончивший с делами на станции — Карпер, оба с фонарями. Были тут и другие, незнакомые Свенсону люди, и каждый держал в руках либо свежевытесанный кол, либо яркий фонарь.

— Это была идея мистера Поттса. — Болт кивнул на одетого с иголки горожанина. — Мартин, не покажете доктору?

Доктору не понравилась эта неожиданная фамильярность, но он заставил себя улыбнуться Поттсу и изобразил любопытство, заметив, что лицо самого Поттса остается непроницаемым. Свенсон был придан Макленбургской дипломатической миссии в качестве личного врача покойного принца, но любой мало-мальски проницательный человек догадывался о его истинной задаче: сдерживать юнца, склонного к излишествам и скандалам. Если Поттса прислало министерство, то он должен знать о Свенсоне... а следовательно, и о том, что в Макленбурге доктор объявлен преступником. Но Поттс молча вел их на придорожную лужайку, на полпути между домом убитого мальчика и «Горящей звездой».

Поттс поскреб подбородок, словно прихорашивающаяся птица.

— В самом деле... можно считать, что убийца обнаружен... это волк... он преследовал

мальчика от смертного ложа его отца до самых скал. Я просто взял фонарь и поискал — нет ли на этом пространстве отметин, следов... например, следов крови.

— И что же? — спросил Свенсон.

— О да, — улыбнулся Поттс. — Но не крови! Это очень странно. Видите ли, это просто камушки! Бусинки. Похоже на стекло! — Он присел, держа фонарь.

По земле были разбросаны плоские яркие камушки: они словно отливали синевой тропических морей в дрожащем свете фонаря. Свенсон сразу же понял, что это затвердевшая на холоде струя — струя крови или слюны. Мог ли мальчик получить рану у себя дома? А потом побежать к скалам, оставляя за собой этот неестественный след?

Увидев, что Поттс внимательно наблюдает за ним, Свенсон откашлялся и спросил:

— Господа, вы знаете, каково происхождение этого?

— Мы надеялись, что вы скажете, — ответил Болт.

— Боюсь, моих знаний тут не хватит. Может быть, мистер Поттс...

— Нет-нет. — Поттс не сводил глаз со Свенсона.

— Тогда поспешим, — сказал Болт. — Назад, к тем глыбам.

По пути Болт рассуждал о природе синих камешков: то ли найден неизвестный здесь прежде минерал, то ли отец мальчика заполучил их благодаря темным делишкам — голос Болта упал чуть не до шепота — с одним цыганом.

— Не думал, что в Карте имеют дела с цыганами, — заметил Свенсон.

— Мы не имеем с ними дел, — твердо сказал Болт.

— Я хотел сказать, из-за своей удаленности.

— Именно поэтому.

— Тогда, может быть... — Поттс рискнул бросить взгляд на доктора, — цыгане тут ни при чем. Может, волк... сожрал что-то неестественное.

Карпер хрипловато крикнул из-за их спин — он отстал, и ему пришлось напрячь голос:

— Голодный волк что угодно сожрет!

Свенсон чувствовал, что Поттс наблюдает за ним, и искал этому объяснение, но тут они добрались до глыб. Из-за множества фонарей на внутренней площадке было светло, как под летним небом, затянутым грозовыми тучами, и легко было представить себе ужас последних минут мальчика. Поверхность камня под расщелинкой, где тот укрывался, была густо покрыта кровью и блестящей синей слизью. Ребенка разодрали на части, как загнанную крысу, — нападавший снова и снова атаковал его снизу, врезался в ноги, но так и не смог стащить мальчика вниз. Свенсон в смятении отвернулся. Взгляд его упал на кольцо черных камней — кострище.

Потом он услышал, как к нему обращается Поттс:

— Похоже, тут недавно кто-то был, а?

— Возможно, мальчик, — принялся размышлять вслух Свенсон. — Или проезжий горняк, которому не хватило денег на гостиницу.

— А если не так? — предположил Поттс.

— Что вы имеете в виду? — спросил его Болт.

— Не знаю. Но если здесь был кто-то другой...

— Я никого не видел, когда нашел мальчика, — сказал Свенсон.

— Может, и они тоже погибли, — просипел Карпер, который после ходьбы, казалось, еще не пришел в себя. — Или убежали.

— Может, они сами оставили следы, — заметил Свенсон и со значением посмотрел на Поттса.

Тот мигом принялся командовать (без всякого уважения к формальным полномочиям Болта), отправляя людей на прочесывание близлежащей территории.

Свенсон поднял глаза на место трагедии — расщелину, где лежал мальчик, — потом повернулся к Карперу.

— Не поможете мне забраться туда, сэр?

Карпер обрадовался — значит, ему не надо отправляться на поиски. Доктор поставил одну ногу на его сцепленные ладони, потом другую — на плечи. Скрежеща зубами и не глядя вниз, Свенсон карабкался по каменной громаде — даже на небольшой высоте у него мигом вспотели ладони. Почему с ним вечно случается такое?

— Что вы там видите? — спросил Карпер, поднимая фонарь.

Тяжело дыша, Свенсон добрался до расщелины и подтянулся к липкому кровавому пятну. Неширокая расщелина оказалась глубже, чем он думал. Впрочем, в глубине она была такой узкой, что мальчик не мог туда забраться. Свенсон прищурился... светлый предмет далеко в темноте... он распластался и вытянул руку... его пальцы притронулись к материи... он легонько потащил ее, и вот — холщовый мешок с чем-то тяжелым внутри.

Он соскользнул на землю. Прежде чем Карпер успел спросить, что он там нашел, доктор прошептал ему:

— Мы должны найти Болта. Только вы и я.

Все остальные помогали Поттсу, рыская по окрестностям, как собаки-ищейки. Свенсон быстро подошел к Болту, взял его за руку и увел с каменной площадки. Карпер с фонарем плелся следом.

— Доктор хочет что-то вам показать, — чересчур театрально прошептал Карпер.

— Это лежало в той расщелине, где на мальчика напали, — сказал Свенсон. — Я думаю, он не хотел это отдавать и оттого погиб.

— Не понимаю. Это что — еда?

— Нет.

— Зачем волку то, чего он не может сожрать?

— Мистер Болт... мистер Карпер, вы тоже должны знать.

Двое местных обменялись взглядами. Оба переглянулись и подошли чуть ли не вплотную друг к другу.

— Никакого волка тут не было, — сказал Свенсон. — По крайней мере, в Карте. Прежде чем я начну, поверьте, что на объяснение всего просто не хватит времени... вы видели «камешки», которые мистер Поттс нашел на дороге, видели ноги мальчика с синими порезами?

— Но вы сказали, что не знаете...

— Я надеялся, в этом не будет нужды. Но вышло иначе.

Доктор развязал мешок и осторожно раскрыл его, закатывая материю вокруг лежавшего внутри предмета, чтобы все могли видеть. При этом он касался пальцами только материи. Все трое вздрогнули, когда свет от фонаря Карпера отразился в их глазах — колдовские, сверкающие синие лучи.

— Похоже... это вроде... книга какая...

— Из стекла... — прошептал Карпер. — Из такого же стекла!

— Но какая польза от стеклянной книги? — спросил Болт. — Чего в ней напечатаеть-

то?...

Свенсон стоял, завязывая мешок. К ним, выйдя из-за черных камней, приближался мистер Поттс.

— Доверьтесь мне и ничего не говорите ему, — быстро прошептал доктор. — То, что в этой книге, — противоестественно. Даже прикосновение к ней грозит смертью.

Поттс с довольной улыбкой сообщил, что кто-то все же ночевал среди глыб и что у него была лошадь. Еще одна россыпь синих камешков протянулась от камней к холмам. Поттс посмотрел на мешок в руках Свенсона, но вопросов задавать не стал.

— И этот человек на лошади как-то связан с синими камешками? — спросил Свенсон.

— Не могу сказать, — ответил Поттс, внимательно обводя глазами лица всех троих.

Болт резко тряхнул головой и заявил, что поиски должны продолжаться, что нужно идти туда, куда ведет россыпь. Поттс через плечо прокричал об этом остальным, но прежде чем возглавить поиски, задержался и, прищурившись, уставился на доктора.

Свенсон повернулся к Карперу.

— А сколько у нас тут человек?

Карпер наморщил лоб.

— По-моему, шестеро. А еще Болт и я. И вы.

— Шестеро, считая Поттса?

— Да, шестеро вместе с Поттсом. Всего, считая вас, будет девять. А почему вы спрашиваете?

— Просто из любопытства. А кроме кольев, у вас есть... оружие?

— Колья довольно прочные, — ответил Карпер. — Вы имеете в виду огнестрельное оружие?

— Да, пожалуй, огнестрельное.

— В Карте не найдется и пяти ружей. Кажется, у Поттса есть пистолет.

— Пистолет?

— Он же охотник.

— Нечасто встретишь охотника с пистолетом.

— А нам это как раз и нужно, — улыбаясь, сказал Карпер. — Лучше уж застрелить волка, чем убивать его кольями.

— И правда.

— Но вы говорите, что это, может быть, и не волк.

Свенсон ответил не сразу, а потом еще больше понизил голос.

— Ну... я не вполне уверен... но возможно, мы ищем... женщину.

— Женщину?

— Да. Хотя я могу ошибаться...

— И наверняка ошибаетесь, сэр! Чтобы женщина сделала такое... с ребенком!

Свенсон выдохнул, не зная, с чего начать, но Карпер понял это по-своему. Дыхание толстяка клубилось перед лицом доктора.

— Если вы правы... то нас столько, что она непременно сдастся. Нам не придется стрелять в женщину.

Спереди из темноты раздались выкрики.

— Кажется, Поттс что-то нашел.

На повороте обнаружили новые следы борьбы: примятая трава, темный шерстяной шарф и снова стекло — но теперь ровные осколки, а не шарики, как раньше. Поттс

наклонился над ними, Болт стоял рядом. Приблизившись, доктор по мрачному взгляду министерского посланца понял, что тому уже сказали о стеклянной книге.

Увидев, что Поттс протягивает руку, Свенсон выкрикнул:

— Не прикасайтесь к стеклу!

Тот отдернул руку и с торжествующей улыбкой выпрямился, освобождая место для Свенсона.

— Похоже на то, что вы нашли в камнях... — прошептал Болт.

— Именно, — оборвал его Свенсон.

Осколки были невероятно тонкими — кусочки стекла от внутренних страниц книги, покрытые сетью трещин по всей длине, словно от удара.

— Я буду вам признателен, если вы поделитесь своими соображениями, — сказал Поттс.

— Вы будете еще более признательны, если я этого не сделаю. Уж поверьте, — возразил доктор.

— Я настаиваю. Я больше не потерплю никаких тайн.

— Тогда скажите, где сейчас ваши приятели-охотники. Ваша партия.

— Какое отношение это имеет к поискам? — спросил Болт. — Мы вполне...

— Это имеет отношение к тому, за чем они охотятся. Мистер Поттс в курсе.

— Мои товарищи — достойные люди...

— Солдаты королевы?

— По крайней мере, не закоренелые преступники, — огрызнулся Поттс. — Не то что ваш Чань...

— С Чанем все прояснилось, — прервал его Свенсон. — А вот с вашей партией — нет. Ваше высокомерие — признак того, как мало вы знаете о предмете своих поисков. А этот предмет опасен, что доказала смерть мальчика...

— Какой еще предмет? — прорычал Поттс. — Расскажите нам все!

— Доктор говорил о женщине, — вставил Карпер.

Свенсон развернулся. Карпер стоял у него за спиной, держа в руках шерстяной шарф.

— Вы знаете, чей это шарф? — спросил у Свенсона Болт.

— Нет.

Болт повернулся к Поттсу.

— А вы? Вы знаете здесь каких-нибудь женщин?

Тот мотнул головой, посмотрел на осколки, а потом — холодным пронизательным взглядом — на Свенсона. Словно давая безмолвный ответ на все их вопросы, доктор вышел вперед и неторопливо растоптал осколки в блестящий порошок, а потом краем сапога накидал сверху земли.

Поттс показал в сторону холмов:

— Следы продолжают. Может, хватит нам уже спорить?

После еще одного часа ходьбы — неуклонного подъема вверх — они опять остановились. К этому времени сильно похолодало. Карпер без малейшего зазрения совести набросил шерстяной шарф себе на плечи. Во главе колонны (заметно растянувшейся — идти стало тяжелее, да и холод поубавил энтузиазма) шагал Поттс и с серьезным видом говорил что-то Болту. Доктор понял, что должен вмешаться хотя бы в целях самозащиты. Но он устал и по-прежнему находился во власти отчаяния, а потому вытащил сигарету и закурил. Вверху расстилалась плотная пелена туч — так низко, что, казалось, можно выдохнуть дым прямо в

эту серую массу. Свенсон предложил сигарету Карперу — тот отрицательно покачал головой, — а затем повернулся на звук приближающихся шагов. Не прекращая своей беседы, к нему направлялись Болт и Поттс.

— Уже поздно, — начал Болт. — Мистер Поттс предлагает прекратить поиски.

— И вернуться? — с надеждой в голосе спросил Карпер.

— Если возвращаться, то дойдем уже под утро, — сказал Поттс. — Тут впереди есть старая шахта. Укрыться вполне можно. И костер разложить.

— А еда у нас есть? — спросил Карпер.

— Мы не думали, что она понадобится, — отрезал Поттс, глядя на Свенсона, словно тот был виноват в отсутствии еды.

Костер разложили в удлиненной постройке без крыши, дальний конец которой — там, где располагался забитый досками вход в шахту, — терялся в темноте. На другой стороне небольшой полянки стояли еще две хижины: одна тоже без крыши, другая — в порядке. В ней вили гнезда птицы, на полу лежал слой помета.

— Я вам ни на йоту не солгал, — сказал Поттс, чьи резкие черты еще больше заострились в свете костра. — Я присоединился к охотничьей партии...

— А на что охотились? — поинтересовался Свенсон.

— На оленя. И дикого кабана.

— На кабана? — переспросил Болт. — В такое время года?

— Я в этих делах не понимаю. — Поттс вздохнул с внезапным раздражением. — Я вообще не охотник.

— Ну да, — сказал Свенсон. — Это ваш капитан — охотник. Кстати, как его зовут?

— Капитан Тэкем, — зевнул Карпер. — Я приехал вместе с ними на поезде. Довольно светский человек... для военного.

— Миссис Доб сказала мне, что партия разделилась на несколько групп, — обратился Свенсон к Поттсу. — Интересно, кто отправился на север... и вернулись ли они.

— Капитан, — сказал Поттс. — Если верить миссис Доб, он вернулся, а потом снова ушел, чтобы искать в других местах... а там на севере — ничего, никакой дичи.

— А что насчет этой женщины? — спросил Болт, шуруя палкой в костре и внимательно глядя на Свенсона сквозь столб искр. — Вы говорите, что все убийства совершила женщина? Признаюсь, для меня это чистая абракадабра.

Свенсон встретился взглядом с Поттсом, которого этот вопрос, казалось, волновал не меньше, чем самого доктора. Насколько это касалось жителей Карта, то они с Поттсом, пожалуй, хотели одного и того же — по возможности хранить все в тайне...

— Я расскажу вам то, что знаю, — ответил Свенсон и полез в карман за очередной сигаретой. — Скажу честно: тайну этой женщины я не раскрыл. Может быть, даже имя ее не настоящее — Розамонда, графиня ди Лакер-Сфорца. — Он посмотрел на Поттса, но тот сидел с непроницаемым лицом.

— Итальянка? — спросил Болт.

— Мне говорили, она из Венеции, — сказал Свенсон, намеренно подчеркивая собственный акцент. — Хотя и это, скорее всего, ложь... Сам я познакомился с ней в отдельном кабинете отеля «Сент-Ройял», где искал моего подопечного — макленбургского кронпринца Карла-Хорста фон Маасмарка. Знаете «Сент-Ройял»? Это необыкновенное место, холл там — настоящий восточный дворец с резными колоннами, зеркалами, мрамором... можете себе представить женщину, которая снимает там большой номер. Но я о

принце... я был личным врачом принца, а графиня — доверенным лицом его невесты, мисс Лидии Вандаарифф, а точнее сказать, доверенным лицом отца девушки, лорда Роберта Вандаариффа. Это имя наверняка известно даже здесь, в Карте, Вандаарифф — один из богатейших людей... А графиня входит в узкий круг людей, с которыми лорд советуется по всем делам, связанным с моей страной — Макленбургом... в том числе насчет брака своей дочери с принцем... насчет прав на горные разработки, что должно заинтересовать вас, джентльмены, насчет производства, поставок... рынков в целом... так вот, в кабинете отеля графиня была, если память мне не изменяет — я уверен, что не изменяет, таких эффектных женщин я больше не видел... была одета в красное шелковое платье, такого китайского оттенка, который, как вам известно, куда ближе к желтому, чем, например, к малиновому, — поразительный выбор, необыкновенный фон для ее волос, черных как вороново крыло...

Он с удовлетворением заметил, что Болт зевает, и продолжил с такими же мелочными подробностями и отступлениями, как будто бы рассказывая абсолютно все, но не сообщая ничего важного о заговоре, ни словом не упоминая о дирижабле и о том, как подобная женщина могла оказаться в Карте. А когда Свенсон дошел до описания лабиринтов Харшморты, его единственным слушателем остался Поттс, сидевший по другую сторону костра. Последняя фраза доктора потонула в тишине. Он снова полез за сигаретой. Поттс, усмехнувшись, обвел взглядом своих дремлющих спутников.

— Великолепная уловка.

— Им нет нужды знать, — пояснил Свенсон. — Не знаю в точности, кто вас послал...

— Вы поедете со мной назад в город, — проворчал Поттс.

Свенсон смерил его взглядом.

— Вполне возможно.

— Непременно поедете.

— Мистер Поттс, прошу вас... вы все видели сами: убийства, аномальное воздействие синего стекла... коварство...

— Я знаю, что я — единственный из моих товарищей, кто обнаружил врага.

Свенсон раздраженно сказал:

— Единственный из ваших товарищей? Мистер Поттс, подумайте, о чем это говорит? Что, по-вашему, случилось с ними?

Поттс злорадно усмехнулся.

— Им не повезло — они бродят в потемках по лесу. А мне, судя по вашему описанию, достанется главная добыча!

— Добыча? Не союзница? Не хозяйка?

— Это не ваша забота.

— Вы искушаете судьбу, говоря об этом, прежде чем схватили ее.

— Ничуть, — улыбнулся Поттс. — Если я правильно понимаю смысл найденных улик, она тяжело больна. Эта ваша гордая негодяйка дошла до убийства детей. Кстати... — Он извлек из кармана крупный морской револьвер, черный металл которого лоснился от смазки. — Вы должны отдать мне то, что нашли.

Большой револьвер плохо вязался с обликом франтоватого министерского посланца. Из-за мощной отдачи для точного попадания требовалось обладать немалой силой или же находиться близко к цели. Либо Поттс был хладнокровным убийцей, либо вообще не разбирался в оружии.

— Ничего я вам не должен, — сказал Свенсон, кивая на спящих. — И ничего такого вы

не сделаете.

Поттс подумал и убрал пистолет. Свенсон вздохнул с облегчением — значит, кровопролития не будет. Но в то же мгновение он понял, что имеет дело с опасным глупцом.

— Время еще не пришло, — презрительно фыркнул Поттс. — И, как вы говорите, дело еще не сделано. Но во мне можете не сомневаться, доктор. Если попытаетесь бежать — я вас пристрелю. И свидетели меня не испугают.

Поттс подбросил еще дров в костер, Свенсон воспользовался паузой и сказал, что пойдет справить нужду. Удаляясь от костра, он чувствовал, что дуло пистолета постоянно направлено ему в спину. Подойдя к загаженной птицами хижине, доктор облегчился у ее стены. Когда он вернулся, Поттс уже лежал у огня с закрытыми глазами. Свенсон закурил последнюю сигарету, затем швырнул окурки в угли, поплотнее завернулся в мундир и закрыл глаза. Мешок с синей книгой лежал рядом с ним.

Когда он открыл глаза, в хижине было темно. Кострище еще дымилось, но огонь уже погас. Поттса не было. Рука Свенсона тут же метнулась к мешку, ощутила вес книги, но та почему-то не была гладкой. Он открыл мешок, не видя, что там внутри, не без опаски засунул туда руку — и почувствовал не гладкость стекла, а шероховатость камня. Доктор зарычал и вскочил на ноги, слегка намотав мешок на руку, чтобы пользоваться им как дубиной.

Далеко идти не пришлось. Поттс стоял посередине полянки, под завернутой в саван облаков луной. Книги у него в руках не было. Неужели уронил?

— Мистер Поттс, — прошептал Свенсон. — Мистер Поттс.

Тот повернулся. Глаза его смотрели в никуда, так, словно Поттс был не в силах увидеть Свенсона, хотя и знал, что нужно.

На подбородке его виднелась тонкая пленка, и Свенсон сморщил нос, ощутив запах желчи.

— Где книга, мистер Поттс?

— Кто?

— Не кто, а что. Книга! Где она?

В ответ Поттс заскулил и принялся тереть глаза. Руки его были в какой-то черной жидкости.

— Поттс... да, конечно... я помню.

— Где книга? — Свенсон протянул руку и тряхнул его за плечо.

Поттс слабо улыбнулся, по-прежнему безумно глядя перед собой.

— Самое важное — это качество краски, химическая основа для цвета... каждое химическое вещество имеет свойства...

— Мистер Поттс...

— Химические свойства, фундаментальные энергии! — прошептал Поттс, неожиданно впадая в ужас, словно это была тайна, которую он не хотел знать. — Может даже встать вопрос, есть ли в жизни что-то еще!

Свенсон отвесил Поттсу пощечину. Тот пошатнулся, моргнул, распахнул рот, но ничего не сказал. Посмотрев в глаза Свенсону, он снова моргнул, и теперь слова вырвались у него из горла испуганным хрипом.

— Что... случилось?

— Мистер Поттс...

— Кто я?

— Где книга, мистер Поттс? Где вы ее оставили?

Но Поттс лишь кусал дрожащие губы, сдерживая слезы.

Свенсон затащил его в хижину без крыши, чиркнул спичкой и зажег огарок свечи. Опять кольцо почерневших камней, оставленный путниками сор, забитый досками дальний конец сооружения — еще одна шахта... и холщовый мешок. Пустой.

— Вязкость — это важная проблема, — прошептал Поттс.

— Скажите, где она?! — прошипел Свенсон.

Поттс зарыдал.

— Она ведь была совсем девочкой. У меня у самого дочь...

Свенсон с отвращением наморщил нос. В открытой постройке потянуло сквознячком, и Свенсон почувствовал характерное зловоние... Откуда оно шло — от Поттса или из ствола шахты? Доски были отодраны, а потом их кое-как вернули на место, но небольшого усилия — в чем тут же убедился Свенсон — было достаточно, чтобы доски отошли. Запах синей глины усилился. Доктор вспомнил синюю блевотину в туалете...

— Мистер Поттс... вы сейчас расстроены и напуганы, но вам не грозит опасность. Помогите мне найти книгу, а я помогу вам...

Но Поттс встряхнулся и поковылял во двор. Он направился к самому большому строению, где все еще спали остальные.

— Они обречены, — прошептал он.

Доктора неожиданно пронзил страх. Он обогнал Поттса — свеча погасла, — резко развернулся, без всяких извинений залез в его карман и вытащил револьвер. Взведя курок, Свенсон вошел внутрь... все, похоже, лежали на прежних местах, и бормотание Поттса ничуть их не тревожило. Свенсон облегченно вздохнул, оглянулся: Поттс присел на корточки, обхватив руками колени, и бубнил что-то под нос. Доктор заметил тень в дальнем углу, около забитого досками ствола. Что, проснулся кто-то еще? Безуспешно вглядываясь в темноту, Свенсон свободной рукой достал спичку, чиркнул ею и посмотрел вниз — на Болта. Горло Болта рассекала сверкающая синяя черта, словно кто-то провел по нему кисточкой, обмакнутой в синюю краску.

Свенсон испуганно бросил спичку, наведя пистолет на тень в углу, которая вдруг увеличилась в размерах и приблизилась к нему. Он выстрелил, но темная фигура — человек в плаще? — метнулась вперед и оказалась перед Свенсоном, прежде чем он успел еще раз нажать на курок. Сильнейший удар свалил доктора с ног, пистолет выпал из его руки. Он поднялся на колени и закричал, чтобы разбудить остальных. Тень, находившаяся между ним и выходом, со страшной силой ударила доктора в плечо, и тот снова оказался на земле. Теряя сознание, доктор почувствовал, что его хватают за лацканы плаща. Перед ним был зловонный темнотубый рот, бледное лицо с безумными глазами, а потом его неистово швырнули на дощатую перегородку, и он, как тряпичная кукла, полетел вниз по стволу шахты.

Доктор пришел в себя — он лежал головой вниз, ноги были неудобно согнуты в паху. Что-то тянуло его за волосы, и он осторожно ощупал это место онемевшими пальцами. Рана на голове, хотя и неглубокая, кровоточила, и кровь уже успела засохнуть. Сколько же прошло времени? Он ужасно замерз. В голове невыносимо пульсировала боль, а еще в плече и в левой стороне груди. Свенсон принялся трогать все вокруг слабыми пальцами. Влажная земля и камень, крутой склон. Он попытался нащупать спичку — сколько их еще осталось, но коробок куда-то делся — вылетел из кармана, что ли. Свенсон посмотрел вверх — в

нескольких ярдах над ним виднелся слабый свет. Он прислушался — ни звука, кроме его собственного прерывистого дыхания, — и с грацией перевернутой черепахи начал изгибаться и ползти вверх.

Он добрался до досок, сломанных при его падении, и осторожно стал их отодвигать, понимая, что производит шум, но предполагая, что напавший на него давно ушел. Когда он выбрался в хижину без крыши, снаружи стоял серый день. Доктор увидел, что картяне лежат в тех же позах, что и раньше, но смотреть на них было невыносимо: все были убиты во сне.

Медведеподобный Карпер лежал, свернувшись калачиком, как ребенок, на его горле расцвел сверкающий цветок голубого стекла. Шатаясь, Свенсон вышел во двор, где распростерся Поттс: его мертвенно-бледное лицо покрывала жирная зловонная черная пленка. Свенсон сел, опустил голову на руки и попытался сообразить, что теперь делать.

Он смыл кровь с волос, взяв бутылку с водой у одного из мертвецов. Из другой бутылки он напился. Среди тел нашелся пистолет. Стеклокнижка исчезла.

Доктор понятия не имел, который теперь час, — ему даже не пришло в голову позаимствовать карманные часы Болта, — а тяжелые тучи делали любые догадки сомнительными. По мере спуска туман не отступал и висел над каждой новой низинкой, закрывая перспективу, поэтому Свенсон шел наугад, просто следуя по предполагаемой тропинке в надежде, что та выведет его назад к черным камням. Он заставлял себя сосредоточиваться на тропинке, но безуспешно — в памяти вставали бред Поттса и лицо, которое доктор видел в тени.

Это был, без сомнения, Франсис Ксонк, но невероятно, просто невероятно искалеченный под воздействием синего стекла. Ксонк убил конюхов в деревне, убил мальчика и его отца... и всех этих людей. Неужели книга настолько ценна? Свенсон усмехнулся — для Франсиса Ксонка горячий завтрак значил больше, чем человеческая жизнь.

Но сейчас... что с ним случилось? Пуля пробила грудь Ксонка там, в дирижабле... несколько дней назад. Мог ли он спастись с помощью осколка синего стекла, в отчаянии вонзив его в свою рану, чтобы прижечь ее? Дирижабль был обречен, впереди рисовалась лишь смерть. Но если стекло спасло его тогда, то теперь убивало — мучительно, медленно, постепенно.

А что это за книга — всего лишь первое, что попало под руку Ксонку в последние секунды существования дирижабля? Или он выбрал ее заранее? Поттс заглянул в нее — и потерял разум. Судя по тому, что Свенсон видел в Харшморте, в книгах содержались воспоминания богатых и всесильных... но чьи воспоминания, какого сановника могли привести Поттса в такой ужас? Мог ли его бред о химических препаратах и вязкости иметь отношение к боеприпасам — пороху, взрывчатым веществам? Вдруг в пропавшей книге были воспоминания Генри Ксонка, оружейного магната?

Доктор снова был в Карте — двери закрыты, из труб вьется дымок, обитатели не знают о том, что их стало меньше. Совесть грызла Свенсона, к тому же он вымотался, проголодался, замерз, и его одолевали горести. Этим вечером со станции уходил очередной поезд — неужели Свенсон его уже пропустил? Ксонк тоже наверняка сядет на него. Свенсон внушил себе, что уехать важнее, чем поговорить с вдовами, — в этом случае о смертях заговорил бы весь город.

Нахмурившись, он с любопытством посмотрел на открытую дверь гостиницы... помедлил... и заставил себя идти дальше — печали миссис Доб его мало волновали. Но

потом справа он увидел еще одну открытую дверь — темные окна... он заходил в этот дом — здесь лежал убитый отец мальчика. Ничего удивительного, что дверь открыта. Хозяева мертвы, да и при их жизни дом содержался не лучшим образом... Свенсон ускорил шаг, перейдя на тротуар, и добрался до конца улицы, внезапно преисполнившись уверенности, что опоздал на поезд. Где-то далеко в горах завыл волк. Доктор вышел на узкую дорожку, ведущую к станции, и побежал.

Дорожка огибала брошенные старые вагоны для перевозки руды. Холодная пустота и зияющие двери вагонов показались доктору еще одним дурным предзнаменованием — что-то тут было не так. Слякотная дорога вела на гравийную площадку, и Свенсон наконец увидел готовый к отправке поезд: паровоз, прогревающий котел, два пассажирских вагона, открытые грузовые вагоны с рудой и закрытые — с другими грузами.

Перед составом, окружив лежащего на земле человека, стояли люди с фонарями. Они повернулись на оклик Свенсона, глядя подозрительно и неприязненно.

Свенсон поднял обе руки.

— Я доктор Свенсон. Я был здесь вчера с мистером Карпером и мистером Болтом. Что здесь случилось? Кто ранен?

Не ожидая ответа, он опустился на колени и профессионально нахмурился при виде лужи яркой крови, натекающей из глубокой раны на лице. Выхватив тряпку у одного из железнодорожников, доктор с силой прижал ее к ране.

— Кто это сделал? — спросил он.

Послышалось сразу с полдюжины хриплых голосов. Свенсон оборвал их, поняв, что нападение уже достигло цели — отвлекло всех от поезда.

— Слушайте меня. Есть один человек, опасный, твердо решивший уехать на этом поезде, надо его найти. — Свенсон посмотрел на раненого. — Вы видели, кто на вас напал?

Порез на щеке был глубок и все еще кровоточил... все еще кровоточил... рану нанесли не синим стеклом. Тяжело дыша, человек заговорил с трудом:

— Напали сзади... я и не видел...

Доктор снова прижал материю к ране, потом взял за руку одного из стоящих рядом, чтобы тот сменил его. Встав, Свенсон вытер руки о плащ и вытащил револьвер.

— Зажимайте рану как можно дольше — пока кровотечение не прекратится. Придется наложить шов — найдите белошвейку с крепкими нервами. А мы должны найти его — мужчину... а еще, возможно, и женщину...

Железнодорожники озадаченно посмотрели на него.

— Но женщину мы уже нашли, — сказал один.

— Где? Почему вы сразу не сказали? — скороговоркой произнес Свенсон. — Я должен с ней поговорить.

Человек показал на первый вагон. Но другой протянул руку с раскрытой ладонью — на ней лежал маленький багряный камушек.

— Это было у нее в руке, сэр. Женщина мертва.

Глава четвертая

ПОРЧА

Мисс Темпл не издавала ни звука. Она слышала прерывистое дыхание человека в дверях, но не могла понять, что тот делает — поднимается в вагон или нет. Рука графини плотно лежала на ее губах.

Снаружи донесся крик одного из железнодорожников. Тень удалилась под едва слышный хруст гравия. Мисс Темпл попыталась было выглянуть в дверь, но графиня резко осадила ее. Минуту спустя раздался звук еще чьих-то шагов, в створе дверей столпились люди и стали выражать недовольство зловонием, а потом, словно внезапный выстрел из пушки, послышался громкий хлопок закрываемой двери. Еще одна мучительная минута (графиня проявляла необыкновенную осторожность) — и наконец рука перестала зажимать рот мисс Темпл.

Мисс Темпл развернулась спиной к бочкам и подняла нож. Сердце ее колотилось. В вагоне было темно, словно стояла беззвездная ночь.

— Подождите... — прошептала графиня. — Еще немного...

Поезд дернулся, мисс Темпл и бочки за ее спиной покачнулись. Состав стал набирать скорость, уже без рывков.

Графиня громко рассмеялась, потом вздохнула — приятный, легкий звук.

— Можете убрать нож, Селеста.

— Не уберу, — ответила мисс Темпл.

— Прямо сейчас у меня нет повода вам вредить — есть я не хочу, да и подушка из ваших прекрасных волос не сильно мне нужна.

Графиня снова рассмеялась и принялась шарить в темноте. Потом она зажгла спичку и поднесла ее к белой парафиновой свече, которую вставила в щель между досками пола.

— Хотелось бы побереечь свечу, — сказала графиня, — но свет поможет нашим... переговорам. Краткосрочное взаимовыгодное соглашение будет способствовать приятному путешествию.

— Какое еще соглашение? — прошипела мисс Темпл. — Не представляю.

— О самых элементарных вещах. О том, например, что мы доверяем друг другу и можем лечь спать без опасения никогда не проснуться.

— Но вы же лгунья, — сказала мисс Темпл.

— Неужели? И когда я вам солгала?

Мисс Темпл задумалась на мгновение, потом шмыгнула носом.

— Вы злобная и жестокая.

— Но не лгунья, Селеста...

— Вы лгали другим — графу и Франсису Ксонку! Вы лгали Роджеру!

— Только не Роджеру, моя дорогая, — никто ему не лгал. Что касается Франсиса и Оскара, согласна. Но друзьям принято лгать — если у вас есть друзья, то вы знаете, что это основа дружбы. Однако лгать врагам... жизнь стала бы слишком пресной.

— Я вам не верю.

— С вашей стороны было бы глупо мне верить. Но все же я предлагаю вам сделку. Пока мы делим этот вагон, я не причиню вам вреда.

— Почему?

— Потому что мне ничего от вас не нужно, Селеста. Мне нужно только поспать. А спать в холодном вагоне спокойнее, если не укрываться за бочками с рыбьим жиром в постоянной готовности убить другого. Нет, правда, я вам предлагаю цивилизованный выход... рационализм за пределами морали, если это вам что-то говорит.

Мисс Темпл чуть шевельнулась — у нее затекла нога, пот на спине остыл. Она чувствовала, что готова сломаться под грузом усталости. Если не поспать, снова начнется горячка.

— А еда у вас есть? — спросила она.

— Есть. Хотите?

— Я прекрасно поужинала, — сказала мисс Темпл. — Но к утру наверняка опять проголодаюсь.

Графиня ухмыльнулась, и мисс Темпл только теперь увидела, что та держала свой острый зубец наготове на случай, если разговор примет нежелательный оборот.

Графиня извлекла из сумки закупоренную бутылку и платок, вытасила пробку и, приложив платок к горлышку, перевернула бутылку. Не глядя на свою попутчицу, она протерла лицо, тщательно и неторопливо, как умывающаяся кошка. Мисс Темпл зачарованно смотрела на долгий ряд бесхитростных действий: графиня закрывала глаза, увлажняя кожу вокруг них, вытягивала губы, протирая лицо возле носа и рта, поднимала подбородок, когда ткань — намоченная еще раз — разглаживала кожу на горле и на шее под воротником платья.

— Это у вас что? — спросила наконец мисс Темпл.

— Раствор розовой воды на спирту. Запах, конечно, ужасный, но спирт — превосходное вяжущее средство.

— И где вы его взяли?

— Хотите протереть лицо, Селеста? По правде говоря, выглядите вы неважно.

— У меня была горячка.

— Господи милостивый, вы, наверное, чуть не умерли?

— Раз не умерла, то теперь уже неважно.

— Тогда подойдите ко мне.

Графиня намочила другую часть платка и протянула мисс Темпл. Не желая показаться плохо воспитанной, та пододвинулась поближе. Графиня легко прикоснулась к ее подбородку и принялась увлажнять кожу, начиная со лба. Мисс Темпл чуть дернулась, когда ткань прошла слишком близко от ранки над ухом. Но в этом месте графиня ослабила нажим, и потому было совсем не больно.

— Вы не задумывались о том, что умрете? — задумчиво спросила графиня.

— Когда? — вопросом на вопрос ответила мисс Темпл.

Графиня улыбнулась.

— Вообще.

— Конечно задумывалась. А вы?

Протерев лицо, графиня снова намочила ткань и принялась обрабатывать шею.

— Ваши волосы.

Мисс Темпл вежливо подняла руки и убрала волосы по обеим сторонам. Еще несколько движений платком — и графиня закончила, подув на чистую влажную кожу. Мисс Темпл вздрогнула от ее ледяного дуновения. Графиня отложила в сторону бутылочку с платком и подняла взгляд.

— Может быть, теперь вы поможете мне? — спросила она.

Мисс Темпл смотрела, как пальцы графини расстегнули один ряд черных пуговиц на темном шелковом платье, потом женщина, поморщившись и не без труда, высвободила правую руку, бледную, как лебединое крыло. Мисс Темпл с ужасом уставилась на кровавую рану близ лопатки.

— Я и сама могу дотянуться, — сказала графиня, — но если вы мне поможете, это сэкономит раствор.

Порез, хотя и глубокий, был уже прикрыт почти черным рубцом. Мисс Темпл нахмурилась, не зная, как начать. Ее слегка ошеломили округлость плеча графини и ровная линия позвоночника — ведь это были ее кости, — исчезающая под платьем, как прошептанные, но не понятые слова. Селеста снова перевела взгляд на рану.

— Ее нужно смочить, — сказала графиня. — Тут уже ничего не поделаешь. Так далеко на севере... шрам все равно останется.

Мисс Темпл взяла бутылочку и осторожно полила на рану, подхватывая жидкость платком. Графиня снова поморщилась, но ничего не сказала. Мисс Темпл, несколько раз сложив намоченный платок, слегка надавила на рану. Показалась кровь, но мисс Темпл держала ткань, пока кровотечение не остановилось. Наконец рука графини легла на руку ее попутчицы — она перехватила платок и сама прижала его к ране.

— Я вам признательна, моя дорогая.

— А как это получилось? — спросила мисс Темпл.

— Меня заставили выйти через окно.

— Кто?

— Кардинал Чань.

— Понятно. — Сердце мисс Темпл радостно забило — Чань жив.

— Но я спасалась не от него. Я убегала от Франсиса Ксонка.

— Франсис Ксонк жив?

— Если это можно назвать жизнью. Вы сами ощутили его зловоние.

— Так это он преследовал меня? Вот сейчас? Этот монстр?

— Я говорю это вам от чистого сердца, моя дорогая: нужно держаться подальше...

— Но от Ксонка несет синим стеклом!

— Да.

— Но ведь доктор его застрелил.

— Вот это прить, невероятно... но, похоже, Франсис прибег к крайним мерам, чтобы выжить...

Графиня осторожно просунула руку в рукав и застегнула платье. Аккуратные действия ее пальцев застывали мисс Темпл, словно магические пассы.

— Как вы спаслись с дирижабля? — спросила мисс Темпл.

— А вы как думаете?

— Спрыгнули?

Графиня кивнула, приглашая задавать еще вопросы.

— Но ваше платье... доктор сказал, что оно намокнет и утянет вас на дно.

— Доктор очень проницателен.

— Вы его сняли!

Графиня кивнула еще раз.

— Я бы этого никогда не сделала, — прошептала мисс Темпл.

— И погибли бы. Но я думаю, вы сделали бы это. И вообще все, что нужно. Так мы узнаём друг друга, Селеста.

Следующие слова громко, неожиданно и с жаром сорвались с языка мисс Темпл:

— Но вы меня не узнавали, мадам. Вы приговорили меня к смерти. И не раз.

Глаза графини сверкнули, но голос остался ровным.

— Неужели вы думаете, будто ваша смерть что-то изменит?

Мисс Темпл открыла было рот, но захлопнула его с явственным стуком.

Она прислушивалась к стуку колес, размышляя, что там за станции между Картом и городом и куда везут этот рыбий жир — в город или нет? Двери вполне могут открыться через час в другом горном поселке или через два часа в деревне, пропахшей свиным навозом. И не будет ли Франсис поджидать их там?

— А где Элоиза Дуджонг? — спросила мисс Темпл.

— Понятия не имею.

— Я думала, что бегу за ней. А оказалось, что за вами. Этот человек на тропинке... мистер Олстин, охотник...

— Военный, Селеста.

Мисс Темпл сделала вид, что не расслышала.

— Он держал в руке ее нож.

— Ну и загадка! Жаль, что он не может дать на нее ответ.

— Вы его убили.

— Кто-то должен был это сделать.

— Откуда вам известно, что он — военный?

— Мне пришлось сильно постараться, чтобы избежать встречи с ним... и его приятелями... в течение нескольких дней. А они нашли меня без труда.

— А Чаня они нашли? — Селесту вдруг пробрал страх. — А доктора? И кто они такие?

— Я думала, вы хотите узнать про миссис Дуджонг.

— Я хочу, чтобы вы ответили на мои вопросы. — Мисс Темпл сурово поглядела на графиню.

Графиня скользнула внимательным взглядом по ее лицу, потом зевнула, прикрыв рот ладонью, а когда опустила руку, на лице ее снова играла понимающая улыбка.

— Я устала. А у вас такой вид, что если вы не поспите, то умрете. Садитесь поближе ко мне. Мы все еще в горах, и притом без одеял. Пусть это будет соглашением между животными насчет обмена теплом.

Прежде чем мисс Темпл успела ответить, графиня задула свечу.

Мисс Темпл осталась у своей бочки, напряженно прислушиваясь к шуршанию нижних юбок графини — та устраивалась на полу. Графиня была коварнейшим существом, и нужно быть полной дурой, чтобы поверить ей. Мисс Темпл устала, ее пробирала дрожь. Что случилось с Чанем? Он оставил записку, а потом? Просто бежал в город, зная, что графиня жива и на свободе? А разве доктор Свенсон повел себя лучше? Мисс Темпл подтянула колени к груди. Она не хотела думать плохо ни о том ни о другом, но все же оба явно сделали для нее меньше, чем могли.

Графиня удовлетворенно вздохнула. Мисс Темпл зевнула, даже не потрудившись прикрыть рукой рот, и моргнула. Она дрожала от холода, чувствуя всю нелепость своего положения. Если не спать и дальше, улетучатся даже те немногие силы, что у нее еще оставались, это точно. Селеста яростно гнала от себя мысль, что, проявляя благоразумие, она

идет на поводу у графини.

Мисс Темпл подползла к боку графини, а потом, поколебавшись, привалилась к ней точно в такой же позе, поджала колени, уткнулась носом в затылок, пахнувший розовой водой и спиртом. Почувствовав ее прикосновение, графиня подалась навстречу мисс Темпл, и у той перехватило дыхание от этой близости, от прикосновения ягодиц под шелковым платьем к ее тазу. Графиня подвинулась еще ближе. Мисс Темпл инстинктивно чуть не отпрянула, хотя дрожь ее уменьшилась и было приятно чувствовать мягкие волосы у себя под щекой. По запаху спирта и розовой воды она поняла, что плечо с кровавой раной оказалось в считанных дюймах от ее носа. Ее вдруг обуяло желание прикоснуться к этой ране, даже — веки стали тяжелыми, мысли начали путаться — лизнуть рану языком. Но прежде чем она успела отчитать себя за эту мысль, графиня завела назад руку, пошарила в воздухе, ухватила мисс Темпл за запястье, подтащила ее руку к себе и засунула между грудей. Плотнo прижавшись к мисс Темпл — между ними больше не было руки, — графиня глубоко вздохнула. Мисс Темпл понятия не имела, что ей теперь делать. Она легонько сжала руку графини, та ответила ей тем же, два ее пальца проскользнули в неплотно сжатый кулачок Селесты. На мысли, что надо бы вернуться к своей бочке, мисс Темпл заснула.

Когда она открыла глаза, в вагон лился слабый свет — сквозь щели в стенах и дыры от сучков. Поезд стоял. Снаружи кто-то шел по гравию. Шаги удалились, последовал обмен криками, а потом поезд, скрежеща, медленно тронулся.

Мисс Темпл с ужасом поняла, что ее ладонь лежит на груди графини и рука женщины удерживает ее там. Она не шелохнулась. Сама ли она передвинула руку туда или это сделала графиня? Мисс Темпл, случалось, с любопытством (отвлеченным или не очень) прикасалась к собственным грудям, изумляясь их форме и чувствительности, думая о том, как же они ей докучают и как же они великолепны. Но груди графини были совсем другими — крупнее и на совсем ином теле, — и мисс Темпл сдерживалась изо всех сил, чтобы не сжать легонько пальцы. Она прикусила губу. Краем сознания она ощущала всепроникающее присутствие синей стеклянной книги, настойчивое и ядовитое, вызывающее непреодолимый зуд между ног (... обнаженная, в одной шубе на заднике саней... смесь крови и мускуса на губах... у нее в паху щекочат пером...), и она легонько, очень мягко, сжала пальцы, задержала дыхание, потом сжала еще раз; все ее тело налилось желанием.

Графиня сладострастно прижалась к ней бедрами. Мисс Темпл, вскрикнув, высвободила руку и села, а через мгновение уже укрылась за своей бочкой, сомкнув колени и разглаживая волосы. Когда уже не стало сил сдерживаться, она скользнула взглядом в сторону графини. Та приподнялась на локте, все еще отходя от сна, и улыбалась ей со слегка плотоядным выражением.

— Мы останавливались, — сказала мисс Темпл. — Понятия не имею где. Это вас разбудило?

— Видимо, — сказала графиня — пожалуй, с несколько наигранной сонливостью — и неторопливо поправила волосы. — Жутко, наверное, я выгляжу.

— Нет, — сказала мисс Темпл. — И я думаю, вы это знаете. Это я выгляжу жутко — волосы не завиты, руки в цыпках, лицо в царапинах, ссадинах и бог знает в чем... нет, я, конечно, не беспокоюсь.

— И верно — чего это вам беспокоиться?

— Именно, — фыркнула мисс Темпл, не понимая, что это ее вдруг так рассердило.

— Как вы спали?

— Отвратительно. Было ужасно холодно.

Женщина снова улыбнулась ей, и мисс Темпл повелительно кивнула на ее сумку.

— Так у вас найдется что-нибудь поесть?

— Возможно.

— Но лучше всего выпить чашечку чая.

— Вот тут ничем не могу помочь.

— Понимаю, — сказала мисс Темпл и заметила: — Некоторые предпочитают кофе.

— Я принадлежу к их числу.

— Он слишком горький.

Графиня оставила это без внимания и открыла сумку, но прежде чем достать что-либо, посмотрела на мисс Темпл.

— А что я получу за еду?

— А чего вы ждете?

— Ничего. В общем, я бы не стала полагаться на ваши обещания.

— Вижу, мы неплохо понимаем друг друга.

Прыснув со смеху, графиня извлекла из сумки два сушеных яблока и пирог с золотистой корочкой, завернутый в пропитанную жиром ткань. Одно яблоко она протянула мисс Темпл, потом взяла пирог, собираясь разломать его. Мисс Темпл решила было предложить ей нож и пошарила рукой за голенищем сапожка. Ножа не было. Она посмотрела на графиню, которая протягивала ей половину пирога.

— Не надейтесь найти там что-нибудь, кроме баранины, — сказала она. — Что-то случилось?

— Все в порядке, — ответила мисс Темпл, беря пирог. Кусочек корочки отвалился и упал ей на запястье. Она поднесла руку ко рту и, как лягушка, поймала ломтик языком. — Я вам признательна.

— Не стоит, — сказала графиня с набитым ртом; ее манеры оказались куда проще, чем ожидала мисс Темпл. — Мне совсем не хочется вспоминать о Карте, а тем более о тамошней еде. И еще мне не съесть больше половины этого пирога, да и вообще нет аппетита. А потому моя щедрость мне ничего не стоит.

Мисс Темпл не нашла, что ответить, и просто жевала. Несмотря ни на что, она хорошо отдохнула и стала крепче, чем день назад. Она вгрызлась в яблоко, найдя его жестковатым, но все же съедобным.

— Вы взяли мой нож, да?

— Вы всегда задаете вопросы, ответы на которые знаете?

— Просто даю вам понять, что мне это известно.

— Только идиот не заметил бы этого, Селеста.

— Наверное, я крепко спала.

— Как новорожденный котенок. — Графиня проглотила еще один кусок пирога. — Вы говорили про нашу остановку. Но это была уже третья — все остальные вы проспали.

— Вы мне его отдадите?

— Вряд ли.

Увидев, что ее попутчица рассержена, графиня подалась вперед.

— Поймите, Селеста, распороть вам горло мне было не труднее, чем погладить вас по головке. Но я не сделала этого. Потому что мы заключили соглашение.

— Но потом... когда мы доберемся до места...

— Там вы его тоже не получите. Кто знает, когда вам захочется распороть мое горло.

Мисс Темпл нахмурилась. До чего легко было представить их встречу — в городе, в вагоне поезда, на мраморной лестнице, — когда графиня всадит свой смертоносный сверкающий зубец в незащищенное лицо мисс Темпл. Могла бы она сделать то же самое, после того как прижималась в темноте к теплому, великолепному телу графини? Неужели ночные объятия могли что-то изменить между ними? Неужели не могли?

Мисс Темпл откашлялась.

— Если между нами установилось согласие, не расскажете ли об Элоизе? Вы ведь обещали.

— Что за скучные вопросы вы задаете.

— Вы убили ее?

— Нет. Миссис Дуджонг и некий молодой человек вошли в один дом в Карте — в дом, за которым я сама вела наблюдение.

— Зачем?

— Я потеряла кое-что.

— Но живший там мальчик был убит!

— Да, я знаю. Когда они вошли, я увидела военного — он крался по улице, наблюдал за ними. Я проскользнула вслед за военным в гостиницу, но не успела переговорить с хозяйкой, как он вернулся и стал нагло вести себя, задевая всех.

— А Элоиза?

— Раз она не вернулась в гостиницу с военным... вероятно, он ее убил. Или ее убил Франсис... Или случилось что-то еще.

— Как так — что-то еще?

— И снова, Селеста: если бы вы хоть немного думали, прежде чем задавать вопрос...

— Ксонк знает ее?

— Конечно. Элоиза — наперсница его сестры.

— Она мне ничего такого не говорила! — Мисс Темпл в сомнении шмыгнула носом. — Франсис Ксонк...

— Но в этом-то и вся прелесть! — воскликнула графиня. — Она и сама не знает!

— Чего не знает?

— Что уже принадлежит ему!

Мисс Темпл вспомнила о нежелании Элоизы объяснять, почему исчезли Чань и доктор, о ее нежелании вообще что-нибудь объяснять. Но Франсис Ксонк?... Мисс Темпл пришла в смятение.

— Но что с ней случилось?

— Понятия не имею, — сказала графиня. — Добравшись до станции, я постаралась наделать побольше шума, чтобы затруднить Франсису передвижение, и нашла где спрятаться. Кажется, снаружи раздавались крики — я в это время заметала свои следы с помощью рыбьего жира.

— Никогда бы не подумала, что вы можете его бояться, — рассудительно заметила мисс Темпл.

— Я и не боюсь, — многозначительно ответила графиня. — Но он очень опасен, и в Карте я никак не могу противостоять ему. В городе — другое дело. Совершенно точно.

Графиня лениво похлопала по своей сумке, потом спохватилась, увидев, что мисс Темпл это заметила. Та удовлетворенно усмехнулась и кивнула на закрытую дверь вагона.

— Если мы останавливались три раза, то вы знаете, где мы? Или который час? — спросила она.

— Знаю, — ответила графиня, — и не вижу смысла говорить вам. Но до чего очаровательно вы спали.

Графиня положила остатки пирога на пол, задрала подол и вытерла руки о нижние юбки, потом одернула платье, возвращая подол на место, и на четвереньках решительно направилась к мисс Темпл. Они оказались чуть ли не нос к носу. Мисс Темпл проглотила слюну, почувствовав страх — но совсем не такой, как ночью. Графиня стала ей понятнее... женщина, которая ест и спит, зевает и в ненасытном вожделии подтягивает ноги к животу... из-за этого она казалась еще чудовищнее. Мисс Темпл не могла понять, почему она сама еще жива, несмотря на все сказанное графиней... ведь была... графиня отводила ей какую-то роль. Разве могло быть другое объяснение?

— Дело в том... что я хорошо выспалась. Уже не чувствую усталости... да и плечо больше не мешает двигаться... и я благодарна вам... за помощь.

Графиня слизнула последнюю крошку пирога с уголка своего темного рта.

— Не стоит беспокоиться, — выдавила мисс Темпл.

— А я и не беспокоюсь. Хотя и недоумеваю... не могу понять, что у вас на уме.

— У меня? — прошептала мисс Темпл. — Ничего.

— Ну-ну. Наше совместное путешествие — лишь передышка, а за дверями вагона мы снова станем пламенно враждовать. Вообще-то вам повезло, что наткнулись именно на меня, а не на моих компаньонов. Я... эксцентрична. Однажды я помогла доктору спасти принца, только чтобы сбить с толку графа. Я лгала Франсису — боже, как он злился, — и, конечно, я со всеми потрохами предала лорда Вандаариффа. Поэтому я пообещала не убивать вас во сне вовсе из щепетильности. Как я уже сказала... я любопытствую.

— Насчет чего?

— Насчет вас, конечно.

Графиня еще ближе придвинула лицо к лицу мисс Темпл, чуть не уткнувшись носом в ее кудряшки, и сделала вдох. Мисс Темпл не решалась посмотреть ей в глаза, но не отрывала взгляда от бледного горла графини; две верхние пуговицы на ее платье по-прежнему были расстегнуты. Странные воспоминания оживали в мозгу Селесты, проталкивались вперед, светили своими предательскими лучами сквозь каждую трещинку в ее решимости.

— Вас, наверное, пожирают желания, — прошептала графиня. — Книга, в которой вы чуть не утонули... Я знаю, она преследует вас, Селеста. Это была моя книга, и я знаю, что в ней содержалось... все, что теперь, наверное, терзает вас... это была моя придумка, моя ловушка. Наверняка вы даже сейчас боретесь с ней. Вы дрожите... боитесь, что я вас укушу?

Графиня так и сделала — легонько укусила мисс Темпл в щеку. Та вскрикнула. Рассмеявшись, графиня разжала зубы, а потом лизнула покрасневшее от укуса место.

— Все это может закончиться для вас, Селеста. Роджер мертв — вы ему отомстили. Как вы сами сказали на крыше дирижабля, мой план погублен. Макленбург недостижим — ведь принц и Лидия мертвы, никакого брака не будет. А все деньги и земли недостижимы для меня — они останутся у лорда Вандаариффа... но лорд, несомненно, в сумасшедшем доме...

Она снова куснула мисс Темпл за щеку, а потом впиалась ей в губы, проникнув языком в рот, — что за наслаждение! Мисс Темпл застонала. Графиня отпрянула — ее дыхание тоже чуточку участилось — и продолжила, словно и не прерывалась:

— Вы можете вернуться в свой отель, к поискам мужа, а потом — к себе на островок...

зачем нам двоим... воевать друг с другом...

Графиня изобразила еще один поцелуй и улыбнулась, видя нерешительность мисс Темпл — та не знала, открыть ей рот или отвернуться.

— Прекратите это, — прошептала мисс Темпл.

— Прекратить что? — спросила графиня, снова впиваясь ей в губы.

На этот раз мисс Темпл просунула язык в рот графини и сжала пальцы в кулаки — так сильно было желание обнять женщину. Голова ее кружилась, чувства подпитывались множеством вспыхивающих воспоминаний. Оставалось непонятным, какую часть ощущений породила книга, а какую — графиня. Впрочем, разве это имело значение? Все равно эта женщина подчинила ее. Графиня отпрянула, а потом, подавшись вперед, поцеловала мисс Темпл в третий раз. Чтобы не потерять равновесие, та левой рукой уперлась во что-то, а правую выкинула вперед, отталкивая женщину. Ладонь ощутила корсет под дешевым шелковым платьем, скользнула ниже, к мягкому округлому бедру, пальцы сами собой стиснули плоть. Графиня оторвалась от мисс Темпл и куснула ее в подбородок.

— Прекратите...

— Я вам не верю, — выдохнула графиня в шею мисс Темпл.

— Это все ваши козни, — прошептала та, заставляя себя повернуть голову и давая графининому языку еще больше свободы. — Ваши интриги... будьте довольны тем, что остались в живых...

— Что?!

— Вы тронули мою душу порчей...

— Ничего подобного... вы такой и были...

— Они вас убьют, если вы не исчезнете.

— Кто убьет?

— Кардинал Чань... доктор...

— Эти герои... а вы, Селеста?

— Я бы сама убила вас...

— Ах, как это смело... как принципиально.

Эти слова не прозвучали комплиментом. Мисс Темпл все еще учащенно дышала — когда это графиня успела всунуть колено ей между ног?

— Такие принципы показывают, как много вы понимаете... — Графиня усеяла подбородок мисс Темпл множеством коротких смелых поцелуев. — И как мало... отрадное свойство, когда обнаруживаешь его во враге.

— Я и есть ваш враг. — Мисс Темпл терлась о жесткое колено графини.

— И всегда им были, дорогая.

— Почему же вы не убили меня?

— Даже я не могу быть одновременно в нескольких местах.

Язык мисс Темпл снова заметался в теплом, влажном рту графини — и, как ни удивительно, та укусила ее за нос. Зуд в промежности, лицо наверняка залито краской... и невозможно дышать! Мисс Темпл попыталась осторожно передвинуть руку графини, но обнаружила, что ее собственная пригвождена локтем женщины. Она попробовала отвернуться, но локоть не шелохнулся. Мисс Темпл выгнула спину и попыталась укусить язык графини, но та другой рукой уперлась снизу ей в челюсть. Мисс Темпл заколотила ногами, хлестнула графиню по лицу, ухватила за волосы. Та не шевельнулась, ее мягкие губы плотно присосались ко рту мисс Темпл, словно устрица — к камню. Голова у мисс Темпл

закружилась, страх охватил ее, мысли смешались. Она оттолкнулась от графини что было сил, но безуспешно. Пришла последняя отчаянная мысль, что именно такого конца она и заслуживает. И мисс Темпл потеряла сознание.

* * *

Открыв глаза, мисс Темпл поняла, что поезд стоит, а графиня исчезла. Она попыталась встать, но обнаружила, что пришили к деревянному полу — ее собственный нож пригвоздил к полу платье ровно там, где расходятся ноги. Мисс Темпл обеими руками вытащила его, фыркнув при мысли о том, что графиня, верно, сочла это хорошей шуткой. Нож вернулся на свое место — за голенище сапожка. Мисс Темпл подползла к двери вагона и, навалившись обеими руками, сдвинула ее дюйма на три, чтобы выглянуть наружу.

Перед ней расстилалась покрытая папоротником болотистая равнина, идеально подходящая для прокладки каналов. Она вспомнила о загородном доме Элоизиного дядюшки и рассердилась на себя, что слушала невнимательно, — дом явно располагался где-то неподалеку. Элоиза говорила про парк... Как там его? Парчфелдт! Возникла мысль о том, чтобы спрыгнуть с поезда, в слабой надежде, что кто-то (его еще нужно было найти) расскажет, как попасть в Парчфелдт. Нет, нелепая мысль. Мисс Темпл осела, прислонившись спиной к стене. Совесть горела от воспоминаний о том, как она вела себя в вагоне (от решения спать рядом с графиней до той унижительной схватки).

Если она вдруг найдет Чаня и Свенсона, то что расскажет им? О собственных слабостях? О том, как потеряла Элоизу. Где она найдет своих друзей? Она не знала, где искать Парчфелдт. Она не знала, в чем смысл послания Чаня. «Божье время» — это же тайное название игорного клуба или борделя!

В ее сердце звучали слова графини. Мисс Темпл могла бы покончить со своими приключениями, удовольствоваться тем, что она отомстила и выжила. Она могла бы вернуться к прежней жизни, усвоив этот урок и сохранив в доказательство тому несколько драгоценных шрамов. Но тут она плотно сжала ноги, вздрогнув при воспоминании о прикосновениях графини, и с чувством мучительного стыда подтянула колени к груди.

Наконец поезд тронулся. Мисс Темпл свернулась калачиком и легла на бок, хотя отдых ее был беспокойным и не принес облегчения.

Мисс Темпл проснулась от свистков и шума других поездов, разгладила на себе платье, вытерла лицо и проверила, на месте ли нож. Они въехали в туннель перед вокзалом Строппинг. Поезд замедлил ход, и пополз невозможно медленно, и наконец остановился. Мисс Темпл решительно навалилась на дверь, через сколько-то секунд открыла ее, оттолкнулась и, охнув, приземлилась на черном от сажи гравии. Потом по-крабьи, головой вперед, метнулась под вагон стоящего рядом поезда, вылезла, никем не замеченная, с другой стороны и поспешно двинулась к главному залу.

Она все еще не решила, куда идти. Было столько важных задач: найти отель, перевести деньги из ее банка, купить новую одежду, новую сумочку от Несбита, нижнее белье от Клошона, платье от месье Массе (тот знает ее размеры, и на его скромность можно положиться), но прежде всего — горячая ванна с розмариновым маслом.

Мисс Темпл нырнула между двумя вагонами. Впереди из-под вагона вылез кто-то в длинном плаще с капюшоном: он явно ехал тем же поездом. Человек с капюшоном

помедлил — путь к забитому толпой пространству перед перронами был перекрыт двумя мужчинами в длинных черных плащах и котелках, за спинами которых виднелись четыре солдата в красных мундирах. Двое в черном очень напоминали Роджера, то есть государственных чиновников. Мрачно глядя вдоль путей, они не видели, однако, ни человека в плаще, ни мисс Темпл. Пожав плечами — мол, все понятно, — оба пошли прочь и исчезли из виду. Солдаты замаршировали в ногу следом за ними. Человек в капюшоне тенью двинулся вперед, держась поближе к вагонам.

Мисс Темпл стремглав бросилась за незнакомцем, добралась до того места, где он только что прятался, и сморщила нос от зловония синей глины. Она шла по следам Франсиса Ксонка. Но почему Ксонк прятался от чиновников и солдат — своих союзников? В душе неожиданно забрезжила надежда. Вдруг правительство взялось за заговорщиков?

Но потом мисс Темпл горько вздохнула. Знать бы, где искать Чаня и Свенсона! Тогда можно удовлетвориться созерцанием Ксонка и направиться прямо в отель, в «Бикон» или — ее сердце забилося чуть сильнее — в «Анберн-Хаус» с его несравненным чаем. Но где их искать, мисс Темпл не знала.

Ксонк устремился в ярко освещенный главный зал и исчез. Мисс Темпл достала нож и, стараясь не выставлять его в открытую, бросилась за Ксонком.

Громадные часы с ангелами по бокам, висевшие в зале гнетущим напоминанием о всеобщей греховности, показывали, что до полудня оставались считанные минуты. Отвернувшись от недобрых ангелов, мисс Темпл поняла: на вокзале что-то изменилось. Толпы людей курсировали между высокими лестницами, билетными кассами и разными платформами, около разбросанных повсюду магазинчиков и киосков собирались небольшие стайки... но их прежде свободное движение теперь направлялось армией железнодорожных констеблей в коричневой форме. Что случилось? Пассажиры походили на строптивых овец, погоняемых собаками. Протестующих отгаскивали в сторону и грубо уводили прочь... военным дали власть над приличными, светскими людьми! Что случилось — столкновение поездов или другая катастрофа? Или бунт на одном из заводов? В киосках и магазинчиках за каждой покупкой наблюдали констебли, даже небольшим группкам не давали долго стоять на одном месте. Повсюду виднелись яркие алые пятна — драгуны в мундирах, и каждый отряд сопровождали люди в черных чиновничьих одеждах. Они поглядывали вдоль путей, когда прибывал или уходил поезд. Все они явно искали кого-то и уделяли особое внимание платформам, куда прибывали поезда с севера — состав из Карта был в их числе.

Франсис Ксонк протиснулся между двумя спорящими констеблями и, пригнувшись, затесался в толпу ожидающих. Мисс Темпл бросилась следом за ним, проталкиваясь между сумками, локтями, колкими зонтиками и тростями — грозой лодыжек. Наконец она уперлась в спину какого-то пожилого джентльмена, подняла глаза, чтобы извиниться, и увидела, что лицо того перекошено от отвращения. Подпрыгнув, она увидела черный капюшон Ксонка — теперь Франсис двигался в другом направлении.

Быстро приняв решение, мисс Темпл присоединилась к школьникам во главе с суровыми учителями — их пропускали без всяких разговоров. Когда один из школьников с любопытством повернулся к мисс Темпл, она властно прошипела: «Не верти головой!» — и мальчишка мигом подчинился. Внезапно Ксонк оказался прямо перед ней — ждал удобного момента, чтобы просочиться между патрулями. Со спины хорошо было видно, как он громаден, сразу же вспомнились его убийственные движения... что-то роднило Ксонка с Чанем. Конечно, Франсис был самодовольным денди, гнусным вампиром, ну а Чань... этот

его нарочитый красный плащ... да и характер прескверный. Он ведь бросил их — разве нет?

Ксонк метнулся вперед. По обеим сторонам платформы, у ее оконечности, стояли люди в черных плащах и драгуны, но Ксонк ловко проскочил мимо них, к гравийной дорожке возле пыхтящего в ожидании поезда. Мисс Темпл кинулась следом, но Ксонк, не оглядываясь, быстро шел к самому дальнему вагону. Он вытянул голову, разглядывая впереди стоящий тендер — нет ли там железнодорожников (мисс Темпл, почувствовав опасность, распростерлась на земле), — потом посмотрел назад. Когда мисс Темпл снова подняла взгляд, Ксонк вскарабкался до окна странной формы, вероятно принадлежавшего уборной. Мисс Темпл подобралась ближе. Окно никак не хотело открываться, Ксонк надавил еще раз, ударил по раме кулаком, попытался ухватиться за окно обеими руками, но потерял равновесие и с недовольным ворчанием свалился на землю. После этого он забросил свой плащ на плечо, и мисс Темпл разглядела висевший на правой руке тяжелый холщовый мешок — сама рука была в гипсе. Положив мешок на камни, Ксонк снова вскарабкался к окну и принялся колотить по защелке больной рукой, другой толкая раму.

Мисс Темпл бросилась по гравийной дорожке тихо, как кошка. Ксонк ее не заметил. Без колебаний схватив мешок, она побежала прочь.

Тяжелый мешок молотил по ногам. Мисс Темпл и пяти ярдов не успела пробежать, как услышала рев Ксонка, а потом тяжелый топот. От страха у нее чуть волосы не встали дыбом. У платформы стоял человек в черном плаще с тремя солдатами, никто из них не смотрел в сторону мисс Темпл. Та издала высокий беспомощный вопль, рванулась в сторону и услышала, как Ксонк — уже совсем рядом с ней — побежал в том же направлении. Она вскрикнула снова, и идиоты на платформе наконец-то повернули головы. Чиновник в черном уставился на нее и наконец отдал приказ солдатам. Обнажив сабли, драгуны последовали за ним. Мисс Темпл вскрикнула в третий раз и бросилась в объятия чиновника, отчего тот отлетел на два шага назад, в то время как солдаты продвинулись вперед. Тяжело дыша, она повернула голову — Франсис Ксонк исчез.

Двое солдат направились вдоль поездов, заглядывая под каждый вагон. Третий остался на страже, держа в руках обнаженную саблю. Человек в черном плаще сочувственно посмотрел на мисс Темпл. Тонколицый, он носил нафабранные черные усы и баки, великоватые для такого лица.

— Он преследовал меня, — выдохнула мисс Темпл.

— Кто вас преследовал, дитя? Кто?

— Не знаю! — воскликнула мисс Темпл. — Он так зловеще выглядел. И так мерзко пах!

— Она говорит про запах! — крикнул чиновник драгунам.

Оба солдата наклонились и стали принюхиваться, словно речь шла о чем-то обычном.

— Точно, сэр! — отозвался один из них. — Кордит и тление — как нам и говорили!

Человек в черном плаще приподнял голову мисс Темпл за подбородок, и ей это отнюдь не понравилось.

— Как вас зовут?

— Мисс Изобела Гастингс.

— А чего это вы бегаєте между поездами, мисс Гастингс?

— Я вовсе не собиралась бегать между поездами, поверьте мне. Меня преследовали. И я вам так признательна.

— Что у вас в мешке?

— Только мой ужин. Я собиралась ехать до Ка-Руж — там меня ждет тетушка.

— До самого Ка-Руж?

— Ну да, — сказала мисс Темпл, приподнимая мешок, — а потому и взяла еды на два раза. Пирог со свининой, кусочек желтого сыра и баночка маринованной свеклы...

— Ка-Руж — это на юге, — снисходительно пояснил человек. — А эти поезда идут в восточном направлении.

— Правда? — спросила мисс Темпл, недоумевая, почему Франсис Ксонк просто не вышел в город.

Человек обратился к стоявшему рядом солдату:

— Верни их. Я должен доложить о происшествии. — Он положил руку на плечо мисс Темпл. — Мисс Гастингс, я отниму у вас еще немного времени.

Ее провели к отряду покрупнее, с двумя чиновниками вместо одного. Тонколицею, как выяснилось, звали «мистер Соумс». Он вернулся заметно помрачневшим, крепко взяв мисс Темпл за руку, повел к большой лестнице. Она хотела сообщить, что вполне способна идти и без этого, и чуть не вырвала руку. Но в этот момент они проходили мимо лавки, продававшей шляпы и шарфы забывчивым путешественникам, — то есть мимо лавки с зеркалом. Потрясенная, мисс Темпл осознала, что этот прямоугольник перед ней — зеркало, а она видела в нем себя и даже не узнала. Ужасно! Каждая часть ее тела принадлежала кому-то другому: великолепные волосы спутались и торчали, как пакля, платье было простеньким, старомодным и грязным, сапожки потрескались и поизносились, на коже виднелись потеки грязи, царапины и синяки, даже мешок в руке говорил о бедности и незащитности. Впервые в жизни облик мисс Темпл от нее не зависел. В глазах мира она отныне принадлежала к давно и хорошо известной породе женщин (ничего не стоящих, бедных, не заслуживающих доверия) и потому целиком была выдана на милость таких, как Соумс.

Они добрались до лестницы — солдаты шли следом — и начали подниматься. Неужели она спаслась от врагов только для того, чтобы предстать перед безликим, суровым законом? Мисс Темпл напрасно смотрела вниз — змеиные кольца очереди за билетами, толпы у каждой платформы, скопление народа под часами... под часами... Сердце мисс Темпл вдруг тревожно ёкнуло. Божье время! Под часами с ангелами по бокам стоял высокий, худощавый человек в красном, неподвижный среди текущей мимо толпы: Кардинал Чань. Как она не заметила его раньше?! Соумс дернул ее за руку, и мисс Темпл споткнулась. Вот наконец и верхняя ступенька. Она снова оглянулась, но солдаты загораживали вид на первый этаж. Чаня уже не было.

В кэб с ней сел только Соумс и тут же нетерпеливо постучал костяшками пальцев в крышу: мол, поехали.

Куда мы едем? — спросила мисс Темпл, прижимая к себе мешок.

Выглядел Соумс вполне прилично. Котелок лежал рядом с ним на сиденье, посередине темных волос белел пробор, бриолином он пользовался в меру, на хорошо скроенном плаще не виднелось ни пятнышка.

Вы знаете человека, который преследовал вас?

— В первый раз видела — он выскочил так неожиданно, и я вам уже говорила: от него так ужасно пахло...

— Между путями.

— Что-что?

— Между путями, — повторил Соумс. — Это не самое безопасное место — порядочную даму встретить там никак не ожидаешь.

— Я же вам сказала — он меня преследовал, загнал туда.

Эти слова заставили Соумса предостерегающе поднять бровь.

— Интересующего нас человека разыскивают по заданию высших властей, — заявил чиновник. — Он опасный предатель.

— А вы из какого министерства?

— Что, простите?

— Я знакома со многими в Министерстве иностранных дел...

— Вот вам совет, мисс Гастингс: умная шлюшка держит язык за зубами... и остается живых.

Мисс Темпл была ошарашена. Соумс внимательно посмотрел на ошеломленную женщину, словно принимая решение, а потом откинулся к спинке и небрежно устался в окно, будто сказанное им не имело ни малейшего значения.

— Я недавно получил повышение, — шмыгнув носом, сообщил Соумс. — Меня откомандировали в Тайный совет.

Он что — прямо здесь и сейчас собирается сделать ей предложение? Соумс стащил с себя перчатки — по очереди с каждого пальца, словно занимаясь чем-то очень серьезным, а потом сцепил руки у себя на коленях.

— Это дело ничуть не похоже на те, к которым вы привыкли, — сказал он со снисходительной улыбкой. — Девушке так легко ввязаться в историю, которая выше ее понимания... так легко потеряться, если у нее нет союзника...

Его прервал крик снаружи. Кэб накренился и резко остановился. Прежде чем Соумс успел обратиться к кучеру, тот сам заявил о себе потоком ругательств, в ответ на который тут же раздались крики с улицы.

— Что такое? — спросила мисс Темпл.

— Ничего серьезного... агитаторы... бунтовщики...

— Где мы?

Соумс не ответил, потому что до них донесся резкий голос драгуна, сидевшего рядом с кучером, — он кричал на того, кто мешал проезду кэба. Соумс ждал — на улице продолжалось препирательство, — и наконец кэб снова тронулся. Соумс с разочарованным вздохом откинулся к спинке, потом задернул занавеску на маленьком окошке — по обеим сторонам улицы выстроились кричащие, недовольные люди.

— Не обращайтесь внимания, — пробормотал он, — весь этот сброд скоро поставят на место.

— Как и следует, — сказала мисс Темпл, потом улыбнулась. — Тайный совет! Боже мой, возможно, вы знаете, жив ли герцог Сталмерский.

Соумс что-то возмущенно пробормотал и ухватился за ручку двери, чтобы не свалиться на бок при слишком крутом повороте.

— Конечно жив!

— Вы уверены?

— Он возглавляет Тайный совет!

— А полковник Аспич? — спросила мисс Темпл.

— Полковник Аспич?! — воскликнул Соумс. — Господи милостивый, кто просвещал вас в материях, не имеющих к вам никакого отношения?!

Чиновник подался вперед. Мисс Темпл с опаской подумала, что он сейчас ударит ее, а то и еще чего хуже. Она посмотрела на мистера Соумса и с надеждой захлопала глазами.

— Я буду рада ответить на ваши вопросы, мистер Соумс, но вы сами видите, что я устала и — что скрывать? — не в лучшем виде. У меня есть отличное предложение, которое устроит нас обоих. Если вы меня высадите у Серкус-Гарден, я вам буду весьма признательна. А завтра, когда я отдохну и приведу себя в порядок, мы сможем поговорить. Я так испугалась, спасаясь от этого типа, что у меня нервы сдали...

Не могу пойти вам навстречу. — В его голосе отчетливо слышалась нотка удовольствия. — Любое лицо, имевшее контакты с предателями, должно быть доставлено для допроса.

С предателями? — переспросила мисс Темпл. — Вы говорили только об одном.

— Это не ваше дело.

— Как же не мое, если вы задерживаете меня?

— А чего вы хотите? — ответил Соумс. — Вы явно знаете больше, чем говорите!

— Говорю? Да вы у меня ничего и не спросили!

— Я буду спрашивать так, как угодно мне!

— Вам явно нравится тратить попусту мое время, — пробормотала мисс Темпл.

Кэб остановился, и вызывающий ответ Соумса не прозвучал. Сквозь маленькое окошко мисс Темпл не видела почти ничего, кроме белого кирпичного забора высотой по пояс человеку. За ним высилась старая, проплесневевшая живая изгородь, которая закрывала небо. Соумс потянулся к ручке двери.

— У вас был шанс. Теперь посмотрим, как вы будете отвечать высоким особам...

Но вместо того чтобы открыть дверь, Соумс выдохнул со странным хрипом; веки его затрепетали, глаза закатились. Потом веки перестали дрожать, и он очень медленно повернулся к женщине. Челюсть у него отвисла. Мисс Темпл отодвинулась в дальний угол.

— Мистер Соумс? — прошептала она.

Он, казалось, не слышал ее. Кэб качнулся — это спрыгнул на землю драгун, послышались его шаги по мостовой. Потом словно кончик иглы вошел ей под кожу: взгляд Соумса сфокусировался... он увидел ее...

Соумс потряс головой и с трудом проглотил слюну, шлепая губами, словно собака, в чью пасть залетела пчела. Распахнув дверь, он вышел на улицу и повернулся, чтобы взять женщину за руку.

— Сюда, мисс Гастингс. — Он откашлялся и добродушно улыбнулся. — Так будет лучше. Хорошие манеры — это всегда лучше...

Он не отпускал ее руку, пока они шли к небольшой открытой калитке в стене. По пути появились еще два человека. На них были такие же плащи, как на Соумсе.

— Мистер Фелпс, — поклонился Соумс.

Мистер Фелпс, в плаще, накинутом на одно плечо, проигнорировал Соумса. Вместо этого он с тревогой на лице поймал взгляд мисс Темпл, словно та своим существованием подтверждала, что мир — вместилище скорбей. Волосы у него были зачесаны вперед на старомодный манер, а правая рука, как и у Ксонка, почему-то была закатана в гипс от запястья до локтя.

— Что это за мешок? — Голос у Фелпса был хриловатый и высокий, словно небольшого животного.

— Там ее ужин, — ответил Соумс.

— Дайте мешок мне.

Соумс потянулся к холщовому мешку. Мисс Темпл знала, что против стольких

противников ей не устоять, и отпустила мешок. Фелпс не стал заглядывать внутрь, да, похоже, и не хотел, а просто набросил лямку на загипсованную руку. Не говоря больше ни слова, он провел их через плохо выстриженную арку в живой изгороди. За аркой оказался дворик с заросшим прудом, посреди которого возвышался неработающий фонтан — каменная статуя обнаженного юноши со сломанными руками. Из рта юноши торчала проржавевшая труба.

По другую сторону дворика тоже виднелась живая изгородь с аркой, которая вела к тяжелой деревянной двери с зарешеченным окошком. Третий спутник мисс Темпл достал металлический ключ и отпер дверь. Они оказались в темном, влажном каменном коридоре с низким потолком. Дверь снова заперли на ключ, драгуны остались снаружи.

Сквозь зарешеченные овальные окна падали узкие полоски света, шаги гулким эхом отдавались от каменного пола. Еще одна деревянная дверь, еще один ключ. Фелпс жестом велел мисс Темпл войти в комнату. Светлые оштукатуренные стены, пол без ковра, два простых деревянных стула и выдавший виды дощатый стол.

— Хотите чего-нибудь, пока будете ждать? — спросил Фелпс. — Чаю?

— Буду весьма признательна.

Она заметила, что Соумс проглотил какое-то замечание, видя, что третий тут же ретировался. Мисс Темпл заметила это — маленькая радость, позволившая ей войти в комнату с высоко поднятой головой. К ее удивлению, дверь за нею не заперли.

— Проходите и садитесь. — Фелпс растопыренными розовыми пальцами показал на ближайший стул.

Мисс Темпл не шелохнулась. Фелпс вошел в комнату.

— Я понимаю, все это слишком необычно. Вам нет нужды бояться.

— Я и не боюсь, — возразила мисс Темпл.

Чиновник посмотрел на нее так, будто ждал еще каких-то слов. Но мисс Темпл больше ничего не сказала — все-таки ей было страшновато. Фелпс повернулся к Соумсу.

— Как вас зовут — еще раз?

— Соумс. Джозеф Соумс. Я состою при лорде Актоне для особых поручений.

— Соумс, — повторил Фелпс, чтобы лучше запомнить. — Не узнаете ли вы, где чай для этой женщины?

Звук шагов Соумса затих в коридоре. Фелпс вытащил из кармана черную кожаную перчатку. Не сводя глаз с лица мисс Темпл (сохранявшего нарочито вежливое выражение), он натянул перчатку на незагипсованную руку, осторожно открыл мешок и, словно кобру, вытащил блестящую книгу синего стекла. Положив ее на стол, Фелпс отошел на два шага и снял перчатку.

— Как вас зовут — еще раз? — спросил он демонстративно безразличным тоном. — Такое чувство, что я видел вас прежде.

— Изобела Гастингс. Позвольте узнать, что с вашей рукой.

— Она сломана, — сказал Фелпс.

— Вам было больно?

— Было. И довольно сильно.

— А теперь?

— Только когда пытаюсь уснуть.

— Вы знаете, у меня то же несчастье — не спишь, бывает, всю ночь, ворочаешься, и больной зуб чуть ли не становится с кулак — столько он места занимает в мыслях. А как же

вы ее сломали?

— Ее мне сломал один немецкий доктор в месте под названием Тарр-Манор. Вам оно не знакомо?

— А должно быть знакомо?

— Ни в коем случае. Я просто убиваю время.

Мисс Темпл устроилась на одном из стульев — ей надоело стоять, словно служанке, а кроме того, так было сподручнее извлечь нож.

— Да уж, от немцев нужно держаться подальше, — заметила она. — Скажите, я ваша пленница?

— Я вам сообщу, как только сам узнаю.

Соумс вернулся один, с металлическим подносом, на котором стояли чайник, стопка чашек без блюдца, кувшинчик с молоком (и ни одного пирожного, с горечью отметила мисс Темпл). Соумс резко остановился в дверях, впившись взглядом в книгу на столе, потом взял себя в руки и повернулся к Фелпсу, вопросительно поднимая поднос: куда поставить, ведь стол занят? Фелпс пренебрежительно показал на пол. Поставив поднос, Соумс присел на колени, налил чаю, вопросительно поглядел на мисс Темпл — нужно ли молоко? — и налил молока в ответ на ее кивок. Затем он подал ей чашку, вернулся к подносу и посмотрел на Фелпса. Тот нетерпеливо тряхнул головой. Соумс кинул взгляд на чашку, раздумывая, стоит ли после неодобрительного жеста Фелпса налить чаю и себе, но потом сцепил руки за спиной и уставился на мисс Темпл. Та держала на коленях горячую чашку и весело улыбалась ему.

— Мы только что обсуждали, как боль может заполнять все мысли...

Речь Фелпса прервалась громким стуком — нога мистера Соумса ударила по чайнику, разметав содержимое подноса. Ноги у него подкосились, лицо стало пустым, как тогда в кэбе, руки безвольно повисли. Мисс Темпл посмотрела на Фелпса, но тот уже бросился к двери. Захлопнув ее, он повернул ключ в замке. Рука мисс Темпл потянулась к сапожку. Соумс моргнул и наклонил голову, внимательно наблюдая за ней и часто мигая.

— Селеста Темпл. — Голос его превратился в неприятное ровное шипение.

— Мистер Соумс?

— Мистер Соумс тут ни при чем, — прошептал Фелпс. — Если вам дорога жизнь, отвечайте на все вопросы.

Соумс растянул губы в неестественной улыбке, напоминая обезьяну в клетке.

— Где она, Селеста? Где остальные?

Лишь очень немногие могли позволить себе такое обращение, а тех, кому позволила бы она сама, было и того меньше — пять-шесть человек за всю ее жизнь. Соумса среди этих избранных не было. И вовсе не Соумс — если трезво смотреть на вещи — беспокоил ее и вызывал отвращение.

Фелпс откашлялся. Мисс Темпл взглянула на него.

— Вы должны отвечать.

Соумс пристально смотрел на нее, в уголках его рта появилась пена.

— «Остальные»? Кого вы имеете в виду?

— Вы знаете, о чем я, — прошипел Соумс.

Мисс Темпл с опаской перевела взгляд на Фелпса, но тот словно разрывался — его снедали неловкость и любопытство одновременно.

Мисс Темпл через силу пожала плечами и залепетала как можно более беспечно:

— Ну, все зависит от того, откуда начать... не знаю, что вам известно о событиях в Харшморте, но на дирижабле почти все погибли, а сам дирижабль с книгами, механизмами и почти со всеми пассажирами ушел на дно. Принц, миссис Стерн, доктор Лоренц, мисс Вандаарифф, Роджер Баскомб, Гаральд Граббе, граф д'Орканц — я собственными глазами видела, как они погибли...

— Франсис Ксонк все еще жив, — зло проговорил Соумс. — Вы были с ним. Вас видели.

Мисс Темпл ощутила ледяное синее давление на свою черепную коробку — давление, переходящее в боль.

— Он был в Карте, — пропищала она. — Я видела, как он сошел с поезда, и последовала за ним.

— И куда он пошел?

— Не знаю — он исчез! Я взяла его книгу и убежала!

— А где графиня? — спросил Соумс. — Что она собирается делать?

— Не могу сказать... ее тела так и не нашли...

— Не лгите. Я ее чувствую.

— Значит, вам известно больше, чем мне.

Соумс щелкнул пальцами.

— Я вижу ее рядом с вами, — прошептал он. — Я чувствую ее... на ваших губах.

— Что-что? — сказала мисс Темпл.

— Ну, скажите, что я ошибаюсь, — проскрипел Соумс.

Фелпс подошел к Соумсу, положил руку ему на лоб, а потом — не без отвращения — приподнял веко на левом глазу. Глазной белок сделался молочно-синим, и эта синева тут же затянула карий зрачок.

— У нас мало времени, — прошептал Фелпс.

— Где графиня?! — прокричал Соумс.

— Не знаю! — гнула свое мисс Темпл. — Была в поезде, но сошла где-то ночью.

— Где?

— Не знаю!

— Прочесать всю линию! — пролаял Соумс Фелпсу. — Всех ваших людей — к каналам!

Она где-то у каналов!

— Но если это был Франсис Ксонк... — начал было Фелпс.

— Конечно Ксонк, — проскрежетал Соумс.

— ... то мы, безусловно, должны продолжить поиски...

— Конечно! — Соумс хрипло закашлялся, выплевывая слюну себе на подбородок и усы, и снова повернулся к мисс Темпл. — Книга Ксонка, — просипел он. — Почему вы ее взяли?

— А почему бы мне было не взять? — ответила мисс Темпл.

Соумс снова закашлялся. Его глаза стали почти совсем синими.

— Отведите ее наверх, — прохрипел он. — Этот истрачен.

В мгновение ока — словно задули свечу — существо, обитавшее в Соумсе, исчезло. Он рухнул на пол и замер, дыша, как рыба, брошенная на дно лодки, его мертвенный хрип наполнял комнату. Мисс Темпл посмотрела на Фелпса.

— Я провожу вас в покои его светлости, — сказал он.

За дверью ждали двое слуг со швабрами и бутылками.

— Разберитесь с джентльменом, — приказал им Фелпс. — И обязательно протрите все

уксусом.

Взяв мисс Темпл за руку, Фелпс повел ее по коридору. Она стреляла глазами в каждую дверь и каждый альков. Фелпс тихонько откашлялся.

— Пытаться бежать бесполезно. Как и рассчитывать на оружие в вашем сапожке. При малейшей — запомните, малейшей — провокации вы подвергнетесь захвату. Последствия вы только что наблюдали.

Говорил он жестко, но мисс Темпл отчетливо поняла, что мистер Фелпс тоже считает себя пленником, ежеминутно думая: когда я стану расходным материалом подобно Соумсу?

— Вы не скажете, где мы? — спросила она.

— В Сталмер-хаусе, конечно.

Мисс Темпл это было совсем не очевидно. Сталмер-хаус, старинный особняк, располагался между зданиями министерств и дворцом, соединявшимися посредством анфилады его гостиных — этакая соединительная труба с роскошной лепниной. И еще, как полагала Селеста, здесь обитал и сам отвратительный герцог.

В бальном зале Харшморт-хауса мисс Темпл видела, как герцог Сталмерский обращался ко всем заговорщикам и, будучи главой Тайного совета, разъяснял, насколько могущественными стали конспираторы. Но мисс Темпл знала, что герцога сразил выстрел в сердце за два часа до этого. Используя синее стекло и силу разума стеклянных женщин, граф д'Орканц продлил существование герцога, превратив его в марионетку, — и никто не заметил трюка. Мисс Темпл, Свенсону и Чаню пришлось решать, что делать: не дать герцогу захватить власть или не допустить полета дирижабля в Макленбург.

Но мисс Темпл тогда обнаружила, что у каждого «сторонника», прошедшего алхимический Процесс (страшную процедуру, автоматически прививавшую верность заговорщикам), в мозгу запечатлевалась контрольная фраза — произнеси ее, и человек будет исполнять твой приказ. Мисс Темпл узнала фразу полковника Аспича, а когда герцог Сталмерский отправился в город с миссис Марчмур, единственной, кто выжил из стеклянных женщин, мисс Темпл послала следом Аспича с приказом любой ценой убить герцога.

Она надеялась, что беспорядки на вокзале и на улицах вызваны тем, что полковник убил герцога. Но Соумс утверждал, что дело не в этом. Ее хитроумный план провалился.

Они подошли к деревянной двери. Фелпс постучал кованым дверным молотком, и ему открыл безукоризненно одетый слуга. Мисс Темпл с тревогой заметила, что за ухом у него не хватает клока волос, — уж не парша ли это? Кожа у слуги была даже бледнее Фелпсовой, а губы неприятно растрескались. Он закрыл за ними дверь, и мисс Темпл увидела под жесткой крахмальной манжетой кроваво-грязное пятно, словно порезанную руку плохо забинтовали.

Фелпс провел ее мимо высоких темных полотен в рамах и массивных буфетов черного дерева со стеклянными дверцами. Буфеты были набиты всеми мыслимыми столовыми приборами из серебра. Старые, как казалось, слуги суетились вокруг, но мисс Темпл вдруг с тревогой поняла, что они вовсе не старики — просто измождены. Она с опаской посмотрела на Фелпса — уж не поветрие ли это, которым легко можно заразиться? Коридор на первый взгляд выглядел хорошо ухоженным, но на самом деле нес следы внутреннего упадка — другого слова и не подобрать: на картинах толстым слоем лежала пыль, в темном углу валялся комок тряпок для протирки, на турецком ковре застыла лужица натекшего со свечи

воска, другой ковер был испачкан угольной пылью. Но слуги были повсюду. Мисс Темпл обошла человека, присевшего с совком и щеткой, а оглянувшись, увидела, что тот с закрытыми глазами прислонился к стене, погрузившись в неглубокий, болезненный сон.

— Сюда, — пробормотал Фелпс.

Они поднялись и оказались у другого коридора с высоким потолком, площадка перед которым была завалена исписанными листами пергамента. Трое в черных плащах стояли, держа в руках кипы таких же листов, а четвертый, присев на корточки, пытался поднять лист с пола, не снимая белых перчаток. Рядом сидел пожилой человек с коротко остриженной бородкой и моноклем в глазу. Фелпс кивнул и обратился к нему с мрачной почтительностью:

— Лорд Актон.

Лорд Актон, проигнорировав Фелпса, нетерпеливо прокричал секретарю, сидевшему на корточках:

— Да подберите вы уже этот лист!

Протестуяще заскулив, секретарь поднял руку ко рту, ухватил зубами палец перчатки, обнажив неприятно-яркие десны, стянул перчатку, которая теперь свисала изо рта, и рукой принялся соскребать с пола пергамент. Мисс Темпл нахмурилась, увидев его ногти — неровные, потрескавшиеся и желтые, как помятые медовые соты.

Фелпс попытался проскользнуть между людьми в черном, но в это время лорд Актон повернулся к нему и, словно вторя своему слуге, жалобно проблеял:

— Чтобы заниматься делами Совета, надо встречаться с его членами, сэр! Его светлость не может возглавлять Совет, если не будет проводить заседания.

— Конечно, милорд.

— Мы даже не можем собраться в нужном составе для элементарной работы. Ни лорд Аквит, ни Генри Ксонк, ни лорд Вандаарифф — никто не откликается на мои просьбы. И из Макленбурга никаких новостей! Мы готовы... все инструкции разосланы... армия, банки, каналы, морские порты... но они должны услышать подтверждение от герцога!

— Я немедленно доложу его светлости, — кивнул Фелпс.

— Мне совсем не хочется беспокоить его...

— Конечно, милорд.

— Просто он сейчас правит... но в то же время отсутствует... а я столько времени жду у его дверей...

— Конечно, милорд.

Лорд Актон, запыхавшись от долгой речи, ничего не сказал, ожидая, что Фелпс ответит подробнее. Не дождавшись ответа, он резко пнул человека на полу, все еще собиравшего листы.

— При таком темпе мы тут весь день проторчим, — пожаловался он, не обращаясь ни к кому в особенности. — А голова у меня, видите ли... болит просто кошмарно...

Пока Фелпс бормотал слова сочувствия в адрес головы лорда Актона, а помощник лорда продолжал возиться с бумагами, мисс Темпл смотрела в дальний конец коридора, где появился некто в красной драгунской форме. Человек был высок, строен и светловолос, носил бакенбарды и держал свой медный шлем под мышкой. Он наклонился, опираясь другой рукой о стену, словно испытывал рвотные позывы или задыхался. Так и не посмотрев в сторону мисс Темпл, драгун пришел в себя, расправил плечи и исчез на небольшой лесенке. Она перевела взгляд на Фелпса.

— Вы ему скажете наконец? — скулил Актон. — Я на вас рассчитываю.

— Конечно, милорд... А теперь, если вы меня извините...

Лорд чихнул, и у Фелпса появилось сколько-то времени — ровно на то, чтобы схватить мисс Темпл за руку и потащить к высоким резным дверям, из которых несколько секунд назад появился офицер.

— Покои герцога. Вас представит его личный слуга. — Фелпс провел рукой по лбу и вздохнул. — Во время беседы... внизу... вы упомянули заместителя министра Граббе. Сказали, что он мертв. Мы... мы в министерстве не знали этого.

Мисс Темпл показала на сломанную руку Фелпса.

— Я думаю, вы знали достаточно, сэра.

Фелпс оглянулся, на лице у него снова появилось мучительное выражение. Он поскреб рубашку на груди. Глаза мисс Темпл расширились, когда она увидела крохотное пятнышко крови на рубашке — там, где ее коснулся ноготь Фелпса.

— Возможно... — начал он, — возможно, мы все последуем за ними...

Он постучал в дверь металлическим дверным молотком в виде собачьей головы с оскаленной пастью.

Дверь открылась — и мисс Темпл едва сдержала крик. Если прочие обитатели Сталмер-хауса выглядели недужными, то этот словно две недели провел в могиле. Когда-то он, видно, был высоким и худым, но теперь напоминал скелет. Плащ висел на нем, как простыня на дереве, светлые волосы торчали патлами, а выпавшие ключья прилипли к лацканам. Ощувив его зловонное дыхание, мисс Темпл поморщилась.

— Мистер Фордайс, — сказал Фелпс, чей взгляд по-прежнему был устремлен на стену.

— Мистер Фелпс. — Голос был хриплый, слова неотчетливыми — мисс Темпл услышала что-то вроде «Фыпс», словно язык Фордайса больше не мог двигаться во рту. — Дама пойдет за мной...

Фордайс отошел в сторону и вытянул тонкую руку. Между перчаткой и белой манжетой виднелась намотанная на запястье материя с ржавыми пятнами. Мисс Темпл вошла в тускло освещенную приемную. На небольшом письменном столе горела свеча в серебряном канделябре. Массивные окна комнаты были плотно зашторены, и, когда дверь закрылась, мрак сгустился еще сильнее.

— Этикет требует, — косноязычно проговорил Фордайс, — чтобы вы молчали, пока герцог не обратится к вам.

Он подошел к канделябру и поднял его на уровень глаз, оранжевые отблески неприятно заплясали на жалких остатках его зубов. В другой руке слуга держал холщовый мешок.

— В присутствии герцога теперь можно не становиться на колени. Вы, конечно, можете это сделать, но такое выражение почтения более не является обязательным.

Фордайс повел мисс Темпл по ковру, на котором валялись помятые книги, побитые чашки и тарелки, звеневшие или трескавшиеся под его ботинками. Он ни разу не посмотрел себе под ноги и не обратил ни малейшего внимания на воск, капавший со свечи на ковер. Мисс Темпл шла, зажав рукой рот и нос. Зловоние, исходившее от этого человека, заполняло всю комнату. Что тут произошло? Какая болезнь разъедала Сталмер-хаус и его обитателей? Неужели и ее ждет такая же участь?

Фордайс рассеянно постучал в тяжелую, испещренную резьбой дверь черного дерева. Мисс Темпл не сразу поняла, что резьба на самом деле являет собой картину — громадный человек, от которого, как от солнца, исходят лучи, целиком пожирает корчащегося

младенца, — но тут Фордайс открыл дверь и жестоко закашлялся, словно поперхнулся отслоившимся куском собственного горла.

— Ваша светлость... та самая молодая женщина...

Ответа не последовало. Мисс Темпл ринулась вперед, прежде чем зловонный человек успел схватить ее за руку, и оказалась в еще более темном помещении, увешанном высокими гобеленами и совсем уже громадными картинами: на этих потемневших портретах виднелись неясные очертания лиц, словно на тебя со дна моря смотрели утонувшие души. Дверь за ней закрылась. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь ее дыханием и биением сердца. Во мраке, близ большого стула с высокой спинкой, парил едва горящий газовый светильник. На стуле, уставившись в темноту, сидел очень высокий человек, такой же прямой, как и деревянная спинка за ним. Мисс Темпл узнала ниспадающие на воротник седые волосы и резкие непривлекательные черты, которые скорее подходили для особенно злобного коршуна.

— Ваша светлость? — отважилась раскрыть рот она.

Герцог не шелохнулся. Мисс Темпл бесшумно подошла поближе. Запах здесь стоял другой — тошнотворный, едкий, с примесью аромата жасминовых духов. Герцог так и не шелохнулся, даже не моргнул остекленелым глазом. Она сделала еще один неуверенный шаг, медленно вытянула руку с выставленным пальцем в сторону руки герцога с узловатыми пальцами в перстнях. Когда мисс Темпл прикоснулась к влажной коже, герцог мгновенно повернул голову к ней — движение было таким же резким, как удар мясницкого топора. От неожиданности женщина вскрикнула и отпрыгнула назад.

Она еще не успела найти нужных слов, как ее уши — нет, не уши, звук возник внутри головы — уловили хрупкий, неустойчивый смех. Завернутая в тяжелый плащ, между двумя гобеленами появилась стеклянная женщина, на ее руках и лице отражалось пламя газового рожка.

— Вы живы! — прошептала мисс Темпл.

В ответ снова прозвучал отталкивающий смех, словно иглой провели по зубам, и миссис Марчмур — стеклянная женщина — неожиданным усилием воли заставила герцога так же резко отвернуть голову.

Мисс Темпл бросилась к двери, но та оказалась заперта. Она повернулась к женщине — стеклянному существу, — посмотрела на ее гладкую синюю плоть, застывшее в безразличии лицо, которое контрастировало с порочно-радостным смехом и едва заметным изгибом полных сверкающих губ.

Мисс Темпл видела трех стеклянных женщин в Харшморте — герцог показывал их гостям. Тогда они были обнаженными, если не считать ошейников и поводков: странные звери из далеких африканских стран, призванные удивить пресыщенного римского императора. Последняя из троицы, миссис Марчмур (куртизанка, урожденная Маргарет Хук, дочь обанкротившегося заводчика), явно утратила все человеческие свойства. Но оставалась ли она в здравом уме?

— У ваших ног, — прошипел голос в голове мисс Темпл. — Подайте его мне.

Холщовый мешок лежал на ковре, где его оставил Фордайс.

— Делайте, что вам говорят. Сюда никто не придет. Никто вас не услышит.

Мисс Темпл сделала несколько шагов и осторожно положила мешок на стол. Потом, взглянув в хищные глаза — синие жемчужины, — она, не прикасаясь к поверхности стекла, сняла холстину.

— Объясните.

— Я взяла ее у Франсиса Ксонка, — сказала мисс Темпл, чуть пожав плечами: мол, это не составило труда. — Могу только предположить, что Ксонк взял ее из сундука в дирижабле.

Миссис Марчмур подплыла поближе, внимательно вглядываясь в глубины книги.

— Это не из сундука...

— Как же так? — возразила мисс Темпл. — Откуда еще?

— Сама книга — возможно, но не то, что в ней... разум... новый...

Миссис Марчмур протянула тонкую руку к книге, плащ ее разошелся в стороны, пальцы рук развернулись, как стебельки загадочного тропического растения. Мисс Темпл едва сдержала крик. Кончики стеклянных пальцев должны были ударить по обложке, как бокал — о столешницу, но они прошли сквозь нее, словно погрузились в воду.

— Стекло — это жидкость... — прошептала миссис Марчмур.

Как только ее пальцы коснулись книги, та засветилась. Миссис Марчмур медленно погрузила в книгу всю руку. И тогда, словно сигаретный дымок, внутри книги завихрились перекручивающиеся, сверкающие лазурные линии. Миссис Марчмур наклонила голову и вытянула пальцы, так, словно сильнее натягивала перчатку. Линии стали плотнее обволакиваться вокруг нее, сверкать ярче... но все же мисс Темпл была уверена: что-то тут не так. Потом сияние исчезло, и миссис Марчмур вытащила руку. На поверхности книги не осталось ни единого следа.

— Вы можете... можете ее читать? — спросила мисс Темпл.

Миссис Марчмур не ответила. Мисс Темпл внезапно ощутила давление у себя в голове, холодное и беспощадное, и в страхе подалась назад.

— Да вы просто спросите у меня! — завизжала она.

— Вы солжете.

— Но не тогда, когда я знаю, что вам так же легко войти в мой мозг, как ложке — в тарелку с супом! — Мисс Темпл протянула руку. — Пожалуйста... я видела, что вы сделали с обитателями этого дома... не хочется потерять волосы или увидеть, как с меня струпьями слезает кожа.

— Неужели я это сделала? — спросила миссис Марчмур.

— Конечно... и вы это прекрасно знаете!

Стеклянная женщина не ответила. Мисс Темпл слышала собственное учащенное дыхание и устыдилась. Она заставила себя переступить через страх, сосредоточиться. Подумать. Почему ее враг хранит молчание?

— Я здесь никого не вижу, Селеста, — осторожно прошептала миссис Марчмур. — Я остаюсь в этой комнате и только обшариваю все мозги поблизости. Выходить я не могу. Мне известно, как вы отнеслись к моей... форме — вы и все остальные. Я одна. Одна в мире. Я ждала сведений, но не получила их.

— Вы послали солдат, верно? Неужели они ничего вам не сказали?

— Что случилось в дирижабле?

— Много чего, — нервно ответила мисс Темпл и показала на герцога. — А что случилось с полковником Аспичем?

По звонкой трели в своей голове мисс Темпл поняла, что миссис Марчмур рассмеялась.

— Как умно с вашей стороны! Но я вовремя остановила полковника. Я очистила его мозг. Это я могу. Я обнаружила, что могу многое.

— Но с ним вы ничего не можете сделать. — Мисс Темпл снова показала на замогильную фигуру герцога. — Если кто-нибудь, кроме Фордайса, хотя бы мельком увидит его или почувствует этот запах, то сразу насторожится. Вы же знаете, все в городе возбуждены...

Гнев стеклянной женщины молотом ударил по мозгам мисс Темпл.

— Я могу вас убить! — зарычала она. — Могу ободрать ваш мозг, как кошку, и заставить его страдать так, что вам и не представить.

— В городе волнения, — резко сказала мисс Темпл, упав на четвереньки; с ее губ стекала ниточка слюны. — Кто-нибудь ворвется сюда, или герцог разложится настолько, что никакие духи этого не скроют. Его дворец сожгут, как чумной дом...

Еще один удар молота, и мисс Темпл щекой ощутила ворсинки ковра. Она распростерлась на полу, неспособная думать. Сколько времени прошло? Может, ее воспоминания уже похищены стеклянной женщиной? Глаза ее жгло, зубы болели. Сверху нависало какое-то неестественное лицо, глаза на нем блестели, словно масляные. Мозг миссис Марчмур работал, а пальцы двигались медленно, как морские водоросли в потоке.

— В дирижабле, — прошептала мисс Темпл, — все ваши хозяева передрались. Говорите, вы обнаружили в себе новые способности? А вот я уверена, что граф ограничил вашу свободу. Иначе зачем вам прятаться в этой могиле?

— Я не прячусь. Я жду. — Несмотря на головную боль, мисс Темпл заставила себя улыбнуться. — Интересно, чего вы боитесь больше? Того, что никто другой не обладает его знаниями? Или один из них все же обладает?

— Мне нечего опасаться ни графини, ни Франсиса Ксонка.

— Так вы послали людей, чтобы их убить?

— Я послала людей, чтобы найти их, Селеста. И вас тоже. Я могу взять все, что мне нужно, из вашего мозга. И вы будете мертвы.

— Конечно можете, — с нервным вздохом согласилась мисс Темпл. — Вы сохранили мне жизнь, чтобы поговорить со мной... но если я все еще жива, то это связано с книгой... и всем, чего вы боитесь.

Миссис Марчмур хранила молчание, но мисс Темпл видела яркие вспышки внутри ее, словно искорки над костром в ночи. Что за тайны похитила она у окружающих ее людей? Словно паук, спрятавшийся в центре дворца, миссис Марчмур с каждым днем узнавала все больше и все меньше зависела от заговорщиков.

Дверь открылась, и вошел Фордайс, волоча ноги, дыша с влажным присвистом. Он направился прямо к сидящему герцогу и отвесил церемониальный поклон, заботясь, однако, о том, чтобы не потерять равновесие. Из тронутой разложением груди вырвался зловонный выдох, который заставил мисс Темпл приложить руку ко рту.

— Фордайс... большую карету... отдельная лестница... сейчас же.

— Сюю минуту, ваша светлость.

— И эти парни...

— Парни, ваша светлость? — Фордайс добрал до стола и слабо оперся о него, чтобы не упасть.

— Фелпс... — прощуршал герцог, растягивая это имя на дыбе своего дыхания до трех уродливых слогов. — Подчиненный Граббе... и другой... недавно призванный... Соумс... они мне нужны.

— Будет сделано, ваша светлость.

— И коридоры... как всегда... очистить.

— Как всегда, ваша милость. Сию минуту.

Фордайс засеменил из комнаты, даже не взглянув на женщин. Мисс Темпл дернулась — жесткое шипение наполнило ее голову.

— Возьмите герцога под руку.

В коридорах и в самом деле никого не осталось. В Сталмер-хаусе нетерпеливо ждали появления герцога, и сообщение разлагающегося камергера о его отъезде, видимо, ошеломило всех. Может, дипломаты в плащах и министры стояли на коленях за каждым дверями и пялились в замочные скважины? Герцог шагал медленно и размеренно, при этом почти не качаясь (или миссис Марчмур так успешно им управляла?), и мисс Темпл могла свободной рукой прикрывать рот: зловоние герцога, пусть и ароматизированное, было нестерпимым. Стеклянная женщина шествовала сзади, закутавшись в свой плотный, темный плащ и натянув на голову капюшон. Мисс Темпл знала об этом только благодаря приглушенному стуку ее шагов. Всем остальным этот звук показался бы цоканьем новомодных испанских сапог с подковками.

Они подошли к портрету молодого герцога, одетого в лихой гусарский мундир. Порочный вид юнца и длинные черные волосы плохо соотносились с множеством веселых кисточек и перьев на форме. Сбоку от портрета (на заднем плане мисс Темпл в ужасе заметила ряд отрубленных почерневших голов, насаженных на колья изгороди) имелась еще одна дверь — деревянная, обильно украшенная резьбой. Фордайс распахнул ее трясущимися руками и отошел в сторону, пропуская остальных в узкое помещение и дожидаясь миссис Марчмур, хотя ничто не показывало, что слуга знает о ее присутствии. Мрачно кивнув, он закрыл за ними дверь. Мисс Темпл скорчила гримаску — здесь было невероятно тесно — и откашлялась в руку. Уж не ждут ли они, пока остальные члены Тайного совета не пройдут мимо? Внезапно все вокруг задрожало. Мисс Темпл посмотрела на стеклянную женщину, чьи губы искривились в улыбке. Комната была кабинкой лифта, и они спускались.

Наконец лифт остановился. Дверь снаружи открыл мистер Фелпс. За его спиной ждал мистер Соумс, внимательно разглядывая пол: лицо осунувшееся, вокруг глаз — красные мешки. Ни тот ни другой не обратили ни малейшего внимания на миссис Марчмур, и та проскользнула мимо них в вымощенный плитками коридор. Воздух здесь был холоднее, словно они спустились в подвал.

— Большая карета... — прошелестел герцог. — Она готова?

— Готова, ваша светлость, — ответил Фелпс. — Позвольте узнать, куда мы направляемся.

— Кучер знает, — мрачно проскрежетал герцог.

Их ждала большая черная карета — удивительный экипаж из двух секций, запряженный шестеркой огромных вороных. В задней секции не было окон, словно она служила катафалком, а передняя выглядела как обычная карета. Ливрейный лакей стоял предупредительно, но избегал встречаться взглядом с пассажирами. Миссис Марчмур медленно поднялась по маленьким ступенькам в заднюю секцию с роскошной отделкой в турецком вкусе. Лакей перехватил руку герцога у мисс Темпл и помог хозяину подняться. Когда герцог устроился, они захлопнули дверь и открыли переднее отделение. Мисс Темпл,

не дожидаясь помощи, ринулась в дальний угол. Фелпс сел напротив нее. Соумс расположился рядом с Фелпсом, нервно покусывая потрескавшуюся нижнюю губу. Лакей закрыл дверь, крикнул: «Трогай!» — и карета тронулась с места, плавно, будто нагруженная яйцами.

Поначалу за окном было темно, но потом они выехали на мощеную улицу, по которой важно расхаживали хорошо одетые хмурые люди.

— Мы на задах Кингсвея, — заметил Фелпс. Мисс Темпл ничего не сказала, и он добавил: — За зданиями министерств.

— Жаль, что ни вы, ни я понятия не имеем, куда едем, — ответила мисс Темпл.

Фелпс ничего не сказал.

— А вы, мистер Соумс? — спросила она, изо всех сил изображая веселую улыбку.

— Я ничего такого не знаю! — выкрикнул он честным голосом.

Карета выехала из министерского квартала на набережной: знакомые каменные стены и железные ограды, а за ними — открытое небо.

Несколько мгновений ей казалось, что Соумс собирается заговорить, но тот посмотрел на своего начальника и решил этого не делать. Мисс Темпл раздраженно выдохнула. Ее ужасно выводило из себя, что она вернулась в город и сразу же попала в такую переделку, каких решила избегать. Столько всего происходило — стеклянная женщина покинула свое логово! — а она была заперта тут с двумя холодными, как рыбы, автоматами. Она снова вспомнила Чаня, стоявшего под часами, и почувствовала, как в ней растет злость; тот был причиной ее злключения.

— Думаете, меня беспокоит, что она слышит нас? Вовсе нет, — сказала мисс Темпл. — А может, выдумаете, что подхалимаж спасет вашу гнилую шкуру? Тогда вы полные дураки.

— Она? — спросил Соумс.

Не обращая на него внимания, мисс Темпл наклонилась к Фелпсу.

— Граббе мертв, — прошипела она. — Роджер Баскомб мертв. Эта часть заговора умерла вместе с ними. Она что-то ищет в этой книге! И как только найдет, все в Сталмерхаусе будут у нее под каблуком.

Фелпс посмотрел на Соумса, но тот выглядел расстроенным, как больной, чей врач через его голову говорит с кем-то по-латыни.

— Лишения, бедность и отчаяние, — заговорил он с Фелпсом. — Как только девица теряет невинность, ее мысли становятся порочными в той же мере, что и тело...

— Помолчите! — крикнул Фелпс и снова повернулся к мисс Темпл. — Бессмысленно об этом размышлять, бессмысленно обсуждать. Я связан присягой моей королеве.

— Вашей королеве? — ухмыльнулась мисс Темпл. — Ну а кто будет вашей королевой через две недели? Чудище из синего стекла, а до недавних пор — шляха для избранных!

Боль железной рукой обхватила ее голову. Пальцы этой руки сжимались в кулак, захватывая саму материю мыслей; от невыносимого давления из ноздрей потекли струйки крови. Два человека перед мисс Темпл стали блекнуть на глазах и превратились в тусклые силуэты, словно карету залило яркое солнце, словно огонь затуманил ей зрение. Она зажмурилась, но лучи проникали сквозь веки. Злой жар, исходивший от миссис Марчмур, прожигал ее до самых глубин души. Мисс Темпл выгнула спину и в беззвучном крике распахнула рот, словно от невероятно продолжительного удара хлыстом.

Она приподнялась на локте и потрогала нос, потом отодвинула руку и посмотрела на окровавленные пальцы. Фелпс передал ей сложенный носовой платок. Мисс Темпл с трудом

села, вытерла лицо, промокнула кровавые пятна на платье. В самом центре ее сознания стоял гул, словно она не спала три дня.

Может быть, так все это и начиналось для Соумса, Фордайса и других слуг в Сталмерхаусе. Неужели у нее тоже слезет кожа, потрескаются ногти и ключьями станут вылезать волосы? Может быть, все это уже началось? Мисс Темпл шмыгнула носом, сложила еще раз платок и быстро прижала его ко всем уголкам глаз по очереди. Потом она выглянула в окно. Карета ехала по загородной дороге, по сторонам простиралась широкая равнина, заросшая буроватой осокой. Болота... при этой мысли мисс Темпл ощутила запах соли и прохладного воздуха. Она подняла глаза и встретилась взглядом с Фелпсом.

— Мы едем в Харшморт-хаус, — сказала она.

* * *

Путешествие продолжалось еще час; все большей частью молчали. Фелпс закрыл глаза и казался бы спящим — только вот пальцы левой руки постоянно теребили гипсовую повязку в одном и том же месте. Соумс же действительно спал с приоткрытым ртом, расслабившись и напоминая выключенную машину. Мисс Темпл тоже устала, но не последовала их примеру, хотя и непонятно почему: даже открой она дверь и выпрыгни на дорогу, миссис Марчмур все равно успела бы ее остановить. Она с раздражением обследовала свое платье на груди, подтянула заляпанные части ко рту и слизала пятна одно за другим, ощущая вкус крови. Мысли ее смешались.

Если бы она не последовала за Франсисом Ксонком и не украла его книгу просто потому, что не желала мириться со злом, то сейчас прекрасно спала бы, свернувшись калачиком. Но мисс Темпл с ее постоянным мучительным самокопанием знала, что отважилась на воровство из-за соблазна и унижения, которые пришлось претерпеть от графини, — что ее неожиданный поступок на самом деле был попыткой побега. И она все больше склонялась к тому, что ее приключения (от преследования Роджера до его убийства в дирижабле) были бегством от глубокой и неприглядной истины: ее характер был очень далек от идеала.

Иного ответа не было; а упорством она не отличалась. Графиня советовала ей навсегда оставить это приключение. Даже Элоиза убеждала ее отказаться от дальнейшего расследования. Разве они обе так уж ошибались? Похождения изменили ее характер — она стала женщиной, совершившей убийство, женщиной, чье тело возгоралось порочными желаниями от малейшей искры. Это была грубая жизнь, как у Чаня или неприкаянных бродяг вроде доктора: одиночество, пользование чужими именами, опасности и — бесспорно — плохой конец. И еще это была жизнь наподобие той (тут мисс Темпл прикусила губу), что вела графиня ди Лакер-Сфорца.

Тряска и дребезжание вывели ее из задумчивости. Карета свернула на мощеную дорогу, ведущую к поместью Вандаариффа. Мисс Темпл демонстративно откашлялась и была вознаграждена: мистер Фелпс открыл глаза.

— Вы бывали прежде в Харшморт-хаусе? — спросила она.

Он устало вздохнул и принял более пристойную позу.

— Бывал.

— С Граббе?

— Верно.

— И Роджером Баскомбом?

Фелпс бросил взгляд на все еще спящего Соумса, а потом в окно — на скудный пейзаж.

До исчезновения заместителя министра происходили регулярные сношения между его офисом, людьми Вандаариффа и Тайным советом. В немалой мере благодаря лорду герцог получил контроль над Тайным советом.

— Ну, сегодня герцог почти ничего не контролирует, — заметила мисс Темпл.

— Я хочу сказать, — продолжил Фелпс, — что с момента исчезновения Граббе не поступало никаких известий и от лорда.

— Конечно, — согласилась мисс Темпл.

— Это легко объясняется эпидемией кровавой лихорадки в Харшморт-хаусе...

— Кровавой лихорадки! — Она кивнула головой на вторую половину кареты. — А у нее вы не спрашивали?

Фелпс облизнул губы.

— У кого?

— У кого? — передразнила его мисс Темпл. — У нее. У миссис Марчмур! Маргарет Хук! Если не называть ее по имени, она не перестанет существовать. И сила ее не уменьшится.

— Не могу сказать, что я... лично знаком... с этой дамой.

Мисс Темпл как можно незаметнее высморкалась в скомканный платочек.

— Жаль. Она-то с вами прекрасно знакома.

Карета проехала по мощеной площади и остановилась перед широкой лестницей. Мистер Фелпс толкнул Соумса; выходя из кареты, тот моргал спросонья и неприятно шлепал губами. Мисс Темпл только теперь поняла, что еще никогда не видела особняка днем. В дневном свете суровая простота этого сооружения казалась еще более гнетущей. Первоначально оно создавалось как береговая крепость, потом было преобразовано в тюрьму. Лорд Вандаарифф, не скупясь на деньги, переоборудовал интерьер по собственному плану, но для мисс Темпл Харшморт — дом, одиноко стоящий посреди равнины, под бескрайними, давящими небесами, — снова выглядел тюрьмой.

Фелпс вышел следом за ней и закрыл дверь. Лакей осторожно извлек герцога, которого Соумс подхватил под локоть, а потом они — примерно с таким же удовольствием, какое вызвал бы паук схожего размера, — помогли выйти миссис Марчмур. Лакеи, стоявшие с опущенными головами, остались при карете, а остальные направились к лестнице: впереди — Фелпс, за ним — Соумс с герцогом, а замыкали шествие мисс Темпл и стеклянная женщина. Мисс Темпл резко шмыгнула и вытерла нос.

— Вы мне сделали очень больно, — сказала она.

— Вы оскорбили меня, — прозвучал в ее голове голос миссис Марчмур.

— Можно обижаться, но правда не перестает быть правдой, — возразила мисс Темпл. — И потом, я полагала, что после Процесса человек не конфузится по таким поводам.

— Для вас еще не поздно убедиться во всем лично, — ответила стеклянная женщина. — Вся необходимая техника здесь имеется. Как умно с вашей стороны — навести меня на эту мысль.

Мисс Темпл проглотила слюну и испытала прилив страха — стеклянная женщина

безжалостной хваткой вцепилась в ее руку. Они подошли к лестнице, и ей пришлось помочь своей тюремщице в нелегком восхождении.

— Ваша светлость, тут нет слуг — нас никто не встречает, — сказал Фелпс.

— Да нет же, слуги тут есть, — прохрипел в ответ герцог.

Фелпс споткнулся, словно от толчка, и подошел ко все еще закрытым двойным дверям, а затем ударил в них громадным металлическим молотком. Звук разнесся по пустой площади, гулко, как лай гигантской собаки. Когда эхо окончательно замерло, Фелпс ударил еще дважды. Его усердие было вознаграждено — изнутри раздался щелчок отпираемого замка, и в дверях появился человек в черной харшмортской ливрее.

— Герцог Сталмерский, — объявил Фелпс, — К лорду Вандаариффу.

Человек неуверенно посмотрел на него.

— Мне очень жаль, но лорд Вандаарифф...

Не закончив предложения, он отлетел назад. Раздался грохот падающего тела. Фелпс широко распахнул дверь и жестом пригласил всех входить.

Лакей Вандаариффа неподвижно лежал на вымощенном плитками полу, дыша быстро и неглубоко, как возбужденный спаниель, тупо глядя перед собой пустыми глазами. Главный холл здания был пуст. Мисс Темпл наморщила нос и увидела, что Соумс и Фелпс сделали то же самое.

— Тут был пожар, — сказал Фелпс.

Мисс Темпл повернулась к миссис Марчмур, но та уже двигалась дальше. Мисс Темпл последовала за ней вместе с остальными, надеясь, что чуткий мозг миссис Марчмур ослабит контроль над ними. Тогда при известной ловкости можно будет незаметно ухватить тяжелый предмет — канделябр или китайскую вазу — и использовать как метательный снаряд. Вдруг мисс Темпл оступилась от неожиданной боли во лбу. Фелпс оглянулся на нее, неодобрительно поджав губы.

В центре дома запах гари был просто невыносимым, хотя следов пожара пока нигде не было видно. Пожилой человек в черной ливрее свалился на мраморный пол, когда миссис Марчмур сочла необходимым подчинить его разум: он лежал на спине, кровь текла у него из ушей. Все направились к винтовой лестнице, по которой поднималась когда-то мисс Темпл, и дальше — в старую библиотеку, где граф д'Орканц оборудовал свою малую лабораторию. Чем дальше они шли по круговому коридору к почерневшей двери, тем гуще становился запах дыма. В лаборатории графа повсюду виднелись обугленные обломки упавших галерей и книжных шкафов, прежде подпиравших их. Краска на покрытых сажей стенах облупилась, сводчатый потолок был поврежден пламенем. Каменные столешницы потрескались и переливались яркими цветами там, где огонь уничтожил химикалии. Мисс Темпл осторожно вошла в комнату, с хрустом давя угли. Она не могла оторвать глаз от почерневшей пуховой кровати, на которой Лидия Вандаарифф подверглась отвратительным процедурам графа д'Орканца.

Мисс Темпл повернулась к миссис Марчмур. Та явно рассчитывала найти здесь инструменты графа, запас очищенного синего стекла, его многочисленные записи и специально сконструированные аппараты. Неужели миссис Марчмур оставила надежные стены Сталмер-хауса, рисковала быть обнаруженной, рисковала всем только для того, чтобы стать жертвой хитрости неведомого противника?

Нет — миссис Марчмур не смотрела ни на стену, ни на уничтоженные химические приборы, ни даже на кровать. Мисс Темпл смотрела, как она осторожно продвигается по

выгоревшей комнате и останавливается внутри широкого кольца почерневших от сажи осколков синего стекла. Мисс Темпл закрыла рот рукой, вспоминая первую встреченную ею стеклянную женщину... выдающееся достижение графа... возлюбленную Кардинала Чаня... стеклянную женщину, которую она сама уничтожила в этой самой комнате, расстреляв из пистолета Свенсона. Миссис Марчмур повернулась к мисс Темпл и посмотрела на нее безразличным взглядом. Под ее ногами, которых не было видно, хрустели останки разбитой на части Анжелики.

По пути на этаж, где помещались главные комнаты, никто не проронил ни звука. Направляемая еще двумя несчастными слугами, стеклянная женщина медленно прошла по бальному залу. Запах пожара снова усилился, а потом, когда они вышли через застекленные двери в декоративный сад, стал просто нестерпимым. Центр сада ушел под землю, полностью провалившись в громадное, размером с собор, помещение внизу. Теперь оно оказалось без крыши и лежало в руинах, словно после сильного взрыва (разрушения были так велики, что заставляли вспомнить о газетных описаниях крупных битв). Здесь пожар был гораздо сильнее и интенсивнее: яркие трубы вдоль стен расплавились, потолочные балки сгорели, ряды тюремных камер обвалились, так что на полу лежала груда искореженной стали. В центре по-прежнему высилась металлическая башня с лестницей, поломанная и разбитая, как черный гниющий зуб. Платформа у основания башни, где помещалась аппаратура графа и где лежала пристегнутая к столу миссис Марчмур (пока еще обычная женщина из плоти и крови), была размолота в хлам.

Голова миссис Марчмур повернулась вправо — в сторону внутренних комнат, так резко, что капюшон упал с головы, обнажив блестящее лицо. В дверях бального зала стоял человек в таком же темном, только гораздо более потрепанном плаще. Высокий, он сутулился от усталости. Рыжие волосы превратились в безжизненные белые пряди, словно их облили белилами. Смертельно-бледная кожа на всех пограничных участках (вокруг глаз, обесцвеченных крыльев ноздрей, у обеих мертвенно-бледных слюнявых губ) отливала различными оттенками синевы, словно человек был монохромным портретом замерзшего трупа. В левой руке Франсиса Ксонка сверкал узкий клинок синего стекла.

— Неблизкий путь, Маргарет. Как это смело с твоей стороны.

— Значит, ты жив, Франсис.

Ответ женщины проник в мозг мисс Темпл, как доносящийся из соседней комнаты звук затачиваемого ножа. Ксонк отхаркался и выплюнул на траву синюю слизь.

— С каких пор я стал для тебя Франсисом? А где же «мистер Ксонк»? Даже когда я отпляливал тебя в Старом дворце, ты сохраняла почтение ко мне. Я полагаю, именно поэтому по моему следу пустили свору ищеек. — Он презрительно кивнул на Фелпса и Соумса, потом задержался взглядом на неподвижном, как статуя, герцоге и наконец — на мисс Темпл. Голос его перешел в низкий рык: — Если вы схватили ее, то моя книга тоже у вас. Верни ее, Маргарет.

— Не могу, Франсис. Я знаю, что в ней.

— Если я правильно все понимаю, содержимое книги будет для тебя бесполезным.

— Бесполезно в том смысле, что я не могу проникнуть в него напрямую. Но я твердо решила повлиять на того, кто может это сделать.

— Повлиять? То есть контролировать?

— За последнее время многое переменялось.

— Ты больше не связана Процессом?

— Процесс открывает человеку истину. Тебе некого винить, кроме себя.

Мисс Темпл помнила Ксонка как светского распутника и остролова, однако злобного и опасного, подобно гадюке. Не будь здесь миссис Марчмур, судьба всех их, безусловно, оказалась бы в его руках. Ксонк сделал еще один шаг, и под распахнувшимся плащом обнаружилась белая рубашка в жутких буроватых пятнах засохшей крови... но среди них выделялась одно, покрытое ярко-синей корочкой.

Ксонк наклонил голову, изучая герцога.

— Он уже начал гнить? Граф немало потрудился, чтобы он вышел долговечным... Жаль, что здесь нет графа с его препаратами.

— Ты скорбишь по графу не меньше, чем я, — прошипела миссис Марчмур. — Ты ведь явился сюда, чтобы выведать его тайны, так?

— Готов это признать, — сказал Ксонк, подходя поближе. — Жаль, что здесь все разорено.

— Ты хочешь сказать, что не ты в этом виноват?

— Не будь идиоткой, — рассмеялся Ксонк. — Загляни в голову любому слуге: пожар случился до моего возвращения. Но вот чего тебе не скажут слуги — потому как ни один не знает, о чем речь, — так это того, что аппаратуру графа предварительно вывезли.

— Кто же? Розамонда...

— Она не смогла бы вернуться раньше меня. Маргарет, кроме тебя, никто не смог бы этого сделать. Все остальные, призванные графом, мертвы...

— А где Роберт Вандаарифф? — воскликнула мисс Темпл. — Мы его нигде не видели.

Ксонк обратил на нее злобный взгляд, и в тот же момент она ощутила укол в голове — миссис Марчмур выражала недовольство. Мисс Темпл поморщилась, но продолжила:

— Я прекрасно знаю, что мозг лорда Вандаариффа выпотрошили, но разве это навсегда? Может, какая-то часть его разума сохранилась? До того как вы его предали, Вандаарифф знал о вашем заговоре, как и все остальные... даже считал, что стоит во главе его. И вот вопрос: кому было поручено в эти последние дни присматривать за ним?

Фелпс шагнул вперед, и Ксонк мгновенно выставил перед собой стеклянный кинжал. Фелпс остановился перед ним, поднял пустые руки и, перебарывая страх, заговорил ясно и отчетливо:

— Все очень просто — пусть кто-нибудь из слуг скажет нам, где их хозяин или, по крайней мере, когда он их покинул. Если его отъезд совпал с пожаром, все ясно. Разве нет?

Ксонк кивнул и отошел в сторону. Фелпс быстро прошел мимо него в дом. Мисс Темпл подумала, что тот, наверное, воспользуется случаем и ударится в бегство.

— Присматривать за Вандаариффом поручили Элспет Пул, — сказал Ксонк. — В ее отсутствие...

Он замолчал — его мысль прервала мучительная судорога. Мисс Темпл щелкнула языком. Ксонк поймал ее взгляд глазами, горящими ненавистью.

— Могу я узнать, почему эта женщина жива? — прорычал он.

— Я могу заставить ее действовать там, где вы вдвоем не можете. И мне наплевать, умрет она или нет.

— А тебе разве не на всех наплевать, Маргарет?

— А тебе?

— Не говори ерунды, — сказал Ксонк, обнажив в улыбке обломки темных, гладких

зубов, — моя жизнь мне очень дорога. — Он показал кинжалом на громадную зловонную яму. — И как я вижу, тут кто-то недавно побуянил на славу. Кто же, если не ты и не я? Может, твой подопечный уже нашел с кем поговорить? Загляни-ка в его мозги, Маргарет, избавь нас от невыносимого ожидания.

Миссис Марчмур промолчала, но слегка дернулась — мисс Темпл заметила это. Ксонк сделал еще один шаг. Мисс Темпл посмотрела на Соумса, но тот все так же держал герцога под руку, словно выполнение этой простой обязанности могло защитить его.

— Он... — начала миссис Марчмур, и мисс Темпл сморщилась, представив себе, как Фелпс шатается, когда она проникает в его мозг, как пена появляется у него на губах, как хлопают веки, словно крылья мотылька в темноте. Миссис Марчмур подняла руку, ведя недоступный их восприятию разговор. — Пожар случился ночью... два дня назад. Наутро обнаружилось, что лорд Вандаарифф пропал. Поначалу решили, что он сам устроил пожар и погиб в огне...

Ксонк прервал ее:

— Спроси об аппаратуре... чтобы ее вывезти, нужны были телеги... или баржа на канале...

— Да... за день до этого... тут были люди...

— Миссис Марчмур! — воскликнула мисс Темпл.

Франсис приблизился настолько, что мог одним прыжком преодолеть расстояние между ними. Стеклянная женщина наклонила голову и сделала шаг назад.

— Что это за игры, Франсис? Думаешь, я не посмею подчинить и твой мозг тоже? Думаешь, разговор этот не доставит мне удовольствия? Ты отпяливал меня, да? Хочешь, я так отпялю твои мозги, что ты забудешь, кто ты такой?

— Маргарет, твое дело в любом случае справедливо. — Франсис Ксонк усмехнулся широкой отвратительной улыбкой, глядя на нее, и раскинул руки в приглашающем жесте. — Но не думаю, что тебе это по силам. Меня тоже касалось стекло... и моя алхимия изменилась...

Он сделал еще один преднамеренный вызывающий шаг вперед. Миссис Марчмур подняла руку. Ксонк споткнулся, словно получил удар молотком, колени у него начали подгибаться. Но потом он наклонил голову набок, делая это легко, словно сопротивлялся неприятной ласке, и продвинулся еще дальше.

Одним движением руки стеклянная женщина послала на него Соумса, который стремительно бросился на Ксонка, пытаясь перехватить кинжал. Сама миссис Марчмур отступила назад настолько быстро, насколько допускала ее неторопливая, осторожная походка. Мисс Темпл медлила, не зная, ввязаться ей в схватку или пуститься наутек. Оставшийся без присмотра герцог осел на траву, как сдувшийся шарик. Соумс обеими руками ухватил Ксонка за предплечье, но Франсис переступил с ноги на ногу и обрушил загипсованную руку на его голову. Тот свалился на колени и все же — верно, так велика была сила миссис Марчмур — не отпустил Франсиса. Ксонк ударил Соумса еще раз, и белый гипс окрасился красным, а потом оттолкнул его в сторону.

— Отдай мне книгу, Маргарет! Немедленно!

Миссис Марчмур отступила еще на два шага. Пола ее плаща распахнулась, а за ней обнаружился холщовый мешок, который она положила на траву. Стеклянная женщина продолжала отступать, а Ксонк надвигался на нее, схватив по пути мешок. Наконец они оказались лицом к лицу.

— Очень умно, Маргарет. Оставайся на месте. Ты будешь моей. Ты это знаешь — иного не дано. Я буду держать тебя здесь, в этом саду, — что для тебя значат дождь или туман? Если ты войдешь в дом или попытаешься бежать, я расколю тебя на мелкие кусочки, но так, чтобы ты оставалась в живых! — Он помахал книгой. — Потому что я узнаю, как это делается, Маргарет, узнаю, как воссоздать тебя, чтобы снова уничтожить...

Пуля, выпущенная из пистолета, попала ему в колено, и на траву хлынула кровь. Ксонк скорчился, вскрикнув от боли, но заставил себя выпрямиться и повернулся к мистеру Фелпсу. Тот стоял с дымящимся пистолетом в руке, а за ним — несколько харшмортских слуг в черном.

— Идиот! — воскликнул Ксонк. — Если промахнешься, разобьешь ее на мелкие кусочки!

Сделав неловкий прыжок, он схватил миссис Марчмур и притянул к себе с такой силой, что, казалось, должен был сломать руку стеклянной женщины. Однако этого не случилось. Миссис Марчмур лишь споткнулась, падая в это неестественное объятие: свободная рука Ксонка обхватила женщину за талию, тяжелый гипс лег на шею, словно готовясь свернуть ее.

Мистер Фелпс, похоже, не собирался останавливаться и не заботился о судьбе миссис Марчмур. Он прошелся взглядом по герцогу, распростертому ничком на траве, и по неподвижному Соумсу. Но потом глаза мистера Фелпса потускнели, и он замер. Ствол пистолета теперь смотрел в сторону. Из носа Фелпса хлынула струйка крови, окрасившая крахмальный воротник. Миссис Марчмур решила действовать не через него, а напрямую.

Ксонк снова рассмеялся резким вороньим смехом, потом выругался, ступив на простреленную ногу. Миссис Марчмур в этот момент повернулась, и они оказались лицом к лицу, так близко, словно любовники.

Вдруг спина Ксонка напряглась. Холщовый мешок выскользнул из его руки.

Между двумя телами появился просвет, и мисс Темпл увидела, как миссис Марчмур погрузила палец в синюю рану на груди Ксонка — точно так же ее пальцы погружались и в книгу. Ксонк выгнул спину и взревел, словно бык от удара топора, но освободиться был уже не в силах.

Мисс Темпл метнулась вперед, схватила холщовый мешок, понеслась к руинам харшмортского сада и нырнула за живые изгороди между шпалерами узловатых розовых кустов. Каблуки ее зацокали по мощеной дорожке, захрустел гравий... За ее спиной раздался рев Ксонка, потом прогрохотал пистолетный выстрел.

Мисс Темпл вскрикнула от неожиданной вспышки боли. Что-то случилось с миссис Марчмур. Все неприятности стеклянной женщины мигом отражались в голове того, кто находился поблизости. Мисс Темпл тряхнула головой, легла на траву — не осознавая, что упала, — и неловко поползла вперед, безразличная к отдаленным возгласам и воплям. Перед ней появилась низкая каменная стена — граница сада? — и она перевалилась через нее, охнув от отчаяния и страха. Страх подсказывал, что надо бежать, но мисс Темпл присела под защитой стены, тяжело дыша и прислушиваясь к звукам погони.

Стеклянная женщина никак не проявляла себя в ее голове. Вдруг и Ксонк, и миссис Марчмур уничтожены?

Мисс Темпл посмотрела на холщовый мешок у себя руке и, желая убедиться, что во время потасовки ничто не повредилось, заглянула внутрь. Книга лежала там, целая и сверкающая. Она понимала, насколько это опасно. Первая книга, в которую она заглянула, так сильно изменила ее... даже не вспомнить, какой она была прежде. Ясно, что в этой

книге что-то сильнодействующее, — миссис Марчмур изо всех сил старалась не отдать ее врагу. Мисс Темпл прикусила губу. А разве она сама не была врагом? Что, если книга позволит раз и навсегда расправиться со всеми оставшимися заговорщиками? Что, если книга научит ее, как окончательно сокрушить графиню?

Мисс Темпл бросила взгляд через плечо... в саду стояла тишина. Если прикоснуться к обложке одним пальцем, то, может, удастся бросить взгляд на содержание... она только дотронется — и все...

Мисс Темпл снова оглянулась и, затаив дыхание, прикоснулась к обложке. Ничего не случилось, хотя она пальцем ощутила холод. Она отдернула руку, снова затаила дыхание и теперь выставила уже два пальца. По-прежнему ничего. Тогда она набрала в грудь побольше воздуха и положила на обложку всю пятерню.

Взрыв ощущений, словно резкий, удушающий клуб черного дыма из трубы. Этот импульс пробежал по ее руке и неожиданно обволок разум — она и пикнуть не успела. Со сдавленным криком мисс Темпл откатилась назад, ударилась о стену и упала в траву. Глаза ее ничего не видели, изо рта вырвалась струя рвоты, и с каждым спазмом она стонала, как испуганное животное. Теперь она знала: содержанием книги Ксонка была смерть, — и губительный вкус смерти проник в душу мисс Темпл.

Глава пятая

ПАНЦИРЬ

Через гардероб и дверь Чань оттащил бесчувственное тело в ближайшее место, где наверняка никого не было, — в частные покои полковника Траппинга. Заперев дверь и убедившись, что все окна плотно забраны шторами, он зажег единственную свечу. Плащ, черный костюм и туфли его пленника были модными и хорошо пошитыми, что напомнило Чаню о гнусном Роджере Баскомбе. Он поднес канделябр поближе к лицу человека и по очереди поднял веки. Белки были налитыми кровью и желтоватыми, но зрачки реагировали на свет. Чань повернул челюсть — там, куда пришелся его удар, уже появился синяк — и нахмурился, увидев, что кровоточат еще и губы. Неужели он сломал этому типу зуб? С отвращением оттянув нижнюю губу, он удивился красноватому цвету десен и отсутствию клыка, который еще недавно был на месте. Однако дыра зияла на другой стороне — не на той, куда пришелся удар.

Чань поднялся с колен и хлестнул пленника ладонью по лицу. Тот закашлялся, и Чань ударил его еще раз, обратив внимание на ссадину над левым ухом, розовую и свежую, словно от неловкого движения бритвой или (откуда такая мысль?) словно незнакомец пожертвовал клочок волос для какой-то колдовской церемонии. Чань обвел взглядом комнату: прибранная и чистая. Если тут есть какие-то тайны, придется попотеть, чтобы их раскрыть... и все же (чиновник заморгал и засопел) Чань чувствовал, что за всем этим что-то кроется. Комната, казалось, была не столько прибрана, сколько мумифицирована. На столе полковника не было ни бумажек, ни пресс-папье, ни ручек, ни чернильницы. Даже конвертов в подставках не было, словно стол только-только привезли. Все следы Артура Траппинга были тщательно уничтожены.

Человек снова закашлялся и попытался сесть. Чань свободной рукой легонько ухватил его за лацканы, скрутив ткань плаща в подобие узла под подбородком.

— Будешь отвечать на мои вопросы тихо и быстро, — прошипел он. — Или я перережу тебе глотку. Понял?

Человек с ужасом посмотрел в глаза Чаня за стеклами темных очков. Чань понимал, что его внешность в слабом свете свечи должна была выглядеть еще таинственнее обычного, и позволил себе довольно улыбнуться.

— Где ты служишь? В каком министерстве?

— В Тайном совете, — прошептал человек.

— Герцог жив?

Человек кивнул.

— А эта женщина?

— Какая?

— Маргарет Хук. Миссис Марчмур. Стеклянная женщина.

Человек проглотил слюну.

— Боюсь, но я незнаком...

Чань небрежно наклонил канделябр. Капля расплавленного воска растеклась по лбу чиновника, который зашипел и зажмурил глаза.

— Она должна быть при герцоге, — терпеливо объяснил Чань. — Если ты видел герцога, то должен был видеть и ее.

— Никто не видел герцога! — возразил человек. — Все ждут... все министерства... генералы и адмиралы... предприниматели... Ходят слухи о кровавой лихорадке в Харшморт-хаусе, о карантине...

— И где же он теперь?

— В своих покоях! Герцог не показывается. Он только рассылает слуг... с разными поручениями... ему требуются сведения...

— Какие сведения?

— Все, что нам удастся разузнать...

Чань снова капнул воском ему на лоб. Тот скорчился от боли. Чань воспользовался паузой, чтобы сменить тему.

— Как тебя зовут?

— Росбарт! — проскулил человек. — Эндрю Росбарт — секретарь помощника заместителя министра иностранных...

— А кто помощник?

— Роджер Баскомб.

Чань громко рассмеялся.

— Так ты — секретарь Баскомба? Ты лет на пять старше его!

Росбарт затараторил, брызгая слюной:

— Мистер Баскомб сделал карьеру в министерстве благодаря своим блестящим талантам... и когда мистер Баскомб узнает, что со мной обошлись таким неподобающим образом...

— Роджер Баскомб мертв.

— Что? — Росбарт облизнул распухшие губы. — Позвольте узнать, откуда вам это известно?

— Меня зовут Чань.

Несколько мгновений Росбарт смотрел непонимающим взглядом, а потом неожиданно дернулся всем телом в отчаянной попытке спастись бегством. Поскольку он лежал на спине и не отличался силой, для Чаня не составило труда пригвоздить его коленом к полу. Одновременно Чань схватил его за горло и сжал пальцы.

— Ты — преступник! — прошептал Росбарт.

— А ты шарил в комнате миссис Траппинг. Не думаю, что законные интересы какого угодно министерства могут простираться на женскую спальню.

— Миссис Траппинг была вызвана к герцогу! Но она не явилась. Мое расследование нисколько не выходит за рамки полномочий Тайного совета...

— Тогда почему ты пришел сюда один, под покровом ночи? Где твои солдаты? Где твое предписание?

— Я... — Росбарт перевел дыхание, щека его дернулась в том месте, где затвердел комочек воска — молочно-белая слеза. — Я не отвечаю... тем, кто...

— Зачем герцогу миссис Траппинг?

— Ее брат...

— Какой из них?

Росбарт нахмурился, словно вопрос был идиотским.

— Генри Ксонк удалился в свой загородный дом — у него приступ лихорадки. Он владелец оружейных заводов, а потому его дееспособность — вопрос национальной

безопасности...

Не успел Росбарт закончить, как Чань приподнял его и посадил спиной к столбику кровати, а сам встал, готовый при надобности нанести удар ногой.

— И что же ты нашел здесь в интересах национальной безопасности?

— Ну, во-первых... боже мой, кажется, это вовсе не комната миссис Траппинг...

— Вот тебе и боже мой, — усмехнулся Чань. — Выкладывай — что там у тебя в карманах.

Росбарт расправил на себе плащ и рассеянно похлопал по нему, словно пытаясь вспомнить, где же карманы. Вытащив конверт, он посмотрел на надпись.

— Да... вот... и женщина, чьи вещи там, в той комнате... она... гмм... ее зовут... Элоиза Дуджонг...

— Воспитательница детей Траппингов.

Глаза Росбарта расширились.

— Ты ее знаешь?

Чань выхватил конверт из его руки.

— Продолжай.

— Это ее комната! В гардеробе рядом с покоем полковника — ее одежда. А детские комнаты на другом этаже! Вполне может быть, что Элоиза Дуджонг — любовница полковника! Но раз ей отвели эту комнату, миссис Траппинг непременно должна знать об их связи!

Чань в силу своих занятий был хорошо знаком с изнанкой общества и знал, что такое встречается гораздо чаще, чем принято считать. О чем он не знал (и в чем должен был разобраться ради собственной безопасности), так это о роли Элоизы. Кем она была — просто любовницей полковника или... чем-то большим? Траппинг был мелкой сошкой, своего рода посредником между Ксонками и Вандаариффом... но Элоиза вряд ли была слепа... или глупа...

Чань смотрел на конверт, вспоминая подробности первой своей встречи с Элоизой в Харшморте... она нашептывала советы на ухо Шарлотте Траппинг. Но в их последний вечер... когда она стала пленницей в лаборатории графа... не кто иной, как Франсис Ксонк, лично позаботился о ней. Вдруг Элоиза была дорога Ксонку, и он пытался ее уберечь путем интриг?

— С чего ты взял это? — спросил Чань. — Там были и другие.

— Без особых причин. Хотелось показать начальству, что я успешно проник...

Чань ударил носком ботинка ему в подреберье, отчего Росбарт захрипел. В конверте оказался один сложенный лист, исписанный сверху донизу. Адрес стоял такой: миссис Элоизе Дуджонг, Адриан-сквер, 7... Почтовый штемпель был смазан, даты не имелось, как и сведений об отправителе. Чань кинул взгляд на Росбарта, который не без страха смотрел на него.

«Миссис Дуджонг!

Надеюсь, Вы простите мою самонадеянность, но положение настолько серьезно, что я пренебрегаю этикетом и спешу поделиться с Вами дошедшими до меня известиями. Ваша беззаветная преданность полковнику и его супруге общепризнанна, а потому, думаю, Вы — единственный человек, чье положение позволяет предупредить их о серьезной опасности, грозящей обоим. Я говорю о

них обоих, но в первую очередь меня заботит жизнь дамы. Вы должны понять, что недавние необдуманные действия миссис Траппинг затронули интересы чрезвычайно высоких особ. Я приложила некоторые доказательства, чтобы убедить Вас в своих добрых намерениях, и умоляю Вас хранить это письмо в тайне, особенно от самой дамы.

Вы можете оставить весточку на мое имя в отеле „Сент-Ройял“, и я отвечу непосредственно Вам. Остаюсь Вашей преданной и искренней слугой,

Каролина Стерн»

Больше в конверте ничего не было. Чань присел, приблизив свое лицо вплотную к лицу Росбарта.

— Где все остальное? — спросил он.

— Понятия не имею, — всхлипнул Росбарт.

— Кто твой следующий начальник после Баскомба?

— М-мистер Фелпс!

Чаню это ничего не давало.

— Зачем ему это? Почему именно это письмо, а не что-то другое? Говори правду, или я нос тебе отрежу.

— Потому что в письме упоминается миссис Траппинг! А она исчезла!

— Когда?

— Три дня назад.

— Тогда кто же блюдет интересы семьи Ксонк?

Росбарт покачал головой.

— Распорядители, директора, управляющие заводами... но никто из них не берет на себя ответственность. Все ждут, когда поправится Генри Ксонк, хотя доктора уже оставили надежду... но безопасность страны, ее способность вести военные действия...

— Не знал, что нам кто-то грозит войной.

— Это еще не значит, что нам никто не угрожает, — брызжа слюной, проговорил Росбарт.

Чань сунул конверт ему под нос.

— Что это за «необдуманные действия» Шарлотты Траппинг? Ее кто-то шантажирует? Тот, кто хочет получить ее увеличившуюся долю в империи Ксонков?

— П-понятия не имею.

— Ты знаешь эту Каролину Стерн?

— К сожалению, нет... но как только ты позволишь мне уйти, я первым делом наведу справки о ней в том отеле...

— Можешь не беспокоиться. Этой женщине на прошлой неделе перерезали горло от уха до уха.

Чань встал. Если бы только на письме была дата! Как Каролине Стерн пришло в голову написать Элоизе? Когда? Подобное предупреждение могло отбить у Шарлотты Траппинг охоту раз узнавать про заговор. Но что, если оно еще могло и защитить женщину, чьи муж и старший брат были обречены? Серьезная и надежная, как Баскомб, Каролина Стерн была видной прислужницей главных заговорщиков, но сама никогда такого бы не сделала: Чань даже не сомневался. Кто же из участников заговора подбил ее?

Чань повернулся к Росбарту, для которого созерцание потолка уже стало привычным делом.

— Где полковник Аспич? — спросил Чань.

— Кто это?

— Драгунский полковник. Четвертый драгунский полк.

— Откуда мне знать?

— Он жив?

— А с чего он должен умирать?

Чань резко опустился на колени и оглушил Росбарта ударом кулака в челюсть. Тот снова потерял сознание. Кардинал поднялся, размял пальцы в перчатке и сунул письмо во внутренний карман плаща. Он слишком задержался у Траппинга.

Пять минут спустя Чань, никем не увиденный и не узнанный, направлялся к Белому собору. Сам по себе собор его не интересовал, но от него можно было попасть в несколько разных мест. Куда же пойти? Почему бы не во дворец — то есть в Сталмер-хаус? Там можно получить сведения из первых рук о герцоге и стеклянной женщине. Шарлотта Траппинг отсутствовала уже три дня... но если капитан и его солдаты добрались до Карта, их отправили туда гораздо раньше, вскоре после старта дирижабля. Да, если выяснить истинную последовательность событий, станет ясно, кто стоит за ними и каковы истинные намерения этих людей... но было уже слишком поздно, и удовольствие от встречи с Саппом и Хорасом померкло перед невыразительной сложностью того, что он узнал об Элоизе. Умная женщина, да, но эта умная женщина совершала поступки, о которых красноречиво говорило расположение ее комнаты. Чань знал, что умные люди делают такое ежедневно, но все равно ему было грустно.

Он дошел до собора и двинулся по Сент-Маргарет к Серкус-Гарден, но свернул задолго до того, как добрался до огней площади, ярко горевших даже в этот час, — привычка заставила пойти к библиотеке. Через пять минут он оказался у приземистого сооружения, через которое можно было войти в сточный коллектор, а еще через десять — открывал крышку люка в подвале здания. Чань бесшумно поднялся по внутренним лестницам, нашел в темноте тюфяк, осторожно отодвинув стоящие рядом бутылки (по вечерам сюда частенько навещался один джинолюбивый библиотекарь) и благодарно вытянулся, всем телом ощущая приятную мягкость. Он укрылся плащом, словно жестким одеялом, снял очки, сунул их в наружный карман и выдохнул в темноте, чувствуя, как плечи сминают тюфяк, а края сознания уже погружаются в сон. Ему вспомнилась строфа Кёрома из переложения «Дон Жуана», историю которого автор перенес в новое время: «вечная бодрость желания, привязчивая, как чума»... но потом слова смешались, стали перетекать из строки в строку, как линии на восточных картинах в стиле «разлетающаяся тушь»... потом строки превратились в дымок на фоне белого неба от сигареты доктора Свенсона, дымок клубился... поднимался над осколками тела Анжелики... над лакированным мундштуком графини. Последняя мысль Чаня была об этом дымке, который графиня выдыхала изо рта в ухо Селесты Темпл, все еще лежащей в горячке. Потом Селеста подняла веки: в белках ее вихрилась грязь, задутая в мигающие шарики глаз.

Чань проснулся от первых проблесков утра, которое просачивалось через толстое многослойное стекло мансардных окон, отфильтрованное вязью металлических мостков и

лестниц на пяти этажах. Было очень похоже на тюрьму — или на то, как представлял ее себе Чань, — но он все равно наслаждался этим, находя удовольствие в своем добровольном заточении. Он прошел к шкафу библиотекаря, где нашел воду, зеркало и ночной горшок. Вода была холодной, а потому бриться Чань не стал, но сполоснул шейный платок, отжал его и повесил себе на плечи — сушиться. Он поморщился, глядя на свой когда-то великолепный кожаный плащ — тот пострадал сначала во время спуска по харшмортским трубам, а потом — при погружении в море. Однако денег на новый плащ не было. Но дыр в подкладке не виднелось, а сам плащ все еще согревал, и Чань решил, что в своих очках вполне может сойти за слепого нищего.

Закончив обычное утреннее омовение, Чань поднялся на девятый уровень стеллажей, а оттуда — на третий этаж читального зала с высокими сводчатыми потолками. Из зала он перешел в Архивный отдел, где хранились правительственные документы. Как и во всех других помещениях, пол был устлан мраморными плитками с розоватыми прожилками, а над дверью висел большой картуш с гербом знатного рода, выделившего деньги на строительство зала (в данном случае вымершего и никем не оплакиваемого семейства Гримпов). Из-за постоянного пополнения фондов Архивный отдел был заставлен стеллажами высотой в пятнадцать футов, которые резко контрастировали с роскошными интерьерами. Стеллажи располагались вдоль стен и стояли рядами по всему помещению. Чтобы найти какой-нибудь документ, требовалась лестница и помощь библиотекаря.

Для Чаня это собрание было готовым источником информации о земельных владениях, изменениях законодательства, браках, поместьях, наследствах, переписях — чего угодно (то есть всего), что безостановочно выходило из-под мельничных жерновов правительства и подлежало сохранению для потомства. Чань начал с самого начала. Герцог жив — значит, жива его марионетка и любовница миссис Марчмур. Шарлотта Траппинг пропала из дома, и чиновники дворца разыскивали ее. Судя по всему, она была далеко не глупа (если не считать того, что вышла замуж) — всего лишь женщина, которую небрежно отстранили от обретенного семьей могущества...

Чань подкатил к нужному месту деревянную лестницу и добрался до самой высокой полки. Там в деревянном лотке лежали последние документы, которых еще было мало, чтобы переплетать. Чань взял их, легко, по-кошачьи, спустился по лестнице с полными руками и бесцеремонно свалил всю эту кипу на широкий стол.

Занимаясь в свое время обстоятельствами перевода Четвертого драгунского полка во дворец, Чань выяснил из министерских документов, откуда поступил приказ. Так он обнаружил сделку, заключенную между Генри Ксонком и заместителем министра Граббе. Чань не склонен был верить в чистоту людских намерений, но даже его удивила откровенность, с какой деляги вроде Ксонка навязывали свои интересы правительству. Поместив своего зятя, полковника Траппинга, во дворец, Ксонк мог первым получать известия обо всех военных действиях, дипломатических договорах, изменениях таможенных тарифов — словом, о бесчисленных и разнообразных событиях — и использовать эти известия к своей выгоде. Граббе же за это получал в свое распоряжение (без всяких законных прецедентов) нечто вроде частной армии, а это придавало видимость законности всем решениям заговорщиков, ведь их теперь исполняли солдаты королевы. Поступок этот был дерзким и самонадеянным. Но сегодня Чаня интересовали подробности, которые из-за бюрократических процедур могли не получить отражения в документах. Что Генри Ксонк пообещал за эту сделку? И соответственно, что могла обнаружить Шарлотта Траппинг в тот

последний харшмортский вечер?

Сообщения оказались не систематизированы, но Чань быстро сортировал документы, откладывая ненужное — данные по сельскому хозяйству, реформе законодательства, медицинским патентам, сыру, скоту и маркам. Он помедлил над сообщением о королевских охотничьих заповедниках, в котором мелькнуло название «Парчфелдт-парк». Чань поднес бумагу поближе к лицу и прочел внимательнее: часть земли в южной части парка отводилась под общественные нужды, что позволяло протянуть ответвление Орандж-канала через весь заповедник. Чань нахмурился. Что именно в дальней части Парчфелдт-парка требовало подвода канала, а следовательно — сообщения с морем? Он отложил документ в сторону и продолжил просмотр переплетенных бумаг, но ничего интересного не попадалось. Чань пожал плечами. Имел ли канал отношение к Ксонку? Доказательств не было. Вдруг ему пришло в голову посмотреть документы Министерства внутренних дел. Не найдется ли там следов предыдущих попыток предоставить эту часть Парчфелдта в частное пользование? Чань с удовлетворением обнаружил целую кипу прошений, представленных неким мистером Де Грутом — судя по всему, довольно неудачливым владельцем заводика в тех краях. На все прошения последовал отказ. Прощения подавались десять лет подряд, а потом резко прекратились, и в последующие три года никаких просьб не поступало. Но вот прошлой зимой некто мистер Альфред Леврет подал еще одно прошение.

Оно было удовлетворено.

Чань вышел из Архивного отдела, пересек мраморную площадку и не моргнув глазом направился в справочный зал, свод которого виднелся за стойкой библиотекаря. Двигаясь, как неторопливая полуслепая пчела среди пыльных цветов, Чань погружался в тяжелые расслаивающиеся тома, а потом выныривал из них — реестры предпринимателей и смертей, данные о сделках с землей. Через тридцать минут он стащил с носа очки и, сплюнув в носовой платок, протер влажной материей свои чувствительные глаза. Он узнал то, что хотел: Август Де Грут умер банкротом в долговой яме. По прошествии трех лет его завод (все это время стоявший заброшенным) был приобретен — совсем недавно, в прошлом октябре — Альфредом Левретом, одним из управляющих «Оружейных заводов Ксонка». И вот теперь, после недавних соглашений между Генри Ксонком и Тайным советом, этот драгоценный доступ к каналу был предоставлен.

Он усмехнулся при мысли о том, как легко добиться всего за деньги. Несчастья Де Грута напомнили ему историю Маргарет Хук, дочери обанкротившегося заводчика с севера, которого, без всяких сомнений, довели до разорения точно так же, как и Де Грута, ожидая, когда можно будет задешево ухватить остатки промышленной империи. А что случилось с детьми Де Грута и с уволенными рабочими — не пришлось ли им испытать нищету и страдания? Учитывались ли такие мелочи, когда речь шла о крупных сделках? Все это лежало за пределами официальных расчетов, а потому для государства как бы не существовало. Чань стряхнул с ладоней пыль фолианта.

Было около восьми — скоро библиотека наполнится работниками. Завод Де Грута и его близость к Парчфелдту казались Чаню ответом на его вопрос. Правда, логичнее предположить, что овдовевшая Шарлотта Траппинг переехала на приморскую виллу каких-нибудь родственников или даже в гостеприимную иностранную столицу. Но разве дело в Шарлотте Траппинг? Он пробрался в ее дом, но тут узнал про тайны Элоизы... не стоит ли выяснять про нее? Чань бесшумно перешел в картографический зал, надеясь узнать сразу

обо всех интересующих его персонах.

Может быть, из-за природной недоверчивости он переоценил своих врагов? Что, если руки их были коротковаты, а возможности не так велики? Или же их замыслы по части богатства и могущества выходят за все мыслимые пределы? Чань открыл справочник и нашел номер карты Парчфелдт-парка, потом в одном из больших шкафов обнаружил нужный ему ящик и наконец расстелил карту на столе.

Парчфелдт был громаден, как и многие королевские заповедники. Парк имел форму высокого нормандского щита, и Чань, помня о министерском сообщении, обратил внимание на его южный выступ, теперь пересеченный лентой свежеспрорытого канала. Парк находился ближе к морю, чем он предполагал, и неподалеку от северного ответвления Орандж-канала. На самом краю карты Чань увидел уже заброшенный (или еще не заброшенный — смотря когда составлялась карта) завод покойного мистера Де Грута. Он покачал головой. К ближайшему каналу от завода вела неудобная петляющая дорога, увеличивавшая сроки поставок на целые дни, к тому же по пути груз облагался сборами и пошлинами. Для предпринимателя вроде Генри Ксонка это вряд ли имело значение, но Де Грут при таком раскладе оказался банкротом. С удлиненным каналом путь от завода до моря сокращался до одного дня — преимущество колоссальное. К тому же почти никаких сборов по дороге. Идеальное место для производства товаров на экспорт... скажем, в Макленбург.

Чань извлек из кармана письмо Каролины Стерн. Две вещи поразили его. Первая — то, что с Элоизой вообще зачем-то связались. Ксонк убедил ее посетить Тарр-Манор, чтобы найти полковника Траппинга, однако лишь после того, как тот был убит. Но это письмо означало, что кто-то из заговорщиков еще раньше заинтересовался Элоизой и миссис Траппинг... получается, они намеревались обойти Ксонка и завладеть состоянием его семьи. Дерзкая стратегия! Чань усмехнулся. К тому же в письме упоминался отель «Сент-Ройял», а значит, за всем этим стояла графиня.

Теперь Чань занялся вторым пунктом — «действиями» Шарлотты Траппинг. С женщиной его обычная тактика (просмотр кучи бумаг, которые оставлял после себя едва ли не каждый мужчина из общества) оказывалась неприменимой. Почти никакое желание Шарлотты не могло осуществиться втайне от мужа или братьев — так, чтобы остались записи. Да, силы воли этой женщине хватало, но как обнаружить ее проявления?

Но если нельзя догадаться о действиях Шарлотты Траппинг, не попробовать ли выяснить, что было на уме у графини?

Если смотреть взвешенно, то первую скрипку в семействе Ксонков, конечно же, играл Генри, Шарлотта и ее набравший вес муж были на вторых ролях, а Франсис — беспутный бездельник — и вовсе на третьих. Непосвященным казалось, что заговор возглавляется Робертом Вандаариффом и Генри Ксонком, а истинные его творцы выглядели при них мальчишками на побегушках. Если миссис Траппинг интересовалась деятельностью своего мужа, то должна была заняться его отношениями с этой могущественной двойкой...

Чань начал расхаживать между столами, сцепив руки за спиной. Он явно приближался к разгадке. Через Каролину Стерн и Элоизу Дуджонг графиня предупреждала Шарлотту Траппинг, но не выходила на нее напрямую — игру следовало вести чужими руками и осторожно. Чань вернулся в Архивный отдел. На лестнице он увидел одного из работников второго этажа — тот медленно поднимался перед ним с набитой до отказа сумкой. Чань не ответил на его приветственный кивок и вернулся к сообщениям о строительстве канала. Листая страницы, он наткнулся на адрес мистера Альфреда Леврета, а затем перешел к

документам по недвижимости. Еще две минуты — и он узнал, что Альфред Леврет недавно стал собственником дома на Хаултон-сквер. Не будучи модным местом, Хаултон-сквер предлагала своим обитателям неоспоримую унылую респектабельность — идеальное местожительство для амбициозного промышленника средней руки.

Обнаружилась ссылка на другой документ в приложении... который, в свою очередь, отсылал к банковским переводам... которые, в свою очередь... Чань листал страницу за страницей, прослеживая, как преднамеренно запутывалось все дело, как Архивный отдел наводнялся непомерным количеством бумаг. Потом он завел пальцы под очки и, улыбаясь, протер свои чувствительные глаза. Он нашел-таки то, что искал. Графиня пыталась отпугнуть Шарлотту Траппинг, чтобы та не совалась в дела Генри Ксонка (такие, как покупка завода Де Грута), только потому, что эти дела не имели к Генри никакого отношения. Деньги на покупку дома Леврета пришли из банка в Вене, представляющего интересы Франсиса Ксонка. Завод принадлежал ему, графиня знала это и твердо решила не дать узнать об этом никому, прежде всего назойливой сестренке без права голоса.

Когда Чань выскользнул через задний вход, было уже почти десять. Он провел в библиотеке гораздо больше времени, чем собирался. Окольным путем, сделав большой крюк на север до самой Уорзинг-Серкл (где он перехватил пирог и кружку горячего чая), Чань вернулся в неприглядное здание на углу рядом с собственным домом и вошел в дверь. Никто за ним не следил. Он быстро поднялся на пустой чердак и нашел там доску в полу, под которой — как же давно это было! — спрятал саблю макленбургского лейтенанта, убитого им у себя в комнате. Сунув оружие под плащ, Чань вернулся на улицу, готовый в случае надобности тут же обнажить клинок. Но случая не представилось.

Еще одна короткая прогулка — и он оказался у Фабрици, чтобы обменять саблю на отремонтированную трость, извинившись за утрату одолженного на время оружия. Старик с профессиональным безразличием осмотрел саблю и взял ее, цокнув языком — мол, замена равноценная. Одно только золото на рукояти и ножнах в два раза перекрывало стоимость трости, но Чань не знал, когда в следующий раз придется идти к Фабрици, а после сабли с мастером можно было и поторговаться. Было почти одиннадцать — самое время нанести визит на Хаултон-сквер.

Дверь открыл слуга с седыми баками, крепко сбитый, когда-то, пожалуй, не уступавший ростом Чаню, но с тех пор потерявший дюйм-другой. Он поглядел на Чаня с великолепным безразличием — ведь любой похожий мог увидеть, как среди бела дня к уважаемому Альфреду Леврету стучится сомнительный тип.

— Мне нужен мистер Леврет. Меня зовут Чань.

— Мистера Леврета нет дома.

— Позвольте узнать, когда он вернется.

— Не могу сказать.

Чань искривил губы в легкой ухмылке.

— Может быть, вы и сами не знаете?

Слуга должен был бы захлопнуть дверь перед его носом (и Чань уже примерился, чтобы вставить ногу между дверью и косяком, а затем ворваться внутрь), но не сделал этого. Он только осторожно повел по сторонам глазами — не смотрит ли кто с улицы или из соседних окон.

— Вы знакомы с мистером Левретом? — спросил он.

— Ни в коем случае, — ответил Чань. — Но похоже, у нас есть общие интересы.

Слуга не ответил.

— Например, Шарлотта Траппинг. И мистер Франсис Ксонк.

Лакейский лоск (воротничок, фрак, вычищенные ногти, сверкающие туфли) внезапно поблек — глаза старика тревожно забегали, как две перепуганные мышки.

— Позвольте задать вам вопрос, мистер?...

— Мистер Хапперти.

— Мистер Хапперти. Среди бела дня, на пороге вашего дома, вы разговариваете с человеком вроде меня. Значит, у вас имеются некоторые... опасения... касательно вашего хозяина. Я, никогда его не встречавший, стою здесь — это говорит о том, что положение серьезно. Предлагаю поговорить свободнее — а поговорить нам необходимо, мистер Хапперти. И лучше сделать это в доме.

Хапперти втянул воздух через зубы, но отошел в сторону.

— Премного благодарен, — прошептал Чань. Дела обстояли гораздо хуже, чем он предполагал.

Холл соответствовал ожиданиям, то есть говорил о весьма скудном воображении: громадная шахматная доска мраморного пола, высокий сводчатый потолок с безобразной люстрой на цепи, напоминающей остекленевшего морского ежа, лестница с развешанными на одинаковом расстоянии картинами — все под цвет обивки стульев холла. То были жизнерадостные сценки на берегу реки — такой райской голубизны ее водам не придал бы сам Христос, спустившийся в эти края солнечным летним днем.

Мистер Хапперти закрыл дверь, но пройти Чаня дальше не пригласил, и тот сам сделал несколько шагов к открытому арочному проему.

— Мистер Леврет приобрел этот дом недавно, — заметил Чань. — А вы служили у него, когда он жил на прежнем месте?

— Я позволил вам войти только для того, чтобы вас не видели с улицы, — твердо заявил Хапперти. — Вы должны сказать, что вам известно.

— Давно ли отсутствует ваш хозяин?

Это было предположение, но небезосновательное. На самом деле вопрос заключался в том, пал ли Леврет жертвой заговорщиков или на фоне бурных событий прошлой недели случилось что-то другое. Иными словами, прятался он или был мертв?

— Я впустил вас в дом, — повторил Хапперти. — Но я должен знать, кто вы такой.

— Я именно тот, кем кажусь, — ответил Чань. — Ваш хозяин мне совершенно безразличен... я не собираюсь вредить ему, если вы об этом. И вам тоже — иначе я уже сделал бы это.

Других слуг не было видно — никто не прибежал, чтобы вышвырнуть его из дома. Неужели все ушли? Или были отосланы?

— Вот уже четыре дня, — вздохнул наконец Хапперти.

— А когда вы в последний раз его видели... как по-вашему, он собирался уехать надолго?

— Нет, не думаю.

— Ни чемодана, ни карманов, набитых наличностью? И никаких изменений в расписании встреч?

— Ничего такого.

— А где он занимается своими делами?

— Мистер Леврет в течение недели ездит на разные оружейные заводы. Но в тот день... — Хапперти неуверенно замолчал.

— Он в состоянии защитить себя?

Хапперти ничего на это не ответил.

— Вашему хозяину грозит опасность, — сказал Чань. — Генри Ксонк — в маразме, Франсис Ксонк мертв. Ваш хозяин встал на пути тех, кто намного могущественнее Ксонков. Истинных повелителей.

Чань вдруг понял, что рассматривает пупырчатый, хотя и чисто выбритый подбородок Хапперти, неприятно напоминавший ломтик красной рыбы. Подбородок терся о белый крахмальный воротничок, и на материи могло остаться жирное розоватое пятно. Наконец старый слуга откашлялся, словно принял решение.

— У мистера Леврета была назначена встреча во дворце.

— И часто у него случались такие встречи?

— Если у вас заказы от правительства, такое бывает постоянно. Но мистер Леврет никогда не ездил на них сам — этим занимался мистер Ксонк...

— Генри Ксонк?

Хапперти нахмурился.

— Конечно Генри. Но из-за карантина мистер Ксонк не смог приехать, и во дворец вызвали мистера Леврета. Он должен был представить график поставок вооружений для батарей береговой обороны.

— И эти вооружения перевозятся по западным каналам?

— Я всего лишь отвечаю за порядок в доме мистера Леврета.

— Вы знаете, с кем он встречался во дворце?

— Туда он явно не доехал. Во дворце хотели его видеть, прислали сюда офицера с солдатами. Без всяких церемоний и объяснений они обыскали все вокруг в поисках мистера Леврета, хотя я их всячески отговаривал.

Хапперти оживился, описывая вторжение в собственный мир. Чань сочувственно кивнул.

— Но с кем он должен был встретиться во дворце?

— В ежедневнике мистера Леврета значился мистер Фелпс из Министерства иностранных дел. Ума не приложу, какое это имеет отношение к береговой обороне. Мне кажется, мистер Леврет прежде с ним не встречался.

Хапперти с оскорбленным видом показал за арочный проем. В дальнем помещении было разбито окно, тонкие кружевные шторы грудой валялись на полу, на дорогой итальянской плитке пола виднелись царапины...

— А вы не помните, как выглядел этот офицер? — спросил Чань.

— Мой долг запоминать всех. Полковник Аспич из Четвертого драгунского полка.

Чань вспомнил шрамы, которые Процесс оставил вокруг глаз Аспича, — видимо, они и привели полковника в дурное настроение. Продажность Траппинга была отвратительна, но Аспича заговорщики соблазнили с необычайной легкостью. Чань был уверен, что совесть полковника свернулась глубоко внутри его и впала в спячку, наподобие червяка, отчего полковник с еще большей жестокостью выполнял задания новых хозяев.

— Еще два вопроса — и я уйду, — сказал он. — Считайте меня своим должником — я

постараюсь найти мистера Леврета. Вопрос первый: бывал ли ваш хозяин в Харшморт-хаусе?

Мистер Хапперти отрицательно покачал головой.

— И второй: в последние две недели... вы не замечали, кожа у него на лице не обесцвечивалась, не было ли шрамов вокруг глаз? Или может быть, его просто не было дома, когда с ним могло такое происходить?

Хапперти снова покачал головой.

— Мистер Леврет — аккуратный человек с устоявшимися привычками. Каждый вечер в половине седьмого он обедает дома.

— Тогда еще один вопрос, — сказал Чань, держась за хрустальную ручку двери. — От вас ничто не ускользнет. Вы знакомы с миссис Элоизой Дуджонг?

— Это вдова, — сказал Хапперти. — На службе у миссис Траппинг.

— А мистер Леврет с нею знаком?

— Мистер Леврет весьма чувствителен к положению людей в обществе.

Пришлось идти напрямую через Серкус-Гарден, хотя Чань предпочитал в любое время дня обходить этот квартет стороной — тем более в своем нынешнем непрезентабельном виде. В какой-то момент путь ему преградила коляска с молодыми дамами, и Чань вдруг остановился, пораженный окутывающей их атмосферой, вплоть до игривой расцветки шляпок. О легкомыслие — в городе грязи, дыма, крови, табачной жвачки и напластований сажи носить нежно-лимонное!

Торопясь, он прошел лишний квартал, чтобы войти незамеченным через Хеллиотт-стрит. Толпа пассажиров, казавшаяся особенно беспокойной и враждебной, вынесла его на главную лестницу Строрпинга... но потом у основания широких каменных ступеней он увидел шеренгу констеблей, которые при помощи окриков выстраивали пассажиров в ряды и группы по месту назначения. Что все это значило? Чань помедлил. Его окружала недовольная человеческая масса: пассажиры огрызались на констеблей, констебли отвечали тычками. Мало того, за констеблями просвечивали красные мундиры — повсюду виднелись небольшие отряды драгун во главе с министерскими чиновниками. За всю свою жизнь, насыщенную преступлениями и их последствиями, Чань не видел такой облавы. Толпа подхватила его и понесла вперед, становилось все неудобнее — вот-вот один из констеблей его заметит. У самой лестницы Чань неожиданно пробормотал извинения, сделал вид, что уронил трость, и присел так, чтобы его загораживали пассажиры, а потом резко рванулся вперед, мимо уставших констеблей. Так, вприсядку, он добрался до рекламной тумбы и попытался обмозговать свое положение.

Росбарт знал, кто такой Чань, но не искал его... вдруг и здесь подняли тревогу совсем по другому поводу? Даже если констебли получили от капитана описание Чаня, ловили не его. Неужели дела обстояли так плохо, что дворец объявил открытую охоту на Шарлотту Траппинг или даже Леврета, словно те были преступниками? Но констебли, похоже, вообще никого не искали — скорее им велели подавлять возникающие беспорядки. Что еще могло произойти в городе? Да, конечно, газеты... но газеты издаются для глупцов. Все эти истерические предупреждения вряд ли делались всерьез.

Он посмотрел на часы — около полудня, потом опустил взгляд. Ни доктора, ни мисс Темпл под ними не было. И Элоизы Дуджонг тоже.

Место встречи было у всех на виду, и Чаню совсем не хотелось задерживаться здесь. Он

приподнялся на цыпочки, пытаясь понять, что интересует полицию: прибывающие или убывающие поезда? Какое-то определенное направление? Вдоль южных платформ, откуда уезжали в Ка-Руж и другие прибрежные курорты, которых Чань никогда не видел (ему приятно было думать о том, какой холодный там сейчас ветер), бродила пара драгун, а один солидный человек в черном стоял неподвижно. На западное направление (включая ветку на Тарр-Манор) выделили отряд в шесть сабель.

Наступил полдень. Поскольку его компаньоны должны были прибыть с севера, Чань направился к часам обходным путем, близко подойдя к нужным ему платформам. За каждым поездом наблюдал один человек в черном, а между чиновниками стояло по эскадрону драгун. Ни доктор, ни мисс Темпл не подозревали о существовании бокового выхода на Хеллиотт-стрит, да и все равно не сообразили бы им воспользоваться. Их наверняка арестуют. И все же... поезд с севера, видимо, только что прибыл. Чань видел растянувшуюся под пристальными взглядами драгун и чиновников цепочку пассажиров, но не заметил ни доктора, ни мисс Темпл. По платформе никого не тащили силой. Чань занял место под часами, размышляя, через сколько времени его заметят и в какую сторону удирать.

Он дал им три минуты — стоять под часами дольше было бы глупо — и выбрал себя за выбор места: тот, кто доверился ему, попал бы в ловушку. Часы отсчитывали секунду за секундой. Констебли с их тычками переместились ближе к Чаню. Он слышал, как перекликаются солдаты, перекрикивая свистки паровозов. Хватит. Чань резко нырнул в самую гущу толпы. Раз он здесь, лучше заняться восточными линиями — к прибрежным каналам и Харшморту. Он выпрямился. Враги в черных и красных одеяниях пронизывали толпу, как китовый ус — женский корсет.

Тяжелая рука ухватила его за правое плечо. Чань поднял трость, развернулся и увидел перед собой Аспича.

— Драгуны! — крикнул полковник стоявшим за ним солдатам. — Взять его!

Чань сбросил с себя руку, но бить ногой или тыкать рукоятью трости в горло было уже поздно — Чань был в потрясении. Прежде крепкий и бодрый, полковник изменился до неузнаваемости: глаза его налились кровью, кожа вокруг ноздрей была в бледных нарывах, а его коротко подстриженные сидящие волосы стали абсолютно белыми.

Драгуны рванулись вперед, а Чань нырнул в толпу. Но та бурлящая ярость, которую он заметил еще на лестнице, достигла теперь точки кипения, словно крик Аспича сделал Чаня в глазах пассажиров козлом отпущения за все унижения и неудобства. Послышались возмущенные крики. По своему опыту общения с враждебно настроенной толпой Чань знал, что в любой момент какой-нибудь злобный идиот попытается сбить его с ног, а следом накинется с десятков других идиотов. Он ухватил за руку пожилого человека и толкнул назад, чтобы задержать преследователей. Послышались лязганье извлекаемых из ножен сабель, крики Аспича, требовавшего, чтобы толпа расступилась, вопли женщин (Чань ничего не видел и не понимал, куда бежать), потом еще чей-то вопль. Наконец он вырвался к поездам, где было более или менее свободно. Люди бросились в стороны, показывая на него пальцами. Остановка грозила смертью, и Чань в отчаянии метнулся между двумя поездами, собирающимися отбыть на восток.

Путь преграждали человек в черном и четыре драгуна. Стоя спиной к Чаню, они разглядывали что-то на путях. Аспич кричал, приказывая Чаню остановиться. Чиновник повернулся, побледнел и, взмахнув руками, отдал команду своим солдатам, но Чань мгновенно оценил расстояние — драгуны были слишком далеко, а он двигался слишком

быстро. Он врезался в чиновника, при столкновении заорав для пущего ужаса, ухватил его за черные лацканы и швырнул — руки у несчастного мотались, как у тряпичной куклы, — в набегающих драгун. Потом Чань нырнул под ближайший вагон и, бешено работая руками и ногами, выполз по другую сторону, порвав брюки о гравий. Но зато, когда он встал, преследователи только опускались на колени, готовясь лезть под вагон. Снова оказавшись на платформе между двумя составами, Чань понял, что выиграл секунд пять. Тут в конце платформы появились новые драгуны, крича и показывая руками на Чаня. Он кинулся прочь от солдат. Состав, под которым он только что прополз, недавно прибыл (паровоз стоял под крышей вокзала), а соседний поезд, наоборот, собирался отъезжать, и Чань бросился вперед, к стоящему под парами паровозу. Не оглядываясь, он метнулся под локомотив и выскочил с другой стороны.

Близлежащие пути были свободны, и Чань побежал наискосок к следующему поезду — с желтыми вагонами. Он прикидывал, повернуть ли ему назад, к вокзалу, или забраться в вагон через окно и скрыться из виду. Но прежде всего нужно было увеличить отрыв. Еще двадцать ярдов — и он оказался под желтым поездом. Вынырнув, Чань всю заредел ногами: состав на соседнем пути набирал скорость, покидая Строппинг, первые вагоны уже исчезали в черной дыре туннеля. Чань бросил взгляд через плечо: драгун не было видно.

Он добежал до путей, по которым шел поезд, когда последний вагон уже проехал мимо. Чань со всех ног припустил по шпалам. Поезд набирал скорость, но и Чань тоже. Его пальцы в перчатках уже касались задних поручней. Он поднял глаза и в дверях тормозного вагона увидел человека в плаще с капюшоном — того самого, с кем Чань дрался в вагоне на станции Карт. Рука с синим осколком метнулась в сторону Чаня, и он отпустил поручень — иначе удар пришелся бы ему в лицо. Человек злобно смотрел на Чаня, тем временем вагон вошел в туннель, и порыв ветра сорвал капюшон с головы незнакомца. А может, тот как раз хотел показать Чаню свое лицо. Чань согнулся пополам, тяжело дыша и уперев руки в колени. Только теперь в голове у него начало кое-что укладываться.

Франсис Ксонк все еще был жив.

Из-под желтого поезда, на некотором расстоянии от Чаня (однако ближе, чем ему хотелось бы), появилась пара решительно настроенных драгун. Чань рывками устремился в туннель, следом за поездом, который увозил Ксонка. По крайней мере, там можно повернуться лицом к врагу и устроить собственную засаду. Если повезет, драгуны просто отстанут, увидев, как он исчезает в туннеле, чего и следовало ожидать: туннели грозили опасностью, ибо в них пересекались пути и поезд мог неожиданно появиться откуда угодно. Чаню вовсе не хотелось попадать в туннель. Он надеялся только на то, что после проезда состава с Ксонком на этом пути не будет других поездов — хотя бы столько времени, чтобы успеть уйти от драгун.

Но туннель оказался дальше, чем казалось. Добежав до него, Чань дышал как паровоз, а темнота впереди наполнилась звуками других поездов. Но что еще хуже, драгуны не остановились. Те, что были впереди, подождали других, и теперь уже десяток солдат двинулись между путей. Чань выругался, снял очки и сунул во внутренний карман своего плаща. Он почти ничего не видел. Выставив вперед трость, он хотел нащупать стену туннеля, надеясь спрятаться в какой-нибудь выемке, но споткнулся о полузасыпанную нитку старых путей и упал на колени. Пришлось шарить в поисках упавшей трости. Часто моргая, Чань оглянулся. Драгуны приближались быстрее, чем он рассчитывал. Он нащупал трость, нырнул

в темноту и жестко приземлился на пропитанных смолой камнях. Мимо пронесся поезд — всего в нескольких дюймах, как показалось ему, но он знал, что причина тому — скорость и резкие потоки воздуха. В дверях последнего вагона стоял проводник с фонарем. На дразняще краткое мгновение луч фонаря осветил туннель, в котором притаился Чань.

Один путь уходил в какое-то ответвление. Такое место вполне могло стать ловушкой (самая лучшая засада не позволит расправиться с Аспичем и всеми его людьми), но Чаня все равно влекло туда: вдруг найдется боковой выход, легкий путь к спасению? Споткнувшись несколько раз, Чань вбежал туда. Уединенность бокового туннеля имела свою изнанку — здесь стояла полная темнота. Пришлось шагать на ощупь, постукивая тростью и теряя время. Он слышал, как перекликаются драгуны, а потом увидел пляшущие на стенах тени. Чань похолодел: солдаты притащили фонари. Его загонят в угол, как крысу в кладовке.

С другой стороны, свет помогал продвигаться и ему. Он перешел на отчаянный бег, когда в заброшенное ответвление проник гулкой стук колес еще одного поезда. Новый состав не прогрохотал мимо — сбросив скорость, он въехал как раз на эту ветку. Понимая, что через считанные секунды его обнаружат, Чань бросился к почерневшей от сажи сводчатой кирпичной стене. Там было несколько арок, и в каждой имелись пути, отходившие от главного. Чань нырнул в ближайшую арку и прижался к стене. В туннеле стало гораздо светлее из-за поезда (который теперь медленно сдавал задом к громадному вокзальному залу) и драгун, размахивавших фонарями. Чань отступил еще дальше и с удивлением увидел, что свет фонарей от чего-то отражается. Тупичок, в котором он оказался, был занят вагоном: собственно, он и предназначался для отстоя вагонов.

Чань протиснулся между вагоном и грязной стеной. Драгуны подошли ближе. Чань бросился на землю, забрался под вагон, нащупал над собой поперечину и, схватившись за нее, приподнялся со шпал. Теперь ноги его упирались в борта вагона, а подмышками Чань повис на поперечине. Через несколько секунд в туннеле ярко засветились фонари. Чань затаил дыхание. По обе стороны вагона, хрустя гравием, прошли двое солдат. Свет фонарей удалился вместе с ними, и на мгновение все вокруг Чаня погрузилось в темноту. Он выпустил воздух из легких и осторожно вдохнул. Драгуны вернулись и сунули фонари под вагон, но Чань висел достаточно высоко и остался незамеченным. Потом свет опять исчез. Солдаты двинулись к следующему туннелю.

Чань медленно опустил на шпалы, прислушиваясь к звукам, чувствуя спиной дерево шпал и гравий, а лицом — движение прохладного, загрязненного воздуха. Что, если он просто умрет здесь, под вагоном? Как скоро найдут его тело? Или его сожрут крысы, растащив по всему туннелю?

Он посмотрел в сторону своих ботинок. Свет в туннеле снова двигался. Освободившись от вагонов, паровоз шел обратно, от вокзала к собственно станции. Следом появились, раскачиваясь, световые пятна поменьше — драгуны. Чань расслабился, лежа на деревянных шпалах, — он хотел подождать несколько минут, а пока решил поразмышлять с пользой. Франсис Ксонк был жив. Полковник Аспич — болен. В городе усиливались волнения.

Вообще говоря, глупо было не узнать Ксонка во время схватки в купе вагона. Счастливая судьба Ксонка еще раз подтверждала, что, имея дело с заговорщиками, ничего нельзя принимать на веру. Может, никто из пассажиров дирижабля и не погиб. Но потом Чань вспомнил, как Лидия Вандаарифф лишилась головы, а принц Макленбургский ног, как всплыло в воде, спиной кверху, тело Каролины Стерн. Прислуга всегда погибала.

Чань выкатился из-под вагона, по привычке отряхнул плащ. Здесь почти ничего не было

видно, но его внезапно обуяло любопытство. Одной рукой касаясь стены, он пошел к дальнему концу вагона. Чань на ощупь отыскал металлическую лестницу, приваренную сбоку, вскарабкался по ней и обнаружил, что вход на площадку вагона перегорожен цепочкой на высоте пояса. Он перебросил через цепочку ногу и стал ощупывать руками дверь — металлическую, холодную и без ручки.

Чань спустился и прошел к другому концу вагона: такая же площадка, лестница и гладкая металлическая дверь. Он стащил перчатку с правой руки и голой ладонью провел по холодному металлу. Пальцы нащупали углубление под ключ.

Он вытащил из кармана связку отмычек, перебрал их вслепую, нашел три особенно мощных и массивных, подаренных датским воров по имени Рюуд, когда Чань устроил тому место на корабле контрабандистов, идущем в Роттердам. Чань не раз собирался их выбросить — слишком уж много они весили, а насчет их ценности приходилось полагаться лишь на слова датчанина. Он поднес первую отмычку к скважине, но она не входила внутрь — была великовата. Вторая вошла в скважину, но не поворачивалась. Чань не без труда вытащил ее, чувствуя, как в нем растет раздражение. Третья отмычка вошла, хотя и внатяг, и повернулась по часовой стрелке. Больше ничего. Чань нетерпеливо повернул ее в обратную сторону. Есть! Пройдя полный круг, отмычка с глухим щелчком затянула язычок замка внутрь.

Синий свет лился из сотен ярких точек, словно в волшебном гроте. Чань оказался внутри вагона, изготовленного по специальному заказу графа. Он наклонился к ближайшему светящемуся пучку и увидел пузырьки синего стекла, вделанные в висячую полку — в ней высверлили отверстия диаметром с монокль доктора Свенсона. Такие полки висели вдоль каждой из стен. Чань не мог понять, почему вагон с таким количеством стекла отравили на стоянку, к тому же так близко от вокзала с его людскими толпами. Может, по распоряжению графа, которое пока никто не осмеливался отменить? Может, туннели у Строппинга отданы на откуп богатым, чтобы они держали там свои частные вагоны? Может, в соседнем туннеле понемногу чернел от сажи собственный вагон старушки королевы, изготовленный к ее серебряной свадьбе на деньги налогоплательщиков (что породило самые недоброжелательные толки)?

Чань оставил дверь приоткрытой — меньше всего ему хотелось оказаться запертым, не понимая действия замка, — и подошел к мерцающей синим стеклом полке. На ней было около тридцати ярких пузырей, которые напоминали набор снарядов для какого-то несуществующего оружия. Если это было просто переработанное стекло, то в нем отсутствовали воспоминания — только природные, изначальные свойства этого вещества... о которых Чань не имел ни малейшего представления. Каждое отверстие прикрывал диск прозрачного стекла, удерживаемый на месте тонким металлическим кольцом. Чань нахмурился. Что это — медь? Нет, ярче, более... оранжевое. Чань подсунил ноготь под кольцо, надавил (отчего ноготь словно по волшебству отвратительно почернел), и кольцо вместе с прозрачным диском выскочило из гнезда. Рукой в перчатке Чань извлек штырь из синего стекла размером с большую пулю — для охоты на слона, что ли, — абсолютно гладкий и симметричный.

Вопреки доводам рассудка, Кардинал Чань сунул стекло в карман своего плаща, а потом, немного подумав, и металлическое кольцо. Прозрачный стеклянный диск он приладил назад над пустым теперь отверстием.

Изнутри вагон выглядел как модная гостиная: окна с изящными переплетами, шторы, оштукатуренная лепнина и соответствующая мебель, намертво прикрученная к полу: набор кресел, кушеток и буфетов на высоких ножках. Чань усмехнулся — о, это желание всюду окружать себя знакомыми вещами! Разве удовольствие от владения собственным вагоном не в том, что вагон этот неповторим и уникален? Чань полагал, что этот интерьер не должен был походить ни на какой другой, выражая душу новой среды обитания для избранных. Но он видел лишь признаки традиционного комфорта: железнодорожный вагон, стилизованный под апартаменты мужского клуба или — Чань усмехнулся — под кабину дирижабля, оснащенную диванами. Новые сооружения должны устремляться в будущее, а не быть местом для распития портвейна в мягком кресле.

Сам он не пил портвейн в мягком кресле, но собственная нищета не могла поколебать уверенности Чаня в духовной нищете его врагов... И все же этот вагон был созданием графа д'Орканца, который вряд ли был рабом традиционных вкусов. Чань огляделся внимательнее и разглядел иронию замысла, осуществленную именно через банальность интерьера. Стало понятно, что предметы обстановки, решенной в традиционном духе, были все высокомерно-черными — ковры, стена, орнамент штукатурки, даже обивка. Казалось, что исходящее от них чувство комфорта и безопасности было источником порочного и презрительного наслаждения. Художник, граф видел мир через призму метафоры, и, как бы ни была темна его душа, миры, создаваемые им, наполнялись красотой и остроумием. Изящная кушетка была оснащена кожаными ремнями. Широкие, мягкие кресла имели лакированные подносы, которые выдвигались, подобно квадратным крыльям. На них ставили еду, бокалы... или медицинские инструменты.

Заинтересованное удивление Чаня разом сменилось другим чувством. В потолке имелась вентиляционная решетка, а у себя под ногами, на плитке из чистого сланца, он увидел металлический слив. Плитку окаймляла тонкая полоска все того же оранжевого. Чань поднял голову. Точно так же была отделана и вентиляционная решетка. Над полосой лепнины, тянувшейся вдоль всего вагона, виднелась оранжевая ленточка шириной с детский палец.

Чань перевел дух и резко выдохнул. Воздух в вагоне был почти ощутимо напитан ужасом. В дальнем конце стояло низкое деревянное бюро, достаточно широкое, чтобы разложить документы из множества тоненьких ящичков. Справа располагалось какое-то необычное приспособление, а по его сторонам — металлические шкафы, похожие на обитые медью будки, с помощью которых граф в Харшморте превратил трех женщин в стекло. Правда, шкафы были поменьше размером. В этих уменьшенных копиях было меньше черных шлангов и латунных выключателей, и все же у Чаня перехватило горло. Черные шланги уходили в боковины приспособления, стоявшего между шкафами, — высокой металлической коробки вроде большого гроба с изогнутой крышкой из толстого стекла. Именно в ней держали Анжелику.

Стеклянная крышка была закопчена, а потому Чань не мог видеть, что там внутри. Скорчив гримасу, он положил трость на ящик, надел перчатку и, осторожно подняв крышку обеими руками, с отвращением заглянул внутрь. Внутри гроб (иначе и не скажешь) был выстлан черной резиной. Углубление в его середине было чем-то испачкано — что-то испарилось, оставив след, словно высохшее, отошедшее море: соли истаявшего тела Анжелики или того, во что превратили ее тело. Чань быстро обшарил глазами внутренности ящика — трубки и отверстия, через которые закачивались газы или жидкости, — и с

грохотом опустил крышку. Дыхание его стало хриплым от гнева. Он подошел к бюро и принялся вытаскивать ящики, перебирать бумаги, но наконец понял, что вообще не видит их. Зачем опять все эти переживания? Ведь все это он видел уже и раньше, с этим и так приходится жить. Чань снял очки, сощурившись от синего мерцания.

С мрачной сосредоточенностью перебирал он содержимое ящиков. В одном лежали чертежи самого вагона, в другом — алхимические формулы, написанные одной и той же рукой, видимо, рукой графа. Дальше шли чертежи каких-то небольших устройств. Здесь имелись не только пометы графа, но и чьи-то еще, некоторые страницы были булавками подколоты к другим — на них сообщались технические подробности, а в углу стоял какой-то знак. Чань поднес один такой листик к глазам и разглядел штамп из нескольких горизонтальных линий, на каждой из которых стояли инициалы. Чань понял, что таким образом отслеживались разные производственные циклы — это все были чертежи реально изготовленных машин. На верхних линиях неизменно стояло «Г'О», на вторых (вероятно, относящихся к механическим частям) имелись инициалы «ГЛ» или «ДжК» — Лоренца или Крунера, инженеров Королевского института, привлеченных, чтобы облечь его бредовые мечты в сталь и медь. На четвертой линии располагался логотип «Оружейных заводов Ксонка» — места окончательной сборки, — а вот на третьей везде стояло «АЛ»...

Все оборудование было изготовлено Ксонками для графа д'Орканца. Руководил работами от начала и до конца Альфред Леврет.

Чань вернулся к бюро. Три ящика были пусты. Он полагал, что найдет чертежи громадной башни харшмортского собора и устройств для создания стеклянных книг, но ничего не обнаружил. На остальных бумагах были алхимические записи, не очень разборчивые, — никто, кроме д'Орканца, их не понял бы. Когда Чань заканчивал осмотр, послышалось шуршание — что-то зацепилось за последний ящик. Чаню стало любопытно. Он снова вытащил ящик и нашел скомканный лист — похоже, тот лежал в одном из опустошенных верхних ящиков. Чань положил его на бюро и тщательно разглядел.

На листке — миниатюрнее других — было изображено устройство размером с пороховой пистолет. Под чертежом, выполненным рукой графа, стояла подпись: «Орошение костного мозга» — какой-то отвратительный термин, ничего не говоривший Чаню. Штампа Ксонка в углу не было. Изготовили этот инструмент или он существовал только в исступленном воображении графа?

Чаня вдруг обуяло любопытство. Изучив размеры инструмента, он задумался, вспоминая углубление в выложенной бархатом шкатулке графини. Что, если там лежало это или похожее на него устройство? Непонятно. Чань засунул бумагу во внутренний карман плаща.

Несомненно, ящики бюро содержали больше важной информации об изготовлении стекла, но Чань знал: все это — за пределами его понимания. Он пожалел, что рядом нет Свенсона — тот, по крайней мере, разбирался в медицинских вопросах. Само собой, в отсутствие графа тот, кто лучше других разбирается в стекле, должен уничтожить своих соперников. Чань направился к двери, но остановился, неожиданно осознав свою ответственность. Он принялся методически отковыривать колечки оранжевого металла от одной из полок, засовывая их в карманы. Чань понятия не имел об их ценности, но, может быть, у Свенсона есть какие-то соображения на этот счет? Вдруг кольца будут полезны для противостояния врагам? Не так уж они тяжелы.

Внезапно Чань замер — снаружи, рядом с вагоном, раздался какой-то шум. Он подошел

к двери, прислушался — голоса, шаги — и без колебания закрыл дверь, закупорив себя внутри, а потом оглядел помещение. Как он ненавидел каждый дюйм этого пространства, как он ненавидел идиотов снаружи, из-за которых оказался в ловушке!

Вагон дернулся, и пришлось ухватиться за полку, чтобы не упасть. Он выругался, проклиная эти выкрашенные в черное окна и плотные стальные двери. Слышно ничего не было. Вагон снова дернулся и плавно поехал. Чаню хотелось плевать от злости. Черный вагон тащили к поезду. Он оказался пленником.

* * *

Он мог бы забаррикадировать одну из дверей кушеткой, а другую — низеньким шкафчиком. Но это означало осаду и неизбежную гибель. Куда и кто тащит этот вагон? Может, это просто сцепщики, которые равнодушно выполняют приказ? Тогда они и пальцем не шевельнут, если Чань выпрыгнет из вагона и исчезнет в недрах вокзала... но если это драгуны... если вагон везут к специальному поезду, набитому врагами Чаня, то выглянуть — значит попрощаться с жизнью. Но выяснить ничего было нельзя.

Движение прекратилось, потом черный вагон сотрясся от удара с другого конца, оказавшись между двумя вагонами. Поезд набрал скорость, начался равномерный перестук колес. Может быть, черный вагон с одной стороны прицеплен к тендеру? Удастся ли проскользнуть туда и спрятаться, пока они еще не выехали из туннеля? Прежде чем Чань успел все обдумать, раздался скрежет ключа. Поблагодарив судьбу за непростой механизм замка, Чань подошел к гробу и сдвинул крышку. К горлу подступила желчь. Ключ поворачивался в замке. Если он начнет драться с ними, то, вероятно, погибнет. Но какая разница? Чань бросил свою трость в ящик, забрался туда сам и улегся на спину, содрогаясь от омерзительного прикосновения грязной черной резины, а потом установил закопченную стеклянную крышку на место. Сквозь нее ничего не было видно. Наконец дверь вагона открылась, и Чань, собрав всю свою волю в кулак, погрузился в молчание.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

До Чаня донесся свист на фоне чьего-то дыхания — низкий, негромкий.

— Ну и ну, — сказал резкий, чуть хриловатый голос, — конструкция... уникальна.

— Мы должны взять то, за чем нас послали, и больше ничего. — Второй голос был повыше, но тоже мужской.

— Не будьте бабой! — прорычал первый. — Мистер Фохтман должен оценить все это. Вот для чего мы здесь.

— Не только. — Голос второго шел от двери. — Надо собрать материалы, найти документы...

— Не валяйте дурака, — прохрипел жесткий голос, — и заходите внутрь.

Чань услышал шаги. Кто-то вошел в вагон, затем постучал костяшками пальцев по стеклянной крышке гроба. Чань сжал свою трость, готовясь вытащить нож и нанести удар снизу вверх. Если удар окажется удачным, он успеет выбраться из ящика, прежде чем эти двое набросятся на него.

Но вдруг Чань вздрогнул: тонкий голос принадлежал Росбарту, чиновнику, которого он встретил в доме Траппинга. Точно, Росбарт! А резкий... уж не Аспич ли это? Голос звучал хриловато... а полковник и в самом деле выглядел совсем больным...

— У меня нет желания становиться между вами, джентльмены, — вступил в разговор третий, говоря ровным, дипломатичным голосом. Именно он и свистнул вначале. Аспич назвал его имя — Фохтман. — И в самом деле, хотя меня и призвал Тайный совет...

— Герцог Сталмерский, — поправил Росбарт.

— Да, конечно, его светлость. Но могу ли я послужить герцогу — это еще вопрос. Я слышал о нем, но не знаком в точности с, гмм, практическими... достижениями графа д'Орканца... впрочем, их масштаб очевиден даже уже теперь...

— Вы — коллега доктора Лоренца, — заметил Аспич так, словно в этих словах содержалось все.

— Конечно, — согласился Фохтман и снова постучал по крышке прямо над лицом Чаня, словно прикидывая толщину изогнутого стекла. — Вернее, его конкурент. Скажите... а доктору Лоренцу известно, что вы обратились ко мне?

Ни Росбарт, ни Аспич не ответили. Почувствовав, что пауза слишком затянулась, Росбарт пробормотал:

— Доктор Лоренц, вполне возможно, гмм, мертв.

— Мертв?

— Точнее, это не исключено.

— Разве что-нибудь меняется? — резко, со скрытой угрозой ответил Аспич.

— Ничего, — ровным голосом подтвердил Фохтман и с улыбкой (Чань был уверен, что говоривший улыбнулся) добавил: — Кроме, пожалуй, величины моего гонорара.

Сказав это, Фохтман отошел от ящика-гроба и принялся инвентаризировать помещение, отпуская замечания или инструкции в адрес Росбарта, который все записывал. Чань не мог разобрать, о чем — тихо, вполголоса, — говорили Аспич и Росбарт в промежутках между словами и звуками, исходившими от Фохтмана. «Баскомб заверял меня»... «истощения запасов в карьере»... «отправленное судно»... «никаких известий из Макленбурга»...

Фохтман погрузился в молчание. Судя по ритмичным пощелкиваниям, он занялся обследованием стеклянных пуль. Аспич негромко спросил:

— Итак, он спрашивал обо мне? О моем здоровье?

— Да, полковник, — ответил Росбарт. — И удивился тому, что вы еще живы.

— Что ему известно, черт побери? — прорычал Аспич и дважды чихнул — громко и влажно чихнул два раза. — Извините... это мое треклятое... недомогание...

— Думаю, это весеннее, — хмыкнул Росбарт. — Неустойчивая погода... Становится теплее, но организм еще не привык...

— Вы наверняка правы. И эти чертовы похолодания...

Фохтман снова стал называть цифры — то ли количество стеклянных пуль, то ли их примерный вес, то ли — кто знает? — степень чистоты обогащения. Веселым голосом он перечислял деталь за деталью; Чань понял, что Фохтман и Лоренц были злейшими врагами и что присутствие здесь Фохтмана говорило об отчаянной попытке проникнуть в тайны убитого графа. Чань улыбнулся — он своими руками покончил с этим мерзавцем и принес немало неприятностей многим людям, которые этого заслуживали.

Фохтман перешел к большому бюро и принялся перебирать те самые бумаги, которые только что ворошил Чань.

— А я все это время считал Лоренца дураком, — прошептал он. — Пусть идея принадлежит д'Орканцу, но воплощение прекрасно, восхитительно!

— Восхитительно? — переспросил полковник.

— Самое подходящее слово для такой чистой работы! — воскликнул Фохтман. — Эти машины можно улучшить — у меня уже есть предложения... но поток, ясность... — Фохтман рассмеялся. — Ясность могущества! А вы уверены, что Лоренц мертв?

— Это очень вероятно, — сказал Росбарт.

Фохтман хохотнул.

— И вы гарантируете, что только Лоренц — из всех, кто занят в Институте, в промышленности, — знает об этом, об этой части... стороне...

— Алхимической стороне, — подсказал Аспич.

Фохтман фыркнул.

— Если верить графу, — добавил полковник.

Фохтман раздраженно выдохнул.

— Поскольку базовые свойства самого стекла не оспариваются...

— Разумеется, — резко подтвердил Аспич.

— Сочинения графа — это бред безумца, — сказал Фохтман. — Безумца, у которого были прозрения. В чертежах есть пометы других людей — инженеров, архитекторов науки, — и потому следует лучше приглядеться к этим прозрениям, а не считать их чистым сумасбродством. Эти машины, вот этот вагон... результаты нельзя отрицать... — Фохтман помолчал. — Или, например... эти книги...

— Книги? — с невинным видом переспросил Росбарт.

— О них много говорится в записках графа. Крайне необычное использование... свойств, присущих... синему стеклу.

Что до Аспича, тот хранил молчание.

— Правда, сам я с таким не сталкивался, — разглагольствовал Фохтман. — И в самом деле, «книга» может обозначать всего лишь собрание сведений. У каждого мистика свой собственный словарь, и для непосвященного понятия могут звучать странно. Что касается «книги»: конечно же, важно, как она в качестве устройства использует функциональные свойства синей глины. Похоже, работа многих мощных машин основана на этих «стеклянных книгах». Но опять же, будучи человеком науки, замечу, что необходимо искать подсказки! Вы сами это увидите, джентльмены, вот в этом самом вагоне. Вставки из оранжевого металла — сплава, изготовленного по точным спецификациям... по потолку, между плитками пола, вокруг каждой стекляшки...

— И что это? — заинтересованно спросил Росбарт.

— Скорее уж, зачем это, — хмыкнул Фохтман. — Эффект хорошо продуман. Не сделано ли это из чисто эстетических соображений? В чем их истинный смысл? Пока не могу сказать — дайте мне время почитать, до прибытия... Я возьму эти бумаги в свое купе, где посоветуюсь сам с собой.

— Значит, вы готовы исполнить поручение герцога? — спросил Росбарт.

— Безусловно, сэр. Разве я могу отказать его светлости?

— Отлично, — сказал Росбарт. — Прекрасная новость. Наше...

Аспич откашлялся.

— Полковник? — обратился к нему Фохтман.

— Не сомневаюсь, его светлость оценит ваше усердие, — сказал тот. — Но я подумал, что пока... мы могли бы... обменяться соображениями по поводу ваших открытий.

Никто не сказал ни слова.

Росбарт шмыгнул носом.

— Гм... да... это представляется мне довольно... интересным... и разумным предложением. Особенно если мистер Фохтман получил ясное представление об этом... как бы сказать... направлении неизвестной нам науки.

— Неизвестной и дающей пищу для ума, — сказал Аспич.

— Дающей пищу для ума и мощной, — сказал Росбарт.

— Что скажете, мистер Фохтман? — спросил Аспич.

— У меня нет причин возражать, — ответил Фохтман. — Вряд ли брат королевы будет вдаваться во все мелкие детали.

— Значит, договорились?

— Думаю — да. Я поделюсь моими открытиями только с вами, джентльмены, и мы втроем решим... какие шаги предпринять дальше.

— Разумно, — одобрил Росбарт.

— Да. — Чань буквально видел алчную улыбку на губах Фохтмана. — Но материала в изобилии, а времени у нас очень мало. Если позволите, джентльмены...

Пальцы резко постучали по стеклянной крышке над головой Чаня.

— А это что за большая штуковина? — спросил Росбарт. Голос его звучал всего в нескольких дюймах.

Чань видел, что рука теперь трет по стеклу, словно пытаясь сделать его прозрачным и заглянуть внутрь.

— Вам известно ее назначение?

— Пока нет — сначала нужно обследовать, — ответил Фохтман.

— Может быть, откроем и посмотрим?

— Если вам хочется — бога ради, — согласился Фохтман.

Росбарт взялся рукой за край крышки, прикидывая, насколько она тяжела, а потом ухватился за нее обеими руками, чтобы сдвинуть с места.

— Здесь у графа лежала женщина, — пояснил Аспич.

— Какая женщина? — спросил Фохтман.

— Его восточная шляха. Анжелика. С ней что-то сделали, и она заболела. Граф поддерживал в ней жизнь до Харшморта — видите эти медные короба и трубки, что уходят внутрь? По ним закачивалась голубая вода — густая, как клей...

— Она заболела? — спросил Росбарт.

— Граф сказал — «тепловая разбалансировка» или что-то в этом роде.

— И что с ней случилось?

— Умерла.

Молчание. Потом Фохтман откашлялся.

— На тот случай... есть много такого, чего мы пока не понимаем... если вдруг ее болезнь... заразна...

Росбарт отдернул руки, словно гроб превратился в раскаленную плиту.

— И в самом деле. Да. Материалов у нас предостаточно, чтобы занять свое время.

Чань дождался, когда они закроют за собой стальную дверь, и обеими руками поднял стеклянную крышку. По ровному стуку колес он понял, что они уже покинули привокзальные туннели и теперь двигаются по открытой местности. Он вылез из гроба Анжелики, закинув наружу сначала одну длинную ногу, потом другую, и поставил на место

крышку, а после этого стал по очереди подходить к окнам — все были заделаны покрашенными в черное стальными ставнями. Но зачем смотреть в окно — Чань знал, что поезд идет в Харшморт.

Однако требовалось найти ответы на важные вопросы: в каком месте состава находится черный вагон, сколько драгун в поезде и где они. А еще принять несколько решений и среди них — самое главное: смириться ли ему с судьбой и отложить свои разыскания до Харшморта или попытаться сбежать с поезда, пока он еще недалеко от города? Чань повел плечами, затекшими после лежания в гробу, и повернул шею. Кости ответили громким щелчком. Фохтману, видимо, не хотелось заниматься гробом, когда руки его были полны прелюбопытнейших бумаг, но по прибытии он определенно сделает это. Черный вагон досконально исследуют, возможно, даже разберут, чтобы проникнуть в тайную науку графа. Или даже до прибытия — до Харшморта оставалось около часа езды. Нужно было немедленно выбраться отсюда.

Дверь, через которую вышла та троица, вела в пассажирский вагон, что следовало из слов Фохтмана, поэтому Чань подошел к другой двери и достал связку отмычек. Если на наружной площадке не стоит на посту драгун, то почти невероятно, что за стуком колес кто-то услышит его манипуляции с отмычкой. И тем не менее Чань, пока ключ не коснулся поворотного механизма, поворачивал его как можно медленнее. Прежде чем открыть дверь, он подхватил свою трость, готовый нанести удар любому, кого увидит. Но никого не увидел. Чаня окружил грохот колес, ветер раздувал полы его плаща.

Впереди был еще один пассажирский вагон, но из-за солнца не было видно, что там внутри. Чань миновал ходящую ходуном площадку и прижал лицо к стеклу. Прямо навстречу ему шел драгун в красном мундире и медном шлеме. В этот самый момент он опустил глаза, доставая что-то из кармана. Стоит солдату поднять глаза, как он увидит Чаня. Чань развернулся и отпрыгнул на узкую металлическую лестницу, приделанную к вагону, а когда дверь открылась, прижался к ней. Под его ногами уносились назад рельсы.

Драгун вышел на платформу, задев саблей о косяк двери. Во рту у него была выкуренная наполовину сигара, ветер бешено играл конским хвостом на шлеме. Рука в перчатке сжимала оловянную фляжку. Судя по знакам различия на воротнике и эполетах — капитан. А потом Чань увидел светлые баки, выбивавшиеся из-под медного шлема, бледные, как кукурузный початок. Это был человек, с которым он дрался на севере, тот самый капитан, который скрылся от него в лесу, потом в Карте, потом в темноте Хеллиотт-стрит. Что он искал в черном вагоне — один, без начальства? Или просто вышел, чтобы приложиться к виски?

Нет, не за этим. Офицер оглянулся назад, прижался лицом к окну (шлем стукнулся о стекло) точно так же, как Чань, и лишь потом перешел к металлической двери. Чань удивлялся тому, что его еще не заметили, хотя и знал: если не ждешь никаких неожиданностей, то ничего подозрительного не замечаешь. Драгун сунул фляжку назад в карман и вытащил оттуда что-то другое... большой металлический ключ. Капитан быстро вставил его в замок двери черного вагона, стоя в небрежной позе — любой решил бы, что он просто курит. Чань услышал, как поворачивается ключ... но офицер вовсе не собирался распахивать дверь — он просто запер замок и положил ключ в карман.

Повернувшись, капитан увидел его.

И тут же схватился за эфес сабли. Крепко держась за лестницу, Чань обеими ногами ударил капитана — одной в грудь, другой в челюсть. Тот отлетел к металлической двери, а потом нога его опасно подогнулась, и он рухнул на цепочку, служившую поручнем.

Прекратив возиться с саблей, военный обеими руками ухватился за цепочку, чтобы не вывалиться наружу. После удара ногами Чань пережил мучительное мгновение — он повис на обеих руках, ботинки болтались в считанных дюймах от убийственных колес. Он поймал ногой нижнюю ступеньку и попытался ударить еще раз, но капитан — чье лицо покраснело в том месте, куда попал ботинок Чаня, — ухватил его за лодыжку и крутанул изо всех сил, пытаясь сдернуть с лестницы под колеса.

Чань крепко держался за ступеньку. Капитан дернул его еще раз, громко рыча. Его сапоги заскользили по металлической платформе. Хватка Чаня ослабла. Понимая, что не выдержит третьего рывка, он отпустил одну руку и ткнул своей тростью, словно притуплённой шпагой, в лицо капитану. Тот отпрянул и громко выругался — из-под глаза у него хлынула кровь. Вися на одной руке, Чань завел назад другую ногу и дал капитану прямо в ухо. Медный шлем свалился на землю, а сам капитан снова отлетел к цепочке, перегнулся и начал падать вниз.

Не давая офицеру упасть, Чань выбросил обе ноги вверх и ловко обвил их вокруг шеи своего противника. Капитан, опасно перегнувшись, замер над несущимися внизу железнодорожными путями; цепочка, не выполнив своей задачи, оказалась гораздо ниже пояса, руки беспомощно хватали воздух. Казалось, военный вот-вот упадет, но Чань надежно удерживал его, обеими руками вцепившись в металлические ступеньки, с искаженным от усилия лицом. Никто из двоих не шевелился под грохот несущегося поезда. Потом офицер осторожно повернул голову, чтобы встретиться взглядом с Чанем. Он ничего не сказал, но в его глазах горели ненависть и страх.

— Чей это ключ? — спросил Чань достаточно громко, чтобы перекрыть стук колес.

— Твой, если захочешь, — усмехнулся капитан. — Конечно, если ты меня скинешь...

— У меня есть свой. — Чань с силой вдавил каблук в шею капитана. — Где ты взял этот ключ? У Аспича?

— У Леврета.

— Ты обыскивал дом Леврета. Аспич знает, что у тебя есть ключ?

Капитан сплюнул.

— Если так, зачем мне ходить сюда одному?

— Что насчет женщины?

— Что насчет нее? Никто не знает, куда она делась.

Чань спрашивал о миссис Марчмур, а не о Шарлотте Траппинг, но тем не менее кивнул, подыгрывая капитану.

— И куда, по-твоему, она делась?

— Мы можем прекрасно поговорить на площадке, — буркнул военный. — Кажется, твои чертовы ноги соскальзывают. Мы можем быть полезны друг другу...

— Ты лжец.

— Я вот что хочу сказать, — прохрипел капитан. — Ты застал меня за противозаконным делом... у тебя все козыри...

Чань прислушивался не только к капитану, но и к нарастающей боли в своих руках. Крякнув, он подтянул капитана к центру площадки. Тот пошатнулся — ветер раздувал его светлые волосы, — ухватил рукой цепочку и опустился на колени, оказавшись тем самым в безопасности. Когда он поднял голову, Чань уже запрыгнул на площадку и, разъяв трость, приставил нож к лицу капитана на уровне глаз. Офицер посмотрел мимо Чаня на дверь, ведущую в пассажирский вагон.

— Не лучшее место для приватного разговора, — сказал он.

Чань сделал вид, что не расслышал.

— Почему ты вообще был в этом вагоне? — спросил он. — Почему не в заднем — со своим начальством?

— А ты бы стал ему доверять — моему начальству?

— На твоём месте или на месте... хозяев твоего начальства?

Человек пожал плечами, словно все и так было ясно.

— Что за обязанности у тебя здесь? — нетерпеливо спросил Чань?

— А что за обязанности были у меня на севере? — ответил тот. — Выражаясь по-латыни, *ad hoc*.

Несмотря на мальчишеское лицо, глаза капитана смотрели сурово, словно он слишком рано поддался всем возможным искушениям и разочаровался в них.

— С тех пор как мы оба оставили город, в нем многое изменилось, — сказал Чань. Капитан снова пожал плечами. Чань кивнул на ключи в кармане его мундира. — Но перемены приносят новые возможности.

— Ты видел их лица? — зло улыбаясь, проговорил капитан. — Да что лица — один только запах... очень скоро на самом верху будут вакансии. А каждую вакансию нужно заполнить...

— Ты говорил о женщине.

Офицер улыбнулся, потирая шею. Чань обратил внимание, что лицо капитана бледнее, чем было в лесу несколькими днями ранее. Усталость? Или он тоже был болен, не зная этого?

— Миссис Траппинг исчезла.

— Как и Леврет.

— Леврет — простофиля чистой воды. Его-то найти легко — как мальчишку, который прячется под стол.

— А Шарлотта Траппинг тоже простофиля?

— Хуже, чем Леврет. Она — овдовевшая светская дама, загнанная в угол, притом без всякого опыта. Ее могущественный брат сошел с ума, а другой брат... исчез.

— Вместе с графиней... и всеми, кто был на дирижабле.

— Подлинная трагедия, — заметил капитан. — Серьезная потеря для государства.

Чань изучал лицо своего собеседника, понимая, что тот занят тем же самым. Капитан был в Карте, на станции, вместе с Чанем, он вполне мог видеть графиню и Ксонка. Точнее говоря, не мог не видеть... иначе к чему такая мощная облава в Строппинге?

— Как ты говоришь... есть всякие варианты... Миссис Траппинг... — Капитан тщательно подбирал слова.

— Да что значит женщина? — прервал его Чань. — Тем более миссис Траппинг.

— Тайный совет считает, что роль миссис Траппинг огромна. Может даже показаться...

— Показать что? — спросил Чань, подступая ближе.

Драгун скосил глаза на нож, потом с невеселой улыбкой поднял их на Чаня. Лицо его обрамляли девичьи кудри.

— Что Тайный совет лишился своего главы.

— Доставай свой ключ.

Чань бросил саблю капитана на кушетку у себя за спиной и посмотрел в открытый гроб,

где с недовольным видом лежал капитан, вытянув по бокам руки.

— Тебя как зовут? — спросил Чань.

— Тэкем. Дэвид Тэкем.

— Они тебя найдут, когда мы доберемся до места. А может, и раньше.

— Уверяю тебя, в этом нет необходимости...

— Либо так, либо я перережу тебе глотку, — отрезал Чань.

— Ну, вовсе не обязательно выбирать одно из двух...

— Что ты знаешь об этом Фохтмане?

Тэкем вздохнул.

— Да ничего. Инженер... Изобрел какие-то полезные... штуки...

— А о Росбарте?

— Обычное насекомое из Министерства иностранных дел. И почему герцог доверяет таким ничтожествам...

— Где Маргарет Хук?

— Кто?

— Миссис Марчмур.

— Кто?

— Где Шарлотта Траппинг?

— Как я тебе уже сказал...

— Где Элоиза Дуджонг?

— Понятия не имею...

— А капитан Смит?

— Что-что?

— Капитан Смит! — прорычал Чань. — Офицер, как ты.

— Да, я знаю... просто не понимаю, зачем тебе это.

— Отвечай.

— Капитан Смит мертв. После выстрела в спину его удавили на крыше Харшморт-хауса перед стартом дирижабля. Говорят, это сделал ты. Если, конечно, ты и есть тот самый Кардинал Чань...

Чань уже не слушал. Он опустил крышку на место и закрепил ее болтами, замуровав Тэкема внутри. Возможно, тому удастся освободиться, разбив крышку, но Чаня это мало волновало.

Свет в следующем вагоне был заметно ярче обычного. Чань выгнул шею, заглядывая за стенку того, что он счел первым купе. Там не оказалось не только пассажиров, но также сидений и полок для багажа. Более того, дальше отсутствовали перегородки между тремя купе. Чань молча пересек открытое пространство и снова выгнул шею — следующие три купе тоже оказались слиты в одно, помещение было забито ящиками. Спиной к Чаню, за столом, уставленным коробками с грудями блокнотов, сидел человек в черном плаще. Чань не двигался. Не двигался и человек за столом. Чань подкрался поближе и достал кинжал из трости. Лицо человека было бледным, у носа и глаз — красные круги, вокруг уха — корка запекшейся крови. Человек тихонько покачивался в такт движениям поезда, и хотя сидел прямо, но спал.

Если поезд направлялся в Харшморт, почти пустой, то в нем собирались вывезти все аппараты, оставшиеся от графа. Что означала столь масштабная экспедиция? Это не могло

быть связано с возвращением Франсиса Ксонка — Аспич и его люди получили приказ забрать черный вагон до прибытия Ксонка в Строппинг, возможно, еще до того, как Тэкем подтвердил, что Ксонк жив. Чань подумал о всех этих титулованных и состоятельных людях, завербованных заговорщиками для осуществления разных замыслов: они пребывали в алчном ожидании, готовые исполнить любой приказ, который сделал бы их запредельно богатыми и могущественными... Но в то же время, судя по солдатам, наводнившим вокзал, судя по тому, что заговорщикам понадобился черный вагон, было ясно: что-то пошло не так. Может, козни Аспича и Росбарта были частью общего плана? Или же первыми признаками бунта?

В вагоне оставалось еще одно купе. Если пройти туда, окажешься в поле зрения спящего человека. Но пусть даже тот проснется — кого он позовет на помощь?

Чань заглянул за угол. На дальнем сиденье, свернувшись, лежала девочка лет восьми в сиреневом платье, а рядом, уронив голову на ее колени, расположился мальчик лет пяти в бархатном костюмчике. На ближайшем к Чаню ряду сидений разместился другой мальчик, помладше первого и в таком же костюмчике. Сбросив с ног туфельки, он сидел рядом со спящим человеком в черном; на коленях у чиновника лежала кипа бумаг. Чань наклонил голову, чтобы разглядеть лицо мужчины: светловолосый, с соломенными нафабранными усами, — так напоминающий Баскомба, что Чань тут же проникся к нему презрением. На лице не было болезненной бледности, однако ногти покраснели и растрескались. Еще один взгляд на лицо человека — бросались в глаза его веки, словно склеенные, — и Чань снова отошел в тень.

Трое детей Шарлотты Траппинг.

Он снова выглянул — теперь девочка открыла глаза и смотрела прямо на него. Чань замер. Девочка молчала. Она бросила быстрый взгляд на опекавшего их чиновника, потом на черные стекла очков Чаня. На ее лице не было страха, хотя Чань и знал, что ее мир вывернуло с корнем, как дерево бурей: родители исчезли, и теперь о ней заботились незнакомые люди. Наверное, Чань показался ей ряженым. Но девочка лишь молча смотрела на него.

Над зимней речкой хладные ветра,
Туман сомнений гуще каждый день.

Почему эти слова вдруг пришли ему в голову? Строки из «Кристины» Дю Вина — эта поэма не столько нравилась Чаню, сколько владела им. Привыкший к вдумчивому чтению, он целыми днями жил в кипящем страстями мире этой поэмы: старинная история женщины, которую заколдовал волшебник, унесший в могилу и тайну злых чар, и ее обреченного любовника, не способного ни снять заклятие — «свинцовый саван тело заковал», — ни бросить свою любовь... или он просто начисто забыл свою прежнюю жизнь?

Все это было бесполезно.

Он ничего не мог сделать для девочки Траппингов. Еще два шага — и Чань вышел через дальнюю дверь, надеясь, что громкий стук колес, пока дверь была открыта, не разбудил остальных детей или чиновника. Перед ним был тендер. Чань забрался в него. В это время поезд, не снижая хода, проехал мимо станции Рааксфал. Этак и часа не пройдет, как они доберутся до Орандж-Локс.

Чань спустился по лестнице тендера и прыгнул с поезда на полпути между Сент-Портом и Орандж-Локс. Он приземлился удачно, ничего не сломав, перекатился к невысоким деревьям и оставался там, пока поезд не промчался мимо. Потом Чань нашел свою трость, брошенную перед прыжком, и пешком направился в особняк Роберта Вандаариффа.

Почему он не перерезал горло Тэкему? Потому что тот показал себя всего лишь алчным прислужником глупцов? Или Чань все еще не решался проливать кровь солдат Четвертого драгунского? Капитан Смит не раз спасал жизнь ему... а еще мисс Темпл и Свенсону. Челюсти его сжались при мысли о бездарной, жестокой смерти капитана — выстрел в спину на крыше Харшморта, затем гибель — явно от руки Франсиса Ксонка. Впрочем, что тут удивительного? Когда порядочность в этом мире вознаграждалась иначе? Чань покачал головой. Видимо, Тэкем, прикормленный фаворит Аспича, недавно получил повышение и занял место Смита. Презирая Аспича, этого двуличного идиота, Чань все же отдавал ему должное: полковник знал военное дело и знал своих людей. Характер Тэкема не был тайной для Аспича, а выбор полковника просто говорил о его истинных целях, что полностью подтверждал разговор, подслушанный Чанем в черном вагоне. К крушению планов заговорщиков, связанных с дирижаблем, привели амбиции их наиболее доверенных приспешников. Ведь самые верные лакеи заговорщиков, Роджер Баскомб и Каролина Стерн, своими амбициями разрушили их планы. Так почему же от полковника Аспича надо было ждать большей преданности?

Мысли Чаня вернулись к Тэкему. То, что Чань чуть было не убил капитана в лесу, ничего не значило — чего не сделаешь в крайних обстоятельствах? Этот человек, безусловно, был опасен. Чань сплюнул, перепрыгивая через канаву. Его ботинки погрузились в глинистую почву. Нет, кое-что это все же значило: Тэкем будет рад покончить с ним при первом удобном случае.

Эта мысль теперь не давала Чаню покоя. Он перепрыгнул через еще одну канаву, пошире: вода в ней, казалось, была покрыта чем-то вроде пепла. Харшморт уже виднелся вдаль, напоминая неровный шрам от пули в безбрежности чистого неба. Чань подумал о хозяине особняка, запертого внутри под предлогом карантина. Осталось ли хоть что-нибудь от человека, некогда подчинившего своей воле целый континент?

Помня о том, что компания с поезда поедет в каретах и может прибыть раньше его, Чань пошел в обход, держась дальней стороны сада между имением и морем. Несколько углублений в дюнах были засыпаны пеплом: возможно, тут просто сжигали листья или мусор, как делают во всех садах, а тем более в таких громадных, как харшмортский. Приближаясь к сараям на окраине сада, Чань не отрывал взгляда от балкона на втором этаже: вдруг там появится кто-нибудь? Он немного выждал — на балконе никто не показался — и опрометью бросился к ближайшей стеклянной двери. Уверенным движением Чань воткнул кончик ножа в замок и резко повернул — дверь открылась. Еще секунда, и он был внутри.

Кабинет Роберта Вандаариффа и его личные апартаменты находились в другом крыле громадного дома, но Чань был близок по крайней мере к одной из своих целей. Он осторожно заглянул в выстланный белой плиткой коридор, проходивший вдоль всего крыла, — из него вела лестница на подземные этажи. Пришлось взять на изготовку трость:

коридор не был пуст.

На спине лежал пожилой человек в черной ливрее, лицо его было темным и мокрым. Чань бесшумно приблизился, держась стены. Веки слуги встрепенулись. Из его носа сочилась кровь, растекшись почти на пол-лица, но сам нос не покраснел и не был разбит — не похоже, что человека кто-то ударил. Чань поднял голову. Издалека, из центральной части дома, донесся сдавленный крик... мужской? Он подождал, прислушиваясь к тишине, и даже его не самый острый нюх уловил запах гари. Может быть, дым из сада проник внутрь? Чань решительно направился к лестнице, а затем поспешил вниз.

Лаборатория графа была разгромлена и сожжена. Чань стоял в дверях, пытаясь вспомнить, как тут все выглядело раньше, и понять, зачем устроили этот пожар. Факт поджога не вызывал сомнений, а судя по сильному запаху гари, все случилось лишь несколько дней назад. Чань перешагнул через упавшую балку и обугленные остатки стула. Слева располагалась собственно лаборатория графа. Эпицентр пожара находился именно там (неудивительно — граф держал там множество летучих химикалий), и галерея над лабораторией выгорела полностью. Каменные стены все почернели, как и потрескавшийся потолок. Книги выбрасывали с полок прямо в огонь, вместе со всем инвентарем графа — теперь от него остались лишь бесформенные куски металла, торчавшие из пепла. Казалось, кто-то хотел уничтожить все следы работы графа... кроме...

Чань перевел взгляд на стену, где прежде висело «Благовещение». Огромный холст, разрезанный на тринадцать частей, изображал богохульную версию явления Марии ангела, которого граф наградил красноречиво синей кожей. Отдельные фрагменты картины на первый взгляд не носили откровенно сексуального подтекста, но после пристального рассмотрения неприкрытое бесстыдство художника просто ужасало. Но главное, задник каждого холста покрывали алхимические формулы, сообщавшие (тем, кто знал тайный шифр графа) о важнейших свойствах синей глины. Значит, и холсты тоже погибли...

Чань нахмурился, сравнивая следы огня на этой части стены и в остальной комнате... никакой разницы. Если бы тринадцать холстов сгорели, то химические вещества, содержащиеся в краске, оставили бы на стенах такие же багровые завитки, что и на мраморной столешнице. Он сделал еще несколько шагов, размышляя о полотнах. Вдруг их сняли со стены и бросили прямо в огонь... да, такое возможно... но возможно, их не уничтожили. Все зависело от того, кто и зачем устроил этот пожар. Чань сделал еще шаг. Под ногой захрустело стекло.

Мурашки вдруг побежали у него по коже. Пол был усыпан стеклом — разбитым, почерневшим, но все еще отливавшим синевой... Анжелика.

Чань неожиданно для себя опустился на колени, положил трость на пол и, протянув руку в перчатке, коснулся стекла (граненые камушки и один-два удлиненных неровных осколка) кончиками пальцев, мягко, словно притрагиваясь к ее коже.

В коридоре послышались шаги, и Чань развернулся, в одной руке держа трость, а другой — самое дурацкое и самое естественное побуждение — опираясь о пол для равновесия. Ладонь пронзила резкая боль, и тут же в дверях мелькнул черный плащ Франсиса Ксонка. Но Чань мгновенно забыл о Ксонке — стеклянный осколок вонзился в его руку, и нахлынули воспоминания.

Анжелика стояла посреди своей комнаты в борделе «Старый замок». На ней было

светлое шелковое платье, влажные волосы ниспадали на плечи, благоухая сандаловым деревом: аромат, знакомый Чаню лишь потому, что его безумно любила Анжелика, — но теперь он ощущал его своим обонянием, своим разумом ошеломляюще ясно, как никогда не случалось наяву. Лицо Анжелики было обращено к открытому шкафу с пятью пустыми полками. На стуле и на маленькой кровати с соломенным тюфяком лежали груды одежды — платья, халаты, нижнее белье, туфли и резная деревянная шкатулочка, купленная за гроши на рынке у Святой Изобелы. Чань помнил, что в этой шкатулке лежали все дешевенькие украшения женщины. Анжелика смотрела на пустые полки, и Чань чувствовал, что ее захлестывает прилив радости — от приезда, от ощущения безопасности, от принятого с необычайной благодарностью ответа на вопрос, который сам Чань никогда не хотел задавать. И он сразу же понял: это первая в ее жизни собственная комната, откуда не украдут вещи, где можно повесить на стену открытку или картинку из цветного журнала, и их не сорвут через день... До Чаня дошла переживаемая Анжеликой радость — оттого, что сейчас она начнет рассовывать эти пожитки в шкаф, наслаждаясь своим богатством, будет перекидывать каждую вещь с полки на полку, чтобы продлить удовольствие. Женщина светилась радостью — отныне покончено со всеми этими борделями, с вечным унижением! Она улыбалась от предвкушения того, что ее ждет здесь... от одной только мысли о будущем...

Чань извлек осколок из ладони и отшвырнул его в кучу мусора, а потом принялся срывать перчатку с порезанной руки, в то же время отчаянно пытаюсь сосредоточиться: даже после извлечения стекла этот пульсирующий отзвук не смолк, уловленное им счастье Анжелики настойчиво продолжало биться в мозгу. Сорвав наконец перчатку, он увидел впившуюся в ладонь звездочку синего стекла в своей ладони, только что возникшую от соприкосновения с кровью, — плоский, сплюснутый жалящий паук, в чье холодное, обжигающее тело вцепились пальцы Чаня. Как хорошо, что это левая рука! Чань вытащил бритву из кармана, раскрыл ее и, преодолевая мучительную боль, завел лезвие под стекло, а потом кровь обильно потекла из раны — попытался вытащить осколок. Какое-то время стекло не поддавалось, безжалостно впиваясь в его плоть. Чань прикусил губу и резанул еще глубже. Ромбовидный кусок стекла с зубцом выскочил из его ладони, которая превратилась в зияющую рану. Громко выругавшись, Чань обмотал ладонь носовым платком, затянул узел зубами, подхватил трость и поспешил следом за Ксонком — сколько времени он потерял? Он пошатывался, как пьяный, но продолжал идти; запах волос Анжелики кружил голову, подобно отраве.

Чань двинулся — пожалуй, слишком неосмотрительно — к центру дома, назад на главный этаж, мимо неподвижного пожилого слуги. Впереди слышался топот множества ног, голоса — толпа людей... Аспич и его драгуны? Нет: группа харшмортских слуг в черных ливреях устремлялась в бальный зал. Чань почувствовал укол любопытства (любопытствовать было легче, чем думать) и пошел следом. Чей-то голос перекрыл множество других — из застекленных дверей вышел человек. Чань не видел его, но голос звучал громко и очень сердито.

— Давай его сюда! — воскликнул человек. — Времени нет!

— Но он мой! — возразил слуга.

— Времени нет! — повторил тот и метнулся вперед (Чань понял это по внезапному водовороту тел), отчаянно пытаюсь схватить то, что хотел.

Неожиданно Чань снова оказался в комнате Анжелики. Он опять был в ее теле, но теперь слился с ним еще полнее, ясно ощущая силу ее мышц, тяжесть конечностей, особенности строения женского тела, булавки в волосах и охватившую ее радость.

Он по-собачьи потряс головой, забинтованной рукой придерживая очки. Что же послужило толчком — запах, вид открытого шкафа? Он вытащил стекло из ладони, воспоминание должно было исчезнуть! Но ощущения никуда не делись, просто затаились где-то в глубине, как щука — на дне пруда, и ждали удобного случая, чтобы впитаться в его пошатнувшуюся волю. Чань перевел взгляд на открытую стеклянную дверь: все слуги внезапно застыли на месте.

Из сада раздался пистолетный выстрел, а следом — ужасный вопль.

Чань протиснулся в сад. Здесь тоже случился пожар, но совсем уже неистовый. Сад обрушился на соборный зал под ним, образовался громадный провал, из которого все еще поднимались дым и зловонные пары. У края ямы стояли Франсис Ксонк и миссис Марчмур — два неестественных изваяния среди побуревшей зелени. Ксонк пытался освободиться — два пальца стеклянной женщины кинжалом вонзились в его грудь. На траве рядом лежали два человека. Одного Чань узнал по седым волосам и синему поясу — герцог Сталмерский. Другой, с окровавленной головой, видимо, был мелкой министерской сошкой. Прямо перед Чанем, лицом к саду, стоял другой министерский чиновник, с дымящимся пистолетом в вытянутой руке. Он опасался стрелять еще раз, потому что миссис Марчмур и Франсис Ксонк никак не могли расцепиться.

Чань, не столь разборчивый, с силой ткнул чиновника тростью в спину. Тот согнулся пополам от боли, и Чань мигом выхватил у него пистолет, а потом ударил ногой в подколенную впадину, и тот свалился в траву. Шагнув к миссис Марчмур и Ксонку, Чань выстрелил — отдача отбросила руку назад. Пуля пролетела между ними (то ли Чань опасался незнакомого оружия, то ли не мог решить, кого убить первым), попала Маргарет Хук в запястье и отколола кусок стекла — к ладони побежала светлая трещина. Ксонк охнул от боли и дернулся, сильнее надавливая на поврежденную руку женщины. Чань прицелился еще раз, и тут запястье стало раскалываться — из трещин поднялись клубы синего дыма. Ксонк высвободился с душераздирающим криком, рука откололась, из рваной культи хлынули стеклянные брызги, словно пар из носика закипающего чайника.

Ноги у Чаня подогнулись, словно от воздействия сильной ударной волны. Он оглянулся. Харшмортские слуги все как один стояли на коленях, от боли обхватив голову руками. Ничего не слыша, Чань повернулся к миссис Марчмур — та, нетвердо стоя на ногах, размахивала покалеченной рукой, как дымящейся веткой. Ксонк лежал на спине, пытаясь вытащить из груди застрявшие там стеклянные пальцы. Почему бесшумный взрыв страданий Маргарет Хук, уложив всех на землю, пощадил Чаня?

Он поднял пистолет, собираясь выстрелить еще раз. Анжелика... снова это ощущение ее плоти каждой клеткой тела... нет, только не сейчас... Чань тряхнул головой... не сейчас и вообще никогда, это невыносимо... как она могла быть в нем?... ведь она не любила его — он не питал иллюзий. Чань моргнул, ничего не видя, не в силах сбросить с себя это наваждение, и выстрелил вслепую — в женщину, а потом в Ксонка. Анжелика не покидала его. Чань мотал головой, как бык, которому досаждают слепни, вот только слепни были все у него под кожей. Он застонал, осознавая полный идиотизм своего положения, а потом беспомощно свалился на колени. Разум его сдался при касании шелковой пижамы.

Глава шестая

КАНАЛ

Доктор Свенсон секунды три рассматривал багряный камень в раскрытой руке железнодорожника — за это время все стоящие вокруг успели оценить его молчание, бледность и написанное на лице удивление. Левой рукой он взял камень, а в правой держал пистолет мистера Поттса. Говоривший с ним человек все еще показывал рукой на первый вагон. Не сказав ни слова, Свенсон пошел к вагону, ускоряя шаг. В два прыжка он преодолел пять ступенек железной лестницы, а потом — слишком быстро, как ему показалось, — остановился перед открытыми дверями купе.

Элоиза в черном платье лежала, подогнув под себя одну руку, другая была неловко закинута за голову. Доктор положил револьвер на ближайшее сиденье и опустился на колени, шепча ее имя. У себя за спиной в коридоре он услышал чье-то шарканье. Свенсон повернулся, чувствуя, что лицо его пылает, а голос вот-вот сорвется.

— Отправьте людей на поиски! На поиски убийц! Они могут быть где угодно!

Свенсон подвинулся вперед, сунул багряный камушек в карман брюк и снова прошептал как заклинание имя Элоизы. Он приложил два пальца к ее шее, пытаясь нащупать пульс. Кожа все еще была теплой... но остывала... Пульса не было... но вдруг... едва ощутимая дрожь. Неужели? Нет, это дрожали его собственные руки... он был неспособен сделать простейший осмотр, нервы — как у зеленого студента. Если бы он пришел чуточку раньше, хоть на несколько минут! Под ногами что-то неприятно захрустело. Доктор посмотрел вниз и увидел сверкающую пыль — мелкие брызги синего стекла на полированном полу.

Франсис Ксонк. Если бы Свенсон не оказался таким беспомощным и бессильным на шахте... если бы там вместо него был Чань... Элоиза, возможно, была бы жива.

Он осторожно перекатил Элоизу на спину, нахмурился, увидев, как безжизненно наклонилась голова... у основания грудины виднелся темный кружок, размером меньше стеклышка монокля, напитавший черную материю и ясно различимый в свете фонарей... кровь. Крови сравнительно немного — значит, рана глубокая и может стать смертельной. Доктор снова прикоснулся к пятну, чтобы понять, как давно все случилось.

Пятно уже затвердело и напоминало сверкающую черную монету, вделанную в платье. Свенсон постучал ногтем — раздался характерный звук. Это было стекло.

— Нож... поострее... быстро!

Все стали обшаривать карманы. Повернувшись к ним, доктор щелкнул пальцами, понимая, что опять пытается похоронить скорбь под грудой бесполезных усилий. Он посмотрел на мертвенно-бледное лицо Элоизы... Доктор Свенсон и затаил дыхание. Или это лишь игра света? Доктор тут же лихорадочно полез в карман мундира. К нему подошел человек с ножом.

— Не сейчас — не сейчас! — воскликнул Свенсон.

Вытащив свой серебряный портсигар, доктор яростно потер его о брючину, наклонился над Элоизой и, приподняв голову женщины, поднес сверкающую крышку к ее приоткрытым губам. Он ждал... ждал... до крови прикусив губу... и вдруг — о счастье! — поверхность чуть-чуть, едва заметно затуманилась.

— Она жива! — воскликнул он. — Горячая вода! Чистая простыня — что найдете! Только скорее!

Свенсон стянул с себя жуткий заскорузлый мундир, снова щелкнул пальцами и, повернувшись, выхватил у человека нож — старый перочинный ножик, с тонким лезвием, увы, не слишком острым. Он еще раз приложил руку к горлу Элоизы и к холодному, влажному лбу, потом расстегнул черное платье там, где стеклянный кружок, казалось, впаялся в кожу. Осторожно приподняв ткань, доктор быстро вырезал в ней кусок вокруг стекла. Удар пришелся в область нижнего ребра, прямо в хрящ. Остановился ли кинжал Ксонка там или проник глубже и поразил жизненно важные органы? Если поразил, ничего нельзя было бы сделать даже в лучшей операционной.

Доктор бережно прощупал белую кожу вокруг темного стеклянного ромба — не затвердели ли ткани под ней? Это означало бы, что стекло проникло вглубь. Кожа вокруг раны была холоднее, чем в других местах. Губы Элоизы потемнели за те несколько секунд, что она пролежала на спине.

Свенсон свирепо напустился на людей, сгрудившихся в дверях.

— Где вода? Она умрет без воды!

К нему приблизился человек в синей форме и, откашлявшись, сказал:

— Поезд, сэр... расписание...

— Наплевать мне на ваше расписание! — воскликнул Свенсон.

По брюшине Элоизы на его глазах расплзлось синее пятно. Он не мог ждать, когда принесут воду, и, натянув кожу пальцами левой руки, подвел нож под стеклянный диск. Острый осколок вышел легко, в ране осталось лишь несколько маленьких. Элоиза издала вздох. Но, судя по ее лицу, сознание пока не возвратилось. Хуже того — часть раны снова остекленела. Оставшееся отверстие было небольшим, шириной едва ли в полдюйма. А глубиной? У доктора не было кровоостанавливающих средств, а потому он не мог расширить рану. И затем, кровь может свертываться, превращаясь в синее стекло, — тогда Элоизе станет только хуже. Свенсон был уверен, что ее убивает содержащийся в стекле яд, а не сама рана. Он вспомнил поврежденные легкие Чаня. Оранжевая жидкость — вот бы сейчас ее сюда! — растворила стекло, которое вдохнул Чань, и тому удалось все выхаркать в виде желеобразной мокроты, какая бывает при простудах. Врачебная практика не знала еще таких способов удаления мокроты из организма. А когда это произошло, силы стали возвращаться к Чаню с поразительной быстротой.

Но оранжевой жидкости не было. А никаких других средств Свенсон не знал. Он ввел нож в рану... и громко выругался по-немецки: вагон дернулся.

— Черт побери! — крикнул он людям в дверях. — Что это за идиотство?

— Это расписание, — возразил охранник в форме. — Я пытался вам объяснить.

— Она умрет! — прокричал Свенсон.

Никто из стоявших в дверях не проронил ни слова. Когда появился охранник, все расступились.

— Я надеюсь, дама останется жить. И я рад отложить вопрос об оплате на потом... пока не будет... понятно, сколько вас — один или двое.

Свенсон смерил охранника убийственным взглядом, но решил промолчать и вернулся к Элоизе, с болью ощущая, как ее тело сотрясают слабые судороги. Он снова расширил рану дрожащими пальцами, кусок стекла, углубляясь дальше, оставлял в блестящей твердой полости новые осколки. От ножа было мало проку. Доктор отложил его, полез в карман за платком и обмотал им пальцы. Резким движением, от которого по телу Элоизы прошла еще

одна судорога, он ухватил осколок и извлек из раны, потом свернул платок и приложил его к ране. Ткань обогрилась обычной, красной кровью. Свенсон убрал платок. Рана была неглубокой, стекла в ней не осталось.

Когда наконец принесли горячую воду и полотенце, Свенсон уже успел очистить и обработать рану, после чего уложил Элоизу на сиденье. Он сидел с сигаретой, размышляя, ища на ее лице каких-то неведомых знаков. Возможно, он просто хотел убедиться, что женщина останется в живых. Тогда можно будет с чистой совестью оставить ее, как раньше — мисс Темпл...

Свенсон сидел, выпрямив спину. Глупец, самодовольный идиот! Они уже на много миль удалились от Карта, и вернуться было нельзя. Мисс Темпл, вероятно, прибыла в Карт вместе с Элоизой... может, она сидит в гостинице и ждет возвращения своей спутницы? Или ее убили где-то рядом со станцией таким же осколком стекла? Может, Ксонк выслеживал ее на улице, как и других убитых им жителей деревни?

Свенсон засунул пистолет за пояс, натянул мундир так, чтобы оружия не было видно, и пошел вперед по вагону, где обнаружил охранника: он болтал с двумя предпринимателями, вероятно имевшими дела на шахтах. Свенсон откашлялся. Охранник никак не отреагировал. Свенсон откашлялся еще раз, более демонстративно. Тот поднял голову и с подозрением посмотрел на этого беспокойного иностранца — что ему еще нужно? Разве задержки отправления, беспорядков, таинственным образом спасенной женщины недостаточно для одного вечера? Кивнув двум предпринимателям, он присоединился к Свенсону в коридоре.

— Что-нибудь еще? — твердым голосом спросил он.

— А в поезде нет другой женщины?

— Которую нужно спасти?

— Что-что?...

— Насколько мне известно, в поезде больше нет женщин, — с улыбкой сказал охранник. — А с арифметикой я всегда дружил.

— Не сомневаюсь, — сказал Свенсон. — Но это очень маленькая женщина. Она могла спрятаться где-нибудь.

— Чтобы не платить за проезд?

Свенсон покачал головой.

— На нее мог напасть тот же убийца...

— Убийца?

— Раненая женщина... миссис Дуджонг... на нее напал тот, кто покалечил железнодорожника на станции!

— Это невозможно. На того напала женщина.

— Что-что? — переспросил Свенсон. — Кто это говорит?

— Да все говорят. И сам пострадавший. — Охранник посмотрел на предпринимателей и вскинул брови.

— Почему же мне никто не сообщил об этом?

— Вы были заняты с дамой.

Неужели графиня и в самом деле побывала на станции? Может быть, Ксонк перепутал ее и Элоизу?

— Других женщин среди пассажиров нет? Вы уверены? — еще раз спросил Свенсон.

— Других женщин нет, — подтвердил охранник.

— А в грузовых вагонах с рудой... — Свенсон показал в хвост поезда.

— Там вообще нет людей.

— Обычно нет, но...

— Только грузы.

— А вы их осматривали? — гнул свое Свенсон. — Вдруг там есть пустые вагоны, чтобы принять груз по дороге...

— Пустые вагоны заперты.

— Замок можно вскрыть... нельзя ли как-нибудь осмотреть...

— К тем вагонам не перейти. — Два промышленника теперь явно подслушивали, и охранник говорил и для них тоже — разве его логика не очевидна?

— Но может быть, во время остановки? — спросил Свенсон.

— Остановки долго не будет.

— Да, я понимаю... но когда будет...

— Я непременно вам сообщу об этом, — сказал охранник. — А теперь прошу меня извинить...

Доктор прошел по двум пассажирским вагонам. Охранник сказал правду. В первом вагоне ехали два горнозаводчика и еще четверо рабочих, занимавших другое купе, — они направлялись на юг в поисках работы на заводе. Не устроилась ли мисс Темпл в тормозном вагоне? Чтобы обследовать его, придется дожидаться остановки.

Лоб Элоизы стал теплее на ощупь. Свенсон закурил еще одну сигарету. Вытащив из-за пояса пистолет, он сунул его в карман и вытянул ноги. Потом в голову пришла еще одна мысль, и он выудил из кармана багряный камень. Элоиза сжимала его в руке... вряд ли это может что-то значить... но с какой-то неприятной легкостью доктор припомнил: они вдвоем стоят на песчаном берегу, шумят набегающие волны, ветер обдувает ее разрумянившееся лицо...

Свенсон убрал камень. Оставив Элоизу, он не сообщил ей о возможных опасностях. И если теперь он был в состоянии ей помочь, то тем самым лишь искупал вину и не мог рассчитывать на ответное чувство. Свенсон попытался сосредоточиться на известных ему фактах — только так он мог сейчас кому-нибудь помочь.

Почему Элоиза так скоро оказалась в Карте? Очевидно, мисс Темпл пришла в себя... или — доктор остро ощутил свою беспомощность — умерла... но нет — Элоиза тогда осталась бы еще как минимум на день, из-за похорон. Если же мисс Темпл пришла в себя и горячка прошла, то женщинам все равно пришлось бы задержаться еще на день, пока мисс Темпл не наберется сил. Что заставило их так быстро покинуть рыбацкую деревню? Местные жители явно были не в восторге от их присутствия... Или произошли новые убийства? Что они нашли в доме Йоргенса?

Конюхов, совершенно очевидно, прикончил Ксонк. Если графиня действительно осталась в живых, то, вероятно, это она убила рыбака и ранила в лицо железнодорожника. Значит, две женщины оказались на станции одновременно, и Ксонк вполне мог принять Элоизу за графиню.

Свенсон закрыл глаза. Что связывало Франсиса Ксонка с Элоизой?

И что он, Свенсон, может сказать ей? Вернувшись в город, они пойдут каждый своим путем и расстанутся навсегда. Но сперва он обыщет поезд при первой же остановке. И если не найдет мисс Темпл, придется вернуться в Карт, чтобы идти по следам бедняжки... а вдруг, когда Элоиза сможет говорить, она скажет, где сейчас мисс Темпл... вдруг две

женщины составили какой-то совместный план... вдруг... глаза Свенсона закрылись... а вдруг он никогда не проснется?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, где он, а вспомнив, доктор тут же пришел в себя. Поезд стоял. Он посмотрел на Элоизу — та все еще спала, — стал искать пистолет, но не нашел, потом встал и поднял мундир, из которого посреди ночи сделал себе подушку. Оружие каким-то злонамеренным образом оказалось под мундиром. Доктор одной рукой сжал рукоять, другой прошелся по волосам и поспешил в коридор, но его тут же отбросило к дальней стене — поезд резко тронулся.

— Черт побери! — громко выругался доктор и поплелся по коридору — искать проклятого охранника.

Сколько времени прошло? За окнами стоял мрак, а часов у него не было. Он совершенно не заметил эту остановку!

Сколько же он спал? Четверо рабочих сидели, притулившись друг к другу, а горнозаводчики растянулись на сиденьях. В третьем купе сидела пожилая женщина с двумя сонными детьми. Женщина подняла взгляд на Свенсона, когда тот остановился у открытой двери купе.

— Вы не видели охранника?

Она кивнула в сторону головы вагона. Приняв это за ответ, Свенсон пошел туда, но охранника там не оказалось. Он распахнул дверь тамбура и постоял на холодном, хлестком воздухе. Перед ним была узкая площадка с перильцами, замасленная сцепка, а дальше голая стенка тендера и за тендером — паровоз. Свенсона обдавало дымом из трубы, воздух наполнился едким, влажным, горелым запахом. Что, если охранник был сзади — во втором вагоне? Доктор направился назад, дошел до двери, открыл ее. С огороженной площадки дальше пройти было нельзя — разве что прыгнуть на металлическую лестницу товарного вагона.

Если поезд останавливался... охранник мог по земле перебраться в тормозной вагон или пройти к паровозу. Но зачем? Тем более в поезде появились новые пассажиры. Свенсон вернулся в свое купе и положил пистолет (неужели он размахивал им перед лицом пожилой дамы?) на сиденье. Куда девался этот тип?

Элоиза резко вздохнула, словно пробудилась от какого-то необыкновенно страшного кошмара; глаза ее распахнулись.

— Франсис?

Это имя было как укол в сердце.

— Нет, моя дорогая, — сказал он. — Это доктор Свенсон.

Но Элоиза его не слышала. Глаза ее были по-прежнему широко раскрыты. Она попыталась сесть и вскрикнула. Свенсон бросился к ней, опустился на колени, одну руку подsunул ей под голову, а другой схватил ладонь, которой Элоиза пыталась пощупать импровизированные бинты.

— Вы не должны шевелиться, Элоиза, — прошептал он.

— Франсис...

— Вас чуть не убили.

Доктор осторожно отпустил ее голову назад на сиденье и сжал руку.

— Вы вели себя так отважно. И вам повезло — стекло вошло неглубоко. А между тем

нападавший собирался вас убить.

Впервые глаза Элоизы встретились с его глазами и осветились узнаванием — его лицо, его руки, эта их близость друг к другу... Свенсон сразу же отодвинулся, ожидая, когда она заговорит.

— Мы в поезде?

— Да. Едем из Карта в город.

— Вы были в Карте?

— Был... к счастью. Рассказывать о моих приключениях слишком долго, и все же... —

Он перевел дыхание. — Элоиза, я должен извиниться. Я поступил малодушно, но пришлось принимать срочное решение...

— Где Селеста? — перебила его Элоиза.

— Я думал, вы скажете.

— Но ее же убьют!

— Как? Кто?

В ответ Элоиза только застонала, потому что опять попыталась встать. Свенсон ухватил ее обеими руками и снова уложил.

— Вас ранили. Я сделал все, что в моих силах, и рана затянулась, но она откроется снова, если вы...

— Она была в городке — с ними. — Элоиза издала приглушенный крик. — Это я во всем виновата... опять... я пошла в дом... его убили...

— Знаю, дорогая, — прошептал Свенсон и позволил себе откинуть волосы, прилипшие к ее потному лбу. — Бедному мальчику не было и десяти...

— Нет-нет. — Она покачала головой. — Франк был мертв. Но мы почуяли его... и я подумала, что сумею увести его от Селесты, что он, возможно, пойдет следом... я двинулась на станцию за помощью. Но он не пошел следом. Я была одна. Я знала, что должна вернуться, помочь ей, не дать ему...

Свенсон кивнул, поняв наконец, кто стоит за ее местоимениями.

— Франсису Ксонку.

— Но вместо этого... вместо этого... я спряталась под вагоном. Мне было страшно. А потом я увидела ее — она бежала мимо, а потом крики... я вылезла и столкнулась с ним лицом к лицу... Он погнался за мной... — Слова застряли у нее в горле.

— Вам нечего стыдиться. Франсис Ксонк в этот последний день и без того убил столько народу... и едва не прикончил меня.

— Но... но...

— Вы выжили. Рана небольшая, но свойства стекла вам категорически противопоказаны. Железнодорожники решили, что вы мертвы. — Подчиняясь внезапному порыву, доктор открыл ладонь и показал ей камень. — Они дали мне вот это.

Элоиза молчала. Свенсон положил камень ей в руку и снова отодвинулся от нее.

— Но Селеста поправилась? — спросил он. — Она вместе с вами добралась до Карта, а потом вы разделились?

Элоиза кивнула. Свенсон, хотя и корил самого себя за уход из рыбацкой деревни, не понимал, как можно оставить без присмотра выздоравливающего. Но он уже успел достаточно узнать мисс Темпл, а потому подозревал, что в случившемся есть и доля ее вины.

— Она... бывает такой... своенравной...

— Она еще совсем девочка. Это моя вина. Я была так расстроена всем... вы говорили о

малодушии. Я не могла говорить правду Селесте, так же как и вы — мне. А теперь...

Если мисс Темпл осталась в Карте, то лучшей помощью для нее будет найти наших врагов. В поезде были и графиня, и Франсис Ксонк. Он мог принять вас за графиню.

Свенсон помолчал и встретился взглядом с Элоизой. Он чувствовал себя неловко, и это добавляло жесткости его голосу.

— Он говорил с вами?

— Нет... все было так неожиданно... он напал сзади...

— Но он видел вас? То есть, конечно, видел... я хотел спросить: он вас узнал?

— Какая разница?

— Вы с ним знакомы... еще до того, как началось все это, вы ведь работали у Траппинга. — Это имя застряло у Свенсона в горле, словно кость, но доктор все же выговорил его. — Поверьте, ничего личного... это не вопрос моих чувств. Речь идет о жизни мисс Темпл — и о жизни нас обоих.

— Не помню, — прошептала Элоиза.

— Помните. Вы помните достаточно.

— Я не могу...

— Нет, Элоиза, вы должны. — Тон доктора стал резким. — Вы завели любовника... что ж, мы взрослые люди, и жизнь есть жизнь. Но этого человека звали Артур Траппинг. Или — я ведь не слепой — Франсис Ксонк. Что было, то было. Важно лишь, кому вы преданы сегодня и что мы знаем сегодня.

— Предана? Но... они пытались меня убить...

Свенсон сердито махнул рукой.

— А кого не пытались? Да они и собственных приверженцев убивали без разбору — это им все равно что раз плюнуть!

— Абеляр...

Доктор встал.

— Выслушайте меня. Мне безразлично ваше прошлое, если только оно не может помочь нам сейчас. Что до пробелов в вашей памяти... мне кажется, это дает вам возможность выбора. Если вы были с ними прежде...

— Я... я не была... не могла быть...

Свенсон оборвал ее:

— У вас есть возможность начать все с чистого листа. Я всеми силами постараюсь вам помочь и защитить вас. А теперь извините — я должен найти нашего охранника.

Доктор вышел из купе, на ощупь найдя пистолет. Его собственные идиотские слова продолжали звучать в голове. Он лишь показал себя ревнивым, злым дураком... а сколько еще часов им придется провести вместе в этом забытом богом поезде? К тому же после ранения Элоизы он не имел права смалодушничать еще раз и оставить ее. Свенсон перешел в следующий вагон, остро чувствуя на себе взгляд каждого пассажира — все они, казалось, проснулись и теперь подозрительно смотрели ему вслед. Охранника по-прежнему нигде не было видно. Свенсон вышел через дальнюю дверь на площадку.

Ветер обжигал холодом. Держась руками за поручни, Свенсон чувствовал свою полную беспомощность, уверенный, что она написана у него на лице. Он смотрел вниз на черные шпалы, мелькавшие с такой быстротой, что сливались в одну, потом глубоко вздохнул, стараясь очистить не только легкие, но и сердце. И тут в нос ударил такой знакомый запах

синей глины.

Доктор выдернул из-за пояса пистолет, но видел только ночное небо и очертания тендера. Он присел на корточки перед поручнями, потянул носом — запах слабый, но даже от малейших испарений синей глины щипало в горле... откуда поднимались эти пары? Свенсон проверил подошвы башмаков — не прилипло ли что-нибудь на площадке? Нет: запах шел снизу. Под каждым вагоном были поперечины, и рискованный человек мог путешествовать таким образом... Но ведь ветер должен был тут же уносить любые пары! Свенсон вставил в глазницу монокль и попытался посмотреть вперед, за тендер, но ничего не увидел.

Свенсон вернулся в вагон за фонарем, но крюк для фонаря оказался пуст. Один из горнозаводчиков выглянул в дверь купе и побледнел от страха, увидев, с какой скоростью проносится Свенсон.

— Где охранник? — спросил Свенсон тихо, но требовательно.

— Я его не видел... где-то с час, — пробормотал тот.

Но Свенсон уже шел дальше; он был уверен, что охранника сбросили с поезда или скинули под колеса, когда тот случайно обнаружил Ксонка. А если Ксонк прячется под тендером, что это значит для графини... или мисс Темпл? Неужели с ними тоже расправились, как и со многими другими? Или они едут этим же поездом? Тогда Ксонк не может попасть в товарные вагоны и в тормозной тоже, как и Свенсон... если только — Свенсон еще раз отругал себя — Ксонк не спал, когда поезд делал остановку. Конечно же не спал! Он должен был ждать и, как только поезд остановился, выскочил из своего тайника и волком понесся вдоль поезда. Может быть, в этот самый момент он греется у печурки тормозного вагона, расправившись там со всеми! А если мисс Темпл и графиня тоже нашли там убежище... был ли у них хоть какой-то шанс остановить Ксонка?

Так и не найдя фонаря, Свенсон прошел во второй вагон. Дойдя до купе Элоизы, он обнаружил, что дверь открыта, а один из парней, едущих на юг, стоит внутри. За его спиной стояла Элоиза — бинт на месте, пальцы рук тесно переплетены. Юнец повернулся к Свенсону, скользнул взглядом по пистолету в его руке.

— Я... мы слышали крик этой дамы, — выдавил он. Крик о помощи.

— Элоиза? — проговорил доктор через плечо этого назойливого идиота, смеривая его открыто враждебным взглядом.

— Я спала... не знаю... что-то приснилось... наверное, закричала.

— Отлично... благодарю за помощь. — Свенсон отошел в сторону, освобождая парню выход — четко, как макленбургский солдат на параде. — Если вы не возражаете.

Парень не шелохнулся, по-прежнему не сводя взгляда с пистолета.

— В поезде что-то случилось? — спросил он.

— Не могу найти охранника. — Свенсон старался говорить как можно вежливее. — Возможно, он во время последней остановки перебрался на паровоз.

Молодой человек кивнул, ожидая продолжения, а когда стало ясно, что продолжения не будет, кивнул еще раз. Выскользнув в коридор, он быстро двинулся прочь, потом оглянулся и увидел, что Свенсон сердито смотрит ему в спину. Покидая вагон, парень кивнул в третий раз.

— Уверена, что он хотел только помочь, — прошептала Элоиза.

— Парень в этом возрасте, который остался наедине с раненой женщиной, заслуживает

доверия не больше, чем оса, залетевшая в детскую, — заметил Свенсон.

Элоиза не ответила, и доктор остро ощутил, что от его слов все становится только хуже.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я тут думала, — ответила она так, словно не слышала вопроса. — Вы спрашивали про Франсиса Ксонка. Стекло, которым он ранил меня, я знаю, было из книги с записями. Потому что я почувствовала... плотью и разумом... что меня пронзил не осколок, а... ощущения.

— Вы их помните?

Элоиза вздохнула.

— Положите эту штуку.

Свенсон посмотрел на пистолет.

— Вы не понимаете. Пропал охранник.

— Он мог просто перейти на паровоз...

— Этим поездом едет Ксонк... только я не знаю, где он прячется. Возможно, охранник узнал это и поплатился жизнью.

— Надо было не лгать этому мальчику, а заручиться его поддержкой!

— У нас нет времени, Элоиза, а объяснять пришлось бы слишком много. И он, и все остальные в этом поезде приняли бы меня за ненормального...

— Оказаться один на один с Ксонком без всякой надобности — вот что ненормально! Или вы задумали какую-нибудь дурацкую месть?

Свенсон проглотил сердитый ответ. Он мог сказать, что не стоит издеваться над самой идеей мести, что Элоиза могла бы проявить чуточку благодарности, что он не способен принять ее благодарность... или даже, что она, возможно, права, несмотря ни на что... Доктор стукнул ладонью по металлическому косяку. Сердиться было бессмысленно, и он прогнал это чувство, его эмоции сорвались, как Сизифов камень с вершины горы. Элоиза ждала ответа. Свенсон ухватился за первую мысль, что пришла в голову.

— Вы... недавно вы говорили о стекле, о фрагменте сна. А что это было такое, вы помните?

— Помню. — Она шмыгнула носом и неуверенно села. — Хотя и не понимаю, как это может нам помочь.

— Почему?

— Сон был такой рваный. Мысли внутри стекла, ощущение, воспоминания... содержимое стекла было в беспорядке. Как будто чернила растекаются по намокшей странице, только не на бумаге, а в голове... не могу это описать...

— Фрагмент был очень небольшой...

Элоиза покачала головой.

— Дело не в размерах. Там не было никакой логики... словно пять воспоминаний или пять разных человек, все это наложено одно на другое, как звездочки, наклеенные на окно.

— А нет каких-нибудь подробностей, чтобы установить источник сна?

Она снова покачала головой.

— Слишком много противоречий — сплошной хаос... затиснутый в одно небольшое пространство, которое совсем не одно пространство... и постоянно... да, я забыла, музыка... Элоиза перешла на шепот. — Бессмыслица... хотя я уверена, что воспоминания сами по себе истинны. Каждая часть мелькала... шла внахлест на швы между ними.

— И ни один из этих... элементов не показался вам... знаменательным?

— Не думаю. И вообще, вот теперь когда я пытаюсь, то практически ничего не могу вспомнить...

— Нет-нет, это полезно. — Свенсон закивал, хотя и без убежденности. — Рана от синего стекла... ведь кровь и стекло образуют новое стекло... так вот, для нанесения раны нужен особый контакт между стеклом и жертвой. Понимаете? Кровь сворачивается, соприкасаясь со стеклом, и сама кристаллизуется... плоть затвердевает. Но какова природа этого новообразованного стекла? Раз оно находится в вашем теле... неотделимо от него... содержит ли оно ваши воспоминания? Чем это самовозникающее стекло отличается от того, что изготовил граф?

Мысли Свенсона метались. Каковы могут быть свойства осколка, извлеченного из тела Элоизы? Что этот осколок может рассказать о строении и действии стеклянных книг? На клочке бумаги можно увидеть только часть текста, но такого же размера острый осколок стеклянной книги явно содержал несколько слоев разных воспоминаний. Следовательно, книги не читаются (и не «пишутся») линейным способом: воспоминания существуют в стекле, как цвет в краске, приправа в супе, капилляры в коже. В отломанном куске оказалось искажено то свойство стекла, которое позволяло человеку соблюдать определенный порядок, погружаясь в воспоминания. И поэтому разные воспоминания слились в неестественную, рваную мешанину.

Доктор посмотрел на Элоизу.

— На дирижабле одно только прикосновение к стеклянной книге заставило графиню погрузиться в нее...

— Она убила принца и Лидию только из уязвленного самолюбия...

— Франсис Ксонк прижег куском стекла пулевое ранение, и этот кусок остался в его теле. Ксонк вполне мог лишиться разума. — При этой мысли Свенсон нахмурился. Такую рану мог нанести разве что кусок стекла размером с детский кулачок, и какие видения грызут... нет, разрывают мозг Ксонка? — И еще у него есть стеклянная книга, спасенная с дирижабля. Я не знаю, что там внутри, — но вполне здравомыслящий человек, заглянув в нее, превратился в пустоголовую развалину. Вовсе не случайно Ксонк выбрал именно эту книгу.

Свенсон опустился на колени рядом с женщиной.

— Элоиза, вы, пожалуй, лучше всех знаете его мысли...

— И я вам говорила...

— Он знает, что стекло убьет его, — холодно сказал Свенсон. — В отсутствие графа он попытается завладеть его бумагами, его инструментами — чем угодно, лишь бы избежать смерти. Я должен его найти.

— Абеляр, он убьет вас.

— Если вы знаете что-нибудь еще, Элоиза. Что угодно — его цели, его... пристрастия.

Но она только помотала головой.

У дальней двери Свенсон наконец нашел фонарь на крюке. Вытащив спичку, доктор покрутил фитилек, чтобы фонарь лучше горел, зажег его и, выйдя на площадку, осветил глухую деревянную стену товарного вагона. Он принялся, ничего не почувствовал и осторожно перегнулся через поручни, держа фонарь перед собой. К вагону была приделана металлическая лестница — без всяких следов крови или синих выделений. Свенсон вернулся в коридор и демонстративно прошел к тендеру мимо Элоизы и других пассажиров. У двери

он вытащил пистолет, затаил дыхание, а потом — остро ощущая, что оба промышленника следят за ним, — понял, что с двумя занятыми руками дверь никак не открыть. Он сунул дужку фонаря в руку с пистолетом и стал открывать дверь.

Потолок над ним сотрясся от удара: кто-то прыгнул с тендера на крышу вагона — ловкий маневр — и побежал к товарным вагонам. Свенсон бросился в ту же сторону. Он открыл дверь в тот момент, когда Ксонк перепрыгнул с первого вагона на второй, о чем возвестил удар по крыше.

Свенсон побежал по коридору, на несколько шагов отставая от Ксонка, и прокричал Элоизе: «Оставайтесь на месте!» Добежав до задней двери, он распахнул ее. Шагов наверху не было слышно. Ксонк, видимо, уже перепрыгнул на крышу товарного вагона, но Свенсон не видел его и за стуком колес ничего не слышал. Он повернулся — за его спиной стояли все четверо молодых рабочих.

— Миссис Дуджонг! — крикнул им доктор. — Ей грозит опасность! В поезде есть человек, он на крыше — это убийца!

Прежде чем те успели ответить, он выбежал на площадку, держа фонарь в вытянутой руке, и прикинул расстояние между площадкой и лестницей, чуть не задыхаясь от страха. Засунув пистолет за пояс, он крепко ухватился за поручень и перебросил через него ногу, а потом перехватил руку, отчетливо ощущая, как вибрирует в его пальцах поручень, как несутся внизу полосы шпал, как скользки подошвы ботинок. Просунув носок одного ботинка между прутьями, Свенсон перебросил через поручень другую ногу. Лестница все еще была слишком далеко. Придется прыгать.

Поезд тряхнуло, и Свенсон, потеряв равновесие, рухнул в промежуток между вагонами. Его тело ударилось о металлические ступеньки и начало сползать к бешено вращающимся колесам. Фонарь упал на отсыпную полосу, взорвался снопом искр и тут же исчез из виду. Доктор вскрикнул, как ребенок, когда его правый ботинок задел о шпалу. Наконец руки нашли опору — он вцепился мертвой хваткой в холодный проржавевший стержень.

Стук колес стал другим... поезд тормозил.

Локомотив выпустил напоследок мощную струю пара, и поезд остановился. Свенсон, дрожа, отпустил руки, упал на пути и посмотрел в сторону паровоза: небольшая станционная платформа, люди с фонарями — вероятно, новые пассажиры. Он повернулся в другую сторону, вытащил пистолет из-за пояса и побежал к тормозному вагону. В составе было не меньше пятнадцати товарных вагонов, в каждом — широкая дверь с запиравшим ее тяжелым металлическим засовом. Доктор бежал мимо этих вагонов, поглядывая, не открыт ли где засов, но ничего пока не увидел. На бегу он оглянулся на паровоз. Сколько может простоять поезд? Если он не вернется, Элоиза окажется во власти Ксонка.

Забираясь на площадку тормозного вагона, доктор чувствовал себя загнанной лошадью. Он постучал в дверь рукоятью пистолета и сразу же рванул дверь, держа оружие перед собой. На него испуганно смотрел маленький человечек в синем плаще, с многодневной щетиной на розовом лице. В одной руке у человечка была металлическая кружка, в другой — почерневший от сажи чайник.

— Добрый вечер, — сказал Свенсон. — Извините за вторжение.

Руки железнодорожника так и поднялись вверх — с кружкой и чайником.

— Т-тут нет д-денег, — заикаясь, произнес розоволицый. — Руда еще не обогащена... п-пожалуйста.

— Меня это ничуть не интересует, — сказал Свенсон, оглядывая каморку — стол, печурка, стулья, топографические карты, полки с инструментами; спрятаться здесь было негде. — Где охранник?

— Кто? — переспросил железнодорожник.

— Я ищу одного человека.

— Охранник должен быть впереди.

— Я ищу другого человека, опасного, даже сумасшедшего, и, может быть, даму или двух дам... одна молоденькая, невысокая, другая повыше, черноволосая... возможно, она ранена или даже... убита.

Железнодорожник ничего не ответил. Свенсон дружески улыбнулся ему.

— А где мы сейчас... что это за станция?

— Стерридж.

— Что тут вокруг?

— Овечьи пастбища.

— А до города далеко?

— Часа три.

— Еще будут остановки?

— Только одна — у каналов.

— У каких каналов?

— Станция Парчфелдт, конечно.

— Конечно, — отозвался Свенсон раздраженно, как путешественник, имеющий дело с благодушным идиотизмом аборигенов. — Когда отправляется поезд?

— В любую минуту. — Человек ткнул чайником в пистолет. — Вы иностранный солдат.

— Вовсе нет, — ответил Свенсон. — Но все же советую запереть дверь и никого не впускать. Еще раз прошу прощения за беспокойство.

Доктор спрыгнул с площадки тормозного вагона с поднятым пистолетом, бросил взгляд на крышу, но никого там не увидел. Он поспешил к голове состава. Далеко впереди виднелась зловещая фигура человека в черном плаще — он стоял у дверей товарного вагона, как лисица у курятника, и к чему-то принюхивался, судя по его позе. Свенсон перешел на бег.

Ксонк поднял голову, заслышав приближающиеся шаги. Под капюшоном была едва видна нижняя часть его лица, руки сражались с заржавевшей металлической задвижкой на дверях. Свенсон поднял пистолет, но споткнулся о камень и едва удержался на ногах. Когда он снова поднял взгляд, Ксонка уже не было. Куда он исчез — полез под вагоны или между вагонами, чтобы дожидаться, когда доктор пройдет мимо? Или он уже карабкался на крышу? Если так, Ксонк вполне может добраться до пассажирских вагонов и Элоизы, прежде чем Свенсон остановит его. Доктор пробежал мимо товарного вагона, заглянув под него и недоумевая, что тут мог унюхать Ксонк.

Ксонк нигде не поджидал его — Ксонка вообще нигде не было. Свенсон из последних сил добежал до вагона в тот момент, когда послышались свистки железнодорожников в голове поезда. Он со стоном перекинул ноги через поручни. Поезд дернулся, и доктор Свенсон, все еще сжимая пистолет, ввалился в коридор.

Пошатываясь, он шел к купе Элоизы, опять чувствуя, как от страха мурашки бегут по его коже: что, если он опоздал, что, если Элоиза мертва, а Ксонк, как вурдалак, склоняется над

ее телом с распоротым горлом? Наконец он добрался до своего купе. Элоиза лежала все там же и спала. Напротив нее с настороженными выражениями на лицах сидели двое из четырех парней.

Свенсон отошел от дверей и, прислонившись спиной к стене, облегченно вздохнул. Все его действия были бестолковой возней в темноте.

Через два часа они будут у каналов Парчфелдта. Элоиза должна знать, как далеко они сейчас от города, ведь в этих краях стоит дом ее дядюшки. Но Свенсон не хотел ни будить женщину, ни ссориться с молодыми людьми, пусть и малоприятными, но исполненными добрых намерений. Доктор достал еще одну сигарету, чиркнул спичкой и принялся смотреть в окно, где одеяло тумана цеплялось к зеленому ковру травы. Клуб дыма ударился о стекло. Свенсон вспомнил Кардинала Чаня. Где он — в городе? Жив ли? Свенсон снова затаился и покачал головой. Он знал это ощущение со времен морской службы, когда моряки, связанные узами товарищества, при переводе на другой корабль оставляли позади и дружбу, и клятвы преданности, как остатки еды после трапезы. Свенсон стряхнул пепел на пол. Сколько времени он знает Чаня или мисс Темпл в сравнении с экипажем «Ханнани» — с людьми, о которых он никогда не вспоминал, хотя и проплавал с ними три года?

Он вспомнил собственный совет мисс Темпл, данный в падающем дирижабле: разобраться с Баскомбом, пока есть возможность, иначе она всю жизнь будет жалеть... и девушка убила Роджера. Неужели доктор предвидел, что это случится, неужели он толкнул ее на убийство? Баскомб был ничтожеством. И совесть Свенсона отягощала только мысль о том, что мисс Темпл будет тяжело жить с убийством на душе. Доктор Свенсон с горьким сожалением вспомнил обо всех — слишком многих, — кто погиб по его вине. И все же он знал, что совет был правильным. Если бы мисс Темпл просто позволила Баскомбу утонуть, некий важный вопрос (который, словно сложнейшее алхимическое уравнение, был сформулирован и поставлен перед нею всем их совместным приключением) остался бы для нее без ответа. Что, если его собственное путешествие требовало такого же выяснения отношений с Элоизой Дуджонг?

Он загасил окурок носком левого ботинка и вернулся к дверям купе, кивнув парням — мол, возвращайтесь к себе. Свенсон горько улыбнулся при мысли о том, что выбранная им маска бесстрашного, крутого типа вроде Чаня или майора Блаха оказалась весьма удачной: парни угрюмо, но покорно подчинились. Доктор стоял в коридоре, пока не закрылась дальняя дверь вагона, прислушиваясь к приглушенному стуку колес и подавляя в себе желание выкурить еще одну сигарету.

Свалившись на сиденье напротив спящей женщины, доктор Свенсон вытащил из кармана смятый, окровавленный платок и осторожно развернул его на ладони: показался осколок синего стекла, извлеченный из тела Элоизы. Осколок перестал быть гладким острием, отколовшимся от заполненной страницы стеклянной книги. На одной его стороне от соприкосновения с телом Элоизы образовался вихреватый нарост; кровь женщины свернулась, как сок из надсеченного ствола дуба. Доктор взял осколок двумя пальцами, поднес к тускловатому фонарю — и тут же ощутил давление в глазах и желание сглотнуть, словно в горле внезапно пересохло. Однако осколок не проглотил его целиком: видимо, из-за небольшого размера. Но в какой-то мере он все же почувствовал то, о чем говорила Элоиза: содержимое стекла не было единым целым, а потому войти в конкретной точке было нельзя.

Свенсон вздохнул. Он задрал рукав мундира, а затем и рубашки, обнажив левую руку над запястьем, в стороне от артерии, потом осторожно взял осколок в правую руку и, бросив быстрый взгляд на Элоизу (спит ли она?), вонзил стекло в свою плоть.

Укол боли мгновенно сменился ощущением холода, распространявшегося с поразительной скоростью и с такой леденящей силой, что доктор почти утратил способность мыслить. Он поборол неожиданную уверенность в том, что совершил какую-то непроходимую глупость, и заставил себя внимательно смотреть на ранку: всепроникающий холод распространялся по венам, но рука от этого не превращалась в стекло. Остекленевший участок был где-то с ноготок ребенка. Свенсон испытал облегчение, но все сильнее кружилась голова. Он моргнул — время с приходом этого чувства неестественно расширилось, и каждый его вздох словно пропадал втуне, — подавил еще один приступ паники. Там... на грани его внимания, словно крысы в трюме корабля, кишели видения, которые были ему нужны... но эти новые миры совершенно не напоминали те соблазнительные царства, что раньше содержались в синем стекле. Эти, новые, были резкими, даже мучительными, беспорядочными, бессвязными. И опять доктор уверился в том, что совершил роковую ошибку. А потом видения захватили его целиком.

Сначала была толстая черная каменная плита с непонятными знаками (непонятно было также, кому принадлежало это воспоминание), которая тут же сменилась другой плитой из другого воспоминания — светлее и мягче, с более четким изображением: некое вымершее существо с головой-луковкой и множеством рук... потом явился совсем уже древний головоногий моллюск, громадный, с присосками, большими, как человеческие глаза... а потом самое странное: Свенсон услышал звук — пение — и понял, что это какая-то порочная, адски порочная молитва. Каждая ее часть резко переходила в следующую, они сталкивались, двигаясь по мерзостным диагоналям, словно клочки воспоминаний, нарезанные ножницами, раскиданные и затем сваленные в кучу или соединенные вместе, наподобие шара из проволоки и гвоздей. Доктор Свенсон, морщась, понимал, что загадочные знаки высечены на другой плите, что музыка звучит вовсе не на пустынном скалистом берегу, а в гостиной, увешанной толстыми коврами, что...

В тот момент, когда вся эта мозгодробительная и бессмысленная вереница образов собиралась повториться, Свенсон ощутил еще одну струю — совсем иное, вполне осязаемое свойство... женское... хотя присутствие женщины было всего лишь слабым намеком, шепотком в ухо, его ощущения слились с ощущениями ее тела. И наконец — словно призраки, выплывающие из тумана над зловещей пустошью, — три последовательных мгновения, четких, как удар хлыста, три сцены, такие резкие в калейдоскопе неотчетливых видений, словно высвеченный молнией силуэт...

Человек в форме сидит на стуле, обхватив голову руками, а из двери доносится пронзительный женский голос... человек поднимает голову, глаза его красны... Артур Траппинг...

Франсис Ксонк в роце стоит на коленях и что-то шепчет трем детям...

Держа за руку возбужденную, решительную Шарлотту Траппинг, служанка открывает дверь, за которой виден стол и женщина, чего-то ждущая на его дальнем конце; ее черные волосы просто перевязаны черной лентой — Каролина Стерн, — а в руке...

Свенсон открыл глаза. Холод добрался до плеча, рука онемела. Он извлек осколок из запястья и с гримасой подвел большой палец правой руки под кругляшок затвердевшей

плоти вокруг раны. Боль от рывка оказалась куда сильнее, чем ожидал доктор. Он выдрал остекленевшую плоть, промокнул это место платком и плотно прижал его к ранке, от боли прикусив изнутри щеку. Закрыв глаза, он принялся покачиваться взад-вперед. Холод начал покидать руку, пальцы уже сжимались. Свенсон испустил долгий горестный вздох: он страшно рисковал.

Он поднял глаза; Элоиза смотрела на него.

— Что вы сделали? — прошептала она.

— Так, пришла в голову одна мыслишка, — ответил Свенсон с натянутой улыбкой. —

Но ничего не вышло.

— Абеляр...

— Успокойтесь. Клянусь, ничего страшного не случилось.

Элоиза внимательно смотрела на него, не решаясь задать трудный вопрос. Оба прекрасно знали, что он солгал.

И все же, глядя, как Элоиза устраивается поудобнее для сна, Свенсон понял, что напрасно не поговорил с ней откровенно. Три последние сцены были воспоминаниями самой Элоизы, переданными через кристаллизованные частицы ее крови. Может быть, она ощущала эти свои воспоминания, но скрывала их от Свенсона... или же сама не подозревала о них, и они, словно серебряная жила, были вплетены в волокна ее тела? Этот вопрос касался еще одного из главнейших свойств синего стекла. Элоиза утратила часть своих воспоминаний, запечатленных в стеклянной книге... но что, если они все же оставались в глубинах сознания и не исчезли окончательно? Значило ли это, что есть шанс восстановить разум Роберта Вандаариффа или Генри Ксонка?

А если воспоминания можно вернуть... то каким человеком окажется Элоиза? Знала ли она себя самое?

Когда доктор проснулся, было уже довольно светло. За окном между путями и густым зеленым лесом бежала сверкающая лента канала. Элоиза продолжала спать, лежа чуть на боку, лицом к доктору; крови на бинтах не было заметно. Значит, рана не доставляла ей особых неудобств. Свенсон сел. Пистолет все еще был в его руке, но сама рука затекла, когда доктор улегся на нее, и все еще не отошла. Сколько он проспал? Наверное, всего лишь вздремнул ненадолго. И все же, мрачно подумал он, даже нескольких минут хватило бы Ксонку, чтобы расправиться с ними обоими. Но они были живы. Допустим, Ксонк был готов пощадить Элоизу. А его, Свенсона? Едва ли.

Доктор наклонился вперед, разминая пальцы рук, и задумался. Товарный вагон, у которого он засек Ксонка, когда тот принюхивался в попытке проникнуть внутрь... такого человека вряд ли могли интересовать грузы с севера, будь то руда, рыбий жир, сушеная рыба или меха. Он шел по следам Ксонка от одного убийства до другого. Любой поступок Франсиса имел целью или возвращение в город, или овладение стеклянной книгой. Неужели все настолько просто?

Доктор опустил на колени рядом с Элоизой и легонько встряхнул ее руку. Та открыла глаза, увидела его, а потом — так быстро, что у Свенсона екнуло сердце, — надела на лицо маску настороженности.

— Мне нужно знать, как вы себя чувствуете, — сказал он. — Можете ли вы подниматься, ходить?

— Где мы? — спросила Элоиза.

— Приближаемся к Парчфелдт-парку, — ответил Свенсон. — Полагаю, нам стоит сойти на этой остановке.

— И добраться до моего дядюшки?

— Со временем — может быть, — сказал доктор. — Сначала я должен осмотреть один из товарных вагонов. Но оставить вас одну не могу и боюсь, что поезд тронется до того, как я закончу. Если все пройдет быстро и без проблем, может быть, мы вернемся в этот вагон. Но возможно, тайное убежище у вашего дядюшки — это как раз то, что вам сейчас нужно. Там вы скорее поправитесь. — Он посмотрел на нее, скользнул взглядом по бинтам. — Но если вы не можете стоять, то все это разговоры впустую...

— А что в этом вагоне? — спросила Элоиза.

Свенсон встретился с ней глазами и ответил как можно осторожнее:

— Там может прятаться графиня ди Лакер-Сфорца.

— Понятно.

— Я хотел бы добраться до нее раньше Франсиса Ксонка.

— Тогда мне лучше подготовиться.

Рана ее закрылась чисто, раньше, чем предполагал Свенсон, — ведь Элоиза совсем недавно была на волосок от смерти. Но ее постоянно беспокоило головокружение, вызванное стеклом. Доктор с тревогой обнаружил, что и его покачивает, когда он на ходу поддерживает Элоизу, — всего лишь остаточное явление, как если бы он выкурил слишком много сигарет в один присест. Но он знал, что дело не в куреве, что резкий привкус — тоже не от табака, а от едких паров синей глины. Это заставило его быть еще более терпеливым и внимательным. Когда он улучил несколько секунд и затыкнул потуже носовой платок на запястье, Элоиза заметила это, но ничего не сказала. Свенсон поймал ее взгляд, но (словно оба чувствовали, что разговор окажется трудным, ведь она не знала, зачем он поступил так и что открыл) никто из них не стал заговаривать об этом. Они вышли на заднюю площадку. Доктор, держась за поручни, смотрел на убегающие из-под колес пути вниз. Он почувствовал, что Элоиза повернулась к нему, но не шевельнулась.

— Здесь очень красиво, — сказала она громко, из-за стука колес. — Ребенком я часто бродила в этом парке. И конечно же, считала, что все тут принадлежит мне. В детстве всегда так: думаешь, будто все твое, только потому что ты горячо этого желаешь. Пожалуй, я честно собиралась желать точно так же и своего мужа. И сколько-то времени желала. Я любила его, но потом он умер — умер так далеко, такой бессмысленной смертью... — Она горько рассмеялась и погладила эполет на плече Свенсона. — И вот я стою тут с еще одним военным.

Свенсон повернулся к ней.

— Я не...

— Конечно, вы не военный. — Элоиза улыбнулась. — Доктор — это совсем другое дело, а военный доктор — тем более. Но я не это хотела сказать. А теперь уже и не знаю что... Потеряла нить. — Она вздохнула. — Что-то глубокое, о том, как отступают сны, о том, что чем больше узнаешь о чем-нибудь... о самом себе... тем сильнее боль. Обязательно. А боль от малых снов, думаю, самая острая.

Доктор знал, что нужно ответить... что ответ — это возможность впервые в жизни поведать, забыв все обиды, хотя бы чуть-чуть, о своих борениях, связанных с Коринной и растраченными впустую годами — и с самой Элоизой... Но мысли его смешались. Да и что

такое целая жизнь? Как соразмерить его жизнь с жизнью, например, Элоизы? Чего (после всех переживаний и скорбей, растянувшихся, казалось, в годы горьких воспоминаний) ищем мы в прошлом, если не любви? Свенсон все не мог и не мог решиться, молчание затягивалось, а как хотелось сказать, что он был счастлив услышать ее слова!

Но начать никак не удавалось. А потом поезд начал притормаживать.

— Похоже, мы останавливаемся, — сказал он и потянулся к лестнице.

* * *

Подходящий момент ушел. Элоиза печально улыбнулась и кивнула в знак того, что готова. Свенсон перекинул ногу через ограждение и замер в ожидании. Поезд остановился, и Свенсон услышал, как паровоз сбрасывает пар, словно вздыхая с облегчением.

Свенсон спрыгнул на землю и немного спустился по насыпи, глядя на товарный вагон. Около паровоза в ожидании посадки стояло несколько человек — значит, будет хоть сколько-то времени на поиски. Он повернулся к Элоизе. Наверху, между их вагоном и следующим пролетел темный силуэт, и человек глухо приземлился на крышу. Свенсон резко развернулся, понимая, что уже поздно, но все же выстрелил вслед удаляющемуся Ксонку. Пуля прошла мимо, гулкое эхо выстрела громко разнеслось вдоль путей. Элоиза от неожиданности вскрикнула и, свалившись на лестницу, охнула от боли. Свенсон ухватил ее за талию и помог спуститься на землю.

— Сюда, — сказал он и повлек женщину за собой — как можно бережнее. Он бы побежал, но знал, что Элоизе это не по силам.

В дальнем конце поезда из тормозного вагона появился железнодорожник и уставился на них. Слышал ли он выстрел?

— Куда мы идем? — спросила Элоиза, когда Свенсон, присев, посмотрел под вагонами вдоль поезда.

— Она в товарном вагоне, — пояснил он. — Ровно в середине поезда...

— Графиня? — спросила Элоиза.

— Да.

— В этом?

Доктор посмотрел туда, куда она показывала. Дверь вагона была открыта достаточно широко, чтобы выйти наружу... или войти внутрь, если говорить о Ксонке. Свенсон вполголоса выругался по-немецки, таща за собой Элоизу. Между путями и каналом рос довольно высокий тростник: что там внизу — вода? Он посмотрел на деревья за каналом (хотя как графиня могла перебраться на ту сторону?), но ничего не увидел.

А внутри вагона, насколько можно было разглядеть, царил сумрак и пустота. К ним подошел, махая руками, железнодорожник. Люди у паровоза, похоже, замерли. И они тоже слышали выстрел?

Раздался отчетливый всплеск воды в канале, и доктор повернулся в ту сторону. Графиня.

Элоиза громко вскрикнула и дернула его за руку. Обернувшись, Свенсон сквозь промежуток под вагоном увидел Ксонка, который только что спрыгнул откуда-то сверху. Ксонк стоял на карачках, и его с сухим, надрывным хрипом рвало — струя темной желчи лилась изо рта на щебень. Свенсон прицелился, хотя кабели и колеса мешали ему. Ксонк

встал на колени, капюшон свалился ему на плечи. Элоиза снова вскрикнула, и ее пальцы впились в руку Свенсона. Лицо Ксонка было искажено мукой — красные глаза напоминали две открытые раны, губы посинели, кожа покрылась пятнами, словно по лицу актера размазали грим. Доктор заколебался. Новая судорога, и Ксонк опять упал на четвереньки, исторгая желчь. Доктор отвернулся, поморщившись (один только вид Ксонка раздражал обоняние). Вдали мелькнула женская фигура — черные волосы, темное платье, белая рука — и исчезла среди деревьев по другую сторону канала.

Он потащил Элоизу за руку и прыгнул в тростники. Высокие зеленые стебли немилосердно хлестали их.

— Но Франсис... товарный вагон... — воскликнула Элоиза.

— Вагон пуст! — прокричал Свенсон. — Ксонк умирает. Графиня сейчас важнее!

Элоиза не успела ответить, захлебнувшись криком боли — они с разбегу ударились о низенькую кирпичную стенку, шедшую вдоль берега. Эта кирпичная граница канала, плоская, побуревшая, скользкая от мертвого тростника, уходила в темно-зеленую воду.

— Как она перебралась на тот берег? — спросила Элоиза.

— Переплыла?

— Так быстро не переплыть, — возразила она. — Тем более в таком платье.

Канал был от силы ярдов десять в ширину, но бесшумно переправиться в женской одежде через него было нельзя... Да и все равно, выбираясь на другой берег, графиня выдала бы себя всплесками и брызгами, но ничего такого не слышалось. Доктор обвел взглядом берега в обоих направлениях — нет ли там каната или лодки. Элоиза опять дернула его за руку, показывая на что-то вниз по течению. Свенсон вставил монокль и увидел маленькую плоскодонку. Графиня переправилась на ней, а потом оттолкнула ее прочь.

— Можем мы поймать эту лодочку? — спросила Элоиза.

— Выбора у нас нет — разве что пуститься вплавь, — ответил Свенсон.

За спиной у них засвистел паровоз — пронзительно и одиноко. Оба повернулись и помедлили, но догнать поезд при всем желании уже было невозможно. Железные колеса со скрежетом пришли в движение.

— Что ж, будем искать переправу, — сказала Элоиза.

Им удалось обойтись без лодочки. В тридцати ярдах нашелся узенький мост необычной конструкции: он убирался, позволяя проходить судам, и раскладывался, если у кого-то возникала нужда в переправе. Лодочка уплывала все дальше и дальше, а доктор тем временем боролся с узлами, удерживавшими дощатые мостки. Наконец система шкивов, противовесов и канатов пришла в движение: мостик перекинулся через зеленый канал наподобие пеньково-древесного богомола и с хлопком опустился на противоположный берег.

Доктор протянул руку Элоизе, помогая ей подняться по заросшему тростником невысокому склону. Они оказались в обширном, окруженном полями зеленым массиве Парчфелдт-парка.

— Вы знаете, где мы? — спросил Свенсон.

Элоиза пожала его руку и тут же отпустила. Доктор вытащил платок из кармана, чтобы протереть монокль.

— Я не уверена, — сказала Элоиза, глубоко вдыхая свежий воздух, и улыбнулась, словно желая прогнать возникшее между ними напряжение. — Видите, какой густой лес. Каналы —

дальше на юг, как и дядин дом, но я никогда не приезжала туда по железной дороге. До него, может, двести ярдов, а может, двадцать миль... Понятия не имею.

— Графиня бросилась наутек не только потому, что спасалась от Ксонка. Если бы она намеревалась добраться до города, то скорее выщарапала бы ему глаза, чем покинула поезд. И сошла здесь она не просто так. Не догадываетесь почему?

— Нет.

— Может, когда-нибудь... в разговоре с вами...

— Она никогда не говорила со мной.

— Но видела вас... она знала, что вы едете в этом поезде?

— Понятия не имею.

Доктор Свенсон разрывался между двумя желаниями: резко встряхнуть Элоизу за плечи и нежно погладить ее лицо. Он подавил оба, снова протерев монокль.

— Боюсь, это нам ничего не дает. Хотя я и невежественный иностранец, но пораскинуть мозгами способен. Это королевский заповедник. Кто-нибудь из королевского семейства охотится здесь? Герцог Сталмерский, например? Или тут есть чьи-то еще охотничьи угодья, где графиня может найти убежище?

— Я знаю только малую часть парка...

— Но если эта часть рядом...

— Я не знаю...

— Но если это так... чьи здесь есть еще дома? Где может скрыться графиня?

— Никаких домов нет. Руины — вот все, что осталось от имения, сгоревшего несколько лет назад. Тут есть деревни, лесники, но обо всем этом не стоит и говорить. Конечно, такую женщину всегда примут и накормят...

— Она покинула поезд не для того, чтобы ее накормили в деревне, — сказал Свенсон.

— Это вы так считаете, — отрезала Элоиза.

— Не надо сердиться, нам будет только сложнее.

— Если я сержусь, то потому... потому, что все это... мой разум и мое тело...

Раскрасневшаяся Элоиза тяжело дышала, подняв одну руку, а другой держась за бинты под грудью.

— Послушайте меня. — Доктор заговорил так резко, что она перевела на него взгляд. — Я здесь — в этом лесу — потому, что пытаюсь обрести свое чувство долга. Эта женщина, которую мы преследуем... человек в поезде... убитый чиновник в Карте...

— Кто?

Свенсон отмахнулся от ее вопроса.

— Если графине удастся бежать, умрут другие люди... умрем мы. Я не думаю о себе... или о нас... это меня заботит меньше всего... то, о чем я когда-то думал, на что надеялся... я оставил это.

— Абельяр...

— В ваших воспоминаниях есть пробел, который вы не можете восполнить. Это факт. Но есть и другие факты, которыми вы не поделились по каким-то своим причинам... Но вы должны понимать, что тогда передо мной встает нелегкий выбор. Я вынужден с огорчением признать, что мы по-настоящему не знаем друг друга. Например, мне известно, что в кабинете отеля «Сент-Ройял» вы и Шарлотта Траппинг встречались с Каролиной Стерн.

Доктор ждал ее ответа, но не дождался.

— Вы мне не говорили об этом, — прибавил он.

Элоиза смотрела в сторону — на деревья. После еще одной безнадежной паузы Свенсон указал, куда надо идти.

Минут десять они продирались сквозь пропитанную росой чащу молодых буков, а потом оказались среди дубов повыше с широкими кронами: травы здесь было меньше, идти стало легче. Свенсон то и дело подхватывал Элоизу под руку, когда она спотыкалась. Каждый раз она тихо благодарила его, и после этого доктор шел вперед, расчищая путь от веток. Остальное время они шли в молчании. Правда, однажды доктор все же позволил себе отпустить замечание насчет величия могучих дубов в целом, кивнув при этом на рыжеватую белку, мелькнувшую среди ветвей; он сказал, что каждое из таких деревьев являет собой миниатюрный город в лесу, давая приют обитателям самых разных видов — от гусениц до белок, от певчих птиц до ястребов, гнездящихся на вершинах. Напрашивалось продолжение: почему бы не сравнить дубы с крохотными герцогствами, вместе образующими что-то вроде германского государства? Но, не услышав в ответ ни слова, Свенсон остановился, и его последняя фраза растворилась без следа среди безмолвных деревьев.

За дубовой рощей начиналась тропинка, достаточно широкая для коляски, но густо усыпанная листьями, — ездили тут редко.

— Вы ничего не узнаете? — спросил доктор.

Элоиза покачала головой, потом показала налево.

— Пожалуй, нам больше повезет, если мы продолжим идти на запад.

— Как вам угодно, — сказал Свенсон, и они пошли дальше.

Молчание становилось невыносимым. Доктор пытался отвлечься, слушая птичьи трели и шорох невидимого ветра. Когда он не мог больше молчать, то пытался было открыть рот, но не находил слов и просто показывал, куда идти, — из-за листьев тропинка была плохо видна.

— Мы идем как по турецкому ковру. Нам не выяснить, прошла здесь графиня или нет.

Элоиза мгновенно повернула к нему голову.

— А вы думаете, прошла?

— Ну, куда-то она ведь должна была пойти.

— Но почему сюда?

— Мы идем на запад. Идти на запад — значит приближаться к городу.

— Если бы графине было нужно в город, она осталась бы в поезде. Вы же сами говорили.

— Говорил. — Вот к каким глупым положениям приводили пустые разговоры. — И все же парк велик. Мы можем только надеяться.

— Надеяться на что?

— Поймать ее, конечно. Остановить.

— Конечно, — со вздохом кивнула Элоиза.

— Или вы предпочитаете видеть ее на свободе? — не без колкости спросил доктор.

— Я бы хотела, чтобы она исчезла из моей жизни.

Но Свенсон не мог уже остановиться.

— А что это за жизнь? Ваш хозяин мертв... ваша хозяйка в панике... повсюду враги. И все же, что за жизнь была у вас раньше, Элоиза? Вы помните, за что так твердо держитесь... или почему?

— То же самое можно сказать, — ответила она тихо и торопливо, — человеку, чей

принц умер, чей принц был дураком, человеку, который попусту тратил силы ради идиота и оказался у разбитого корыта.

Свенсон кашлянул от неловкости, глядя на деревья в поисках ответа и ничего не находя. Ее слова были точны, как скальпель.

— Вы, безусловно, правы... — начал он, но замолчал, услышав ее раздраженный вздох.

— Я идиотка, чью жизнь бессчетное число раз спасала именно ваша глупость. Я не имею права говорить что-либо.

Прежде чем он успел возразить, Элоиза остановилась. Свенсон — тоже. Она повернулась назад.

— Что такое? — спросил доктор.

Элоиза показала в сторону — за зелеными деревьями возвышалась серая каменная стена высотой по плечо Свенсону.

— Мы прошли мимо чего-то, — сказала она. — Может быть, это дом.

На дальней стороне стены они нашли руины того, что прежде, видимо, было аббатством: оплетенные плющом камни, пустые провалы окон, сквозь которые виднелись деревья, выросшие на сгнивших балках потолка. Свенсон распознал некоторые фруктовые деревья, корявые и неухоженные, некогда, видимо, предмет гордости какого-нибудь аббата или пожилой дамы. Потом, подойдя поближе, он указал на прерывистую линию из широких плит, ведущую куда-то за руины.

— Вы знаете, что это за место? — спросил Свенсон.

Элоиза отрицательно покачала головой. Она стояла, уставившись на деревья перед собой. Свенсон кивнул в сторону выстланной плитками дорожки.

— Может, посмотрим, куда она ведет?

— В руины, — сказала она.

— Я нахожу руины привлекательными, — сообщил доктор, — в каждой скрыта своя тайна. И потом, эти плитки кажутся довольно ухоженными.

Он пошел вперед, и Элоиза без единого слова двинулась за ним. Любые руины, а особенно скрытые под зеленью, взывали к сердцу Свенсона, и он посмотрел на свою спутницу с одобрительной улыбкой. Та как могла улыбнулась в ответ, и доктор взял ее за руку. Элоиза не стала сопротивляться, шагая с побитым видом, отчего ему захотелось — если бы только неловкость от этого не возросла — отпустить ее.

Дорожка из плит, попетляв, привела их к деревянной калитке с металлической щеколдой. На каменном квадрате под калиткой виднелся высыхающий влажный след... отпечаток маленькой ноги... женского ботинка... или мужского, отчасти уменьшившийся по мере испарения. Свенсон достал пистолет и, знаком велел Элоизе держаться позади него, потянулся к щеколде.

Дорожка продолжалась и за калиткой. Они увидели пару хорошо ухоженных клумб (подрезанные розовые кусты слева и завязывающиеся тюльпаны — красные и желтые — справа), а потом уперлись в низенький каменный дом с соломенной крышей, простиравшейся так далеко, что из-за нее почти не различались ни стены дома, ни два закругленных окошка, ни деревянная дверь. Зеленая трава по сторонам дорожки была влажна от росы, а на плитках впереди виднелись новые следы. Тишина нарушалась только птичьими трелями.

— Вы знаете это место? — снова прошептал доктор.

И снова Элоиза отрицательно покачала головой. Свенсон подкрался к ближайшему следу и присел, разглядывая его: безусловно, женщина — таких заостренных носков не бывает у мужской обуви, даже небольшого размера. Свенсон показал на розовые кусты, где у кола торчала воткнутая в землю лопата. Элоиза вытащила ее и не очень уверенно повертела, словно прикидывая, как лучше держать, чтобы замахнуться.

Они уже слишком долго болтались в саду. Кивнув Элоизе, доктор быстро подошел к двери, встал по одну сторону, а Элоизе жестом велел встать по другую — так, по крайней мере, их не увидят из окон. Элоиза храбро помахивала лопатой, но явно без всякой решимости. Свенсон догадывался, что ее рана открылась и кровоточит. Он должен своими руками схватить графиню, как можно меньше рассчитывая на Элоизу.

Свенсон потянулся к железной защелке. Дверь бесшумно открылась. Комната за ней, на первый взгляд тщательно ухоженная (на камине стояли фарфоровые фигурки, мебель была отполирована и сверкала, на оштукатуренных стенах висели гравюры в рамочках), несла печать заброшенности: цветы на столе завяли, плитки пола покрылись пылью, принесенной ветрами из щели под дверью. Доктор осторожно подошел к камину. Решетка была пуста и холодна.

Он повернулся к Элоизе, неподвижно стоявшей с лопатой в дверях, жестом пригласил ее войти и первым прошел на скромную кухню. Здесь не было ни людей, ни недавних следов их присутствия. Свенсону попала на глаза бесформенная куча, укрытая материей и засунутая за мясницкий чурбан. Он стянул материю — под ней небрежно (автор наверняка содрогнулся бы) были свалены полотна, составлявшие «Благовещение» Оскара Файляндта, то есть графа д'Орканца. В последний раз Свенсон видел их в лаборатории Харшморт-хауса, где они были повернуты лицевой стороной к стене.

Он поднял глаза. Элоиза пристально всматривалась в верхнюю картину, которой Свенсон не видел прежде, — окруженное ореолом лицо ангела. Этот страшный человек мастерски владел кистью — кожа впавшей в экстаз женщины казалась такой же реальной, как кожа стоящей здесь Элоизы, а синяя поверхность грозного ангела сияла, как само стекло. Рот его был приоткрыт, словно для укуса, а может быть, вестник с небес хрипловато оглашал свое послание. Зубы его были острыми и, к смятению доктора, ярко-оранжевыми, глаза, как у римской статуи, — без радужки или зрачка, такие же синие, как и кожа вокруг них, только более прозрачные на вид: возникало неприятное впечатление, будто коснувшийся полотна палец целиком погрузится в глаз. Доктор поднял картину и перевернул ее, чтобы рассмотреть яркие надписи сзади. Хотя он и разобрал несколько странных слов («поглощать»... «костный мозг»... «контигулярный»), но общего смысла не увидел; задник был исписан символами, часть которых мог разобрать только граф. Свенсона пробрала дрожь при мысли о густых синих выделениях, что стекали по трясущемуся подбородку Лидии Вандаарифф, и он поставил картину на место.

Он повернулся — Элоизы не было.

Свенсон в два прыжка достиг двери. Элоиза стояла в главной комнате и явно только что заглянула в соседнее помещение через занавешенный дверной проем. Едва слышным шепотом доктор проговорил:

— Я не видел, как вы вышли. — Он кивнул на занавеску. — Там что-нибудь есть?

— Наверное, нам лучше уйти, — таким же шепотом ответила Элоиза.

Ее била дрожь. Неужели она увидела что-то в соседней комнате? Или просто он в пылу погони за графиней забыл о том, что Элоиза едва оправилась от раны?

— Мы не можем. Она была здесь, судя по следам.

Доктор сам отодвинул занавеску и увидел темный, неосвещенный коридор, уставленный высокими шкафами черного дерева. В дальнем конце была еще одна занавеска, из-под нее пробивался свет. Он прошел по коридору, подавив желание заглянуть в шкафы, — это на потом, когда будет время. Сзади скрипели половицы: Элоиза шла следом. Он поднял руку с пистолетом, призывая ее хранить молчание, а другой рукой отдернул занавеску: металлическая кровать, моряцкий сундук в ногах, еще один высокий шкаф, письменный стол и над ним — зеркало в рамке со срезанными углами.

Свенсон пересек комнату, направляясь к открытой дверце, выходящей в сад. За порогом обнаружился еще один нечеткий след и другая линия плит, уходившая в глубину леса.

— Она бежала, — повернулся доктор к Элоизе. — И видимо, здесь не задержалась. Почему она просто не обошла дом стороной?

— Вероятно, искала еду, — сказала Элоиза, по-прежнему шепотом.

— Скорее уж оружие. — Доктор вернулся в спальню. — Если бы только обитатели дома могли сказать, где мы и куда могла направиться графиня... будем надеяться, что они не питают к нам вражды...

Он остановился, услышав приглушенные звуки из высокого шкафа в спальне, открыл дверцу и сунул пистолет в лицо сидящего на корточках человека. Тот поднял на него совершенно бездумный, лишенный всякого выражения взгляд. От его одежды отчетливо пахло костром. Это был Роберт Вандаарифф.

Удар пришелся доктору Свенсону по голове сбоку, отчего он тут же свалился в шкаф. Кроме запаха дыма и камфары, последним воспоминанием стала двойная тень у него за спиной — вторая женщина рядом с Элоизой.

* * *

Какую бы камфару ни подкладывали в шкаф, борьба оказалась проиграна: когда доктор пришел в себя, подавляя одновременно желание застонать и позыв к рвоте, и посмотрел вокруг, его мундир был усеян отходами жизнедеятельности моли — пустые коконы, тельца, пыльная паутина. Он принялся стряхивать с себя все это. Итак, руки его свободны и он больше не в шкафу. Его уложили на кровать, подложив под кровотокающую рану на голове плотное полотенце. Свенсон ощупал рану пальцами — небольшой порез оказался крайне чувствительным — и понял, что кости целы, но без легкого сотрясения мозга не обошлось. Вандаарифф куда-то делся. Пистолета нигде не было видно. Как и Элоизы.

Он сел, тут же ощутив головокружение, терпеливо дождался, когда оно пройдет, потом скинул ноги с кровати. На письменном столе лежал клочок бумаги — прежде его не было. Доктор взял его, прищурился, вставил монокль. Женский почерк... «Простите меня». Он сложил записку, потом сложил еще раз, разглаживая кромки, пока мозг искал какой-то разумный выход его эмоциям. Засунув бумажку в карман, он вытащил портсигар, достал сигарету и закурил. Стряхивая пепел в тарелку, наполовину заполненную булавками, он вытягивался так, что его бедра прижимались к краю столешницы. В зеркале он видел свое лицо без каких-либо признаков достоинства, точно морда трижды отхлестанной собаки.

Впрочем, это не вызывало в его душе ничего — ни гнева, ни презрения, ни даже отчаяния.

Он побрел через коридор, уставленный шкафами, в главную комнату, а оттуда — на кухню. Картины тоже исчезли. Свенсон нашел керамический кувшин с водой, вымыл голову, вытер ее другим полотенцем — кровотечение довольно быстро прекратилось — и напился. Его мысли, как свинцовые шахматные фигуры, никак не хотели придать движение. Он спас ей жизнь в поезде — для чего? Чтобы она не отняла его собственную? Да, справедливая сделка.

Доктор закурил еще одну сигарету, зная, что его может затошнить, и бросил спичку на стол, надеясь оставить отметину. На каминной полке стояли часы, но не заведенные. Сигарета догорела до конца в его пальцах.

Он не был мертв, хотя и не знал, что для него лучше (сколько раз можно наступать на одни и те же грабли?): такое унижение или смерть. В мрачном настроении, но исполненный жестокой решимости, он вернулся в спальню и, роясь в письменном столе, нашел деревянный ящичек, а в нем — перевязанную тесемкой стопку писем. Свенсон узнал ту же руку, что вывела «простите меня», и открыл письмо — написанное двумя годами ранее и адресованное Августу Спарку... «Дорогой дядюшка...» Свенсон уронил письмо на стол чувствуя себя последним глупцом. Дом ее дядюшки! Конечно! И она дала ему сыграть роль своего защитника, размахивающего пистолетом, хотя с самого начала знала, чем все закончится.

Комната была слишком тесной. Моргая, Свенсон вышел через по-прежнему открытую дверь в сад, где в кронах деревьев распевали птицы.

Доктор похлопал по карманам в поисках платка и сморщился от боли в левой руке. Он забыл о том, что проколол запястье стеклянным шипом. Теперь по его телу пробежала волна ощущений, подергивающаяся лента с нанесенным на нее слоем омерзительных видений — кенотаф, прогалина, окаменелое существо... Но там было и что-то еще, кроме этого, словно звук сладкоголосой скрипки среди труб военного оркестра. Он не в полной мере прочувствовал это в вагоне... восхитительное чувственное благоухание тела Элоизы, воспоминания о том, как он на мгновения становился ею. Источником их было новое стекло, возникшее из ее крови. Воспоминания почти непосильные, но Свенсон не хотел их прогонять. Он сел на деревянный стул, обхватил голову руками и закрыл глаза.

Первая сцена разворачивалась в гостиной: полковник Артур Траппинг, несчастный, никчемный... и Элоиза... звуки ссоры в другой комнате... мужчина и женщина. Свенсон не узнал ни одного из двух голосов, а значит, мужчина не был Франсисом Ксонком. Кто же тогда — его брат Генри? А женщина — Шарлотта Траппинг? На Траппинге был мундир... о чем это они — о переводе драгунского полка в распоряжение дворца? Или вообще об уплате его долгов? Но тогда зачем тут Элоиза?

Вторая сцена — в роще: Франсис Ксонк, стоя на коленях, болтал с тремя детьми Траппинга, подопечными Элоизы, — смешливый, веселый дядюшка. Но потом он посмотрел на Элоизу, и лицо его стало другим. Поначалу Свенсон решил, что тут какой-то заговор, но, сосредоточившись, погрузившись в воспоминания Элоизы, почувствовал что-то еще... капелька страха, словно Элоизу застали на месте преступления. Но что такое мог узнать Ксонк? Или дела обстояли наоборот? Вдруг Элоиза узнала один из его секретов... и вот теперь Ксонк обнаружил это?

Третья сцена оказалась самой тревожной: Элоиза и Шарлотта Траппинг с Каролиной Стерн, одной из главных пособниц графини. «Сент-Ройял», отдельный кабинет. Свенсон понимал очень мало: вот две женщины держатся за руки, Шарлотта Траппинг явно чего-то боится... но он понятия не имел, знали ли они миссис Стерн (знали ли о ее связи с заговорщиками) или только-только познакомились с нею, и не ведал, о чем они говорят, и... Свенсон нахмурился. Когда эта картина уже меркла, миссис Стерн поворачивалась к ним... что-то... да, что-то в ее руке отражало лучик света... карточка синего стекла.

Свенсон откинулся к спинке стула и, моргая, уставился на небо; эти три сцены показывали, как мало он знает о жизни Элоизы. Он ощутил невыносимое одиночество и кое-как встал на ноги. Знала ли графиня об этом доме? Когда Элоиза рассказала ей — в Карте или раньше? Сердце кольнуло при мысли о том, что мисс Темпл, скорее всего, мертва. И все же... он стал вспоминать дом Сорджа и Лины и уверился — да, уверился, — что симпатия Элоизы к мисс Темпл, ее преданность были настоящими. Правда, он уже успел увериться слишком во многом...

Шкаф! Он совсем забыл о Роберте Вандаариффе. Ему-то что здесь было нужно? Как он попал из Харшморты в Парчфелдт? Наверняка не по собственной воле. Но кто тогда мог повернуть это... и что потом с ними случилось? Как графине удалось заблаговременно назначить место встречи в этом доме?

Он вернулся в дом и занялся тщательным поиском — нет ли чего-нибудь, указывающего, куда ушли женщины? Но ничего не находилось. Впрочем, нужно ли отправляться за ними? Стоит ли проводить ночь в незнакомом лесу с риском замерзнуть до смерти? С мрачной решимостью обшаривал он ящики письменного стола и наконец обнаружил, что в один из них вделана потайная дверца. Доктор взломал ее замком перочинным ножом и достал кучку монет, в основном золотых. Перебравшись на кухню, он принялся открывать разные дверцы и ящики в поисках предмета, который послужил бы оружием. Наконец Свенсон нашел подходящий, довольно увесистый молоток (для отбивных? для забоя домашней птицы?). Доктор засунул его за пояс, выпил еще воды и, выйдя через переднюю дверь, направился по плиткам к той самой усыпанной листьями тропинке.

Дойдя до тропинки, он вдруг подумал, что надо вернуться к каналу, — женщины, вероятно, отправились в другую сторону. Руководствуясь то ли страхом, то ли здравым смыслом, Свенсон вспомнил о Чане, ожидающем на вокзале Строппинг, и решил добраться до города.

Обратный путь, как обычно, показался короче, и вскоре доктор, чьи мысли продолжали метаться, оказался у темных вод канала. Вышел он не к тому месту, где перебирался на другой берег с Элоизой, стал искать глазами маленький мостик, не нашел, но вскоре отыскал другой выход: по каналу двигалась низкая баржа, достаточно широкая, чтобы запрыгнуть на нее и так же легко соскочить на другой берег. Человек на барже опасно помахал ему — возможно, его напугало неожиданное появление доктора — и оглянулся назад, свистнув резко и пронзительно, как рассерженная сойка. Потом он снова перевел взгляд на Свенсона, который старался улыбаться как можно добродушнее.

— Можно мне перебраться туда? — Доктор показал на другой берег.

Из-за больших, укрытых холстиной предметов, принайтовленных к палубе и напоминающих полевые орудия, появились еще трое. А когда нос баржи поравнялся с ним,

доктор увидел, что вся палуба заставлена этим странным грузом. Самый дюжий из троих, довольно устрашающего вида, протянул доктору руку, и тот прыгнул на палубу. Человек громко шлепнул доктора по спине, с широкой заговорщицкой улыбкой повел его на другой борт и стал ждать, когда на берегу покажется удобное место для прыжка.

— Эй, отставить! — прокричал с кормы самый пожилой из моряков, в черной фуражке.

Свенсон ждал продолжения, но пожилой лишь почтительно посмотрел на высокого худого человека, закутанного в коричневый плащ. Тот с задумчивым лицом держал сигару в нескольких дюймах от рта.

— Что это за форма? — крикнул он.

Свенсон помедлил, потом, прежде чем остальные успели заметить его неуверенность, разгладил на себе мундир.

— Макленбургское герцогство! — прокричал он в ответ, намеренно усиливая акцент. — Полагаю, вы о таком не слышали.

— Напротив, — заявил человек ровным голосом, все так же держа сигару. — Не удостоите ли меня беседы?

Свенсон нетерпеливо посмотрел на другой берег, но дюжий матрос легко переместился, преграждая доктору путь.

Каюты как таковой не было, но за штурвалом имелось затянутое холстом углубление с небольшой печуркой. Свенсона довольно вежливо направили к деревянному ящику. Он сел. Шкипер в черной фуражке дал ему фаянсовую кружку с чаем и оставил наедине с человеком в плаще. Собеседник Свенсона сел на другой ящик и демонстративно обеими руками разгладил баки.

Свенсон махнул рукой в сторону путей, невидимых теперь за деревьями.

— Если вы знаете о Макленбурге, то, видимо, удивляетесь, как это меня занесло сюда. Дело в том, что сегодня утром я ехал на поезде, но тот остановился — что-то с клапанами у паровоза, — и я решил побродить по этим милым лесам. — Свенсон неопределенно повел рукой в воз духе. — Северная земля... меня всегда влекло горное дело, ведь я родом с гор, где много всяких минералов. И конечно, жизнь рыбаков. Видите пуговицы? Макленбургский флот. Моряка на суше не удержать! Но мне пора возвращаться — поезд скоро должен тронуться... и очень не хотелось бы опоздать...

— Вы — доктор Карла-Хорста фон Маасмарка, — заявил худощавый.

— Господи милостивый, — рассмеялся Свенсон, — вы говорите так, будто знаете всех членов миссии принца.

— И где же ваш принц теперь?

— В Макленбурге, конечно, — сказал Свенсон. — Где же еще? Если только вам неизвестно больше, чем мне.

Собеседник Свенсона прищурился. Доктор позволил себе изобразить недовольство.

— Если есть другие известия, давайте не тратить попусту время...

Он попытался было подняться, чтобы осмотреться и понять, где находятся матросы, но человек в плаще движением руки вернул его на место.

— Не огорчайтесь так, — с присвистом сказал он.

— Но позвольте... мой поезд...

— Забудьте о вашем чертовом поезде! — прокричал человек. Энергия его окрика несколько уменьшалась досадливым неудовольствием, словно ему претила необходимость

вести этот разговор и вообще действовало на нервы пребывание на барже.

— Вы задерживаете меня?

— Что у вас с головой? — спросил человек. — Я вижу кровь!

— С паровозом возникли неполадки — я вам уже говорил. Резкая остановка, попадал багаж...

— Тогда не скажете ли вы, что за люди сопровождали принца обратно в Макленбург?

Вопрос был задан небрежно, словно походя. Свенсон пожал плечами и, опять преувеличивая свой акцент, сказал:

— Разве это тайна? Уверен, что ваши газеты...

— В газетах сплошное вранье.

— Но такие простые факты...

— Я требую, чтобы вы назвали их!

Человек сложил руки на коленях и сжал кулаки. Свенсон отвернулся, чтобы выиграть время, — неужели все настолько скверно?

— Ну... если вы настаиваете... так, дайте-ка я вспомню... Ну конечно, предполагаемая невеста принца. Кто еще? Дипломаты — заместитель вашего министра иностранных дел Граббе, его помощник Баскомб... знатные персоны — графиня ди Лакер-Сфорца, граф д'Орканц, это новые друзья принца. Мистер Франсис Ксонк...

Он замолчал, почувствовав, как человек в плаще затаил дыхание. Потом тот наклонился к доктору и тихим голосом спросил:

— И еще, будьте так добры... на каком транспорте они отправились в путь?

— Поймите меня... да, встретить макленбургского военного врача в этом лесу — странно... но также странно встретить человека, который не только знает меня, но и совершает не менее таинственное путешествие... по торговым делам.

— Ничего таинственного! — отрезал человек. — Это канал для торговых судов.

Собеседник Свенсона тоже воспользовался минутой, чтобы выглянуть из-под холстины. Канал еще больше углубился в лес, нависающие ветви пропускали так мало света, что, казалось, наступили сумерки. В гуще леса ветер ослаб, и Свенсон увидел, что весь экипаж, кроме шкипера, работает баграми. Человек в плаще снова уселся на ящик, нахмурившись оттого, что его пленник тоже позволил себе встать.

Свенсон разглядывал своего противника. Коричневый плащ из отличной материи был довольно скромного покроя, как и галстук — шелковый, но не кричащий, цвета апельсиновой мякоти. Утром он, видимо, набриoliniл редящие волосы и аккуратно пригладил их к черепу. Но сейчас, на ветру, они вызывающе растрепались.

— Какой необычный груз. — Доктор махнул рукой в сторону носа. — Все укрыто и такой странной формы... словно части коровьей туши...

Человек ухватил Свенсона за колено. Свенсон уставился на его руку. Тот убрал ее, потом откашлялся и выставил вперед подбородок.

— Скажите, что вам известно о Роберте Вандаариффе.

— Ничего не известно.

— Он уехал вместе с вашим принцем?

— Я что-то слышал о лихорадке... вроде как в Харшморте карантин.

Человек придвинулся вплотную к Свенсону и сложил побелевшие губы трубочкой.

— Еще раз: если Роберт Вандаарифф не отправился тайно вместе с вашим принцем, то где он?

— Может быть, в городе? Или где-нибудь еще — у него ведь немало имений...

— Его нигде нет.

— Если бы я знал, зачем он вам нужен...

— Нет, вы должны ответить!

— Да бросьте вы, — вздохнул Свенсон. — Вы же не полицейский. И я тоже. Ну как тут устроить допрос? Я иностранец, в незнакомой стране... где говорят на чужом мне языке...

— Которым вы прекрасно владеете, — пробормотал человек.

— Но я не чувствую тонкостей. Я могу говорить только без обиняков, мистер... послушайте, разве ваше имя — такая уж тайна? — Свенсон в ожидании поднял брови.

— Мистер... гм... мистер Фрутрикс.

Свенсон кивнул, словно не просек очевидной лжи.

— Что ж, мистер Фрутрикс... похоже — я основываюсь на простейшей логике, — что вы, как говорят ваши соотечественники, попали в переплет.

— Уверю вас, это совершенно не так.

— Как вам угодно. Но в то же время даже ящики, на которых мы сидим...

— Самая обычная вещь на барже.

— Оставьте, сэр. Я ведь еще и военный. Впрочем, и военным не нужно быть, чтобы узнать столь знаменитую марку под вашим... на вашем ящике.

Человек обескураженно посмотрел на ящик у себя между ног. Там был нанесен черной краской простой герб: три бегущие гончие и под ними — скрещенные орудийные стволы.

— Вы намерены говорить дерзости?

— Важно только одно: кому из Ксонков вы служите, — сказал Свенсон.

— Вы так и не ответили, что случилось с вашей головой, — угрюмо сказал Фрутрикс.

— Свалился багаж. Я же говорил.

— Вы бродите по лесу без вещей! Даже без шляпы или плаща...

— Еще раз, сэр: все это осталось в поезде.

— Я вам не верю!

— А что еще мне здесь делать?

Свенсон раздраженно махнул в сторону деревьев. Канал все глубже уходил в парк, и, когда Свенсон бросил взгляд в небольшой просвет между деревьями, железнодорожной насыпи уже не было видно. Рука его снова пульсировала от боли, ряд тревожных образов прорывался сквозь мысли, как пузыри сквозь болотную топь, — кенотаф, окаменелость, Элоиза... Голова закружилась. Свенсон кивнул на печурку:

— Не найдется еще чаю?

— Не найдется. — Фрутрикс сделался еще мрачнее. Он принюхивался к Свенсону, как тощая подозрительная собака. — Кажется, вам нехорошо.

— Этот... гм... — доктор показал себе на затылок, — удар... саквояж... который упал на меня...

— Вы тут не наблюдаете мне в баржу? У нее новая латунная отделка.

— И в мыслях такого нет, — прохрипел Свенсон, горло его сжала судорога. Он встал. Шкипер, подошедший без всякого предупреждения, ухватил его за плечо, не давая свалиться за борт. Свенсон опустил глаза на ящик Фрутрикса. — Его открывали, — заметил он.

— Принц не уехал бы без вас! — прорычал Фрутрикс, недовольно бросая сигару в воду. — Вы знаете, где он, где все они, знаете, что случилось! Кто напал на них? Почему мне ничего не известно? Почему они не сообщили дворцу?

Вопросы звучали так резко и вылетали с такой скоростью, что Свенсон моргал при каждом из них. Язык его не слушался, но он знал, что непременно должен совладать с собой. Фрутрикс был из тех неисправимых типов — назойливый придворный, честолюбивый прихвостень, — которыми Свенсон столько лет умело манипулировал, служа Макленбургскому двору.

Небо опрокинулось, словно мимо них пролетела без звука гигантская птица, доктор рухнул на спину и зажмурил изо всех сил глаза, погружаясь в темноту.

Свенсон медленно приходил в себя, чувствуя, что тело его окоченело. Он попытался поднять руку и не смог; повернул разламывающуюся от боли голову и увидел, что его рука привязана к брусу на палубе. И другая рука — тоже. Ноги были связаны в щиколотках и коленях. Доктор лежал, словно распятый, между двумя укрытыми холстиной грузами. Небо было белым и пустым. Он снова закрыл глаза и постарался сосредоточиться. Баржа больше не двигалась, не слышалось ни шагов, ни окликов, ни разговоров. Открыв глаза, Свенсон повернул голову к ближайшему грузу и ощутил запах синей глины.

Молоток, заткнутый за пояс, исчез. Свенсон поднял ноги и прогнулся в пояснице. До узла на коленях можно было дотянуться зубами. По службе от доктора не требовалось познаний в мореходстве. Но, случалось, в нем вспыхивал давний интерес к морю — когда старые моряки обращались к нему за помощью и попутно рассказывали об исчезнувшем мире парусных судов. Его неловкие, но честные попытки завязать дружбу нередко находили отклик в виде практических уроков (так было проще, чем вести разговоры). Среди прочего доктора учили вязать узлы и работать с канатами. Потянув раз-другой зубами пообтрепанную пеньковую веревку, Свенсон не без гордости понял, что знает этот узел — знакомый моряк называл его «норвежская лошадь» — и умеет развязывать его простейшим способом.

Освободив колени и подтянув под себя ноги, он дотянулся и до веревки на правой руке с таким же узлом (враги оказались не очень-то изобретательными). Через несколько секунд, не считая того времени, что он выплевывал пеньку изо рта, рука была свободна. Освободив вторую руку и обе ноги, Свенсон присел на корточки между накрытыми холстиной грузами и принялся разминать затекшие руки.

Баржа была пришвартована к новенькой пристани. Дорогу, идущую от канала, проложили недавно — ширина гравийного слоя была везде одинаковой. Не увидев никого на пристани, доктор поспешно отвязал конец холстины, прикрывавшей один из грузов. Обнажилась сверкающая стальная опора с рядом отверстий под болты. Свенсон полез за спичками, но карман оказался пуст. Портсигар, грязный платок, спички — все исчезло. Взбешенный этим, доктор схватил холстину обеими руками и стащил с механизма. Его взгляду предстала обитая медью стальная колонна (усеянная циферблатами и измерительными приборами, точно скипетр — драгоценными камнями) с наполненными жидкостью камерами и медными катушками. Свенсон сдернул холстину со следующего груза: диагностический стол со свисающими шлангами — словно ноги пяти ос росли из одной омерзительной груди; на конце каждого шланга — кольцо из синего стекла. Доктор вспомнил отпечатки на теле Анжелики. Этот груз вывозили из «собора» в Харшморте.

Дорога сужалась между густыми зарослями кустарника, а потому доктор почти не обратил внимания на темное вьющееся перо в светлом небе. И только потом он заметил едва

намеченную тропинку — здесь прошел всего один крупный человек, прокладывая себе путь сквозь листву. Свенсон повернулся назад, лицом к барже. Может, просто сигнальный костер? Но зачем сторожу отходить так далеко от груза? Он остановился, вставил монокль и посмотрел на дорогу.

Из-за поворота увидеть конец дороги с баржи было невозможно. Но от поворота Свенсон мог наблюдать и баржу, и белое кирпичное здание на другом конце. Почувствовав вдруг свою незащищенность — не следят ли за ним в подзорную трубу? — он бросился прочь с дороги и присел на корточки среди деревьев, вглядываясь сквозь листья плакучего бука в выложенное камнями кольцо. В середине его дымился догорающий костер. На одеяле рядом с кострищем лежали бутылка, клетчатый платок с чем-то, похожим на горбушку хлеба, и кусок мяса, а еще плоский серебряный квадратик... его портсигар!

Дальше лежали багряный камушек, огрызок карандаша, монетки, платок доктора... и еще что-то непонятное — оно отражало свет иначе, нежели портсигар. Где же был тот, кто прикарманил все это?

Свенсон осторожно пошел к кострищу и забрал все, в недоумении поколебавшись при виде последнего предмета. Это была карточка синего стекла, точно такая же, что и найденная им в вазе с цветами у кровати принца, — первое свидетельство связей его подопечного с заговорщиками. Позднее доктор нашел еще одну карточку — на теле Артура Траппинга, но обе они давно были утрачены. Как же эта новая пластинка оказалась среди его вещей?

Кто-то подсунул карточку в его карман — а он и не заметил? Но когда? И кто — кто мог это сделать? Карточки были созданы графом — соблазнительные наживки для вербовки сторонников, каждая содержала несколько сенсационных сценок... каждая обладала такой же роковой притягательностью, как и изысканный вкус впервые отведанного опиума.

Свенсон нахмурился. Багряного камушка в кармане у него тоже не было. Он отдал его Элоизе в поезде...

Какой же он идиот — ведь это послание ему! Элоиза пытается что-то сообщить. И почему он только проверил свои карманы в доме ее дядюшки?! Вдруг в синей карточке говорится, что он должен делать? Вдруг графиня принудила Элоизу... и он зря сомневался в ней? Вдруг еще не слишком поздно?...

Свенсон потер прохладную поверхность стекла пальцем и тут же почувствовал ледяное давление на свой мозг. Он облизнул губы...

По другую сторону кострища раздался какой-то звук. Доктор повернулся в ту сторону, сунул карточку в карман и взял с земли полуобгоревшее полено. Звук доносился из-за ольхи. Свенсон осторожно подошел к ней. Пара ног, видимых наполовину из кустов... шкипер в черной фуражке, кусок материи вокруг его шеи напитан кровью, на которую уже слетались мухи. Свенсон вытащил складной нож из-за пояса шкипера, раскрыл его, перекинул полено в другую руку, чувствуя себя глуповато — он словно подражал действиям настоящего бойца в минуту опасности.

Еще какой-то звук — теперь от костра. Пока Свенсон рассматривал тело, убийца обошел его сзади.

Свенсон заставил себя идти прямо к костру, больше не стараясь шагать тихо. Прутик нагло хлестнул его по уху. У костра кто-то был.

Одной рукой отламывая кусочки еды, лежащей на клетчатом платке, а другой, не

видной доктору, упираясь в клетчатое одеяло, там сидела графиня ди Лакер-Сфорца. При виде доктора она издевательски ухмыльнулась.

— Доктор Свенсон, признаюсь, меньше всего я ожидала встретить вас здесь, в этом лесу, разве что ради соблюдения некоей симметрии... но вы идете с таким серьезным видом...

Платье ее было из дешевенького темно-бордового шелка. Черные сапожки были заляпаны грязью, а над голенищем левого белела икра ноги. Графиня протянула руку в сторону одеяла, словно приглашая доктора сесть, и указала в точности на то место, где прежде лежала стеклянная карточка. Она заговорила снова, осторожная, как кобра:

— Не присядете? У старых знакомых всегда найдется о чем поговорить... заболтаемся так, что и конца света не заметим.

Глава седьмая

ГАРЬ

Это случилось в далеком детстве: юная мисс Темпл целый час упрашивала, дергая за полы куртки, мистера Грофта — надсмотрщика на отцовских плантациях, который обозревал поля с проходившей по холму дороге. Наконец ей разрешили разок затянуться трубкой. Ей сразу же стало нехорошо (а понимая, что другого раза не будет, девочка затянулась как следует), она упала на колени, а надсмотрщик сыпал ругательствами, понимая, что если хозяин узнает, то мигом прогонит его. Пришлось плестись домой с невыносимой головной болью, а отвратительный запах изо рта не исчезал, сколько лимона она ни ела бы. Мистера Грофта в самом деле выставили за дверь, но лишь через месяц, из-за неподобающих отношений со служанками, три из которых были тут же проданы (включая милую добрую толстушку, чье имя мисс Темпл давно уже забыла): отец с его властным характером не терпел ни малейшего ослушания.

Несколько лет спустя мисс Темпл, которая готовилась к путешествию на континент и жила все по тем же неукоснительным правилам, оказалась в кабинете отца. Несмотря на скорый отъезд дочери, он отправился в другую часть острова — осматривать новые поля — и вряд ли вернулся бы до отбытия мисс Темпл: это облегчало жизнь им обоим. Она бродила по дому, по тропинкам в саду, по открытым террасам, вдыхая сладковатый мускусный запах с полей. Она знала, что, возможно, никогда не вернется. Но, сидя в большом кожаном отцовском кресле (набивка из конского волоса была намеренно бугристой — отец считал, что неудобства обостряют умственную деятельность), мисс Темпл испытала вдруг беспокойство и посмотрела на закрытую дверь кабинета. Не запереть ли, подумала она, даже не успев понять, что собирается сделать.

Рука ее неторопливо пробиралась вверх по внутренней стороне бедра. Несмотря на зов плоти, пока еще не кричащий, но вполне ощутимый, она отдернула руку, потому что не хотела (теперь ей казалось, что она нарочно забралась в святая святых отца) таким образом расходовать свои желания. Вместо этого она, сморщив носик, открыла кедровую шкатулку, с возмутительной, скандальной самонадеянностью вытащила сигару и откусила кончик — как сотни раз на ее глазах делал отец. Будь она мужчиной, это, конечно, было бы самым обычным делом, да хотя бы и средством укрепления дружбы. Она сняла горьковатые хлопья с губ и стряхнула на потрескавшуюся кожу кресла, потом наклонилась к свече. Пришлось четыре раза втянуть в себя воздух, прежде чем сигара загорелась. Мисс Темпл поперхнулась, выдохнула дым, затянулась еще два раза, проглотила дым и закашлялась. Глаза заслезились. После еще одной затяжки начался беспрестанный кашель. Во рту снова ощущался тот самый отвратительный вкус. Но она была исполнена решимости и продолжала затягиваться, пока на кончике не образовался столбик из плотных колечек серого пепла в дюйм высотой. Мисс Темпл отерла рукавом губы. Голова у нее кружилась.

Этого было достаточно. Острота ее беспокойства притупилась от отвращения и к табаку, и к обуревавшим ее желаниям. Она положила горящую сигару на металлическую пепельницу и, забрав свою свечу, поплелась из комнаты. Ей было все равно, уберут слуги пепел до возвращения отца или же он сам обнаружит признаки вторжения в кабинет... последний привет от дочери, счастливо-иносказательный.

Эти неприятные воспоминания казались детскими игрушками в сравнении с тем, что она по собственной глупости только что открыла сама. Мисс Темпл лежала на спине за харшмортским садом, тяжело дыша, уставившись невидящим взглядом в небеса, нечувствительная ни к крикам за живой изгородью, ни к выстрелам, ни ко времени. Она медленно, словно сгустился от страха воздух, подняла руку и прикоснулась к своему влажному рту — на пальцах остался сгусток черной желчи. Собравшись с силами, мисс Темпл повернула голову и увидела книгу синего стекла — та лежала, сверкая, в том месте, где упала. Она сглотнула слюну — в горле саднило после рвоты — и снова упала на спину, чувствуя, как в голову упираются высокие стебли травы; воля покинула ее, и тошнота опять стала подступать к горлу, словно она погружалась в вязкую топь.

Заглянув в стеклянную книгу у графини в номере, мисс Темпл исполнилась решимости противостоять этим настойчивым, горячечным воспоминаниям — она понимала, что стоит уступить им, как все это легко затянется на много дней. От этого искусственного мира ее отталкивал в основном страх: первый опыт сильно ее напугал. Мисс Темпл не считала себя ханжой и не отшатывалась от своих природных желаний, но знала, что такие удовольствия запретны. Даже представлять их было все равно что испачкаться в грязи.

Однако вторая книга все изменила. Она окрасила мысли мисс Темпл не меньше, чем первая, точнее, переокрасила их, так что все живое, яркое сделалось пепельно-серым. Книга графини была составлена из бесчисленного множества жизней, тогда как книга, лежащая на траве, содержала воспоминания одного человека, снятые в момент смерти. И это наполняло каждое мгновение его жизни, перекачанной в книгу, каким-то заразительным, порочным, тошнотворным ужасом. Это чем-то напоминало процессии, высеченные на стенах средневековых церквей, — растянувшиеся очереди умерших (от принцесс до крестьян) к священникам, они плетутся один за другим, и видно, насколько тщетно все внешнее в жизни. Сцены похоти — и какие сцены! — превращаются в омерзительное соединение гниющей плоти, на роскошных пирах участникам подносят блюда из человеческих выделений, сладчайшие мелодии превращаются в хриплое карканье напитанного кровью воронья. Мисс Темпл никогда и представить себе не могла такого отчаяния, такой предельной безнадежности, такого полного краха. Яркой империи чувств первой книги, неутомному зуду под кожей противопоставлялись горькая тщета и зловонный прах — судьба всех без исключения людей.

Мисс Темпл поняла, почему Франсис Ксонк выбрал для себя эту книгу. Как быстро его разум, должно быть, оценил открывающиеся возможности. Он завладел пустой книгой и в ее вихрящихся глубинах — холодное стекло явно было прижато к лицу умирающего — сохранил все алхимические познания графа д'Орканца.

На ее лице появилась гримаска раздражения — значит, она приходила в себя. Приподнявшись на локте, мисс Темпл посмотрела на книгу, поверхность которой теперь удовлетворенно мерцала. Вряд ли найдется тот (даже Ксонк, даже Чань), кому хватит сил по-настоящему окунуться в нее и сохранить самообладание. Миссис Марчмур погрузила туда руку без всякого вреда для себя... но что это могло означать? Стеклянная женщина, возможно, узнала, что в этой книге — жизнь графа (иначе зачем ей ехать в Харшморт?), но если она могла впитать мысли д'Орканца, мисс Темпл становилась ей не нужна, так же как инструменты и машины графа. Мисс Темпл вспомнила, как три стеклянные женщины обшаривали мозги каждого в бальном зале Харшморта, невидимо передавая графу все любопытное... это имело смысл, только если он запретил входить в его собственный разум.

Мог ли этот запрет распространяться и на книгу его жизни? Миссис Марчмур приехала в Харшморт, чтобы перенести книгу в другое тело, которым могла управлять, как считала. Но тогда получается, что она ничего не знает о пропитывающих стеклянный том недугах и пороках.

А что Франсис Ксонк? Уже почти ставший прахом, он вытащил книгу из тонущего дирижабля в надежде спастись? Заглядывал ли он в нее? Едва ли. Для чего Ксонк прибыл в Харшморт — чтобы, как и миссис Марчмур, найти машины, которые позволят ему открыть книгу и тем самым сохранить себе жизнь?

Но тут снова возникал вопрос: кто устроил пожары и свел на нет старания их обоих?

Она присела на корточки и заглянула через стену. Того места, где Ксонк схватился с миссис Марчмур, ей не было видно; но стало ясно, что сад, похоже, никто не обыскивает. Поморщившись, словно пришлось взять в руки гигантского тростникового паука, мисс Темпл осторожно засунула стеклянную книгу обратно в мешок. Харшморт на много миль окружали вересковые пустоши. Она была одна и голодна, а ее вид мог бы напугать и ведьму. Мисс Темпл схватила мешок и побрела сквозь высокую траву. Она совсем не знала, как убегать от солдат по пересеченной местности, но через большой дом с множеством слуг вполне могла пройти незамеченной.

У конца каменной стены стояли низенькие сараи. Мисс Темпл никого не увидела, и это показалось ей странным: даже в отсутствие хозяев слуги были обязаны так же тщательно ухаживать за домом, двором и садом. Если только слуг не охватила эпидемия безделья, вокруг сараев должна была бы кипеть жизнь. Но сейчас они казались заброшенными.

Быстро перебегая от одного сарая к другому, она добралась до ближайшей двойной стеклянной двери, ведущей в дом. Замок кто-то сломал — видимо, Франсис Ксонк. Мисс Темпл проскользнула в громадный бальный зал. Когда она была здесь в последний раз, помещение заполняли приверженцы заговорщиков в роскошных одеяниях и масках — они провожали своих хозяев в Макленбург. Теперь пол и ярко блестящие окна были покрыты слоем копоти. Пробежав через зал, мисс Темпл оказалась в комнате, где графиня когда-то слизывала вино с ее глаз. Задрожав, она остановилась, сразу же вспомнив про товарный вагон, про губы женщины на ее губах... и, к своему возрастающему стыду, никак не могла удержать свои мысли от возвращения к этим секундам. Поцелуи, как хлещущая из артерии кровь, неудержимо прибывали, став сотнями разных поцелуев между столькими людьми, что разделить их было невозможно, и все они извергались из книги графини. Мисс Темпл прижала руку ко рту, кожа ее горела. Страшно подумать, как быстро оказалась подавлена ее воля! Отчаянным усилием она открыла свои мятущиеся чувства второй книге, желчной волне отчаяния графа д'Орканца. Когда этот мир столкнулся с ее наслаждением, мисс Темпл юркнула под прикрытие декоративного филодендрона, присела на корточки и принялась беспомощно раскачиваться, обхватив колени.

Через какое-то время обе волны отхлынули. Мисс Темпл услышала крики в другой части дома и поднялась на ноги. В коридоре лежал пожилой слуга, сбитый с ног миссис Марчмур, его лицо все еще было темно от крови. Голоса доносились издалека, а коридоры отлично проводили эхо, и потому мисс Темпл не могла определить, где раздаются крики. Она прокралась мимо лежащего человека к чему-то вроде крашеной стеной панели с крюком и потянула за него. Панель отошла, за ней оказалась узенькая служебная лестница. Мисс Темпл поднялась на два пролета и вышла в устланный толстым ковром коридор с низким

потолком, словно оказавшись на необыкновенно роскошном корабле, хотя и знала, что этот коридор остался от перестроенной харшмортской тюрьмы. Испытывая радостное предвкушение, она поспешила в покои Лидии Вандаарифф.

Она беззвучно прошла через гостиную хозяйки Харшморта, потом через уборную, спальню и наконец оказалась в невероятно просторной гардеробной. Тут стояли стеллажи, набитые всевозможными вещами, на стенах висело множество платьев — хватило бы на целый полк женщин. Довольная, что никого не встретила (так как опасалась столкнуться с какой-нибудь задержавшейся горничной), мисс Темпл, вспомнив, как вел себя Чань в «Бонифации», взяла стул от письменного стола Лидии и, поставив его под дверную ручку, заклинила ее.

Вернувшись в гардеробную, она принялась раздеваться. Покойная миссис Йоргенс была женщиной достойной, но платье изрядно надоело мисс Темпл, и к тому же в ткань стойко впитался запах ее собственного пота. Она с нетерпением расстегнула последние пуговицы, стащила платье через голову и свернула комком, чтобы бросить в угол комнаты.

Вдруг она замерла. Сминая платье, она почувствовала... что-то у корсета... вдоль шва... мисс Темпл подошла к окну и извлекла сложенный клочок бумаги. Может, это осталось от миссис Йоргенс? Любовная записка или список покупок — казалось, эти каракули написаны неумелой рукой. Но нет... совсем не каракули. Просто писавшему было совершенно все равно, как будет выглядеть записка. Мисс Темпл вспомнила кавардак в номере «Сент-Ройяла». Если так, в корявом почерке графини ди Лакер-Сфорца не было ничего необычного.

«Моя дорогая Селеста!

Простите, что покидаю Вас. Оставшись, я обглодала бы Вас до Костей.

Острова — Прекрасное Владение. Я таким образом говорю вам: Бросьте. Вам нужно сделать этот Выбор, как раньше — мне. В Бегстве нет ничего Постыдного.

Если вы останетесь глухи к доброму Совету, я увижусь с вами Снова. Наше дело не Закончено.

РЛС»

Мисс Темпл сложила бумажку, потом развернула и снова перечитала, прицокивая при прописных буквах, слишком уж театральных, и понимая, что даже от этой небольшой угрожающей записки (а сколько времени заняли у нее поиски кармана... мисс Темпл представила резвые пальцы на своем теле...) графиня в первую очередь хотела получить удовольствие. Даже в лесном воздухе, который всем показался бы просто освежающим, она сумела бы найти добавочную струю запаха (от цветка, или от разлагающейся оленьей туши, или от цветов, что растут из разлагающейся оленьей туши), которая взметнет лишний локон на ее черных волосах.

Мисс Темпл не считала себя изменчивой — пусть ее порывы и настроения казались непредсказуемыми, она-то знала об их постоянстве, — но теперь, объятая гневом, она удивилась самой себе при внезапном воспоминании о ране на плече графини и своем неожиданном желании провести языком по этой неровной медно-красной корочке. Дело было не в самом порыве, а в тяге к другому человеку.

Мисс Темпл свыклась с непреложным фактом: она почти никому не нравилась. Ее обслуживали, ей льстили, ей не доверяли, ее не одобряли, ей завидовали, ее осуждали, презирали, но у нее никогда не было (слабым исключением оставались разве что несколько служанок в детстве) настоящих друзей. Самые близкие отношения установились с женихом Роджером Баскомбом, но они длились всего три месяца, подогревались физическим желанием и завершились самым ужасным образом. Она подумала о Чане, о Свенсоне, даже об Элоизе... но верность или долг имели мало общего с дружбой. Готовы ли были эти двое мужчин умереть за нее? Несомненно. Нравилась ли она им? В глубине души мисс Темпл не верила в это. И она легко убедила бы себя, что все это малозначительно, если бы не обескураживающая забота графини о ней там, в товарном вагоне. Неважно, что на самом деле забота была небескорыстной.

Не удержавшись, мисс Темпл еще раз перечитала записку, на этот раз выделив слово «Выбор» и довольно загадочную фразу «как раньше — мне»... она понятия не имела, что за жизнь графиня вела раньше... какое «раньше» могло быть у подобного существа? В горле у мисс Темпл пересохло — она представила себе графиню в детстве. Какой выбор сделал из девочки такую вот женщину?

И как она смеет предполагать, что мисс Темпл может оказаться на такой же развилке, перед таким же выбором?

Оскорбленная мисс Темпл отложила бумажку и обратилась к другим предметам. В гардеробной Лидии Вандаарифф находились металлическая сидячая ванна и громадный китайский кувшин с водой. По обеим сторонам высокого зеркала располагались элегантные столики с ящичками в три ряда, напоминая многослойный торт. Ящички были набиты булавками, лентами, бутылочками, пудреницами, краской и духами. Мисс Темпл сняла с себя корсет и сорочку не по росту, которую носила с того дня, как мылась в кухне у Лины, а потом, твердо решив снова стать чистой, голышом уселась на ковер и стала расшнуровывать сапожки.

Вода была прохладной, но зато у мисс Темпл оказался восхитительный набор губок и разных сортов мыла. Совсем забыв о времени, она не без удовольствия соскребала с себя грязь. Нет, конечно, надо покинуть Харшморт, но почему бы не дожидаться ночи — тогда в ее распоряжении окажется несколько часов. Она неспешно вымылась и вытерлась, потом принялась подробно исследовать обширную коллекцию духов. Для мисс Темпл столь широкий выбор говорил об отсутствии характера — но раз уж так вышло, не пригодится ли ей что-нибудь из этого разнообразия? Некое извращенное желание заставило ее выбрать красный жасмин — фирменный запах графини. Мисс Темпл капнула себе за оба уха и на запястья, а потом прочертила влажным пальчиком две линии — от ключиц до впадинки между грудями.

Лидия была выше ее, но все же среди вещей нашлось несколько подходящих платьев, в особенности одно, которое позволяло передвигаться бегом. Густо-лиловый цвет сочетался и с сапожками (мисс Темпл была к ним очень привязана), и с волосами. На темном меньше будет заметна грязь, которая обязательно появится, а шерстяная ткань защитит от холода. Все эти практические соображения немало порадовали мисс Темпл.

Но прежде чем надевать платье, нужно было выбрать подходящее нижнее белье, а что до белья, то здесь покойная мисс Вандаарифф не отказывала себе совсем уж ни в чем. Перед мисс Темпл открывались воистину безграничные горизонты. Каждый новый предмет

подразумевал самые гнусные возможности: настоящий реестр порока. Пришлось сделать паузу; глаза мисс Темпл широко раскрылись, щеки запунцовели, бедра плотно сжались. Наконец прилив чувственности схлынул. Дрожащими пальцами она выбрала шелковые трусики и лифчик на замену своим, давно утраченным, потом нижние юбки и корсет, который надела задом наперед, зашнуровала как можно плотнее и стала понемногу поворачивать, пока шнуровка не оказалась на спине. Покончив с этим, мисс Темпл села перед зеркалом и постаралась, как могла (при помощи шпилек, лент и гребешков из черепахового панциря), избавиться от колтунов в волосах и завить букли, которые считала частью своего привычного облика. До горничной Марты ей было далеко (если бы у мисс Темпл спросили, она бы признала это), но кое-какие навыки обращения с собственными волосами у нее имелись (а при таком ужасном состоянии шевелюры приветствовался любой результат). Еще полчаса — и мисс Темпл приняла более-менее презентабельный вид. Холщовый мешок уступил место элегантному саквоюжу, на дне его лежала стеклянная книга, завернутая в две шелковые наволочки.

Мисс Темпл понимала, что тянет время, откладывая встречу с опасностью и продлевая погружение в роскошь, которой столько времени была лишена. Вымывшись и припудрив руки и ноги, она даже насладились нахлынувшей из книги графини чувственной истомой, которая витала, как облачко дразняще-неуловимых золотых пчелок, на грани дозволенного — вот тут, вот сейчас надо прикусить изнутри щеку, чтобы сбить сладкую волну. Но потом появился новый источник напряжения — недовольство тем мелочным тщеславием, с каким она относилась к собственному туалету. Словно зачарованная, мисс Темпл наблюдала изнутри себя и одновременно будто со стороны, как недовольство перерастает в злость — злость на саму себя, на окружающую роскошь, на все, что воплощала собой бессмысленная жизнь Лидии Вандаарифф. Мисс Темпл щелкнула замками на саквоюже, подняла его, затем с жестким осуждением сбросила на пол особенно разукрашенный флакончик с имбирем. Флакончик разбился, словно жалкое яйцо. Мисс Темпл улыбнулась и, остановившись, схватила еще один. С мрачным удовольствием она швырнула вещицу в дверь из красного дерева, и бутылочка разлетелась вдребезги — точный образ суровой справедливости, которой жаждала душа.

Мисс Темпл, отныне растревоженная и мрачная, двинулась дальше по коридору. Она была способна отгонять назойливые образы из стеклянных книг, но ее тревожил сам факт такого вмешательства, да и потом, отогнать — не значит победить. Она шла, остро осознавая, что за великолепием накрашенного, напудренного Харшморты прячутся тюремные стены. Может, и она сама ничуть не лучше? Если откровенные воспоминания из книги графини вторили самым потаенным страстям мисс Темпл, то книга графа соединяла всё мрачной паутиной смерти, которая была повсюду — в ее прошлом, ее семье, ее богатстве, каждой частичке ее гнева, или снисходительности, или презрения.

Она кинула взгляд в зеркало на стене, на невероятно пышные пионы его тяжелой резной золоченой рамы — бутоны цветов раскрывались так, что мисс Темпл испытала неловкость. Но все же она остановилась перед зеркалом и поднялась на цыпочки — ее беспокоила бледность собственного лица. В гардеробной Лидии были зеркала, и она, моясь, естественно, разглядывала свое тело — ноги, грудь, мелкие завитки волос на лобке, когда она намыливала и споласкивала их. Но тогда она смотрела, не видя. Мисс Темпл ткнула пальцем в кожу под глазом и тут же убрала палец. В этом месте на миг показалось розовое

пятнышко, но сразу же пропало, кожа снова стала воскообразной, несвежей. Мисс Темпл оскалилась и с огорчением увидела, что десны покраснели — точь-в-точь цвета свежего среза клубники.

* * *

Мисс Темпл посмотрела вниз, перегнувшись через перила лестницы, вымытые локоны свесились ей на лицо. Далеко внизу двигалась шеренга красных мундиров. Карету, в которой они приехали, солдаты не эскортировали: значит, прибыли другие. Значит ли это, что с ними приехал и полковник Аспич? Если кто-нибудь внизу, в холле, мог узнать ее, то спуститься туда невозможно. Она быстро сбежала вниз на один пролет и остановилась на следующей площадке, решив пройти по коридору на этом этаже, найти лестницу для слуг и спуститься по ней. Но, завернув за угол, мисс Темпл чуть не столкнулась с драгунским капитаном.

Он был светловолос, с изящно загнутыми усами, на щеках — баки. Этого же офицера она видела в коридоре Сталмер-хауса — тогда его трясло и мутило после аудиенции у герцога. Следом за ним шли гуськом трое строго одетых детей, старшая девочка держала капитана за руку.

— Добрый день, — поздоровалась мисс Темпл, присев в некой подобии книксена.

— Уж скорее вечер, — ответил капитан тихо, но резко, голосом, как лиса из сказки.

— А кто вы все будете? — спросила не любившая лис мисс Темпл, улыбаясь ребятишкам.

Детей она тоже не особенно жаловала, но если они помалкивали, вела себя с ними даже добродушно. Все трое смотрели на нее широко раскрытыми грустными глазами.

— Меня зовут Чарльз, — сказал средний мальчик, с соломенными волосами, в черном бархатном костюмчике. Он шмыгнул носом. — Мастер Чарльз Траппинг.

— Привет, Чарльз. — Мисс Темпл сразу прониклась к мальчику неприязнью.

— А я — Франческа, — сказала старшая девочка, с волосами почти такого же цвета, как у мисс Темпл, маленьким подбородком и слишком круглыми глазами, зато лиловое платье было именно того оттенка, который нравился мисс Темпл. Говорила девочка тихо, будто не совсем была уверена в себе, но как старшая считала, что должна закрепить свое первенство перед нахальным братом. Она повернулась к мальчику лет трех, тоже в бархатном костюмчике; в одной руке он держал шоколадный бисквит. — А это Рональд.

— Привет, Рональд.

Рональд молча уставился в пол.

— А кто вы? — спросил Чарльз.

Мисс Темпл улыбнулась.

— Я близкая подруга мисс Лидии Вандаарифф, хозяйки дома. Сейчас она в Макленбурге на собственной свадьбе.

— Она что-то забыла? — Чарльз указал на саквояж.

— Нет, — ответила мисс Темпл. — Это я забыла.

— У вас разве нет слуг?

Мисс Темпл холодно улыбнулась, испытав желание поколотить его.

— Ну, просто так слуг в Харшморт-хаус не отправишь. Мы праздновали обручение

Лидии...

— У моей мамы точно такой же саквояж, — сказала Франческа. — Для ее серебряных браслетов.

— Он набит серебряными браслетами? — спросил офицер, обшаривая мисс Темпл внимательным взглядом. Он небрежно встретился с ней глазами и улыбнулся, но улыбка, казалось, не имела отношения к его мыслям.

— Я забыла, — с победительной усмешкой ответила мисс Темпл, — свои гребни и щетки. Ближайшие друзья Лидии сделали ей подарок — подготовили ее к торжественному вечеру. Но теперь мне все это нужно для себя.

— У вас нет горничной? — спросил Чарльз.

— У меня столько горничных, сколько мне нужно, — отрезала мисс Темпл. — Но беда в том, что привыкаешь к щеточкам определенной жесткости. Твоя сестренка наверняка понимает. — Она улыбнулась Франческе, но девочка терла глаза.

— Когда Мария причесывает Рональда, он плачет, — сообщил Чарльз.

Рональд ничего не сказал, он только посмотрел на мисс Темпл маленькими грустными глазами.

— И что же вас всех привело в Харшморт? — весело спросила мисс Темпл.

— Кажется, я не расслышал вашего имени, — вмешался офицер.

— Меня зовут мисс Стерн. — Мисс Темпл подняла брови — мол, что за дерзость? — Мисс Изобела Стерн.

— Дэвид Тэкем, драгунский капитан. — Офицер щелкнул каблуками, вновь иронично улыбнувшись. — Счастлив с вами познакомиться, мисс Стерн. Вы в родстве с Каролиной Стерн?

— Прошу прощения?

— Каролина Стерн. Тоже близкая подруга мисс Вандаарифф, насколько мне известно.

— Мы кузины, — язвительно сообщила мисс Темпл. — Каролина отправилась в путешествие вместе с мисс Вандаарифф, они ведь близкие подруги. Вы с ней знакомы? Она мне о вас не рассказывала.

— Нет, не знаком. Но мне говорили, что она красивая женщина.

Голубые глаза Тэкема смотрели доброжелательно и равнодушно в то же время. Мисс Темпл загляделась в них чуть дольше, чем следовало бы, и они начали казаться нечеловеческими — как часто бывает с голубыми глазами, подумала она.

— Вы направлялись в какое-то определенное место, мисс Стерн? — спросил он.

Мисс Темпл не ответила и с улыбкой наклонилась к Франческе.

— А где твоя мамочка, детка?

— Не знаю, — ответила девочка, и губы у нее задрожали.

С главной лестницы донесся шум. Мисс Темпл повернулась. К ним приближался молодой человек в черном плаще, голубоглазый, с соломенными усами, одной рукой прижимая к телу связку бумаг. Судя по его котелку, он мог быть младшим коллегой Роджера Баскомба, а когда он приблизился, мисс Темпл увидела, что у него бледная кожа и окровавленные ногти на той руке, которой он держал бумаги.

— Вот вы где. — Чиновник раздраженно нахмурил брови. — А это кто еще?

— Я — мисс Стерн.

— Что она здесь делает? — спросил человек в черном у Тэкема.

— Я — подруга Лидии Вандаарифф, — ответила мисс Темпл. — А что вы делаете в доме моей подруги?

— Это мисс Стерн. — Капитан Тэкем улыбнулся.

Впрочем, мисс Темпл не заинтересовала чиновника.

— Вы опаздываете, капитан. У нас нет времени...

— Если у нас нет времени, то где вы, черт побери, пропадали? — огрызнулся Тэкем.

Глаза чиновника расширились — как можно при детях? — но тут он громко чихнул, а потом еще два раза подряд, не успев даже вытащить платка из кармана. Переложив кипу бумаг в другую руку, он вынул платок и вытер нос. На пшеничных навощенных усах виднелся потек крови.

— Я не допущу подобной дерзости. Мистер Фелпс с герцогом ждут.

— Вы присоединитесь к нам? — спросил Тэкем у мисс Темпл.

— Да, будьте так добры, — тоненьким голосом попросила Франческа.

— Ни в коем случае, — отрезал чиновник.

— У нее целый саквояж гребешков, — сообщил Чарльз, словно это имело какое-то особое значение.

Чиновник, не обратив внимания на мальчика, убрал платок.

— Капитан Тэкем! Герцог ждет!

— Как вас зовут? — спросила у чиновника мисс Темпл.

— Его зовут мистер Харкорт, — ответил Тэкем.

— Мистер Харкорт не ответил на мой вопрос: что он делает с чужими детьми в доме моей доброй подруги.

Харкорт смерил ее враждебным взглядом.

— А может, вы все же присоединитесь к нам? И объясните... — он снова шмыгнул носом, так как под ним появилась темная бусинка крови, — герцогу, куда подевался отец вашей доброй подруги!

Он двинулся к лестнице. Тэкем щелкнул пальцами, протягивая руку Франческе и не сводя глаз с мисс Темпл, которая с ужасом смотрела на руку девочки: когда та протянула ее офицеру, рукав задрался, обнажая кровавый комок ваты под бинтами на локтевой впадинке. Когда эта удивительная компания исчезала за перилами балкона, все трое детей оглянулись на нее — словно овцы, которых тащат на рынок.

Мисс Темпл была довольна тем, что благодаря своей напористости легко избавилась от Харкорта. Но если капитан не дурак, они тут же начнут наводить справки об Изобеле Стерн и отправят на ее поиски солдат. Детей препровождали к герцогу, который все еще не вышел из игры... А это означало, что миссис Марчмур жива и детей на самом деле ведут к ней. Но удар по мозгам, который настиг убегающую из сада мисс Темпл, был самым настоящим. Как видно, стеклянная женщина получила жестокое увечье... но недостаточно жестокое.

Мисс Темпл улыбнулась, вспомнив, как проговорился Харкорт: они до сих пор не знают, куда исчез Роберт Вандаарифф! Здорово, что ей удалось распутать для себя одну из частей головоломки — такое занятие превосходно отвлекало от тревожных плотских позывов (зачем ей было замечать изящно изогнутую шею Тэкема?) и отвратительного привкуса в горле. Отсутствие Вандаариффа, видимо, связано с пожарами в Харшморте, вот только похитили его или убили?

Она помедлила на площадке, недоумевая: зачем драгунский офицер охраняет детей и

что тут делают дети Траппинга? Может быть, их захватили в заложники, чтобы сделать мать более сговорчивой? Но зачем похищать детей беспомощной женщины? Значит, Шарлотта Траппинг все же человек влиятельный, и миссис Марчмур хочет управлять ею... а если она — новый враг? После смерти полковника Шарлотта вполне могла им стать.

На полу, прямо напротив двери, лежало раздавленное шоколадное печенье. Мисс Темпл подошла к этой двери и открыла ее. На кривоногом столике, перед шкафчиком с зеркальной дверцей, стоял полупустой графин с бренди, а в фаянсовой тарелке лежала недокурная сигара. Капитан Тэкем явно нашел чем занять себя. В глубине комнаты мисс Темпл увидела два неуклюжих на вид кресла с желтыми подушками, а напротив них (под необычной картиной — старик, странно уставившийся на двух полуобнаженных девушек) стояла украшенная, диковинной формы раскладная кровать с длинным подголовником в синюю полосу. Под кроватью валялось немало крошек от печенья.

Дальше была еще одна дверь, из-за которой доносился шелест бумаг, а потом раздался сухой голос, охрипший от нетерпения:

— Вы что снова вернулись, Тэкем? Что вы теперь наворотили?

Мисс Темпл прижала ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть. В зеркале шкафчика она увидела сидящего по другую сторону открытой двери растрепанного, больного, но легко узнаваемого Эндрю Росбарта, помощника Баскомба. На столе перед ним лежал открытый кожаный ларец, выстланный внутри оранжевым фетром, с углублениями под небольшие пробирки со стеклянными пробками. Три углубления были пусты. Пробирки с темно-рубиновой жидкостью лежали перед Росбартом, который трясущимися пальцами (мисс Темпл увидела его неровные, потрескавшиеся и побагровевшие ногти) приклеивал к ним маленькие ярлычки. Рядом лежали смятые куски ваты со все еще свежими пятнами крови. Приклеив последний ярлычок, Росбарт уложил пробирки в ларец и захлопнул крышку.

— Капитан Тэкем! Я не позволю вам шутки шутить!

Росбарт поднялся, стул под ним скрипнул. Этот человек непременно узнает мисс Темпл — они виделись десятки раз. Был ли он доверенным лицом Роджера? Или всего лишь еще одним прихлебателем миссис Марчмур, который будет оккупирован, поглощен без остатка? Знал ли он о войне мисс Марчмур с заговорщиками? А не проломить ли ему голову графином?

Из-за двери раздался голос Росбарта, уже не столь уверенный:

— Мистер Фохтман?

Росбарт появился в дверях, прижимая к себе одной рукой кожаный ларец. Мисс Темпл не шелохнулась. Они уставились друг на друга.

— Мистер Росбарт — вот уж кого не ожидала здесь увидеть.

— Мисс Темпл... А я — вас!

Эндрю Росбарт всегда был по-лакейски услужлив, ловил любое слово Роджера, и для мисс Темпл, с детства окруженной слугами, к тому же самого низкого положения, он был лишь разновидностью скамеечки для ног, хотя и наделенной даром речи.

— Позвольте заметить, что вы неважно выглядите.

— Усталость, — ответил Росбарт, подергивая себя за воротник рубашки. — Дополнительные обязанности в связи с последними беспорядками. Это пройдет.

— Вы потеряли зуб.

— Но нашел вас, — ответил он, и язык его инстинктивно протиснулся в щербинку. — В Харшморт-хаусе.

— По-моему, это я вас нашла...

Росбарт вперился в ее грудь. Мисс Темпл потрясенно осознала, что вовсе не гневается, а напротив, ощутила издевательское удовольствие от того, какую власть получает над Росбартом из-за его блудливых желаний, сколько новых возможностей открывается.

Его взгляд метнулся на открытую дверь за женщиной.

Понимая, что Росбарт хотел бы воспрепятствовать ее уходу, мисс Темпл протянула руку и захлопнула дверь. Раздался щелчок хорошо смазанного замка. Они остались наедине.

— На вас новый плащ, — заметила мисс Темпл. — Отличный покрой. Вы не знаете, где сейчас ваш начальник — мистер Баскомб?

Мистер Росбарт откашлялся и проглотил слюну.

— А вы?

— Знаете, почему вы облезли, словно умирающий попугай?

— Роджер Баскомб мертв! — выпалил Росбарт, внимательно наблюдая за собеседницей.

— Неужели?

— Вы отрицаете это?

— С какой стати?

— С той, что Баскомба убили! Он сопровождал в Макленбург мистера Граббе, но они так и не добрались до княжества — это подтверждают телеграммы из Варнемюнде!

— Это еще не говорит о его смерти. А тем более — об убийстве.

Росбарт подошел поближе, снисходительно покачивая головой.

— Думаете, Тайный совет и правительство бездельничают, когда столько поставлено на карту? Я знаю, что вас сегодня утром обнаружили на вокзале Строппинг и отвезли во дворец. Я знаю, что ваш безобразный сообщник из преступного мира... о да, мы в курсе ваших дел... вылез из сточных канав, где прятался. А немецкий шпион? Его собственное правительство выписало ордер на его арест — вот прямо сейчас он в цепях едет домой, где ему перережут глотку! Вам известно про Роджера Баскомба! Вам известно про Артура Траппинга!

— Ну что ж, значит, притворяться без толку. — Мисс Темпл осознала, что загадочно улыбается и хлопает ресницами. — Я сама и пристрелила Роджера.

Росбарт хранил молчание. Мисс Темпл демонстративно набрала в легкие побольше воздуха, и чиновник тут же отвлекся на бугорки ее груди. Потом она тихонько выдохнула.

— Вы определенно горите желанием меня арестовать... И все же... разве мы не великодушных разговоров — в министерстве, дома у Роджера, на скучных приемах... разве мы не найдем понимания друг у друга?

— Вы... застрелили его?

— Дорогой Росбарт... я всего лишь хочу сказать — а я, возможно, ошибаюсь, и если это так, то мы столкнемся с плачевными последствиями...

— Убийство Роджера Баскомба...

— Да оставьте вы этого Баскомба.

— Мисс Темпл, как бы мне ни хотелось...

— Мистер Росбарт, я не верю, что вы глупы.

— Благодарю за комплимент.

— Так вот... прошу вас... не могли бы вы встать... сюда.

Мисс Темпл взяла его за локоть — он нервно облизнул губы — и пододвинула на пару

шагов к зеркальному шкафчику. Росбарта передернуло.

— Посмотрите на мою кожу. — Мисс Темпл кивнула на свое отражение в зеркале. — Под глазами.

— Вы так очаровательны...

— Ах, Эндрю, в другое время я бы покраснела и согласилась... но сейчас мы должны быть откровенны... У меня нездоровый вид.

— Такое нередко случается.

— Но не со мной.

— Само собой, утрата только что обретенного бессмертия...

— Эндрю... посмотрите на себя.

Он тут же отпрянул.

— Я... я — представитель Министерства иностранных дел, и я требую от вас следовать за мной вниз. Вы должны предстать перед герцогом...

— А как, вы думаете, я сюда попала?

Росбарт приложил руку ко рту.

— Вы видели герцога? Говорили с ним? Это невозможно — он ни с кем не говорит...

— Конечно не говорит...

— Но как вы оказались на свободе? Они что — не узнали вас?

— Конечно узнали!

— Как же тогда?

— Вы видели герцога? Эндрю, послушайте меня, ради вашего же блага...

Росбарт отвел глаза и ухватил кожаный ларец.

— Эндрю, ответьте! Вы видели герцога?

Росбарт махнул рукой на зеркало, не глядя в ту сторону.

— Если вы о болезни его светлости... то у него не кровавая лихорадка, о которой говорили... говорили, что будто бы ее очаг в Харшморте. Но вот мы с вами здесь... он простыл, вот и все — это пройдет! Если все мы будем трястись, заслышав о простуде у его светлости, то разве это преданность? Разве это служба?

Росбарт отступил еще на шаг, глядя в пол, как пристыженный пес, и неубедительно усмехаясь.

— Что бы вы там ни думали... поверьте, вы не первая, кто совершает эту ошибку. Внутренние механизмы современного государства должны казаться законопослушным подданным настоящей паутиной, которая оплела всё и вся. И вот обычная простуда превращается в страшную тайну. У нас кризис, у нас чума! Я не знаю, насколько мистер Баскомб был с вами откровенен, — полагаю, не очень, потому что вы просто... женщина...

— Мистер Росбарт...

— А теперь я должен как можно скорее отвести вас вниз. Мистер Баскомб всегда был человеком осторожным... я не обращал внимания на слухи о том, что привело к разрыву вашей помолвки... не обращаю даже теперь, когда вы взяли в друзья этих сомнительных типов...

Мисс Темпл подошла к нему поближе, и чиновник начал заикаться. Она ощущала запах жасминовых духов на своей коже. А он? Наверное, тоже? Росбарт набрал в грудь воздуха со взволнованной решимостью, словно его резко подтолкнули к некой внутренней пропасти.

— Многое изменилось, мисс Темпл. Не обещаю, что помогу вам... но кое-какое влияние у меня есть. Меня несколько раз вызывали в Сталмер-хаус... знак милости, о

которой неделю назад я и мечтать не мог.

— Я только что сама была там, — заметила мисс Темпл.

— Тогда вы понимаете! — Росбарт тут же осекся. — А может, и нет... вероятно, вы не оценили... не смогли... оценить в полной мере...

— Что именно оценить? — Мисс Темпл придвинулась ближе к Росбарту, мужественно перенося дурной запах из его рта.

— А вы смелы, я вижу... даже если хотите добиться от меня... э-э... снисходительности... но... но тем не менее потому что вызнаете... знали... мистера Баскомба... вы можете хотя бы представить, как мне повезло, что я был приглашен...

— О, я представляю, — прошептала она.

— Правда?

— Я хочу знать во всех подробностях! Вот вы вошли в Сталмер-хаус... место заседаний самого Тайного совета... коридор со стеклянными шкафами и этими ужасными старыми картинами... вас провели в какую-то комнату? Ну давайте же, Эндрю... что вы помните?

— Естественно, я был не один...

— С мистером Соумсом?

— Откуда вы знаете Соумса? — У Росбарта перехватило голос. — Соумс новичок! Он ведь не видел герцога? Да Соумс не стоит того, чтобы...

— Да ну его, Соумса. Я о комнате. В ней было темно?

— Его светлость исключительно разборчив.

— Так, значит, вы видели герцога?

— Конечно! И мы его слышали...

— И что он сказал?

— Я... я... сами слова...

Она ждала. Росбарт сцепил пальцы.

— Эндрю, не может быть, чтобы вы не запомнили.

— Гм... да...

— Как вы могли забыть, что вам сказал герцог? Ведь это ваш высший служебный взлет.

Росбарт хранил молчание. Губы мисс Темпл почти коснулись его уха, покрытого кровавыми струпьями.

— Я скажу вам почему, Эндрю. Вы заснули. Все заснули. И видели сны. Головная боль... медный вкус в горле. Вы точно знали, что должны делать, хотя и не помните, как получали инструкции. А после этого никто из вас не сказал ни слова...

— Молчание свидетельствует о высочайшем уважении...

— Да вы послушайте себя! Настоящая миссис Марчмур!

— Прошу прощения? Я не знаком с м-м-миссис...

— Стеклянная женщина.

На лице Росбарта появилась вымученная улыбка.

— Должен вновь заверить вас: в Сталмер-хаусе нет женщин... воинственные наклонности герцога...

Она взяла его за плечо и снова подтолкнула к зеркалу. Росбарт проблеял что-то протестующее и зажмурил глаза.

— Эндрю! Миссис Марчмур обшарила содержимое вашей головы, словно сумку!

— Мисс Темпл...

— Да посмотрите вы на себя!

Он так и сделал, но тут же вырвался и с криком ужаса бросился прочь, отбросив мисс Темпл на один из стульев. Когда она поднялась на ноги, Росбарта и след простыл.

Мисс Темпл нашла нужную ей боковую лестницу. По стенам тянулись крашенные ниши вроде темных храмовых коридоров, и в каждой помещалось аллегорическое изображение. Мисс Темпл, которой в детстве почти не потрудились растолковать Библию, все же опознала десять казней египетских. Несмотря на спешку, она не смогла удержаться и на ходу крутила головой: жабы, кровь, мошки и огонь предвещали ее собственное погружение в ту зловонную трясиину, которая уже поглотила беднягу Росбарта. Но на последней площадке она остановилась как вкопанная — ниша здесь была пошире, а сцена изображена подробнее. Мисс Темпл смотрела, живо вспоминая о забинтованной руке Франчески Траппинг, на смерть египетских первенцев: неумолимые ангелы, парившие над толпой воющих матерей, держали безжизненные тельца.

У основания лестницы была распашная дверь. Где-то поблизости находилась кухня. В коридор выходили кладовые, набитые бочками, клетями, блюдами, бутылками, корзинами, джутовыми мешками, помещения, где хранились кастрюли и сковороды — от огромных (хоть жарь целиком дикого кабана) до уморительно крохотных — для приготовления жаворонков к древнеримскому пиршеству. Но нигде — а в этой части дома жизнь, казалось бы, должна была бить ключом — не виднелось ни одной живой души.

Оказавшись в широком сводчатом проходе, мисс Темпл сморщила нос и оглянулась в поисках источника запаха. Чуть прикрытая клоком соломы, на полу ждала уборщика лужа горчично-желтой блевотины размером с супную тарелку. Мисс Темпл добралась до громадной кухонной топки, где белые чешуйчатые угли излучали тепло. Скамьи и столы были сдвинуты в стороны, словно здесь освобождали место для... чего-то. Она медленно продвигалась вперед, гастрономические запахи постепенно уступали место зловонию синей глины. Под ногой что-то хрустнуло — осколок синего стекла. Запах усиливался у топки. Жар ударил в лицо мисс Темпл. На кирпичной полке духовки лежала пыль — крохотные синие иголки...

Что случилось в саду? И куда все подевались?

Мисс Темпл оступилась, приложила руку ко рту и повернула голову в поисках ближайшего стола, чтобы на него опереться. Так что же случилось?

Она мысленно поставила вопрос... и с содроганием нашла ответ... здесь побывала стеклянная женщина, и ей было так плохо, что всех ее приспешников от этого вывернуло наизнанку. Такой ответ подсказали воспоминания графа — разум мисс Темпл произвольно, без всякого предупреждения черпал оттуда, угрожая ее жизни...

Мисс Темпл нагнулась и попыталась избавиться от тошнотворного комка в горле, но безуспешно. Она почувствовала прилив крови к голове и встала, мрачная, снова одержимая гневом, источник которого находился вне ее.

Коридор заканчивался еще одной распашной дверью. Толкнув ее, мисс Темпл оказалась в изящной столовой. Над громадным удлинённым темным столом висела хрустальная люстра в виде трехмачтового фрегата. Стекло судно плыло, как корабль-призрак, всего с полудюжиной свечей; к их мерцанию добавлялся свет канделябра, стоявшего на столе рядом с человеком в рубахе. Он сидел на троноподобном хозяйском месте во главе стола, чуть не с головой зарывшись в груды бумаг. В одной заляпанной чернилами руке человек держал

старинное гусиное перо, в другой — металлический инструмент для измерения расстояния — мисс Темпл видела такой на корабле. За спиной человека виднелась дверь наружу.

Это не был Роберт Вандаарифф.

Мисс Темпл откашлялась. Незнакомец поднял голову и оказался моложе, чем подумалось ей вначале. На макушке была плешь, но, посмотрев на лицо, мисс Темпл подумала, что он вряд ли старше Чаня, а твердая челюсть и сильные руки свидетельствовали об энергичности, которая заставила ее содрогнуться. Положив перо и инструмент, человек встал. Мисс Темпл не ожидала от него такой вежливости.

— Я не знал, что в доме есть дамы...

— Я — мисс Стерн, подруга Лидии Вандаарифф. Боюсь, я только и занимаюсь тем, что отрываю людей от важных дел.

— Ни в коем случае, уверяю вас.

— Похоже, тут был пожар.

Человек сделал широкое движение рукой и иронически улыбнулся.

— И тем не менее дом такого размера, что еще остается с полсотни комнат, в которых можно обитать вполне комфортно. Не желаете чаю?

— Нет, спасибо. — Меньше всего мисс Темпл хотелось быть представленной слугам как подруга Лидии. — Надеюсь, я вам не помешала.

— Вовсе нет.

Возникла пауза. Мисс Темпл прикинула, что можно из нее извлечь.

Вы не представились, — сказала она, в легком смятении от того, что глаза ее непроизвольно заморгали.

— Примите мои извинения. Меня зовут мистер Фохтман.

— Какая любопытная груда бумаг, — сказала она. — Похоже... бог мой... что-то механическое, научное...

Продолжая улыбаться, мистер Фохтман перевернул листы на всех стопках исписанной стороной вниз, пряча их содержимое от ее глаз.

— Все это слишком скучно для женщины вроде вас. Не хотите присесть?

— Нет, спасибо. Боюсь опоздать на поезд...

— Я слышал про Каролину Стерн, — сказал он. — А вы сказали «Изабела»...

— Мы двоюродные, — не задумываясь, ответила мисс Темпл. — Каролина вместе с Лидией отправилась в Макленбург.

Она поежилась при мысли, что капитан Тэкем со своими драгунами, возможно, ищет ее сейчас, что солдаты могут появиться в любую минуту.

— Насколько я знаю, от них пока не поступало известий, — заметил Фохтман. — Хотя прошло уже больше недели со времени отъезда.

— Разве кто-нибудь пишет открытки сразу после свадьбы?

Кожа над грудью мисс Темпл запунцовела от воспоминаний из стеклянной книги (... мужчина с завязанными глазами, тело его экстатически выгибается при касании сразу двух языков... осторожно, плавно вводят, одну за другой, янтарные бусинки...). Она моргнула, увидев, что Фохтман наклонил голову и глядит на нее.

— Но известия были. От Макленбургского двора. Они там так и не появились.

— Не появились? Это невозможно.

— По меньшей мере это странно.

— Сэр, в это трудно поверить! Почему никто не обеспокоился? Где журналисты? Отчего корабли не обшаривают море, а солдаты — побережье? Если пропал наследник Макленбургского престола... — Она замолчала, совершенно серьезно глядя на мистера Фохтмана. — Отца Лидии оповестили?

— Ее отца нигде не могут найти.

— Но это же Роберт Вандаарифф!

— Разве?

— Я вас не понимаю.

— Вы не присядете, мисс Стерн?

— Я уже сказала, что не могу.

— И все же, я думаю, это стоит сделать. Я бы даже рекомендовал вам присесть... ради вашего здоровья.

Фохтман продолжал говорить все так же вежливо.

— Вы подверглись воздействию синего стекла. Это видно по коже. Возможно, совсем небольшому воздействию... вы не потеряли ни единого из ваших великолепных волос. Но вы, безусловно, понимаете, о чем я говорю. И я вынужден настоятельно просить вас ответить на мои вопросы.

— Какие вопросы?

Фохтман скользнул взглядом по двери, потом снова внимательно посмотрел на мисс Темпл, словно его выбор определялся выражением ее лица — а он в этот момент явно делал некий выбор. Мисс Темпл ощутила новый приступ тошноты. Холодное копье знания из книги графа пронзило ее мысли. Кончик лезвия заводится в замок на дверце шкафа, дверца распаивается.

Топка. Человек в рубашке. Это он прижег расколотое запястье миссис Марчмур на огне кухонной топки.

Фохтман указал на бумаги, лежащие перед ним.

— Это целый мир, «механический и научный». В наши времена огромные возможности идут рука об руку с огромными бедствиями.

— И вы хотите избежать бедствий?

— Для себя, конечно.

— И для своих... хозяев?

— Я знаю только то, что слышал, и ничему из этого не верю. Между ними разлад... только поэтому меня пригласили сюда.

Мисс Темпл неторопливо кивнула.

И возможно... я не совсем... то, что... вы обо мне думаете, — сказала она.

Фохтман резко стукнул рукой по бумагам, словно принял какое-то решение.

Так кто же из них послал вас? Да, я могу заменить Лоренца, но я должен знать, отчего он умер. Его убило синее стекло? Никто не отваживается высказать догадку... в особенности еще и потому, что все они тоже больны...

— Доктор Лоренц мертв? Но он был всего лишь мальчиком на побегушках у графа.

— Вы знаете графа? Знали его?

— Знала? То есть граф тоже мертв?

Фохтман прищурился, глядя на нее, словно на редкостное насекомое.

— Меня удивляет ваше безразличие. Ваша кухня Каролина Стерн была в этой

компании. Она, скорее всего, тоже мертва.

Мисс Темпл вскрикнула от ужаса — так убедительно, как могла.

— Не притворяйтесь, — насмешливо сказал Фохтман, довольный, что подловил ее. — У вас самой симптомы отравления синей глиной... чистая случайность, что вы наткнулись на того единственного, кто может вас спасти! — Он схватил перо, поискал чистый лист бумаги. — Расскажите мне все, что вы от них слышали, — о Лоренце, о графе, обо всех, а дальше я уж сам разберусь. Молодая женщина явно не проделала бы долгий путь сюда по своей воле.

Вдруг Фохтман поднял на нее глаза.

— Какой же я глупец! Это Вандаарифф! — Он показал пером на ее руки, цепко держащие саквояж. — Что в этом саквояже?

Мисс Темпл пожала плечами и подняла саквояж, всем своим видом показывая, что он ничего не весит.

— Пустой. Мне поручили взять одну вещь из лаборатории графа. Но лаборатории больше нет.

— И вы хотите, чтобы я поверил? Только у Вандаариффа есть возможность похитить столько оборудования сразу. Но ему чего-то не хватает, и он послал за этой вещью вас, безобидную с виду девушку, не вызывающую подозрений...

— Зачем Вандаариффу разрушать собственный дом?

— А зачем жалеть дом, когда уже пожертвовал собственной дочерью? Ставки, видимо, за пределами высоки. Что вам велели взять? И где?

— Не знаю. Мне сказали — одну вещь. Больше я ничего не знаю.

— Но подробности-то вам известны? Вам ведь дали описание...

— Яркая металлическая штучка, размером...

Мисс Темпл вытянула руки и выставила пальцы, показывая выключатели и кнопки. Вспомнив о гнусном тупорылом устройстве, с помощью которого граф осквернял Лидию Вандаарифф, она стала описывать его. Фохтман, слушая ее, принялся рыться в документах.

— И оно должно было уместиться в вашем саквояже? — спросил он.

— Естественно. Ведь эта штука складывается.

— Ага... так я и полагал...

Фохтман подтолкнул к ней большой лист бумаги. Мисс Темпл повернула лист к себе и увидела этот самый предмет в разрезе. Внизу рукой графа было приписано: «Эфирный ирригатор». Мисс Темпл сделала резкий вдох и встретила взгляд Фохтмана... что угодно, лишь бы не смотреть на чертеж. При виде этого прибора мурашки побежали у нее по коже, она вспомнила, как его использовали, вспомнила расprostертую Лидию — конечности закреплены, ноги разведены, густая синеватая смесь извергается из металлического рыла при точно выверенной температуре. Она подавила волну отвращения перед слабостью Лидии, перед бесполезностью женщин, перед людскими амбициями, перед идиотской гордыней Фохтмана и повернула лист обратной стороной.

— И вам не интересно, где он? — спросил Фохтман.

— Больше не интересно.

— Не падайте духом. Я видел других — они выглядят куда хуже, чем вы...

— А где герцог Сталмерский?

— Вот видите, — сказал Фохтман, словно этот вопрос подтверждал его собственную мысль. — Проведя минимальные исследования, я вынужден признать, что динамические

свойства синей глины уникальны. Если она может заставить отступить даже проклятую смерть...

Мисс Темпл не откликнулась на его слова, стараясь не замечать жжения в горле.

— А где полковник Аспич? — прохрипела она.

Фохман нахмурился, недовольный тем, что его прервали.

— Где Роберт Вандаарифф? — в свою очередь спросил он.

— Где мисс Марчмур?

— Куда он вывез все оборудование?

— Где миссис Марчмур?

— Ответьте мне! Где Роберт Вандаарифф? Зачем ему понадобился именно этот инструмент? Почему он послал вас? — Фохтман стукнул кулаками по столу; его длинные руки напоминали передние ноги сильной лошади. — Если идете против меня, будьте готовы пойти и против миссис Марчмур! Но если вы... пойдете на сотрудничество со мной...

Мисс Темпл пробрала дрожь при воспоминании о том, как стеклянная женщина обшаривала ее мозги.

— У вас нет выбора, — мягко произнес Фохтман — так фермер разговаривает с овцой, которую собирается зарезать.

— Это потому, что вам дано знание, верно? — сказала она. — Возможно, вы лучше любого другого понимаете, что может делать стекло... они надеются выехать на вас, но не осознают, что вы получаете превосходство над ними... над ней... над миром.

Фохтман натянуто улыбнулся, чрезвычайно довольный ее рассуждениями.

— И что же вы сделаете со мной? — спросила мисс Темпл.

— Зависит от вас. Вы должны делать то, что я скажу.

— Должна?

Он рассмеялся. Мисс Темпл перегнулась через стол, словно приглашая его выслушать свою главную тайну. Фохтман невольно подался ей навстречу.

Она прошептала:

— У вас был шанс.

И замахнулась изо всех сил саквояжем — а он был хорошо сработан, с металлическими уголками. Один из уголков пришелся по лоснящемуся лбу Фохтмана, как острие долота. Он пошатнулся и прижал руку к ране, но кровь уже хлестала сквозь пальцы на бумаги графа.

— О! Черт тебя побери! Помогите! Помогите, кто-нибудь!

Мисс Темпл не побежала к двери, как собиралась вначале, а пошла прямо на корчащегося, орущего человека. Увидев, что она приближается, он захрипел, пытаясь отогнать ее, принялся размахивать расставленной пятерней, но мисс Темпл снова замахнулась саквояжем, держа его обеими руками, и ударила Фохтмана прямо по правому колену. Тот с воплем свалился к ее ногам. Мисс Темпл, ощущая тошнотворное черное жжение в горле, еще раз обрушила саквояж на голову Фохтмана, и он замер.

Он был все еще жив — грудь дергалась, как мокрые крылышки только что вылупившегося насекомого. Мисс Темпл серьезно подумывала, не достать ли из сапожка нож и не перерезать ли ему горло (ее возбудили, незаметно для нее самой, семь различных воспоминаний о такой расправе, в носу щекотало от запаха крови, руки подергивались от тепла брызнувшей струи), но она все же подчинилась здравому смыслу, подошла к двери и заперла ее. А потом вернулась к распростертому на полу Фохтману, удивляясь тому, как

неуклюж беспомощно лежащий высокорослый человек — точь-в-точь рыба на просмоленной палубе. Равнодушно скользнув взглядом по темным потекам крови на лбу Фохтмана, она стала обыскивать плащ, висевший на спинке стула: сигары, спички, надушенный платок, медный футляр с визитными карточками — буквы с завитками, дорогая бледно-зеленая бумага (Маркус Фохтман, инженер-теоретик, Сведтер-стрит, 19).

В наружном кармане позвякивало что-то тяжелое. Мисс Темпл вытащила защитный холстяной мешочек, набитый чем-то вроде шрапнели для маленькой пушечки. В голове замерцало тошнотворное воспоминание. Мисс Темпл прогнала его — еще немного, и ее может вырвать. Да какая разница — явно детали какого-то прибора. И она сердито засунула мешочек назад.

Последний обысканный ею карман был явно сделан по специальному заказу: глубокий, он точно повторял форму лежавшего в нем рулона веленовой бумаги. Мисс Темпл помедлила, но, не удержавшись, развернула рулон. Это был набросок, изящно выполненный графом д'Орканцем: медная тумба с множеством прорезей, толстыми металлическими трубками и черными шлангами. Стоило мисс Темпл посмотреть на чертеж, как черный ядовитый позыв уронил ее на колени, дыхание перехватило, вновь появился комок в горле — на этот раз оттого, что она поняла назначение тумбы. В щели помещалась стеклянная книга. Трубки и шланги были прикреплены к человеку, лежащему на поверхности, а машина служила соединительным средством между его разумом и стеклянной книгой. В зависимости от положения семи медных рукояток алхимическая энергия могла течь либо в одном, либо в другом направлении. Если энергия направлялась в книгу, то мозг человека опустошался, а книга наполнялась воспоминаниями. Если энергия направлялась в человека, то в его мозгу запечатлевалось содержимое книги, собственная память подопытного уничтожалась, а вместе с нею, наверное, — если употреблять это понятие — и душа.

Мисс Темпл выдохнула, будто вынырнув из-под воды, и с отчаянной яростью принялась рвать бумагу — пополам, еще раз пополам, пока не остались лишь мелкие клочья. Ее разум снова заполнился черным отвращением, и, когда ее глаза нашли Фохтмана — веки его трепыхались, — снова явились мысли о тщете любых действий и острое желание прикончить раненого. Нож был у нее за голенищем. Пальцы правой руки Фохтмана едва касались ковра. Он был ее врагом. Если посмотреть трезво, разве это не трусость — останавливаться на полпути? Чань не задумываясь убил бы его. Графиня прикончила бы его глазом не моргнув. Мисс Темпл хотелось верить, что пылает собственным гневом, но пока она стояла, покачиваясь, пришло понимание: это чувство навязано извне, так же как ее желания.

Сдерживая страх, она попыталась припомнить собственные ощущения (те, что принадлежали только ей), но обнаружила лишь новый водоворот видений — словно прямо ей в голову выпустили стаю голубей. Она крепко сжала бедра, изо всех сил втянула внутрь нижнюю губу, придя в ужас от неожиданного прилива сладостной влаги к лону, и застонала (ее голые ягодицы прижимаются к гладкому, холодному мрамору, пальцы, тяжелые от жреческих колец, засунуты в рот мычащему мужчине...), пытаясь перевести мысли на что-нибудь другое, на кого-нибудь другого, — но все ее чувства и желания, казалось, превратились в простую жажду, в животный зов, в грубый круговорот желания и его удовлетворения, пустоты и смерти в конце всего, в неизбежный и жестокий круговорот, что совершается ежесекундно. Она вспомнила руку Чаня на своем теле и поперхнулась, осознав ужасающую тщету каждого мига томления.

Мисс Темпл отерла глаза рукавом, жалея, что не может вернуться в те времена, когда все было так ясно. Но как давно это было! До того, как она покинула свой остров? До того, как письмо Роджера оборвало их помолвку? До стеклянной книги? Мисс Темпл не принадлежала к числу тех, кого одолевают сомнения или тревоги, — жизнь без них представлялась куда как проще, — но ей было невыносимо думать о том, что она подвержена воздействию сил, которые считала навязанными извне и мерзкими по своей сути. Мысли ее обратились к более широкой теме: к различиям между разными смертями. Вот, скажем, она убила Роджера, а надсмотрщик ее отца повесил непослушного раба — есть ли между этими двумя убийствами разница? Один и другой случай: в чем состоит ее выгода и в чем — ее участие? Замелькали новые примеры из графининой книги, убийства и казни, сцены отчаянной борьбы. Приходилось согласиться, что эти собранные в одном месте жизни раскрывали важную тайну: насилие, а не золото — вот истинная валюта мира... и в таком мире, к острому стыду мисс Темпл, она оставалась весьма богатой девицей.

Но чувство стыда нравилось мисс Темпл ничуть не больше, чем упреки в ее адрес, а потому она отогнала этот неприятный для нее вывод, словно попавшего под горячую руку притвору слугу. Направляясь к двери, она остановилась и отерла уголки саквояжа о ковер. Меньше всего ей хотелось замарать платье.

Мисс Темпл поняла, что неправильно представляла себе стеклянную женщину. Видимо, Фохтмана пригласили совсем недавно — например, вовремя подъема дирижабля. Миссис Марчмур, пусть и заботясь только о своем выживании, раскинула довольно широкую сеть: приглашала собственных экспертов по стеклу, преследовала Шарлотту Траппинг, ради стратегической выгоды обшаривала мозги людей вокруг себя. Но герцог был полезен ей лишь до поры до времени — потом понадобился бы другой представитель ее интересов.

Мисс Темпл разгадала план стеклянной женщины и причину ее переезда в Харшморт: та собиралась внедрить содержимое книги (воспоминания и ощущения графа) в свободный мозг Роберта Вандаариффа. Обладая знаниями графа и огромным состоянием Вандаариффа, она могла не опасаться никого из спасшихся с дирижабля, да и вообще никого.

Но теперь эта книга оказалась у мисс Темпл. А оборудование графа — у кого оно? И где Роберт Вандаарифф? Весь план миссис Марчмур шел прахом. Живой ум мисс Темпл, работая, притуплял остроту недавних терзаний — они отойдут в прошлое, как и любая непоправимая на первый взгляд трагедия. Разве ее мучила каждый день утрата матери или жестокость отца? Да нет, конечно. Про то и другое она почти уже не вспоминала.

Мисс Темпл намеревалась вылезти в окно и через пустошь направиться к железной дороге. Но, выбирая подходящую комнату на первом этаже, она поняла, что есть и другая возможность — так же как у стука ее каблучков по мраморному полу есть гулкое эхо. Харшморт был набит ее врагами, но теперь они рассеяны и потеснены: Фохтман истекает кровью, Росбарт унижен, миссис Марчмур разбита чуть ли не в буквальном смысле слова... Мисс Темпл спросила себя, как бы поступил Чань, и сама же ответила: отомстил бы всем своим обидчикам. Обратив свои мысли к более рассудительному Свенсону, она тут же вспомнила грустное личико юной Франчески Траппинг. Для доктора покинуть Харшморт сейчас было бы все равно что самому убить девочку.

Она позволила себе молча посмеяться над предсказуемостью доктора, в тайной надежде убедить себя, что покинуть Харшморт все же можно. Но убедить себя не удалось, и мисс

Темпл застыла на месте, подавленная мыслью о собственном душевном убожестве. На самом деле ничего дурного в желании спасти свою жизнь не было. Мало того, она пришла к выводу, что и доктор, и Чань именно это и посоветовали бы ей, хотя сами так не поступили бы. Тут ее сомнения рассеялись.

Она добралась до диковинного коридора с мраморными бюстами римских героев — на лицах печать роковой жестокости, как у зверей, грозных даже в клетках, — и остановилась. На полу лежала груда одежды и осколки стекла, судя по горлышкам — бутылок шампанского. Вино уже высохло, но пол оставался липким. Мисс Темпл перешагнула через это, но через несколько шагов увидела новую кучу мусора — разбросанные на полу остатки пищи с отпечатками подошв, разломанные маски, которые были на гостях в ту последнюю ночь, женское белье — казалось, будто за всю прошедшую неделю слуги сюда не заглядывали. Наконец, добравшись до приоткрытых двойных дверей, она услышала звук текущей воды, приглушенные голоса и — самое странное — бречание расстроенного рояля.

Мисс Темпл вошла в довольно приятный атриум — стеклянный потолок, каменный фонтан и вокруг него — высокие деревья в горшках. Рояль стоял под широкими раздвоенными листьями банановой пальмы; за ним, ссутулившись, сидел мужчина — упитанный, в рубашке и без туфель, с золотистой кожаной маской, висевшей на шее. Он не играл, а тюкал указательным пальцем по клавишам, словно сытый цыпленок среди разбросанного зерна. Не меньше двадцати человек лениво сидели на стульях, скамьях или на полу, одни, не таясь, целовались, другие, полуодетые, спали... Пол здесь еще гуще был усеян бутылками, тарелками и остатками еды. Каждый третий по-прежнему носил маску. Когда-то на них были прекрасные вечерние одеяния, теперь помятые или вообще сброшенные. Некоторые поменялись одеждой: на женщинах были фраки или смокинги, а кто-то из мужчин напялил платье — распахнутый корсаж странно смотрелся на волосатой груди. Это была последняя группа заговорщиков, побежденная собственными аппетитами и безграничными запасами Харшморта. Мисс Темпл разглядывала неподвижные тела — поначалу она решила, что эти люди спят, а теперь прикидывала, сколько из них уже умерло.

Под ее ногой звякнул бокал. Человек у рояля прекратил играть и повернулся к ней. Другие тоже очнулись из полузабытья, и вскоре уже все смотрели на незнакомку.

— Кто это? — прошептал один, обращаясь к сидящему на корточках бородачу в рубашке.

— Они что — вернулись? — спросила пожилая дама, чьи нижние юбки задрались, обнажив венозные ноги. — Уже пора?

— У вас нет маски, — укорила мисс Темпл молодая женщина. Другая, сидевшая рядом, налила бренди в чайные чашки. На подбородке у обеих была засохшая мокрота. — Всем велено носить маски.

— Я только что прибыла, — ответила мисс Темпл. — Я ищу троих детей.

Женщина с бутылкой бренди захихикала. Мисс Темпл пошла дальше, переступая через тискающиеся парочки (одна состояла из мужчин) и чувствуя прилив желания. Она добралась до фонтана и порадовалась, обнаружив в нем всего лишь пару туфель. Гости все глазели на нее.

— Тут был пожар, — сказала им мисс Темпл. — Лорд Вандаарифф исчез.

Женщина с бутылкой снова захихикала.

— Сюда идут солдаты, — сказала мисс Темпл. — Вы должны быть готовы — все...

Но помятые заговорщики — все, кроме того, что у рояля, — вернулись в полусонное состояние. Мисс Темпл встретила взглядом с пианистом, и тот также вернулся к прежнему занятию, продолжив выстукивать свою бесконечную внутреннюю мелодию.

Если Тэкем вел детей на главный этаж, а руку миссис Марчмур залечивали на кухне — значит, враги собрались в центральной части дома. Мисс Темпл решила перейти в следующий коридор и посмотреть, что делается за его дверями, потому что от людей вокруг — обитателей человеческого зоопарка — мурашки бежали по коже. Но тут что-то привлекло ее внимание. Сначала она боялась повернуться — вдруг это еще одно воспоминание, от которого она рухнет на колени? Но то была лишь темная отметина на стене, ломаная вертикальная линия, указывавшая на потайную дверь. Мисс Темпл уже не могла остановиться, даже если бы наткнулась на еще одну компанию гуляк. Она распахнула дверь.

Комната была очень маленькой — такие обычно дают слугам: кушетка, шкаф, письменный стол, несколько ламп с яркими, цветастыми абажурами. На входной двери не было ручки — она открывалась нажатием на специальную пластинку, а снаружи выглядела как обычная стенная панель. Мисс Темпл громко рассмеялась — ей вдруг стало ясно назначение скрытой спальни, примыкающей к такому романтическому месту, как сад с музыкой. Покрывало на кровати было смято, а стол завален предметами, более живописными, чем письменные принадлежности: бальзамы, расческа, бокалы, на одном — мазок губной помады. Удовлетворив свое любопытство, мисс Темпл подошла к кровати, села на нее и подпрыгнула, проверяя жесткость. Мгновенно вспыхнув от воспоминаний, она быстро встала и усмехнулась, ощущая нарастающий зуд в паху.

Под зеленым пресс-папье лежало послание, написанное знакомой рукой — конечно же, Роджером Баскомбом. Адресовано письмо было миссис Каролине Стерн.

Мисс Темпл прочла его с нарочитым отвращением, словно разматывала бинты на мучившей ее ране. Послание оказалось совершенно бесцветным: миссис Стерн (Роджер с его таким знакомым, отточенным в министерстве стилем ни разу не опустился до «Каролины») сообщалось о подготовке торжественного обручения Лидии, о том, что из отеля «Сент-Ройял» карета доставит ее на вокзал Строппинг — Роджер будет ждать в поезде, — откуда они поедут в Харшморт, где ее встретит графиня ди Лакер-Сфорца. Роджер уведомлял ее, как следует одеваться, а в конце стояло краткое поздравление в связи со скорым прохождением Процесса. Мисс Темпл перечитала письмо еще раз и вернула его под пресс-папье, чтобы не видеть собственных дрожащих рук. Взгляд ее упал на помятую кровать, и книга услужливо подсказала, чем занимались здесь Роджер и Каролина.

Письмо не содержало любовных излияний, но это ничего не значило. Роджер не перешел бы на другую сторону улицы, чтобы поздороваться с матерью, если бы счел это хоть в чем-то неподобающим. И все же... она перечитала письмо в третий раз, и от некоторых слов засосало под ложечкой. Слова были страстью Роджера, поэтому самые любимые он постарался включить в письмо дорогой ему женщине. Мисс Темпл представила его нежную улыбку, когда он выписывал каждое из них: «пикантный»... «пунктуальность»... «тюль»...

Она отбросила письмо в сторону и принялась рыться в других бумагах, сбрасывая на пол то, что ее не интересовало, удерживаясь от того, чтобы не перевернуть весь этот столик. Внезапно мисс Темпл остановилась. Только что она смяла и швырнула на пол письмо, даже не рассмотрев его толком, а теперь вдруг написанное там имя всплыло перед ее глазами.

Пошуровав носком сапожка в груде бумаг, она отыскивала нужную. Ей хотелось сесть, но было противно прикасаться к мебели, мебели, на которой происходили все эти телодвижения. И мисс Темпл разгладила бумагу у себя на колене.

Размашистый почерк был тот же, что и на записке, найденной тогда в платье. Мисс Темпл пробежала письмо в поисках искомого имени и нашла его... Элоиза Дуджонг.

«Милая Каролина!

Как мы и говорили, Муж и Семья — вот Ваша отмычка.

Я Уверена, она придет по Вашей Просьбе, если приглашение будет доставлено ее Компаньонкой, миссис Элоизой Дуджонг. На завтрашний вечер заказан номер в „Сент-Ройяле“. Нашим Союзникам известно, что Вы делаете мое Дело, а потому для ваших Путешествий должно быть основание. Итак, сначала отправляйтесь в Министерство и вручите прилагаемый Список Приглашенных мистеру Роджеру Баскомбу.

Они Сами сделают всю работу. Будьте их искренним Другом.

Всегда для Всего есть Время.

РЛС»

Даты не было. Кое-что представлялось очевидным: если Элоиза была «Компаньонкой», то «она» — это Шарлотта Траппинг. «Муж и Семья» — явно покойный полковник и трое детей, которые оказались на попечении Тэкема. «Наши Союзники»: следовательно, для остальных заговорщиков Каролина была служанкой графини, и ей для отвода глаз требовалось вступить в деловые отношения с Роджером («Приглашенными» были персоны из высшего общества — будущий материал для книг), чтобы скрыть приватные дела самой графини. А эти дела были связаны с Шарлоттой Траппинг и Элоизой. Встретилась ли Элоиза с Шарлоттой и Каролиной Стерн в «Сент-Ройяле»? Если да, она непременно рассказала бы об этом мисс Темпл или доктору, узнав Каролину в дирижабле или в Харшморте (когда Элоизу схватили)!

А что на самом деле? Когда Элоизу схватили в лаборатории графа... Каролина находилась где-то в другом месте. Они все были на крыше и в дирижабле, но возможно ли, чтобы в пылу схватки Элоиза и Каролина не узнали друг дружку? Мисс Темпл раздраженно фыркнула. Возможно, да, но насколько вероятно? Элоиза, видимо, прекрасно помнила ту встречу, но желала сохранить ее в тайне. Когда они шли из дома Йоргенсов, мисс Темпл говорила о Каролине Стерн, о том, как ее убили... а Элоиза не произнесла ни слова.

Она оглядела крохотную комнатку с некоторым чувством брезгливости. Каролина, как и Элоиза, принадлежала к разряду прислуги, и у комнаты был ничем не примечательный, безличный вид, словно у казармы или тесной каюты на торговом корабле. А ведь она стала последним прибежищем этой женщины... ее вещи были разбросаны повсюду, не нужные никому в целом мире, и никого не заботила ее судьба — танцует ли она в залах Макленбургского дворца или ее тело раздирают крабы на дне моря. Мисс Темпл вышла, перешагнула через гору мусора в атриуме, миновала бражников, почувствовав привкус смерти у себя в горле и жар желаний, растекающийся по ее жилам. Эти люди были ничто.

Мисс Темпл быстрым шагом прошла по Харшморту, твердо решив найти детей Траппингов и вырвать их из когтей стеклянной женщины. Она проскользнула в анфиладу из нескольких кабинетов, уставленных шкапами, стеллажами и рабочими столами. Взглянув под ноги, она увидела, что идет по бумагам, словно по опавшим листьям. Содержимое шкафов и ящиков было вывалено на пол. Потом за большой дверью послышались громкие звуки разговора на повышенных тонах. Мисс Темпл расправила плечи и решительно направилась в ту сторону, держа в одной руке нож, а в другой — саквож.

В личном кабинете Роберта Вандаариффа толпились солдаты. Драгуны в красных мундирах — из-за медных шлемов и звенящих сабель они слегка напоминали механизмы — рвали бумаги так же методично и отстраненно, как молотят зерно. Вокруг них суетились люди Вандаариффа, пытаясь по мере сил спасти документы от уничтожения.

Мисс Темпл метнулась назад.

— Мне это безразлично, сэр! — рычал резкий голос. — Мы найдем то, что ищем. Мы найдем его!

— Но мы вам сказали... мы вам сказали все... мы не...

— Чушь свинячья. Барроуз, посмотрите-ка вот эти. Из его собственного стола!

И на столешницу бесцеремонно швырнули еще одну кипу бумаг.

Второй человек протестующе воскликнул:

— Полковник! Я не могу допустить...

— Фостер!

— Сэр!

Аспич — а это был именно он, — не обращая внимания на секретаря Вандаариффа, пролаял Фостеру:

— Где Фелпс?

— С мистером Фохтманом, сэр.

— Тэкем?

— Капитан... он с детьми, сэр.

— Слышно что-нибудь от лейтенанта Торпа?

— Пока нет, сэр. Если в своих поисках они дошли до канала...

— Знаю! Продолжайте.

— Сэр!

Фостер щелкнул каблуками сапог, секретарь Вандаариффа вновь протестующе закричал. Мисс Темпл рискнула заглянуть в кабинет еще раз. Полковник, высокий и свирепый, направлялся в дальний угол просторного кабинета... личного кабинета самого Роберта Вандаариффа. Сейчас здесь все переворачивали вверх дном, словно турки — византийскую ювелирную лавку, ища указаний на то, куда мог деваться хозяин. Мисс Темпл опрометью рванулась мимо открытой двери, остановилась — не раздастся ли встревоженный оклик, — а потом, бесшумно ступая, направилась к следующей открытой двери.

Но не успела дойти до нее — оттуда вышел человек, который остановился как вкопанный, увидев ее.

— Мистер Харкорт, — сказала она и потеряла коленки — это был молодой чиновник,

которого она видела наверху в коридоре. — Я мисс Стерн. Мы встречались с капитаном Тэкемом.

— Мне это известно. Почему вы все еще в Харшморте? У вас наверняка нет разрешения.

— Моя добрая подруга Лидия Вандаарифф...

— Лидии Вандаарифф здесь нет!

Мистер Харкорт посмотрел мимо нее в кабинет лорда Вандаариффа. Сейчас он позовет солдат. Ее увидит Аспич.

— А как насчет лорда Вандаариффа? — быстро спросила она.

— Лорд Вандаарифф исчез.

— И вы не знаете, где он?

Харкорт сделал сердитый жест, показывая на кабинет, где вели обыск солдаты.

— Конечно нет!

— Боже милостивый, — сказала она, весело улыбаясь. — А вам интересно было бы узнать?

Как она и рассчитывала, Харкорт потащил ее в комнату, из которой появился, — так всем стало бы ясно, что пленницу захватил именно он. То был еще один кабинет с мебелью, укрытой чехлами. Заговорив, Харкорт тряхнул мисс Темпл за руку, которую крепко держал.

— Ну, где он? Говорите! У лорда Вандаариффа пять имений, каждое — в двух днях пути. Солдаты обыскали их все.

Мисс Темпл фыркнула и покачала головой.

— Мистер Харкорт, я не девочка и очень серьезно отношусь к действиям солдат ее величества! Верьте мне, я говорю с глубоким уважением...

Харкорт снова тряхнул ее за руку. Она посмотрела на его пальцы и продолжила холодным тоном:

— Простая логика...

— Логика? Так у вас одни догадки? Если вы думаете издеваться...

— Мистер Харкорт, держите себя в руках! Если лорда Вандаариффа нет здесь, в Харшморте, то, безусловно, произошли два события.

— Какие?

— Первое, кто-то его потерял. И второе: кто-то другой... его нашел.

Харкорт забрызгал слюной от раздражения. Руку с ножом мисс Темпл по-прежнему держала за спиной.

— Вы сказали, что знаете, где он!

— Я сказала, что ищу капитана Тэкема.

— Я здесь, — отозвался тот из-за двери внутренней комнаты.

Мисс Темпл и мистер Харкорт одновременно повернулись к офицеру. Он усмехнулся при виде их лиц, потом направился к высокому буфету, с которого кто-то стащил белый чехол; буфет был набит разнообразными бутылками. Капитан выбрал бренди, а Харкорт зло проговорил:

— Они закончили? Почему никто не сообщил?

— Где дети? — спросила мисс Темпл.

Тэкем вытащил пробку и налил в стакан янтарную жидкость, где-то на дюйм.

— Что она здесь делает? — поинтересовался он.

Ответить Харкورتу помешал крик из внутренней комнаты — высокий, детский. Мисс

Темпл шагнула к этой двери. Тэкем небрежно протянул руку и захлопнул дверь.

— Что с ними делают? — воскликнула она.

Харкорт мимо нее обратился к Тэкему:

— По ее словам, она знает, как найти лорда Вандаариффа.

— Что с ними делают?

— В самом деле знает? — улыбаясь, спросил Тэкем.

— Но теперь она не скажет.

— Она знает не больше моего сапога.

— Это знает любой идиот, — ухмыльнулась мисс Темпл.

Тэкем насмешливо наклонил голову. Мисс Темпл увидела, как он переступил с ноги на ногу, легко переложив графин в левую руку, чтобы правой схватить мисс Темпл.

— Тогда считайте меня идиотом, — сказал он. — Я ни черта не знаю.

— Вы солдафон, — резко сказала она.

Капитан демонстративно выпил бренди. Решив воспользоваться этим, мисс Темпл развернулась и увидела, что Харкорт подкрался к ней сзади.

— У нее что-то в руке! — резко выкрикнул Тэкем, но мисс Темпл уже полоснула своим ножом, лезвие которого на два дюйма пропоролло рукав фрака Харкорта.

Тот попятился, потрясенно глядя на нее, и задрал распоротый рукав с болтающейся пуговицей, желая убедиться, что не ранен.

Капитан прыснул со смеху. Мисс Темпл повернулась к нему с презрительной гримасой.

— Вы животное. Я буду счастлива видеть, как с каждым новым званием на вас тает кожа.

Лицо Тэкема окаменело. Мисс Темпл поняла, что он вот-вот набросится на нее, и крепче сжала нож, но их снова прервали.

— Кто это? — раздался хрипловатый брюзгливый голос из коридора.

— Это мисс Стерн! — отозвался Харкорт. — Она знает, где лорд Вандаарифф, только не хочет говорить. — Он поднял вверх рукав. — И она порезала мой фрак!

В комнату, волоча ноги, вошел Росбарт. Он обвел своим заметно похолодевшим взглядом Харкорта, мисс Темпл, нож в ее руке, а потом остановил его на Тэкеме.

— Капитан?

— Дама требует, чтобы ей показали детей.

— Каких детей? Меня удивляет, что вы говорите о детях в Харшморт-хаусе.

Тэкем неловко пошевелился.

— Она столкнулась с ними в коридоре наверху.

— Понятно, — мрачно сказал Росбарт. — Сначала вы не смогли выполнить задание, нарушили приказ. Потом ничего не сообщили об этом провале, пытаясь выгородить себя.

— Она всего лишь пустышка. Подумаешь — подружка Лидии Вандаарифф...

— Я не знал о ваших решениях, капитан. И не подозревал, что вы тут командуете.

Тэкем зло сложил губы трубочкой, но промолчал. Харкорт откашлялся и показал на дверь.

— Если вы хотите, чтобы я сообщил полковнику...

— Ничего такого я не хочу! — Усталость Росбарта проступала в его озлоблении, как кости сквозь кожу на руке старика. — Я буду вам признателен, сэр, если вы закроете дверь в коридор и сядете на этот стул.

Харкорт метнул взгляд на Тэкема, а потом — он явно подчинился Росбарту, независимо

от состояния последнего, — закрыл дверь и опустился на стул с видом обиженного ребенка. Сам Росбарт рухнул на диван. Его ладонь оставила ржавое пятно на белом покрывале.

— Мисс Стерн... верно?

— Верно, — подтвердила мисс Темпл.

— Подруга Лидии Вандаарифф, — добавил Харкорт.

— Ее нужно доставить к мистеру Фелпсу, — гнул свое Тэкем.

— Я не согласен, капитан, — отрезал Росбарт. — Мисс Стерн... не опустите ли вы свое оружие? Здесь нет разбойников, и ни одной даме ничто не угрожает.

Мисс Темпл посмотрела на Тэкема, который моментально изобразил небрежное безразличие и налил себе еще бренди. Она опустила нож, но не убрала его.

— Я и в самом деле знакома с Лидией Вандаарифф. — Мисс Темпл показала на саквояж в своей руке. — Я здесь, чтобы забрать кое-какие расчески, которые нужно отправить в Макленбург. Я столкнулась с капитаном и его подопечными и выразила свою озабоченность. Здесь трое детей... под стражей... к ним дурно относятся...

— Что насчет лорда Вандаариффа? — просипел Росбарт. — Вы действительно знаете, где он?

Мисс Темпл не ответила, пристально глядя на Тэкема. Росбарт с трудом подался вперед. Подбородок его задрожал, и внезапно мисс Темпл задалась вопросом: а где он находился все это время? Он и наверху-то был не в себе, но теперь ему стало заметно хуже.

— Вы нам скажете? — прохрипел он.

— С какой стати? Эти джентльмены ведут себя так дерзко...

— Может, это и неделикатно, — ухмыльнулся Тэкем, — но я был бы рад хорошенько вас проучить.

— Капитан Тэкем! — воскликнул Росбарт. — По-моему, у вас есть другие обязанности, помимо демонстрации пьяной наглости. Выясните, готовы ли ваши подопечные! Немедленно!

— Мне было сказано ждать...

— А я приказываю вам пойти и выяснить!

Офицер поймал взгляд Росбарта, увидел его дрожащую челюсть и насмешливо щелкнул каблуками. Посмотрев на мисс Темпл, он удалился.

— Мистер Харкорт, как только мисс Стерн раскроет нам местопребывание лорда Вандаариффа, вы тайно сообщите об этом мистеру Фелпсу.

— Слушаюсь, сэр.

— Если я вам скажу, мне позволят увидеть детей? — спросила мисс Темпл.

— Вы не в таком положении, чтобы торговаться, — просипел Росбарт.

Мисс Темпл была уверена, что, пока они тут разговаривают, независимо от намерений Росбарта, капитан Тэкем уводит детей все дальше и дальше от нее.

— Ну хорошо. — Она откинула каштановый локон с лица, а потом выдохнула, напустив на лицо утомленное выражение. — Выяснить, где находится человек, проще простого... нужно просто знать, где его не может быть. Лорд Вандаарифф не может быть в одном из своих имений или на одном из своих предприятий, иначе его давно бы уже нашли. Лорда нет у родственников и нет там, где у него деловые интересы. Дочь его исчезла. Исчезли и его близкие соратники — все отправились в Макленбург. Конечно, у такого человека непременно должны быть тайны, но после разрушения дома он может законно предположить, что эти тайны раскрыты. Поэтому он должен обратиться за помощью, а это

возвращает нас к его отсутствующим соратникам. У кого из них есть средства, которые он мог бы использовать... в том числе напрямую?

— Если бы он действовал под прикрытием Граббе, в министерстве об этом бы узнали, — прошептал Росбарт.

— Значит, Граббе отпадает, — сказала мисс Темпл. — Ни у графини, ни у графа нет никакой организации. Остается только Франсис Ксонк с его оружейными заводами.

— Но... Франсис Ксонк... — Харкорт нервно поглядел на Росбарта.

— Был здесь только сегодня, — закончила мисс Темпл. — Я это знаю.

— Но если Франсис Ксонк не мог его найти... — начал Росбарт.

— Значит, лорд Вандаарифф скрывается не у Франсиса Ксонка.

Никто из мужчин не произнес ни слова. Росбарт уставился на мисс Темпл, пальцы его сжали ручку дивана в какой-то идущей из самого нутра судороге.

— Идите к Фелпсу, — прошипел он. — Он у сестры Ксонка.

Харкорт опрометью метнулся из комнаты. Мисс Темпл последовала за ним до двери и заперла ее. В коридоре Аспич орал на своих солдат. Она повернулась к Росбарту, сипевшему на диване.

— Вы себя неважно чувствуете, Эндрю. А теперь вы еще и подставились. Теперь, когда известно, кто я, она рассердится.

— Тогда она ни о чем не должна узнать.

— Она уже знает. Разве вы не послали к ней Тэкема? Она получит мое изображение из его головы.

— Мне это в высшей степени не нравится, — пробормотал Росбарт и слабо кашлянул. Из его глаз сочились слезы.

— Ну-ну, — сказала мисс Темпл с сочувствием, которое не убедило бы и доверчивую собаку. — Вы забыли, что я хорошо знакома с этой женщиной. Более того, я знакома с ней как с женщиной. Ну-ка, вставайте! — Она осторожно взяла Росбарта под локоть рукой с саквояжем и повела от дивана к двери внутренней комнаты.

— Мы не можем...

— Если оставить вас здесь, вы просто умрете, как мистер Соумс.

— И герцог. — Росбарт вздохнул, словно такое признание было невыносимым.

— И этот жуткий герцог, — согласилась мисс Темпл. — Но истина, Эндрю, состоит в том, что герцога Сталмерского убили несколько дней назад, в тarr-манорском карьере. Он получил пулю в сердце. И сделала это ко всему прочему любовница макленбургского шпиона.

Мисс Темпл потянулась к ручке двери, и Росбарт пошатнулся.

— А я и понятия не имел.

— Мир полон тайн.

Они миновали еще одну приемную с закрытыми ставнями, потом еще одну. Проходя через каждую дверь, мисс Темпл пинком каблука захлопывала ее.

— Я всегда считал вас красавицей, — просипел Росбарт.

— Очень мило с вашей стороны.

— Вы мне прежде говорили... о том, как меня привели в комнату, как я ничего не запомнил...

— Нам всем надо смотреть правде в лицо, мистер Росбарт.

— Это ужасное заблуждение! Правда хуже чумы!

— Мистер Росбарт...

— Эндрю!

Она открыла следующую дверь, чувствуя, как пальцы Росбарта впиваются ей в предплечье. В комнате стоял стол, покрытый белой скатертью в рыжеватых пятнах.

— Вы чувствуете ее запах? — спросила она.

— Я и своего-то не чувствую, — прохныкал Росбарт. — Хотя любое зеркало говорит, что должен бы.

— Она уехала с капитаном Тэкемом и детьми.

— Как именно она выглядит?

— Вы же видели ее своими глазами, мистер Росбарт.

— Эндрю, — проскулил он.

— Эндрю... вы ее видели. А она — вас. Совсем ничего не помните?

Он покачал головой, потом сказал:

— Я видел вашего мужчину.

— Какого мужчину? — С растущим нетерпением мисс Темпл потащила его вокруг стола к двери. — Роджера?

— Роджер мертв. А я после нашего разговора думал... вы, наверное, недоумеваете, зачем я вернулся к вам... но ваши слова не давали покоя моему разуму и... не буду скрывать... моему телу. Я могу представить, где вы были, что делали, какие ощущения впустили в себя, какие похотливые порывы...

— Мистер Росбарт...

— Не отрицайте этого! Я веду речь о вашем преступнике!

Пальцы мисс Темпл уже лежали на ручке двери, но тут она замерла.

— Вы видели Кардинала Чаня? На станции?

— Конечно нет. У Траппингов.

— Когда? Что вы там делали? Что там делал Чань?

— Искал ее.

— Миссис Траппинг?

— С какой стати вы печетесь о нем? — захныкал Росбарт. — Он животное! У вас такие очаровательные кудри...

Он зашелся в приступе кашля. Лицо его горело. К лацканам прилипли выпавшие клочья волос. На глазах появилась влажная синеватая пленка; мисс Темпл сомневалась, что он вообще что-то видит. Она высвободила руку, и Росбарт оперся о стол. Тогда она отошла к дальней двери.

— Куда вы? — прохрипел он дрожащим от волнения голосом.

— Я должна найти капитана Тэкема. Я вернусь. Обещаю.

— Не вернетесь! — простонал Росбарт.

Ноги его начали подкашиваться, и он ухватился за скатерть, которая поползла со стола. Взвизгнув, Росбарт рухнул на пол. Скатерть накрыла его. Мисс Темпл нырнула в полумрак следующей комнаты.

Из-за двери до нее доносились жалобные крики Росбарта («Селеста! Селеста!»), но она не останавливалась, идя по следам миссис Марчмур: запах становился все резче, а пятна —

все ярче. Наконец она оказалась в дальней части сада, обсаженной живой изгородью. На пороге валялись куски шоколадного бисквита.

Поездка стеклянной женщины в Харшморт ничего ей не дала — ни книги, ни аппаратов графа, ни Вандаариффа. Неужели миссис Марчмур пустилась в бегство? Или все же придерживалась какого-то отчаянного плана? Одно можно было сказать наверняка: поскольку детей увели из дома этим путем, а не назад, через комнаты, миссис Марчмур не собиралась возвращаться каретой или поездом...

Столько всего указывало на Шарлотту Траппинг. Но если дети были всего лишь заложниками, взятыми ради сговорчивости матери, то что означали пробирки и пропитанный кровью комок ваты? С гримасой отвращения мисс Темпл открыла свой мозг для воспоминаний графа д'Орканца: трое детей, их мать, пробирки... но вознаграждена была только жестокой рвотой и слезами. Она отерла рот тыльной стороной ладони. Нет, нужно полагаться только на себя. Детей привезли сюда... а теперь увозят. Почему?

Выбежав с лужайки (дом мрачной тенью маячил теперь за спиной), мисс Темпл оказалась в высокой траве, но не замедлила бега, подстегиваемая к тому же и страхом. Еще две минуты — и она резко присела. Впереди она увидела силуэт человека, курящего сигару: кончик ее загорался красным огоньком, а потом снова затухал. Это был Тэкем. Мисс Темпл пластом легла на землю.

Тэкем стоял, вглядываясь в высокую траву. Он поворачивался всем телом, словно марионетка, с лицом, лишенным всякого выражения и мысли. Мисс Темпл затаила дыхание. Через десять секунд капитан зашелся в приступе кашля и обхватил голову обеими руками, задыхаясь, словно отравленный.

Из-за его спины раздался окрик:

— Капитан Тэкем!

Тэкем испуганно отер рот.

— Сейчас!

Он повел плечами и поплелся прочь, исчезая из поля зрения. Мисс Темпл бесшумно двинулась следом и скоро услышала стук сапог по доскам, скрип канатов... еще несколько ярдов — и показался канал. По обеим сторонам длинной баржи суетились темные фигуры — солдаты на палубе и другие люди, матросы, ставящие паруса и сматывающие в бухты канаты, которые служили для швартовки. Ни детей Траппинга, ни миссис Марчмур не было видно, но мисс Темпл знала: стеклянная женщина только что внедрилась в Тэкема, чтобы его глазами осмотреть дюны. Вероятно, она была в каюте под палубой. Тэкем по трапу направился к группе людей. Мисс Темпл узнала Фелпса, Аспича и Фохтмана, честолюбивого инженера, — голова его была обмотана марлей.

Тэкем отдал честь полковнику, кратко доложил обстановку и отошел в сторону, а остальные продолжили свой разговор. Тэкем беспокойно разглядывал моряков, изучал пристань, поворачивался к поросшим травой дюнам. Он поднял руку, и остальные тут же повернулись в указанную им сторону. Мисс Темпл зарылась головой в песок, не в силах пошевелиться от страха.

— Где вы были? — обратился прямо к ней Фелпс. — Мы вас ждем!

Мисс Темпл еще сильнее вжалась в землю, надеясь, что это какая-то ошибка, с трудом подавляя желание вскочить на ноги и броситься наутек.

— Вы нашли Росбарта? — снова заговорил Фелпс.

— Нашел, — ответил кто-то позади нее.

Мисс Темпл чуть не вскрикнула от удивления. Носок ботинка пригнул траву к лицу мисс Темпл в считанных дюймах от нее — это был молодой чиновник Харкорт.

— Примите мои извинения! — Харкорт запыхался, спеша к ним. Фелпс повернулся к остальным.

Полагаю, завтра мы сможем встретиться с Росбартом...

— Вряд ли он дотянет до утра, — выдохнул Харкорт, добравшись до трапа. — Мистер Росбарт совсем плох. Он неспособен путешествовать.

Сохрани нас Господь, — пробормотал Фелпс и потер глаза.

— А что случилось с этой девицей — мисс Стерн? — спросил Аспич, понизив голос.

— Я спрашивал мистера Росбарта... но, откровенно говоря, его уже нельзя понять. — В голосе Харкорта слышалась нотка сочувствия.

— Ах уж эта мисс Стерн! — проговорил Фелпс. — Всех нас провела...

Фелпс замолчал, потому что Харкорт вдруг покачнулся, едва не сорвавшись с мостков вниз головой. Тэкем отпрянул, но Фелпс поймал Харкорта за руку. Тот сделал еще несколько неверных шагов, потом медленно развернулся, обозревая канал и темные дюны: казалось, он смотрит прямо на мисс Темпл. Та затаила дыхание.

— Джентльмены... — проговорил Харкорт, вглядываясь в сумерки. Голос его звучал глухо, неприятно. — Не пора ли отчаливать?

— Мы только ждали мистера Харкорта, — ответил Фелпс.

— Он не видел мисс Стерн? — словно невзначай, но с ноткой озабоченности спросил Фохтман.

— Мистер Харкорт ее не видел, — сказал Харкорт, и от такого ответа в третьем лице всем стало не по себе.

— Она опасна, — твердо заявил Фохтман. — Надо ее найти.

— Пусть часть солдат продолжит поиски здесь, — предложил Фелпс.

— Она никто, — сообщил Харкорт все тем же глухим голосом. — Маленькая врунья. Мистера Фелпса с мистером Фохтманом и полковником ждут в передней каюте. Капитан Тэкем останется со своими людьми.

— Позвольте предложить мистеру Харкорту остаться на палубе, — осторожно сказал Фелпс. — Полагаю, его будет... тошнить.

— Как вам угодно, — проговорил Харкорт. — Мне все равно.

Он снова оступился, Фелпс поспешил подхватить его под руку и увести со сходней. Тэкем медлил на палубе, но Фелпс резко повернулся к нему.

— Вы получили приказ — ступайте вниз! Я скоро приду.

Кивнув, капитан удалился. Фелпс посмотрел на Харкорта — вид у того был ошеломленный, он встревоженно шмыгал носом, — а потом закричал на замешкавшихся моряков:

— Мы отходим! Шкипер! Ставьте паруса!

Мисс Темпл прекрасно знала, что может остаться на месте, пока баржа не отойдет, потом вернуться в дом, а оттуда — на станцию. И тогда ее приключение закончится в отеле «Анберн» настоящей ванной и настоящим чаем. Она поднялась на ноги и пустилась бежать, но... в сторону канала. Моряки тянули сходни на баржу, а мисс Темпл все мчалась. В горле у нее перехватило от осознания того, насколько хрупко синее стекло. Она схватила саквояж

обеими руками, прижав его к груди, и прыгнула на бухту веревок; грубая пенька обожгла нежную кожу на коленях и локтях. Затем мисс Темпл быстро скатилась в тень паруса, где ее не было видно, но в опасной близости от того места, где, ссутулившись, сидел Харкорт.

Вокруг нее суетились моряки, сматывая веревки, их закаленные босые ноги шлепали по палубе. Мисс Темпл видела светлые волосы над жестким воротником Харкерта. Нож через секунду мог оказаться у нее в руке, и мысль о том, как легко сейчас можно было бы убить его — этот плещущийся на ветру флажок жестокости, — вытеснила все остальные. Она представила себе обнаженную спину Харкерта... интересно, есть ли на ней шрамы... у Чаня наверняка есть, всех мыслимых видов... даже у доктора — ведь он солдат... уродливые... отвратительные... возникло желание провести пальцами по спине Харкерта... или по чьей-нибудь другой... чьей угодно... чтобы ее пальцы проникли под его ремень, как нож для разрезания бумаги входит в конверт.

Мисс Темпл выскользнула из своего укрытия и бросилась к люку в корме. Сунув нож назад за голенище, она открыла люк и сморщилась от запаха стоявшей в трюме воды. Потом закрыла люк и, оказавшись в полной темноте, прислушалась. Наверху раздались шаги... но криков тревоги не послышалось, крышку люка никто не откинул. Мисс Темпл вытянула руки перед собой. Вокруг были ящики, тюки с влажной материей, бухты канатов. Она пробралась на ощупь за трап, чтобы кто-нибудь, заглянув сверху — с фонарем или без, — не увидел ее. Поерзав, пошевелив плечами, она освободила себе место среди тюков и села, откинувшись на спину и держа саквояж Лидии на коленях.

На барже наверняка было полно крыс. Мисс Темпл фыркнула. Если крысам дорого собственное благополучие, они будут держаться от нее подальше.

Затем она фыркнула снова. Впервые ей стало понятно, отчего в номере графини ди Лакер-Сфорца в «Сент-Ройяле» царил такой кавардак. Когда смерть и желание идут рука об руку, зачем такой женщине заботиться о внешних приличиях?

Или, подумала мисс Темпл, даже такой женщине, как она сама? Она легла на бочок, свернувшись калачиком и соскользнула в сон — зверек в своей берлоге.

Глава восьмая

УМОЛЧАНИЕ

Крик из открытой стеклянной двери, видимо, был очень громким, потому что его — как первой попавшей на кожу капле дождевой воды — оказалось достаточно, чтобы вывести Чаня из бархатного сна. Он стоял на коленях в харшмортском саду. Кто-то тащил его за руку. Он повернулся — очки перекошились на носу, половину головы все еще занимали утренний свет, запах духов и голоса молодых женщин — и почувствовал, как из пальцев выворачивают пистолет.

Перед ним лежал герцог. Франсис Ксонк скрылся за декоративным подстриженным можжевельником. Министерский чиновник в черном плаще выстрелил из револьвера, и пуля ударилась о шкатулку у ноги Ксонка. Мимо Чаня пробежали какие-то люди и окружили стеклянную женщину со всех сторон. Ее разбитая рука, чадящая синеватым дымком, плавно колебалась над их головами. Боек револьвера в руке чиновника щелкнул по пустому гнезду барабана.

— Зарядите револьвер, мистер Фелпс. Куда Чань может спрятаться?

Чань очень медленно повернулся на коленях. Острый носок сапога ударил ему прямо в плечо — перед ним стоял полковник Аспич. Чань повалился на спину, левая его рука онемела. Аспич выхватил саблю из ножен, а Чань откатился дальше, все еще не в силах встать на ослабевшие ноги. Он выставил свою трость навстречу наступающему с саблей полковнику. Чань из опыта знал, что нанести колющий или режущий удар по человеку, лежащему на спине, гораздо труднее, чем может показаться, — слабое утешение, когда он все еще чувствовал себя как в полусне. Аспич попытался раздробить колено Чаня, но тот отразил удар тростью, и от нее отщепился кусок.

— Так мне пристрелить его? — спросил Фелпс.

Он благоразумно стоял вне пределов досягаемости Чаня, откинув барабан и роясь в кармане в поисках патронов. Фелпс и полковник вдруг вскрикнули — еще одна острая судорога от миссис Марчмур сотрясла их тела. Чань поднялся на одно колено. И опять волна гнева стеклянной женщины не затронула его.

— С Кардиналом Чанем я должен разобраться лично, — пролаял полковник. — Найдите мистера Ксонка. Раненые хищники особенно опасны...

Аспич даже не озаботился обманным движением, нацелившись прямо в голову Чаня, но тот увернулся, а от трости отлетела еще одна щепка. Вокруг носились солдаты и слуги, не обращая на Чаня внимания, словно он был всего лишь животным, которого загоняют в угол.

Он крикнул Аспичу:

— Как же вы собираетесь убить Ксонка? Ведь вы прошли Процесс. Где же ваша преданность?

— Уж ты меня лучше спроси, почему это он — как и ты — все еще жив?

Кривой клинок Аспича устремился к животу Чаня. Тот отчаянным движением отбил удар, расщепив кончик трости, конец сабли при этом вонзился в землю. Прогремели еще два выстрела — Фелпс избавил Ксонка от страданий? — но они вызвали новые сотрясающие вибрации в мозгу миссис Марчмур, и Аспича передернуло.

И опять Чань ничего не почувствовал. Он ринулся вперед, полковник отступил, опасно размахивая саблей, — но Чань уже был вне его досягаемости. Драгуны, слуги, министерские

чиновники — все неожиданно обратили на него внимание. Со всех сторон доносился звон сабель, извлекаемых из ножен. Чань нырнул следом за Ксонком, через тот же стриженный можжевельник, но, сделав три длинных прыжка, резко остановился. Он выкинул в стороны руки, чтобы сохранить равновесие, внезапно оказавшись на краю обрушенного зала «собора». На дне головокружительной стофутовой пропасти курились нагроможденные обломки. Ярдах в пяти от Чаня стоял Фелпс с поднятым револьвером, нацеленным прямо ему в лоб. Не задумываясь, Чань бросился вниз.

Он приземлился футов через десять на почерневшую металлическую балку и без остановки прыгнул на обломки тюремной камеры — еще футов на пятнадцать. Дыхание у него перехватило, трость выпала из руки, и прежде чем он успел увидеть, куда именно, наверху прогремел выстрел — пуля просвистела в дюйме от головы. Чань переметнулся за искореженную решетку и повис так, чтобы металлический пол камеры защищал его, по крайней мере, пока Фелпс не переместится. Он посмотрел туда, где болтались его ноги, — высота футов в шестьдесят, а внизу — убийственная гряда искореженного металла, которая прикончит его с такой же неумолимостью, что и «железная дева».

Фелпс выстрелил еще раз — этот сукин сын сменил позицию, и пуля высекла искру из металла рядом с левой рукой Чаня. Тот выругался и принялся раскачиваться на руках. Земляная стена в нескольких ярдах от него обвалилась, образовав подобие склона. Если удастся оказаться там, появится хоть какой-то шанс. Он поднял голову. Фелпс стоял прямо над ним, а рядом с Фелпсом — Аспич. Фелпс выставил руку с пистолетом. Чань дернул ногами и разжал пальцы.

Когда его тело остановилось после десяти секунд полета — таких насыщенных событиями и зубодробительных секунд в жизни Чаня еще не было, — он лежал на спине, а его ноги, к счастью целые, торчали над головой. Коленки были ободраны, перчатки порвались, и он чувствовал ссадины на лице, которые со временем покроются неприятными струпьями. Темные очки, что примечательно, не слетели (Чань давно открыл для себя пользу хорошо подогнанных заушников), но трость была потеряна — осталась где-то выше. Чувство опасности подняло Чаня на ноги, и он перебрался под прикрытие искореженной металлической плиты — часть обшивки башни; плита врезалась в землю, как гигантская лопата. Разрушение было столь полным, а его падение столь беспорядочным, что Чань понятия не имел, где находится и виден ли врагам. Он выглянул из-за плиты. Раздался выстрел, и Чань метнулся назад, но пуля безобидно звякнула где-то в обломках. Это давало ответ хотя бы на один вопрос.

Где-то довольно близко от себя Чань услышал отчетливый и мерзкий смешок.

За смешком последовал еще более омерзительный рвотный звук. Франсис Ксонк скорчился в пространстве между перекоренных труб и решеток прямо напротив того места, где прятался Чань. Рана у него на груди запеклась липкой синей коркой.

К этому времени к Фелпсу уже, наверное, успели присоединиться двадцать драгун с карабинами.

— Я думал, вас пристрелили, — небрежным тоном сказал Чань, стараясь говорить потише.

— Мои извинения, — усмехнулся Ксонк. — Для младших сыновей так естественно приносить разочарование.

Чань неторопливо — торопиться им, похоже, было некуда — разглядывал Ксонка. Лицо его изменилось сильнее, чем Чань мог себе представить. Глаза расширились в горячке, ноздри покрылись коркой, а посиневшие губы — отвратительными нарывами. Кожа там, где она не обесцветилась, побелела как мел.

Пальцы стеклянной женщины, когда пуля раздробила ей запястье, впились в тело Ксонка... остались они там или нет? Какой, должно быть, хаос творился в его голове — столько стекла в непосредственной близости от сердца, легких, крови, струящейся по жилам... И все же во время их недавней схватки Чань не заметил в своем противнике никаких признаков слабости...

— Но вас ранили раньше... я смотрю, вы обработали рану весьма благоразумным способом.

Ксонк сплюнул на разбитые камни — словно вязкая синяя лента вылетела изо рта.

— Могу только предполагать, что сейчас у вас в голове, — продолжал Чань. — На ум приходят африканские долгоносики, которые выедают человеческий мозг от уха до уха. Их жертва все это время остается в живых, но теряет контроль над своими конечностями, потом — дар речи, способность мыслить, перестает замечать, что ходит под себя...

Ксонк весело рассмеялся, крепко зажмурившись, а потом игриво ткнул загипсованной рукой в сторону Чаня.

— Ощущения просто необыкновенные, Кардинал... вы и представить себе не можете! Наслаждение от действия, эффект присутствия, даже боль... словно опиумный дым в крови... только в моем случае сон не приходит. Нет — одно жуткое бодрствование! — Смех Ксонка пресекся кашлем, и он снова сплюнул.

— Вы, как это ни странно, пребываете в веселом настроении, — заметил Чань.

— А почему бы и нет? С чего мне переживать? Из-за того, что я умираю? Но смерть всегда шла рядом со мной. Из-за того, что я стал вонючим изгоем? И это всегда было возможно. Посмотрите на себя, Кардинал. Разве мать родила вас для этого? Разве ее глаза светились бы гордостью при виде ваших изысканных манер? Ваших титулованных друзей? Ваших добродетелей?

— Не вам бы говорить о семье. Что вы от нее получили — дурное наследство, развратные наклонности?

— Более чем согласен! — прорычал Ксонк со всей злобой гадюки, в бешенстве укусившей себя саму.

Чань рискнул высунуться еще раз и посмотреть на кромку обрыва в вышине. Выстрела не последовало, но все равно он быстро убрал голову. Глаза Ксонка были закрыты, но веки подергивались, как у спящей собаки. Чань обратился к нему:

— Ваши прежние сообщники не очень-то обрадовались, увидев вас.

— А что им радоваться? — хрипло пробормотал Ксонк.

— Разве ваш Процесс не прививает преданности? Рабской верности?

— Не говорите глупостей. Процесс обостряет амбиции. Вот в чем риск, когда управляешь посредством страха. Пока наши приверженцы знают, что неповиновение будет подавлено, они хранят иступленную преданность. Но если, — тут Ксонк прыснул как-то уж слишком легкомысленно, — хозяева отпускают вожжи... или же имеют глупость умереть... то всякие ограничения исчезают. Мы опускаемся до их уровня, или они поднимаются до нашего... даже скорее так, поскольку знание — это такая область, где шансы у всех равны.

— Это потому, что граф мертв?

— Да уж, малоприятное состояние.

Ксонк повел головой, словно борясь с невидимой рукой, сжимавшей его шею, потом громко выдохнул.

— Но вы забываете о моем семейном бизнесе, Кардинал... я вовсе не такой дилетант, каким могу показаться. Может быть, вы, как человек, не чуждый знаний, скажете, что тут случилось...

Ксонк обвел развалины загипсованной рукой. Чань, к своей досаде, только теперь обратил внимание на характерные борозды среди пожара — они четко указывали на место первоначального и массивного воспламенения.

— Фугас.

— Или даже два, — сказал Ксонк. — Взорваны после того, как отсюда вывезли оборудование графа. Ни одной из его адских машин здесь не осталось. Как и в лаборатории...

— Вы ошибаетесь.

— Нет! Чувствуете запах пороха в пепле?!

— Я не о том, что здесь. — С обонянием у Чаня было неважно, и он расстроился оттого, что не заметил очевидного. В лаборатории взрыва не было. Там был пожар, и сперва загорелись химикалии графа. Хотя и оттуда унесли его вещи... по крайней мере, картины... Возможно, им не хотелось устраивать взрывы внутри дома.

— Это дело рук человека, которому все равно, где взрывать — внутри дома или нет.

Ксонк улыбнулся.

— Итак, у нас есть два источника пожара. А значит, были и два исполнителя... любой, кто имеет допуск к нашим боеприпасам, может добывать их в больших количествах. Наша стеклянная дама здесь ни при чем — эти же самые вопросы она задавала мне в саду. И, похоже, искренне.

— Так кто же это сделал?

— Одному богу известно. А где ваши ревностные сторонники?

— Понятия не имею. Может, мертвы?

— Как вы спокойны, Кардинал.

— Я полагал, что вы ярый приверженец графини.

— Кто может противиться ее чарам?

— Вы пытались убить ее — я видел это собственными глазами.

— И опять же: кто не пытался? Да вы и сами пытались несколько раз.

— Ну, я не из числа ее почитателей, — ответил Чань, удивляясь тому, что это так. — Но с удовольствием сделал бы это сейчас.

— Как приятно встретить единомышленника.

Ксонк поднял голову и посмотрел на край гигантской воронки. Выстрелов больше не было.

— Графиня забрала вашу шкатулочку, верно? — спросил Чань.

Ксонк поморщился от какой-то внутренней боли (синее стекло бередило ткани, в которые было заморожено) и прокряхтел утвердительный ответ.

— И что же в ней было? — продолжил Чань. — Один из приборов графа?

Ксонк опять закряхтел от нового приступа боли, острее прежнего, и ударил носком ботинка о землю, подавляя громкий крик и дыша по-бычьему. Когда боль немного отпустила,

лицо Ксонка стало еще более изнуренным, краснота вокруг глаз — более яркой, а его зубы обрели лазуритовый оттенок — то ли изменился цвет эмали, то ли на зубах появился налет. С каждым рваным выдохом на его губах появлялась синяя пена.

— Да, — прошептал наконец Ксонк. — Я должен вернуть ее... и я должен вернуть мою книгу... и я должен найти необходимую энергию... и необходимый сосуд... все верно... и все почти недостижимо. Я не глуп, Чань. Если я презираю гордую добродетель истинных глупцов, вроде... как там его?... вашего драгунского капитана... глупцов, которых я пристреливал бы каждый день перед завтраком... если я презираю такую добродетель, то потому, что... несмотря на мое положение и привилегии... я был изгоем. Я изучал пределы того, что может выдержать человек... без всяких ограничений, прекрасно понимая, что такие искания могут поглотить мою душу... наподобие бразильской рыбки, которая объедает бычью тушу до костей... вы бывали в Бразилии?

Чань фыркнул.

— Жаль, — просипел Ксонк. — Это тяжелое испытание... разрушение человека, человеческой души в таком масштабе... Любой идиот знает мотивы своих врагов... и только единицы знают собственные мотивы. Но когда мужчины и женщины продаются и покупаются так открыто... ты сам обесцениваешься... но и мудреешь. В нашем цивилизованном обществе мы боремся за право стать собственностью самых порочных хозяев. Я сам из порочной семьи и знаю, о чем говорю.

— Я думал, вы ведете речь о своей неотвратимой судьбе, — сухо заметил Чань.

— Конечно. — Ксонк хрипло рассмеялся. — Если поставили бы такую пьесу, народ валил бы валом! «„Гибель Франсиса Ксонка“; дополнительные представления»!

Ксонк покачал головой, закашлялся и почти сразу же снова впал в отчаяние. Богачи, по наблюдениям Чаня, никогда не отличались способностью к самоиронии.

— Но лучше бы мне погибнуть со всеми остальными и остаться на дне моря. Я лежал бы спокойно, вода с ужасающей безмятежностью заливала бы мое лицо... Но у меня другой характер... и потому, Кардинал, прежде чем мы заключим договор о выживании — а у нас, похоже, нет другого выхода, — я расскажу вам... маленькую историю.

Ксонк отер лицо. Когда он заговорил опять, голос его звучал спокойно.

— Трое детей, старший годится младшим скорее в дяди, те никогда не делились с ним ни своими интересами, ни тайнами, этот человек с самой юности был занят одним: как сделать побольше денег из воздуха... в буквальном смысле — из разговора, из лукавых речей, произнесенных и услышанных им... потому что отец детишек... вроде короля, а точнее, волшебника... оставил тайну... клад. Талантами старшего этот клад был положен в основание империи, где эта тайна продавалась и перепродавалась, облагораживалась и перепродавалась снова, бессчетное число раз... пока он тоже не стал королем, таким могущественным, каким даже не мог надеяться стать его отец, а всех настоящих королей вокруг себя поставил на колени. Второй и третий были почти близнецами, и росли они в тени не отца, а грозного старшего брата. Они получили свою часть наследства, но ни капли влияния в королевстве — старший ни за что бы этого не допустил. Жизнь их была очень простой: желание — удовлетворение, и так без конца. Никто на них не обращал внимания, разве что порицали за лень или неодобрительно отворачивались, узнав об их новом развлечении. Но каждому досталось от отца внутреннее наследство, как старший унаследовал коммерческую жилку. Средний ребенок кое-что знал о тайне их отца... это

была девочка, она не получила никакого образования. Младший же унаследовал только бесстрашие...

Ксонк помолчал.

— А может, и не от отца, а от матери... родившись, он убил ее, и все же она дала ему жизнь.

Ксонк сплюнул и продолжил еще горячее:

— Старший сын в придачу к империи получил сумасшедшую жену, покладистых шлюх и детей, чьи имена даже не мог запомнить. За свое затворничество девочка получила мужа, которого презирала, жизнь, полную малодушной зависти, и детей, на которых не могла смотреть без слез. А третий за свою необузданность не получил ни жены — только неутолимую жажду, — ни детей, которых мог бы назвать своими... Конечно, не ахти какая история, — добавил Ксонк после некоторой паузы, — но все это — скольжение по наклонной плоскости, а к своим капризам привыкаешь.

Он отвернулся от Чаня, наклонил голову и несколько раз шмыгнув носом, как животное.

— Я чувствую сквозняк, — прошептал Ксонк, тут же прикасаясь к обломкам. — Туннель завален. Камни слишком велики — мне одному не справиться!

Пренебрегая внутренним голосом, Чань перебрался через простреливаемое пространство в убежище Ксонка. Совместными усилиями они расчистили трубу — один из больших металлических ходов, по одному из которых Чань спускался из сада в бойлерную.

— Если сквозняк, значит, ход открыт, — сказал Ксонк.

— Он может вести только на более низкие уровни дома. Все, что вели наверх, уничтожены.

Ксонк улыбнулся.

— Это значит, что по ходу можно проползти. Если я пойду первым, то, конечно, буду незащищен против удара ножом сзади. Если пойду вторым, то могу попасть в переплет на выходе.

— Я могу сказать про себя то же самое.

— Что верно, то верно. Выбор за вами.

— А если вы пойдете этим путем, а я попытаюсь выбраться по стене?

— Это невозможно. Другого пути нет.

Чань погрузился в молчание. Его не устраивало, что Ксонк прав, его не устраивало их сближение.

— Тогда я пойду вторым, — решил он.

Ксонк ввинтился в ход, выбросив вперед руки, и исчез из виду. Чань последовал за ним. Труба была покрыта сажей, ее ширины едва хватало, чтобы протискиваться, и к тому же стояла полная темнота.

Чань сосредоточил внимание на шорохе и ворчании, издаваемых Ксонком. Каждый раз, когда тот останавливался, Чань ждал какой-нибудь подлости, но Ксонк через некоторое время возобновлял движение.

Потом Ксонк замер, и Чань услышал его шепот:

— Тут поворот. Труба уходит вниз. Вам придется держать меня за ноги. Если пути дальше нет, я не смогу выбраться назад.

Не дожидаясь ответа Чаня (впрочем, тот и не собирался отвечать), Ксонк продвинулся дальше и приготовился к спуску. Чань подполз сзади и ухватил его за щиколотки. Он не чувствовал здесь никакого подвоха, но был готов в любой момент отпустить ноги Ксонка.

Ксонк опустился в уходящую вниз трубу, почти повиснув на руках Чаня, затем постучал костяшками пальцев по металлу.

— Отпускайте, — донесся до Чаня голос Ксонка. — Тут выход задраен крышкой.

Чань, полный дурных предчувствий, отпустил щиколотки Ксонка, и тот соскользнул вниз. Прежде чем сделать то же самое, Чань вытащил бритву лейтенанта Саппа. В трубу неожиданно хлынул свет. Значит, Ксонку все же удалось открыть крышку. Чань вошел в поворот трубы, упираясь в стенки ногами, чтобы не рухнуть вниз. Ксонк распахнул крышку до конца и стал выбираться наружу. Чань скользнул вниз, выставив вперед левую руку, и ухватил Ксонка за ботинок, прежде чем тот исчез из виду. Ксонк замер, застигнутый врасплох, а Чань раскрыл бритву, готовый пустить ее в ход, если Ксонк попытается освободиться. Но Ксонк не двигался. Не полз вперед и Чань. Высуни он голову в открытое пространство, и Ксонк сможет обрушить ему на голову гипс... или нож, или осколок стекла.

— Интересное положеньице, — хохотнул Ксонк. — Вы не можете вылезти, не опасаясь моего нападения... а если я попытаюсь освободиться, то вы наверняка перережете мне поджилки.

— Я всего лишь принял меры предосторожности.

— Уверяю вас, они без надобности. Выходите, Кардинал, — я ничего вам не сделаю.

— Позвольте усомниться.

— Думаете, я вас боюсь? — насмешливо спросил Ксонк. — Думаете, я хочу застать вас врасплох? Вы несколько раз остались в живых только благодаря везению. Мы оба это знаем. Вылезайте и не бойтесь. Все дело только в одном: хватит ли вам смелости.

— Напротив, — язвительно усмехнулся Чань. — Мне ваша удаля тоже внушает трепет.

Ксонк пососал нарыв на губе. За его плащом мелькнул всплеск синевы — в свободной руке Ксонк держал осколок стекла. Если отпустить ногу Ксонка, тот сможет вонзить осколок, когда Чань попытается вылезти и будет абсолютно беззащитен.

— Медленно выводите вашу ногу, — сказал Чань. — Если что-то задумаете, я перережу вам сухожилие.

Ксонк вытащил руку из плаща, обнажая стеклянный кинжал.

— Если сделаете это, я вас заколю.

— И все равно истечете кровью в этой вонючей дыре, — сказал Чань. — Выбор за вами.

— Какой тут выбор! — раздраженно прошипел Ксонк и демонстративно поднял обе руки, а потом очень медленно вытащил ногу из трубы.

Чань, который по-прежнему держал бритву под коленом Ксонка, смог высунуть из трубы сначала руки, а потом торс.

— Бросьте оружие, — сказал Чань.

— Как вам угодно.

Ксонк бросил стеклянный кинжал. Чань проследил за ним глазами, убеждаясь, что тот раскололся и стал бесполезным. Тем временем Ксонк загипсованной рукой прижал запястье Чаня, отводя бритву от своей ноги. Чань выругался — его ноги все еще оставались в трубе. Свободной рукой Ксонк попытался вцепиться ему в лицо, но тот вовремя выставил предплечье. Они обменивались ударами, как два боксера, Чань взмахнул бритвой, и на гипсе появился порез.

Ксонк схватил кожаное пожарное ведро с песком и замахнулся им на Чаня, словно тяжелой дубинкой. Тот отклонился вправо, и ведро лишь слегка задело его плечо. На обоих пролился песчаный дождь. Ксонк уронил ведро и полез в карман за другим осколком. Чань

подобрал под себя ноги и оттолкнулся, сильно ударившись щиколотками о ребро металлической крышки. Он успел прижать руку Ксонка к боку и свалить его на землю. Ксонк с безумными глазами вскочил на ноги, спиной к холодной металлической топке, и замер, ожидая нападения...

Но уследить за Чанем он не успел и продолжал стоять, глядя туда, где только что лежал на полу Чань. Ниточка синей слюны свисала с его подбородка. Ксонк фыркнул в панике, повернул голову в сторону Чаня, а потом, взмахнув черным плащом, исчез за дверью.

* * *

Если Ксонк дышал на ладан, было самое время покончить с ним. Чань бросился следом за ним в изогнутый каменный коридор и дальше — к двери, которая вела на лестницу. Но Ксонк успел защелкнуть замок (на ручке остались синие следы), и дверь распахнулась только после четырех сильных ударов ног. На круговую лестницу с обеих сторон выходило слишком много дверей, и Чань опасался вслепую бросаться следом за врагом. Из-за его осторожности Ксонк ускользнул, исчез неизвестно где.

Чань всегда досадовал, когда решался на убийство, а потом не мог его совершить. Впрочем, может быть, было не так уж и важно, жив Ксонк или нет. Чань знал, что он — именно он — должен сделать дело, которое только и оправдывало его приезд в Харшморт.

На главном этаже Чань вошел в длинную официальную приемную. В дальнем ее конце был арочный проход, затянутый тяжелым красным занавесом, словно в частном театре. Чань знал, что за ним, скорее всего, помещаются слуги, а не сцена, и бочком подкрался к занавесу. Он услышал голоса, звон столовых приборов, и увидел, что толстый ковер приемной уходит и за занавес. Что там — личная столовая? Кто в такое время может позволить себе неспешное застолье?

Резкий рывок — и Чань оказался по другую сторону занавеса. Три человека в черных блузах и бриджах, оторвавшись от работы, повернулись к нему. Они раскладывали мясо, сыры и маринады на громадные серебряные блюда. Чань ударил ближайшего к себе в ухо основанием кулака, и тот свалился на ряд деревянных стульев. Второго, который наполовину погрузил нож в головку сыра со снятой толстой корочкой, Чань без всяких церемоний лягнул ногой в живот и, дернув за блузу, швырнул на первого, испускавшего стоны. Третий, моложе других, стоял разинув рот. В руках он держал полупрозрачные луковицы, похожие на выковырянные глаза утонувшего моряка. Чань схватил его за горло.

— Где она? Только быстро!

— Кто?

Чань швырнул человека о стену — луковицы от удара повалились на пол — и снова схватил, поднеся бритву к его щеке.

— Министерские чиновники — где они?

Чань развернулся ко второму, который вырвал нож из сырной головки и имел достаточно глупости — или злости, — чтобы попытаться нанести удар. Чань выбросил вперед бритву, и нападавший отдернул руку, но слишком поздно. Лицо его побелело, когда он посмотрел вниз, — удар лезвием по пальцам был таким чистым, что кровь не появлялась еще секунды две, но потом струю было уже не остановить. Слуга уронил нож и зажал рану другой рукой, но кровь все равно просачивалась наружу. Чань жестко развернул своего

пленника в сторону кухни.

— Вы готовите для них еду — куда ее нужно отнести?

— В зеленую гостиную — это рядом...

— Что они делают на кухне? Почему вы готовите здесь?

— Не знаю... нас отправили сюда!

— Где их другие пленники?

— Какие пленники?

— Где драгуны?

— Снаружи — в саду что-то случилось.

Чань оттолкнул слугу.

— Никому ни слова, иначе вернусь и перережу тебе горло.

За следующим красным занавесом располагался зал для приемов с зеркальной стеной и массивным шкафом, набитым бутылками. Столы были завалены бумагами, стаканами, недокуренными сигарами, еще имелась как минимум одна коробка патронов к карабину. Чань бесшумно прошел по ковру к другому занавесу (если снять занавесы, подумал он, отдельные помещения превратятся в одно большое) и услышал по другую сторону тихие голоса... охранники?

— Давай-ка я... твой нос...

— Извини. Это наверняка из-за болотной травы — в Харшморте всегда начинаешь чихать. Боже мой! Смотри — кровь!

— Да, кровь.

— Боже мой.

— Ты видел Соумса?

— Соумса? Кто такой Соумс?

— Тот, что с Фелпсом.

— А кто такой Фелпс? Я в полном недоумении... и голова раскалывается, как после попойки...

— Фелпс — тот, который с герцогом.

— Герцог здесь?

— Герцог был в саду.

— Боже мой. Разве не в саду...

— Его светлость...

Другой прервал его, чихнув. Чань отдернул занавеси, увидел двоих в черных фраках, с носовыми платками в руках — один прижимал платок к носу, а другой (на которого попали брызги изо рта первого) отирал кровь со своего галстука. Они с удивлением посмотрели на Чаня.

— Где герцог? — прорычал он.

— Кто вы такой? — спросил человек, бросивший вытирать галстук.

Чань впечатал кулак ему в лицо. Тот пошатнулся и упал на колени, схватившись за нос. Его собеседник предусмотрительно отошел в сторону как от Чаня, так и от упавшего товарища.

— Я сейчас подниму тревогу! — воскликнул он.

— Где стеклянная женщина?

— Кто?

— Где полковник? Что случилось в доме? Отчего из вас хлещет кривица?

Двое в черном переглянулись, и Чань выхватил бритву.

— Убирайтесь, пока не поздно. — Повернув голову, он кивнул на столовую. — Сюда.

Оба опрометью бросились прочь. Чань сразу же выкинул их из головы: времени было в обрез, а его тактика обречена на провал. Кто-нибудь непременно не подчинится ему, сбегутся другие, появятся драгуны, и тогда — все. За поворотом ковер кончался и начинался полированный пол — видимо, тут начиналась территория слуг. Где-то неподалеку должна была находиться кухня. Еще один поворот — и Чань увидел двойные распашные двери, через которые и прошел, понимая, что не может запереть их за собой.

Он оказался в еще одном подсобном помещении — то ли для приготовления букетов, то ли для разделки туш, судя по столам из серого мрамора. На ближайшем лежали два человека, словно покойники в ожидании бальзамировщиков, — министерский чиновник, которого Чань видел на траве в саду, и герцог Сталмерский. Лицо чиновника там, где была пробита височная кость, уродовало темное пятно: та же разновидность парши, что Чань видел у Аспича. Что до герцога, тот выглядел так, словно умер недели две назад, — распухший, кожа обесцвечена, глаза подернуты отвратительной пленкой.

Двери в дальнем конце комнаты открылись, и бок о бок с полковником Аспичем вошел мистер Фелпс с кипой бумаг в руках. За ними вплыла миссис Марчмур — в плаще, капюшон которого соскользнул ей на плечи. Теперь Чань яснее увидел, как она изменилась: цельные голубые глаза, пухлые синие губы, когда-то роскошные волосы, все еще каштановые, но теперь жесткие — издевательский признак прежней жизни, точно борода евнуха. Из-под плаща торчала культя правой руки; запястье было плотно замотано материей. Материя вся пропиталась синей жидкостью.

После секундной растерянности полковник бросился вперед, вытаскивая саблю. Фелпс сунул руку в карман за револьвером. Все это происходило очень быстро и вело к неминуемой развязке.

— Стойте!

Полковник и Фелпс остановились, переглянувшись. Чань понял, что слово не было произнесено вслух.

— Это Кардинал Чань! — воскликнул Аспич. — Его нужно убить!

И тут же рука полковника с саблей безжизненно повисла, как у механической фигурки на часах. Чиновник вытащил револьвер, но явно был не в силах поднять его.

Тот же голос снова загудел в голове Чаня.

— Нам не грозит никакой опасности, полковник. Терпение...

Миссис Марчмур неуверенно вышла вперед. Двое мужчин неохотно отступили в стороны. Похоже, им было так же неудобно, как в обществе тигра... с другой стороны, имелся ли у них выбор? Чань напряг волю... он чувствовал, как женщина пытается пробраться в его мозг... как безуспешно пытается вторгнуться в него... словно сильный ветер сотрясает окно. Миссис Марчмур помедлила и попыталась снова, но опять неудачно. Ее текущие глаза сощурились.

— В чем дело?

Чань вспомнил слова Анжелики в своей голове — они прокалывали мозг, как иголки. Что-то у стеклянной женщины не получалось, голос ее звучал глуховато, не так навязчиво, как прежде. Может, из-за раны?

Чань шагнул к миссис Марчмур. Та сразу же отступила и, послав вперед Аспича, спряталась за его спиной. Полковник взмахнул саблей, словно его дернули за нитки. Значит

дело было вовсе не в ранении — власть этой женщины над другими людьми ничуть не уменьшилась.

— Я сам прикончу его! — воскликнул полковник.

Чань сделал выпад бритвой. Рука Аспича при этом дернулась — резко и бессмысленно.

Чань фыркнул.

— Такого рода... уличные бои — дело тонкое, Маргарет. Без опыта просто рискуешь нарваться на неприятности.

— Что вы сделали? — прошипела она. — Как вы сопротивляетесь мне?

— Почему бы вам не освободить мистера Фелпса с его револьвером — пусть пристрелит меня? Полковника с его саблей. Вы ведь не сомневаетесь в их преданности только потому, что они увидели, как вам успешно противостоят.

— Я их не освобождаю, потому что они сразу же вас прикончат.

Чань снова сделал выпад, и стеклянная женщина подняла руку полковника, но опять слишком неловко и слишком поздно.

— Целый день неудач, Маргарет. Мое неповиновение... Пожар в Харшморте... ваша бедная ручка... и вы, похоже, поссорились с Франсисом Ксонком.

— Франсис Ксонк умрет через два дня. Как и все остальные. Я не буду ничьей рабыней.

— Конечно. Теперь вам постоянно требуются собственные рабы, все новые и новые. Ведь вы разъедаете их почище любой кислоты.

— Это можно изменить!

Чань повернулся к телу герцога на столе.

— У вашей марионетки не очень бодрый вид, Маргарет...

Резким движением Чань схватил мертвеца за волосы — голова и плечи свесились со стола. Правым предплечьем он, как молотом, рубанул по растянувшейся шее, и полуразложившийся позвоночник хрустнул от удара. Чань отошел в сторону, оставив голову жутко свисать под углом. Миссис Марчмур вскрикнула и потеряла контроль над Фелпсом и Аспичем. Полковник, высоко подняв саблю, бросился вперед, сверкнул глазами сначала на Чаня, потом — на стеклянную женщину. За его спиной поднял револьвер Фелпс, точно так же не знавший, против кого применить оружие.

— Минуту!

Это был Аспич. Левую руку он вытянул к стеклянной женщине, а саблю наставил на Чаня.

— Этот человек — негодяй. Не слушайте его вранья. Просто позвольте его убить...

— Нет, нам нужно получить от него сведения! — возразил Фелпс и строго обратился к Чаню: — Где Франсис Ксонк?

— Ах, какая преданность, — сказал Чань. Он почувствовал, как давящий холод тщетно пытается достичь его мозга, и рассмеялся. — И вам двоим даже не интересно, как мне удалось справиться с ней? Взгляните на себя в зеркало — может, передумаете...

Миссис Марчмур нацелила на Чаня свой хрупкий подбородок.

— Его сущность... вкусы Ксонка... близость.

— Куда он направился? — снова спросил Фелпс.

— А куда, по-вашему?

— Он заполучил книгу!

— Найдя эту молодую женщину! — воскликнул Аспич. — Она бежала на поезд! Ксонк знал, что нам не удалось ее поймать и захватить книгу...

Бессвязные слова полковника были именно тем, что требовалось Чаню, но пока он не мог связать их в осмысленное целое. Молодая женщина? Книга?

— Но как Франсис Ксонк мог узнать об этом?

Это был голос миссис Марчмур. Она сделала осторожный шаг вперед и повела кулечей правой руки.

— Я прочла его мысли, — продолжила она. — Франсис не обратил на нее внимания — он вообще никого не замечает. Я для него — шляха... полковник — напыщенный дурак... Кардинал Чань — бешеная собака, которую нужно отравить...

— А про детей он знал? — спросил Чань.

Она наклонила голову и внимательно посмотрела на него.

— Не знал...

Веки ее сомкнулись, а тело внезапно замерло. Фелпс и Аспич не сразу поняли, что внимание женщины сосредоточилось на чем-то другом, но при этом оба не знали, что им делать: то ли освободиться из-под власти своей повелительницы, то ли убить Чаня. Чань отменил Фелпса — чиновник был слишком вышколен, чтобы принимать самостоятельные решения, — а вот на Аспича посматривал с опаской. Но полковник тоже пребывал в неуверенности. Неужели болезнь выхолостила его солдатскую решимость? Женщина снова открыла глаза — один слой стеклянной луковицы отшелушился, обнажая другой; влажные синие губы искривились в гримасе отвращения.

— Дети в полном порядке. Их опекает капитан Тэкем, с которым, как я вижу, вы знакомы. Франсис Ксонк бежал из Харшморт-хауса, как побитая дворняжка.

— Ксонк изворотлив, — сказал Аспич. — Он опаснее скорпиона. Мы сильно рискуем, считая, что он повержен...

Чань почти не слушал. Это было похоже на работу интуиции во время схватки — подчиняясь некоему побуждению, устремляешься вперед, хотя здравый смысл велит отступить, бросаешься в атаку, когда любой бросился бы в бегство. В таких случаях боец моментально взвешивает все — положение своих рук и ног, тяжесть клинка, расстояние до каждого противника...

— Наши люди ведут наблюдение за Адриан-сквер, за городскими и загородными домами его брата, за его клубом, банком, портным, за Старым дворцом, его собственными номерами в «Каракалле»...

— В «Каракалле»? — переспросил Фелпс. — У него там номера?

— Да, — ответил Аспич.

— Но это отвратительно.

— Ну... не слишком пристойно.

— До чего это гадко, — гнул свое Фелпс, — до чего мерзко...

— Как и человек, о котором идет речь... — заметил Аспич.

Деревянный стул ударил полковника по ногам, но Чань, швыряя его одной рукой из-под стола, постарался сделать так, чтобы стул не отскочил в сторону миссис Марчмур. Аспич упал, вскрикнув от потрясения и боли, а когда попытался схватить саблю, Чань наступил на клинок. И опять Фелпс оказался слишком медленным: когда он поднял револьвер, Чань уже прикрывался Аспичем, взяв его за воротник.

Миссис Марчмур не шелохнулась.

— Пристрелите вашего человека, — прорычал Чань, — пока ему не пришла в голову

какая-нибудь мыслишка!

Фелпс наклонился и рухнул, как рассыпанная стопка посуды, лицо его сделалось пустым. Тело Аспича обмякло, так что Чань мог рассчитывать на его молчание и сотрудничество.

— У меня есть другие, — прошептала миссис Марчмур. — Они повсюду в доме. Бежать вы не сможете, даже не думайте.

— Кого бы вы ни позвали, они найдут только грудку стекла.

— Я могу приказать Фелпсу пристрелить вас.

— Попробуйте.

Он подхватил саблю Аспича и почувствовал отчаянное метание мыслей женщины. Два шага — и Чань схватил ее за голову.

— Если бы я решил покончить с вами, Маргарет, то бросил бы стул не в полковника.

Стеклянная плоть внушала не больше чувств, чем мрамор, а может, и меньше, ведь поверхностью мрамора хотя бы можно восхищаться. Взгляд Чаня проник внутрь на глубину, которую он не в силах был определить, в бездонный бурлящий колодезь.

— Конечно, Кардинал... вдруг мы сможем помочь друг другу... наверное, вам столько всего хочется узнать...

Чань усмехнулся, услышав просительные нотки в скрипучем, царапающем голосе.

— Зачем вы взяли детей Шарлотты Траппинг?

— Чтобы их мать стала сговорчивей, само собой.

— Зачем вам нужна сама Шарлотта?

Он снова ощутил присутствие стеклянной женщины, теперь более мягкое, словно дуновение надоедливой ветерка.

— Прекратите это, Маргарет. Отвечайте мне.

Холод отошел, но ее глаза внимательно смотрели на Чаня.

— Это же очевидно. Она была нужна мне, потому что Большой План зависел от поставки боеприпасов. Как иначе заручиться поддержкой Макленбурга, я уж не говорю о нашем собственном городе? Поскольку Генри Ксонк сошел с ума, а Франсис Ксонк — развалина, Шарлотта Траппинг занимает их место.

— Вы лжете.

— Как вы смеете?

— Когда ваши хозяева отбыли в Макленбург, Генри был таким же сумасшедшим, как сейчас, а Франсис был так же бесполезен... ничто не поменялось настолько, чтобы появилась нужда в Шарлотте. Всеми поставками боеприпасов заведовал выбранный лично Франсисом Ксонком Альфред Леврет, которого вы убрали со сцены. Но я спрашивал о другом. Я спрашивал, зачем вы похитили детей!

Голос Чаня зазвучал слишком громко, и он опасался, как бы в наступившей тишине не вмешался кто-нибудь из верных сторонников миссис Марчмур... а может быть, она во время этой паузы как раз старалась исключить такое вмешательство.

— Подумайте обо всем, что я могу рассказать вам, Маргарет, — прошептал Чань. — Ответьте сначала на первый вопрос. Вы послали Росбарта в ее дом...

— Шарлотта Траппинг — так, мелочь, — проскрежетала она, словно по фарфору провели гвоздем. — Но тут столько дел, что мне не справиться, — герцог, Совет, все приверженцы, ожидающие инструкций... слишком много задач... а я одна, без помощников...

— Без помощников? У вас все слуги фараона.

— Но они не должны меня видеть! Они поднимут мятеж! Разобьют мое тело!

— Это почему?

— Все они так же честолюбивы, как была когда-то я!

— Были? В прошлом?

— Вы и представить себе не можете, что сделали со мной!

— И что же? Лишь то, чего вы сами желали!

— Но столько изменилось... я не должна была остаться в одиночестве...

— Все мы одиноки, Маргарет.

— Нет, не все. — Голос ее вдруг зазвучал спокойно, и это встревожило Чаня. —

Некоторые счастливики всю жизнь остаются со своими возлюбленными...

Чань ощутил давление ее мысли, вторгавшейся в его ладонь, как ключ в скважину. Прежде чем он успел что-то сделать, явилось то самое видение Анжелики, которое повергло его на землю в саду. Чань тряхнул головой, но было уже слишком поздно. Когда он снова увидел комнату, тело полковника как щитом прикрывало миссис Марчмур. Чаня ничто не защищало от пули Фелпса, который твердой рукой целился в него. Как ей это удалось?

— Все, что вы можете мне рассказать? — с издевкой сказала она. — Начинайте, или Фелпс прострелит вам ногу.

— Очень бы этого не хотелось.

— Откуда вам известно про Леврета? Где он теперь? Мне нужны машины! Мне нужна энергия!

— Вам еще и книга, кажется, нужна. Книга Ксонка.

— Эта книга у нее. А она сама уже в моих руках. Я побывала в мозгах у вашей маленькой островной крысы — и оставила там метку. Вам понравится, когда у нее начнут выпадать волосы... или зубы? Интересно, вонь ее гниющего тела вызовет у вас большее отвращение, чем я?

Смех стеклянной женщины напоминал ломкий треск. Чаня бросило в жар от желания сломать эту изящную шею. Миссис Марчмур придвинулась еще ближе и снова прошипела:

— Как вам удалось воспротивиться мне?

— Я нахожу вас вульгарной, Маргарет, — ответил он. — И немного стекла тут ничего не изменит.

В ответ та направила всю свою энергию в его ладонь — не осталось ли еще стекла в ране? И снова Чань утонул в невыносимо сладких воспоминаниях Анжелики... и снова с почти невыносимой болью утраты извлек свой разум из этого потока...

Тяжело дыша, он поднял голову. Почему он еще жив? Аспич вогнал саблю в ножны. Чань отер рот тыльной стороной ладони, одетой в перчатку.

— Мадам, — начал Фелпс, — мы не должны позволять ему...

— Он хочет попросту прикончить всех нас, — прохрипел Аспич. — Он наш враг.

Женщина не ответила. Чань заглянул в ее пустые глаза и сделал шаг назад.

— И куда же вы собрались, Кардинал Чань? — прошипела она.

— Некуда ему идти, — сказал Фелпс.

— Не почивайте на лаврах. Чань — человек предприимчивый. — Он почувствовал ее отвращение, ее откровенную ненависть — все оскорбления от него навсегда впечатались в память женщины. — Он даже может уйти из Харшморт-хауса живым. Кто знает, когда мы

встретим его еще раз... и чего тем временем добьется каждая из сторон?

Стремительно двигаясь по лабиринту комнат и коридоров, он не встретил ни одного слуги или драгуна. Неужели стеклянная женщина убрала все препятствия с его пути?

Миссис Марчмур найдет мисс Темпл. Чтобы Селеста осталась в живых, Чань должен обменять ее на кого-нибудь равноценного. Его выпустили, чтобы он нашел Шарлотту Траппинг. Неужели эти люди мыслили так прямолинейно?

Чань на ходу поднес поврежденную ладонь ко рту, зубами сорвал повязку, шагнул в альковник с зеркальными стенами и вытащил бритву. Широко раскрыв ладонь, чтобы натянулась кожа, он погрузил квадратный уголок бритвы в рану и принялся легонько нажимать, пока кровь не потекла на пальцы. Металл коснулся чего-то твердого... Чань пошевелил лезвие и погрузился в настойчивые, пульсирующие воспоминания Анжелики. Он выворотил наружу последний осколок, мерцающий, влажный на плоском лезвии... все, что осталось от его любви. Потом встряхнул лезвие, и на зеркало полетели красные брызги, синий осколок упал непонятно куда. Больше его ничто не сковывало.

Чань добрался наконец до площадки размером около акра, выложенной черными и белыми плитками, — вход в Харшморт, перекресток, обычно полный слуг и гостей, но теперь безлюдный. Он вышел из дворца без приключений и спустился по широким каменным ступеням, уверенный, что за ним наблюдают. Во дворе одна за другой стояли пять или больше карет. Кучера сбились в кучку и смотрели на него.

Для Франсиса Ксонка коридоров никто не освобождал, но Чань был уверен, что тому удалось уйти. В библиотеке Чань, чтобы тратить меньше сил и беречь зрение, пользовался услугами библиотекаря. Нельзя так же воспользоваться и Ксонком? Тот в первую очередь хотел найти свою книгу, а следовательно, и мисс Темпл. Значит, Ксонк должен был последовать ее путем через сад, вынюхивать следы, как свинья трюфели... но драгуны Аспича прочесывали территорию между садом и береговой линией, от фермерских угодий до канала, и полковник, человек малопривычный, но знающий свое дело, наверняка послал патрули на станции Орандж-Канал и Орандж-Локс. И все же мисс Темпл не нашли. Как и Ксонка. Что он знал такого, чего не ведали преследователи? Поймав безразличные взгляды кучеров, Чань направился к ним.

Те настороженно отнеслись к человеку с самых низов — судя по его одежде. Но как только Чань оказался рядом, к их настороженности прибавился страх из-за шрамов незнакомца и его необъяснимо властных повадок. Вопросы его были такими конкретными, что лишь потом самые вдумчивые из кучеров поняли: они отвечали этому странному типу так, словно он был полицейским. Выяснив, откуда прибыла каждая карета и кого она везла, Чань спросил, не возвращались ли пассажиры на станцию. Оказалось, что не возвращались — никто из пассажиров даже не заговаривал об этом. Кучера ждали нового вопроса. Чань откашлялся.

— За мной, несомненно, наблюдают из дома — не смотрите на окна, вы там никого не увидите. И если бы кто-нибудь из вас повез меня на станцию, следом немедленно отправили бы другого. Поэтому я приношу извинения, что не смогу воспользоваться вашими услугами. Но буду очень признателен, если вы покажете, в какой стороне находятся каналы...

Говоря это людям, которых ждал немедленный допрос, Чань просто пытался выиграть время. Он прекрасно знал дорогу. И хотя каналы были естественной и даже разумной целью

для того, кто намерен сбежать из Харшморта, Ксонк наверняка постарается избегать их, ибо там будет полно драгун. Ксонк тоже не воспользовался услугами кучеров. Где искать его? Оставались конюшни.

Чань потрусил к хозяйственным постройкам, но демонстративно прошел мимо них — пусть те, кто наблюдает из окон, решат, что конюшни его не интересуют. Добравшись до следующего ряда сараев, Чань бросился вправо и припустил со всех ног, обогнул дальнюю стену, потом остановился и замер. Вскоре послышался топот ног по гравию и пропал вдалеке. Чань поспешил назад, вытаскивая бритву из кармана.

Можно было даже не раздумывать. Внутри, на груде соломы, в двух ярдах от входа, лежал ничком одетый в черное конюх. Дальше виднелось открытое пустое стойло. Чань почувствовал, что подошвы липнут к доскам под его ногами, и, сдвинув клок соломы носком в липкую жижу, увидел, что та — ярко-синего цвета. Он вздохнул. Лошади никогда не доставляли ему ни радости, ни удовольствия. Чань повернулся на шорох — в дверях стоял еще один конюх, явно собираясь звать на помощь.

— Тихо! — прорычал Чань. — Кто это сделал?

Недоумевающий конюх посмотрел на своего напарника, потом снова на Чаня.

— Но... я... вы...

— Если бы это сделал я, меня бы здесь уже не было. Тут стояла лошадь, да? Он ее увел?

Конюх безмолвно кивнул.

— Седло! Еще одну лошадь! Твой приятель оправится, — твердо сказал Чань. — Я должен поймать этого негодяя — это наша единственная надежда. Давай скорее — или нам конец!

Конюх бросился делать, как ему велели, а Чань рискнул высунуться наружу. Никто не вернулся, чтобы искать его здесь. Он перевернул неподвижно лежащего беднягу. На ободранной челюсти виднелись белые гипсовые крошки. Чань легонько хлестнул парня по щекам и отошел в сторону — пусть приходит в себя сам.

Несколько минут спустя к нему подвели оседланную кобылу. Чань осмотрел ее и мрачно кивнул (что он понимал в лошадях?), а потом попытался с первой попытки запрыгнуть в седло с правильной стороны. Когда ноги Чаня утвердились в стремях, конюх вывел животное из конюшни и показал единственный возможный для Ксонка путь, а затем шлепнул кобылу по крупу. Та понеслась пулей. Чань сжимал коленями корпус лошади, чтобы не вывалиться из седла, каждую секунду ожидая, что голова его расколется наподобие арбуза.

Вскоре мощный двор уступил место поросшей травой тропинке. За границами имения тропинка раздваивалась, и левая явно вела к станции Орандж-Канал. Чань остановил кобылу, натянув поводья и неуверенно (так как сомневался, что сможет как надо спрыгнуть на землю и снова сесть в седло) проехался сначала по одной, потом по другой тропе. Если Ксонк поскакал на станцию, значит, он решил вернуться в город. Но без аппаратов графа Ксонк был обречен, и город означал для него верную смерть. Прошло несколько минут, и Чань, постоянно оглядывавшийся через плечо — не видно ли драгун, — на яркой траве северной тропинки увидел синюю лужицу, похожую на помет экзотической птицы. Чань ухватился покрепче за поводья и ударил лошадь каблуками.

Он понесся по лугам. Там и сям виднелись корявые яблоньки: когда-то здесь простирался фруктовый сад, ставший жертвой непредсказуемых наводнений. Ему вспомнилась схватка со стеклянной женщиной, издевательское словцо —

«предприимчивый»... Чаню хватало соображения, чтобы понимать: пока у нее остаются надежды заполучить Шарлотту Траппинг, мисс Темпл будет жива. А вдруг мисс Темпл смогла убежать? Она была в саду, а Чань, ослепленный своим приступом, ее не увидел. Потом миссис Марчмур получила пулю в руку, потом все бросились хватать его и Ксонка, и на это ушло минут пять, если не десять. Имея такой запас времени, как далеко можно уйти от исполненных решимости профессиональных солдат? На этих дюнах, среди травы, она бросалась бы в глаза, как лиса на крокетной площадке.

Чань все скакал по пустошам. Миссис Марчмур (две недели назад она еще была шлюхой по имени Маргарет Хук) стала самым ярим его врагом. Да, она была уязвима и вспыльчива, но быстро училась. Она подмяла под себя правительство, отправила Тэкема на поиски пассажиров дирижабля и была готова пожертвовать кем угодно. Недооценивать ее было бы безумием — как и подходить к ней ближе, чем на сотню ярдов, не защитившись оранжевыми кольцами. Женщина? Да... когда-то. А теперь — омерзительная тварь, созданная большим человеческим воображением. Кто знает, когда она станет совершенно неодолимой?

В его памяти вспыхнули слова... ее слова... «нужны машины... нужна энергия...». Чань понял слово «энергия» в широком смысле, как заряд сил, чтобы властвовать над кликой приверженцев. Но что, если имелось в виду другое? В лаборатории графа были картины, химикалии, бумаги, его знания. В камере «собора» стояли машины, но ведь туда еще поступала энергия, питавшая их — через фантастическую систему трубопроводов, печей и бойлеров. Кто бы ни завладел этими машинами, они будут бесполезны без соответствующего источника энергии.

И тут Чань понял, куда направился Ксонк и где его найти. Ключ к отгадке был в бороздах от взрыва фугаса. Взрывчатку доставил Альфред Леврет — тот самый, который руководил работой завода около Парчфелдт-парка, специально переоснащенного под машины графа... машины, которые, несомненно, уже доставлены по новопроложенному каналу и готовы к запуску.

Луга тянулись еще мили три, и Чань начал беспокоиться за лошадь. Ничего не зная о возможностях этих животных, он перешел на шаг. Впереди показалась полоса берез, высаженных на границах имения, хотя все земли в округе ради спокойствия Вандаариффа были захвачены его агентами. За березами шла настоящая дорога, у которой стояла гостиница. Чань свернул и подвел лошадь к лотку с водой. Он рассуждал про себя, соскочить ли с седла самому или нет, когда из дома выбежал мальчик с кружкой пива и стеганым куском материи, подал кружку Чаню и сразу же принялся протирать лошадь. Понимая, что роли распределены и от него требуется лишь пить пиво, Чань присосался к кружке, внезапно поняв, что его мучает жажда. Он вернул мальчику кружку — маленькая, но все же радость, и полез в карман плаща за монеткой, одновременно спросив ленивым голосом, куда ведет эта дорога. Оказалось, одним концом она упиралась в Орандж-Канал, а другим — к одиноко стоящим береговым укреплениям в Максим-Ледуке. Чань вслух заметил, что в гостинице, верно, немного постояльцев, и мальчик покачал головой, принимая потускневший старый флорин: за этот день не въехал ни один. Чань ударил лошадь каблуками под бока и чуть не свалился на землю — кобыла рванула с места в карьер. Он с ужасом подумал о том, как выглядит со стороны, но все же главной его заботой было не свалиться на землю.

Чань проскакал по небольшому деревянному мосту — на том и другом берегу

мальчишки удили рыбу в тростниках. Он хотел было спросить у них про Ксонка, но предпочел не сражаться с лошадьё, не выказывавшей желаниа останавливаться. Дорога шла теперь вверх по склону невысокого холма, на вершине которого Чань приподнялся в стремениах и увидел в несколько милях впереди зеленый массив — видимо, Парчфелдт-парк. Дорога пошла вниз среди леса, еще более густого, чем Парчфелдт. Стало холоднее.

Чань решительно натянул поводья, перейдя на шаг, достаточно медленный, чтобы внимательно поглядывать по сторонам. Если Ксонк знал, что за ним снаряжена погоня, то лучше места для засады, чем здесь, было не придумать. Чань пытался припомнить, что еще знает о Парчфелдте — из газет, карт и рассказов Элоизы о домике ее дядюшки... Элоиза... он совсем забыл о ней!

Где теперь Элоиза? Откровенно говоря, Чань не ожидал, что увидит ее еще раз — как и десятки других людей, с которыми сталкивался по своим неприглядным делам: вдова Когсалл... старый корабельный писарь... аптекарь, обитавший в подвале... русская повариха... или она была венгеркой? В памяти ярко отпечаталась рана на ее руке — дюймовый шрам от соприкосновения с плитой. Рваным обрывкам воспоминаний соответствовало разнообразие оттенков леса — столько непохожих друг на друга деревьев, что Чаню казалось, будто прежде он не видел ни одного из них. Но живая гуща леса погружала Чаня в еще более глубокие размышления. Он поднял воротник — становилось зябко. Влага здесь впитывалась в землю, которая дышала холодом, пронизывавшим до костей. Природе человеческие желаниа должны были казаться чем-то мимолетным и несостоящим вроде слепых надежд лисы на своих лисят или жаворонка — на содержимое хрупких яичек.

Дорогу преградили низкие кованые ворота, за которыми виднелись деревянная пристань и выложенный кирпичом берег канала. Чань тщетно прислушивался — не донесутся ли голоса или другие узнаваемые звуки, — потом крепче ухватился за седло и спрыгнул на землю. Он похлопал лошадь по шее (на его глазах так делали другие наездники) и пошел к воротам.

Щеколда ворот — без замка — была липкой на ощупь; Чань представил себе, как Ксонк оттирает рот рукавом, а вязкая жидкость капает на металл. Он набросил поводья на столбик ворот, чтобы без помех разведать обстановку. Моста нигде поблизости не замечалось, как и дорожки, ведущей к мосту где-нибудь ниже по течению. Чань взгляделся в черную вихрящуюся воду, не без отвращения увидев собственное отражение. Никаких следов Ксонка или его коня не обнаруживалось, а следовательно, тот не бросил скакуна. Может, он переплыл канал прямо на лошади? Высота берега составляла фута два — легкий прыжок. Правда, как выбраться на другой стороне? Чань оглянулся на послушную кобылу, наблюдавшую за ним спокойными карими глазами, и вздрогнул, а затем, подняв очки на глаза и прищурившись, всмотрелся в другой берег. Неужели такое возможно? Ксонк, как джентльмен, смог бы заставить самую безумную лошадь совершить невероятное...

На другом берегу была такая же деревянная пристань, от которой отходила тропинка. Чань присел. Под пристанью висела какая-то металлическая конструкция... После секундной рассеянности Чань опустил голову и, посмотрев под пристань со своей стороны, увидел металлический рычаг. Повернув его, он отскочил в сторону — через черный канал стал перекидываться мост, соединившийся с конструкцией на противоположной стороне. Силы удара вполне хватило бы, чтобы насадить на вертел кабана. Чань встал и с неприязнью

посмотрел на мост: шириной не более ярда, он, казалось, не выдержит человеческого веса, не говоря уже о лошади. И тем не менее на средней доске он увидел еще одну сверкающую лужицу — когда мост сводили и разводили, по нему растеклась синяя жидкость.

Кобыла перебралась на другую сторону так же беззаботно, как несла неумелого седока. Лишь с третьей попытки Чань снова забрался в седло, но лошадь терпеливо вынесла это.

Узкая тропинка вилась, огибая деревья, вверх по склону холма, где встречалась с более широкой проселочной дорогой, усыпанной опавшими листьями. Чань, как мог, попытался по угасающему свету определить направление дороги, сориентироваться относительно завода или того места, где по его предположениям (Чань плохо помнил карту) завод примерно должен был находиться. Он ударил кобылу каблуками в живот, перейдя на рысь. Смеркалось, и времени, чтобы убедиться, прав он или нет, оставалось немного. Приходилось поторапливаться.

Дорожка уходила все глубже в лес, потом стала огибать руины — разломанные ограды, дорожные столбы, остатки стен; все это порождало в Чане грызущее беспокойство. Тропинка обогнула покосившуюся сторожку, но никаких признаков особняка не наблюдалось. И следов Ксонка — тоже. Чань продолжал путь, все еще надеясь добраться до завода Де Грута. Но кого он там найдет? И что там делать? Уничтожить машины? Позаботиться, чтобы болезнь Ксонка свела его в могилу? Чтобы исчезло все, оставшееся от графа? Чань ощутил досаду при мысли о том, что он здесь вне своей привычной среды обитания, а доктор и Элоиза (может, даже совсем рядом) сидят с чашками чая перед теплым камином: женщина застенчиво моргает, а доктор безуспешно старается оторвать глаза от расстегнутой верхней пуговички на черном платье. Чань чуть не вывалился из седла, крепко ухватился за гриву кобылы и зарычал.

Подняв голову, он увидел что-то краем глаза и опустил очки на кончик носа: извилистый белый дымок почти сливался с цветом сгущающихся сумерек, и поначалу Чань даже не разобрал — облако это или дым. Он неловко выскользнул из седла и увел кобылу с дороги. Накинув поводья на низкую ветку, он удовлетворенно посмотрел на сочную траву у дерева — лошадь не останется голодной — и закатил глаза, восхищаясь собственной заботливостью.

Впереди крутой обрыв спускался к журчащему ручейку, по берегам которого виднелись широкие полосы заиленной земли. Обходя прутья и низкие ветки, Чань соскользнул вниз по влажному слою прошлогодних листьев и оказался в узкой расщелине, откуда вроде бы поднимался дымок. Предполагая, что тут развели костер лесники или охотники, он с удивлением увидел остатки наружной стены поместья, увитой плющом, который словно вознамерился вернуть камни в исходное состояние. За стеной раскинулся заброшенный сад, заросший сорняками. За садом виднелся остов кирпичного дома без крыши, с пустыми глазницами окон... но из его трубы поднимался дымок.

Пройти без шума по запущенному саду было невозможно, поэтому Чань принялся красться вдоль стены, погружаясь по щиколотки в черную жижу. Ручей впадал в неухоженный пруд, выложенный камнем. Когда-то вода вращала мельничное колесо — теперь оно, полусгнившее, завалилось набок. Поверхность пруда поросла ряской, похожей на жабью слюну, над водой висела туча комаров. На насыпи около руин дома имелась небольшая площадка, выстланная плиткой, по которой можно было бесшумно подкрасться к

дому.

Чань обследовал заднюю сторону дома: два окна с дверью между ними, одно заколочено досками, другое завешено клеенкой. Он поднял глаза на дымящую трубу — скорее всего, здесь нашли прибежище цыгане или ночевали охотники. Отличное место для Ксонка, чтобы сделать временную остановку... однако никаких следов копыт не было видно. Чань приблизился к занавешенному клеенкой окну. Меньше всего ожидал он услышать женский плач.

* * *

Ну-ну... — Это был голос мужчины, неуверенный и низкий. — Ну-ну...

— Я в порядке, спасибо, — прошептала женщина. — Прошу вас, садитесь.

Скрип стула, потом снова тишина. Чань потянулся к клеенке, но замер, услышав новые шаги.

— Чай. По чашке на каждого, — проговорил кто-то отрывисто: еще одна женщина. За простыми словами слышались усталость и нетерпение.

Спасибо, — поблагодарил мужчина и тут же вскрикнул.

Горячий, — сказала вторая женщина. — Возьмите за ручку. Лимон с вербеной. — Сделав глоток, женщина горько вздохнула. — Совсем некрепкий.

— В самый раз, — возразила первая.

У Чаня мурашки побежали по коже. Он знал ее. Почему она плакала? И кто этот мужчина?

— Придется довольствоваться тем, что есть, — язвительно отозвалась вторая. — Я родилась не для того, чтобы заваривать чай... да еще в таком чайнике и на таком огне. И не для того, чтобы жить той жизнью, какой жила раньше. Хотя, на самом деле, что изменилось? Разве меня не перекидывают, как мячик, те, кто посильнее?

Двое других обитателей домика промолчали.

— Я вовсе не хочу сравнивать мои утраты с вашими, — продолжала женщина. — Про ваши я до конца не понимаю... а разве люди вообще понимают друг друга? Если исходить из ваших рассказов и моих догадок — я все же способна мыслить логически, — непонятно, почему вы в таком отчаянии. В самом деле, Элоиза, это невыносимо.

— Прошу прощения.

— Да сколько можно?! Вы столько нарасказывали о памяти и забывании, и так серьезно... хотя серьезность, конечно, говорит в пользу человека, если она в пределах разумного... но мы оказались здесь из-за вас — сломя голову покинули вполне приличное жилище. Уже почти темно — и, полагаю, нам придется провести здесь ночь! Столько неудобств!

— Конечно.

— Да. Но плачете-то вы! Это плохо кончится.

Элоиза не ответила. Чань понимал, что вторая женщина испугана, несмотря на высокомерный тон.

— А кто был этот человек, вы говорите? Этот тип?

— Доктор Свенсон, — тихо ответила Элоиза.

— Ах да, человек принца. Господи милосердный...

— Он не раз спасал мою жизнь.

— Значит, между вами такие тесные отношения. Или вы так все помните, — сухо добавила женщина.

— Он спас меня от Франсиса.

— Зачем Франсису убивать вас?

— Шарлотта...

— Зачем Франсису убивать кого-либо из нас? Что за чушь!

— Шарлотта. — Элоиза смиренно вздохнула. — Шарлотта, это неправда.

К удивлению Чаня, Шарлотта Траппинг рассмеялась.

— Ну а я что говорю?! — Она весело хохотнула. — Может, я тоже кое-чего смыслю!

— Шарлотта...

— Прекратите нести чепуху! Этот ваш дорогой друг — сколько вы уже дружите? целых десять дней? — живехонек.

Ну, оставили его там — ничего с ним не случится. И забудем о нем. А что бы вы хотели вместо этого, Элоиза? Унести на крыльях любви? После всего, что вы сделали?

— Сделала для вас...

— Вы говорите об этом так часто... что я уже готова вам поверить. А вы ей верите?

Этот последний вопрос был обращен к мужчине.

— Она хорошенькая, — мягко ответил тот.

Шарлотта Траппинг фыркнула.

— Хорошенькая! А какая девушка не хорошенькая? Я тоже была хорошенькой — и посмотрите, что со мной стало! Элоиза, неужели вы и в самом деле думаете... к тому же он немец...

— Он очень порядочный...

— Порядочный! — радостно вскрикнула миссис Траппинг. — Так можно назвать разве что священника! Элоиза, женщина не должна возлагать надежды на человека, которого жалеет.

— Я его не жалею. Доктор Свенсон...

— Он мне показался... даже не знаю... довольно хлипким.

— Он был ранен!

— Ничуть не похож на Артура. Артур был дюжим, широкоплечим. Вашего доктора даже в форме — хотя она была ужасно истрепана — не назовешь широкоплечим. Но хуже всего, что волосы у него отвратительно светлые... У Артура такие густые баки, а у доктора, наверное, волосы там вообще не растут. Вам ведь тоже нравились плечи Артура и его баки. Разве нет, Элоиза? Помню, вы говорили что-то в этом роде... может быть, вы не знали, что я слышу. Но я, видите ли, старалась слышать все...

— Да, Шарлотта...

— Артур. Мой муж обещал спасти меня, но он никогда не понимал, что обещает.

— Я прошу прощения, Шарлотта...

— Все всегда и за всё просят прощение.

— Но не Франсис, — заметила Элоиза.

На это Шарлотта Траппинг ничего не сказала.

— Чай горячий, — тихим голосом сказал мужчина, казалось выжидавший время, чтобы заговорить; женщины не обратили на него внимания.

Чань двумя пальцами ухватил кончик клеенки и с ледяной медлительностью отвел уголок в сторону. Элоиза сидела на стуле с отломанной спинкой. На ней было прежнее черное платье, к которому добавилась темная шаль. Волосы ее кудрявились от влажного лесного воздуха и нелегкого путешествия, глаза смотрели потерянно. Чань раньше не видел в них такого выражения, даже во время решительной схватки в дирижабле. Обычная пелена доброты и заботливости исчезла, уступив место откровенной, горькой ясности.

Справа от нее, на полусломанной скамье с матерчатой обивкой, крепко сжимая в ладонях все еще дымящуюся кружку чая, сидел Роберт Вандаарифф — без шапки, в черном пальто с шелковыми лацканами, в заляпанных грязью туфлях и брюках, какие носят фермеры-овцеводы. Как у ребенка, лишённого родительской заботы, волосы у магната были нерасчесаны, а галстук перекосялся.

Шарлотта Траппинг сидела спиной к Чаню — ей явно достался единственный целый стул в доме. Волосы ее, освещенные каминным пламенем, были светлые с рыжинкой (не знай Чань ее брата, он решил бы, что Шарлотта красится хной). Поверх теплого неприталенного платья был хорошо скроенный жакет синей шерсти. Рядом со стулом стоял кожаный чемодан, лежали длинные перчатки и шляпка — все это свидетельствовало о том, что миссис Траппинг готовилась к путешествию и возможным трудностям. Запястье оттягивала сумочка из узорчатого бархата. Когда миссис Траппинг подняла кружку, сумочка звякнула, словно была набита китайскими игральными костями. Рядом с Вандаариффом лежало что-то, неловко завернутое в одеяло и перевязанное шпагатом.

— Значит, вы видели Франсиса, — заметила Шарлотта Траппинг.

— Видела, — ответила Элоиза. — А вы видели вашего брата Генри?

Миссис Траппинг махнула рукой в сторону Вандаариффа и презрительно фыркнула.

— О Генри никто и слезинки не прольет, — сказала она, а потом продолжила как-то уж слишком беззаботно: — Я не знала, что Франсис жив.

Элоиза не ответила, и Чань еще раз отметил мрачную жесткость ее взгляда. Видимо, миссис Траппинг тоже заметила это, потому что она неодобрительно пробормотала:

— Я думала, что Франсис вам нравится...

— Шарлотта... ваш брат Франсис... изменился...

— Вы о нем ничего не знаете, Элоиза. Франсис всегда меняется, он полная противоположность Генри. Жаль, что вы не знали его до школы. Или до какого-нибудь из его знаменитых путешествий. Всякий раз по возвращении он казался совершенно другим. И всякий раз заводил новых друзей, даже не подозревая, каким странным или рассеянным он стал. Казалось, будто целые части его характера исчезают одна за другой... будто он отдает их за... не знаю... за что-то. И что же он мог предъявить взамен... как бы ни хвастался? Земли? Титул? Я вам скажу, Элоиза. Вот он, Франсис: ничего, кроме новых грязных историй... новых грязных выходов...

— Но я о другом, Шарлотта. О физических изменениях. Это чудовищно...

— Слушайте, Элоиза...

— Никакие капризы и жестокости тут ни при чем — я говорю о синем стекле!

Миссис Траппинг сложила губы трубочкой и недовольно прихлебнула из кружки.

— Меня от синего стекла уже тошнит. Верно ли, что главный мерзавец мертв?

— Граф? Да.

— И кто его убил?

— Кардинал Чань.

Миссис Траппинг фыркнула.

— Вы не ошиблись? А не мой брат, случайно?

— Ваш брат и граф были союзниками!

— Сильно сомневаюсь. — Миссис Траппинг усмехнулась. — Франсис не из тех, кто держит обещания. Он никогда не был истинным другом графа! Да и можно ли его за это порицать? Мне никогда не нравилось, как от него пахнет. Как от русского... считается, что русские...

— Шарлотта...

— Если вы будете разговаривать со мной в таком тоне, миссис Дуджонг, то я откажу вам в убежище, даже в этих жалких развалинах! Мы обязаны своей свободой — а вы еще и своим спасением — тому, что я узнала все возможное о синем стекле, об этой якобы алхимической женщине и этих будто бы всемогущих книгах. Я их и не видела, как вы знаете, но свою часть работы я проделала. Поверите ли, что в детстве я всегда обыгрывала Франсиса в шахматы? И Генри тоже... если он соглашался сыграть со мной, что случалось очень редко, потому что он ненавидел проигрывать. Думаете, я торчала на этих жутких приемах в Харшморте, чтобы продемонстрировать свой гардероб? Я наблюдала за Генри и изучала Роберта Вандаариффа. А посмотрите на него сейчас, Элоиза! Он был хитрее Генри, даже хитрее Франсиса, хотя, конечно, и без его appetitov...

— Я видела, как Франсис получил пулю в грудь. И он тем не менее жив.

Миссис Траппинг промолчала.

— Я думала, он мертв, — продолжила Элоиза. — Мы все так думали. Лежит на дне моря. Но потом появились свидетельства, Шарлотта, вскрылись убийства... невинных людей... ужасные нападения, и все было обставлено так, словно виноваты волки. Потом я сама видела его. Он отравил себя, чтобы остаться в живых. А единственный человек, который мог бы вылечить его, мертв. Это все безнадежно. Бросьте это и возвращайтесь домой. У вас есть другие обязанности. Вы нужны Франческе, Чарльзу и Рональду. Больше у них никого нет.

Миссис Траппинг по-прежнему молчала.

— Извините, — продолжила Элоиза. — Я знаю, как... как... как...

— Кто в него стрелял?

Лицо Элоизы резко исказилось. Миссис Траппинг не слышала ни слова из сказанного ею.

— Шарлотта...

— Кто стрелял в моего брата Франсиса?

— Это сделал доктор Свенсон, — выдавила Элоиза.

Миссис Траппинг встала и выплеснула свой чай в лицо женщины.

Решив, что лучшего шанса не будет, Чань ухватился обеими руками за раму, прыгнул в дом, разорвав клеенку, и приземлился на корточки. Шарлотта Траппинг повернулась к нему, явно сожалея, что поторопилась выплеснуть чай. Вандаарифф тоже встал, но лишь из солидарности с Шарлоттой, безвольно наблюдая, как поднимается Чань, как выхватывает бритву из кармана.

— Это Кардинал Чань, — быстро сказала Элоиза и сделала упреждающий шаг к миссис Траппинг.

— Он что — тоже ваш любовник?

— Шарлотта, отойдите от окна.

Элоиза мягко протянула руки, чтобы взять миссис Траппинг за локоть, но женщина, почувствовав ее прикосновение, резко вырвала руку.

— Значит, вы убили этого мерзавца графа! — крикнула она Чаню. Глаза ее ярко горели. — Можно сказать, избавили меня от этого труда, но выбрали самое неподходящее время. Я что — должна испугаться вашего грозного вида? Но я вас не боюсь. Что вы собираетесь делать этим инструментом?

Она кивнула на бритву. Чань посмотрел на свою руку так, будто не знал, что в ней.

— Это? Я думаю, что вытащил ее бездумно, как животное. Или потому, что не хочу разделить судьбу доктора Свенсона. — Чань пинком послал стул миссис Траппинг в другой угол комнаты, отчего обе женщины вздрогнули. — Вы сядете и будете сидеть вплоть до другого распоряжения.

Женщины подчинились. Элоиза суетливо поправила стул и провела ладонью по сиденью. Чань смотрел на нее с отвращением, недоумевая, что заставило ее бросить доктора, который спас ей жизнь, ради своей хозяйки. Он повернулся к Вандаариффу, который продолжал стоять с выражением тупой озабоченности.

— Садитесь, лорд Роберт.

Вандаарифф сел. Чань взял кружку из его рук и допил чай, потом вернул ее, благодарно кивнув.

— Вы настоящее животное... — начала было Шарлотта Траппинг.

— Помолчите! — прорычал Чань и повернулся к Элоизе. — Где мисс Темпл?

— Как вы здесь оказались?

— Вытрите лицо и отвечайте на мои вопросы.

— Элоиза, не смейте ему ничего говорить.

Чань выбросил вперед руку и полоснул наискосок по жакету миссис Траппинг, надеясь, что бритва не прорежет китовый ус корсета. Синяя ткань разошлась — женщина и слова не успела сказать.

— Молчите, пока я к вам не обращусь. Мы еще поговорим, обещаю, потому что с вашим братцем я уже беседовал. Элоиза?

Элоиза впервые с момента появления Чаня посмотрела в черные стекла его очков кислым, побитым взглядом.

— Я оставила мисс Темпл в Карте. Мы расстались. Мы с ней поссорились. Там была графиня. И Ксонк. Если вы в самом деле видели его...

— Видал.

— Я думаю, он принял меня за графиню. Он напал на меня — ударил осколком стекла...

— Элоиза, — пробормотала Шарлотта Траппинг, — что вы делаете...

Но Элоиза уже расстегнула третью пуговицу, прямо между грудей, и раздвинула платье. Чань увидел импровизированный бинт и пятно крови размером с монетку.

— Доктор нашел меня...

— А что Свенсон делал в Карте?

— Понятия не имею. Он ушел из рыбацкой деревни вскоре после вас... мы поссорились...

— Элоиза со всеми ссорится, — прошептала миссис Траппинг.

— Придя в себя, я обнаружила, что еду в поезде. Доктор извлек из меня стекло. Он спас мне жизнь...

— Еще раз, — сказал Чань.

— Еще раз, — с несчастным видом повторила Элоиза.

— Мне он показался довольно хлипким, — прошипела миссис Траппинг.

— Шарлотта, прошу вас! — еле слышно воскликнула Элоиза.

— Франсис Ксонк тоже ехал этим поездом, — сообщил Чань.

Миссис Траппинг подняла взгляд.

— И графиня, — вздохнула Элоиза. — Она пряталась в товарном вагоне. Поезд остановился в Парчфелдте, и тогда она сбежала, а мы с доктором отправились на ее поиски. Когда мы в последний раз видели Франсиса, его рвало у вагона. Графиня побежала в парк. Абеляр решил, что мы должны идти за ней.

— А вы? Вы хотели идти за ней?

— Пожалуй, мне больше хотелось умереть, — вздохнула Элоиза и закрыла лицо руками.

Чань смотрел на несчастную Элоизу. Горестный вид женщины только усиливал желание полоснуть ей бритвой по лицу. Но вместо этого Чань подошел к перевязанному свертку, взмахнул бритвой и разрезал одеяло, под которым засверкали краски холста. Итак, Шарлотта отправилась в Харшморт, сожгла лабораторию, забрала картины, захватила Роберта Вандаариффа — и сделала все это своими руками. А Чань-то принимал ее за этакую простушку. Он вскинул голову, встретил яростный, решительный взгляд ее неприятно зеленых глаз, таких же, как у брата, и вспомнил рассказ Ксонка о том, что средний ребенок унаследовал интеллект всевластного отца. Из только что подслушанного разговора ему стало ясно, что эта женщина капризна, жестока, одержима гордыней... то, что она оказалась здесь, доказывало ее храбрость и решительность... а то, что в ней текла кровь Ксонков, означало, что она, возможно, не в своем уме.

Но он еще не закончил с Элоизой Дуджонг.

— И где теперь доктор? — резко спросил он.

— Мы оставили его в доме моего дяди.

— Предварительно оглушив, — добавила миссис Траппинг.

— Он там в безопасности, — быстро сказала Элоиза. — В доме тепло, там есть еда, дрова и кровать... Господь знает, он заслужил избавление от всего этого... от меня...

— Наверняка он чувствует то же самое, — заметил Чань.

— Он жив, — высокомерно сказала Шарлотта. — Хотя и не должен жить.

— И как долго, по-вашему, он будет там оставаться? — спросил Чань, обращаясь к Элоизе и словно не замечая миссис Траппинг. — И куда пойдет оттуда? Принц мертв. Макленбургские власти объявили доктора преступником. Наше правительство сейчас в руках его врагов, оно будет счастливо схватить и казнить его. Вряд ли у него есть деньги. Иностранец без гроша в кармане, преследуемый властями? Вашему Абеляру крупно повезет, если первый же шериф не повесит его на месте.

Элоиза принялась рыдать, прежде чем он успел закончить.

— Вы такой уродина, смотреть страшно, — заметила миссис Траппинг.

Чань взял Элоизу за подбородок и поднял ее голову так, что их глаза встретились.

— Я был в вашей комнате — я знаю. Вы с самого начала шпионили для Ксонка? Или для графини?

— Кардинал...

— Конечно, об этом не стоило говорить! Когда люди вокруг умирали! Когда спасали вашу жизнь!

Чань резко оттолкнул ее.

— Каролина Стерн вызвала вас обеих в отдельный кабинет отеля «Сент-Ройял», — продолжал Чань. — Почему вы выполняли приказы графини — она вас шантажировала? Или тут было что-то еще? Что она требовала в обмен на молчание? Кого еще вы предали?

Слезы текли по щекам Элоизы. Чань повернулся к миссис Траппинг.

— Может быть, вы скажете? В вашей памяти, кажется, нет пробелов.

— Я вполне в состоянии рассказать вам о Каролине Стерн, — сказала Шарлотта Траппинг. — Но объясните мне, с какой стати я должна это делать.

Чань иронически подумал: беспечное пренебрежение его гневом означало, что Шарлотта впервые по-настоящему поняла, насколько он опасен. Может, наследственное упрямство заставляло ее бросать вызов смерти (и вот ведь незадача — только смерти, не меньше)?

— Это наши семейные проблемы, — холодно добавила она. — Зачем вас посвящать в них?

— Я уже в них посвящен.

— Но что вами движет, сэр? В чем причина? Этот самый доктор? Или месть? Или, — Шарлотта обвела взглядом его истасканную одежду, — все дело в деньгах?

Чань с трудом сдержался, чтобы не хлестнуть ее по лицу.

— Я здесь, потому что кое-кто пытался меня убить. Кое-кто вроде вашего брата.

— Но он же вас не убил. Не знаю, чего вы так боитесь... вы, верно, не промах, если ушли от Франсиса. Скажите, куда он отправился, какие у него планы?

— Чтобы вы помогли ему?

Шарлотта улыбнулась чуть ли не по-девчоночьи.

— Нет, я этого не говорю...

Эта женщина была несносна.

— Когда вы в последний раз видели своих детей? — спросил Чань.

Миссис Траппинг не ответила, сразу же поняв, что означает этот вопрос.

— Во всем виноват этот ужасный тип, — прошептала она. — Ноланд Аспич. Всегда высматривает, и так недобро... он никак не хотел смириться с тем, что Артур — его начальник...

— Вообще-то он нанял меня, чтобы я убил вашего мужа, — сухо сказал Чань.

— Что?

— Чань не убивал Артура, — быстро вставила Элоиза.

— Но... этот человек... он нанял вас...

Чань улыбнулся.

— Вашего мужа ненавидели.

— Простите...

— Ваш муж был низким негодяем.

— Но... какое бесстыдство... какая наглость...

— Шарлотта! — воскликнула Элоиза. — Ваши дети! Мог Франсис забрать их?

— Конечно нет! Зачем ему ставить под угрозу...

— Шарлотта!

— Я не знаю!

Обе женщины повернулись к Чаню. Сообщить им то, что было известно ему, означало закончить допрос и установить союзнические отношения. Нужно ли ему было это? Или ему было все равно? Что двигало им? Разве он не пытался ответить на этот вопрос с самой первой ночи в лачуге рыбака? Почему он до сих пор не вышел из этого дела? Он подумал о докторе с проломленной головой и разбитым сердцем, о мисс Темпл, бегством спасающейся от смерти, плененной или уже убитой. Он посмотрел на двух женщин, на сверток с картинами, на богача-маразматика — вот они все, как последние цыгане, сидят среди этих развалин.

— По распоряжению Тайного совета ваших детей посадили на поезд и доставили в Харшморт-хаус. Приказ исполнил капитан Тэкем.

Глаза Шарлотты сощурились.

— Дэвид Тэкем делал мне авансы на полковом собрании. Он даже не был пьян. Он подлая гадюка.

— Они все еще в Харшморте? — спросила у Чаня Элоиза.

— Разве я в Харшморте?

— Франсис их видел?

— Не знаю.

— Он говорил о них? — настаивала Элоиза. — Высказали, что между вами был разговор. Он не упоминал о них?

— Ни слова.

— Что он сказал? — Этот вопрос задала миссис Траппинг, но голос ее теперь звучал холодно.

— Почти ничего, что стоило бы повторить, — ответил Чань. — Синее стекло лишило его разума.

— Кардинал, прошу вас! — воскликнула Элоиза. — Франческа! Мальчики! Где дети теперь?

— Нет, — отрезал он. — Расскажите мне о Каролине Стерн.

За окном раздался всплеск. Чань развернулся в ту сторону, пытаясь уловить все необычное на фоне шумов ночного леса (пока они говорили, наступила ночь), но для него все эти звуки были чужими. Чьи осторожные шаги заглушало журчание потока, обтекающего сломанное мельничное колесо?

Чань повернулся назад и тут же откинул голову со сноровкой, которой позавидовал бы бойцовый петух. Кирпич, брошенный Шарлоттой, пролетел в дюйме от его лица. Чань схватил ее за запястье. Будь бритва в его правой руке открыта, он не удержался бы и инстинктивно взрезал ей шейную вену. Но поскольку бритва была сложена, он просто ударил женщину в челюсть, отчего та упала на пол с протестующим, мучительным воплем. Он посмотрел на Элоизу, которая стояла, прижав обе руки ко рту.

— Я не видела, что она делает! — прошептала она. — Ах, Кардинал Чань! Шарлотта, вы просто дура!

Она подошла к своей хозяйке, распростертой на полу и судорожно подергивавшей ногами, потом подняла широко раскрытые глаза на Чаня.

— Кардинал!

Дверь распахнулась, а в окне возникли три драгуна с карабинами, которые тут же

нацелились в грудь Чаню. В дверях вырос офицер с саблей наголо. За офицером виднелись силуэты еще как минимум десятка солдат.

— Брось то, что у тебя в руке, — приказал офицер: лейтенант, судя по петлицам и единственному тонкому эполету. — Вы все пленники короны.

Чань раскрыл ладонь, и бритва упала на пол. Лейтенант вошел в комнату, нацелившись кончиком сабли ему в грудь. Чань отступил и оказался на одной линии с двумя женщинами и Вандаариффом — тот вскочил на ноги, когда распахнулась дверь. Офицер откинул бритву в угол грязным сапогом. Следом за ним вошли еще четыре драгуна, их клинки посверкивали в пламени камина.

— Ты — Чань, — проговорил капитан, словно вычеркивая фамилию из списка. — Не двигаться! — Он кивнул на Вандаариффа. — Беркинс, Кримп, взять его.

Солдаты подхватили лорда под руки и повели в темноту. Офицер не отводил саблю от груди Чаня.

— Сударыни, я лейтенант Торп...

— Я вас прекрасно знаю, — сказала миссис Траппинг.

Лейтенант неловко кивнул, глядя не ей в глаза, а на кожаный чемодан, затем молча подошел к нему, открыл и стал внимательно перебирать лежавшую там одежду. Закончив, Торп встал, увидел сумочку у Шарлотты на запястье и протянул руку. Та с презрительным фырканьем подала ему сумочку. Лейтенант расстегнул ее. Чань услышал, как что-то позвякивает внутри, потом увидел синеватый отблеск на лице Торпа. Сумочка была набита карточками синего стекла, несомненно, извлеченными из разных тайников в кабинете Артура Траппинга.

Лейтенант Торп закрыл сумочку и сурово проговорил:

— Я преследовал этого преступника от самого Харшморт-хауса. То, что я обнаружил и вас тоже, — чистая случайность. Сержант!

От дверей отделился широкоплечий драгун и железными пальцами схватил обеих женщин за локти. Когда он волок Элоизу мимо Чаня, она прошептала:

— Простите. Простите, бога ради...

Чаню нечего было ей ответить, к тому же через секунду она исчезла. Торп со звоном вдвинул саблю в ножны и тоже вышел наружу, где прошептал что-то на ухо сержанту. Чань остался один перед лицом расстрельной команды в окне. Потом вернулся Торп и устремил на него профессионально отстраненный взгляд.

— Тебя выдала лошадь. Мы увидели ее с дороги.

— Я плохо разбираюсь в лошадях, — ответил Чань.

— И это тебе дорого обошлось. Сними очки.

Чань снял — выбора не было — и получил удовольствие от гримасы на лицах солдат, увидевших его шрамы. Он засунул очки в карман.

— Благодарю, — сказал Торп и крикнул, повернув голову: — Капрал!

К ним шагнул молодой солдат с желтыми шевронами на рукавах. Чань горько улыбнулся. Левая брючина солдата над сапогом была мокрой — как раз этот олух и провалился в пруд.

— Взять его!

Капрал изо всех сил всадил Чаню кулак в солнечное сплетение. Тот согнулся, и солдат, зайдя Чаню за спину, заломил ему руки, крепко держа их. Грубый толчок — и Чань упал на колени. Дыхание у него перехватило, он поднял голову, пытаясь набрать воздуха. Три

солдата отошли от окна. Торп натягивал на руки плотные кожаные перчатки, а драгун рядом с ним держал открытую кожаную сумку. Еще один драгун стоял с обнаженной саблей с другого бока Торпа, но других солдат Чань за дверью не видел.

Неужели они все ушли с сержантом и пленниками? Чтобы те не видели, как он умирает?

— Мне дали очень простой приказ, — сказал Торп. — Ты слишком опасен, чтобы оставлять тебя в живых, но владеешь крайне ценными сведениями. И мне велено получить их у тебя.

Он осторожно залез в сумку и извлек оттуда что-то квадратное, завернутое в ткань, потом оценивающе посмотрел на Чаня и обратился к своим людям:

— Если вы хоть словом обмолвитесь посторонним о том, что сейчас увидите, вас засекут до смерти. — Торп кивнул драгуну с сумкой. — Помоги его держать, чтоб не дергался.

Руками в толстых перчатках лейтенант снял ткань, и в свете пламени из очага засияла синяя книга. Он присел перед Чанем так, что их лица оказались на одном уровне, и осторожно открыл книгу. Чань заглянул в вихрящиеся синие глубины и отвел глаза.

— Говорят, — сказал лейтенант, — что после этого ты ничего не почувствуешь, когда тебя будут убивать. Я не получаю удовольствия от казней, так что надеюсь, это правда. Капрал?

Тот вцепился в волосы на затылке у Чаня и толкнул его голову вниз. С перекошенным лицом Чань закрыл глаза, изо всех сил сопротивляясь давлению. Перед ним была пустая книга. Если он будет смотреть в нее или прикасаться к страницам своей плотью, вся его память вытечет, как вино из фляжки.

Но почему он сопротивляется — только из чувства гордости? Разве не этого он хотел после смерти Анжелики — забвения? Разве не этого он искал в опиуме, в поэзии, в борделях?

Конечно, он не хотел, чтобы решение приняли за него... и все же... его глаза приблизились к вихрящейся голубизне, без испуга погрузились в нее...

Капрал надавил еще сильнее. До стекла оставались считанные дюймы. Защитят ли его оранжевые кольца в карманах? Или только продлят агонию? Чань ощущал холод, излучаемый гладкой поверхностью...

Драгун, стоявший с саблей на страже, взвизгнул совсем по-женски и рухнул ничком. Торп отпрыгнул в сторону, чтобы сабля не задела его, защищая хрупкую книгу своим телом. Чань мельком увидел сияние синего зубца, торчащего из спины умирающего солдата, а потом человек в черном плаще перешагнул через тело и, схватившись с лейтенантом, полетел вместе с ним на полусгнившую скамью, где прежде сидел Вандаарифф. Они упали с жутким грохотом, затем нападавший встал и откинул плащ, доставая еще один синий кинжал. Рот офицера открылся в безумном удивлении, почти все его туловище омертвело, потому что книга при ударе разбилась и осколки глубоко вонзились ему в грудь.

Солдаты, державшие Чаня, схватились за сабли; он нырнул за бритвой и, не глядя, полоснул ею с разворота. Капрал заорал, кровь хлынула из его запястья. Чань вонзил носок ботинка ему в пах. Капрал согнулся и получил немилосердный удар в челюсть. Франсис Ксонк стоял над вторым солдатом (глаза которого в скрученной набок голове неестественно закатились и безжизненно смотрели вверх), держа драгунскую саблю в здоровой руке. Чань

поднялся на ноги и бросил бритву, чтобы схватить клинок лейтенанта.

Лицо Ксонка было чуть ли не посмертной маской: шея и подбородок потемнели от синих выделений, а веки порхали, словно комната была лишь частью того, что открывалось его взору, словно он потратил слишком много сил на эту атаку — на то, чтобы управлять собой. Он вонзил саблю в пол и протянул пустую руку.

— Для меня одного их многовато... и для вас тоже... может, вы примете... временное... перемирие. — Слова его падали, будто скользкие камушки из мешка.

— Эти солдаты, — сказал Чань. — Миссис Марчмур... Маргарет... она идет.

— Я тоже так думаю. — Губы Ксонка покрывала мокрота. — Это означает, что она нашла вашу маленькую мисс.

Целый час они продирались через лес, и Чань совершенно потерял ориентацию, несмотря на то что светила луна. Два раза пришлось останавливаться, потому что Ксонка рвало. Наконец они добрались до гребня, с которого открывалась неожиданная перспектива: поле, а далеко внизу — сверкающая змея канала. От канала в лес уходила дорога, в конце которой виднелось ярко освещенное здание. Его высокие окна излучали в черный воздух невероятное количество света, словно там крестили младенца королевских кровей.

В тишине Чань услышал рокот машин.

— Это уж слишком, — прохрипел рядом с ним Ксонк. — Чертова свинья начала без нас.

Глава девятая

РАНА НА ШЕЕ

Доктор Свенсон отказывался считать себя человеком, который может убить женщину, пусть даже при самых чудовищных обстоятельствах. «Чудовищная» — именно это слово лучше всего подходило для женщины перед ним. Графиня попросила сигарету из докторского портсигара и теперь умело засовывала ее в черный лакированный мундштук. Она поймала взгляд доктора и застенчиво улыбнулась.

— У вас найдутся спички?

Свенсон сунул складной нож мертвого шкипера в карман брюк и вытащил коробок. Он зажег спичку, предложил огонь графине и кивнул на свой портсигар, который графиня все еще держала в руке.

— Вы позволите?

— Очень милая вещица, — заметила графиня. — Полагаю, что по законам спасения на море я должна вернуть ее вам.

Она протянула руку. Беря портсигар, доктор слегка коснулся ее пальцев — мягких, холодных.

— Будто вы подчиняетесь каким-то законам.

Графиня выпустила облачко дыма в сторону тлеющего костра.

— Довольно крепкие, — сказала она. — Где вы их достали?

— Купил у одного рыбака. Это датские.

— В городе вы курили какие-то другие. Те были черные.

— Русские, — объяснил Свенсон. — Я покупаю их у одного торговца в Риге. Я заглядывал к нему, когда мой корабль заходил в их порт. Теперь я уже не плаваю, и сигареты доставляют по суше.

— Уверена, что их можно найти и поближе.

— Но не через него. Герр Карошка... так редко сталкиваешься с порядочными деловыми людьми...

— Ерунда. — Графиня стряхнула пепел. — В мире полно порядочных деловых людей... вот почему так много бедняков. Их самообман — всего лишь навоз, на котором вырастают и крепнут менее разборчивые.

Свенсон кивнул на тело шкипера.

— Вы всегда так веселы после убийства?

— Я так весела, потому что осталась в живых. Мы будем говорить как разумные люди или нет? Еда неплоха, в бутылке довольно приличный для сельской местности сидр... а если вы будете так добры и подложите дровишек, то костер еще вполне может разгореться.

— Мадам...

— Доктор Свенсон, прошу вас. Ваши брюзгливые любезности только мешают откровенному разговору. А поговорить нам необходимо. Если вы не решили просто вышибить мне мозги...

Говорила она игривым и нетерпеливым тоном, но на лице ее читалась усталость, и это удивило Свенсона. Обычно графиня была закована в броню надменности, и он естественным образом видел в ней соблазнительницу или убийцу, но никогда — хрупкую женщину. Но вот здесь перед ним была графиня ди Лакер-Сфорца, которая перерезала горло человеку, чтобы

забрать у него обед и воспользоваться его костром.

— Где Элоиза Дуджонг? — спросил он ровным голосом.

Графиня рассмеялась.

— Кто?

— Вы были с ней, мадам. В доме ее дядюшки... вы устроили...

— Что устроила? И когда?

— Не надейтесь меня обмануть! Я видел ее...

Графиня с удовольствием затянулась сигаретой.

— Мадам! Она направила вас в Парчфелдт-парк...

— Мы с ней вообще не встречались. Я видела ее в Карте, да... мусор, который я выкинула из памяти. Но она меня не видела. Она следила за каким-то человеком.

— На нее напал Франсис Ксонк.

— Видимо, нападение не стало для нее роковым.

— Он принял ее за вас.

Графиня пожалала плечами, словно давая понять, что для нее это ничего не значит, но потом поймала холодный взгляд доктора. Улыбка сошла с ее лица.

— Значит, Франсис был в поезде и добрался до товарного вагона, в котором я пряталась... но меня там уже не было. Это вы его задержали? Я слышала выстрел.

Доктор Свенсон хранил молчание. Графиня снова устало затянулась.

— Ненавижу быть кому-то обязанной. Ну ладно. В последний раз я видела Элоизу в Карте, на станции. Мисс Темпл ехала со мной. Я оставила ее вполне живой — ей ничто не мешало вернуться в мир уважаемых отелей и легкодоступных женихов. А теперь, может, вы присядете?

Доктор знал, что графиня — худшая из женщин, но стоило ей заговорить — и он, заранее зная, что не услышит ни слова правды, обманывался ее напускной искренностью. Свенсон сунул несколько веток в теплящиеся угли. Неужели графини и в самом деле не было в доме Элоизиного дядюшки? Она вытащила пробку из бутылки с сидром, не спеша отпила и протянула бутылку ему. Почувствовав колотье в затылке, доктор сделал несколько глотков, после чего рефлекторно отёр рукавом горлышко. Графиня, увидев этот жест, прыснула со смеху и подтолкнула к нему съестные припасы шкипера: половинку грубого черного хлеба, головку сыра с тронутыми плесенью краями, кусок кровяной колбасы дюймов в шесть длиной, — а потом подняла на него глаза, в которых светилось понимание и предвкушение. Доктор посмотрел на колбасу, потом снова встретился взглядом с графиней и почувствовал, что краснеет.

— Кажется, у вас нож этого бедолаги, — сказала она.

— Да.

Нарезав колбасу и сыр, доктор сунул нож обратно в карман. Графиня положила по ломтику того и другого на отломанный кусок хлеба и откусила маленький кусочек — попробовать.

— Немного горчицы не помешало бы, — заявила она, поведя плечами. — Или икры на льду с водкой... но где их тут взять?

Они ели в тишине. Графиня, как и Свенсон, явно была голодна. Доктор наблюдал, как она жуёт, как ее проворные пальцы отправляют в рот очередной кусочек еды, как шевелится ее горло при глотании, — нет, графиня ди Лакер-Сфорца все же принадлежала к

человеческому роду. Увидев в ней вполне земное, хотя и единственное в своем роде существо, доктор одновременно (помогли также круги у глаз от недосыпания и передряг, ненакрашенные губы тускло-красного цвета и непослушные пряди черных волос) впервые посмотрел на графиню как на женщину. Доктор нарезал остаток колбасы, улыбнулся, видя, как графиня хватает новые ломтики, и удивляясь, как запросто она стала вдруг компанейской, общительной; затем поймал себя на том, что разглядывает ее руки. Боль в голове прошла, но ее сменило растущее досадное желание. Он потянулся к бутылке, подвинул то, что внезапно выросло, лишив его свободы, выпил и попытался сменить тему своей внутренней беседы.

— Что вы подумали о стеклянной карточке? — спросил он. — Ее вытащили из моего кармана. Только не говорите, что не заглянули в нее.

— Зачем я буду вам это говорить? — Графиня потянулась к бутылке, сделала несколько глотков и поставила ее. — Я думаю, она всю старается предупредить вас.

— Почему?

— Потому что она идиотка.

— То есть она хочет спасти мою жизнь.

Графиня пожала плечами.

— Если бы она действительно думала о вас, если бы у нее была хоть малая толика искреннего сочувствия к вам, она оставила бы вам карточку, на которой Артур Траппинг удовлетворяет с ней свои животные инстинкты в классной комнате собственных детей. Вы бы прониклись их наслаждением... и возбуждились бы, но тут же отшатнулись бы от зрелища. У вас, конечно, мороз подирает по коже при мысли об этом... о них... маленькие стульчики, запах мела и тетрадей оттесняется более пикантными ароматами, ее животные стоны, выделения... ну да вы знаете, как все это будет по-латыни.

Графиня неожиданно замолчала, глаза ее невинно округлились.

— Будь вы безразличны миссис Дуджонг, она бы постаралась вас отвадить всеми средствами. Но вместо этого она пыталась объяснить... и тем самым вынесла вам смертный приговор.

— Вы так думаете?

— Да вы послушайте, как вы сами ее защищаете! Вопрос лишь в том, сделала она это сознательно или по глупости. Но в любом случае, доктор, это ее не красит!

У Свенсона не было ответа. Синюю карточку сунула ему в карман Элоиза... но какое может быть для нее оправдание? Как иначе истолковать нападение на него в доме Элоизиного дядюшки — ей пришлось открыто заявить, на чьей она стороне, так ведь? Но почему надо верить графине? Он еще раз бросил взгляд на силуэт остывающего тела шкипера.

— Как по-вашему, ждать нам визитеров из того большого дома на дороге?

— Зависит от того, кем был наш бедолага — просто сторожем на барже... или же выполнял какое-то задание, и тогда о нем начнут беспокоиться. — Она протянула руку к последнему кусочку сыра. — Кстати, вот почему нужно обязательно поддерживать огонь: пусть все думают, что он жив-здоров.

— А если бы я не появился?

— Но вы же появились, доктор.

— Вы что — верите в судьбу?

Графиня улыбнулась.

— Я верю в то, что фактам нужно смотреть в лицо. Я не из тех, кто предается фантазиям, если можно жить реальностью.

— Предметы на одеяле навели вас на мысль, что они захватили меня.

— Да с какой стати это должно меня волновать?

— Действительно, с какой?

Доктор Свенсон потянулся к бутылке, которая уже опустела на две трети.

— А что это за здание? Вы явно из-за него и сошли в Парчфелдт-парке.

— Так откровенно признаваться в своей неосведомленности... это говорит о плохой форме.

— Лучше посмотрите на себя, мадам. — Неужели сидр так быстро ударил ему в голову? — Вы что, думаете, я не вижу, как окаменело ваше правое плечо?

— Уверю вас, я в полном порядке.

— Вы каждый раз брали бутылку левой рукой, хотя я ставил ее ближе к правой. Если вы ранены, я мог бы посмотреть, как вам помочь... вам будет легче убить меня, когда вы наконец решитесь на это.

— Или вам — меня.

— Если бы вы боялись этого, вас не было бы здесь.

Сделав запоздалый вывод, Свенсон понял, что его ударила по правой стороне головы женщина, стоявшая у него за спиной, что она вложила в удар всю силу, — и скорее всего, действовала правой рукой. Графиня не могла этого сделать, как не могла похитить Роберта Вандаариффа из Харшморта. Но если женщина, стоявшая рядом с Элоизой, все же похитила Роберта Вандаариффа из Харшморта вместе с картинами графа... то в шкафу он оказался после удара Шарлотты Траппинг!

Графиня оглядела дорогу, потом опять доктора, в ее фиолетовых глазах прыгали веселые искорки. Она словно приняла какое-то озорное решение и вытащила из сумки у себя за спиной бутылку и кусок ткани.

— Надо же, профессиональная сострадательность... Подождите минуточку — я только расстегну платье...

Доктор сразу понял, что от раны останется шрам. В другое время он непременно наложил бы шов, но сейчас просто промыл рану спиртом.

— Это не от стекла, — сказал он, когда графиня вздрогнула, но не от боли, а от холодных капель, попавших на кожу под платьем.

— Вы хотите сказать, что это сделал не Франсис? — Она перекинула волосы со спины на лицо, чтобы Свенсону было лучше видно. — Нет, не он. Это от неудачного прыжка в окно.

— На несколько дюймов выше — и стекло перерезало бы вам горло.

Графиня вытащила правую руку из платья. Пурпурный шелк, шурша, соскользнул по диагонали, обнажив корсет и немалую часть тела, которая под смоляными волосами казалась совсем белой.

— Как вам перевязка, которую мне сделали? — спросила она.

— Я думаю, вы неплохо постарались, перевязав себя сами, — ответил доктор, осторожно подводя пальцы под ее предплечье, чтобы завязать узел.

— Не я, — сказала графиня. — Кое-кто с крохотными пальчиками. Путь был долгий, и только мы вдвоем в вагоне.

На мгновение Свенсон неосторожно отдался этой мысли: он вдвоем с графиней в товарном вагоне. Сидеть с нею вдвоем у костра и то было нелегко. Но эта женщина вдвоем с Селестой... о чем они говорили... и что... что еще... неважно... все неважно, лишь бы только мисс Темпл вышла из этой переделки целой и невредимой. Лишь бы только он мог поверить в это...

— Ну вот и все, — сказал доктор, снова садясь.

Графиня повернулась к нему, проверяя, как движется рука, насколько надежна повязка, но не надевая обратно платя. Свенсон проглотил слюну. Он смотрел на нее, и его врачебная бесстрастность неуклонно сдвигала позиции, как далекая луна, исчезающая за тучей. Он заставил себя посмотреть графине в глаза, ожидая увидеть издевательский огонек, но глаза ее горели ясным и теплым светом.

— Если какая-нибудь девушка могла бы стать близка мне, то прежде всего это Селеста Темпл... правда, увидев впервые такого целеустремленного маленького зверька, я тут же возжелала перегрызть ей горло. Конечно, я выражаюсь фигурально... и вот... то ли из-за этой раны... то ли из-за необходимости прижаться друг к другу, чтобы чуточку согреться...

— Она... она жестока, — пробормотал доктор. — И в то же время так невинна.

— Я думаю, вы тоже отчасти невинны, — прошептала графиня.

Это было одним из самых опасных мгновений в жизни доктора Свенсона. Здравомыслие и дальновидность оставались при нем, но фиолетовые глаза графини были озерами, в которых он мог утонуть даже теперь, утратив всю свою преданность, веру, порядочность — бросив все ради ее бесчеловечных целей. Если наклониться к ней, поцелует ли она его? Или рассмеется? Доктор облизнул губы и скользнул взглядом по ее телу. Он уже не помнил цвет глаз Элоизы.

Он вскочил на ноги, отирая ладони о брюки, тут же споткнулся о камень и полетел спиной в кусты. Он охнул, когда при падении воздух вышел из легких, немного полежал, с трудом дыша; зеленые листья плюща ласкали его лицо. Наконец Свенсон приподнялся на локтях. Графиня уже надела платье обратно и левой рукой застегивала сверкающие черные пуговицы.

— Вы живы? — спросила она.

— Приношу свои извинения.

— Возвращайтесь к огню. Времени так мало. А еще столько всего нужно обсудить.

Прежде чем сесть, Свенсон вытащил сигарету из портсигара, словно пытаясь курением прикрыть свою слабость, но по лицу графини было ясно, что он заботит ее меньше всего. По-детски уязвленный собственной маловажностью, доктор вернулся на свое место у костра, напротив графини.

— Где Кардинал Чань?

Меньше всего Свенсон ждал этого вопроса, который почему-то поверг его в уныние.

— Понятия не имею.

Графиня промолчала. Свенсон выпустил клуб дыма и стряхнул пепел на камни.

— Если вы надеетесь, что Чань будет для вас полезнее...

— Полезнее? — оборвала она его. — Самонадеянный тевтонец!

Ее настроение резко изменилось, а может, она просто перестала скрывать свои

подлинные чувства.

— Выжив после падения дирижабля, вы, верно, решили, что только вы из всех заговорщиков...

— Заговорщиков?

— А как еще назвать вас и ваших... союзников?

— Как угодно. «Заговорщики» — уж слишком театрально звучит.

— Я хочу сказать, — продолжал доктор, — что у вас, видимо, было немного союзников.

И вы решили завербовать того несчастного парнишку в Карте. Его убили, и убили жестоко.

Графиня смотрела теперь еще суровее.

— Не самая увлекательная тема.

— Вы спросили о Чане, потому что вы одна, в поисках сторонников... и если уж вы спросили, если вы ждете моей помощи...

— Как драматично, — усмехнулась графиня. — Ganz tragisch.

Сигаретой Свенсон чуть не обжег себе пальцы. Затянувшись в последний раз, он бросил сигарету в огонь и посмотрел в глаза графине.

— Вы сошли с поезда, чтобы попасть именно сюда, именно в эту часть Парчфелдт-парка. Размером этот дом с хороший особняк, но по сути он — промышленное сооружение. Близость канала позволяет быстро доставлять грузы, но и дорога, и канал проложены недавно. Раз вы здесь, то, наверное, принадлежите к той компании, которая все это проложила... И это вы сделали Ксонка своим врагом. Вы столкнулись с ним — в деревне или по пути в Карт — и, скорее всего, украли его лошадь. А также его книгу, это уж наверняка... но, даже вернув ее, он из кожи вон лез, чтобы найти вас.

— Франсис не забывает ни одной обиды. А уж если ты всадил ему пулю в грудь, лучше об этом помнить.

Доктор предпочел не заметить ее насмешливой улыбки.

— Он мог несколько раз прикончить меня, и все же я здесь. А значит, это место неразрывно связано с Ксонком.

Этот вывод не следовал из его рассуждений о графине. Тут было другое: на барже под присмотром Фрутрикса перевозились боеприпасы с заводов Ксонка. Доктор пребывал теперь в уверенности, что Фрутрикс — агент Франсиса Ксонка, который все это время намеревался захватить оборудование графа. А теперь картины графа вместе с Вандаариффом оказались в руках Шарлотты Траппинг. Ее знаний о заговоре (полученных от брата, мужа или даже — приходилось признать это — от Элоизы) было достаточно, чтобы задумать собственную опасную авантюру. Неужели она надеялась бросить вызов Фрутриксу? Или всего лишь выжить?

Свенсон проглотил слюну. Увидит ли он когда-нибудь Элоизу?

— В любом случае, — пробормотал он, — Ксонк, если он все еще жив, наверняка заявится сюда.

— Я знаю. Да, засиделись мы с вами.

Графиня встала, достала сумку из-за спины и улыбнулась, видя, как неловко Свенсон поднимается на ноги.

— Вы доставили мне столько неприятностей, Абеляр Свенсон... но все же вы здесь. — Она извлекла комок грязи из его волос. — Что говорит не только о вашей порядочности — о вашей страсти, похоти, отчаянии, да какая разница? — но и о чем-то никому не подвластном внутри вас. И потому я питаю к вам доверие.

— А вот у меня к вам доверия нет вовсе.

— Если бы оно было, я считала бы вас земляным червем, — ответила она. — Огонь погаснет сам, а нас на дороге уже не будет видно. Идёмте — пора.

Они пошли молча по усыпанной гравием дороге, грубое полотно которой разрезало лес насквозь. Теперь, когда опустилась ночь, здание светилось еще ярче. Вдруг графиня ухватила доктора за локоть и потащила за рукав. Они быстро свернули с дороги и затаились среди деревьев. Из белого здания в их сторону устремилось желтоватое сияние — свет фонаря, почти полностью закрытого. Свенсон не заметил его — без графини он попал бы в луч фонаря и был схвачен. За фонарем двигались два ряда людей, тащивших две низкие, плоские повозки. Это были моряки, возвращавшиеся к каналу за остатками груза. Когда они прошли, Свенсон почувствовал губы графини у своего уха.

— Они его найдут. Мы должны поторопиться.

Шурша листьями, она вернулась на дорогу и пошла со всей резвостью, какую позволяли ее рана и темнота. Свенсон припустил рысцой, чтобы догнать ее.

— Что это за место? Я знаю, они привезли оборудование графа...

Графиня не слушала его. Свенсон ухватил ее за здоровое плечо и остановил, но, встретив ее свирепый взгляд, тут же убрал руку.

— Если вы рассчитываете на мою помощь — отвечайте. — Он показал на ярко освещенное здание. — Сколько времени вы с Ксонком собирались торчать в Макленбурге? Еще месяц? Два? Все это запущено без учета того, что стало с вами. Или с ним. Это тайный план Ксонка, направленный против вас, или же мятеж в его отсутствие.

— Франсис направляется сюда — остальное неважно.

— Я не знаю, что из его вещей попало к вам... не знаю, что в его книге... но неужели вы этого хотите?

— Послушайте, доктор, я хочу, чтобы он не убил меня... меня мало заботит, умрет ли Франсис или мы с ним помиримся. Но сейчас меня больше всего заботит, чтобы нас не схватили на дороге!

Сзади до них донесся крик — отдаленный, но говорящий о многом. Значит, шкипера нашли. Графиня подобрала платье и перешла на бег. Свенсон устремился за ней.

— Мы должны спрятаться! — прошептал он.

— Пока еще рано!

— Они нас увидят...

Графиня не ответила, мчась прямо к дому. Оглянувшись через плечо, доктор увидел, что фонарь мигает через равные промежутки. Фигуры, толпившиеся у окна на верхнем этаже белого здания, ответили своими сигналами. У Свенсона упало сердце, когда он понял, что моряки непременно припишут убийство ему.

Графиня резко бросилась прочь с дороги. Доктор последовал за ней. Высокая трава лупила его по коленям. Графиня исчезла среди деревьев. Ветки начали хлестать Свенсона по лицу в темноте. Двойные двери здания широко открылись, и изнутри пролился поток света — на дорогу, на деревья. Графиня остановилась, и доктор чуть не сбил ее с ног.

— Они отправили отряд на дорогу, — прошептал он. — С... с...

— Завода, — закончила она. — Идите за мной. Ступайте по листьям!

Графиня снова пошла вперед, на сей раз не так быстро, двигаясь осторожными шагами под ветвями старых высоких вязов. Доктор шагал широко, чтобы не отстать. Она подтягивала

платье одной рукой — из-за раны. Минуты проходили в молчании, лунный свет, проникавший сквозь кроны деревьев, мелькал на ее плечах. С каким-то пронзительным чувством одиночества Свенсон удивился тому, до чего хрупка графиня — при ее-то железном характере. Он пытался представить себя, обаянного такой же решимостью, ведь он тоже решался на крайности, хотя никогда — ради себя самого.

Протянув левую руку, графиня ухватила Свенсона за мундир, и оба остановились. Увидев сквозь деревья свет факелов впереди, доктор осторожно достал монокль и вставил в глаз. Факелы двигались по другой дороге... к заводу. Не второй ли это отряд, отправленный на поиски? Может быть, их обложили со всех сторон? Свенсон оглянулся, но никаких преследователей за деревьями не заметил.

Он снова повернулся лицом к дороге, надежнее укрепил монокль и нахмурился. Отряд шествовал целеустремленно, как солдаты на форсированном марше... все, кроме одежды, говорило о том, что это люди непростые. Прошло уже человек тридцать, а конца колонне не было видно.

— Это не поисковый отряд, — прошептал Свенсон на ухо графине, и даже сейчас голова чуть не закружилась от запаха ее волос. Она кивнула, глядя все в ту же сторону.

Наконец колонна прошла. Доктор и графиня двинулись вперед одновременно, словно приняли совместное решение. Дорога вела к большому кирпичному зданию, обнесенному высоким деревянным забором; на воротах виднелись железные полосы. Оба повернулись в ту сторону, откуда появилась странная группа. Ярдах в пятидесяти от них прямо к ним двигалась другая группа прыгающих факелов.

— Быстро отсюда! — прошептала графиня. — Пригнитесь!

Они выскочили из своего укрытия и через дорогу (оказавшись на виду — ужасное мгновение) перебрались в другую рощицу, где сломанные ветки были еще гуще.

— Вы знаете этих людей, — чуть слышно проговорил Свенсон.

Графиня не ответила.

— Лучше всего сказать «приверженцы», — прошептал он. — Идиоты, которые поклялись в преданности вам и вашим союзникам, и эту клятву закрепили в их душах с помощью Процесса. Что же, черт побери, все эти люди делают в такой глуши? И почему вы не желаете открыться им? Похоже, в этом ключ к вашим нынешним трудностям. Раз вы не открылись, значит, их присутствие здесь — загадка для вас. И вы опасаетесь, что они не сохранили ни грана преданности лично вам.

Графиня, не отвечая, двинулась мимо него в гущу деревьев.

Выйдя с другой стороны леска, они увидели еще одну дорогу, поросшую травой и молодыми деревьями по колено человеку. Свенсон понял, что эта дорога, видимо, предшествовала каналу, потому что она огибала лес. Он вспомнил обо всех развалинах, что видел, когда шел по лесу с Элоизой. Парчфелдт-парк представлял собой разновидность кладбища — пожалуй, как и любой лес, где любое новое дерево питалось разложившимися телами под ним. Кладбища всегда наводили доктора на мысль о его собственной бренности, и эта заброшенная дорога точно так же говорила ему, что все то новое, чему он был свидетелем (баржа, переоснащенный завод и непомерные амбиции его хозяина), неизбежно будет предано забвению.

С того момента, как они увидели факельное шествие, графиня не произнесла ни слова. Доктор Свенсон откашлялся, и она повернулась к нему.

— Если бы я не появился, что бы вы сделали? Подошли к парадной двери и обаяли тех,

кто внутри?

Он сознавал, что графиня, видимо, не привычна к дерзким вопросам и насмешливому тону, и не сомневался, что это злит женщину. Но по своей сути вопросы были естественны. Чего она ожидала? Что за семена поражения или отчаяния могли дать ростки в ее сердце?

— Вы странный человек, — ответила наконец графиня. — Я помню, как впервые встретила вас в «Сент-Ройяле», и сразу же стало ясно, что вы умный, преданный, предсказуемый дурак. Не думаю, что я ошиблась...

— Готов признать, что Кардинал Чань впечатляет куда больше.

— Кардинал Чань — еще один вид добросердечного идиота. Вам обоим стоит поучиться у вашей маленькой провинциальной ледышки. Но я говорю не о них, а о вас, доктор.

— Ваши соображения меня не волнуют.

Графиня посмотрела на него таким усталым и простым взглядом, что он побледнел.

— Когда-нибудь я найду для вас подходящее определение, доктор. И когда это случится, я прошепчу это слово вам на ухо.

Она повернулась и пошла к заводу.

— Куда вы идете? — воскликнул Свенсон. — Мы не знаем, кто там и для чего они собрались... если только не вы их вызвали... эти люди, ваши приверженцы!

Графиня оглянулась назад через плечо, явно преодолевая боль.

— Довольствуйтесь своей карточкой, — сказала она. — Идеалов, которые вели вас в этом мире, больше нет. Забудьте о чувстве долга.

* * *

Мерцающее шелковое платье графини отражало лунный свет, даже когда силуэт ее слился с окружающим мраком, а потом она свернула и исчезла вообще. Доктор не последовал за ней, сам не зная почему, оглянулся на деревья в том месте, откуда они пришли, потом посмотрел вдоль заросшей дороги, ведущей от завода... путь, который увел бы его в другой мир. Он полез в карман за портсигаром, пальцы коснулись холодной стеклянной карточки. Хватит ли лунного света, чтобы увидеть? Не величайшая ли это глупость — заниматься такими вещами здесь, на открытом пространстве?

Доктор Свенсон вздохнул, уже сожалея о будущем поступке (как там говорила Элоиза — чем больше знаешь, тем сильнее боль?), и обратил взгляд на стекло.

Когда Свенсон наконец поднял глаза, мир вокруг него казался нереальным, словно он насмотрелся на солнце. Шея вспотела сзади, пальцы стали жесткими от плотного прикосновения к стеклу. Он сунул карточку обратно в карман мундира и потер увлажненные глаза. Слезы? А может, это оттого, что он долго не моргал? Доктор двинулся к заводу.

Карточка содержала воспоминания Траппинга, и не случайно, — тот принимал участие во многих собраниях, на которых заговорщики вербовали сторонников. Карточки были великолепной приманкой. До этого дня Свенсон заглядывал в две карточки, очень разные. Первая содержала одно конкретное событие — соитие принца с миссис Марчмур, и ощущения женщины были запечатлены в стекле прямо на месте. Вторая хранила переживания Роджера Баскомба, целую коллекцию впечатлений и воспоминаний, начиная от обжиманий с мисс Темпл на диване и кончая карьерой в Тарр-Манор. Чтобы создать

такую карточку, воспоминания нужно было перевести в стекло спустя много времени после случившегося — перевести из мозга Баскомба.

А эта, третья, как представлял доктор, отличалась от первых двух, предлагая не образы и даже не осязательные ощущения. Она передавала в ужасающих, омерзительных подробностях эмоциональное состояние. Присутствовал там и антураж, и в этом карточка была подобна баскомбовской — случайный набор самых обычных вещей: столик в прихожей дома Траппинга на Адриан-сквер... отражение красной полковничьей формы в натертом до блеска серебре столовых приборов... сад при доме, где он наблюдал за детьми, сидя в мягком кресле. Но все эти мгновения были пронизаны горечью, корыстными желаниями, грубым поведением, одиночеством и ненужностью человека, чье напускное, бездумное самодовольство было отягощено печалью, острой как гвоздь.

Ни в одной из сценок не появлялась миссис Траппинг, но полковник печалился не из-за этого. Откуда у Артура Траппинга взялась эта горечь? Его честолюбивые устремления были вполне удовлетворены... внезапно Свенсон понял: Траппинг был всем обязан братьям Ксонк. Все поводы для недовольства проистекали из этого: визитная карточка Франсиса на столике в прихожей, красная форма Траппинга — позорный знак покровительства Генри, сам дом был свадебным подарком, дети... даже они, с дрожью осознал Свенсон, рождали искорки виноватой ненависти в глазах Траппинга, но потом их беззаботные голоса превращали его гнев в печаль, сетью опутывавшей полковника. И это поразило Свенсона больше всего: Траппинг распространял вокруг себя не злость, а необъяснимую тоску.

На карточке не было миссис Траппинг и тем более — Элоизы Дуджонг. Значит, она не была его любовницей? Это было кстати, если Элоиза рассчитывала утихомирить гнев Свенсона, но доктор не очень гневался на нее. Возможно, думал он, это просто рок. Каждый выбор Элоизы, как бы ни расходился он с желаниями самого доктора, был случайным и по-человечески объяснимым. Она сделала то, что сделала (Свенсону, впрочем, не очень-то хотелось думать об этом), он ведь тоже старался похоронить свою скорбь по Коринне в бессмысленных служебных заботах. И в то же время подсунуть ему переживания этого человека — разве это не жестоко? Злоба росла в сердце доктора. А чего еще она ждала? Что может быть хуже того примитивного отвращения, которое испытывает человек, помещенный в тело соперника? Тоска Траппинга? Ненависть Траппинга к его приемным детям? Какая разница, если Свенсон с удовольствием посмотрел бы, как двое Ксонков секут полковника, а потом окунают его в соляную ванну?

Свет по-прежнему лился из окон завода, силуэты собравшихся были видны на деревянном заборе. Подойдя поближе, Свенсон услышал недовольный гул, обиженное бурчание и недоуменные выкрики. Ворота не открылись — такой расклад собравшиеся находили совершенно необъяснимым. Люди с факелами высоко поднимали свою ношу, словно от этого крики лучше проникали сквозь безмолвные окна. Одеты все были не так парадно, как на последнем торжественном собрании в Харшморте, но тут явно собрались высшие гражданские и военные чины. Попадались и молодые — те, для кого служба была просто способом времяпрепровождения, высокородные младшие отпрыски или кузены, вечно живущие в зависти и ненависти, те, кому доставался лишь отблеск высоких титулов, но не они сами. Свенсону пришли на ум слуги и клерки, которых он видел в поезде на Тарр-Манор. Тех уговорили продать темные тайны их хозяев в обмен на безделушки, подобно тому, как за бусы покупались земли у островитян южных морей, — приличное жилье и

деньги на новое зимнее пальто. Но чего не хватало этим благополучным гражданам, какими посулами заманили сюда их? Доктор покачал головой — слова ничего не значили. Заговорщики подкупали каждую из групп, потрясая перед людьми правдоподобной надеждой.

Он опустился на колени в траву. Доступ на завод был перекрыт дважды — рассеявшейся толпой и забором. Толпа частично сгрудилась у ворот, но основная масса — человек двести — растянулась вдоль деревянного забора. Свенсон слышал стук в ворота, требования впустить... но эти крики были такими наглыми и бесцеремонными, что доктор засомневался: а представляют ли собравшиеся, куда пришли... или что может находиться за этими стенами? Неужели они даже не замечали контраста между уединенностью завода и его фантастической сверкающей начинкой, между заброшенной дорогой и недавно возведенным наружным забором?

Графини не было видно.

Однажды в Берлине (стало холодать, и мысли доктора начали путаться) ему попался бюст Клеопатры в натуральную величину. Его, однако, поразило, каким маленьким казался этот бюст, поразило, что она была всего лишь женщиной и, сколько бы сердце ни покорилась, состояла всего лишь из плоти и крови, дыхания и тепла, умещавшихся в постели. Он подумал о ране на плече графини, о том, как та вздрогнула от боли под его пальцами. Как это совмещалось с ее целеустремленной, ненасытной и незабываемо жестокой алчностью? Что за события выковали такое существо? А Чаня? Доктор, конечно же, видел шрамы, но они были только внешними знаками, поверхностью лужи, подернутой масляной пленкой. Сам Свенсон был ничуть не похож на этих двоих, хотя и у него случались вспышки изобретательности и бесстрашия. В эти моменты он переставал быть самим собой. А мисс Темпл? Он сравнил ее со знатными особами, что проходили перед его глазами, неудовлетворенными и алчными... разве она не была такой же беспокойной и не терпящей возражений? Потом доктор подумал об Элоизе, но, потеряв глаза, прогнал эти мысли.

Он встал и разгладил на себе мундир. Некоторые из этих людей наверняка видели, как его оглушили в Харшморте и потащили умирать... но это означало лишь, что они сочли доктора мертвым. Если графиня решила не вливаться в эту нетерпеливую толпу (а он был уверен, что она так и сделала), то тем больше у него оснований сделать прямо противоположное.

Свенсон подошел к собравшимся, протолкался поближе к середине и заговорил — громко и презрительно, подражая покойному кронпринцу:

— Почему они не открывают? Мы что, должны ждать тут, на улице, как какие-нибудь торговцы? Прюделав такой путь?

Рядом с ним человек в ворсистом шерстяном пальто сочувственно проговорил:

— Вообще никакого ответа! Слово нас не ждали!

— Ошибки быть не может, — прошептал худощавый пожилой человек с очками в золотой оправе. — Ведь мы все получили извещения.

Множество согласных голосов подтвердили это. Послышался одобрителный гул, но ворота оставались закрытыми. Чуть дальше (Свенсон стоял на некотором расстоянии от ворот) раздался громкий стук подкованных каблуков по деревянному забору.

— Вы никого не видели? — спросил Свенсон.

— Когда мы появились, ворота были открыты. Они их закрыли, увидев нас!

— Они должны знать, что нас вызвали!

— Они ведут себя неподобающе! — жалобно протянул пожилой. — А тут еще холодает... и влажно...

— Джентльмены... — сказал доктор и сделал паузу, чтобы уж точно привлечь их внимание, — а вдруг... у них что-то не заладилось?

Человек в пальто яростно кивнул.

— У меня такое же впечатление!

— А что, если все это... гм... испытание? — прошептал пожилой.

Свенсон видел, что их разговор привлек немало слушателей.

— Тогда нам надо пройти его, — возвысил он голос. — Вы не согласны?

— Прошу прощения, — сказал кто-то. — Но ваш голос... ваш акцент...

— Мы должны знать друг друга ровно настолько, насколько необходимо! — прервал его пожилой.

— Наш союз должен оставаться невидимым для мира, — согласился доктор. — Как рыболовная сеть в океане. Верно? Но чтобы вам было совершенно ясно, я из герцогства Макленбург, я на службе у принца, который служит тем же... принципам... что и вы.

— Но вы военный, — сказал пожилой, указывая на форму доктора.

— Ну, все мы теперь военные, — мрачно отозвался Свенсон, чувствуя себя последним идиотом.

Люди вокруг него закивали с приторным самодовольством.

— Что-то не заладилось, — заявил человек в пальто. — Я уверен.

— Вам не говорили, зачем вас вызвали? — спросил Свенсон.

— А вам?

Свенсон почувствовал, как застыли в ожидании его ответа люди вокруг.

— Нет, не говорили... — осторожно начал он. — Может, я захожу слишком далеко...

— Сообщите нам, что вы знаете! — потребовал пожилой, остальные согласно закивали.

Свенсон оглядел собравшихся, а потом серьезно покачал головой, словно принимая решение довериться им. Он понизил голос.

— По ту сторону забора находится завод... Собственность «Оружейных заводов Ксонка». — При этих словах пожилой удивленно раскрыл рот. — Кто распоряжается им сейчас — загадка. Франсис Ксонк отправился в Макленбург. Генри Ксонк лежит в приступе кровавой лихорадки... и тем не менее нас вызвали. — Свенсон похлопал по своей далекой от идеального состояния форме. — Я говорю «вызвали», но, как видите, я появился позже вас, проделав более долгий путь. Я прибыл из Харшморт-хауса, откуда исчезло удивительное оборудование графа д'Орканца... оттуда исчезло, а здесь появилось — здесь, на этом заводе, за этим вот забором.

— Но разве сам граф не отбыл в Макленбург? Кто же велел всё вывезти?

— Какое нам дело?! — воскликнул пожилой. — Разве мы не поклялись в верности?

— В верности кому? — раздался голос из толпы.

— Если вызвали, то почему не пускают внутрь? — послышался еще один голос.

— Нас явно вызвал не тот, кто здесь сейчас заправляет, — заявил человек в пальто.

— Значит, нам надо подумать, — сказал Свенсон, — кто может рассылать такие приглашения... и кто — нет.

Толпа взорвалась гулом возбужденных голосов, который распространился вдоль забора, как огонь при сильном ветре перепрыгивает с крыши на крышу. Человек в пальто

наклонился к доктору, но его голос потонул в нарастающем шуме — криками «Откройте!», стуком и пинками в забор. Человек сильными пальцами взял Свенсона за локоть. Доктор хотел было вырваться, но тот еще сильнее сжал его руку и прошептал на ухо:

— Какое именно послание вы получили?

В другой руке он держал небольшой томик, переплетенный в красную кожу, — эту книгу вручали верным слугам заговорщиков для расшифровки секретных посланий. Толпа придвинулась к стене, толкая их обоих.

Свенсон показал на книгу.

— К сожалению, свою я потерял.

— И тем не менее вы здесь.

Свенсон попытался найти объяснение, которое не слишком бы разоблачало его. Но прежде чем он успел заговорить, человек оттащил его от стены туда, где шум чужих голосов не помешал бы беседе. Если он ударит этого типа посильнее, то успеет ли добежать до леса, прежде чем остальные набросятся на него?

— Вы были в Харшморте, — сказал человек. — Как и я... но эти другие... я их не знаю, не знаю, откуда их взяли...

— И кто, — добавил Свенсон.

— Так вот, Харшморт. Вы там были...

— В ту ночь? — сказал Свенсон. — Герцог, отправленный в карете... дамы графа...

— Вы их помните. Они просвечивали ваши мысли.

— Да, но должен признаться, что вспоминаю об этом без удовольствия, — сказал Свенсон.

— И я тоже... — Человек посмотрел на свою книгу. Остальные теперь громко требовали впустить их. — Я почувствовал то же самое часов шесть назад.

— Не хотел говорить. Меня тоже вызвала она.

— Она? Вы знаете, какая из трех?

— Ту ночь пережила только одна, — сказал доктор. — Там бушевали хаос и насилие — я знаю от принца.

— Но... но... тогда тем хуже! — воскликнул человек, которого теперь было едва слышно за усиливающимся ревом толпы. — Кто ей дал приказ созывать нас? И кто не дает нам войти? Правда, вы говорите, что это завод Ксонка...

— Что говорилось в вашем вызове?

— Ничего. Там даже слов не было! Только условный знак: немедленно прибыть вот в это место.

— Ваша преданность заслуживает уважения, — сказал Свенсон.

— Моя преданность повергает меня в уныние, — ответил его собеседник. — Мы не понимаем, что с нами... как можно служить, оставаясь в неведении?

Свенсон не успел ответить — человек потащил его назад в возбужденную толпу и попытался привлечь к себе внимание:

— Слушайте! Слушайте все! Один из нас сегодня был в Харшморт-хаусе. Происходит что-то такое, чего мы не знаем! Нас вызвали сюда для спасения!

Свенсон онемел, увидев, что рассерженная толпа глядит на него в ожидании каких-нибудь слов.

— Да... так вот... суть в том...

— Он военный на службе принца Макленбургского!

Теперь на Свенсона смотрели не без почтительности. Он снова внушал уважение.

— Джентльмены... джентльмены... это чистая правда, но...

— Переправим-ка его за ограду! — предложил пожилой мужчина в золотых очках, брызжа слюной от злобы. — Охранники не хотят нас впускать? Отправим к ним того, кто умеет с ними разговаривать.

Прежде чем Свенсон успел возразить на это крайне глупое предложение, в его руке оказалось что-то холодное и тяжелое: револьвер с посеребренной рукояткой.

— Пойдите... одну минуту... послушайте меня! Мы не знаем...

— Вы их перестреляете! — воскликнул старик. — И откроете ворота!

— Ну, вряд ли, — бросил Свенсон, но его никто не слушал.

Собравшиеся уже подхватили его, резко подняли на высоту плеч и двинулись к забору, где чуть ли не стали таранить им ограду. Те, кто держал его за ноги, энергично подняли свою ношу еще выше. Доктор изо всех сил вцепился в забор обеими руками, стараясь не смотреть вниз, потом перекинул через него ногу, цепляясь всеми руками и ногами.

Толпа внизу радостно вопила, а доктор в любую минуту ожидал пули или удара пикой. Он посмотрел вниз на поросшую травой площадку, залитую светом из заводских окон — таким ярким, что пришлось прищуриться. Люди кричали — спрашивали, что он видит, кто там есть, что он нашел. Кто-то качнул забор, и свенсоновский пистолет упал на траву со стороны здания. Доктор выругался. Его вторую ногу внезапно подтолкнули снизу и перекинули через забор. Охнув, он удержался в последний момент и повис на руках. Но залезть обратно сил уже не было. Он сплюнул в раздражении. Вот ведь — оказался между двух огней: снаружи толпа олухов, а внутри банда, уверенная, что это он убил шкипера. Он разжал руки и, вскрикнув, приземлился и неловко упал на бок. Народ торжествующе заорал, когда парламентар исчез из виду. Свенсон метнулся к револьверу. Дверь здания открылась: кто-то увидел его.

Свенсон смотрел туда, откуда шел яркий свет. К нему направлялись не менее десяти человек, в их руках посверкивало что-то металлическое. Он бросился на траву лицом вниз и зажмурился, когда те вскинули карабины и дали оглушительный залп.

Доктор понял, что он не мертв и что пули ушли даже не в забор, а в воздух. Раздались одновременные щелчки затворов — стрелки досылали новые патроны в патронники, почти сразу же последовал еще один залп, потом третий, четвертый, пятый — и все за считанные секунды. Выстрелы, хотя и не приносили никому вреда, демонстрировали холодную непреодолимую силу, как бортовой залп фрегата.

Люди за оградой замолкли — казалось, будто они тоже упали на колени и дрожат от страха. А разве он ожидал чего-нибудь иного — завод-то выпускал боеприпасы? Кто знает, что за оружие тут могло быть, что за взрывчатка? Новейшие скорострельные карабины? Смертоносные гранаты, начиненные дробью? Армия стеклянной женщины стояла за оградой, беспомощная, как стадо овец у дверей бойни.

Свенсон нащупал рукой пистолет, сжал рукоять. Один из стрелков направился к нему, целясь прямо в грудь доктору. Свенсон примирительно поднял руку, а та, что с пистолетом, осталась скрытой в траве.

— Они перебросили меня через забор, — пробормотал доктор. — Я не из их числа...

На солдате была странная форма зеленого цвета, словно у швейцара в отеле, сверкающие темные ботинки и черный пояс-патронташ. У застежки жесткого зеленого

воротника с обеих сторон виднелись искусно сделанные серебряные языки пламени — офицерские знаки различия? Но какой армии? Лицо военного было непроницаемо-суровым. Он дослал патрон в патронник. Доктор вспомнил совет, которым его одарили в связи с дуэлью, — он тогда был студентом и получил вызов от пьяного пруссака. Совет исходил от скучающего молодого барона с неприятными розовыми шрамами на щеках. Надо следить, сказал барон, когда противник сделает вдох (перед атакой человек обычно набирает в грудь воздух), и в этот момент атаковать самому. Тогда совет не понадобился — Свенсон счастливо отделался царапиной на запястье, и на этом дуэль почетно завершилась. Но теперь он обнаружил, что, как зачарованный, смотрит на грудь солдата... вот солдат делает вдох, а сейчас выдохнет и одновременно нажмет на спусковой крючок, посылая пулю в сердце доктора.

— Стойте! — закричал кто-то в дверях — Свенсон видел только его тень.

— Еще один труп! — расстроено воскликнул Фрутрикс. — И этот человек тут ни при чем. Ведите его внутрь.

Серебристая рукоять револьвера сверкнула, когда Свенсон попытался засунуть его за пояс на спине, и оружие отобрали. Офицер провел его в дом. Солдаты шли следом, так чеканя шаг, что любой восточный деспот остался бы доволен. Дверь закрыли и заперли на щеколду, а стрелки забрались по приставным лесенкам к бойницам, из которых простреливался весь двор до самого забора. Это были не молодые необстрелянные ребята, набранные из безработных, — это были мрачные, суровые мужчины с иссеченными лицами. Свенсон видал таких на кораблях — моряков, которым приходилось творить страшные дела, преступные по законам любого цивилизованного общества. Привыкнув к такой работе, они уходили в этот особый мир, и их увольнительные на берег неизменно кончались кровопролитием и последующей поркой. Такие и набирались в частную милицию «Оружейных заводов Ксонка». Компания платила явно больше королевы. Доктор подумал о толпе за оградой, об их брюзгливых претензиях на исключительность, о том, как мало понимают они решительных парней, призванных сдерживать их напор: парней, глубоко ненавидящих все, что отстаивали эти благополучные господа. Ксонки только приветствовали эту ненависть, поставив ее себе на службу.

Офицер приказал двоим солдатам препроводить Свенсона в наскоро оборудованный кабинет со шкафами, полными папок, письменным столом и двумя деревянными стульями. За столом уже сидел Фрутрикс, листая какой-то грессбух. Свенсон опустился на стул и полез за сигаретами.

— Кого убили? — спокойно спросил он.

— Вы поразительно наглый тип, — пробормотал Фрутрикс; он перебирал бумаги, не глядя на свои руки.

— Напротив, я всего лишь иностранец, который не знает ваших обычаев. — Доктор выдул облачко дыма в сторону лампы на столе, стараясь скрыть дрожь в пальцах. — Я ведь не убивал вашего человека у костра — я нашел его уже мертвым.

— Почему же вы убежали?

— Ваши люди пристрелили бы меня, — ответил доктор. — Так кого убили?

Фрутрикс вздохнул с огорченным и уязвленным видом.

— Одного из них.

Свенсон повернул голову, следя за взглядом собеседника. Тот смотрел на охранников.

— Частная армия Ксонка?

— Могучие ребята, уж поверьте мне.

— Только благодаря вашему новому оружию.

— А уж оружие у нас могучее! — Фрутрикс почти что кричал.

Доктор откинулся к спинке стула и стал осматриваться — куда стряхнуть пепел.

— Слава богу, они подчиняются вам.

— Конечно подчиняются.

— Но никому по имени Ксонк.

Фрутрикс смерил его разгневанным взглядом.

— Никто по имени Ксонк в настоящее время не заботит меня.

— А как насчет кого-нибудь по имени Траппинг?

Фрутрикс вскочил на ноги и приказал стоявшим у дверей солдатам войти. Не обращая на них внимания, он перегнулся через стол к Свенсону.

— Я предприниматель, сэр... а здесь — место, где работают! И какие бы козни вы ни строили — мы в них не участвуем!

— Конечно нет, — согласился доктор. — Здесь просто-таки островок спокойствия.

Фрутрикс фыркнул и гневно махнул рукой в сторону двора и ворот.

— Что это за толпа? — воскликнул он. — Они разве не понимают, что мы можем легко перестрелять всех? Что они просто подталкивают нас к этому?!

— Думаю, после вашей демонстрации они понимают это гораздо лучше.

— Но кто они такие?

— А вы не знаете? — Свенсон стряхнул пепел в блюдечко с булавками. — Господи, это ведь самые разные люди из города... в том числе весьма высокопоставленные...

— Но они же ничего не могут! — возразил Фрутрикс. — Мы неуязвимы.

— Тогда что вас так расстраивает?

— Два человека убиты! Я наблюдал, как вы разговаривали, агитировали! Они перебросили вас через мой забор!

— Они полагают, что я из их числа.

— Это не ответ! Не думайте, что я остановлюсь перед крутыми мерами, если мне понадобятся сведения...

Фрутрикс чуть не кричал, и каждое визгливое, жалкое слово отдавалось болью в голове Свенсона. Он глубоко вздохнул и ответил как можно спокойнее:

— Я тут сторона не заинтересованная в отличие от вас. Вам действительно нужно поразмыслить, пока есть такая возможность. Толпа у ваших дверей, сэр... это означает, что вам конец.

— Ничего подобного! Боеприпасов у нас хватит, чтобы...

— Но всю королевскую армию вам не сдержать! — воскликнул Свенсон. — Эта толпа — всего лишь авангард. Обычный выигрыш времени перед прибытием основных сил.

— Каких еще основных сил?

— Тех, что подчиняются герцогу Сталмерскому. Это не один полк. Думаете, они остановятся перед крутыми мерами, чтобы получить нужные им ответы?

Фрутрикс снова уселся и забарабанил по столешнице.

— Но кто убивает моих людей? — спросил он.

— Откуда мне знать? — Свенсона стала утомлять неспособность собеседника понять очевидное. — Это сделал кто-то другой.

— Но кто остался? Они же все мертвы. Или в Макленбурге.

Свенсон потер глаза и вздохнул.

— Никто из них не добрался до Макленбурга. Мой принц мертв. Лидия Вандаарифф лишилась головы. Дирижабль упал в море.

Лицо Фрутрикса побледнело. Он прокричал:

— Отведите его в кабинет закалки. Немедленно!

Свенсона провели по узкому коридору в громадное помещение, настолько забитое всевозможным оборудованием, что дальней стены не было видно. Он поднес руку козырьком к глазам — вдоль стен висели газовые лампы, но по-настоящему ослепительный свет исходил от самих аппаратов, пронзительный, как лучи зимнего солнца на льду Балтики. Он оглянулся — Фрутрикса не было видно — и заметил свежие спилы и недавно забитые гвозди. Значит, в большом зале на днях устроили целый лабиринт маленьких комнатушек.

Солдат в зеленом мундире, шагавший сзади, коснулся его руки — довольно мягко, если учесть, что Свенсон готовился к хорошему тычку, — и доктор двинулся дальше. Громоздкие машины, которые он видел на барже, теперь жили шумной жизнью: они образовывали неровную спираль, исходящую от скрытого центра, огороженного высокими прямоугольниками — стальными листами в рамах. Листы отражали свет друг от друга, каждый был испещрен какими-то письменами. Доктору сразу же пришли на ум алхимические формулы графа, нацарапанные на «Благовещении»... Может быть, Фрутрикс вывез из Харшморта и эти листы. Но баржа прибыла совсем недавно. Все это готовилось не один день, а большие машины были установлены на место, как последние элементы головоломки. В дальнем конце помещения была наскоро поставлена еще одна перегородка, и Свенсона провели в комнату, все стены которой были отделаны металлическими листами. В центре на замысловатой системе ремней, натянутых между двумя железными колоннами, висело округлое шлемоподобное устройство — вроде того, что заговорщики использовали в Тарр-Виллидже для обогащения комков синей глины, которые превращались в пластичные рулоны стекла. Едкий запах гари говорил о том, что техника успешно используется. Помещение все провоняло им, безнадежно, навсегда.

Но запах и аппараты были делом второстепенным — внимание доктора привлекло тело на полу. Платка на шее шкипера теперь не было, и Свенсон впервые ясно увидел рану — глубокий разрез, распоровший ткани до самой полости горла. Свенсон повернулся к солдатам, стоявшим по сторонам открытой двери. Оба намеренно избегали его взгляда. Он вытащил сигарету и по тому, как напряглись охранники, понял, что они не одобряют доступность подобной роскоши для пленника.

— По степени трупного окоченения и цвету кожи любой врач может сказать, сколько времени прошло с момента убийства, — заметил Свенсон вслух. — Судя по всему, убийство произошло, пока я лежал связанный на барже. Вашему хозяину это известно. Итак, я не убийца.

Солдаты ничего не ответили, впрочем, доктор и не ждал этого. Он закурил, спрашивая себя, долго ли ему оставаться в этой неестественной камере. Загасив спичку, Свенсон швырнул ее на пол. В ярком свете он увидел желтые пятна на своих пальцах.

Он посмотрел в коридор — там два других солдата тащили на носилках еще одно тело. Фрутрикс, пропуская их, отошел в сторону, сжав костлявые кулаки. Как только солдаты с

носилками прошли, Фрутрикс с нервным, раздраженным выражением на лице бросился к Свенсону.

— Вы должны мне сказать, кто это сделал!

Свенсон присел у тела — нового тела — на колени и затянулся, чувствуя, как медные частички никотина проникают в его кровь. На носилках лежал солдат в зеленой форме почти с таким же разрезом на шее, только рана еще не подернулась багряной и черной коркой.

— Это сделали, пока вы были там! — Фрутрикс нетерпеливо махнул рукой в сторону главного входа. — С ними!

— Рана... такого же вида.

— Конечно! Это одинаковые раны! Кто убийца?

— Вы должны изучить характер ранений.

— Не буду я этого делать — я не мясник и не врач! Это ужасно! — Фрутрикс ткнул пальцем в сторону шкипера. — Это мистер Брандт! Он мертв!

— Если не изучите, ничего не узнаете. Таков уж тот мир, в котором вы оказались. Вот смотрите. — Свенсон правой рукой (зажав между пальцами сигарету, над которой вился сизый дымок) показал на горло Брандта. Фрутрикс протестующе нахмурился, но встал рядом с ним на колени. — Судя по углу пореза, очевидно, что убийца стоял перед жертвой — видите, где вошел клинок и где вышел... сделать это сзади невозможно.

— Он видел своего убийцу? Но не было никакого крика, вообще ничего!

— Посмотрите внимательнее — вот он, угол входа... извините, при всем уважении к вам... я должен проиллюстрировать свою точку зрения...

Свенсон вытащил складной нож убитого и раскрыл его. Если Фрутрикс и узнал оружие, то ничего не сказал. Свенсон осторожно прижал лезвие к липкой ране.

— Такой разрез мог получиться только от удара снизу вверх.

— Но что это значит? Если бы я напал на вас с ножом, то мои руки оказались бы ниже вашей шеи... вот они, висят у пояса... выходит, снизу вверх!

— Нет, — сказал Свенсон. — Встаньте.

Они поднялись на ноги. Свенсон вложил нож в руку Фрутрикса, взял его за запястье и принялся медленно поднимать его руку к собственному горлу, изображая нападение.

Вы, скорее всего, будете заносить лезвие от плеча, как при ударе кулаком, а потому угол входа будет гораздо ближе к прямому, чем мы видим здесь.

Фрутрикс с отвращением посмотрел на нож в своей руке.

— И что это значит?

— Только то, что убийца был гораздо ниже покойного.

Свенсон взял нож у Фрутрикса и, присев у недавно убитого солдата, расширил рану так же, как предыдущую. На лезвие неприятно натекла еще не успевшая свернуться кровь.

— Тот же случай — удар спереди и снизу. Полагаю, этот тоже не закричал, не издал вообще никаких звуков?

— Нет.

Как-то ведь это молчание объясняется. Возможно, их держали под прицелом. Или они не видели причин для опасений.

— Но их же убили.

— Значит, их рассуждения оказались неверными. Этого человека нашли на территории завода?

— Вы можете сказать, кто их убил?

Свенсон представил себе, с какой легкостью графиня приближалась к своим жертвам, усыпляя их подозрения улыбкой. Он вспомнил, как быстро и жестоко — и с каким ликованием — она убила Граббе. Неужели его нежелание выдать графиню доказывает, что она очаровала и его?

Вбежал офицер в зеленом.

— Мистер Леврет! Еще один убитый! Идите туда!

Офицер пошел впереди, доктор следовал за Левретом (это имя тоже ничего не говорило Свенсону, но звучало лучше откровенно нелепого Фрутрикс) в противоположную часть здания, где еще одна группа солдат у бойниц охраняла вход. С этой стороны не было деревянного забора — только каменная ограда вокруг гораздо более старого сооружения, полуразрушенные очертания которого виднелись за стволами деревьев, словно полустершаяся надпись на замшелом надгробии. У стены кто-то лежал на земле, вокруг него сгрудились несколько солдат.

Леврет уже принялся искать объяснение. Офицер указал на деревянную лестницу, приставленную к стене. Может быть, убитый просто потерял равновесие? Леврет развернулся к доктору, губы его были плотно сжаты.

— Это чудовищно!

Доктор кинул взгляд на тело, сделал последнюю затяжку — сигарета уже почти обжигала пальцы — и затушил окурок о стену.

— Вы должны убрать отсюда своих людей.

— Я этого не сделаю! — возразил Леврет. — Вы больше не воспользуетесь моей мягкостью.

— Как хотите... но тогда они узнают правду.

Свенсон сотню раз сталкивался с этим во флоте: идиоты, продвинувшиеся не по заслугам и одержимые гордыней, требовали сделать все «так, как я сказал», и корабль погибал в шторм или попадал под обстрел вражеских батарей. Свенсон посмотрел на чиновника, не скрывая презрения. Леврет сглотнул слюну и, нетерпеливо всплеснув руками, отослал солдат обратно на посты.

В глазах мертвеца читались недоумение и ужас, в уголках рта запеклась синеватая слюна. Доктор вспомнил Карт, кровь на камнях там, где напали на мальчика, холодный запах смерти на шахте. Не без труда — Леврет тут же пришел на помощь — он перевернул убитого на бок, чтобы осмотреть спину: сверкающая решетка порезов и проколов, блестящая синяя масса свернувшейся крови, которая запачкала зеленый шерстяной мундир. Свенсон насчитал не менее семи глубоких ран, нанесенных с варварской быстротой. Он кивнул Леврету, и вдвоем они осторожно перевернули покойника на живот. Доктор встал и полез в карман за портсигаром.

Если вы надеялись получить время, чтобы развить успех мятежа, то напрасно. Я уже видел такое. В Карте.

— Карт находится в горах! — Лицо Леврета от гнева побелело еще сильнее. — Вы должны мне рассказать, что вам известно. И немедленно! Это и в самом деле мятеж. Не забывайте, что вы мой пленник! Я требую сказать мне, что убило этого человека!

— По-моему, это очевидно.

Леврет снова кинул взгляд на солдат — те внимательно смотрели на них. Он облизнул

губы.

Но... но это какая-то бессмыслица... других убил кто-то, кому они доверяли... или кого не опасались. Но этот человек...

— Ну? — выдохнул доктор.

— Это сделал другой убийца.

— Вы так думаете?

Леврет проглотил слюну и скрестил руки на груди.

— Сомнительно, чтобы этот убийца мог лицом к лицу предстать перед мистером Брандтом и не напугать его.

— И еще сомнительно, что человек, убивающий таким образом, находится в здравом уме.

— Вы сказали, что видели такое прежде — на севере...

— Да, видел.

— Так что же нам делать? Как остановили того убийцу?

— Кажется, его так и не остановили. И он явился к вам.

Леврет некоторое время разглядывал тело, морщась от отвращения при виде зияющих ран.

— Это невозможно...

— А чего еще вы ждали? — спросил Свенсон. — Кому, по-вашему, вы служили? Когда вы увидите Франсиса Ксонка, думаете, он вас отблагодарит? Тот, кто изготавливает боеприпасы, должен понимать, когда его работа становится опасной и надо вести себя осторожно. Но вы очень скоро узнаете это... поскольку вашего человека убили внутри ограды, в вашей обороне есть изъян. — Свенсон подозвал солдат и показал на лестницу. — Осмотрите все вокруг его поста! Убийца внутри ограды. Прочешите местность крупными силами!

— Вы тут не приказывайте! — прокричал Леврет. Солдаты подхватили Свенсона под руки и потащили прочь. — Вы как все эти... они жаждут подняться наверх, как те шлюхи... такие самоуверенные, заносчивые... надеются чего-то достичь, перепрыгивая через спины других, пока не окажутся на вершине, где исполнятся все их детские мечты. Но кто их туда вознесет? Где эти хозяева? Я здесь хозяин!

— Я думал, вы служите Франсису Ксонку! — отозвался Свенсон.

Он возлагал надежды на солдат в зеленых мундирах, но лица у них оставались непроницаемыми.

— То, что вы думаете, никого не волнует! — воскликнул Леврет. — Уведите его!

* * *

Доктор безнадежно взирал на серебристые стены кабинета закалки и на круглую обогатительную камеру, висевшую на ремнях в центре. Ему захотелось лягнуть ее. Когда его ввели внутрь, два прежних солдата встали у дверей, а еще двое опустили третье исколотое стеклом тело к ногам доктора, словно убийство было делом его рук. Возможно, новое оружие давало им вполне надежную защиту... возможно, собственные солдаты Франсиса Ксонка пристрелят своего хозяина, как кролика. Возможно... Но он все еще помнил серьезные лица убитых жителей Карта. Свенсон изучил запекшуюся синюю корочку на губах

убитого, потом повернулся к двум охранникам в дверях, тоже обреченных. Маленькая комната, набитая трупами, настроения не поднимала.

Он опустился на одно колено, охнул, потом вскочил и взволнованно закричал солдатам у дверей:

— Эй вы, немедленно бегите к мистеру Леврету! Я тут нашел кое-что на теле. Ему нужно предупредить!

Двое у дверей переглянулись.

— Скорее! Времени нет! — воскликнул Свенсон. — Иначе он совершит ужасную ошибку!

Один из часовых бросился куда-то в переднюю часть здания. Другой шагнул в комнату, держа карабин наизготовку.

— Какую ошибку? — настороженно спросил солдат.

— Посмотрите сами, — сказал Свенсон, становясь на колени перед третьим трупом и показывая точку на шее убитого сзади. — Тут яркий свет, я сразу увидел...

— Ничего не вижу, — сказал солдат, наклоняясь.

— Какой же я слепец! Да вот же — под воротником, первая точка входа... рана!

Солдат опустился на колено и осторожно протянул руку к телу, другой рукой для равновесия держа опущенный на пол карабин.

— Что это такое?

Свенсон наступил на пальцы, сжимавшие карабин, а другим коленом нанес удар солдату в челюсть. С тошнотворным звуком тот шлепнулся на тела мертвецов. Свенсон бросился прочь из комнаты.

Он не надеялся, что ему удастся обмануть солдат у одного или другого входа, и потому бросился в основное помещение — туда, где стояло оборудование. Спотыкаясь, доктор протиснулся между яркими трубками и запотевшими шлангами, но когда оказался в самом центре, то зажмурился от яркого света. Громкие стуки и шипение со всех сторон оглушили его. Он не услышит приближающихся солдат. При таком свете он их даже не увидит, и его пристрелят без всякого труда, как мальчишки — белку на дереве. На его пути возникла длинная тень — одна из высоких металлических пластин. Внутренняя поверхность была исцарапана теми же бессмысленными знаками, что и на картинах Оскара Файляндта: уравнениями, надписями на разных языках, фигурками, словно сошедшими с полинезийских пиктограмм. Отраженный свет пластины падал на пол. Свенсон отругал себя за несообразительность — эта писанина не имела никакого смысла! С таким же успехом пластины можно было покрыть краской. Требовалось лишь, чтобы металл отражал лучи под определенным углом. Но с какой целью? Длинные пластины образовывали не очень правильный круг, но в центре... было только пустое пространство, оплетенное шлангом. Свенсон вошел внутрь круга и вдруг увидел в дальнем углу комнаты Леврета с четырьмя солдатами. Они смотрели прямо на него.

Свенсон упал на колени, обшаривая взглядом помещение в поисках выхода. К его огромному удивлению, в потолке обнаружилось большое круглое отверстие, из которого свисали шланги и цепь. Отбрасывая страх и приличия, он запрыгнул на ближайшую машину, ощутил вибрацию под своими подошвами, потом прыгнул на висящую металлическую пластину — сердце ушло в пятки, но он сумел ухватиться за свисающую цепь. Колени ударились о пластину, и та начала раскачиваться. Ноги доктора колотили по металлу с обеих

сторон. Он услышал отрывистый резкий звук: пластина запела от попадания пули. Свенсон протянул руку еще выше, к другой цепи, свисавшей из дыры в потолке, ухватился за нее и, чувствуя, что голова идет кругом, оторвался от пластины. Еще один резкий щелчок — пуля просвистела где-то неподалеку, — и Свенсон ухватился за кромку отверстия в потолке. Он с трудом завел внутрь локоть, потом другой, потом со страшным усилием подтянулся и, тяжело дыша, улегся на полу. У четырех солдат имелись скорострельные карабины, но пока они стреляли только два раза, и то мимо — боялись повредить оборудование.

Свенсону доводилось видеть водопады, где можно пробираться между отвесной стеной скалы и потоком падающей воды, глядя сквозь сверкающий занавес. В этой комнате он испытал нечто подобное, хотя обстановка была совершенно неземной. Вокруг него висели, по-видимому в полном беспорядке, косы кабелей, трубы, шланги и цепи. Примерно на двадцатифутовой высоте (следующий этаж был разобран, чтобы освободить пространство) они наконец собирались в пучки, уходящие в металлические трубы. В потолке наверху тоже имелось круглое отверстие, но слишком высоко — Свенсону было не добраться.

Он принялся проталкиваться через это сплетение, работая руками и коленями. Должна же тут быть лестница! Сквозь отверстие в полу донесся голос мистера Леврета:

— Не дурите, доктор! Вам не спастись! Вы и не представляете, что вам грозит!

Свенсон усмехнулся. Уж это-то он прекрасно представлял, пробираясь сквозь занавес серебристых кабелей и шлангов. Для чего предназначались все эти водоводы и трубки, заполнявшие целый этаж? Они поднимались, вероятно, до самой крыши! Доктор вспомнил высокие стены Королевского института, оплетенные трубами и шлангами. Леврет, имея в своем распоряжении гораздо меньше пространства, несколько раз изогнул трубы, плотно заполнив два этажа, чтобы добиться необходимой длины. Свенсон остановился, услышав шаги по деревянному полу, и раскрыл складной нож.

Шарканье приблизилось. Доктор продолжил протискиваться сквозь гущу черных шлангов, оставлявших влагу на щеках. Все это было призвано воссоздать «фабрику» графа в Харшморте. Но с какой целью? Вернее, для получения какого продукта? Что затеял Леврет (шаги звучали совсем близко, и Свенсон спрятался за пучок серебристых труб), для чего вывез оборудование из Харшморта и наладил собственное производство? А как рассердился Леврет, увидев заколотого стеклом солдата! Что могли дать человеку вроде Леврета свойства — воздействие — стеклянной книги?

Шаги преследователя послышались совсем рядом. Свенсон наугад метнулся прочь — ему неожиданно представились вскрытая хирургическим скальпелем горячая полость, связки мышц, сферические пряди легочной ткани, нежные трубки сосудов и вен. Он вздрогнул при мысли о том, что сам движется в такой полости. И снова шаги — еще один солдат! Не размышляя, он бросился совсем в другую сторону, сжимая в руках складной нож, готовый защищаться.

Наконец Свенсон протиснулся через висящий занавес и... чуть не рухнул вниз, с криком выронив нож. Он стоял на краю пропасти. Ухватившись за брезентовый рукав, доктор поковылял к одному из высоких окон, которые видел еще с дороги — незастекленные, открытые всем стихиям. Что за безумная идея? Он посмотрел вниз и нервно сглотнул. Окно располагалось не очень высоко, к тому же внизу была мягкая трава — но Свенсон, который после приключения в дирижабле стал еще больше бояться высоты, замер на месте.

Прямо перед ним раздавалось какое-то шуршание. Ножа больше не было. К наружной

стене здания, в каких-нибудь футах, была привинчена металлическая лестница от земли до крыши. Трубы перед Свенсоном раздались в стороны, и сквозь них просунулась рука солдата в зеленом мундире, размахивавшего длинным обоюдоострым штыком.

Свенсон прыгнул, обеими руками ухватился за холодные металлические ступени и, ожидая удара в спину, заработал всеми четырьмя конечностями, как необученная обезьяна.

Но удара не последовало. Рука со штыком нанесла удар туда, где только что стоял Свенсон, однако сам солдат так и не появился. По трубкам и шлангам прошла рябь... человек сражался с кем-то, невидимым доктору. Занавес раздвинулся, и в просвете появилась графиня ди Лакер-Сфорца, для которой пропасть тоже оказалась неожиданностью. Она ловко ухватилась за болтающуюся цепь и метнулась в сторону, как акробатка. Тут наконец появился солдат и, увидев, что перед ним не пленный иностранец, а запыхавшаяся красавица, замер на месте. Графиня своей сверкающей пикой вспорола шланг рядом с лицом солдата, и в глаза ему ударила струя горячего пара. Он отпрянул назад, графиня нырнула следом за ним и исчезла из виду.

Столкновение это было совершенно бесшумным, и тем более странным показался доктору Свенсону голос Леврета, призвавший его сдаться, — теперь он звучал глуше. Свенсон пропустил его слова мимо ушей и полез вверх в ужасе — он совершенно открыт и не защищен, как многоножка, ползущая по выбеленной стене. Откуда взялась графиня? Видимо, он ненароком привел солдата к тому месту, где она пряталась. Голова кружилась, и доктор зажмурил глаза, потом снова уставился на белые кирпичи в нескольких дюймах от своего лица.

Этот фасад был противоположен тому, что выходил к каналу: справа от доктора была толпа приверженцев, слева — двор, где нашли солдата, заколотого стеклом. Теперь он мог видеть, что происходит за каменной стеной и в лесу, где вдруг вспыхнули факелы... цепочка огней, на ее концах — зеленые мундиры... а в середине... Свенсон прищурился, всматриваясь туда, где мигали фонари... группа пленников. Два солдата (в красном, значит, драгуны) со связанными руками, потом еще один человек, без шляпы, в черном пальто, а за ним... две женщины. Дыхание у доктора перехватило. Второй женщиной была Элоиза.

Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди, но он заставил себя ползти вверх, решительно вперившись взглядом в кирпичи. Если он, один и безоружный, попытается освободить пленников, то сам окажется в их числе. Судя по солдатам, эту группу (второй женщиной, вероятно, была Шарлотта Траппинг, а мужчина — Роберт Вандаарифф) сначала захватили драгуны, а потом — частная армия Леврета. Свенсону было бы любопытно увидеть воссоединение Леврета с сестрой Ксонка (видимо, она была его главной соперницей), но именно два драгуна подтверждали, что правительство провело мобилизацию. Как доктор и говорил Леврету, вся армия готовилась прийти в движение — стоило лишь отдать приказ...

Следующий этаж отличался тем, что на ближайших окнах, тоже незастекленных, были металлические решетки. Доктор пригляделся и не увидел на кирпиче свежих царапин. Значит, решетки поставили не вчера — может быть, несколько лет назад. Машины здесь были побольше, темные и замасленные от постоянной работы. Доктор ничего не понимал в производстве, но корабельные механики водили его по трюму с турбинами и котлами, поэтому он понял, что здесь — сердце завода, питающее его энергией. Леврет переоборудовал предприятие для воплощения в жизнь металлических фантазий графа. Чтобы прекратить всю эту затею, надо было сперва поработать ломом именно здесь. Правда, у Свенсона не было лома. И как пробраться за решетки? Он продолжил подъем.

От неожиданности он чуть было не свалился на землю: лестница заходила ходуном — на нее залез кто-то еще. Свенсон посмотрел вниз и увидел блестящие черные волосы ползущей вверх графини, багряный шелк ее рукавов. Он ускорил подъем, хотя и понимал, что от этого хватка становится менее надежной и больше риска, что ноги соскользнут со ступенек. Наконец он добрался до самого верхнего ряда высоких окон, тоже зарешеченных. Каждый проем был затянут парусиной. Здесь ощущался запах синей глины, не менее сильный, чем среди сплетения шлангов и трубок. Послышался какой-то звук, высокий, непрерывный, словно жужжание фарфоровых ос. Доктор взглянул вниз. Теперь его отделял от графини всего один этаж, а не два. Та подняла голову. Черные волосы упали ей на глаза, а когда она ухватилась за следующую ступеньку, обнажились ее зубы. Платье на спине отливало кровью. Графиня без улыбки встретила его взгляд. Лестница вздрагивала с каждым ее решительным шагом. Свенсон наугад ухватился за следующую ступеньку и бешено подтянулся поближе к крыше.

Доктор обратил внимание, что, по иронии судьбы, убежище для него нашлось именно на крыше — там, где даже в лучшие времена он от головокружения свалился бы на четвереньки. Ему пришлось перевалиться через край — жуткое мгновение, когда он целиком отпустил лестницу и ухватился пальцами за голый (к тому же пыльный, скользкий и даже крошащийся) кирпичный карниз. Что, если он добрался сюда в самый неудачный момент? Что, если подошвы соскользнут со ступенек? А если он задержится слишком долго, не перережет ли графиня ему поджилки? Бесполезная тревога до предела натянула его нервы. Он был на вершине лестницы и не знал, что там, за козырьком карниза в двух футах над ним. С диким рыком он подтянулся, изо всех сил вцепившись пальцами в кромку карниза, та неприятно впиалась в бицепс. Он мотал ногами, обдирая колени, и в конце концов с трудом выбрался на дощатую крышу, залитую толстым слоем старой смолы, усыпанную песком и покрытую сажей.

Крыша, ярдов тридцати в ширину и шестидесяти — в длину, была разделена по всей длине двойной линией кирпичных труб, каждая шириной в бочку и высотой с рослого человека. Неподалеку от того места, где Свенсон вылез на крышу, поднималось приземистое кирпичное сооружение с дверью, ведущей в здание. Свенсон бегло взглянул туда, откуда вот-вот должна была появиться графиня, и ринулся к двери, решив, что одна безумная женщина опаснее целой армии солдат. Он подхватил какую-то деревяшку (ножку стула, неизвестно как попавшую на крышу, словно овечья кость — в орлиное гнездо) и крепко заклинил ею дверь. Шагов за дверью не раздавалось. Доктор заглянул за ряд труб, но не увидел никаких солдат. Как это могло случиться?

Он поглядел на лестницу. Рука графини появилась над кирпичным карнизом, пальцы ее походили на кошачьи когти.

Доктор шагнул к карнизу. Один удар ногой — и с графиней покончено. Та перевалилась через кромку крыши, ноги ее словно сражались с узкой шелковой юбкой. Свенсон ухватил графиню за предплечье здоровой руки. Она подняла голову, встретила его взгляд, усмехнулась и приняла помощь. Не слишком церемонясь, Свенсон вытащил ее на крышу и поставил на ноги. Графиня снова усмехнулась и тряхнула головой.

— Куда разумнее было бы действовать вместе.

— Я вам не союзник.

— Не будьте ослом! Принимайте мир таким, каков он есть... каким он стал.

— Я не согласен, — ответил доктор, чувствуя свою ущербность из-за того, что не нашел других слов.

— Вы протянули мне руку. — Графиня тяжело дышала. — А ведь могли ударить каблуком по пальцам и отправить меня в тартарары. Но вы решили иначе, доктор Свенсон, — вы сделали ваш выбор и, бога ради, не морочьте мне голову своим брюзгливым недовольством! А нет — так я вспорю вам сердце, чтобы из него фонтаном хлынула кровь!

Доктор Свенсон понимал, что эта женщина в гневе способна на все — сколько человек она убила сегодня? Но еще он знал, что ее оружием была неожиданность. Убитые видели перед собой красивую женщину: как подозревать, что она несет смертельную угрозу? Сам Свенсон не заблуждался на сей счет.

— Ваша рана открылась, — сказал доктор, заметив красные подтеки на ее правом рукаве.

— А у вас противные пятна на зубах, — язвительно усмехнулась графиня. — К чему говорить обо всем этом?

— Они придут за нами. И очень скоро.

— И это также совершенно ясно.

— Я должен спросить у вас кое-что и настаиваю, чтобы вы ответили.

— А я настаиваю на том, чтобы сбросить ваше тело с крыши...

— Я вас не боюсь, мадам.

Графиня поразительно вульгарно сплюнула под ноги на застывшую смолу и сверкнула на доктора глазами. Он понял, что графиня при первой возможности вырежет ответ стеклом на его шее.

— Ну что ж, тогда спрашивайте.

— Вы устроили встречу Каролины Стерн с Шарлоттой Траппинг и Элоизой Дуджонг в номере отеля «Сент-Ройял». Я хочу знать, зачем вы это сделали и что из этого получилось.

Графиня недоуменно закатила глаза.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Да господи боже мой, доктор! Неужели из-за нее? Вы что — собираетесь потратить всю жизнь на эти напрасные поиски? Да она заслуживает не больше любви, чем курица, которой собираются свернуть шею.

— Меня не интересует ваше мнение, мадам.

— Давайте, по крайней мере, послушаем, что там у дверей — не дадим застать себя врасплох...

Графиня показала раненой рукой на дверь, но одновременно сделала осторожный шаг навстречу Свенсону, держа за спиной левую руку. Доктор быстро отступил, оказавшись вне пределов ее досягаемости, и довольно резко сказал:

— Если вы сделаете это еще раз, я во весь голос позову Леврета. А потом, мадам, я постараюсь покончить с вами, даже если для этого придется нам вдвоем свалиться с крыши.

— Вы этого не сделаете.

— Такой поступок — услуга всему человечеству и легкий способ достичь святости.

Графиня презрительно отерла рот кончиками пальцев левой руки, продемонстрировав свое оружие: надетую на четыре пальца стальную ленту с острым треугольным зубцом посередине, длиной около дюйма. Можно было полоснуть им, как ножом, или сделать смертельным удар кулака. Именно так на дирижабле графиня пробила череп Гаральду

Граббе, который умер, еще не успев упасть. Но — и это поражало Свенсона, как, впрочем, многое другое в жизни, — он не боялся ни графини, ни прежде всего смерти... когда непонятно было, ради чего жить.

— Итак, — сказал он. — «Сент-Ройял»...

Словно признавая, что ее на минуту загнали в угол, графиня улыбнулась. Доктор взял себя в руки. То, что она сейчас скажет, определит и ее первый шаг на пути мести.

— Да тут и рассказывать особо не о чем. Вы должны знать, кем она была при Траппинге. Господи, доктор, вы же сами видели этого человека. Ведь это самое ужасное: думать о том, что ты — любовница дурака.

Свенсону очень хотелось ударить ее, но он не шелохнулся.

— Самое ужасное — это вы, мадам. При ваших неоспоримых талантах вы — образец впустую растроченной жизни.

— И это говорит человек, болтавшийся при Карле-Хорсте фон Маасмарке... что ж, я запомню.

— Давайте о той встрече в отеле.

— А о чем тут рассказывать? Я не хотела, чтобы Франсис, или Оскар, или Граббе знали о моих подозрениях, а потому не могла рисковать — не могла позволить, чтобы меня увидели. Поскольку я была знакома с Шарлоттой Траппинг, то устраивать все пришлось Каролине.

— Миссис Траппинг не должна была знать о вашем участии?

— Она — в последнюю очередь, — ответила графиня, словно это было совершенно очевидно.

— Но зачем понадобилась Элоиза? Зачем, если она... — доктор через силу произнес это с лицом, пунцовым от гнева и стыда, — была любовницей полковника... и миссис Траппинг было известно о ее... об их связи...

— Известно? — рассмеялась графиня.

Свенсон пребывал в недоумении.

— Но... если... зачем...

Графиня снова рассмеялась. Свенсон понял, что ее намерения изменились, и она теперь расскажет не то, что собиралась вначале. Прежде чем графиня заговорила вновь, он поднял Руку.

— Вы не получали никаких сведений от Шарлотты Траппинг, иначе вы бы встретились с нею с глазу на глаз. Вместо этого миссис Стерн сообщила Шарлотте, что раскрыта некая тайна, и шантажировала ее обнародованием, домогаясь денег... хотя бы обещания денег. Понятно, что тайной была супружеская измена полковника... — Внезапно Свенсон понял, что ошибается. — И в самом деле, это объясняло бы присутствие миссис Дуджонг. Но вы забываете, что я видел, как женщины вместе прибыли в это здание. Кроме того, я видел их вместе в тот же день, но чуть раньше: значит, между ними не было размолвки из-за измены полковника. Вы включили миссис Дуджонг в список приглашенных по двум причинам. Во-первых, как женщина благоразумная, наблюдательная и, вероятно, сама знавшая эту тайну, она бы непременно привела Шарлотту. Во-вторых, узнав, что хозяйке грозит опасность, она постаралась бы что-нибудь предпринять. А защищая миссис Траппинг, вольно или невольно сделала бы ее подвластной вам.

От доктора не ускользнула ирония обстоятельств: Элоизе сообщили о том, что миссис

Траппинг грозит опасность, а вскоре после этого исчез полковник. Вот почему Франсис Ксонк так легко убедил Элоизу отправиться в Тарр-Манор, где из ее памяти стерли воспоминания об этой встрече вместе с самим фактом измены.

— На что мне такая предусмотрительность? — спросила графиня. — Предусмотрительность нагоняет на меня тоску.

— А затем, что миссис Траппинг — урожденная Ксонк, — ответил Свенсон. — Гордая, злая, ожесточенная и непредсказуемая, как напившийся Господь.

Графиня снова улыбнулась.

Боже милостивый, доктор, вы так умны, что я уже почти не хочу вас прикончить.

Вы пока так и не сказали, в чем состояла тайна.

— И не скажу.

— Скажете.

— К несчастью, доктор, мы уже не одни.

Свенсон резко повернулся к двери. Инстинкт тут же привел в действие его руки и ноги — и вовремя. Он отпрянул назад, иначе графинин шип распорол бы ему шею. Женщина споткнулась — сила инерции от неудачного удара потащила ее вперед. Рука Свенсона взметнулась вверх, пальцы сжались в кулак, когда он встретил взгляд графини и увидел, что та опять смеется.

Вы не можете винить меня, доктор... только дурак сдается так легко. Ударьте меня, если вам так надо... или если сможете... но я сказала правду.

Она указала рукой со стальной лентой на другую половину крыши за рядом труб. Там стояли два человека — один прямо, другой согнувшись, словно ему было плохо, — на некотором расстоянии друг от друга. Но доктор не сомневался, что они действуют вместе. Свенсон повернулся к графине, жалея, что в кармане нет серебристого револьвера. По другую сторону труб стоял Франсис Ксонк, а с ним — с ним! — Кардинал Чань.

Ксонк и Чань подошли к ряду труб и перебрались через них на ту половину крыши, где стоял Свенсон. Графиня метнулась к лестнице, но, оказавшись у края крыши, всего лишь свесилась вниз, потянула носом, а потом крикнула:

— Сюда никто не поднимается! А поскольку и ребенку ясно, что мы здесь, то я полагаю, мистер Леврет занят сейчас другими делами и о нас не думает.

Как легко за считанные мгновения эта женщина переходила от оживленного разговора к попытке убийства, к воссоединению со своими заклятыми врагами, а потом, проявляя завидное здравомыслие, пыталась показать, что спорить в таком положении не имеет смысла.

— Какое у них оружие? — прорычал Ксонк, хрипло и грубо.

— Ваши специальные карабины, конечно, — ответила графиня. — Но я не думаю, что у них есть люди на деревьях — расстрелять нас на крыше они не смогут.

— Они могли бы преследовать нас при желании. — Ксонк кивнул в сторону выходящей на крышу двери.

— Значит, им это не нужно, — парировала графиня. — Это все ваш мистер Леврет. Возможно, вам известны его намерения.

Ксонк выплюнул отвратительный комок синей харкотины. На мгновение его взгляд расплылся, тело покачнулось.

— Леврет... только выполняет... приказы...

— Я так не думаю, Франсис, — сказала графиня. — Теперь Леврет не более ваша креатура, чем Маргарет Хук — креатура графа или Каролина Стерн — моя собственная.

— Он не знает о том, что я здесь.

— Про вас, может, и не знает... а вот про дикое, зловонное чудовище...

— Розамонда...

— А как нагло вы увезли аппараты Оскара... пока все еще были живы! Или предполагалось покончить со всеми в Макленбурге, подав отравленный пудинг?

Стоявший в стороне Кардинал Чань усмехнулся. Свенсон попытался найти на лице своего прежнего союзника какое-нибудь объяснение насчет Ксонка, но видел только два неумолимых черных кружка очков.

— Франсис. — Тон графини был чуть ли не дружеским. — Время не ждет. Пока вы можете, пока еще есть время, расскажите нам все. Машины набирают обороты.

Грохот и вибрация внизу усиливались так постепенно, что доктор почти не замечал этого. Но это незаметное усиление наконец достигло крайних пределов, как паровой котел корабля, раскоцегаренный для прохода через ледовое поле.

— А это что еще за армия — эти приверженцы? — прорычал Ксонк. — Зачем было их вызывать, если вы вместе с нами окружены врагами?

— Она их и не вызывала, — пояснил Чань.

— Вы могли бы и раньше сказать то, что знаете, — покачиваясь, прошипел Ксонк.

— Никто из вас не мог их вызвать. Вы оба только что появились.

— И Леврет тоже, — заметил Свенсон. — Он даже не знает, кто это такие.

Это все Маргарет, — с ожесточением сказала графиня.

— Маргарет еще сдерет с вас кожу заживо, Розамонда, — фыркнул Ксонк хрипловато и удрученно. — Он еще у вас?

— Что у меня?

— Прибор для орошения костного мозга, — сказал Чань, и все опять повернулись к нему.

— У Маргарет книга! — прорычал Ксонк. — Она принесет ее сюда.

— С целой армией, черт ее возьми... — начал было Свенсон, но Ксонк не обратил на него внимания и, пошатываясь, подошел вплотную к графине.

Если прибор для орошения у вас, все остальное не имеет значения.

— Вот только Маргарет, возможно, не отобрала книгу, — сказал Чань.

— У кого не отобрала? — нетерпеливо спросила графиня.

— У маленькой любительницы чая.

— Селесты Темпл, — уточнил Чань.

— Она жива? — воскликнул Свенсон, шагнув к Чаню; доктору хотелось броситься на него и потрясти.

— Она была в Харшморте, — сказал Чань. — И прихватила книгу.

— Маргарет внедрилась в ее мозг! — гнул свое Ксонк. — Девица теперь меченая, ей конец...

— Значит, все будет в порядке, — прервала его графиня. — Если появится ваша книга и мы все будем живы, а наши мозги — не искорежены. И если Маргарет и мистер Леврет — полные кретины! А если так, Франсис, мы, пожалуй, можем прийти к соглашению!

— Я умираю, Розамонда.

В ответ графиня только высокомерно фыркнула.

— Все это полная бессмыслица, — заявил Свенсон. — Леврет знает, что мы здесь. Ничего не предпринимает...

— Потому что боится рассердить меня, — просипел Ксонк.

— Потому что боится нас! — воскликнула графиня. — Его люди, его оружие, его система защиты — все оказалось бесполезным...

— Да ему это просто не нужно, — сказал Чань. — Мы тут как в клетке.

— Нет, — сказал Свенсон. — Он не ожидал, что мы окажемся здесь, и мы не угрожаем его планам. Он ждет настоящих противников — одного он захватил в плен, а другая на пути сюда. Та, что у него в руках, не имеет особого значения. Но та, которую он ожидает... стеклянная женщина... он должен быть готов к ее появлению. Возможно, завод только для этого и существует.

Никто не проронил ни слова. А несколько секунд спустя они могли бы кричать во всю силу своих легких — все равно никто бы не услышал. Трубы на крыше ожили, изрыгая в небо столбы черного дыма и пара. От их рева доктор Свенсон чуть не упал, словно рядом с его ухом прозвучал выстрел.

А секунды две спустя дверь, ведущая на крышу, распустилась почти бесшумным цветком из щепок и пламени. Графиня упала на колени, а Ксонка, который стоял к двери ближе всех, сбило с ног. Свенсон отшатнулся, чтобы щепки не попали в лицо, и учащенно замигал. Чань неторопливо поднял пустые руки. Свенсон проследил за его взглядом и тоже поднял руки с такой же умиротворяющей осторожностью. В рваной дыре, где только что находилась дверь, виднелись зеленые солдаты, неумолимо целясь в противника. Другая группа солдат хлынула на крышу с лестницы, по которой совсем недавно поднялись Свенсон с графиней. Третья появилась с той же стороны, что ранее — Чань и Ксонк, и быстро заняла позиции между трубами.

Ксонка вырвало. Графиня с трудом поднялась на ноги, волосы ее были всклокочены. Солдаты из разбитой двери наводнили крышу. Свенсон увидел, как меж языков пламени нарисовалась чья-то фигура на фоне черного дыма адского занавеса, скрывшего небо.

На крышу вышла Шарлотта Траппинг, с отвращением посмотрела на растрепанную графиню и своего брата, потом наморщила нос при виде Свенсона и Чаня, которые так и стояли с поднятыми руками.

— Взять их! — прокричала она, перекрывая рев машин. В ее хладнокровных повадках сквозило наслаждение, точно серебряная жила в холодном камне. — Если кто-нибудь шевельнет хоть пальцем... убейте всех.

Глава десятая

ЗАВОД

Когда мисс Темпл открыла глаза, в маленьком трюме по-прежнему царила темнота. Она подняла голову с набитого бобами джутового мешка, который затащила на тюк шерсти (влажная шерсть была грубой и все еще пахла овцой), и с отсутствующим видом потерла щеку, на которой остались рубчики от джута. Баржа не двигалась. Они прибыли на место назначения.

Мисс Темпл села, пошарила между тюками, вытащила саквояж Лидии и положила себе на колени. Потом она задрала подол, отерла лицо нижней юбкой и разгладила на себе платье. Сквозь щелку в крышке люка просачивалось немного света, но было непонятно, насколько безопасно выбираться наружу.

Выспавшись, мисс Темпл почувствовала себя лучше, хотя видела тягостные сны. Она снова побывала на крыше тонущего дирижабля — правда, море состояло из колышущихся пластин синего стекла, лизавших ей ноги, которые от этого холодели и окостеневали. Там была и Элоиза, но потом она превратилась в Каролину Стерн, шея у нее была жестоко распорота, и от рубиновой раны и черных волос кожа казалась мучительно-бледной. Каролина завела руки за свои окровавленные плечи и расстегнула пуговицы на черном платье. Мисс Темпл поежилась от такой непристойности, но когда торс Каролины обнажился, платье завернулось вокруг ее бедер, отчего она стала похожа на плакучую иву. Мисс Темпл проглотила слюну, ошеломленная печальной красотой Каролины, изящными очертаниями живота, мягкими пружинистыми грудями, сосками цвета сырого мяса, белой кожей в засохших капельках крови. Замерзшие пальцы на ногах, чувствовала мисс Темпл, вот-вот отломаются. Она принялась топтаться на месте, зная, что падение означает верную смерть. Каролина снова превратилась в Элоизу, с тем же телом и теми же ранами. Внезапно выяснилось, что у Элоизы надо выпытать некую тайну, но воздух прорывался сквозь рану в горле. При каждой попытке открыть рот рана как-то по-кукольному отверзалась. Охваченная внезапным ужасом, мисс Темпл подняла руку к собственному горлу и ощутила, как ее пальцы входят в холодный разрез...

Она нахмурилась и провела руками по волосам — почему этот противный сон так хорошо запомнился? Мисс Темпл чувствовала себя отдохнувшей (по крайней мере, окрепшей физически), но одновременно и голодной. Однако не еды жаждала она (хотя, давно не евшая, не отказалась бы от съестного, кроме разве что баранины) — ее мучил чувственный голод, точно соотносившийся с позывами, порождаемыми воспоминаниями из стеклянной карточки. В то же время сон позволил частично освободиться от черного влияния книги графа д'Орканца. Мисс Темпл чувствовала, как саднит горло при глотании, но желание уничтожить уже не давило на нее так тяжело.

Она опять проглотила слюну (теперь уже будучи не в силах удержаться — так хотелось ощущать этот едкий вкус), осторожно проползла по тюкам к трапу и принялась подниматься, пока не коснулась крышки люка. Никаких звуков не доносилось. Мисс Темпл стала осторожно поднимать тяжелую крышку головой — в конце концов пришлось помочь себе еще и рукой. Крышка с жутким скрипом поднялась на полдюйма. Мисс Темпл посмотрела сквозь щелку, ничего не увидела, подняла крышку еще на два дюйма, подождала, подняла еще. Крышка уже торчала так, что игра в прятки стала бессмысленной. Палуба была

пуста. Мисс Темпл откинула крышку на палубу и осторожно вылезла наверх, приподняв подол и нижние юбки — на тот случай, если придется пуститься наутек.

Фонарь, тусклый свет которого проникал в трюм, висел в нескольких ярдах. Благодаря ему мисс Темпл увидела, что баржа причалена к выложенному кирпичом берегу канала. Дальше шла полоска травы, а еще дальше — плотная, темная стена деревьев, высокие ветки которых нависали над баржей. Луна и звезды были едва видны сквозь колеблющиеся кроны.

Мисс Темпл прокралась к невысокой мачте посреди палубы, рядом с которой лежал свернутый парус — неплохое укрытие, если что. Послышался хлопок тяжелого тюка, брошенного на доски палубы, а потом — смех. В свете другого фонаря мисс Темпл увидела еще одну группу людей, которые вытаскивали ящики из другого люка, — довольно далеко. Тут мисс Темпл поняла, что ее баржа стоит за другой, такой же ширины, и что ей крупно повезло: она вылезла в тот момент, когда команда отправилась мародерствовать на неохраняемую соседнюю баржу. Мисс Темпл воспользовалась возможностью и поспешила к трапу. Она еще раз посмотрела на соседнюю баржу, услышала стук еще одного ящика и бесшумно, словно лиса, направилась по сходням, а оттуда — к гравийной дороге, пригибаясь как только могла. Добравшись до поворота и скрывшись из поля зрения моряков, мисс Темпл выпрямилась и выдохнула. Темное платье и темные волосы должны были сделать ее невидимой в ночи.

Дорога заканчивалась у большого квадратного здания. Высокие окна сияли в темноте, как звезда, спустившаяся на землю.

Чем ближе подходила она к ярко освещенному зданию, тем отчетливее слышала нечто вроде рева пожара и позвякивания металлической посуды. Небо над зданием было затянуто тучами, и мисс Темпл не сразу сообразила, что тучи производит оно само — дым поднимался не из одной трубы, а из множества труб, усеявших крышу. Когда ей стало понятно, что здесь на полную мощность работает целое предприятие, в низком реве стал различим гул турбин и двигателей, а звон кухонной утвари превратился в безжалостное клацанье дробильных машин.

Мисс Темпл довольно быстро провела связь между уничтожением лаборатории графа в Харшморте и кипучей работой здесь. И все же, когда она закрыла глаза и погрузилась в липкое болото книги (невзирая на чувство омерзения и понимая, что знание может спасти ей жизнь), то не обнаружила там ни намека на это место. Но как могло существовать это предприятие без вельможи графа? Мисс Темпл пошла дальше, голова у нее снова кружилась. Перед ее мысленным взором предстала отцовская сахароварня, громадные котлы для кипячения тростникового сока (запах горелого тростника оставался с ней весь день), но теперь она впервые видела современный завод. И не ожидала, что он ей понравится.

А что могло ей понравиться в этой жизни? Эта мысль грызла ее, хотя больше подходила для какой-нибудь беспомощной дамочки из сентиментальной пьесы, чем для женщины с твердым характером. Но в основе ее недовольства было что-то очень реальное. Она вполне могла бы предаваться мелким радостям вроде овсяных лепешек, но это представлялось ей чем-то низменным, удовлетворением животных потребностей. Разве наслаждение не многосоставно — контраст и отсрочка, воздержание и утрата? Разве истинная радость не определяется способностью заглядывать в будущее? Владеет ли таким пониманием кошка? Владеет ли мисс Темпл... по-настоящему, в душе?

Она шла одна в темноте, и поэтому ей было не очень просто смириться с такой

перспективой. А как же быть с тем, чего она всегда хотела, искренне, а не по воле других? Как быть с мужем? Роджер был мертв, но даже если бы нашелся кто-то, способный его заменить (хотя она не принадлежала к тем, кто сегодня любит одного, а завтра — другого), что тогда? Какой же любовницей (одно это слово во рту было как непережеванный, непроглатываемый кусок) будет она, если при малейшем уколе желания ее захлестывает поток развратных мыслей? Да разве захочет какой-нибудь мужчина иметь такую жену, если узнает, что во все ее мысли проникла похоть? Она увидела себя лежащей на брачном ложе, со сладострастным огнем в глазах — муж просто отвернется в отвращении! Как убедит она других в своей невинности, когда и себя-то не может убедить?

И вот, словно в подтверждение этого, мисс Темпл предалась самым бесстыдным воспоминаниям, которые так страшили ее. Прихотливые соития первой брачной ночи преломлялись в десятки возмутительно искаженных сцен; знакомые ей комнаты превращались в приюты для утоления похоти — каждая кровать, каждый диван, ковры, столы, даже отцовский сад. Пошатываясь, мисс Темпл сошла с дороги и опустилась на колени. Пожар желания, занявшийся между бедер, опалял каждый ее нерв. Сладкая истома растекалась по всему телу, восхитительно перекрашивая прошлое — тонкие, легкие пальцы доктора Свенсона, мышцы его газельей шеи... искривленные губы Чаня, его небритое лицо... Франсис Ксонк, тискающий ее в коридоре... длинные ноги и широкие плечи капитана Тэкема... граф д'Орканц, залезающий ей под платье...

Дрожь пробрала ее от этих острых ощущений, и мисс Темпл со стоном выдохнула, а потом как можно шире раскрыла глаза, заставляя себя думать, вспоминать, где она сейчас и где была прежде. Последнее воспоминание было связано с поездкой из «Сент-Ройяля» в карете вместе с графом и графиней. Но там все было не так — ведь пальцы графа сжимали ее горло. Бесстыдные пальцы принадлежали графине, которая, возбуждая мисс Темпл, желала одного: унизить и опозорить ее. Тогда мисс Темпл не пожелала испытывать стыда. Фыркнув, она не пожелала и теперь, отвергнув пути, которыми любое из этих магнетических тел могло повязать ее разум и сердце.

Она вытерла глаза и печально задумалась над тем, как легко причислила Чаня и Свенсона к отъявленным негодьям... но какая разница? Мисс Темпл не питала никаких иллюзий касательно мужчин — стоило только вспомнить сцены из стеклянной книги.

Мисс Темпл повернулась на резкий звук из освещенного здания и тут же всем телом вжалась в землю. Группа суеящихся теней... драгуны, направляющиеся к каналу, — человек сорок. Немного не дойдя до нее, они остановились по команде офицера, отданной ломким голосом. Причем так близко, что мисс Темпл узнала этот неторопливый, даже мягкий голос.

— По два десятка в каждую сторону, — начал капитан Тэкем. — Я командую восточной группой, сержант Белл — западной. Будем продвигаться по лесу — без шума, — пока на западе вы не выйдете к толпе у ворот, а мы на востоке не доберемся до первой разрушенной стены. Это места сбора. По сигналу начинаем атаку, стреляя при необходимости. На западе ваша задача — открыть ворота, чтобы впустить собравшихся. На востоке — только очистить двор и не допустить отхода. Есть вопросы?

— Эти люди у ворот, сэр, — прошептал сержант. — Они нас ждут?

Тэкем помолчал, легко покачиваясь. Мисс Темпл стало страшно — может быть, его разум оккупирован?

— Сэр? — переспросил сержант.

— Ждут, — откашлявшись, сказал Тэкем. — Но если кто начнет возникать — сразу бейте. Пора. Всем удачи.

Солдаты растворились в лесу. Мисс Темпл оставалась неподвижна. Она знала, что драгуны умеют скакать на лошадях и стрелять, что они великолепные разведчики и связные, но когда солдаты исчезли в лесу с ловкостью опытных егерей, она по-новому осознала, насколько опасны — и насколько осязательны — ее враги. Эти люди — сотни людей вокруг нее — были специально обученными убийцами. А офицеры вроде Тэкема и Аспича — хладнокровными мастерами, для которых убийство не было чем-то из ряда вон выходящим.

Мисс Темпл встала и отряхнула платье на коленях, где ткань напиталась влагой. Территория вокруг завода была наводнена приспешниками стеклянной женщины... но так как единственный выстрел из окна (или даже ловко брошенный кирпич) может покончить с ней, миссис Марчмур предпочтет держаться в задних рядах, прячась за своих ближайших сподвижников. Но их внимание будет в первую очередь направлено вперед — на здание завода.

Мисс Темпл с мрачной решимостью вытащила нож из сапожка. Она проделала следом за ними немалый путь в темноте, словно волк. И они не подозревали о ее присутствии.

Она шла вперед уже минуты две, как вдруг появились новые фигуры, — они хорошо просматривались на фоне яркого света из здания. Но это были не те опасные люди, появления которых ожидала мисс Темпл, и даже не сама стеклянная женщина. Одиноким мужчиной охранял что-то вроде поклажи. Мисс Темпл подобралась поближе... и тут один из мешков раскрылся. Она оглянулась, чтобы удостовериться в отсутствии других солдат поблизости, и пошла дальше, держа руку с ножом за спиной.

— Вот вы где, — сказала она, отчего солдат с карабином в руках резко повернулся.

Мисс Темпл, не обращая внимания на оружие, подошла к сонным детям Траппинга — те с трудом поднялись на ноги. С огорчением она увидела, что тут только два мальчика — Чарльз и Рональд, который сильно продрог и шмыгал носом. Сестры с ними не было.

— Кто там? — воскликнул солдат. — А ну — стой!

— Еще чего, — ответила мисс Темпл. — Я уже не один час слеую за мисс Марчмур — не один час, понимаете? — и я должна знать, где она. Меня зовут мисс Стерн. У меня есть кое-что, нужное миссис Марчмур.

Она подняла кожаный саквояж, чтобы солдат увидел его, и покрепче сжала нож. Достаточно ли она близко для удара? Хочет ли ударить солдата? Да еще перед детьми? Она наклонилась к мальчикам.

— Мы встречались в Харшморте. Вы тогда были с капитаном Тэкемом.

— У вас были чьи-то гребешки, — напомнил Чарльз.

— Мои собственные, — сказала мисс Темпл. — Я их давала на время. Как зовут этого солдата?

— Капрал Данн, — сказал Чарльз.

— Отлично. — Мисс Темпл повернулась к капралу. — Это ведь вы отвечаете за безопасность детей? Я встретила вашего капитана, и он направил меня к вам. Если вы, в свою очередь, сможете направить меня к...

— К полковнику?

— Полковник — как раз то, что мне нужно.

— И как вы следовали за миссис Марчмур?

— Что-что?

— Была еще одна баржа?

— Разве у меня есть крылья? Конечно была.

Мисс Темпл посмотрела на мальчиков. У Рональда был небольшой кожаный ларчик, в последний раз виденный ею в руках у Эндрю Росбарта, — тот самый, с оранжевой подстилкой и пробирками, содержащими, как она решила, детскую кровь.

— Рональд, — спросила она, — что это у тебя?

— Они это оставили, — сказал мальчик, шмыгнув носом и покрепче прижимая к себе ларец.

— Дай-ка его мне.

— Нет.

— Я верну его, Рональд, но ты должен дать мне посмотреть, что там.

— Нет.

— Дай, а не то капрал тебя заставит.

Она метнула на капрала прищуренный взгляд, призывая его к сотрудничеству. Тот услужливо откашлялся.

— Ну-ка, мастер... дама говорит, что вернет его вам...

Рональд поколебался, глядя на старшего брата. Воспользовавшись моментом, мисс Темпл выхватила ларец из руки мальчика. Тот недоуменно разинул рот. Мисс Темпл наклонилась к нему и шепнула:

— Если закричишь, Рональд, то я брошу его в лесу... и не будет у тебя ларчика. Ты пойдешь искать его, и тебя съедят волки.

Нижняя губа мальчика задрожала. Мисс Темпл резко кивнула, понимая, что и солдату любопытно поглядеть на содержимое, и распахнула крышку.

Три пробирки были на своих местах, но оранжевый фетр вокруг них был залит и заляпан, ткань стала жесткой... и посинела. Пробирки были открыты, а потом поставлены на свои места, уже без пробок, но кровь в пробирках остекленела и потому не расплескалась. Мисс Темпл закрыла ларец и вернула Рональду, который принял его с угрюмым молчанием.

— Вы что-то хотите сказать даме? — подсказал мальчику Данн.

— Ничего, — шмыгнул носом Рональд.

— Все в порядке, — сказала мисс Темпл и повернулась к старшему. — Обними братика, Чарльз. Ему холодно. Капрал Данн, я вам признательна за помощь. Где, вы говорите, я смогу найти полковника?

Мисс Темпл уверенно зашагала к зданию, прикидывая, сколько еще нужно пройти, чтобы капрал потерял ее из виду, и боясь до этого момента встретиться с Аспичем. Сколько могла, она шла, не пригибаясь, завод с его грохотом становился все ближе. Наконец она обернулась и с облегчением увидела, что солдат и мальчики исчезли в темноте. Тогда мисс Темпл присела на корточки и, сощурившись, осмотрела здание. Где основные силы драгун? Ушли ли они вперед, когда Тэкем и его подчиненные рассеялись в лесу? Если все солдаты стеклянной женщины участвовали в этой атаке, может быть, мисс Темпл удастся устроить засаду и застать врага врасплох?

От западного крыла донесся громкий крик, похожий на рев толпы, собравшейся на городской площади, — сержант Белл и его драгуны. Мисс Темпл вдруг испугалась — уж не опоздала ли она? — и перешла на рысцу; локоны ее трепыхались, ударяясь о плечи.

Ответом на крик у ворот стал мощный залп. Но крики не стихли, даже после второго залпа, — напротив, достигли торжествующего апогея. Неужели толпа прорвалась за ограду? После третьего залпа раздались вопли, словно косою прорезавшие общий крик. Драгуны начали отвечать на выстрелы, и стрельба с завода стала нестройной, хотя вопли по большей части все еще исходили от нападавших.

Но потом с руин на востоке открыли огонь люди Тэкема, и пули обрушились на защитников здания, как горячий дождь на железную крышу. Однако ощущение было такое, что у людей в белом здании имелось совершенно иное оружие, более скорострельное и смертоносное, хотя числом они явно уступали нападавшим. Мисс Темпл не могла видеть происходящего, но обратила внимание, что защищающиеся вскоре стали вести огонь из здания, словно бы отступив туда. Неужели драгуны так быстро начнут штурм — неужели все будет так просто? От ворот раздался набирающий силу крик — толпа прорвалась внутрь.

Окно над толпой выплонуло язык пламени, а прямо перед ним (из гущи деревьев, где, как считала мисс Темпл, прятались люди) поднялся густой столб черного дыма и расцвел, как жуткий ночной цветок. Раздались страшные вопли, и крик атакующих тут же сошел на нет. Такой же взрыв раздался и в руинах, отдавшись новыми гулкими воплями и треском падающих деревьев. Мисс Темпл, словно в озарении, бросила взгляд на окна, выходящие на гравийную дорогу — прямо напротив нее самой, — и тут же упала на землю. Еще один взрыв — и земля вокруг взбрыкнула, как норовистый конь. Мисс Темпл вскрикнула, но не услышала собственного голоса. На нее посыпались земля и мелкие камешки. Почва сотрясалась снова и снова. Мисс Темпл не могла пошевелиться. У защищающихся на всех направлениях имелись пушки.

Над изуродованной местностью, над разбросанными повсюду воронками плыл дым. Из-за деревьев доносились стоны и вопли. Стрельба прекратилась. Мисс Темпл вытряхнула комья земли из волос. В десяти ярдах от нее, посреди дороги, появилась свежая воронка.

Какой-то звук возник в ее гудящей голове. Чей-то голос.

Голос усиливался специальным устройством, как некогда голос графа в башне харшмортского собора. Ощущая во рту горечь желчи, мисс Темпл вспомнила черный рупор, прикрепленный к зловещего вида медному шлему, вспомнила, как голос д'Орканца заполнял все огромное пространство, словно голос Бога. Но на сей раз голос был другим — тонким, ломким, даже жестоким. Это был женский голос.

— Как вы видели и чувствовали, — кричал голос, — наша артиллерия способна обстреливать все пространство от дверей до самого канала! Вы не можете ни спрятаться, ни атаковать. Ваши люди будут убиты. Ваша затея провалилась. Солдаты и всякий сброд должны отойти. А вы, мадам, должны одна выйти из укрытия. У вас есть пять минут, после чего мы начнем бить по площадям. Можете не сомневаться. Если вы не выйдете, будут уничтожены все.

Последовал хрипловатый треск. Мисс Темпл поняла, что усилительное устройство отключено и пугающее выступление закончилось. Она ждала какой-нибудь реакции — приказов драгунам, криков отступающей толпы, — но ничего такого не услышала. Тогда она прокралась вперед, за линию воронок, над которыми вились дымки. По-прежнему не раздавалось никаких приказов — ни к атаке, ни к отступлению. Остаться на месте — на простреливаемом открытом пространстве — было бы для нападающих самой губительной стратегией, которая могла вызвать лишь очередной вал огня.

Дым рассеялся настолько, что мисс Темпл увидела, где заканчивается гравийная дорога — у невысокой деревянной ограды, за которой виднелся завод. Белая поверхность здания, казалось, состояла только из окон и света, а тонкая вязь кирпичей служила для них всего лишь опорой — горящая клетка, изготовленная из бесчисленных косточек. Мисс Темпл видела тени, мелькавшие вдоль окон и по краю крыши. Над ней все еще поднимался черный дым, словно колышущийся занавес.

Наконец дымная пелена исчезла, и мисс Темпл увидела армию стеклянной женщины — людей, присевших у низкой деревянной ограды: более сотни драгун, неуклюжих господ в черном — министерских чиновников. Ни один из них не шелохнулся. Мисс Темпл подошла ближе (все это происходило словно во сне, потому что никто не прореагировал на ее приближение) и наконец оказалась на расстоянии вытянутой руки от них. Неужели миссис Марчмур обездвижила собственных прихлебателей, как сделала это с мисс Темпл в карете? Неужели она теперь могла одновременно властвовать над столькими людьми — и так повелительно? Но почему она не позволяла им уйти? Не делало ли это их еще более уязвимыми перед артиллерийским огнем? Оставаться на позиции означало вызов открыто не подчиниться прозвучавшим требованиям, и, когда срок ультиматума истечет, эти люди должны будут умереть.

У нее самой тоже оставалось мало времени. Мисс Темпл подняла взгляд на окна — вероятно, оттуда на нее смотрели десятки глаз. Но никто не крикнул, никто не выстрелил. Она сунула нож обратно за голенище и подошла к ближайшему из людей в черном. Это был все тот же отвратительный тип из Харшморты — Харкорт, невидяще смотревший голубыми глазами, как рыба в кастрюле с ухой. В руке его был небольшой шестизарядный револьвер. Мисс Темпл взяла оружие — холодная тяжесть легла на ее маленькую ладонь. Револьвер идеально ей подходил.

Она не увидела ни Фелпса, ни Фохтмана, ни Аспича и решила, что они, взяв Франческу Траппинг, выдвинулись вперед с миссис Марчмур (по собственной воле или как послушные рабы-автоматы), невзирая на приказ Шарлотты. Но опять же: почему с одной Франческой? Мисс Темпл вспомнила об откупоренных пробирках с синим содержимым. Неужели осколок стекла был введен в каждую пробирку с кровью? Или миссис Марчмур сама преобразовала содержимое пробирок, окунув туда палец, — горгона Медуза от синей глины?

Чтобы войти на завод, пришлось перешагнуть через двух солдат в зеленом; кровь стекала у них изо рта по подбородку. Весь первый этаж завода был занят грохочущими, сверкающими машинами. Мисс Темпл поморщилась и остановилась, прижав руку ко лбу, ошарашенная шумом и зловонием синей глины, от которого ее чуть не выворачивало наизнанку. Через воспоминания графа она прозревала назначение каждой из машин — те словно начинали сиять перед ее глазами, когда открывалось их назначение, их отвратительные возможности. Полированные панцири вибрировали, словно неуклюжие тропические жуки, зовущие самку. Мисс Темпл знала, что внутри — только рычаги, валы и смазанные шкворни, но для создателя этих устройств они были воплощением жизни, и потому казалось, что дрожащие машины в любой момент готовы выпростать свои страшные крылья и ноги.

Миновав еще два безжизненных тела в зеленой форме, мисс Темпл пробралась между машин и очутилась в лабиринте маленьких комнат. Почему защитники завода оставили важнейшие агрегаты без присмотра — из отчаяния или самоуверенности? Или они знали,

что работающие на полную мощность устройства нужны миссис Марчмур не меньше, чем им?

Мисс Темпл обрадовалась, увидев лестницу, пусть и шире обычной. Но она сочла это нормальным — кто знает, что там по ней носили вверх и вниз для обработки, измельчения или обточки? Впрочем, подробности снова ускользнули от ее взора. Лестница была темна, по контрасту с остальными помещениями: ни окон, ни ламп, ни фонарей, ни даже свечи на тарелке. Мисс Темпл без особого воодушевления вглядывалась в темноту; механический стук мешал ей сосредоточиться и действовал на нервы. Потом среди ритмического гула она различила что-то новое, змеей вворачивающееся в воздух... душераздирающий крик.

Дверь на первой лестничной площадке была заперта. На следующей, куда вело вдвое больше ступенек, — тоже. Мисс Темпл прижала к ней ухо. Если громадные жуки внизу производили урчащий гул, то здесь слышалось скрежещущее грохотание, исходящее, как решила она, от турбин, поставлявших заводу энергию. На этом этаже, видимо, располагались и пушки, здесь было полно солдат, чтобы воплотить прозвучавшую угрозу в жизнь. Мисс Темпл не интересовали пушки. До следующей площадки было шестнадцать ступеней, и каждая приближала ее к пронзительному воплю.

Эта площадка была освещена, хотя и довольно тускло, но крохотный огрызок свечи все же позволял подниматься не на ощупь. Сначала взгляд мисс Темпл приковали к себе маленькие руки, сложенные чашечкой вокруг свечи, кожа их отливала желтизной. Потом она перевела глаза на призрачное личико, словно плывущее над пламенем. Франческа Траппинг.

Девочка молчала, и потому мисс Темпл поднималась, пока их головы не оказались на одном уровне. Потом она постаралась улыбнуться, словно тут не были слышны окружающие их жуткие звуки и можно было запросто увести ребенка в безопасное место.

— Вы — та дама из большого дома, — сказала Франческа. Голос ее звучал совсем тихо, плечи подрагивали.

— Да, — сказала мисс Темпл, — и я проделала немалый путь, чтобы тебя найти.

— Мне здесь не нравится, — сказала девочка.

— Что же тут может нравиться — отвратительное место. А ты почему на лестнице?

— Они меня выставили.

— И они не боятся, что ты убежишь? Я бы на твоём месте убежала.

Мисс Темпл вгляделась в лицо девочки, но в свете огарка невозможно было понять, изменилось ли оно под воздействием стекла. Франческа покачала головой. Губы ее были сжаты очень плотно, став почти незаметными.

— Мне велели никуда не уходить, — ответила она.

— Подумаешь! — Визгливый крик словно распорол терпение мисс Темпл. — Кто это там?

— Я думаю, это он.

— А я уверена, что он это вполне заслужил, — сказала мисс Темпл.

Булькающий крик за дверью стих... и не осталось ничего, кроме звука работающих машин. Времени не было. Она взяла Франческу за руку. Девочка встала, но не сделала ни шагу.

— Нет, я не могу идти, — сказала она.

— Прекрасно можешь.

— Но та дама сказала, что я должна остаться.

— Я отведу тебя к твоим братьям.

— Они не нужны этой даме. Ей нужна я.

— А как насчет твоей матери?

— Но мама тоже сказала, чтобы я осталась.

— Наверняка она не это имела в виду. Родители нередко врут — ты ведь знаешь.

Девочка заговорила без умолку, лишь время от времени переводя дыхание, когда страх пересиливал желание говорить.

— Мамы так давно не было... все говорили, мы ее найдем... а когда нашли... мы слышали ее... она ничего не сказала... ничего не сказала мне... она говорила только с ними... а я не могла говорить... она мне не позволяла... и никто не говорит мне о папе... и мама стала совсем другая! Почему она не отведет меня домой?

Мисс Темпл увидела высохшие слезы на щеках девочки, ощутила вонь синей глины, испускаемую ее волосами.

— Не знаю. Но нас они не остановят. Идем.

Франческа указала огарком на дверь.

— Мы не можем!

— Глупости.

— Но эта дама сразу узнает! Меня поставили сюда и велели ждать.

— Кого ждать?

— Вас! — сказала Франческа. — Они все ждут!

В глазах девочки мелькнул ужас, но исчез так же быстро, как и появился, и лицо ее словно окаменело. Маленькая рука обмякла, огарок выпал из пальцев, и площадка погрузилась в темноту. Мисс Темпл все еще держала Франческу за руку, хотя и знала, что в одиночку ей девочку не унести, тем более по темной лестнице. Такая беспомощность бесила ее.

Первое холодное облачко мелькнуло в ее мозгу, как пролетающий мимо окна мотылек.

— Селеста... — прошептала девочка.

Мисс Темпл вздрогнула с отвращением: в изменившемся голоске была смерть Соумса и Росбарта, а еще — разложение ее собственного тела. Она сжала безответную руку девочки и, спотыкаясь, повела ее по последним ступенькам к двери. Переложив пистолет и ларец в другую руку, мисс Темпл нащупала дверную ручку. Не успела она прикоснуться к двери, как девочка захныкала.

— Не бойся. — Голос мисс Темпл звучал неприятно, зловеще. — Эти люди слабы, а слабакам всегда нужна хорошая порка.

Она распахнула дверь — и площадку затопил белый свет.

* * *

Картина, представшая перед мисс Темпл, поразила ее, напомнив один из тех тревожных снов, в которых собраны воедино персонажи из совершенно разных частей жизни, словно их вырезали из бумаги и поместили в одну рамочку: директор школы, горничная, солдат из гарнизона и несчастная Синтия Хобарт с плантации на другой стороне реки, и все они ели жаб, сидя в лодке, за руль которой должна была сесть сама мисс Темпл. В сновидениях такие неприятные компании всегда собирались, чтобы преподать нежелательный урок, показать

ей, что она слишком горда, или жестока, или завистлива (зависть всегда была связана с Синтией), что такие чувства недостойны ее. Но в белом здании завода мисс Темпл увидела другое. Другое не только потому, что картина была совершенно реальной: пришлось наконец признать, что, невзирая на самые решительные усилия, последствий ей избежать не удастся. Она перешагнула через порог, не выпуская руки Франчески и ясно осознавая важность происходящего, как и в те минуты, когда она поднималась на палубу корабля для путешествия за море, когда каждый удар ее каблучков по трапу отзывался прощанием с островом — прощанием навсегда. Войдя, мисс Темпл положила конец тому, чем занимались все эти люди, так же бесповоротно, как крошечная запальная спичка инициирует выстрел осадного орудия.

Она оказалась в громадном зале, дальний конец которого сверкал яркими металлическими трубками, связанными воедино и питающими ряд серебристых машин. Из последних выходили черные шланги, подрагивавшие под напором жидкости и газа, похожие на рептилий, что выползают из промышленных джунглей. Сверкающие кожухи машин были откинуты, и от механизмов струился белый свет. Под каждым металлическим панцирем таился источник сияния: сверх-обогащенные столбики синей глины, которые приводили машины в действие, как некогда двигатель дирижабля. За машинами и вдоль боковых стен стояли солдаты в зеленой форме с карабинами в руках. Защитников завода отвели сюда, словно контроль над этим помещением означал контроль над всем предприятием.

На приподнятом помосте стоял Роберт Вандаарифф, возвышаясь, будто надалтарное изваяние. За ним на нескольких цепях висели три громадные металлические плиты, похожие на части непонятого триптиха. По обе стороны от магната располагались высокие медные короба, от которых исходило гудение, а у его ног лежали длинные деревянные ящики, высланные оранжевым фетром. Вся эта картина напоминала собой странную икону некоей религии — безумной алхимической религии графа д'Орканца. Черные воспоминания графа шевельнулись в мисс Темпл, словно свора гончих на поводке. Каракули на металлических пластинах не давали ей покоя, а при виде багряно-красных ожогов Вандаариффа — вокруг глаз и вдоль носа — у нее словно комок застрял в горле. Стало понятно, что это были за крики: Роберт Вандаарифф только что прошел Процесс.

Рядом с Вандаариффом, словно ангел, витающий над грешной душой в чистилище, стояла стройная женщина с рыжеватыми волосами, в темном платье, подол которого был заляпан засохшей грязью. Подле нее маячил мужчина в плаще респектабельного коричневого цвета, его редкие волосы были оптимистично зачесаны наверх. Он постоянно крутил головой, стараясь не выпускать из виду и солдат, стоящих вдоль стен, и тех, что охраняли машины прямо у него за спиной.

Вандаарифф и его опекуны были одной вершиной треугольника. В помещении стояли еще две группы людей, отделенные друг от друга, словно соперничающие просители перед безумным королем. Слева стояла группа миссис Марчмур: она сама в черном плаще, Аспич и Фелпс. Напротив них стояла странная маленькая группка, непонятно чем объединенная (мисс Темпл вообще не поняла, что они делают вместе): графиня, Франсис Ксонк, Кардинал Чань и доктор Свенсон. Они выглядели такими измочаленными после путешествия, что даже их ненависть потускнела. Мисс Темпл встретилась взглядом с каждым: Ксонк смотрел безумными глазами, графиня — жестоко, точно ястреб, доктор побледнел от отчаяния, на Чане были непроницаемые очки.

Их взяли в плен? Кто? И что они здесь делают?

Если мисс Темпл чего-то не понимала, то она начинала злиться даже в самой спокойной обстановке, но теперь, видя все эти неожиданные предательства, она впала в ярость, и эта ярость, так похожая на ожесточенный гнев графа, сломала последнюю преграду между нею и его воспоминаниями. Дыхание у мисс Темпл перехватило, она потеряла равновесие и, отпустив руку Франчески, упала на одно колено. Лицо ее горело, она пыталась сохранить рассудок под этим напором отчаяния и ненависти, под напором фактов — омерзительных фактов, — мешавших ей сосредоточиться. Безумие, творившееся вокруг нее, начало обретать смысл... она знала, что медные нити прожгли ткани, что, судя по грохоту одной машины, та запаздывает на четверть оборота, что точная температура синей глины, исходя из интенсивности запаха, составляет...

— Селеста! Селеста, что с вами?

Чья-то рука мягко коснулась ее плеча. Мисс Темпл, издав неподобающее даме мычание, заглянула в лицо Элоизы Дуджонг, присевшей рядом. Она-то откуда взялась?

Элоиза закричала, обращаясь к человеку в коричневом плаще:

— Мистер Леврет, прошу вас!

Человек никак не прореагировал. Он как будто не расслышал, но тут миссис Траппинг что-то сказала ему на ухо, и он махнул солдатам у себя за спиной. Солдаты повернули медные рычаги на машинах, и высокое завывание смолкло, словно сняли с огня чайник. Машины далеко внизу продолжали работать, но на верхнем этаже воцарилась тишина.

Все смотрели на мисс Темпл. Сколько времени провела она на коленях? Кожаный ларец у нее забрали, и теперь он был в руках у Фелпса. Пистолета она нигде не видела. Франческа Траппинг стояла возле стеклянной женщины, с лицом, покрытым пятнами, и смотрела на мисс Темпл без всякого выражения.

Элоиза взволнованно заговорила:

— Селеста, послушайте меня, пожалуйста... они знают все...

Ярость застряла в горле мисс Темпл, точно ржавый крючок, который она никак не могла проглотить.

— Что вы сделали, Элоиза? Почему все на их стороне?

— Селеста, все дело в вашем саквояже. — Элоиза указала на саквояж Лидии. — Вы были пешкой в их руках. Она знала обо всех ваших перемещениях, начиная от Харшморты. Тем лучше — теперь вы не попадете под огонь... и саквояж тоже.

Мисс Темпл стало нехорошо. Идиотка! Комнатная собачка! Она снова почувствовала комок в горле, наугад ударила Элоизу по руке и выдохнула:

— Уйдите от меня...

— Оставьте ее, Элоиза, — сказала рыжеволосая женщина. — Похоже, вы чем-то ее оскорбили.

— Шарлотта...

Миссис Траппинг, тряхнув головой, выбросила мисс Темпл из своих мыслей.

— Нам она безразлична. Важно, чтобы она ничего не сделала с книгой.

— Позвольте мне в этом убедиться.

Из-за спины Вандаариффа появился Фохтман — в белой рубашке с закатанными рукавами и с гипсовой повязкой на лбу. Инженер с важным видом подошел к Фелпсу, взял у него саквояж, положил на пол, длинными пальцами открыл защелки. После этого Фохтман осторожно снял одну за другой все наволочки, и взорам всех предстала сияющая книга.

— Обратите внимание — я не прикасаюсь к стеклу, — сообщил Фохтман. — Мы не знаем, каких последствий можно ждать от обстоятельств ее... заполнения или... транспортировки...

Фохтман внимательно разглядывал книгу, прищутив глаза, потом поднял ее — через шелк, чтобы не прикасаться к стеклу своей кожей, покрутил перед собой так и сяк, словно мог проникнуть в содержимое без риска для себя.

Снова зазвучал пронзительный голос миссис Траппинг:

— Так мы этого ждали или нет? Эта дамочка отняла у меня столько времени, что я готова вышвырнуть ее в окно головой вперед.

Фохтман нахмурился, вглядываясь в книгу, потом встал.

— Прошу прощения, мадам, я занимался конвекционными камерами, аэрационными каналами, дистилляционными трубами, но тут я бессилен. Здесь есть один человек, который может сказать, та ли эта книга, что нам нужна, и можно ли ею воспользоваться. — Он высокомерно повернулся к миссис Марчмур. — Войдите в ее мозг, мадам! Войдите в книгу! Есть ли обстоятельства, препятствующие нашему дальнейшему продвижению? Не испортила ли она книгу? Что насчет повреждений?

— Да заполнена ли она вообще? — вставила графиня. — Если учесть, что Оскар в этот момент умирал...

— Конечно заполнена! — Голос Ксонка прозвучал хрипло и натужно.

— Тихо, Франсис! — выкрикнула миссис Траппинг, а затем повелительно и раздосадованно обратилась к стеклянной женщине: — Ну, скажите нам!

Мисс Темпл против воли взглянула на миссис Марчмур, заранее содрогаясь от предчувствия, ощутила ледяное покалывание в черепе... но оно тут же отступило, оставив только отзвук далекой зимней бури. Мисс Темпл подготовилась к новому, более мучительному вторжению... но тут давление вообще прекратилось, и она вместе со всеми прочими почувствовала только холодное скольжение голоса стеклянной женщины.

— Книга... содержит... графа д'Орканца.

Помещение погрузилось в тишину, воздух мгновенно пропитался предчувствием близкой беды. Стеклянная женщина высказалась. Мисс Темпл увидела гримасу отвращения на лице Леврета, миссис Траппинг и всех солдат у стен. Не скажет ли миссис Марчмур что-нибудь еще? Но нет — та молчала. Неужели она не почувствовала порчи? Или готовила еще одну ловушку?

— Отлично, — с ледяной улыбкой проговорила миссис Траппинг. — Давайте продолжать.

Про мисс Темпл забыли. Все взгляды устремились на Фохтмана, методично приступившего к делу. Осторожно, чтобы не прикасаться к стеклу, он взял книгу из саквояжа с помощью шелковых наволочек и поместил ее в одну из щелей медного короба, после чего плотно навинтил металлическую пластину на щель, закупорив ее. Стекло засияло. Мисс Темпл снова проглотила слюну — в горле жгло все сильнее — и почувствовала, как приводятся в действие, один за другим, различные слои памяти, как электрический ток выжигает силовую решетку в точно выверенном сплаве закаленного металла и алхимических солей...

Чьи-то руки подхватили ее под мышки и поставили на ноги. Она повернулась и увидела Чаня. Потом Свенсон легонько взял ее за подбородок и внимательно заглянул в глаза.

— Не делайте резких выпадов, — прошептал Чань. — Пусть они перебьют друг друга. Вам нужно просто остаться в живых.

— А стоит ли? — возразила мисс Темпл.

— Вы больны, — вполголоса пробормотал Свенсон. — Эта книга смертельно опасна. Вы должны избегать ее. И эту женщину...

— Как же вы просто взяли и ушли? — Вопрос непроизвольно сорвался с губ мисс Темпл.

Свенсон метнул взгляд на Чаня и снова посмотрел в ее серые глаза.

— Ах... нет-нет... это было не так... правда...

Чань еще крепче схватил ее под руки и прошептал — резко и снисходительно:

— Они вас услышат...

Мисс Темпл повернулась к нему.

— Почему вы ушли? Неужели вы такой трус?

— Селеста, — сказал доктор, — мне очень жаль... случилось столько всего...

Это еще сильнее разозлило мисс Темпл. Она увидела за плечом доктора Элоизу, наблюдавшую за ними, и с горечью произнесла:

— Доверие всех делает своими заложниками.

Свенсон проследил за ее взглядом, увидел, что Элоиза отвернулась, и снова посмотрел на мисс Темпл. Голос его зазвучал ровно и твердо.

— То, что они собираются делать, отвратительно...

— Я это прекрасно знаю!

— А я знаю, что вы проявили завидное мужество...

— Вы оба сошли с ума! — прошипел Чань и толкнул мисс Темпл коленом в спину.

Та рухнула на Свенсона, который подхватил ее обеими руками. Она увидела, как рука Чаня скользнула в карман доктора. Потом Чань снова подхватил ее и крутанул так, что она уткнулась лицом в его грудь. Мисс Темпл тихонько охнула. Пальцы Кардинала под платьем быстро подошлись к ее груди и так же молниеносно убрались оттуда. Она ощутила в этом месте незнакомую тяжесть. Чань в присутствии кучи народу что-то ловко засунул ей под корсет.

Он отступил от мисс Темпл, убедившись, что та не упадет. Она виновато посмотрела в сторону миссис Марчмур, но не увидела ее за Элоизой. Тогда мисс Темпл перевела взгляд на Ксонка — он стоял с опущенной головой, покачиваясь взад-вперед на каблуках, дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Но вот холодные лиловые глаза графини скрестились со взглядом мисс Темпл.

— Вы вернулись к нам, Селеста?

— Она больна, — сказал Свенсон. — Это все из-за стекла.

Взгляд доктора скользнул по Элоизе, стоявшей возле Франчески Траппинг. Девочка ничем не показывала, что рядом — ее наставница, и бездумно смотрела перед собой. Но мисс Темпл заметила едва заметное синее мерцание вокруг ее глаз. Тонкие губы Франчески приобрели сливовый оттенок. Элоиза вдруг поднесла руку ко лбу, подалась вперед и протянула другую руку к миссис Марчмур, словно отводя удар.

— Подождите! — закричала она. — Подождите...

— Отойдите от нее, Элоиза! — воскликнула миссис Траппинг. — Прекратите вмешиваться! Франческе ничто не угрожает. Встаньте рядом со мной.

— Угрожает, Шарлотта... вы посмотрите на нее!

Неповрежденная рука миссис Марчмур в инстинктивно защитном жесте выскользнула из-под плаща и крепко ухватила девочку за плечо. Франческа никак на это не отозвалась, лицо ее было обмякшим и тупым. А вот лицо Шарлотты неожиданно заострилось, как обнаженный клинок.

— Альфред!

— Рота! — прокричал мистер Леврет. — К оружию!

Солдаты с автоматической точностью подняли карабины, нацелив их на стеклянную женщину и ее окружение.

Мистер Фелпс подался вперед, будто кто-то сильно толкнул его в спину.

— Леди, мистер Леврет... прошу вас! Не стоит драматизировать ситуацию... мы почти подошли к концу. Я прошу вас — еще немного терпения! Посмотрите вокруг!

Фелпс громко шмыгнул и, утерев нос платком, аккуратно свернул его, чтобы никто не увидел следов крови. Потом он показал на лорда Вандаариффа, чье лицо — мертвенно-бледное, в шрамах — было залито слезами.

— Мы применили Процесс. Тем самым доказаны познания мистера Фохтмана и действенность машин мистера Леврета. Более того, благодаря этому пустой мозг нашего подопытного стал абсолютно податливым!

Мисс Темпл вспомнила, как пел дифирамбы Процессу Роджер Баскомб — мол, прошедшие его обретают ясность мышления, понимание истины... брехня... какие истины обрел тот же Вандаарифф? Даже без книги графа она знала, что главное достоинство Процесса состояло во внедрении контрольной фразы, позволявшей давать команды объекту, который вынужден их выполнять. И тут она поняла: контрольную фразу только что внедрили в Вандаариффа и сообщили обеим группам.

— Шарлотта, речь идет о жизни вашей дочери. — Элоиза указала на Леврета. — И этот человек не скажет вам того, что вы должны знать.

— А вы-то кто такая? — презрительно фыркнул Леврет. — Всего лишь воспитательница!

— Миссис Траппинг прекрасно знает, кто я, — ответила Элоиза. — И она должна знать, чего мне это стоило. Шарлотта, подумайте! Когда они получают то, что хотят, вы им будете не нужны!

— Но они ничего не получили, миссис Дуджонг, — горячо возразил Леврет, — и не получают! — Он самодовольно щелкнул пальцами, протянув руки в сторону двух присевших на корточки солдат. — Мы превосходно защищены... фугасом двести девяносто шесть производства «Оружейных заводов Ксонка».

Леврет удовлетворенно оглядел молчащих людей.

— Фугас двести девяносто шесть, миссис Дуджонг, разнесет любое стекло в этом здании. А поскольку наши окна не застеклены, то вот оно — единственное стекло, о котором я веду речь. — Он показал длинным пальцем с толстыми костяшками на миссис Марчмур. — При малейшей попытке нести... всякую алхимическую, познавательную, мозгодробительную, мыслепоедающую чепуху эти люди нажмут куда нужно! И тогда новоприобретенные союзники этого существа превратятся в пыль и прах.

— Вы на чьей стороне, Элоиза? — с улыбкой воскликнула миссис Траппинг.

Посмотрев на нее, Леврет скорчил самоуверенную ухмылку.

— Шарлотта, — умоляющим голосом сказала Элоиза, показывая на Франческу, — дело не только в том, кто на чьей стороне.

— Нет, именно в том, миссис Дуджонг, — раздался другой голос. — И вы должны выйти из этой компании, если не хотите быть убитой.

Доктор Свенсон шагнул к Элоизе, вытянув руку. Мундир его был в ужасном состоянии, лицо запачкано сажей, но голубые глаза оставались ясными. Элоиза, словно пригвожденная к центру зала, посмотрела на его протянутую руку. Казалось, этот жест как-то особенно невыносим для нее — она с криком отвернулась и осталась стоять в одиночестве, скрестив руки и зажав рот ладонью.

— Больше не будем попусту тратить время, — заявила миссис Траппинг, повернулась к Фохтману и хлопнула в ладони, словно подзывая собаку. — Насколько я понимаю, вы закончили?

Высокий человек мрачно кивнул и махнул ей рукой, чтобы они с Левретом отошли подальше. Затем он обмотал тело Вандаариффа черными шлангами, надел ему на лицо резиновую маску, а на руки и голые ноги — нечто вроде черных сетчатых перчаток и носков. Лорд Вандаарифф сидел, как впавшее в ступор насекомое, поедание которого запасливый паук отложил на потом. Мисс Темпл подивилась тому, как легко меняются люди — еще две недели назад они готовы были сапоги лизать этому человеку, лишь бы он снизошел до них, а теперь обращались с ним, как с рабом. Всех их ждет судьба Вандаариффа, несчастного, униженного, подумала мисс Темпл, и ничего другого они не заслуживают.

Фохтман театрально повернулся к ним и надел на голову медный шлем. Мисс Темпл закашлялась, чувствуя привкус пепла у себя во рту.

— Ничего не выйдет! — прохрипела она.

— Конечно! — пролаял Фохтман через усилитель шлема. — Мы не восстановили подачу энергии.

Он дал знак солдатам, и серебристые машины с грохотом ожили. Потом жестом циркового актера Фохтман опустил медную рукоятку.

Никакого результата. Фохтман вернул рукоятку на место, подергал провода, снова опустил — на этот раз резче. И опять ничего. Фохтман рассерженно махнул рукой солдатам, и те выключили машины. Он стащил с себя шлем — лицо его горело, повязка сползла со лба — и подошел к мисс Темпл.

— Почему вы сказали, что ничего не получится? Что вам известно?

— У вас нет прибора... для регулировки потока, — неразборчиво пробормотала та.

— Какого прибора? — спросил Фохтман, беря ее за подбородок.

— У нее тоже нет, — сказал Чань.

— А у вас?

— И у меня нет...

Чань повернулся, и глаза всех присутствующих, следуя за взглядом Чаня, устремились на графиню.

— И снова вы стоите у нас на пути, мадам! — воскликнула миссис Траппинг.

Она щелкнула пальцами, но прежде чем солдаты добрались до графини, та успела залезть в сумочку.

— Боже милостивый, Шарлотта, — ответила графиня с ледяной веселостью. — Позвольте помочь всем вам.

Она извлекла из сумочки сверкающее металлическое приспособление и в два приема растянула наподобие подзорной трубы. Удлиненный таким образом предмет походил на

старомодный пистолет с округлой рукоятью на одной стороне и трубкой на другой.

— Прибор для орошения костного мозга, — пояснил Чань.

Графиня удостоила его ледяной улыбки, а потом кинула прибор, подбросив его высоко вверх, Фохтману, который поймал приспособление обеими руками.

— А теперь в обмен... — начала графиня спокойно, так, будто не пыталась вымолить себе жизнь.

— Ну уж нет, — язвительно ответила миссис Траппинг. — Вы думаете, что если я была бессильна, то ничего не видела?! Зато я вижу вас теперь — вся в лохмотьях, как цыганка! Для нашего дела вы больше не нужны, мадам. Как и мой брат, который столько лет был призраком. Ваша карта бита!

Лицо миссис Траппинг покраснело, она уперла руки в бока. Леврет потянулся было к ее локтю, но Шарлотта оттолкнула его. Графиня не шелохнулась.

— Как вам угодно, Шарлотта, — сказала она. — Конечно, многое остается неизвестным для вас всех, несмотря на всю вашу самонадеянность. Например, Макленбург, который созрел для грабежа, как в свое время Перу, и который для нас значит больше, чем целый континент с серебряными рудниками. А за пределами Макленбурга — еще больше. То, что предпринято в Вене, Кадисе, Венеции...

— В Венеции? — недоверчиво переспросил Фелпс.

— *Precisamente*, — рассмеялась графиня.

Смех вдруг застрял в ее горле, глаза померкли. Она стала царапать ногтями пустоту и хватать воздух открытым ртом, словно запыхавшееся животное. Стеклянная женщина отступила. Графиня с горящими глазами встретила их взгляды, голос ее охрип еще больше — она обратилась к стеклянной женщине:

— Вы можете собирать факты в моей голове, Маргарет. Но за фактами лежит понимание, извлечь которое вам не под силу. Оно у меня в крови. Я перехитрила Роберта Вандаариффа и Генри Ксонка, и теперь даже сопливному юнцу должно быть ясно, что без меня вам придется действовать на свой страх и риск. — Она повернулась к Фохтману и ухмыльнулась, глядя на металлическое устройство в его руке. — Я своими глазами видела, как Оскар создает аппарат для орошения костного мозга. Вы хотя бы знаете, что это такое?

— Он подсоединяется под головой, — прошипела миссис Марчмур. — Там имеются скрытые иглы.

Обнаружив иглы, Фохтман усмехнулся — насколько очевидным стало назначение прибора, когда тот оказался в его руках! — и сразу же приступил к установке аппарата. Миссис Траппинг несколько секунд смотрела на него, а потом, рассерженная, нетерпеливо отвернулась.

— Что такое «орошение»? — спросила она, не обращая ни к кому конкретно.

— Это средневековый термин, — сказал доктор Свенсон, когда стало ясно, что никто другой не ответит. Граф понимал его в алхимическом смысле — аэрирование, насыщение...

— Мне это ничего не говорит, — пробормотала миссис Траппинг.

— Зачем спрашивать об этом у немца? — с ухмылкой заметил Леврет.

Доктор откашлялся.

— Когда прибор будет установлен, энергия из книги станет поступать непосредственно в позвоночный столб лорда Вандаариффа, насыщая природную жидкость. Та же самая жидкость омывает основную массу нервов — спинной мозг, головной мозг.

— И это работает? — с сомнением в голосе спросила миссис Траппинг.

— Если только его мозг не станет похожим на вареную форель.

— Мы это видели, — прохрипел Ксонк, впавший в глубочайшее отчаяние. — В институте. Граф стер память зрителя, а потом насытил его мозг воспоминаниями одного авантюриста из Африки — он собрал их в борделе за пару дней до того. В мозгу старика оказались сплошь убитые дервиши и беременные туземки.

— Ах, как будет интересно снова поговорить с Оскаром, — сказала графиня.

— Если память мне не изменяет, — заметил Свенсон, — то в момент собственной смерти граф... прошу прощения — Оскар собирался вас убить.

— Да бросьте вы, — сказала графиня. — Граф д'Орканц, не говоря уже о других его достоинствах, человек утонченный.

— Уж не полагаете ли вы, что он станет вашим союзником?

— Доктор, я с радостью увижу старого друга.

— Но будет ли это именно граф? — спросил Чань. — Воспоминания африканского авантюриста были собраны самим графом. А эту книгу заполнили в худшую его минуту...

— Это не имеет отношения к делу, — просипел Ксонк.

— А как насчет Роберта Вандаариффа? — поинтересовался Свенсон. — Его памяти окончательно уничтожена? Или же какие-то ее остатки опасным образом будут воздействовать на сущность графа?

— И согласится кто-либо из этих гордецов добровольно подчиниться всем вам? — спросил Чань.

— Молчать! — воскликнула миссис Траппинг. — Им нет нужды подчиняться добровольно! Граф должен выполнять наши распоряжения. Разве не для того прошел он этот ужасный Процесс, чтобы мы могли распоряжаться им и деньгами Вандаариффа? Мы получили эту власть и воспользуемся ею! Все сошлись на этом, и тут нет никаких сложностей. А потому я настаиваю на том, чтобы наконец начать. Вот вы там... высокий...

— Меня зовут Фохтман, — ошеломленно сказал Фохтман.

— Именно так. Продолжайте.

Рукоятку снова опустили, и в медных проводах зашипел ток, словно жир на раскаленной сковороде. Мисс Темпл сжала руки в кулаки и зажмурилась, полуотвернувшись. Из-под черной резиновой маски гулко зазвучал голос Роберта Вандаариффа — дикий крик ужаса, высокий и жалобный, как вой обезумевшей собаки, чью лапу переехало колесо телеги. Его плотно связанные руки и ноги содрогались, а позвоночник выгнулся так, что, казалось, вот-вот переломится от напряжения. С первыми импульсами электротока из медного приспособления, в котором находилась книга, полилось голубоватое сияние, постепенно усиливаясь до ярко-белого пламени, оттуда же вырывались едкие клубы, воняющие синей глиной. В ярком свете мисс Темпл различила мелькание теней, призрачные фрагменты, вспыхивающие сновидения. Когда все закончилось, машины по сигналу Фохтмана были остановлены.

Вандаарифф обмяк в своих путах. Никто больше не шелохнулся.

— Ну как, получилось? — спросила Шарлотта Траппинг.

Вандаарифф подался вперед и закашлялся. Мисс Темпл сразу же ощутила симметричный рвотный позыв. Леврет громко вскрикнул, стащив с Вандаариффа маску — в нее натекла черная желчь, а потом Вандаариффа еще и вырвало чернильной слизью прямо на брюки Леврета.

Фохтман, мрачный и решительный, ослабил путы, позволив Вандаариффу опуститься на колени и внимательно наблюдая, как тот извергает нечистое содержимое своего желудка на доски пола. Леврет обиженно открыл рот, но инженер нетерпеливым жестом призвал его к молчанию.

Вандаарифф покачивал головой из стороны в сторону, медленно, как оглушенный бык, и сжимал пальцы, словно примеривая пару новых кожаных перчаток.

— Не приближайтесь к нему, — предупредил Фохтман.

Вандаарифф начал с трудом подниматься, кряхтя от напряжения; яркие шрамы подчеркивали белизну его глаз. Фохтман взял тряпку и отер ему лицо.

— Посмотрите на него! — прошептала миссис Траппинг. — Что случилось?

— Временные побочные эффекты, — сказал Фохтман. — Немного терпения...

— Мсье граф? — сказал Леврет. — Это вы?

Графиня сделала неуверенный шаг вперед.

— Оскар?

Встать Вандаариффу не удалось. Он упал на колени и локти, как умирающий жеребец, потом окинул взглядом людей вокруг себя. Его глаза — с белками, подернутыми синеватой пленкой, которая при моргании превращалась в горошинки, стекавшие по щекам, — начали проясняться, а когда он увидел и узнал графиню, в горле у него забулькало.

— Оскар? — мягко проговорила она.

Он проглотил слюну, лицо его неожиданно омрачилось страхом. Графиня присела, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

— Вы снова живы, Оскар... это не дирижабль. На дирижабле вас убили... а теперь вернули к жизни. Благодаря одной из ваших замечательных книг. Не бойтесь, Оскар. Вы вернулись к нам... вернулись оттуда, откуда еще никто не возвращался.

Вандаарифф неловко повернул голову, пытаясь осознать ее слова и все вокруг себя: незнакомое помещение, множество народу... все так не похоже на то, что он видел в последний раз. Потом он опять резко наклонился вперед. Когда рвотные спазмы закончились, Фохтман терпеливо вернул Вандаариффа в прежнее положение и снова отер ему подбородок.

— Это и в самом деле он? — прошептала миссис Траппинг.

— Конечно он, — уверенно сказала графиня. — Он знает меня.

— А разве Роберт Вандаарифф не знал вас? — спросил Леврет и подозрительно взгляделся в лицо Вандаариффа — так фермер оценивает на аукционе поросенка.

— Мсье граф... если вы граф... меня зовут Леврет...

— Скажите ему, что нам нужны доказательства, — сказала мисс Траппинг через плечо Леврета. — Что-нибудь известное только ему... из его алхимического репертуара...

Мистер Фохтман втиснулся между Левретом и Вандаариффом.

— Ему нужно побольше места, сэр, — физические издержки насыщения огромны. Роберт Вандаарифф прошел это практически сразу же после Процесса, к тому же он уже немолод...

— Дело не в его организме, — сказал доктор, расстроено и неодобрительно разглядывая Вандаариффа. — Дело в его разуме. Графа выхватили из лап смерти.

— Я полагала, что он должен чувствовать благодарность, — пробормотала миссис Траппинг.

Графиня раздраженно вздохнула и пододвинулась поближе.

— Оскар... попытайтесь вспомнить... на дирижабле. Последние минуты. Вы были очень злы — злы на меня. Я вела себя очень плохо. Я убила Лидию...

Глаза Вандаариффа вспыхнули при этих словах. Графиня кивнула, словно желая подстегнуть его память, словно его гнев был абсолютно законен.

— Я разрушила все ваши великие планы. Вы набросились на меня... вы собирались меня убить... но были заколоты. Вы помните? Все пошло наперекосяк. Нас предали. Дирижабль начал тонуть. Вы умирали. Франсис бросился к вам с книгой... с пустой книгой. Оскар. Франсис запечатлел в ней вашу душу.

Роберт Вандаарифф проглотил слюну, внимательно слушая и следя за ее ртом. Потом его губы задрожали. И снова в разговор встрял Леврет.

— Это фабрика «Оружейных заводов Ксонка», мсье. В Парчфелдт-парке. Меня зовут Леврет. А вы... — Он скорчил гримасу отвращения и пробормотал, не обращая ни к кому в отдельности. — Я сейчас чувствую себя идиотом — нет никакой уверенности, что здесь действительно имело место...

— Продолжайте, Альфред, — велела миссис Траппинг.

Леврет вздохнул и щелкнул пальцами перед лицом Вандаариффа, который вновь перевел взгляд на графиню.

— Содержимое этой книги было перенесено в тело Роберта Вандаариффа. Если вы и в самом деле граф д'Орканц, мы хотим, чтобы вы подали какой-нибудь знак... удостоверили, что все это правда. Мы хотим получить этот знак немедленно.

Вандаарифф моргнул, отвечая на взгляд Леврета. Мисс Темпл увидела, что лицо его сделалось более разумным, начали проглядывать его собственные мысли... хотя, возможно ум Вандаариффа был всего лишь подобен уму кошки, с опаской встречающей приставания ребенка. Она поморщилась и сглотнула слюну, не в силах, как и другие, оторвать взгляд от этого иссеченного шрамами лица, но, в отличие от остальных, опасаясь отзвуков той порчи, которой позволила слишком глубоко проникнуть в свой мозг. Но Роберт Вандаарифф продолжал молчать.

— Почему бы нам просто не заставить его говорить? — обратилась Шарлотта к Фохтману. — Как вы это называете — «контрольная фраза»? Почему бы Альфреду не произнести эту фразу и не приказать ему отвечать на наши вопросы?

— Может быть, дело не в его нежелании, а в неспособности. Стоит представить себе, что, вероятно, пережил этот человек...

— Чепуха. Альфред?

Леврет не заставил себя просить дважды. Он откашлялся и произнес:

— Индиго Пилат зрачок заход Парчфелдт! Вы — граф д'Орканц или нет? Отвечайте.

Молчание. Вместо ответа Вандаарифф попытался встать на ноги. Фохтман подхватил его под руку и помог подняться.

— Он не ответит, — прошептал Леврет. — Посмотрите на него! Он даже не признал фразы!

— Это невозможно, — сказала миссис Траппинг. — Это по меньшей мере должно бы... Лицо Леврета потемнело от злости.

— Он что, фокусничает? Он что, шутки шутить вздумал?

— Да бога ради! — воскликнул Фохтман. — Дайте ему прийти в себя! Он ведь только-только восстал из мертвых!

Мисс Темпл вздрогнула, услышав неровные цокающие шаги, — осторожно неся свое тело, вперед вышла стеклянная женщина, которая вела за собой маленькую девочку. Вандаарифф оттолкнул от себя Фохтмана и ухватился за один из медных ящиков, чтобы не упасть. С губ у него свисала ниточка слюны. Он заглянул в бездонные глаза миссис Марчмур.

Нижняя челюсть его отвисла, глаза затуманились. Стеклянная женщина явно исследовала свежeweлепленную душу Роберта Вандаариффа.

— Что вы видите? — прошептал Фохтман.

— Отвечайте! — прошипела миссис Траппинг.

От стеклянной женщины пошло такое же сияние, с теми же лазурными искрами, какое мисс Темпл видела утром в кабинете герцога Сталмерского. Ее синие пальцы вцепились в руку безучастной девочки.

— Посмотрите на это чудо! — прошептал Фохтман, уставясь на стеклянную женщину. — Она чувствует его... она видит, что было сделано... это достижение превосходит все мои ожидания...

Веки Франчески дрогнули, как у спящего животного. Мисс Темпл снова перевела взгляд на Роберта Вандаариффа... и с тревогой отметила, что лицо Франчески теперь подергивается в такт судорогам на его лице. Через проводник в виде руки стеклянной женщины ребенку открылся свободный доступ в мозг Вандаариффа. Неужели никто больше не видел этого?

Слова миссис Марчмур извивались в мозгу мисс Темпл, словно змея, что вьется кольцами вокруг спящей птицы.

— Дело сделано. Граф д'Орканц спасен.

Франческа Траппинг внезапно зашла в кашле и выхаркала комок темной слизи. Ее мать вскрикнула. Миссис Марчмур, видимо слишком поздно поняв, что происходит, подтолкнула ребенка к Аспичу, разрывая связь. Франческа согнулась пополам, и ее снова вырвало.

— Франческа! — взвизгнула Шарлотта.

Девочка оглядела зал широко открытыми глазами, словно видела его в первый раз. Миссис Траппинг бросилась к ней, но ее остановил Леврет и ухватил ее за талию.

— Что случилось? — взвизгнула Шарлотта. — Что она сделала с моим ребенком?

— Шарлотта, не надо... подождите...

— Стойте! — воскликнул полковник, крепко держа Франческу за плечо и указывая на миссис Марчмур. — Маргарет... Маргарет... какого черта...

На ее стеклянную руку попала черная слизь. Миссис Марчмур, глядя на это грязное пятно, конвульсивно облизнула нижнюю губу, словно через поверхность своего тела могла почувствовать вкус омерзительной кашицы. Удивленный голос стеклянной женщины словно иглой пронзил мозг мисс Темпл.

— Он... он... нечист...

Яркий слизняк ее синего языка вызвал еще один спазм в желудке мисс Темпл. Стеклянная женщина так и не обнаружила порчи, даже когда напрямую прощупывала мозг Вандаариффа, потому что исходила из неверного допущения, будто переменой тел запрет графа теряет силу. И лишь когда нарушение перешло и на ребенка, она заметила это. Миссис Марчмур отступила от Вандаариффа, поджав синие губы.

— Нечист? — Леврет сердито тряхнул головой, продолжая держать миссис Траппинг. — Это что еще значит?

— Ничего это не значит! — прокричал Фохтман. — Мы все видели, что процедура вызывает тошноту... всегда одно и то же... это естественно...

— Нет, — прокричал Аспич, — неестественно! Посмотрите на девочку!

Полковник держал Франческу на расстоянии вытянутой руки от себя, ребенка трясло. Губы и подбородок у нее почернели, а маленький рот напоминал темную рану.

— Девочка больна, — отрезал Фохтман. — Это не имеет никакого отношения к нашей работе...

Фелпс нервно обратился к стеклянной женщине:

— Объясните, мадам. Вы заглядывали в его мозг и сказали, что насыщение произошло, что перед нами — граф...

— Это и есть граф! — гнул свое Фохтман, но, видя огорчение на лице стеклянной женщины, замолчал.

— В нем я не смогла это увидеть, — прошептала миссис Марчмур. — Только в девочке... но оно идет из его тела...

— Что за «оно»? — спросил Аспич.

— Ничего! — взмахнул руками Фохтман. — Девочка, вероятно, больна...

— Он наложил запрет, — стала объяснять миссис Марчмур. — Ни один из слуг графа не может войти в его мысли...

— Мы вас не понимаем, Маргарет, — сказала графиня.

Стеклянная женщина тряхнула головой, словно стремясь прочистить мозги, но ее речи оставались слишком темными, словно ей не удавалось найти способа выразить свои чувства в словах.

— Я смогла убедиться, что в книге содержатся его воспоминания, что они были перенесены в лорда Роберта... но оценить характер его разума... на это был наложен запрет, а потому я и не заметила... порчи. — Миссис Марчмур указала своей забинтованной культей на мисс Темпл. — Она знала! Она все время знала! — Ее смятение вылилось в жалобный крик.

Фохтман двинулся к мисс Темпл, найдя наконец, на кого выплеснуть раздражение.

— Знала? Похоже, она много чего знает! Книга столько времени была с ней, и девочка тоже. Ну-ка, пусть она расскажет, что сделала с ними обеими!

Мисс Темпл предусмотрительно отступила.

— Истина перед вами — вы видите разложение. Вы не вдохнули новую жизнь в человека, вы оживили труп.

— К черту истины! — зарычал Ксонк и, расшвыривая всех на своем пути, ринулся к Вандаариффу.

Фохтман попытался было остановить его, но Ксонк сунул ему в живот кулак загипсованной руки, а другой рукой ухватил Вандаариффа за воротник.

— Франсис! — воскликнула миссис Траппинг. Франсис, он нам нужен — немедленно отойди от него. Немедленно — или ты умрешь!

— Рота! — крикнул Леврет. — К оружию!

Солдаты вскинули карабины. Ксонк развернул Вандаариффа, загоразиваясь им, как щитом, его нечистые губы прижались к правому уху лорда. Аспич вверил девочку Фелпсу и

обнажил саблю. Фелпс поймал Франческу, согнув руку в гипсе крюком, и полез в карман за пистолетом. Леврет дал солдатам знак не стрелять; он явно впал в ярость, видя, что положение выходит из-под его контроля.

Но тут Ксонк получил ответ на свой шепот.

Из глубины саднящего горла Роберта Вандаариффа донесся смешок, а на лице нарисовалось тяжелое выражение, какого прежде никогда не было.

— Слушайте, Франсис... — просипел он. — Вы, похоже... в очень плохой форме...

— Оскар? — прошептал Ксонк с лихорадочным облегчением. — Это вы?

— Вы слишком крепко меня держите, — ответил Вандаарифф. — Мне это не нравится.

— Если я вас отпущу, меня застрелят.

— И почему меня это должно волновать?

— Позвольте сообщить вам кое-что, Оскар, — прорычал Ксонк. — Мое тело отравлено вашим стеклом. Я прошу вас спасти мою жизнь... после чего снова стану вашим добрым другом. Не скажу за Розамонду... она тоже не в лучшем состоянии... но остальные, те, кто хозяйничает здесь и способен убить, согласились возродить вас к жизни только при условии, что вы будете их рабом.

— Следовало ожидать. — Вандаарифф пожал плечами, обводя всех взглядом так, словно вместо глаз у него был артиллерийский прицел. Он презрительно кивал, видя знакомых, потом поднял руку, чтобы отереть лицо, — на удивление изящное движение, с головой выдававшее графа д'Орканца. Увидев черную жижуху у себя на пальцах, он нахмурился. — Это что такое?

— Маргарет сказала, что вы нечисты.

Вандаарифф обвел взглядом стеклянную женщину и наклонил голову, увидев замотанную руку.

— Да? Что ж... бедняжка Маргарет... она всегда так эмоциональна.

— Они осуществили Процесс, — нетерпеливо прошептал Ксонк.

Вандаарифф потрогал шрамы, размазав потеки черной жидкости над рубцами.

— Прекрасная мысль — что и говорить. Попытаться, по крайней мере, стоило...

Вперед вышел мистер Леврет и закричал прямо в лицо Вандаариффу:

— Индиго Пилат зрачок заход Парчфелдт!

Вандаарифф усмехнулся.

— Процесс обладает большой силой, — сказал он, слабо кивая. — Но насыщение из книги еще сильнее. При этом заменяется сама сущность.

— Но мы воссоздали вас из ничего! — жалобно проскулила миссис Траппинг: куда делась ее самоуверенность? — Мы должны вас контролировать!

— Должны? — Вандаарифф обратился к ней без особого жара. — Контролируйте глистов у себя в желудке, мадам. Потребуйте, чтобы к вашей дочери вернулась невинность. Прикажите своему порочному сердцу очиститься...

Фохтман обрушил разводной ключ на голову Ксонка — раздался тошнотворный треск, словно разбили тыкву. Ксонк упал на возвышение и остался неподвижен. Вандаарифф посмотрел вниз с рассеянным любопытством.

— Мой бог...

Миссис Траппинг прижала руку ко рту.

— Франсис! Франсис! — Она бросилась к Фохтману. — Что вы сделали с моим братом?

Тот аккуратно дал ей кулаком в челюсть, и она распростерлась на полу, судорожно колотя ногами.

— Господи, сэръ! — воскликнул мистер Леврет, бросаясь к Шарлотте. — Не смейте бить женщину!

— Мне уже надоело, что они бьют меня! — прорычал Фохтман и повернулся к миссис Марчмур. — Хватит болтать ерунду.

Полковник Аспич направил острие сабли в грудь Вандаариффу.

— Мне это вовсе не кажется ерундой! Если он может не повиноваться нам... если он не обладает знаниями для излечения этой болезни... я прихватю кое-кого с собой на тот свет!

Фелпс, полочнее перехватывая пистолет в одной руке, другой подтянул к себе девочку и сказал, обращаясь к миссис Марчмур:

— Прошу вас, мадам... его болезнь... вы называете его «нечистым»... Это означает, что все мы обречены?

— Не будьте идиотом, — проговорил Фохтман. — В мятеже нет нужды — мы все союзники!

Аспич повернулся к миссис Марчмур, его обнаженная сабля опасно приблизилась к ее телу. Голос его звучал напряженно, а рука дрожала.

— Бога ради, Маргарет... скажите нам!

Но та ничего не ответила, не отрывая взгляда от Роберта Вандаариффа. Мисс Темпл знала, что стеклянной женщине нечего ответить, что та не может сказать, кем — или чем — является на самом деле это новое существо. Вандаарифф снова наклонил голову и облизнул губы, демонстративно пробуя их на вкус. Его вдруг затошнило, но он справился с собой, хотя и не без труда. Мисс Темпл это показалось столь же отвратительным, как если бы его вырвало по-настоящему.

Миссис Марчмур по-прежнему молчала. Кончик сабли Аспича прыгал перед ее грудью.

Вдруг раздался жалобный крик Шарлотты Траппинг:

— Альфред! У них в руках Франческа... умоляю вас!

Мистер Леврет внезапно оживился и театрально махнул рукой в сторону солдат с картечными снарядами.

— Всем оставаться на своих местах, иначе... смерть.

Но следующий крик замер на его губах. Из лиц двух солдат хлынула кровь. Они уронили свои провода и запалы так, словно их руки отсекли косой. Леврет запнулся, а потом отчаянно закричал, обращаясь к своей армии. Но было уже слишком поздно.

Мисс Темпл была оглушена, словно ее хлопнули по ушам; вокруг со стуком ударялись об пол стволы карабинов. Солдаты, никого не слыша, с широко раскрытыми глазами попадали ничком и застыли без движения. Все, кто был в зале, получили сильный удар — из головы стеклянной женщины внезапно пошел сильнейший импульс. Неподвижно распростерлись Леврет и миссис Траппинг. Фелпс и Аспич упали на спину, потащив за собой Франческу. Элоиза дергала руками, лежа на полу, волосы закрывали ей лицо. Вандаарифф свалился на медные ящики. Графиня стояла на четвереньках. Только Фохтман остался на ногах и не потерял способности мыслить... так же, как мисс Темпл, Чань и Свенсон.

Мисс Темпл тряхнула головой — в ушах стоял звон, — противясь разрушительной волне. За мгновение до этого казалось, что невероятная сила стеклянной женщины достигла своего предела и та ни на что более не способна, — но вот она подавила всякое

сопротивление мощнейшим безмолвным ударом. Но что бы она там ни задумала — бежать, уничтожить своих врагов? — ее планы встретили непреодолимое препятствие: несколько человек остались стоять, бросая ей вызов. Издав протяжный вопль, миссис Марчмур отступила, сделав несколько быстрых цокающих шагов. Мисс Темпл поняла, что, если они могут противостоять воздействию стеклянной женщины, она становится совершенно бессильной. Получалось так, будто дети вознамерились разбить камнями панцирь черепахи. Мисс Темпл поглядела на женщину и увидела в ее бездонных глазах непонимание и ужас.

Чань метнулся к Аспичу за саблей, выпавшей из бесчувственных рук полковника.

— Сэр, я вас прошу! — воскликнула Маргарет Хук, обращаясь к Фохтману и выводя его из оцепенения.

Когда Чань завладел саблей, Фохтман, сделав два шага, схватил револьвер Фелпса. Доктор Свенсон бросился на инженера, и высокорослый Фохтман рухнул вместе с ним на пол. Фохтман, борясь с доктором, целился в Чаня, который оказался между участниками схватки и миссис Марчмур, не в силах дотянуться саблей ни до Фохтмана, ни до стеклянной женщины. Мисс Темпл метнулась к доктору с Фохтманом и лягнула инженера точно в ладонь. Револьвер полетел по доскам пола... пока его не остановила нога графини.

Графиня неуверенно наклонилась, чтобы поднять револьвер.

— Ну что — мы закончили этот цирк? — спросила она. — Очень на это надеюсь. А то я ужасно устала.

Она взвела курок и теперь держала револьвер, не целясь ни в кого конкретно, но так, что могла выстрелить по выбору в мисс Темпл, Чаня или миссис Марчмур.

— Занятно, — заметила графиня. — Совсем как китайские коробочки. Маргарет может победить меня, но не Чаня. Я могу застрелить Чаня, но после этого Маргарет вполне может захватить мой мозг. И каждый из нас с радостью увидел бы остальных в гробу.

Прежде чем кто-либо успел ответить, мисс Темпл заметила какое-то шевеление на полу — это Леврет, брызгая слюной, попытался встать на ноги. Он оглянулся, увидел своих солдат, безнадежно выведенных из строя, потом стеклянную женщину и Чаня и наконец — графиню. Леврет поднялся на колени. Голос его дрожал от негодования.

— Я должен выразить свой протест, мадам, и потребовать, чтобы вы соблюдали установленные приличия...

Пуля, выпущенная графиней, попала ему прямо между глаз. Брызнула темно-красная струйка, и Леврет рухнул на пол. Шарлотта громко вскрикнула, потом еще раз, закрыв лицо трясущимися руками. Леврет не шевелился.

— Без криков, Шарлотта, — холодно предупредила ее графиня. — Или я убью вашего ребенка.

Она направила револьвер туда, где, свернувшись калачиком, лежала Франческа, казавшаяся совсем крошечной. Крик застрял в горле ее матери, превратившись в стон.

Мисс Темпл в бессильном гневе повернулась к Чаню.

— Неужели вы ничего не можете сделать?

— Она права, — тихо ответил Чань. — Если я прикончу Маргарет, графиня перестреляет всех, на кого ей хватит пуль.

Эта жёсткая правда будто повисла в воздухе. Никто не проронил ни слова. Потом Роберт Вандаарифф начал отхаркиваться. Он лежа смотрел на остальных одним глазом, уголки его губ искривились в отстраненной ухмылке.

Графиня резким голосом обратилась к стеклянной женщине:

— Маргарет, нам теперь ничто не мешает прийти к взаимопониманию. Это исключительная возможность — без всяких усилий сотворить новое будущее. Круг участников моего прежнего соглашения включал Гаральда Граббе, Франсиса Ксонка и графа д'Орканца. Граббе мертв. Франсис болен. Граф только что возродился. Мы с вами оказались по разные стороны. Вы уже руководите правительством — займите место Граббе. С возрожденным графом и вылеченным Ксонком мы можем начать все заново, как равноправные партнеры.

В глубине глаз миссис Марчмур мелькнуло что-то, но она не ответила.

— Единственная ваша альтернатива — это лезвие Кардинала Чаня. Прислушайтесь к голосу разума, Маргарет. Если мы будем вместе, нас ничто не остановит.

— Франсис Ксонк пытался вас убить, — напомнил Чань.

— А я пыталась убить его, — ответила графиня. — Ну и что? Фабрика — достаточно веский аргумент, чтобы включить «Оружейные заводы Ксонка» в соглашение. Думаете, я могу доверять Шарлотте? И потом, надо что-то понять с открытием Маргарет: Оскар нечист. На мой взгляд, излечение Франсиса вполне докажет здравомыслие Оскара и сохранность его знаний. Это будет разумно.

Мисс Темпл ощутила прилив желчи к периферии мозга, словно в стакан чая с молоком бросили кислый лимон. От этого ее мыслительные способности обострились.

— Но этот человек — не граф... не тот граф, которого вы знали!

— Помолчите, Селеста. Ну так что, Маргарет? Договорились?

— Если он сможет вернуть к жизни Франсиса... — Голос ее был неуверенным, хрупким — трещиноватый ледок, затянувший поверхность темного пруда. — Может быть, порча не столь важна...

Графиня повернулась к Роберту Вандаариффу.

— Что скажете, Роберт?

— А что я могу сказать, Розамонда?

— Например, согласиться.

— А как быть с этим... предполагаемым «недостатком»?

— Вы себя чувствуете нечистым?

— Я себя чувствую чистым, как арктический лед.

— Он лжет! — воскликнула мисс Темпл. — Да бога рад и... я же трогала книгу... я знаю!

— Если это так, — ответила графиня, — то мы проведем Процесс еще раз или найдем пустую книгу, чтобы заново очистить его мозг. Или посадим его на цепь, пока тело Роберта Вандаариффа снова не станет послушным.

— До чего трогательно. — Вандаарифф короткими аккуратными движениями разгладил на себе грязный фрак.

— Да бросьте вы, Оскар. Я счастлива, что вы вернулись. Присоединяетесь к нам? Ведь вы наверняка предпочтете, чтобы мы обошлись без принуждения?

— Боже милостивый, как же вы это сделаете?

Графиня рассмеялась.

— Как решить? На уговоры нет времени. И нет ни одного дорогого вам человека, чтобы, угрожая ему, добиться от вас согласия. А потому я просто приставлю пистолет к вашему колену и выстрелю. Доктор будет вынужден ампутировать вам ногу перочинным ножом! —

Она снова рассмеялась. — Вот это экономия — ведь нужно будет покупать обувь только на одну ногу.

Вандаарифф рассмеялся вместе с ней.

— Очень хорошо, что мы такие добрые друзья. Я, конечно, присоединюсь к вам и к Маргарет. Полагаю, я в долгу перед Кардиналом Чанем — ведь это он заколол меня, иначе я наверняка свернул бы вашу милую шейку.

— А Франсис... он что — жив? — слезливо спросила Шарлотта.

— Безусловно, — спокойно ответил Роберт Вандаарифф. — Я вижу, как он дышит.

Он щелкнул пальцами и посмотрел на Фохтмана. Тот, подозрительно оглядев миссис Марчмур, усадил Ксонка на тот самый стул, где сидел Вандаарифф. По указаниям Вандаариффа Фохтман прикрепил к телу Ксонка несколько зловонных трубок и шлангов, а также маску, одновременно разрезав его одежду. На груди Ксонка зияла темная рана, пульсируя с каждым его тяжелым вздохом, словно некий паразит, живущий своей жизнью.

— Ну и что вы будете делать? — спросил Свенсон. — Стекло вплавил ось в его легкие и сердце. Как вы надеетесь извлечь его?

— Проблема и в самом деле непростая, — согласился Вандаарифф, постукивая по пульсирующей ране ногтем.

— Если не можете вылечить его, дайте ему умереть. — сказал Чань.

— Почему же не могу? Очень даже могу, — ответил Вандаарифф.

Позади него Ксонк открыл глаза и тупо затряс головой, а потом безотчетно попытался порвать свои путы. Вандаарифф еще сильнее натянул маску на его лицо, затем повернулся и встретился взглядом с мисс Темпл. В горле у нее застрял комок — косы медных проводов и шлангов вокруг Ксонка, казалось, сплетались в буквы, почти что в слова... Ее внезапно охватил жуткий страх, но она никак не могла понять его намерений... а потом пришел приступ кашля, и мисс Темпл уже была не в состоянии произнести ни слова. Доктор подошел к ней, но мисс Темпл оттолкнула его, махая рукой Вандаариффу.

— Что с ней? — спросила графиня.

— Она больна, — ответил Вандаарифф. — Воздействие стекла. То же самое, что и у бедняги Франсиса. Вы меня слышите, Франсис? Вы живы?

— Вы и в самом деле можете вылечить его? — поинтересовалась миссис Траппинг.

Вандаарифф отвязал конец черного шланга.

— Вы хотите, чтобы я это сделал или нет?

— Хочу... хочу, — прошептала она.

Глаза Вандаариффа ожили.

— Но ваш брат глубоко порочен. Если кто и заслуживает мучительной смерти, то в первую очередь он. Нет, миссис Траппинг, я вам никак не верю.

— Я хочу, чтобы он стал таким, как раньше, — стояла на своем Шарлотта.

— Вы должны меня убедить...

— Я хочу его вернуть, — заскулила она.

— Вернуть? — переспросил Вандаарифф. — Понятно — вы хотите убить его своими руками.

— Нет, — шмыгнула носом миссис Траппинг и тут же захлебнулась в рыданиях. — Я вообще не понимаю, чего хочу!

Роберт Вандаарифф язвительно усмехнулся, вид у него был лукавый и злобный. В этот момент рассерженно вмешалась графиня:

— Шарлотта, лучше не открывайте рта! Для вашей же пользы!

— Словно у меня есть выбор! Хотя в чем-нибудь.

Графиня презрительно фыркнула и показала на мертвенно-бледную девочку, свернувшуюся в бесчувственный шар у ног Фелпса.

— Вы могли бы вспомнить о своей дочери.

— Могла бы... могла?

Миссис Траппинг, словно нервная собака, сделала три быстрых шага в сторону графини, подняв руки. Вдруг она споткнулась, будто от невидимого удара, и в слезливой ярости обратилась к стеклянной женщине.

— Не смейте меня трогать! — взвизгнула она. — Я не позволю вашему грязному сознанию вторгаться в мои мысли! Я разобью вас на тысячу кусков! Пусть моя дочь умрет! Пусть умру я сама! Если вы еще раз дотронетесь до меня... пусть все это здание отправится в пекло, в ад... — Миссис Траппинг покачнулась с той же самой безумной свирепостью, какую демонстрировал ее брат на крыше Харшморта. — Это мой завод! — выкрикнула она. — Это мой брат... и вы не можете...

— Успокойтесь, Шарлотта, — оборвала ее графиня. — Оскар, ну что за удовольствие мучить глупую...

Она остановилась на полуслове. На улыбающихся губах Вандаариффа запенилась черная жидкость.

— Оскар?

— Вы никогда не верили в мою алхимию, Розамонда.

— Как так? А кто познакомил с вашим учением Вандаариффа, Генри Ксонка... людей с огромной властью, о которых вы даже не слышали...

Вандаарифф пренебрежительно кивнул, почесывая подбородок так, словно на нем росла борода графа.

— Да, для вас это было средством заполучить власть.

— Для всех нас...

— Вам не хватает высоких целей, Розамонда. По сути, вы — собака. Хорошенькая собачонка. Но посмотрите на себя! Вы пренебрегли величиим моих планов касательно Лидии... касательно Маргарет... даже, — он озорно хихикнул, — касательно вас. Боже милостивый, если бы вы только могли представить себе, что на самом деле ждет вас в Макленбурге... постепенно, одну руку или ногу за раз... вплоть до самого чрева... Ах да, самое главное, Розамонда, ваше собственное милое наследие... целиком перешло бы ко мне.

Графиня гневно уставилась на него.

— Оскар... вы... даже вы... не осмелились бы...

Вандаарифф презрительно пролаял в ответ:

— Не осмелился бы? Не осмелился?

Он поднял руку, и Фохтман, вернувшийся к машинам, вновь наполнил их грохотом. Глаза графини расширились. Она с тревогой посмотрела на мисс Темпл, которая все еще не могла говорить, и крикнула, чтобы Фохтман подождал, крикнула стеклянной женщине, чтобы та остановила его. Но Роберт Вандаарифф ухватился за рукоятку на медном ящике и опустил ее.

Мисс Темпл лишь мельком видела харшмортский собор с ревущими машинами графа, помнила миссис Марчмур, Анжелику и Элспет Пул, которые лежали на столах в ожидании преобразования... а позднее, тем же вечером наблюдала тошнотворный блеск их великой премьеры в бальном зале Вандаариффа. Но она не видела своими глазами алхимической трансформации, превращения человеческой плоти в синее стекло. И потому зрелище Ксонка, корчащегося в невыразимой агонии, безумно воющего по мере трансформации, наполнило ее невообразимым ужасом.

Изменения начались со сверкающего комка у его сердца, а потом поползли вьющимися жгутами. Согнутые пальцы обеих рук коробились у его горла, рябь быстрорастущих тропических плющей обвивала вспотевшую грудь. Мисс Темпл слышала приглушенный треск, словно раскалывался лед, — это преобразались кости, потом начали вскипать мышцы и хрящи. Стекло извергалось с шипением, раскрашивая кожу шершавыми синими пятнами, образуя тошнотворную частую сыпь, какая бывает при заразных болезнях. Нарывы эти утолщались, увеличивались, соединялись друг с другом, пока вся видимая остальным плоть не стала отливать холодным сиянием.

При первом ударе тока Ксонк закричал и замолотил руками; ужас его был так безмерен, что, казалось, он вот-вот высвободится. Но по мере того как тело понемногу обретало жесткость, способность Ксонка к сопротивлению ослабевала. Его протесты в конце концов свелись к слабым, безучастным стонам за резиновой маской — точно звук ветра у горлышка пустой бутылки. А потом он замолк вообще.

Фохтман выключил питание.

Никто не сказал ни слова, никто не шелохнулся, кроме Роберта Вандаариффа, который осторожно наклонился к ново-созданному существу и что-то прошептал ему в ухо.

— Что вы сделали? — просипел Аспич, поднимая голову от пола. — Что это за безумие?

Вандаарифф не ответил и осторожно снял маску с лица Франсиса Ксонка, обнажив нечеловеческую вихрящуюся синеву. Медные волосы маслянистыми локонами свисали на голую шею. Усы и баки исчезли. Ксонк казался гораздо моложе, а его развращенность стала еще очевиднее. Вандаарифф обнажил зубы в безрадостной, но удовлетворенной ухмылке.

— Вы, кажется, что-то сказали, Розамонда? Я не слышал.

— Оскар... — Графиня подыскивала слова, не в силах оторвать глаз от преобразенного тела Ксонка. — Ах, Оскар...

— Конечно, Оскар... надеюсь, с установлением личности покончено. Как меня и просили, я положил конец борьбе Франсиса с синим стеклом... ко всеобщему благу... или по меньшей мере к моему собственному.

— Господи Иисусе... — Казалось, Фелпс готов расплакаться. — Господи...

Вандаарифф улыбнулся и поскреб мочку уха ногтем большого пальца правой руки. Мисс Темпл с содроганием отметила, что манеры, внедренные в тело Роберта Вандаариффа, на самом деле не похожи на повадки графа д'Орканца. Граф был эстетом, сластолюбцем и оценивал все вокруг исключительно с точки зрения красоты. Но в отчаянной схватке со смертью его мироощущение изменилось к худшему, словно в бочку меда влили ложку дегтя, словно в сахароварочный чан бросили дохлую кошку, словно долька свежего фрукта закишела личинками. Его разум точно так же пропитался презрением и ненавистью ко всему, что оставалось живым. Любые катастрофы, которые он мог вызвать в этом мире,

были бы всего лишь отзвуком крушения его величественных надежд.

Он поднял брови, глядя на давно уже неподвижную миссис Марчмур, потом перевел взгляд на графиню.

— Что-то вы помалкиваете, Розамонда. Не хотите возобновить наш договор? Или последние неудачи сделали вас такой же трусливой, как этих мужчин?

В руках графини был револьвер Фелпса, и она вполне могла пристрелить Вандаариффа.

— Что вы медлите? — прошептала мисс Темпл. После всего, что он наговорил... После всего, что обещал сделать с вами...

— Помолчите, Селеста! — Графиня облизнула губы, прикидывая, не перевешивает ли явное безумие этого человека все ее тщеславные, высокомерные надежды. Раз уж сама некогда блистательная графиня испытывает подобные сомнения... Мисс Темпл пришла в ужас.

Графиня откашлялась и заговорила — холодно и осторожно:

— Я уверена, что граф просто... выпускал накопившийся гнев.

— Именно так, — улыбнулся Вандаарифф.

— Слегка преувеличивал.

— Совершенно верно.

Вандаарифф повернулся к мисс Темпл и самодовольно ухмыльнулся при виде ее расстройства.

— Графиня — мой старый друг. Разве мы могли не договориться? С Маргарет, конечно, дело другое. Она далека от совершенства, создана на основе ошибочных предпосылок, и вот мы видим результат — довольно красивая, но вздорная, алчная... глупая. — Он обратился к Чаню: — Возьмите ее голову, очень вас прошу...

— Хватит, — прошептала стеклянная женщина.

Смех застрял в горле Вандаариффа, тело его напряглось.

Но, несмотря на красное лицо и набухшие шейные вены, он продолжал улыбаться.

— Может быть, Маргарет, я у вас в кармане, — прохрипел Вандаарифф, с лица которого стекал пот, — но Франсис... в кармане у меня.

Миссис Марчмур резко качнулась на ногах. Она отпустила Вандаариффа, зримо содрогаясь, и сосредоточила внимание на одном Ксонке. Все еще привязанный к стулу, Ксонк поднял голову и посмотрел на нее, его бездонные глаза были темны и ярки. Мисс Темпл, словно зачарованная, следила за противоборством двух стеклянных существ — немислимые, ошеломительные, сошедшиеся в мысленной схватке статуи. Наконец напряжение выросло настолько, что, казалось, обе фигуры сейчас рассыплются на мелкие осколки. Из поврежденной руки миссис Марчмур поднимался синий дымок.

— Не могу! Не могу! — возопила она, и напряжение сразу же спало, воздух в помещении стал звонким, будто его пронзила молния.

Глаза мисс Темпл горели, она прикрыла ладошкой нос и рот. Миссис Марчмур отступила к окну, забранному холстиной.

Вандаарифф разразился хриплым смехом.

— Прекрасная работа, Франсис... хотя можно было бы и побыстрее. Если и в будущем станете так медлить... знайте, что я не выношу никакой независимости.

Он взял Франсиса Ксонка за правое ухо, резко оторвал верхнюю часть и зашвырнул куда-то за машины. Ксонк охнул, невидимая рябь боли прошла по всем незащищенным мозгам. Вандаарифф издевательски обратился к остатку уха, от которого шел легкий пар:

— Ясно я выразился?

Графиня шагнула вперед, держась одной рукой за лоб.

— Оскар...

Вандаарифф проигнорировал ее и весело обратился к миссис Марчмур:

— Это бесполезно, Маргарет, вам не пролезть через решетки! Вы получили повреждение, и вам не совладать с Франсисом.

— Чего вы хотите? — прошептала стеклянная женщина.

— Всего, — ответил Вандаарифф. — Разумнее было бы вас разбить на мелкие осколки и истереть в песок... но, может быть, руку все же удастся восстановить. Ведь я умею восстанавливать любые разбитые души, правда?

С горькой смесью удовольствия и отвращения на лице он заглянул в вихрящуюся синеву Ксонка. Мисс Темпл поморщилась, когда новый голос Ксонка вошел в ее мозг, — вездесущий, занозистый скребок, проникающий глубже, чем голос миссис Марчмур, — и печальнее его.

— Оскар... я... я... никогда...

— Не стоит просить себе другой судьбы, — ответил Вандаарифф, и глаза его загорелись странным светом. Вы прошли закалку и стали тверже. Может, в этом есть своя справедливость: мы сохранились друг для друга через мучение. Вы полностью обновились. Порча ушла, слабость выжжена — ваше тело претерпело истинное химическое преобразование!

— Вы и понятия не имеете! — прошептал Ксонк.

— Думаете, не имею? — холодно рассмеялся Вандаарифф. — Ах, насколько же он самоуверен, этот мир! Эта ваша мелочная скорбь, неотступный страх Маргарет... эта отвратительная надежда...

Миссис Марчмур прервала его:

— Чего вы добиваетесь?

Он не ответил, повернувшись вместо этого к графине и с усмешкой глядя на револьвер в ее руке.

— А вы что скажете, Розамонда? Какую цену следует запросить, чтобы оставить Маргарет с нами?

Графиня осторожно посмотрела на миссис Марчмур, которая всего несколько минут назад была ее союзницей, и пожала плечами, скривившись от боли в плече.

— Продолжение службы, — сказала она. — Пусть она не ровня Франсису, но все же обладает незаурядной силой. А за время нашего отсутствия она, несомненно, узнала немало полезных тайн в коридорах власти.

— Превосходно, мадам, и до чего практично! Я тоже практичен и полагаю, что крайне важно сохранить контроль над этим великолепным производством... а для этого нужен Ксонк.

— Это не имеет отношения к Маргарет...

И опять Вандаарифф не стал отвечать на ее слова, а принялся излагать собственные мысли, все с тем же убийственным негодованием.

— Эти машины — наше будущее... а для меня — невиданная возможность. Вы лишили меня Лидии, Розамонда. Ее плоть стала моим холстом. — Вандаарифф прищурился. — Теперь у меня иные мечты... куда более смелые... я знаю, как продвинуться гораздо дальше...

Глаза Вандаариффа, холодно поблескивая, остановились на его цели. К горлу мисс Темпл подступил комок.

— Моя цена — эта девочка.

— Девочка? — Графиня покачала головой. — Но она же не Лидия... она не может... что вы хотите с ней делать?

— Все, что угодно.

Вандаарифф посмотрел на стеклянную женщину. Встретив его взгляд, та вобрала в рот нижнюю губу, соизмеряя унижения, которые уже вкусила, с возможностью выжить, вернувшись в рабское положение. Она кивнула — едва заметно, подбородком. Вандаарифф повернулся к графине. Лицо у нее вытянулось, рот сложился в мрачную складку.

— Договорились.

Франческа Траппинг вскрикнула. Элоиза подхватила девочку, испугав ее, и бросилась к открытой двери. Шарлотта, которую потрясение тоже вернуло к жизни, завопила им вслед:

— Элоиза! Вы не лишите меня дочери! Элоиза!

Но при этом миссис Траппинг не шелохнулась, так и оставшись на прежнем месте — ломая руки, заходясь в рыданиях, — между телом Леврета и изменившимся до неузнаваемости Франсисом.

Элоиза тоже не смогла убежать. Неподалеку от двери она споткнулась — издали можно было подумать, будто она просто замерла на месте, — и с ничего не выражающим лицом свалилась на пол, прижимая к себе Франческу. Девочка еще не была оккупирована. Теперь она выскользнула из рук воспитательницы и испуганно встретилась глазами с Ксонком, отчего закричала еще громче.

Мисс Темпл направилась к возвышению. Бежать с девочкой Элоизе помешал не кто иной, как Франсис Ксонк.

Мисс Темпл нечасто получала комплименты своему уму. Она никогда не была прилежной ученицей и редко участвовала в серьезных разговорах о бизнесе, финансах или религии, предоставляя это мужчинам, — а между тем только так и могла бы блеснуть умом. Ее скорее считали (опять же реже, чем ей хотелось бы) хитрой или смышенной, но то были скорее животные качества — никто ведь не восхищается барсуком за его умение копать норы. Так что и это нельзя было считать комплиментом — разве что снисходительной похвалой. Но в этот момент разум мисс Темпл совершил маленький скачок, который сама она сочла потрясающим.

В этот же момент она заметила, что солдат, лежащий рядом с Элоизой, шевельнул рукой.

Мисс Темпл обеими руками ухватила доктора за мундир и изо всех сил толкнула его к двери.

— Эта девочка Ксонков! — прошептала мисс Темпл. — Заберите ее отсюда!

Как человек, который естественным образом склонен по натуре подозревать в человеке худшее, мисс Темпл никогда не сомневалась в разоблачениях, касавшихся Элоизы и Траппинга (или Элоизы и Франсиса Ксонка), хотя так и не могла понять, почему Шарлотта до сих пор терпит присутствие Элоизы. Она вспомнила письмо графини Каролине Стерн: графиня утверждала, что владеет тайной, с помощью которой может контролировать миссис

Траппинг. Знала ли эту тайну и миссис Марчмур? Может, дело было в том, что в саду она попробовала кровь Ксонка на вкус? Только после этого Росбарту приказали взять у детей образцы крови... и миссис Марчмур опробовала все три образца на один манер, превратив их в стекло. Но на завод взяли одну только Франческу (только вкус ее крови в ее пробирке совпал для мисс Марчмур со вкусом крови тайного родителя девочки), чтобы иметь рычаг воздействия как на мать, так и на отца. Мисс Темпл пришла в смятение, хотя в Вест-Индии не раз сталкивалась с обескураживающей наследственностью — на самых неподходящих лицах попадались черты, которых не должно было быть, и сама мисс Темпл старательно не замечала у ребятишек на собственной плантации слишком характерные носы и подбородки. Она словно нашла щелочку в той завесе, которая скрывала от посторонних мучительную и беспокойную жизнь в доме Траппингов, весь этот изнурительный клубок из преданности, унижения и предательства, все эти горькие компромиссы — иных быть не могло...

— Франсис! — воскликнул Вандаарифф. — Франсис, остановите его!

— Идите к черту! — огрызнулся Свенсон.

Ноги его подкосились, когда дошла ударная волна от Ксонка, но Свенсон тут же освободился от воздействия той силы, что опрокинула Элоизу и победила миссис Марчмур. Он прыгнул вперед и схватил плачущую девочку за руки.

— Я не могу до него добраться! — прошептал Ксонк.

— Доберитесь до нее! — приказал Вандаарифф.

Тело Франчески обмякло. Раздраженно крикнув что-то по-немецки, Свенсон сделал рывок, выхватил хрупкую девочку из рук Элоизы и шлепнулся на собственное седалище.

— Остановите его! — Вандаарифф перешел на визг. — Девчонка — это цена, которую я назначил! За нее я готов пощадить всех вас! Если она убежит...

Мисс Темпл оглушил звук выстрела — выпущенная графиней пуля отколола щепку рядом с головой Свенсона. Мисс Темпл подскочила к графине и, отчаянно размахивая руками, завизжала:

— Солдаты приходят в себя!

Графине пришлось посмотреть в ту сторону — действительно, тела в зеленых мундирах медленно возвращались к жизни, руки и ноги солдат напоминали клубок змей. Впрочем, все остальные выглядели немногим лучше.

Все, кроме Чаня. Когда мисс Темпл вскрикнула, он бросился прямо на Вандаариффа. Фохтман, выпростав руки, попытался встать на защиту нового хозяина. Чань ударил его в челюсть рукоятью сабли, и высокий инженер упал навзничь, как опрокинутый ветром солнечный зонтик. Вандаарифф остутился среди медных машин и зашипел от боли — его голая рука коснулась горячего металла. Чань поднял клинок. Фохтман, у которого изо рта текла кровь, кинулся ему в ноги, отчего тот потерял равновесие и сабельный удар не достиг цели лишь высек искры из клубка медных проводов. Тогда Чань изо всех сил лягнул Фохтмана в подреберье.

Фохтман застонал.

— Вы не смеете! Не смеете!

Чань ударил его еще раз, схватил Вандаариффа за фрак и беспардонно швырнул старика на пол, а потом поднял саблю.

Мисс Темпл с ужасом увидела, что графиня целится в грудь Чаню.

Слишком поздно нащупала мисс Темпл нож у себя за голенищем, но и пуля прошла

мимо, потому что Чань осел, чуть не упав — Франсис Ксонк подставил ему подножку. Чань развернулся в тот момент, когда Ксонк поднялся и встал среди скопления приборов. Ни секунды не колеблясь, Чань нанес удар своей широкой саблей, целясь в голову, но Ксонк подставил под удар свою гипсовую повязку. Клинок прорубил гипс и вошел в синее плечо. Прежде чем Чань успел занести саблю для нового удара, Ксонк загипсованной рукой двинул Чаню по голове — так сильно, что стеклянная рука раскололась в локте и посыпался дождь искрящихся осколков.

Умственный взрыв, сопровождавший это преднамеренное самокалечение Ксонка, поверг мисс Темпл в шок, но она не потеряла сознания. Другие же рухнули на пол или застыли, потеряв способность двигаться. Завопив от боли, мисс Темпл бросилась на графиню, слишком ошеломленную, чтобы сделать прицельный выстрел — еехватило лишь на удар рукоятью по голове. Мисс Темпл рухнула на колени, но, падая, успела пустить в ход нож, и из бедра графини хлынула кровь. Графиня вскрикнула и отпрыгнула на расстояние, позволявшее ей прицелиться и выстрелить. Пуля прошла чуть ли не сквозь локоны мисс Темпл и ударила в пол. Мисс Темпл бросилась на кровоточащую ногу графини и опрокинула женщину на пол — та рухнула, револьвер отлетел в сторону. Брыкнув ногой, графиня потянулась к ножу. Мисс Темпл не глядя ткнула пальцами ей в глаза. Графиня мотнула головой и, щелкнув зубами, чуть не откусила своей противнице большой палец. Свободной рукой мисс Темпл ударила в больное плечо графини. Та вскрикнула, не столько от боли, сколько от ярости, а мисс Темпл откатилась в сторону Вандаариффа. Роберт отскочил от нее, будто от хищного зверя, его глаза подернулись жирной черной пленкой, сквозь которую проглядывала уродливая решимость.

Падая вперед, мисс Темпл полоснула ножом по его ногам, но промахнулась. Зарычав, она сделала еще попытку, и опять безуспешную, потому что графиня уцепилась за ее ногу. Мисс Темпл дернулась изо всех сил и вырвалась, но тут сильные руки ухватили ее запястье — это снова поднялся Фохтман, — пальцы ее один за другим разжались и выронили оружие. Револьвер упал на пол.

— Нет, вам нужно было ее убить, Розамонда, — прохрипел Роберт Вандаарифф. — Страшно настырное существо.

Чань лежал рядом с ней, очки его съехали набок, и он часто моргал — кровь капала прямо в его темные глаза. Он был жив и в сознании. Доктор исчез, а с ним и девочка. Хоть что-то удалось сделать — Франческа была спасена. Элоиза приподнялась с помощью рук, не замечая солдат вокруг себя — все они однообразно трясли головами, все пытались подняться.

Лоб Вандаариффа был окровавлен. Он с отсутствующим видом цокал языком, поглядывая на битое стекло вокруг.

— Ах, Франсис, что за безрассудство... мне не нравится такое обращение с моей собственностью...

— Это что еще? — прервет его Фохтман, кивая в сторону окон, куда отступила миссис Марчмур.

Снизу через открытые окна доносились многоголосые крики... потом раздались громкие ритмические удары. Толпа внизу оправилась от страха и теперь таранила входную дверь.

— Солдаты! — крикнул Фохтман. — Поднимите их, пока есть время! — Он повернулся

к Ксонку, безучастно смотревшему в пустой дверной проем. — Прикажите им стрелять из пушек!

— Да-да, — пробормотал Вандаарифф. — Кажется, это верное решение... Франсис?

— Они не станут подчиняться Франсису, — простонала графиня, стискивая свою ногу. — Они его не узнают.

Толпа заревела. Двери подались. Люди стали наводнять здание фабрики, крики их слышались все выше и выше.

— Полагаю, вы правы, — сказал Вандаарифф, пытаясь сосредоточиться. — Все это вообще прискорбно...

— Он должен их остановить! — воскликнул Фохтман.

Вандаарифф закрыл глаза. Графиня попробовала переместиться, по лицу ее пробежала гримаса боли. Ксонк не обращал ни на кого внимания, занятый непростой задачей освобождения из медных коробов. Фохтман испуганно показал на него:

— Что это... что это он делает?

Мисс Темпл проглотила слюну, не в силах отвести глаз от Ксонка — не только потому, что интересовалась его наготой (до того полускрытой веревками и шлангами — теперь же возник неизбежный вопрос, а как это бывает у стеклянных мужчин и насколько у них все растяжимо), но еще и потому, что была очарована движениями стеклянного тела. Ксонк, гибкий и сильный, как Чань, весом и телосложением сильно отличался от трех стеклянных женщин. Мисс Темпл снова проглотила слюну, во рту у нее пересохло. Ксонк напоминал тигра, посаженного на цепь, и она дивилась тому, как при каждом шаге мощно двигаются незнакомые ей мышцы. Но когда Ксонк повернулся, взгляд мисс Темпл снова оказался прикован к его паху. Омерзительные воспоминания бурлили в ее мозгу, хотя такого никто не видел прежде... темно-синие завихрения, такие блестящие и такие мягкие, отталкивающие и спелые, самоуверенные и нежные, бесстыдные и притягательные... окажется ли его тело холодным на ощупь, подумала она... и какой у него будет вкус? Ксонк согнул пальцы своей единственной теперь руки, сморщился при виде дымящегося неровного обрубка и отломал торчащие осколки.

Толпа снова разразилась ревом, за которым последовал высокий скрежет выведенных из строя машин и треск одиночных выстрелов.

— Если они поднимутся сюда, — прохрипел Аспич, — всему конец.

Фелпс повернулся к миссис Марчмур.

— Мадам, какие вы им дали инструкции? Для чего их вызвали?

— Ведь эти люди и вас уничтожат! — заорал на стеклянную женщину Фохтман. — Стоит им только вас увидеть! Уничтожат — вы для них чудовище! Вы можете их остановить! Все, что стоит за вами, пропадет без толку.

— Это что же за мной стоит?

— Да бога ради, прекратите!

Фохтман схватил нож мисс Темпл и изо всех сил швырнул его через весь зал. Лезвие задело щеку миссис Марчмур, отколов кусочек стекла, показался синий дымок.

— Да ну ее! — закричал Аспич Фохтману. — Им по-прежнему нужны вы.

Фохтман фыркнул и пошарил глазами в поисках револьвера графини, но обнаружил, что его держит Шарлотта. Он в нетерпении протянул руку.

— Миссис Траппинг, дайте мне револьвер. Если вы не будете противиться, то я как джентльмен обещаю...

Миссис Траппинг выстрелила в Фохтмана, и он как подкошенный рухнул на пол. Он приподнял голову — и Шарлотта выстрелила во второй раз, срезав верхнюю часть черепа, как лопатой.

Шарлотта направила револьвер на Вандаариффа... но потом повернула его в сторону графини, которая все еще лежала на полу, и наконец — в сторону стеклянного чудовища, своего брата.

С нижнего этажа доносился грохот оружейных выстрелов и ружейный треск. Солдаты в зале понемногу пришли в себя, подняли карабины и теперь пытались разобраться, что происходит.

По лицу миссис Траппинг текли слезы. Она открыла рот и тут же вздрогнула — в ее мозг вторглись волны, посланные братом. Франсис ослабил давление, и она облегченно вздохнула, в прояснившемся взгляде мелькнул ужас понимания: теперь ее брат может — и непременно так и сделает — целиком и полностью подчинить ее своей воле. С мучительным криком поднесла она револьвер к виску, но не успела спустить курок — взгляд стал пустым, револьвер упал на пол.

Миссис Марчмур наконец-то обратила внимание на солдат, неуверенно надвигавшихся на нее. Дымок поднимался от скола на ее щеке, белый бинт на культе окрасился синим.

Фелпс бросился к двери, мгновение спустя за ним последовал Аспич. Элоизы уже не было. Роберт Вандаарифф взирал на Ксонка, повергнутый в полное недоумение бунтом своего создания.

Рука Ксонка схватила рыжие волосы своей сестры на затылке и повернула к себе ее безучастное лицо. Мисс Темпл вскрикнула от ужаса, когда синий язык Ксонка протиснулся между розоватых губ Шарлотты и задержался там на несколько мгновений, после чего Ксонк всем своим хищным ртом впился в ее губы.

Чань приподнялся и толкнул мисс Темпл локтем в грудь. Прежде чем она успела понять, что сейчас произойдет, он накрыл ее своим телом и развернул свой потрепанный плащ в сторону Ксонка. Тот, глядя в полные ужаса глаза сестры, поднял босую ногу и опустил на рычаг спускового механизма. Фугас-296 сдетонировал.

* * *

Чань поднял мисс Темпл на ноги, и в этот момент новый залп с нижнего этажа (мисс Темпл его почувствовала, хотя почти и не слышала — уши все еще звенели от первого) заставил его пошатнуться. Решетки на окне, где перед этим стояла миссис Марчмур, покрылись синей пылью, а несчастные солдаты, оказавшиеся поблизости, валялись на полу — жуткие, неузнаваемые, пронзенные и рассеченные острыми как бритва осколками стекла. Тело Шарлотты Траппинг превратилось в красное месиво.

Вандаарифф лежал на полу в черной луже. Чань мрачно посмотрел на него и оглянулся в поисках оружия.

— Он, наверное, убит...

Тут он развернулся и резко схватил мисс Темпл, отчаянным рывком уводя ее с дороги злобной, орущей толпы, которая наводняла верхний этаж. Взглядам приспешников миссис Марчмур предстали оставшиеся в живых солдаты, ползающие по полу, и кровавое зрелище вокруг них. Еще не успев толком войти внутрь, люди впадали в панику, понимая, что вызов

отменен, перекрикивались в страхе и недоумении — плащи и шелковые галстуки смотрелись неуместно здесь, на этой бойне. Чань вместе с мисс Темпл устремился к двери. Она оглянулась через плечо и за бурлящей толпой увидела графиню ди Лакер-Сфорца, которая на ощупь, словно слепая, пыталась найти что-то в карманах фохтмановского плаща.

На лестнице царила крошечная тьма, в которой гулко отдавались крики и выстрелы. Чань крепче прижал мисс Темпл к себе, прокладывая путь вниз. Дверь, ведущая к орудиям, была приоткрыта, изнутри доносились вопли и звуки схватки, — но они, спускаясь по заваленным трупами ступенькам, остановились только на земле. Многие машины были выведены из строя, и свет в здании померк, а высокий гул свелся к отрывистому стуку, как если бы у кареты сломалось одно колесо. Путь к выходу преграждали дымящиеся обломки и дерущиеся люди. Чань потащил мисс Темпл в другую сторону, к руинам. Холодный ночной воздух ударил им в ноздри. На траве там и сям валялись солдаты в зеленых и красных мундирах.

— А где остальные? — прошептала мисс Темпл, оглядывая безлюдный двор.

— Побежали дальше, — ответил Чань. Отпустив ее, чтобы подобрать окровавленную саблю убитого драгуна, он указал клинком на приставную лестницу у шершавой каменной стены. — Мы должны идти за ними.

— Но куда? — спросила мисс Темпл, стоя впереди него и держась одной рукой за лестницу, а другой подбирая юбки, чтобы нащупать ногами ступеньки.

Она охнула, когда Чань обхватил ее за талию, поднял (без этого можно было бы обойтись — ее задранные ноги замельтешили в воздухе) и поставил на ступеньку выше. Пока Чань не смотрел ей в глаза, он, казалось, без всякой неловкости мог хватать ее самым бесцеремонным образом.

— А что будет с графом? — воскликнула она. — И с графиней?

— Их уничтожат.

Она почувствовала, как Чань внизу забрался на лестницу.

— Но если эта толпа знает их... если завод окажется в их руках...

— Без своей хозяйки все ее прихвостни ничего не смогут против солдат... если только в живых осталось достаточно солдат.

— Поэтому вы не убили ее сами? — сердито спросила мисс Темпл. Она добралась до вершины стены и оглянулась. — Вы не пожелали взять на себя заботу обо мне, но готовы защищать это гнусное чудовище!

Чань недоуменно поглядел на мисс Темпл, словно та изъяснялась по-французски, и впервые на ее памяти заговорил неуверенно, запинаясь:

— Если бы... если бы я взял ее голову... ее влияние уравновешивало влияние других... без нее остановить солдат... или графиня... мы бы все...

Мисс Темпл фыркнула — разве это ответ? — и, перекинув ногу через стену, принялась спускаться по неустойчивому склону из неровных камней. Она быстро добралась до самого низа и заковыляла по подлеску. Чань спускался осторожнее.

— Селеста... — начал он, но мисс Темпл его не слушала.

— Доктор Свенсон! — прокричала она в лес. — Доктор Свенсон! Где вы?

Чань ухватил ее за плечо и прошептал:

— Не кричите! Мы не знаем, кто там может быть!

— Не говорите глупостей! — воскликнула она. — И отпустите меня!

Высвободив руки, мисс Темпл побрела, спотыкаясь в зарослях плюща, пока не вышла на тропинку.

— Селеста, — прошептал Чань, следуя за ней. — Еще остаются Аспич... Фелпс... и бои знает кто...

— Значит, вам придется их убить. Если только вы не предпочтете, чтобы это сделала я. Я, знаете ли, не ведаю о ваших предпочтениях.

— Селеста...

Мисс Темпл развернулась на месте и попыталась заехать ему кулаком в грудь, но Чань перехватил ее руку. Тогда другим кулаком она треснула его по челюсти, и очки съехали набок. Бросив саблю, Чань поймал и эту руку. Мисс Темпл лягнула его в ногу. Чань встряхнул ее.

— Селеста!

Мисс Темпл, чьи руки были крепко схвачены, подняла на него взгляд и с пронзительным отчаянием увидела, как красиво его лицо, как внушительны широкие плечи, как стройна шея, перевязанная грязным платком. С замиранием она заглянула ему в глаза, не скрытые черными очками, больные и косящие... недоумевающие и жуткие... и поняла, что этот человек воплощает собой все ужасы последних недель, то, что она потеряла... и почти все — безвозвратно.

Словно жалящая змея, мисс Темпл уткнулась в его лицо, почувствовав укол грубой щетины. Потом она отыскала губы, которые оказались гораздо мягче, чем можно было подумать.

Чань, вскрикнув, выгнул спину, а потом, снова заглянув мисс Темпл в глаза, со всей силой оттолкнул ее прочь. Она опять зацепилась за плющ и повалилась на спину, беспомощно глядя на Чаня: тот пытался повернуться и нащупать саблю, но в конце концов тоже упал. За ним стояла графиня ди Лакер-Сфорца, держа одной рукой зубец, а другой — кожаный саквояж Лидии Вандаарифф... но разве снаряд не уничтожил книгу? Или медный кожух защитил ее? Не остановившись, чтобы перерезать Чаню горло — верный знак гнева и спешки, — графиня с мрачным и холодным видом ринулась прямо на мисс Темпл. Громко вскрикнув, та принялась отталкиваться ногами, скользя назад по листьям, наконец ей удалось подняться, и тут графиня ухватила ее за платье.

Мисс Темпл вырвалась и побежала, вслепую продираясь сквозь темноту. Сердце ее готово было вырваться из груди, из глаз лились слезы.

Она была совершенно не в состоянии думать — только громко всхлипывала с каждым вздохом. Сквозь кроны деревьев пробивались лунные лучи, но гуща леса оставалась темна. Мисс Темпл бежала наугад между руин и молодых деревьев, ветки хлестали ее по лицу и рукам. Она оглянулась, но никого не увидела — с раненой ногой графиня вряд ли могла бежать.

Мисс Темпл все мчалась через лес, но знала, что должна вернуться и умереть рядом с ним. Что она сделала? Что потеряла? Она снова зарыдала и вдруг, споткнувшись, остановилась, недоуменно мигая.

Лес вокруг нее был затоплен светом.

— Нет, вы только посмотрите, кто тут у нас, — раздался веселый, беззаботный голос из-за фонаря — дверца его была распахнута, чтобы свет ослеплял. — Маленькая мисс Стерн. Или правильнее сказать Темпл?

Мисс Темпл оглянулась через плечо, опасаясь, что сзади появится графиня, а потом бросилась на полянку, закричав при виде того, чего не заметила поначалу. На земле, поджав под себя ноги, лежал полковник Аспич. На груди у него зияла кровоточащая рана, другая рана, поменьше, была на спине — в том месте, где вышел пронзивший его насквозь клинок.

— Не заметил его в темноте, — объяснил капитан Тэкем. — Ужасная вещь — ведь он мой начальник. Но что поделаешь, в военное время случаются ошибки — ужасные, ужасные ошибки.

Два драгуна по его бокам рассмеялись.

— Вы одна? — спросил Тэкем, с умышленной грубостью направляя на мисс Темпл острие окровавленной сабли. — Мы слышали, как вы звали доктора... а потом закричали.

— Это был... один из заводских солдат, — сказала она, переводя дыхание. — Я убила его... камнем.

— Камнем?

Мисс Темпл кивнула и проглотила слюну.

— Бедняга. Он был один?

— Не знаю. Я не видела.

— Похоже, за вами гонятся.

— Не знаю... мне... мне страшно...

Тэкем фыркнул и кивнул солдатам.

— Проверьте. Только осторожнее. Потом возвращайтесь.

Солдаты прошли мимо мисс Темпл и исчезли в темноте.

Тэкем указал саблей в сторону, куда не достигал свет фонаря, — там, совершенно запуганный, сидел на корточках мистер Фелпс.

— Мне рассказали, что произошло внутри, — объяснил Тэкем. — Моя проверенная стратегия — безопасное выжидание, чтобы потом поучаствовать в дележе добычи.

— Тут нет никакой добычи! — воскликнула мисс Темпл.

Тэкем рассмеялся ей в лицо.

— Дорогая, прямо передо мной стоит первоклассная добыча.

Тэкем развернулся, услышав шорох у себя за спиной, и замахнулся саблей на возникшую из темноты фигуру... Однако, увидев, кто это, капитан рассмеялся. Доктор Свенсон вышел из леса с собственной саблей, невыразимо усталый и изнуренный. Он с презрительным лицом встретил взгляд Тэкема, а потом обратился к мисс Темпл:

— Селеста... вы не ранены?

Она отрицательно покачала головой, не в силах ничего сказать о Чане: горло сомкнулось, не пропуская слов.

— Где... — раздался хриплый голос Фелпса. Он показал примерно в ту сторону, откуда появился Свенсон. — Где она?...

— Миссис Дуджонг? — Доктор неопределенно махнул у себя за спиной. — Не знаю. На канале.

— А девочка? — спросил Фелпс.

— Бросьте саблю, или вы умрете, — холодно сказал Тэкем.

— Один из нас непременно умрет, — ответил доктор.

Я слышал, вы говорили о добыче... и если у других не хватит смелости остановить вас, то у меня хватит.

— Великолепно! — Тэкем с волчьей ухмылкой поднял свой клинок. — Так вы умеете пользоваться кавалерийской саблей?

— Настолько, насколько это умеет любой врач Макленбургского флота.

Тэкем громко рассмеялся.

— Доктор... нет-нет... вы не должны... — пролепетала мисс Темпл.

— Успокойтесь, моя дорогая. Капитан не понимает, что, как всякий немецкий студент, я в свое время отдал дань дуэлянтству...

Доктор принял чрезвычайно сомнительную, на взгляд мисс Темпл, боевую стойку, выпрямившись в полный рост и соединив ноги. Руку с саблей он выкинул вверх на всю длину, но сам клинок свешивался вниз, конец его находился на уровне глаз капитана. Тэкем фыркнул и встал в низкую стойку, заведя левую руку за спину и размахивая правой, словно решая — куда нанести удар.

— Не самая гибкая позиция, — заметил Тэкем.

— А этого и не требуется. Вы совершили крупную ошибку, юноша, решив, что мне дорога жизнь. — Голос Свенсона был ледяным и безучастным. — Вы знаете, как драться с человеком, который не хочет, чтобы его убили. Страх делает защиту первостепенным делом — это краеугольный камень любой здоровой стратегии. Но поскольку моя жизнь абсолютно мне безразлична, имейте в виду, что вы обречены. Наносите удар куда хотите. Мой ответный выпад неминуемо достигнет цели. Одно движение кисти в моей негибкой позиции — и ваш череп расколется, как арбуз.

— Врете, — усмехнулся Тэкем.

— Что ж, убедитесь сами, — заметил доктор. — Нападайте как вам угодно... и умрите.

— Доктор...

— Помолчите. Я должен сосредоточиться.

Противники, не отрывая глаз друг от друга, неторопливо перешли в центр полянки. Мисс Темпл, дрожа, впервые увидела вблизи, как смертельно опасны клинки — сверкающие, с канавкой для стекания крови, на конце, широком и остром, как мясницкий нож, — клеймо в форме топорика. Казалось, у доктора не было никаких шансов, но все же Тэкем двигался крайне осторожно, решив серьезно отнестись к словам доктора.

— Продвижение по службе с помощью убийства?

Доктор кивнул на тело полковника, который лежал на земле, похожий на ребенка, никому не нужный. Из здания завода слышались одиночные выстрелы. Тэкем нахмурился и бросил взгляд через плечо.

— Это едва ли имеет значение, — продолжил Свенсон. — До повышения вы не доживете. Через несколько минут они будут здесь и убьют всех нас.

— Позвольте с вами не согласиться, — сказал Тэкем.

— Селеста, — не сводя глаз с противника, сказал доктор, — будьте готовы к бегству.

В этот момент Тэкем сделал ложный выпад, якобы собираясь рассечь доктору голову, но тот либо почувствовал, что выпад ложный, либо просто не успел и не контратаковал, как предполагалось. Тэкем усмехнулся. Была ли угроза доктора таким уж блефом? Капитан снова сделал ложный выпад. Свенсон поскользнулся в грязи, и Тэкем нанес удар сбоку, но доктор отразил его, хотя и с трудом. Звон скрестившихся сабель разнесся по лесу, словно удар корабельных склянок.

— Неплохой контрудар, — ухмыльнулся Тэкем. — А вы обманщик и трус.

Послышались новые выстрелы — на сей раз ближе, в лесу.

— Ваши люди убиты! — выкрикнул Свенсон, кончик его клинка снова оказался перед глазами Тэкема. — Вы следующий. Бросайте саблю.

— Отправляйтесь в ад! — прорычал Тэкем, делая выпад.

Клинок Свенсона отлетел в сторону. Беспрепятственно проскользнув вперед, сабля Тэкема прорезала канавку на груди доктора. Свенсона отбросило назад. Тэкем выпрямился, собрался, вспомнив всю свою подготовку и готовясь нанести второй удар, но вдруг пошатнулся. Из его шеи брызнула струйка крови, вскоре превратившись в фонтан, — доктор, идя навстречу смерти, все-таки исхитрился нанести ответный удар.

Капитан рухнул в грязь. Уронив саблю, Свенсон упал на колени. Мисс Темпл вскрикнула и бросилась к доктору, успев поддержать его и уложить на землю. Голос его превратился в дрожащий шепот.

— Нет. Нет! Бегите! Спасайтесь!

Фелпс отбросил мисс Темпл в сторону. Сняв свой плащ, он набросил его на тело Свенсона, зажимая рану. Из-за деревьев донеслись новые выстрелы.

— Бегите! Он отдал свою жизнь ради вас. Не будьте идиоткой.

Доктор Свенсон выгнулся в судороге, когда Фелпс попытался стащить с него мундир. Мисс Темпл, заглушая рыдания, закрыла рукой рот и отвернулась, полуслепая от слез.

Она проклинала себя за трусость, но не могла остановиться. Неоднократно она падала, растягиваясь во весь рост, ободрала все руки, оцарапала лицо, но каждый раз поднималась и бежала дальше. Она оплакивала Чаня, доктора и себя, каждое мгновение, когда оказывалась не на высоте — сколько их было, этих мгновений! — оплакивала то, как неразумно распорядилась всем важным для себя.

После очередного падения она осталась лежать на земле, заходясь в рыданиях. Сколько она пробежала — сотню ярдов, милю? Не все ли равно? На небе сверкали звезды. В этом месте не было деревьев — только камни, обвитые плющом... еще руины.

Мисс Темпл поднялась на колени, откинула волосы с лица и вытерла слезы. На земле лежало что-то блестящее... колечко оранжевого металла. Эта тяжесть под корсетом... значит, Чань положил туда колечки, чтобы защитить ее.

— Селеста? — раздался неуверенный шепот. — Что случилось?

В тени на корточках сидела Элоиза Дуджонг, а рядом, крепко цепляясь за ее руку, — Франческа Траппинг. Мисс Темпл сплюнула на землю и снова зарыдала. Вся ее горечь, все раскаяния нашли неожиданный выход в этих рыданиях.

— Они мертвы, Элоиза! Они оба мертвы!

Элоиза охнула, прикрыла рот рукой и тоже заплакала. Мисс Темпл поднялась на ноги и поплелась к плачущей женщине. Как только расстояние позволило, мисс Темпл, собрав тающие силы, дала Элоизе пощечину, и та упала на землю. Девочка с воплем ужаса отпрыгнула в сторону.

— Вставайте! — зарычала мисс Темпл на Элоизу. — Они оба мертвы, и это вы убили их, как и всех остальных... вы, глупая, спесивая, безрассудная, эгоистичная...

Элоиза, всхлипывая, лежала на боку. Мисс Темпл изо всех сил пнула ее и чуть не упала, потом пнула еще раз и неловко опустилась на колени.

— Он не хотел идти с нами! — простонала Элоиза. — Не хотел!

Слезы бежали по лицу мисс Темпл.

— Я пыталась защитить их, Селеста, — сквозь слезы сказала Элоиза, — хотела защитить всех... но спасти не удалось никого! Какая же я дура — никого!

Слова застряли в горле Элоизы, плечи ее сотрясались.

Мисс Темпл рухнула на спину, ее прерывистое дыхание клубилось в ночном воздухе. Чань из последних сил толкнул ее, чтобы спасти. Доктор подставил сердце под острие сабли. Конечно, он вернулся, услышав ее крик. Конечно, Чань защищал ее до конца. Отчаяние затмило злость, и мисс Темпл почувствовала невыносимое одиночество.

Она услышала, как шевелится Элоиза, и поняла, что та смотрит на нее, несчастная, жаждущая хоть капли прощения или утешения.

— Это не ваша вина, — сказала наконец мисс Темпл сдавленным шепотом. — Я одна во всем виновата, от начала до конца. Мне очень жаль. Я... я... ничтожество.

Элоиза покачала головой.

— Мы могли бы вернуться.

— Если мы вернемся, то умрем, как и они, и их жертва станет бессмысленной. — Слова выходили пустые и фальшивые. Мисс Темпл чувствовала черную оболочку книги графа у себя в горле... чувствовала ее правду... и не могла найти другого ответа.

— Мне все равно, — давась рыданиями, сказала Элоиза.

Мисс Темпл повернула голову и увидела перед собой лицо безмолвной девочки. Нижняя губа Франчески Траппинг дрожала, голубые глаза смотрели испуганно и отчужденно. В каком же кошмаре жила она? Мисс Темпл с трудом села.

— Вы должны взять ее, — сказала она, сплотив слюну и ткнув носком ногу Элоизы. — Ее надо спасти. Надо избавить ее от всего этого.

— Не могу, — сказала Элоиза, качая головой от ощущения собственной беспомощности. — Я не могу уйти. Я ждала...

Уже нечего ждать — доктора больше нет!

— Но... я столько раз пыталась сказать...

— Нельзя, чтобы все это пропало даром! — воскликнула мисс Темпл, кое-как поднялась на ноги и закричала: — Вставайте, Элоиза! Спасите хотя бы это! Спасите ее!

Свист летящего по воздуху саквояжа Лидии заставил мисс Темпл повернуться — и этого хватило, чтобы острый металлический угол не размозжил ей голову. Лязгнув зубами, она камнем упала на землю, лежала и не могла пошевелиться, ничего не понимая, словно голова существовала отдельно от тела. Во рту появился привкус крови.

Будто ядовитый дым, в уши ей проник шипящий шепот. Она почувствовала, как мягкие губы прижимаются к ее коже, ощутила тепло каждого злобного слова.

— Это еще не конец, Селеста Темпл... вы полумертвы, вы не способны чувствовать, не способны думать. За всю вашу наглость я хочу, чтобы вы в полной мере вкусили отчаяние... чтобы подавились им. Я хочу, чтобы вы костями почувствовали, когда я убью вас.

Шепчущий рот отодвинулся. Мисс Темпл очень долго лежала на холоде, оглушенная, плохо соображающая, что с ней происходит, — правда, где-то брезжила мысль о том, что умереть означает уснуть. Она подняла невероятно тяжелую голову, моргнула помутневшими, заиндедевшими глазами.

Франчески Траппинг не было. Тело Элоизы бесформенным мешком лежало на земле, на опухшей шее в свете звезд виднелась темная влажная удавка.

Мисс Темпл ощутила рвотный позыв, но желудок ее был пуст. Наконец она встала, не глядя на то, чего не мог вынести ее взгляд, и побрела прочь. Стрельба прекратилась (преследователи, видимо, остались далеко позади, хотя это не имело значения), но она почти не обратила на это внимания. Она была невероятно одинока, и даже бурные видения, так сильно сотрясавшие ее, не могли найти дорогу к разбитому сердцу.

Она должна добраться до канала. За каналом — железная дорога. В сапожке осталось сколько-то денег. Поездом она доедет до города, чтобы найти там верную смерть... но прежде отомстить.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Серый кардинал (*фр.*).

Ледяные сады (*фр.*).